This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

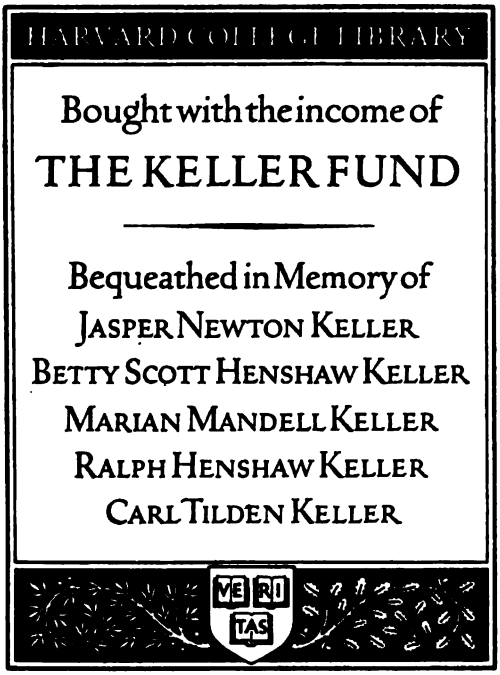
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

> 18 V
4236
2
8


HARVARD COLLEGE LIBRARY
Bought with the income of
THE KELLER FUND
Bequeathed in Memory of
JASPER NEWTON KELLER
BETTY SCOTT HENSHAW KELLER
MARIAN MANDELL KELLER
RALPH HENSHAW KELLER
CARL TILDEN KELLER
VE RI TAS

Л-84

В. И. ЛУКИНЪ

и

Б. Е. ЕЛЬЧАНИНОВЪ.

РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ

XVIII и XIX ст.

ИЗДАНІЕ И. И. ГЛАЗУНОВА.

ОБЩАЯ

РЕДАКЦІЯ ВСЕГО ИЗДАНІЯ

П. А. ЕФРЕМОВА.

В. И. ЛУКИНЪ

и

Б. Е. ЕЛЬЧАНИНОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ И. И. ГЛАЗУНОВА, В. МѢЩАНСКАЯ, 8.

1868.

Л-84

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ

LUKIN

ВЛАДИМІРА ИГНАТЬЕВИЧА

SOCHINEN.
1130
Л-84

ЛУКИНА

И

БОГДАНА ЕГОРОВИЧА

ЕЛЬЧАНИНОВА.

2642

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ЕЛЬЧАНИНОВА
И СО СТАТЬЕЮ О ЛУКИНѢ
А. Н. ПЫПИНА.

(РЕДАКЦІЯ ИЗД. П. А. ЕФРЕМОВА).

ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ИВАНА ИЛЬИЧА ГЛАЗУНОВА.

Slav 4236.2.8
✓

Keller ft.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 20 1973

А.В. Кокорева

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Сочиненія и переводы Лукина собраны въ настоящемъ изданіи въ первый разъ. Подобное собраніе впрочемъ начало выходить при жизни самого Лукина, но остановилось на четырехъ пьесахъ. — При перепечаткѣ пьесъ съ прежнихъ изданій мы сохранили старое правописаніе только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этого требовало произношеніе словъ, отличное отъ нынѣшняго. Въ дополненіе къ сочиненіямъ Лукина мы присоединили единственную сохранившуюся въ печати оригинальную пьесу Ельчанинова, молодаго писателя, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ Лукину. Портрета Лукина мы не могли найти ни гдѣ, не смотря на всѣ наши розысканія, но у *П. Н. Петрова* сохранился изданный Лукинымъ гравированный портретъ Ельчанинова, съ котораго и сдѣланъ снимокъ, приложенный къ настоящему изданію. Онъ гравированъ въ Лейпцигѣ, у Брокгауза.—Статья *А. Н. Пыпина* о Лукинѣ, первоначально помѣщенная въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1853 г., по нашей просьбѣ, передѣлана и дополнена авторомъ собственно для нашего изданія.

Не лишнимъ находимъ замѣтить, что предпринятое нами изданіе «русскихъ писателей» *одобрено для библіотекъ гимназій* опредѣленіемъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія («Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1868 г. № 2, стр. 111—112).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
В. И. Лукинъ. *А. Н. Пыпина*	I—LXXII
Извѣстіе къ изданію «Сочиненій и Переводовъ» 1765 г.	3
Комедіи Лукина:	
Вторично вкравшаяся любовь	412
Задумчивый	354
Менехмы (отрывокъ)	491
Мотъ, любовію исправленный	17
Награжденное постоянство	121
Пустомеля	84
Разумный вертопрахъ	280
Ревнивый, изъ заблужденія выведенный	224
Тесть и зять	318
Щепетильникъ	192
Письмо къ господину Ельчанинову	183, 488
Посвященія:	
И. П. Елагину изданія «Сочиненій и Переводовъ»	4
— — «Приключеній маркиза Г***»	498
Предисловія:	
Къ «Вторично вкравшейся любви»	412
— «Моту»	6
— «Награжденному постоянству»	110
— «Приключеніямъ маркиза Г***»	499
— «Пустомелѣ»	82
— «Щепетильнику»	189
Приключенія маркиза Г*** (отрывокъ)	499
Наказанная вертопрашка. *Ельчанинова*	461
Письмы мистрисъ Ф. Буртледъ (отрывокъ)	510
Библіографическія примѣчанія. *П. Е.*	
Объ изданіи сочиненій и переводовъ *Лукина*	491
Указатель статей и замѣтокъ о немъ	504
Объ изданіи сочиненій и переводовъ *Ельчанинова*	509
Указатель статей и замѣтокъ о немъ	510
Извѣстіе о портретѣ его	511

Кокорева

В. И. ЛУКИНЪ.

Автору настоящей замѣтки случилось въ первый разъ писать объ этомъ предметѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ *). Въ то время старая русская литература XVIII-го вѣка стала привлекать къ себѣ нѣсколько больше вниманія, чѣмъ прежде; изученіе ея было отчасти слѣдствіемъ критическихъ вопросовъ, поставленныхъ Бѣлинскимъ, — съ другой стороны кропотливыя библіографическія изысканія стали наполнять журналы потому, что болѣе живые общественные интересы, по слишкомъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ времени, не могли найти мѣста въ тогдашней литературѣ. Новое оживленіе литературы въ послѣдующіе годы дало обществу столько новыхъ интересовъ, что старина невольно отодвинулась на задній планъ, но изученіе ея однако выиграло въ серьезности: освѣщаемое новыми критическими требованіями, при болѣе благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, оно идетъ теперь успѣшнѣе, чѣмъ прежде. Общественная и литературная старина XVIII-го вѣка все больше и больше раскрывается передъ нами въ изданіяхъ матеріаловъ и изслѣдованіяхъ; разработка подробностей вызываетъ изъ забвенія много забытыхъ именъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей и произведеній XVIII-го вѣка, что̀ и даетъ намъ поводъ возобновить написанное нами прежде о писателѣ, сочиненія котораго печатаются въ настоящемъ изданіи.

---

*) Двѣ статьи, напечатанныя въ Отеч. Зап. 1858 г., были отрывкомъ изъ студенческой диссертаціи о старой русской комедіи.

Лукинъ былъ одинъ изъ очень второстепенныхъ писателей временъ имп. Екатерины, но въ продолженіи своей писательской дѣятельности пріобрѣлъ однако значительную извѣстность, въ особенности — какъ цѣль ожесточенныхъ нападеній со стороны мелкихъ журналовъ 1769—70 годовъ. Сочиненій его немного, и они уже скоро были забыты за дальнѣйшими литературными явленіями, но тѣмъ не менѣе Лукинъ можетъ представить историческій интересъ, потому что, каковы бы ни были его качества, какъ писателя (таланта у него не было), онъ пытался въ свое время на нѣкоторую реформу въ принятыхъ тогда псевдо-классическихъ правилахъ и обычаяхъ; онъ хотѣлъ быть нововводителемъ, въ русскомъ народномъ смыслѣ. Какъ увидимъ, нововведеніе не было велико, но самые размѣры его и могутъ служить для насъ мѣркой историческаго уровня тогдашнихъ литературныхъ вопросовъ. Какъ личный характеръ, онъ извѣстенъ очень мало; къ тому немногому, что извѣстно было о немъ пятнадцать лѣтъ назадъ, теперь мы можемъ прибавить только нѣсколько указаній объ его службѣ и еще то, что онъ игралъ замѣтную роль въ масонскихъ ложахъ Елагинской системы. Мы остановимся дальше на упомянутыхъ литературныхъ нападкахъ противъ него: эти слишкомъ личныя и мелкія нападенія представляли бы, сами по себѣ, мало любопытнаго, но своимъ содержаніемъ и тономъ они опять довольно наглядно рисуютъ намъ литературные нравы и свойство интересовъ, занимавшихъ вниманіе писателей того времени. Наконецъ, самъ разбираемый писатель, хотя не имѣлъ достаточно дарованія, чтобы оставить въ литературѣ болѣе замѣтный слѣдъ, былъ однако человѣкъ съ наблюдательностью и умомъ, такъ что въ его собственныхъ писаніяхъ мы встрѣтимся съ подробностями, не лишенными значенія для исторіи нравовъ и понятій его времени.

Впослѣдствіи, Лукинъ всего больше былъ извѣстенъ только по отзывамъ Фонъ-Визина, который вообще представлялъ его въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ, какъ своего врага и недоброжелателя: они встрѣтились на службѣ подъ началь-

ствомъ Елагина. Затѣмъ, сочиненія и личность Лукина упоминались только мимоходомъ и изрѣдка *).

Біографія его и теперь извѣстна впрочемъ только по прохожденію чиновъ и должностей, отмѣченному въ адресъ-календаряхъ и другихъ подобныхъ указаніяхъ **). Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ родился въ 1737 году и происходилъ изъ какого-то невысокаго званія, которое давало дворянину Фонъ-Визину случай попрекать его породой. Гдѣ и чему онъ успѣлъ научиться въ молодости, какъ поступилъ на службу, неизвѣстно. Съ первыми извѣстіями объ немъ мы находимъ его на службѣ въ придворномъ вѣдомствѣ, въ которомъ онъ остался до конца своихъ дней. Литературные непріятели попрекали его еще званіемъ «копеиста», чѣмъ онъ, вѣроятно, и попалъ въ первый разъ въ эту службу; здѣсь его покровителемъ былъ Елагинъ, черезъ котораго онъ вышелъ потомъ въ люди. Тотъ же Елагинъ былъ, по тогдашнему обычаю, меценатомъ и руководителемъ, при помощи котораго Лукинъ вступилъ на литературное поприще.

Въ 1765 г., съ котораго начинаются указанія о его службѣ, онъ значится въ «кабинетѣ» Ея Величества секретаремъ при кабинетъ-министрѣ Елагинѣ, который былъ тогда и вице-президентомъ въ главной дворцовой канцеляріи. Въ это же время (съ 1764 г.) при Елагинѣ состоялъ Д. И. Фонъ-Визинъ, повидимому въ качествѣ помощника у секретаря. Лукинъ былъ тогда въ майорскомъ рангѣ. За этимъ рангомъ слѣдовали потомъ дальнѣйшіе гражданскіе ранги; съ 1769 г. онъ былъ надворнымъ совѣтникомъ; съ 1774 коллежскимъ совѣтникомъ и членомъ главной дворцовой канцеляріи. Въ 1791 г. онъ упоминается какъ присутствующій въ придворной конторѣ, президентомъ которой былъ тогда Григорій Никит. Орловъ, и названъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и кавалеромъ Владиміра 3-й степ. Лукинъ умеръ 9 іюля 1794.

---

*) Кн. Вяземскій въ книгѣ о Фонъ-Визинѣ; Шевыревъ въ Москвит. 1851, № 3; Стоюнинъ въ Библ. для Чт. 1850, № 6.

**) Эти свѣдѣнія см. ниже въ примѣчаніяхъ, стр. 505—7.

Что Лукинъ былъ человѣкъ невысокаго происхожденія и небогатый въ то время, когда онъ издалъ свои «Сочиненія и переводы», объ этомъ можно заключить изъ собственныхъ его словъ въ посвященіи этой книги Елагину: «Я родился на свѣтъ,—говоритъ онъ,—къ принятію одолженій отъ сердецъ великодушныхъ, и до сего времяни по неимуществу моему, и тѣмъ людямъ, кои меня бѣдняе, иныя помощи, кромѣ искренняго объ нихъ сожалѣнія и нелицемѣрнаго о достоинствахъ ихъ отзыва, подавать не могу».

То-же самое, какъ мы увидимъ дальше, подтверждаютъ слова Фонъ-Визина. Елагинъ очень любилъ Лукина, и этому обстоятельству послѣдній обязанъ былъ своей удачной службой. Фонъ-Визинъ разсказываетъ, что Елагинъ «дѣлалъ ему (Лукину) несказанныя милости и вывелъ его изъ ничего въ люди» *). Повидимому, Лукинъ игралъ при Елагинѣ довольно значительную роль, отъ которой приходилось терпѣть Фонъ-Визину.

Лукинъ пользовался даже позволеніемъ бывать у наслѣдника престола, что возможно было только для тѣхъ изъ посторонникъ, которые заслуживали довѣренности. Порошинъ нѣсколько разъ упоминаетъ о такихъ посѣщеніяхъ **): сколько можно замѣтить по немногимъ словамъ Порошина, онъ считалъ Лукина человѣкомъ порядочнымъ.

На службѣ подъ начальствомъ Елагина, Лукинъ встрѣтился съ Фонъ-Визинымъ, но встрѣча ихъ была очень неблагопріятная. Фонъ-Визинъ получилъ самое невыгодное мнѣніе о Лукинѣ и сохранилъ это мнѣніе навсегда: въ «Чистосердечномъ Признаніи» онъ такимъ же тономъ говоритъ о Лукинѣ, какъ въ и самое время ихъ вражды.

Фонъ-Визинъ и не скрывалъ своей антипатіи. Въ письмѣ къ Елагину онъ говоритъ ему объ его любимцѣ: «Я съ прискорбіемъ вижу, что, пріѣхавъ, въ Петербургѣ не буду имѣть ни малѣйшаго случая заслужить сколько-нибудь

---

*) Соч. Фонъ-Визина, Спб. 1866, стр. 388.

**) Записки, стр. 264, 277, 385, 408. Въ 1765, авг. 24 и сент. 18, Лукинъ подносилъ наслѣднику свои сочиненія.

тѣ деньги, которыя я изъ казны брать буду. Дѣла производитъ г. *секретарь* (то-есть Лукинъ), а я развѣ для риѳмы буду *тварь*. Я знаю, что все кромѣ Создателя только тварь есть; но представьте, милостивый государь, кому хочется быть такою тварью, которая создана для того только, чтобъ служить риѳмою другой? Ваше прев. изволите, впрочемъ, сами знать, что я для миліона резоновъ съ г. Л. быть вмѣстѣ не могу; ибо кто не желаетъ остатки дней своихъ провести спокойно?» *) Въ письмѣ къ своимъ родителямъ отъ 26 іюня 1766 г. Фонъ-Визинъ говоритъ: «Иванъ Перфильевичъ (Елагинъ) ежедневно показываетъ мнѣ знаки своей милости; по-крайней-мѣрѣ нынѣ не имѣю я того смертельнаго огорченія, которое прежде чувствовалъ отъ человѣка, коего и самая *природа* и всѣ на свѣтѣ законы сдѣлали *ниже* меня... все мое счастіе въ томъ, что командиръ мой сколь ни много его любилъ, однако любовь его къ нему преодолѣли его разсужденіе и честь» **). По словамъ Фонъ-Визина въ томъ-же письмѣ, въ это время Лукинъ потерялъ изъ-за чего-то прежнюю довѣренность и любовь Елагина. «Иванъ Перфильевичъ, будучи самъ благородный и честный человѣкъ, раскаялся въ прежнемъ своемъ поступкѣ съ Л. поклялся впредь не производить въ чины никого изъ тѣхъ, которыхъ отцы и предки во весь свой вѣкъ чиновъ не имѣли». Но это едва-ли не было только временное неудовольствіе: Лукинъ продолжалъ оставаться при Елагинѣ и получать чины, и впослѣдствіи долженъ былъ кромѣ того находиться въ близкихъ связяхъ съ Елагинымъ по масонскимъ дѣламъ.

Фонъ-Визинъ, повидимому, успѣлъ достаточно испытать тяжелый нравъ своего непріятеля. «Клянусь вамъ—пишетъ Фонъ-Визинъ въ томъ же письмѣ къ родителямъ—что невозможно представить себѣ на мысль всѣ тѣ злости, всѣ тѣ хитрости, которыя употреблялъ онъ (Лукинъ) къ повержденію меня въ мысляхъ Ивана Перфильевича... Я всегда зналъ, что Иванъ Перфильевичъ честный человѣкъ; однако,

*) Соч. Фонъ-Визина, изд. 1866 г. стр. 357.
**) Соч. Фонъ-Визина, стр. 387.

любовь его къ Л. приводила меня въ отчаяніе. Слава Богу, что теперь вышелъ онъ изъ заблужденія и узнаетъ мало-по-малу, что любилъ бездѣльника, а во мнѣ узнаетъ честнаго человѣка» и пр. Все это письмо полно подобныхъ выраженій о Лукинѣ. Позже, въ «Чистосердечномъ Признаніи», Фонъ-Визинъ снова вспоминаетъ его, говоря о Елагинѣ: «Я могу похвалиться, что сей новый мой начальникъ (Елагинъ) обходился со мной какъ надобно съ дворяниномъ; но въ домѣ его повсечасно былъ человѣкъ *давно ему знакомый* и носившій его полную довѣренность. Сей человѣкъ, имѣющій, впрочемъ, разумъ, былъ безпримѣрнаго высокомѣрія и нравомъ тяжелъ пренесносно. Онъ упражнялся въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ. Физіономія-ли моя, или не весьма скромный отзывъ о его перѣ причиною стали его ко мнѣ ненависти. Могу сказать, что въ домѣ самаго честнаго и снисходительнаго начальника велъ я жизнь самую непріятнѣйшую отъ дѣйствія ненависти его любимца» *).

Приводя эти указанія объ этой взаимной враждѣ, мы однако не имѣемъ ключа къ ихъ удовлетворительному разъясненію. Конечно, достаточно было указаннаго Фонъ-Визинымъ высокомѣрія и тяжелаго нрава его противника, чтобы могли разстроиться ихъ отношенія, когда совмѣстная служба могла давать безпрестанные случаи къ столкновеніямъ. Что могъ Лукинъ сдѣлать непохвальнаго, и какія дѣйствія его могли лишить его расположенія Елагина, намъ опять неизвѣстно, и озлобленныя слова Фонъ-Визина трудно принять за мѣрку нравственности Лукина,—тѣмъ больше, что самъ судья не былъ человѣкомъ безупречнымъ въ житейскихъ отношеніяхъ.

Но каковы бы ни были причины вражды Фонъ-Визина, такое же нерасположеніе къ Лукину мы встрѣчаемъ и у многихъ людей тогдашняго литературнаго круга; и источникомъ его, въ обоихъ случаяхъ, вѣроятно часто бывали просто личныя самолюбія. Судя по словамъ Порошина, достаточно было назвать Лукина, чтобы Сумароковъ вышелъ изъ

*) Соч. Фонъ-Визина, стр. 541—542.

себя. Порошинъ разсказываетъ, что однажды, когда у наслѣдника престола обѣдалъ Сумароковъ, «Его Высочеству хотѣлось разсердить Александра Петровича; для того изволилъ онъ упомянуть о сочиненіяхъ Лукина» *). Это объясняется, по всей вѣроятности, просто извѣстнымъ самолюбіемъ Сумарокова, который требовалъ къ себѣ безграничнаго поклоненія. Лукинъ вообще не стѣснялся тогдашними литературными авторитетами и не принадлежалъ къ числу безусловныхъ почитателей Сумарокова; неуважительные отзывы Лукина легко могли дойти до него, и ихъ было бы довольно, чтобы вскипятить хозяина русскаго Парнасса. Притомъ въ это время (сент. 1765) могли уже выйти сочиненія Лукина, гдѣ въ предисловіи къ «Моту» едва-ли Сумароковъ не былъ именно задѣтъ въ лицѣ «мнимо властнаго судіи въ нашихъ словесныхъ наукахъ». Чтобы напомнить читателю, какъ думалъ о себѣ нашъ русскій Вольтеръ, довольно привести собственныя слова его: «Что только видѣли Аѳины и видитъ Парижъ, и что они по долгомъ увидѣли времени (говоритъ Сумароковъ о своихъ великихъ литературныхъ подвигахъ), ты нынѣ то вдругъ Россія стараніемъ моимъ увидѣла. Въ то самое время, въ которое возникъ, приведенъ и въ совершенство въ Россіи театръ твой, Мельпомена! всѣ я преодолѣлъ трудности, всѣ преодолѣлъ препятствія. Наконецъ, видите вы, любезныя мои сограждане, что ни сочиненія мои, ни актеры вамъ стыда не приносятъ, и до чего въ Германіи многими стихотворцами достигли, до того я одинъ и въ такое еще время, въ которое у насъ науки словнесыя только начинаются и нашъ языкъ едва чиститься началъ, однимъ своимъ перомъ достигнуть могъ» **). Подъ конецъ самохвальство Сумарокова стало надоѣдать уже многимъ, а въ это время авторитетъ его былъ неприкосновенъ и понятно, что неуваженіе Лукина могло его взорвать.

*) Записки, стр. 416.

**) Сочиненія Сумарокова, М. 1780—81, VI, стр. 391. Чтобы видѣть, какого высокаго мнѣнія были о немъ и его современные читатели, см. напр. «Сокращенную повѣсть о жизни и писаніяхъ А. П. Сумарокова», въ Спб. Вѣстникѣ 1778, ч. I, стр. 39—40.

Притомъ Сумароковъ былъ человѣкъ очень горячій, такъ что Порошинъ отмѣчаетъ однажды въ своихъ запискахъ: «Александръ Петровичъ *смиренъ былъ*; поговорилъ только нѣсколько о безграмотствѣ и плутняхъ подъячихъ» *).

Макаровъ въ своей статьѣ о Лукинѣ приводитъ анекдотъ, въ которомъ Лукинъ выводится вмѣстѣ съ Сумароковымъ; но такъ какъ этотъ анекдотъ есть всего скорѣе сочиненіе Макарова, то мы считаемъ излишнимъ приводить его **).

Изъ сочиненій Лукина мы узнаемъ, что онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ однимъ молодымъ тогдашнимъ писателемъ, Ельчаниновымъ. Въ письмѣ къ нему о комедіи своей «Щепетильникъ» Лукинъ говоритъ: «Справедливость велитъ намъ неупустительно благодарить тѣхъ людей, отъ коихъ мы одолженіе получаемъ. Я будучи, одолженъ тобою, спѣшу доказать тебѣ, не столько по сему правилу, сколько по чувствованію сердечному, новый знакъ моего дружелюбія, и тѣмъ желаю оное утвердить между нами». Неизвѣстно, какого рода были эти одолженія, но, кажется, они касаются литературныхъ трудовъ Лукина, потому что дальше въ этомъ письмѣ онъ говоритъ, что приноситъ Ельчанинову «такое сочиненіе, въ которомъ твоею помощью голова моя нимало не трудилась». Рѣчь идетъ о комедіи «Щепетильникъ». Ельчаниновъ былъ убитъ въ 1769 г. при Браиловѣ. Новиковъ въ своемъ Словарѣ говоритъ о Ельчаниновѣ: «Должно въ честь его сказать, что имѣлъ онъ довольно острый разумъ, не малое просвѣщеніе и пріятный нравъ; въ дружбѣ былъ вѣренъ, скроменъ и постояненъ; любилъ честь, добродѣтель и словесныя науки. Еслижъ можно было въ немъ что похулить, такъ это было чрезмѣрное его чистосердечіе и излишняя довѣренность къ тѣмъ его друзьямъ, которые оказались сего недостойными». Не относится ли это опять къ Лукину?

Вотъ почти всѣ прямыя извѣстія, какія есть, о жизни и литературныхъ отношеніяхъ Лукина. Его собственныя со-

*) Записки, стр. 371.

**) Репертуаръ и Пант. 1844, VI, стр. 461.

чиненія доставляютъ не много матеріаловъ для дополненія его біографіи. Въ предисловіи къ «Моту» онъ упоминаетъ напр., что до поступленія подъ начальство Елагина онъ служилъ въ военной службѣ, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, его маіорскій рангъ. Тамъ-же онъ распространяется еще объ одномъ обстоятельствѣ своей жизни. По его признанію, онъ нѣсколько времени былъ сильно преданъ игрѣ, такъ-что она обратилась у него въ страсть. Наконецъ, онъ избавился отъ этого недостатка и, для назиданія другихъ, написалъ единственную самостоятельную свою комедію «Мотъ, любовью исправленный». Въ предисловіи къ «Моту» онъ между прочимъ изображаетъ то общество, въ которое онъ попалъ какъ игрокъ.

Въ литературѣ Лукина окружала такая же вражда, какую питали къ нему Фонъ-Визинъ и Сумароковъ. Въ предисловіяхъ къ своимъ комедіямъ онъ постоянно говоритъ о завистникахъ и хулителяхъ, которые оказались при первомъ появленіи его на литературномъ поприщѣ; самъ онъ также не церемонится съ ними. Злѣйшіе изъ его литературныхъ непріятелей были тогдашніе журналисты. Но прежде, нежели будемъ разбирать ихъ враждебныя дѣйствія противъ Лукина, скажемъ о его литературной дѣятельности, которая служила главнымъ поводомъ для этихъ дѣйствій.

Лукинъ началъ свои труды подъ покровительствомъ Елагина, который поощрялъ его литературныя занятія и игралъ въ отношеніи къ нему роль не только мецената, но и наставника и руководителя въ литературныхъ вещахъ. Подобное покровительство было въ большомъ ходу въ то время, и для Лукина такимъ наставникомъ всего скорѣе могъ быть Елагинъ, начальникъ его по службѣ, и потому, что Елагинъ въ то время уже составилъ себѣ репутацію хорошаго писателя и переводчика. Современники отзывались съ большимъ уваженіемъ о его трудахъ. Авторъ «Извѣстія о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ,» изданнаго по нѣмецки 1768, въ Лейпцигѣ, говоритъ о Елагинѣ: «Этотъ замѣчательный авторъ писалъ уже въ юности, съ необыкновеннымъ талантомъ и вкусомъ, мелкія стихотворенія, какъ то: пѣсни, элегіи и т. п., которыя всѣ очень хороши. Онъ писалъ также

о важныхъ предметахъ какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ... Его переводы, безъ сомнѣнія, могутъ по чистотѣ языка и текучести выраженій считаться образцовыми. Елагинъ обладаетъ изумительною начитанностью. Жаль, что многія государственныя дѣла слишкомъ рано отвлекли его отъ занятій литературою... Лучшая похвала ему та, что онъ послѣ Ломоносова первый нашъ писатель въ прозѣ»... Новиковъ въ «Словарѣ» своемъ говоритъ, что слогъ Елагина «чистъ и текущъ, а изображенія нѣжны и пріятны, а гдѣ потребно, важны и сильны, и его переводы по справедливости могутъ почитаться примѣрными на россійскомъ языкѣ *)».

Что Елагинъ принялъ Лукина, какъ начинающаго, подъ свое покровительство, это было извѣстно всѣмъ, и Лукинъ не разъ въ своихъ предисловіяхъ говоритъ, что его завистники приписывали даже сочиненія его Елагину. Такъ въ посвященіи своихъ сочиненій и переводовъ Елагину онъ говоритъ: «Отъ многихъ и отъ васъ самихъ я слышалъ, что нѣкоторые зрители (комедій Лукина), сомнѣваясь во мнѣ, приписывали сочиненіе мое перу вашему. Сей слухъ несказанно меня обрадовалъ, польстивъ мнѣ, что я, конечно, уже до того по нѣскольку достигнулъ, къ чему всѣ мои желаніи стремились; ибо сумнѣніе зрителей увѣряло меня, что въ моемъ слогѣ виденъ учитель мой» **).

Первый литературный трудъ Лукина состоялъ въ томъ, что онъ былъ сотрудникомъ Елагина въ переводѣ знаменитаго въ то время романа: «Приключенія маркиза Г. или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ»—первое изданіе котораго вышло въ Петербургѣ въ 1756—1765 г.

---

*) Въ 1771, въ Ливорно появился французскій переводъ этого «Извѣстія,» съ нѣкоторыми неважными перемѣнами, подъ названіемъ: Essai sur la littérature russe. — Подлинникъ и переводъ «Извѣстій» перепечатаны въ «Матеріалахъ для ист. русской литературы» г. Ефремова.

**) Макаровъ разсказываетъ, что слышалъ отъ знавшихъ лично Лукина: «Сами Сумароковъ и Майковъ, не надѣясь, чтобы неизвѣстный Лукинъ хотя бы что-нибудь могъ написать порядочно, приписывали всѣ его сочиненія Елагину — по слогу: а слогъ Елагина тогда почитался однимъ изъ наилучшихъ». Реперт., стр. 466.

въ шести частяхъ. Это—такъ называемый «Маркизъ *Глаголь*», получившій впослѣдствіи чрезвычайную популярность у русскихъ читателей. На первыхъ четырехъ частяхъ выставлено имя Елагина; послѣднія двѣ безъ имени переводчика. Эти двѣ части и были переведены Лукинымъ. Принадлежность перевода первыхъ четырехъ частей книги Елагину едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Митрополитъ Евгеній приписываетъ Елагину переводъ только «двухъ частей», вмѣсто четырехъ, вѣроятно просто по ошибкѣ, — какъ книги переплетены *). Кн. Вяземскій не даетъ Елагину никакого участія въ переводѣ этой книги и говоритъ, что «по нѣкоторымъ преданіямъ, подкрѣпленнымъ очевиднымъ различіемъ въ слогѣ романа и напримѣръ «Опыта повѣствованія о Россіи», и разностью въ слогѣ самаго перевода, кажется, что переводъ сей, выданный подъ его именемъ, одолженъ бытіемъ первыхъ четырехъ томовъ Порошину, находившемуся при великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ, а послѣдняго (то-есть двухъ послѣднихъ) Лукину» **). Но преданіе вѣроятно ошиблось. Современники положительно приписываютъ ему этотъ переводъ, и по словамъ Новикова, Елагинъ именно «много славится за переводъ маркиза Г.». Да и зачѣмъ было Елагину присвоивать себѣ чужой трудъ? Въ то время скорѣе думали, что Елагинъ свои собственные выдаетъ подъ именемъ другихъ, какъ подозрѣвали, напримѣръ, это въ сочиненіяхъ Лукина. Притомъ, когда началъ выходить переводъ, Порошину было только пятнадцать лѣтъ ***), и хотя онъ рано началъ заниматься литературой, но Елагину все-таки странно было бы выдавать трудъ пятнадцатилѣтняго мальчика за свой собственный и посвящать его графу Разумовскому. Что касается до различія слога въ переводѣ и «Опытѣ повѣствованія о Россіи», то переводъ вышелъ 1756—1758, а «Опытъ» написанъ въ 1789—1793: очень естественно, если есть разница въ слогѣ.

---

*) Словарь русск. свѣт. писателей, М. 1845, I, стр. 211.

**) «Фонъ-Визинъ», соч. кн. Вяземскаго, стр. 40.

***) Онъ родился въ 1741.

Имя Лукина, какъ переводчика послѣднихъ двухъ частей «Приключеній маркиза Г.», не выставлено въ заглавіи; это имя поставлено въ каталогахъ Сопикова и Плавильщикова, которые могли имѣть объ этомъ вѣрныя свѣдѣнія *). Переводчикъ послѣднихъ частей приложилъ посвященіе своего труда Елагину и предисловіе къ читателямъ. Когда, 1756—1758, вышли первыя четыре части, переводъ пріостановился и продолжался уже въ шестидесятыхъ годахъ, такъ что оконченъ былъ въ 1765 году, когда Лукинъ былъ секретаремъ Елагина. Изъ посвященія (при 5-ой части) довольно ясно открываются обстоятельства этого дѣла и отношенія къ Елагину переводчика.

«Получа позволеніемъ вашего превосходительства, о окончаніи переводомъ начатой вами книги, новое безпрерывнымъ ко мнѣ благодѣяніямъ свидѣтельство, — обращается переводчикъ къ Елагину, — по справедливости нахожу себя обязаннымъ чрезъ сіе приношеніе изъявить мою къ вамъ искренную благодарность, и препоруча трудъ мой въ ваше покровительство просить, чтобы благоволили его прочесть въ свободные отъ государственныхъ дѣлъ часы, хотя для того, дабы увидѣть, достоинъ ли я вашихъ наставленій, съ самаго того времяни мнѣ подаваемыхъ, какъ получилъ я счастье узнать васъ и пріобрѣсть столь милостиваго благодѣтеля.

«Я не только не стыжусь, но еще и за честь себѣ ставлю объявить цѣлому свѣту, что и малымъ въ словесныхъ наукахъ знаніемъ единственно вашему превосходительству долженъ, и хотя всегдашнюю имѣлъ къ нимъ склонность, но оной бы не довольно было, еслибъ вы не вразумили меня къ познанію прямой въ нихъ красоты и не побудили къ упражненію», и проч.

Это посвященіе и слѣдующее за нимъ предисловіе «отъ переводчика къ благосклоннымъ читателямъ» написаны съ манерой Лукина, который не могъ обойтись безъ объясненій о себѣ самомъ и о «злоязычникахъ», постоянно его за-

*) Каталогъ Плавильщикова, № 4706; Сопикова, Опытъ Библіогр. № 8931.

нимавшихъ; въ правописаніи та-же слабость къ буквѣ *ѣ* (лѣнта, горѣсть, повѣденіе и т. д.), за которую впослѣдствіи столько доставалось ему отъ его враговъ, и вообще особенная орѳографія (филозовъ, злодѣяніи, желанія, путешествіи — во множественномъ числѣ и проч.), которою Лукинъ отличался.

Эти литературные труды Лукина начались въ 1763 году, какъ онъ упоминаетъ въ предисловіи къ «Моту»: «Еще тому *третій годъ*, какъ я, отставъ отъ игры и отъ службы воинской, прилѣжу къ словеснымъ наукамъ».

Послѣ «Маркиза Глаголя» Лукинъ принялся переводить драмы. По свидѣтельству упомянутаго «Извѣстія» онъ перевелъ комедію Реньяра «Les Menechmes». Это были конечно: «*Менехмы или близнецы*», комедія Реньяра, перев. съ французскаго (Спб. 1763), — безъ имени Лукина *).

Третьимъ трудомъ Лукина было: «*Ревнивой, изъ заблужденія выведенный*», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, соч. Кампистрона, вольный переводъ съ французскаго (М. 1764). На этой книгѣ имя Лукина также не выставлено, но о ней упоминаетъ «Извѣстіе» 1768 года и самъ Лукинъ. Представлена въ первый разъ на придворномъ театрѣ, августа 21, въ 1764 году **).

Наконецъ вышло цѣлое собраніе сочиненій Лукина, подъ такимъ заглавіемъ: «*Сочиненіи и переводы Владимера Лукина*» (Спб. 1765), въ двухъ частяхъ. Здѣсь помѣщено нѣсколько его пьесъ, именно: комедія въ пяти дѣйствіяхъ «*Мотъ, любовію исправленной*»; «*Пустомеля*», комедія въ одномъ д.; «*Награжденное постоянство*», комедія въ пяти д., и «*Щепетильникъ*», комедія въ одномъ дѣйствіи. Нѣкоторыя изъ нихъ были потомъ перепечатаны въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ». Имя Лукина упомянуто въ «Ѳеатрѣ» только при «Мотѣ». Всѣ эти

---

*) «Драматическій Словарь» 1787 г. сообщаетъ, что «Менехмы» въ первый разъ были представлены 9 дек. 1783; въ годѣ конечно ошибка, вмѣсто 1763. «Опытъ» замѣчаетъ, что пьесы Лукина: Ревнивый изъ заблужденія выведенный, Задумчивый и Менехмы *часто являются на сцену*.

**) Лук., пред. къ «Награжд. Постоянству» (въ настоящемъ изданіи, по которому вообще дѣлаемъ цитаты), стр. 112. «Драмат. Словарь», стр. 117.

пьесы снабжены болѣе или менѣе обширными предисловіями и посвященіями: «Мотъ» посвященъ Елагину, а «Щепетильникъ» — Ельчанинову.

Всѣ эти комедіи, кромѣ «Мота» передѣлки: «Пустомеля» изъ Le Babillard, Буасси, который у насъ имѣлъ и послѣ успѣхъ. Въ 1807 г. передѣлалъ его на русскіе нравы Н. Ильинъ *), а потомъ, въ 1817 году, Хмѣльницкій. «Пустомеля» въ первый разъ представленъ былъ на придворномъ театрѣ, января 19-го 1765 года, съ «Мотомъ», и имѣлъ успѣхъ **). Комедія «Награжденное Постоянство» передѣлана изъ «L'amante amant» Кампистрона ***). «Щепетильникъ» есть передѣлка французской пьесы «Boutique de bijoutier», переведенной съ англійскаго ****).

Три года спустя вышли еще двѣ комедіи, передѣланныя Лукинымъ съ французскаго. Первая: «*Тесть и Зять*», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, вольный переводъ съ комедіи Колле Depuis et Deronnais (Спб. 1768). Вторая: «*Разумной Вертопрахъ*», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, вольный переводъ съ комедіи Буасси Le Sage Etourdi (Спб. 1768).

Затѣмъ въ слѣдующемъ году вышла еще пьеса Лукина: «*Задумчивой*», комедія въ пяти д., «переложенная на Россійскіе нравы» съ комедіи Реньяра Le Distrait (Спб. 1769).

«Извѣстіе» говоритъ еще, что Лукинъ сдѣлалъ также вольный періодъ комедіи Мариво: La seconde surprise de

---

*) Подъ названіемъ «*Говорунъ*». Макаровъ (Реперт., стр. 474) говоритъ, будто Ильинъ, поправивъ кое-что въ слогѣ «Пустомели», отдалъ въ такомъ видѣ на сцену и потомъ напечаталъ, т. е. выдавая это за свое. Но это совершенный вздоръ. Въ «Пустомелѣ» гораздо больше передѣланнаго, выброшено изъ пьесы Буасси нѣсколько лицъ, которыя остались у Ильина, и т. п.; такъ что самый складъ этихъ двухъ передѣлокъ весьма различенъ.

**) Лук., пред. къ «Моту», стр. 13—15; пред. къ «Пустомелѣ», стр. 83. «Драмат. Словарь», стр. 83, 115. Записки Порошина, стр. 264 («Пустомеля» здѣсь названъ «Болтуномъ»).

***) У Новикова (Оп. Словаря) комедія «*Награжденное Постоянство*» по ошибкѣ названа въ числѣ сочиненій Ельчанинова; пьеса этого послѣдняго называется «*Награжденная Добродѣтель*».

****) Ср. Лук. стр. 183. «Драмат. Словарь», стр. 163.

l'amour. Въ 1773 году дѣйствительно вышло сокращеніе этой пьесы подъ названіемъ «*Вторично вкравшаяся любовь*»; можетъ быть, это и есть пьеса, приписываемая Лукину. Новиковъ говоритъ, что Лукинъ написалъ еще драму «Благодѣяніе пріобрѣтаетъ сердца», которая была напечатана, но не представлена. Въ заглавіи этой драмы не поставлено ни чьего имени, а въ каталогахъ Сопикова и Смирдина она называется переводомъ съ французскаго и приписана А. С. Шишкову *).

Многія свидѣтельства, на которыя мы уже указали, сообщаютъ, что комедіи Лукина были «изрядно» принимаемы, иныя даже имѣли успѣхъ весьма значительный; но современная литература относилась къ нему самымъ враждебнымъ образомъ. Сильная полемика противъ него была именно ведена въ журналахъ 1769 года. Но вражда началась еще раньше, и Лукинъ въ 1765 году уже говоритъ о своихъ хулителяхъ и злоязычникахъ, которыхъ было, повидимому, довольно много. Въ посвященіи Елагину перваго своего труда, Лукинъ жалуется на «злоязычниковъ», а издавая, въ 1765 году, свои «Сочиненіи и Переводы», онъ прежде всего поставилъ «извѣстіе», въ которомъ опровергаются опять тѣ же злоязычники. «Сердце мое мнѣ предвѣщаетъ (говоритъ онъ), что многіе люди, коимъ не приписку я имени прилагательнаго, а оставлю на догадку читателей, будутъ меня безъ всякія пощады не только осуждать, но и бранить за то, что я издаю частями мои сочиненіи и переводы. Станутъ они разныя въ хулу мнѣ приписывать притчины, напримѣръ: что виною тому мое самолюбіе, незнаніе и пр. Сіе дерзновеніе (издавать свои труды) пріемлю я болѣе для переводовъ, нежели для собственныхъ моихъ сочиненій, и по совѣсти моей могу въ томъ побожиться; чему *всѣ тѣ люди, которые совѣсть имѣютъ, непремѣнно мнѣ повѣрятъ; а кто ея не имѣетъ, до того мнѣ*

*) Сопиковъ, № 3812; Смирд. № 7456. Въ «Драм. Словарѣ» 1787 имени автора не показано. Извѣстіе Макарова (Реперт., стр. 481) всего скорѣе, по его обыкновенію, глупая выдумка.

и нужды нѣтъ, потому что и хула таковаго переговорщика въ похвалу мнѣ послужитъ». Хотя были и такіе люди, которые, по словамъ Лукина, благосклонно принимали его сочиненія, но число ихъ было очень незначительно въ сравненіи съ «осуждателями», и Лукинъ въ каждомъ предисловіи распространяется объ этихъ послѣднихъ. «Не трудно было предъузнать (говоритъ онъ въ пред. къ «Награжденному Постоянству»), что первая часть моихъ трудовъ конечно хулы не избѣгнетъ, чего я и ожидалъ: но не ожидалъ вмѣсто осужденія услышать ругательства; а особливо отъ такихъ людей, которые трудовъ моихъ и не читывали.... Лишь только они провѣдали, что я комедіи мои печатать отдалъ, то съ того уже часа начали поносить меня, и оное ежедневно усугубляютъ. Что-жъ мнѣ противъ ихъ дѣлать? Лучше всего оставить ихъ въ покоѣ. Пусть они на бездѣльѣ языкъ чешутъ» *). Люди, его «смертельно ненавидящіе», по словамъ его, *внушали* о его комедіи *разныя толкованія*. Нѣкто Самохваловъ говорилъ, напримѣръ: «смѣшно де и слышать, что уже и Лукинъ комедію сдѣлалъ.... А! да это вѣдь Мотъ будетъ! Такъ мы увидимъ худой переводъ Детушева *Диссипатера*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испорченной».... «А мнимо властный судія въ нашихъ словесныхъ наукахъ **) присуждалъ меня изъ города выгнать, за то, что я отважился выдать драму пятиактную, и тѣмъ здѣлалъ въ молодыхъ людяхъ заразу» ***). Подобныя осужденія были уже довольно жестоки, и можетъ быть не совсѣмъ справедливы въ отношеніи къ Лукину; но еще большая чаша горестей предстояла ему въ журналахъ 1769—70 годовъ.

Сатирическіе журналы 1769—70 гг. вызвали уже въ наше время нѣсколько монографій, и почти всѣ были переизданы.

---

*) Лук., стр. 110—111.

**) Вѣроятно Сумароковъ.

***) Лук., стр. 18—14.

Мы обратимся къ нимъ еще разъ, чтобы собрать изъ нихъ полемику противъ Лукина, которая доставитъ намъ еще нѣкоторыя подробности для характеристики этихъ изданій.

Значеніе ихъ сатиры было нѣсколько преувеличиваемо нашими критиками, за исключеніемъ Добролюбова, замѣчанія котораго въ первый разъ точно опредѣлили представляемую ими степень развитія общественнаго мнѣнія и смѣлости сатиры. Для вѣрнаго понятія объ этой сатирѣ надо вообще представить себѣ весьма скромный литературный уровень, въ которомъ болѣе выгоднымъ образомъ выдѣляются только нѣкоторыя статьи «Трутня» (а потомъ «Живописца»). Какъ легкое чтеніе, до тѣхъ поръ рѣдкое, эти листки были для публики пріятной новостью послѣ прежнихъ изданій для «пользы и увеселенія», — въ которыхъ полезное было довольно сухо, а увеселенія не довольно веселы. Журналы 1769 года поставили себѣ другую задачу: они почти исключительно пустились въ сатиру. Эта сатира, впередъ обѣщавшая исправлять пороки и осмѣивавшая пристрастіе къ французскимъ модамъ, вообще была довольно простодушна, но въ ней было все-таки нѣчто новое. Журнальная литература обратилась къ изображенію общественныхъ нравовъ и хотя рисовала ихъ въ чертахъ слишкомъ неясныхъ или слишкомъ мелочныхъ, однако и это немногое доставляло ей успѣхъ, потому что имѣло хоть какое-нибудь отношеніе къ дѣйствительной жизни, чего вообще тогдашніе читатели видѣли въ книгѣ такъ мало. Здѣсь, въ журналахъ 1769 года, начало развитія того направленія, которое впослѣдствіи выразилось особенно ярко въ «Живописцѣ» Новикова, а потомъ отчасти и въ журналахъ Крылова. Была здѣсь и другая сторона, любопытная для публики: ее вводили въ тогдашній литературный міръ съ разными его сплетнями и т. д. Но при ограниченномъ запасѣ идей и интересовъ, находившихся тогда въ литературномъ обращеніи, при безпомощности всей литературы вообще, въ общественномъ смыслѣ сатира этихъ журналовъ была слишкомъ ограниченная и робкая, и въ журнальныхъ спорахъ съ самаго начала сплетни и личности стали играть не малую роль: литературныя перебранки занимаютъ въ жур-

налахъ довольно много мѣста, и нельзя сказать, чтобы ихъ поводы и содержаніе были особенно важны. Эта «сатира», состоявшая изъ личныхъ нападеній и насмѣшекъ, стала общимъ пріемомъ и издателей, и ихъ корреспондентовъ, а корреспондентомъ могъ быть всякій, кому угодно было писать къ издателю. Если, напримѣръ, мы находимъ въ «Смѣси» (стр. 279) письмо изъ Смоленска, осмѣивавшее «щеголя, который носилъ на головѣ престрашныя кудри; у него зеленый кафтанъ подложенъ розовою тафтою, а сапоги съ красными каблуками.... онъ думаетъ о себѣ, что онъ Адонисъ, а мнѣ кажется, что онъ надутый гордостью глупецъ», и пр., то навѣрное можно полагать, что этотъ Адонисъ былъ, какъ тогда говорилось, «подлинникъ». Подобныхъ примѣровъ можно много встрѣтить въ журналахъ 1769 года. Все это дѣлалось, разумѣется, съ нравственной цѣлью, потому что мораль и исправленіе нравовъ были всеобщей заботой. Такимъ образомъ сатира и личность стали почти одно и то-же въ тогдашнихъ понятіяхъ. Издатели и сами признавались, что такія вещи встрѣчаются въ ихъ журналахъ: они не находили для сатиры другаго предмета и даже доказывали превосходство сатиры «на лицо». Въ «Трутнѣ» напримѣръ читаемъ: «Я утверждаю (говоритъ авторъ статьи), что критика, писанная «на *лицо*, но такъ чтобы не всѣмъ была открыта, больше можетъ исправить порочнаго.... Критика на лицо, безъ «имяни, удаленная сколько возможно и потребно, производитъ въ порочномъ раскаяніе; онъ тогда увидитъ свой «порокъ, и думая, что о томъ всѣ уже извѣстны, непремѣнно будетъ терзаемъ стыдомъ и начнетъ исправляться»*), и по мнѣнію автора, «всякая критика, писанная на лицо, по «прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ обращается въ критику на общій порокъ». Тѣ-же понятія о сатирѣ повторяетъ въ другомъ мѣстѣ одинъ корреспондентъ «Трутня», приславшій издателю двѣ «были», въ которыхъ также, вѣроятно, была вложена критика на лицо **). Издатель журнала «Смѣсь»

*) Трутень, изд. 3-е, Спб. 1865, стр. 152—153.
**) Тамъ же, стр. 175—176.

обращается къ читателямъ своимъ съ такимъ же разсужденіемъ: «Многіе изъ моихъ читателей говорятъ, что нѣкоторые люди находятъ себя въ моемъ маломъ изданіи. На что и отвѣчаю:

«Прежде такого ихъ заключенія надлежало имъ знать мои мысли: я никогда не былъ охотникъ до злословія, оно мнѣ несвойственно, и великая есть разница между злословіемъ и осмѣяніемъ. Присылаемые ко мнѣ критическіе письма часто соединяли въ себѣ и злословіе и осмѣяніе, и извѣстная за сіе отплата *брань* должна была полагаться на щетъ того, кто то писалъ....

«Есть ли же сердятся на меня и за то, что выключая присланныхъ ко мнѣ писемъ и самъ описывалъ людскіе пороки и дѣла достойные осмѣянія; то скажу, какимъ образомъ сочинялъ таковые портреты: искалъ въ себѣ самомъ и въ другихъ людяхъ приличныя къ тому черты и краски. Изъ десяти глупостей выходитъ картина, достойная осмѣянія, и въ ней вольно брать на свой щетъ похожее на него. «*Правда, есть такіе смѣшные подлинники, что нечего къ нимъ прибавлять, однако мое осмѣяніе извинительно; виновенъ-ли я въ томъ, что всѣ надъ ними смѣются?...*» *)

Другими словами, критику «на лицо» мы найдемъ и въ этомъ журналѣ. Такое направленіе видимо нравилось публикѣ и соотвѣтствовало ея понятіямъ: издатели безпрестанно получали «критическія письма», начинались споры, завязывалась полемика....

При этомъ общемъ характерѣ журналовъ естественно, что литературныя несогласія съ Лукинымъ превратились также въ критику «на лицо».

Мы постараемся выбрать изъ этихъ журналовъ полемику противъ Лукина, скрытую подъ различными, легко или трудно понятными намеками. Мы извлечемъ изъ нея мало для характеристики его самого, и узнаемъ развѣ только то, что онъ не пользовался расположеніемъ кружковъ, издавав-

*) Смѣсь, 1769, стр. 318—320. Въ это время, конечно, началось такъ долго сохранявшееся у насъ значеніе слова «критика» въ смыслѣ насмѣшки.

шихъ эти журналы; но за то разборъ этой полемики можетъ быть любопытенъ въ томъ смыслѣ, что онъ наглядно представляетъ собой насущный запасъ тогдашнихъ литературныхъ интересовъ и свойство нравовъ. Эти интересы были еще очень ограниченны, нравы — патріархальны и порядочно грубоваты, что̀ бы ни говорили любители «вѣка Екатерины».

Полемика противъ Лукина иной разъ не лишена остроумія, но также отличается этими общими чертами.

Въ 1768—1769 г. вышли комедіи Лукина «Тесть и Зять», «Разумный вертопрахъ» и «Задумчивый»; онѣ и послужили теперь поводомъ къ нападкамъ на Лукина. Онъ сталъ всеобщей цѣлью сатирическаго остроумія. Даже Новиковъ, довольно благосклонно отозвавшійся о Лукинѣ въ своемъ «Словарѣ», давалъ въ «Трутнѣ» мѣсто личностямъ противъ него. Нападенія начаты были вдругъ «Трутнемъ», «Смѣсью» и «Всякою Всячиною». Одинъ корреспондентъ послѣдней сравнивалъ комедіи Лукина съ «Телемахидою», въ которой Фенелонъ такъ же обезображенъ, какъ Колле въ переведенной его комедіи «Depuis et Deronnais». Во время представленія этой комедіи — разсказываетъ «Всякая Всячина» — одной зрительницѣ разломили голову бѣзпрестанныя «a! a!» и въ тѣхъ пассажахъ, гдѣ было трогательное, она смѣялась до такой степени, что ее привезли домой больную *). Тамъ же помѣщено письмо къ издателю, нѣкоего Фалалея, просящаго у него средствъ избавиться отъ болѣзни, которою страдаетъ: «боленъ я брѣдомъ; а брѣдъ мой состоитъ «въ томъ, что браню худыхъ сочинителей, и которые неодумавшися принимаются писати противъ силъ своихъ и пишутъ вздоръ. Напримѣръ, Зятя и Тестя, и Разумнаго Вертопраха, и тому подобныхъ, исключая славныхъ Синава, «Хорева и прочихъ, которыя ясно показываютъ великость «духа сочинителева» **). Лукина въ особенности обвиняли въ томъ, что онъ не хвалитъ «славныхъ русскихъ сочиненій»: онъ не хвалилъ самого Сумарокова.

*) Всякая Всячина, стр. 43.
**) Тамъ же, стр. 77.

«Смѣсь» помѣстила письмо, авторъ котораго разсказываетъ, что онъ былъ въ одномъ обществѣ, гдѣ говорили о разныхъ разностяхъ и между прочимъ о театрѣ, «разобирали всѣ піэсы, которыя изданы были въ прошедшей «карнавалъ: всѣ говорили, что представленныя тогда на «здѣшнемъ театрѣ двѣ комедіи *Тесть и Зять* и *Разумной Вертопрахъ*, по худому переводу, публикою приняты «были весьма худо; и что въ нихъ окромѣ неяснаго слога, «неправильныхъ изреченій, ненужнаго распространенія и того подобнаго ничего нѣтъ. И всѣ сожалѣли, что сіи піэсы «по русски такъ изображены, а особливо о Sage Etourdi, «которой изъ разумнаго повѣсы здѣлался несноснымъ враломъ, и что онъ частыми повтореніями А! А! не только «что наскучилъ зрителямъ, но утомилъ и актера, игравшаго тотъ роль. Вдругъ одинъ дѣтинка, о которомъ я послѣ «свѣдалъ, что онъ недавно пріѣхалъ изъ Парижа, *перемѣнясь въ лицѣ закричалъ:* Кто хулитъ сіи комедіи, тотъ не «имѣетъ хорошаго вкуса! и ежели онѣ не понравились публикѣ, то единственно для того, что актеры худо играли *). Я бы, продолжалъ онъ, отдалъ все свое имѣніе за «то, ежели бы ихъ по русски такъ сыграли, какъ играны «онѣ были при мнѣ въ Парижѣ. Моле, сей несравненной «актеръ, не только что обольщалъ взоръ, плѣнялъ слухъ, но «и восхищалъ души, представляя le Sage Etourdi. А! Моле! «Моле! чево ты достоинъ?... При семъ словѣ онъ замолчалъ. «А первой началъ говорить, что комедіи сіи на французскомъ языкѣ хороши, и что онѣ хорошо были представлены на парижскомъ театрѣ, о томъ никто и не споритъ; «но говорили о томъ только, что онѣ худо переведены. «Что-жъ принадлежитъ до русскихъ актеровъ, то они играли сіи комедіи такъ хорошо, какъ только можно хорошо «играть худыя и обезображенныя піэсы; что переводчикъ «сихъ комедій обязанъ благодарностію своею актерамъ за «то, что они, сколько можно было, поддерживали его піэ-

*) Это конечно самъ авторъ; въ другихъ случаяхъ также упоминается, что онъ былъ въ Парижѣ.

«сы: ибо я увѣренъ, говорилъ онъ, что бы зрители не до-«ждавшись конца всѣ разъѣхались, когда бы ихъ играли по «наставленію переводчикову. Молодчикъ, бывшій въ Пари-«жѣ, началъ опять спорить, что комедіи переведены хорошо, «что виноваты актеры, а не переводчикъ». Авторъ письма проситъ издателя «Смѣси» разобрать этотъ споръ, и тотъ отвѣчаетъ:

Что отдавали всѣ тогда хвалу актеру,
И что въ комедіяхъ всякъ видѣлъ ле-Кувреру, *)
Тому я вѣрю;
Но чтобъ въ тѣхъ драмахъ вкусъ хорошей видѣнъ былъ,
И переводчикъ ихъ отъ всѣхъ разумнымъ слылъ,
Тому не вѣрю **).

Въ другомъ мѣстѣ издатель «Смѣси» разговариваетъ съ Меркуріемъ о парнасскихъ новостяхъ: сперва идутъ насмѣшки надъ однимъ тогдашнимъ писателемъ, Козельскимъ, котораго «Пантея» вышла въ это же время, а потомъ рѣчь заходитъ о другомъ писателѣ, очевидно о Лукинѣ.

«Меркурій.—Да полно говорить о стихахъ, вотъ двѣ ко-«медіи наполненныя *новыми выраженіями* ***); ихъ здѣсь «играли, но, къ несчастію писателя, онѣ почти никому не «понравились. Говорятъ, что въ нихъ очень много пустыхъ «словъ, и въ награжденіе сего пзлишества очень мало «смыслу.

«Издатель.—Не показывалъ ли ты ихъ Таліи?

«Меркурій.—Ты знаешь, что эта дѣвка превеликая на-«смѣшница: она сперва было разсердилась, что ее обезоб-«разили, но послѣ осмѣяла писателя, которой, думаю, во «вѣкъ не сыщетъ въ ней милости ****).»

Въ «Смѣси» есть еще нѣсколько другихъ намековъ, вѣроятно относящихся къ Лукину. Такъ осмѣивается «бѣд-

*) Знаменитая тогда французская актриса.
**) Смѣсь, стр. 69—71.
***) Мы встрѣтимся съ этими «новыми выраженіями» дальше.
****) Смѣсь, стр. 164.

«ный писатель, которой думаетъ, что никто не можетъ пи-«сать хорошо, за тѣмъ, что онъ пишетъ худо; онъ будучи «въ презрѣніи у всей публики, презираетъ всѣхъ хорошихъ «писателей, и чѣмъ славнѣе писатель, тѣмъ болѣе его не-«навидитъ»; или—одинъ «дѣтинка», думающій о себѣ, что онъ великій комикъ; или одинъ господинъ, который, «взду-«мавъ разбогатѣть отъ своихъ сочиненій, писалъ лѣтъ «шесть въ досаду Музъ и Аполлона; но увидя нынѣ, что «нѣтъ оттого прибыли, осердился на всѣхъ хорошихъ пи-«сателей» *).

Денежныя обстоятельства Лукина находились въ положеніи незавидномъ: онъ былъ въ долгахъ и это заставило его прибѣгнуть къ продажѣ своихъ сочиненій. Ростовщикъ, дававшій ему деньги, одолѣвалъ его, и Лукинъ обратился къ переплетчику Миллеру, и наконецъ убѣдилъ его купить и издать «Сочиненія и Переводы». Миллеръ жаловался послѣ, что сдѣлалъ себѣ убытокъ этой покупкой **). Сатирики воспользовались и этимъ случаемъ и въ «Смѣси» мы читаемъ, въ одномъ стихотвореніи подъ названіемъ «Чему вѣрю и чему не вѣрю»:

«Что старый *копеистъ* ***) сталъ новый *переводчикъ*,
И что трудамъ его дивится *переплетчикъ*, ****)
Тому я вѣрю;
Но чтобъ онъ былъ ученъ и хорошо писалъ,
Затѣмъ, что *хулитъ* всѣхъ и въ *Франціи побывалъ*,
Тому не вѣрю» *****).

Сочиненія Лукина считаются дурными въ особенности потому, что въ нихъ есть «пустыя слова» и «новыя выраженія». У Лукина дѣйствительно попадаются иногда неправильные обороты, нѣкоторыя любимыя слова и выра-

*) Тамъ же, стр. 76, 90, 119.

**) Такъ разсказываетъ Макаровъ, Реперт., стр. 465.

***) *Копеистомъ* называютъ Лукина и въ другихъ случаяхъ; вѣроятно онъ имѣлъ когда нибудь такую должность.

****) Миллеръ.

*****) Смѣсь, стр. 46.

женія, надъ которыми и смѣялись его враги: «да полно», «сказать по правдѣ», «какъ ли не» (вмѣсто: какъ ни) и т. п. «Трутень» въ «Статьяхъ изъ русскаго словаря» опредѣляетъ это послѣднее выраженіе такъ: «*Какъ ли не*: ново-«проявившееся слово, котораго во всѣхъ свѣтскихъ сочи-«неніяхъ славныхъ нашихъ авторовъ нѣтъ. Изъ чего слѣ-«дуетъ, что пишущій нынѣ *какъ ли не* вмѣсто *какъ ни*, го-«раздо разумнѣе тѣхъ писателей, которые до сего времени «по русски писали; не смотря на то, что остроумныя сочи-«ненія съ *какъ ни* устроеваютъ наше сердце и питаютъ ра-«зумъ, а изданіи съ *какъ ли не* смѣяться заставляютъ. По «моему мнѣнію, изобрѣтатель *какъ ли не* достоинъ такого «же почтенія, какъ изобрѣтатели пороха, печати и ариѳме-«тики, ибо сіе слово весьма много спомоществуетъ къ пріі-«обрѣтенію богатства, а именно тѣмъ, что если его почаще «употребить въ какомъ сочиненіи, то книга въ двое толще «будетъ; слѣдовательно въ двое и дороже продана быть мо-«жетъ» *). Длинныя предисловія Лукина также не избѣгли насмѣшекъ.

Одна изъ статеекъ противъ Лукина—письмо, адресованное къ издателю «Трутня» и напечатанное въ этомъ журналѣ **),—въ особенности подробно и старательно занимается имъ. Имя Лукина не названо, но что въ письмѣ изображается именно онъ, это очевидно. Письмо написано отъ неизвѣстнаго лица, которое описываетъ издателю свои качества, привычки, перечисляетъ свои литературные труды, и наконецъ проситъ, чтобы его приняли въ сотрудники журнала; самое письмо, переполненное его выраженіями, составлено въ формѣ предисловія, и такъ же почти длинно, какъ эти предисловія. Мы приведемъ его почти вполнѣ.

«.....Я превеликой охотникъ до всякихъ новостей, выхо-«дящихъ изъ типографіи (начинаетъ неизвѣстный): всякое «сочиненіе или переводъ, пока еще не покажется въ свѣтъ, «успѣетъ у меня раза два, три побывать; а я пользуясь

*) Трутень, стр. 33.
**) Тамъ же, стр. 18—25.

«тѣмъ стану хорошія или худыя о немъ разносити вѣсти, «смотря по времени и обстоятельствамъ и по лицу сочини-«теля. Которой умѣетъ отъѣдаться, тово оставляю въ по-«коѣ, и ничево при немъ и ево пріятеляхъ не говорю; а «развѣ *по слабости человѣческой* вымолвлю что нибудь за «глаза: *кто безъ грѣха, и кто бабѣ не внукъ*! Всѣ люди *сла-«бостямъ* подвержены, а я еще больше всѣхъ; а притомъ «я человѣкъ миролюбивой, что нѣкоторые изъ моихъ прія-«телей называютъ трусостію, *да полно* имъ никто *не вѣ-«ритъ*. Буде же по щастію моему попадется сочинитель «безъответѣтной, тогда я ради исправленія ближняго недѣли «двѣ по всему городу о немъ разсказываю исторіи; а все «ето происходитъ отъ маленькой слабости, что я ничьихъ «не люблю хвалити сочиненій. Мнѣ и славныя русскія тра-«гедіи кажутся *ничево значущими*..... словомъ, какъ бы кто «хорошо ни написалъ, только не добьется отъ меня, чтобы «я вмѣсто худо, сказалъ хорошо; и кто что ни говори, а «я все таки стану продолжать свое искусство, то есть шеп-«тать на ухо, что то-то и то-то худо; а такихъ людей много, «которые сами ничево не зная, мнѣ вѣрятъ.... Я нѣсколько «позаговорился, и отошелъ отъ тово, о чемъ намѣренъ былъ «къ вамъ писать, *да полно* ето со мною не въ первой слу-«чается разъ. И *какъ ли* я *ни* помню, что *во многомъ гла-«голаніи нѣсть спасенія*, только не могу никакъ отъ тово «удержатися *). И когда *завистники* мои говорятъ, что я «пишу очень пространно, на то отвѣчаю такъ: Лутче мнѣ «написати что излишнее, нежели пропустить нужное.» Онъ говоритъ потомъ, что хотѣлъ бы изложить всѣ причины, побудившія его писать это письмо, въ предисловіи, «но «одинъ мой пріятель увѣрялъ меня будто къ письмамъ пре-«дисловій не пишутъ; и хотя ево въ томъ я и послушался, «однакожъ и теперь думаю, что онъ ошибся. Мнѣ кажется

*) Подчеркнутыя фразы—тѣ *новыя выраженія*, за которыя нападали на Лукина. Послѣдняя фраза пародируетъ предисловіе къ «Пустомелѣ»: «Пре-«давая печати сіе сочиненіе, хотѣлъ было я начеркать къ нему не весь-«ма лаконическое предисловіе» и т. д.

«такъ: ежели предисловіи могутъ приносити пользу, такъ «ихъ и при письмахъ надлежитъ писати; ежели жъ они без-«полезны, такъ и нигдѣ не надлежитъ ихъ писать. Какъ «бы то ни было, только предисловіи кажутся мнѣ за весьма «необходимый придатокъ.....» Затѣмъ авторъ письма считаетъ необходимымъ сообщить издателю «Трутня» описаніе своихъ личныхъ качествъ: опять подражаніе манерѣ Лукина, который вообще пространно предупреждалъ читателей своихъ о разныхъ относившихся къ нему обстоятельствахъ.

«Нѣсколько тому миновало мѣсяцевъ, какъ вступилъ я «на двадцать осьмой годъ отъ моего рожденія, и въ та-«кое короткое время успѣлъ всѣхъ перекритиковать, пере-«бранить, себя прославить, у другихъ убавити славы, мно-«гимъ женщинамъ вскружить головы, молодыхъ господчи-«ковъ отъ ревности свести съ ума и вырость безъ мала «въ два аршина съ половиною. Лице имѣлъ я очень смуг-«лое, но съ тово времени, какъ началъ притираться китай-«скимъ порошкомъ, сталъ гораздо бѣлѣе; а станомъ похожъ «на астронома. По сему описанію хотя и не похожъ я на «красавца; однакожъ есть люди, кои говорятъ, будто я очень «не дуренъ, и какъ ето мнѣ не непріятно, то я и отдаю «справедливость ихъ вкусу. Нѣкоторыя называютъ ихъ «льстецами, но *я етому не вѣрю* *).

«*Какъ ми* я тѣлесными дарованіями ни бѣденъ, но напро-«тивъ того душевными обогащенъ со излишествомъ. Ра-«зумъ мой отъ многихъ знатоковъ почитается не только «что острымъ, но пылкимъ, здравымъ, твердымъ и основа-«тельнымъ; и безъ самохвальства могу сказать, я его имѣю «столько, что оставя про себя сколько надобно, могу из-«лишнимъ надѣлити человѣкъ около десятка. Я опричь ру-«ской грамоты почти ничему не учился, но все знаю, вы-«ключая русской азбуки, которую тогда я не доучилъ; а по-«слѣ не имѣлъ времени: ибо началъ упражнятися въ пись-

*) Авторъ письма замѣчаетъ въ сноскѣ, что онъ «въ описаніи своихъ тѣлесныхъ достоинствъ весьма чистосердеченъ.»

«менахъ. А ради того и понынѣ не знаю, гдѣ ставятся *ъ* «и *е*, гдѣ *і* и *и*, гдѣ *а!* и *ахъ!* и тому подобное, и гдѣ ка- «кія препинанія; для чего вмѣсто запятой, часто ставлю «удивительную и вопросительную; а двоеточіе при всякомъ «словѣ; ибо мнѣ кажется, что всякое слово отъ другова «отдѣляется, и тѣмъ разрѣзываетъ мысль: но ето бездѣ- «лица!»

Въ сочиненіяхъ Лукина дѣйствительно принято особое, нѣсколько капризное правописаніе: нѣкоторая слабость въ буквѣ *ъ*, слишкомъ частое и неправильное употребленіе точки съ запятой почти на каждой страницѣ, особенно въ предисловіяхъ; *а!* вмѣсто *ахъ!* и т. п.

«Чтожъ касается до душевныхъ добродѣтелей (продол- «жаетъ авторъ письма), то не польстя себѣ могу назватися «оныхъ прибѣжищемъ: изъ чего слѣдуетъ, что науку, *знать* «*самаго себя*, я лучше всѣхъ знаю *). Наконецъ сообщаю «вамъ, г. издатель, что я авторъ, да и такой авторъ, ко- «торой уже съ лишкомъ шесть лѣтъ *маратъ бумагу* **). И «*какъ ли* я своихъ сочиненій и переводовъ въ печать из- «далъ еще *ни* мало: но однакожъ имѣю очень много гото- «выхъ къ печатанію, и которыя, *сказать по правдѣ*, всѣ «книги полезныя. Я нѣкоторыя изъ нихъ наименую, чтобъ «вы имѣли лучшее понятіе о сочинителѣ по сочиненіямъ «а о сочиненіяхъ по сочинителѣ.»

Въ слѣдующемъ № «Трутня» письмо продолжается и авторъ перечисляетъ свои труды.

«I. *Наука быти льстецомъ* (или правила, по которымъ «очень скоро можно приходити въ милость у большихъ бо- «яръ, зараженныхъ самолюбіемъ) съ *предисловіемъ* въ 12 ча- «стяхъ ***).

---

*) «Благопристойность удерживаетъ (замѣчаетъ онъ), а самолюбіе, свой- «ственное намъ, разумнымъ людямъ, заставляетъ меня сказать, что чело- «вѣка два, три не мѣлкихъ моимъ живутъ разумомъ»,—вѣроятно намекъ, между прочимъ, на Елагина.

**) Такъ Лукинъ выражался о себѣ (напр. стр. 189). Первыя сочиненія его вышли за шесть лѣтъ до 1769 г.

***) Намекъ вѣроятно опять на отношенія къ Елагину. Ср. слова Фонъ

«II. *Способъ какъ здѣлаться авторомъ*, на двухъ страни-«цахъ безъ предисловія. III. *Способъ, какъ содержать бе-«сѣду въ безпрерывномъ веселіи*, или собраніе моихъ разум-«ныхъ разговоровъ, острыхъ словъ и замысловатыхъ шу-«токъ, въ 4 частяхъ *), и еще много неоконченныхъ, изъ «которыхъ одна комедія можетъ быть скоро и въ свѣтъ «покажется: она называется *Мотъ вразумившійся*. Піэса «*предарагая*, здѣлана Детушевымъ вкусомъ. *Да ежели ска-«зать истинну*, такъ она и великова мнѣ труда стоила; «ибо я непремѣнно долженъ былъ въ предисловіи написать «исторической и критической розыскъ о первоначальныхъ «театрахъ, о всѣхъ упадкахъ оныхъ и возвышеніяхъ, так-«же и причины, побудившія меня сіе писать, и какова отъ «того ожидаю успѣха: словомъ о всемъ читателей увѣдо-«мить, не изключая и того, что будутъ говорить о моей «комедіи, когда ее на Театрѣ представятъ: ибо я многое «узнаю на передъ за тѣмъ, что вѣрное дѣлаю изчисленіе. «Она съ предисловіемъ и наставленіемъ, какъ оную должны «актеры представляти въ двухъ частяхъ. Вотъ какой я «авторъ!»

Все это письмо довольно ловко пародируетъ предисловія Лукина, его манеру, языкъ и самую логику. Послѣднія слова письма повторены изъ предисловія къ «Моту». «При изда-«ніи на свѣтъ сея комедіи за необходимость почитаю увѣ-«домить всѣхъ читателей о притчинахъ, принудившихъ «меня къ сочиненію оной, объ успѣхахъ, въ представленіи «пріобрѣтенныхъ, и о протчихъ къ тому принадлежно-«стяхъ» и т. д. Доканчивая письмо въ томъ же духѣ, не-извѣстный проситъ издателя «Трутня» принять его къ себѣ корреспондентомъ. «Я напередъ восхищаюсь, какъ мы про-«славимся! А! мы уже конечно прославимся! Прости, г. из-

---

Визина: «дай Богъ, чтобъ по какимъ-нибудь неожиданнымъ случаемъ не вралася опять Л. къ Елагину; онъ только одинъ можетъ много вредить его репутаціи».

*) «Сія книга ежедневно увеличивается; ибо я всякой вечеръ записываю то, что днемъ говорилъ. И какъ я такія острыя слова говорить великій мастеръ, то уповаю умножити сіе изданіе до 12 частей.»

«датель, и *верь*, что я васъ *прямо* полюбилъ. А! *верьте* мо-«ему слову, оно достойно тово.....»

Издатель «Трутня» отвѣчалъ ему такимъ образомъ:

«Неизвѣстнаго мнѣ господина въ корреспонденты къ себѣ «не принимаю, и прошу, чтобы онъ впредь своихъ сочине-«ній не присылалъ. Не напечаталъ бы я и сего письма, «если бы не былъ увѣренъ, что такой характеръ достоинъ «осмѣянія и презрѣнія. Кто хулитъ всѣхъ и все, тотъ вре-«денъ обществу; а кто хулитъ извѣстныя славныя русскія «трагедіи, тотъ почитаться долженъ невѣжею въ словес-«ныхъ наукахъ. Наконецъ сему неизвѣстному господину «сообщаю присланную ко мнѣ эпиграмму.

«Осьмымъ тебя, мой другъ, всѣ чудомъ почитаютъ:
Пречудные въ тебѣ два свойства обрѣтаютъ.
Тогда какъ ты молчишъ,
Премножество ума найти въ тебѣ всѣ чаютъ;
Но лишъ раскроешъ ротъ, и только заворчишъ,
То круглымъ всѣ тебя невѣждой величаютъ» *).

Мы соберемъ еще нѣсколько данныхъ изъ этой журнальной полемики, относящихся къ Лукину и любопытныхъ для характеристики литературныхъ нравовъ.

«Трутень» 1769 г. былъ особенно богатъ статейками противъ Лукина. Новиковъ былъ особеннымъ почитателемъ Сумарокова и естественно возставалъ противъ хулителя славныхъ русскихъ сочиненій. Такимъ образомъ, здѣсь сталкивались два литературные кружка или два враждебныя мнѣнія. Самъ Сумароковъ, какъ свидѣтельствуютъ записки Порошина, не могъ безъ раздраженія слышать имени Лукина. По словамъ Макарова (на этотъ разъ довольно вѣроятнымъ), на сторонѣ Сумарокова, вообще имѣвшаго тогда большой почетъ въ литературѣ, въ этомъ случаѣ особенно были Княжнинъ, Аблесимовъ и нѣкоторые изъ актеровъ русскаго театра: въ числѣ этихъ актеровъ былъ между прочимъ тотъ Михайло Поповъ, участіе котораго въ «Трутнѣ» и нападе-

*) Эпиграмма принадлежитъ Михайлу Попову; см. «Досуги Мих. Попова», Спб. 1772, I, стр. 27.

нія на Лукина мы имѣли уже случай указывать. Княжнинъ въ самомъ дѣлѣ питалъ настоящее благоговѣніе къ Сумарокову; Аблесимовъ также ревностно защищалъ славу россійскаго Вольтера: по разсказамъ, онъ былъ крестникомъ Сумарокова, который звалъ его «чернильнымъ сынкомъ», и протежировалъ ему; Аблесимовъ участвовалъ въ журналѣ своего покровителя, «Трудолюбивой Пчелѣ», и теперь, въ защиту его, между прочимъ участвовалъ въ журнальныхъ обличеніяхъ противъ Лукина. Этотъ послѣдній съ своей стороны, кажется, не оставался въ долгу и, сколько можно заключить изъ журнальныхъ намековъ, повредилъ Аблесимову, когда тотъ представилъ одну изъ своихъ пьесъ директору театра, которымъ былъ тогда Елагинъ. Кто изъ нихъ началъ, мы не знаемъ; но споръ перешелъ въ журналы и породилъ здѣсь длинную перебранку.

Дѣло шло такимъ образомъ.

«Всякая Всячина», разсказывая однажды о разнообразныхъ письмахъ, которыя ей присылаются для напечатанія, упоминаетъ между прочимъ: что одинъ корреспондентъ, «приписавъ (т. е. посвятивъ) намъ цѣлую комедію, прислалъ для вмѣщенія въ недѣльныхъ осьми страницахъ, гдѣ на силу два явленія вмѣститься могутъ» *). Комедія и не была напечатана.

(Эта комедія, сколько можно полагать, была именно пьеса Аблесимова).

Между тѣмъ издатель «Всякой Всячины» получилъ письмо, подписанное буквой *А.*, и опять не напечаталъ его. Письмо это (какъ дальше оказывается) писано было тѣмъ же авторомъ комедіи и повидимому наполнено было очень рѣзкими вещами, потому что издатель «Всячины», объявляя о своемъ отказѣ напечатать его, совѣтуетъ автору письмо это «беречь до тѣхъ поръ, пока не будетъ сдѣланъ (т. е. «дѣлаться) лексиконъ всѣхъ слабостей человѣческихъ и «всѣхъ недостатковъ разныхъ во свѣтѣ государствъ. Тогда «сіе письмо можетъ служить *реестромъ* ко вспоможенію па-

*) Всякая Всячина, стр. 112.

«мяти сочинителю; а до тѣхъ поръ просимъ господина *А.* «сколько возможно упражняться во чтеніи книгъ такихъ, «посредствомъ которыхъ могъ бы онъ *человѣколюбіе и кро-* «*тость* присовокупить къ прочимъ своимъ знаніямъ»... Подобныя рекомендаціи были вообще во вкусѣ «Всякой Вся-«чины», которая не любила слишкомъ прямаго изобличенія *слабостей человѣческихъ* и *недостатковъ разныхъ въ свѣтѣ государствъ*. Наконецъ, «Всякая Всячина» прибавляла: «сверхъ того мы не любимъ меланхоличныхъ писемъ» *).

И такъ авторъ ненапечатаннаго письма чѣмъ-то былъ очень раздраженъ и противъ чего-то возмущался. У него явился однако пріятель, который взялся защищать его интересъ,—нѣкто Афросимъ Оправдаевъ (вѣроятно все тотъ-же *А.* или самъ авторъ комедіи или перваго письма). Получивъ письмо этого Афросима въ защиту *А.*, «Всякая Всячина» опять не рѣшилась прямо печатать его, но отвѣтила наконецъ слѣдующимъ заявленіемъ:

«Избѣгая всѣхъ ссоръ, и объявивъ уже единожды, сколько желаемъ мы видѣть ободренными всѣхъ тѣхъ, кои посвящаютъ себя къ тому, чтобы своими трудами угодить публикѣ, мы принуждены симъ объявить господину Афросиму Оправдаеву, что если онъ насъ хотя одною строкою увѣритъ, что его извѣстный пріятель **) не осердится за внесеніе присланнаго имъ письма во «Всякую Всячину», то не мѣшкавъ оное напечатано будетъ» ***). Афросимъ отвѣчалъ, что пріятель не осердится; и черезъ мѣсяцъ, въ началѣ іюня, «Всячина» дѣйствительно напечатала и прежнее письмо Афросима Оправдаева, и новое, писанное въ отвѣтъ на ея заявленіе.

Изъ перваго письма оказывается, что Афросимъ Оправдаевъ говорилъ именно объ упомянутой прежде комедіи, ненапечатаніе которой повергло автора ея въ отчаяніе. Пріятель автора соглашается, что издатель «Всячины» былъ правъ, когда затруднился печатать комедію — «кою въ са-

*) Тамъ же, стр. 139—140.

**) То есть *А.*, или самъ онъ, если оба имени взяты однимъ лицомъ.

***) Тамъ же, стр. 144.

«мой вещи раздѣлить по листамъ дѣло не стройное; вооб-«ще комедія, а по розницѣ ничто». Но отказъ «Всякой Вся-«чины» былъ однако весьма огорчителенъ для автора: «От-«казъ красавицынъ не привелъ бы такъ въ отчаяніе влюб-«леннаго, ни пушечный выстрѣлъ въ ужасъ труса, сколь-«поразилъ вашъ отзывъ сочинителя комедіи.» Афросимъ на-шелъ этого сочинителя въ совершенномъ разстройствѣ по полученіи отказа: онъ собирался что-то писать, но на ис-писанной бумагѣ не осталось ни одной строчки цѣлой. «Онъ «высылалъ меня вонъ, и держалъ за полу; сердился, что я «помѣшалъ ему, и давалъ знать, сколько радъ мнѣ; не хо-«тѣлъ ни за что открыть того, что пишетъ, но въ тужъ «минуту и просилъ моего совѣта, не могу ли я къ зачато-«му имъ письму приноровить моихъ мыслей? а его приходятъ «все наизнанку», и проч. *). Оказалось, что авторъ комедіи намѣревался отправить издателю «Всякой Всячины» посла-ніе и объяснить, что онъ хотѣлъ посвятить ему комедію только изъ усердія, что напечатается она и безъ того, а ему нужно было только одобреніе издателя «Всячины».

Во второмъ письмѣ Афросимъ Оправдаевъ замѣчаетъ, что хотѣлъ подробнѣе узнать отъ автора, съ какою цѣлью онъ хотѣлъ посвятить свою комедію издателю «Вс. Всячины»: «Онъ не говорилъ ничего иного: *я несчастливъ! тружусь «безъ пользы!* Изъ послѣдующихъ рѣчей тоже не больше «узналъ я, какъ только сіе, что онъ видя близъ года **) «піэсу имъ сдѣланную безъ успѣха, кою иные хвалятъ, дру-«гіе хулятъ, подумалъ свѣдати безпристрастную ей цѣну», и желалъ получить отъ издателя Всячины совѣтъ о своемъ служеніи «въ честь Ѳаліи, къ которой мусѣ больше всего «онъ мысли свои устремляетъ» ***).

Издатель въ заключеніе писемъ одобряетъ въ авторѣ ко-медіи «толикое стремленіе къ ѳеатральнымъ сочиненіямъ».

Такимъ образомъ, упомянутое выше письмо *А.*, или сочи-

---

*) Тамъ же, стр. 185—186.

**) «Столько времени прошло, какъ комедія его подана Г. Д. (т. е. Го-сподину Директору) ѳеатра».

***) Тамъ же, стр. 188—189.

нителя комедіи, оставшееся совсѣмъ ненапечатаннымъ, заключало вѣроятно его жалобы и обличенія противъ неблагопріятныхъ ему дѣйствій директора театра, который промедлилъ долго своимъ отвѣтомъ и наконецъ совсѣмъ отказался принять пьесу. Въ этомъ послѣднемъ, кажется, имѣлъ свою долю участія и Лукинъ, какъ увидимъ дальше.

Около этого же времени, именно въ двухъ іюльскихъ нумерахъ «Трутня», были помѣщены двѣ (сатирическія) сказки: «Игрокъ, сдѣлавшійся писцомъ» (т. е. писателемъ) и «Стыдъ хулителю», обѣ написанныя совершенно въ одномъ стилѣ, обѣ одинаково бранчивыя, но незамысловатыя и принадлежащія безъ сомнѣнія одному перу. Сказки эти приписываются именно Аблесимову, и цѣлью сатиры былъ по всѣмъ видимостямъ его непріятель Лукинъ, — сдѣлавшійся изъ игрока писателемъ, какъ онъ самъ это разсказывалъ, и извѣстный въ то время за ужаснаго «хулителя».

Лукинъ, еще прежде задѣтый «Трутнемъ», долженъ былъ отзываться о немъ не очень благосклонно; могли бранить этотъ журналъ и какіе нибудь пріятели Лукина. Въ слѣдующихъ нумерахъ «Трутня» (въ августѣ) является отвѣтъ на эту брань, и новыя нападенія. Во первыхъ, посланіе «Къ г. издателю Трутня»:

«Издатель! многіе глупцы тебя ругаютъ,
За тѣмъ что твари тѣ и разумъ отвергаютъ,
Ты долженъ сонмище вралей всѣхъ презирать,
Никто не запретитъ бумагу имъ марать;
Разумной вертопрахъ съ *Пантеею* *) свидѣтель,
Какой имъ даръ писать Парнасской далъ владѣтель...
Почесть терновникомъ нельзя прекрасну розу,
Такъ Сумарокова хулить стихи и прозу:
Все плавно, хорошо, онъ первой здѣсь у насъ,
Извѣстна лишь ему дорога на Парнасъ...
Л... съ своимъ худымъ ты слогомъ и невольнымъ,
Читателя зови хоть сто разъ благосклоннымъ,
И въ предисловіи хоть въ ноги поклонись,
Иль за сіи слова со мною побранись,

*) Сочиненія Лукина и Ѳ. Козельскаго; эти писатели поставлены рядомъ и въ «Смѣси», въ разговорѣ издателя съ Меркуріемъ, стр. 163—164.

Что худо пишешь ты, всегда скажу я смѣло,
Что *А!* на мѣстѣ *Ахъ!* успѣха не имѣло,
Что *какъ-ни-ни* твоихъ нигдѣ не напишу,
И противъ истины во вѣкъ не погрѣшу», и т. д.

Далѣе, въ слѣдующемъ нумерѣ «Трутня» помѣщена вѣдомость «Съ Парнасса... 1769 года», такого содержанія:

«Здѣсь все въ великомъ замѣшательствѣ: славныя сти-«хотворцы, обезображенныя худыми переводами, чрезвы-«чайно огорчились, и просили Аполлона о заступленіи. Всѣ «музы, прославленныя въ Россіи Г. С. (Сумароковымъ) при-«ходили ко своему отцу, и со слезами жаловалися на дер-«зновеніе молодыхъ писателей: Мельпомена и Талія проли-«вали слезы и казались неутѣшными. Великій Аполлонъ «увѣрялъ ихъ, что сіе здѣлалось безъ его позволенія, и что «онъ для разсмотрѣнія сего дѣла повелитъ собрать чрезвы-«чайный совѣтъ; а между тѣмъ показалъ Таліи *новую Рус-«скую комедію* ****, сочиненную однимъ молодымъ писате-«телемъ. Талія, прочитавъ оную, приняла на себя обыкно-«венной свой веселой видъ, и сказала Аполлону, что она «сего автора съ удовольствіемъ признаетъ законнымъ сво-«имъ сыномъ. Она и записала его имя въ памятную книж-«ку, въ число своихъ любимцевъ».

Это извѣстіе относятъ обыкновенно къ «Бригадиру» Фонъ-Визина *). Это возможно, хотя до сихъ поръ не опредѣлено съ точностью время перваго появленія «Бригадира». О новой комедіи упоминается опять въ сентябрьскомъ нумерѣ «Трутня», въ статейкѣ, написанной очевидно на Лукина. Нѣкій «Лѣчитель» предлагалъ свои услуги страдающимъ душевными разстройствами, и въ числѣ этихъ болѣзненныхъ случаевъ разсказывается такой:

«*Начеркалъ* (собственное имя) сочинилъ вздорную піэсу, «и вздумалъ, что можетъ ровняться со всѣми славными ко-«мическими авторами. Сіе произошло отъ пристрастія и «самолюбія, съ тѣхъ поръ не терпитъ онъ сочинителя но-«вой комедіи, за то только, что ево піэса хорошо написана

*) Аѳанасьевъ, Русскіе сатир. журналы 1769—1774 г. М. 1859, стр. 96.

«и что она всѣми разумными людьми похваляется. Наконецъ «отъ перьвыхъ болѣзней приключилась ему новая опаснѣй-«шая прежнихъ: онъ сталъ злоязычникъ, и всѣхъ тѣхъ бра-«нитъ, кто не похвалитъ его сочиненій. Отъ той болѣзни

«*Рецептъ*.

«Всякой день долженъ онъ читать свою піэсу по два ра-«за, сличая съ тою, которую онъ обобралъ, и продолжать «оное чтеніе три мѣсяца, что произведетъ въ немъ отвра-«щеніе отъ той ево піэсы; тогда увидитъ онъ свои недо-«статки и самолюбіе уменьшится; злоязычество же, проис-«шедшее отъ самолюбія, есть болѣзнь неизлѣчимая» *).

Между тѣмъ, съ другой стороны во «Всякой Всячинѣ» продолжалась исторія, начало которой мы передали въ письмахъ Афросима Оправдаева, и можно думать, или что *новая комедія*, о которой тутъ шла рѣчь, есть *не та* новая комедія, о какой упоминаетъ «Трутень», или что комедія, упоминаемая «Трутнемъ», не есть Бригадиръ, а та-же пьеса Аблесимова.

«Всякая, Всячина», повидимому въ отвѣтъ на письма Оправдаева, помѣстила вскорѣ два разсужденія, гдѣ, по ея обычаю, излагается общая мораль безъ опредѣленнаго отвѣта на данный случай. Сначала разсуждается о томъ, что «ничто такъ не подло и уничтоженія достойно, какъ потаенно поносити человѣка: у меня сердце ноетъ всякій разъ, когда вижу такое лукавое умоначертаніе, совокупленное со нравомъ веселымъ и насмѣшливымъ» и т. д.; въ другомъ разсужденіи говорится, что начальники должны быть снисходительны и внимательны къ тѣмъ, кто стоитъ ниже ихъ по общественному положенію, и что медленность есть такой порокъ, который обыкновенно приключаетъ невозвратный вредъ тому, кто на оный надѣется, чему однако легко

*) Имя Начеркала составлено изъ слова «черкать», которое Лукинъ часто употребляетъ; «Мота» считали выкраденнымъ изъ Детуша. — См. Трутень», стр. 105, 109, 144.

помочь можно бы было» *). Это какъ будто наставленіе адресованное вслѣдствіе жалобъ *А.*, къ его хулителямъ и къ директору театра.

Наконецъ «Всячина» помѣщаетъ письмо, изъ котораго еще разъясняются прежніе полемическіе намеки. Авторъ письма (онъ же и авторъ комедіи, не принятой на театръ и не напечатанной во «Вс. Всячинѣ»), обращаясь къ издателю, указываетъ три причины, заставляющія его писать къ нему: «одна изъ нихъ *жалоба*, другая *неудача*, а третья *стыдъ*». Двѣ послѣднія причины объясняются такъ:

«*Неудача*, она сдѣлалась съ одною комедіею, которую сперва съ удовольствіемъ приняли, читали, хвалили, и обѣщали, что будетъ сыграна. Писатель сей готовилъ и еще; однако не безъ добрыхъ людей, сыскались тотчасъ сдѣлать ему пакость: отдали бѣдняку комедію назадъ не молвя никакого слова. Да за что-жъ, спросилъ я?.. Изъ зависти, мнѣ отвѣчали .. Вотъ что принудило меня *стыдъ* изъяснити въ сказкѣ»... Огорченный авторъ хотѣлъ-было даже написать объ этомъ предметѣ не сказку, а цѣлую комедію, и написалъ бы, «ежели бы знакомый мой не избавилъ меня труда, сказавъ вѣсточку, нашей братьи охотникамъ сочинять комедіи не очень радостную (?). Нѣчего же и трудиться! сказалъ я тогда самъ себѣ: госпожѣ публикѣ не сдѣлаетъ это убытка, что я сожгу съ досады все, что я ни сдѣлалъ, ни дѣлалъ, ни зачиналъ дѣлати для театра, и больше за комедіи не примуся. Прости, трудъ! прости и охота! лучше писати сказки, скорѣй за нихъ выбранятъ или спасибо скажутъ» **).

Издатель «Всячины» прибавляетъ, что при письмѣ приложена была сказка «Стыдъ хулителю», но что онъ не помѣщаетъ ея, такъ какъ какъ она была уже напечатана въ «Трутнѣ» ***).

---

*) Всяк. Всячина, стр. 195—199.

**) Письмо подписано: «имя мое съ аза, — а прозвище Проказа»; псевдонимъ, приписываемый Аблесимову.

***) Всяк. Всячина, стр. 321—324. Въ «Трутнѣ» она была напечатана въ одномъ изъ іюльскихъ нумеровъ, стр. 71—75.

Мы уже замѣчали, что эта сказка, и другая «Игрокъ, сдѣлавшійся писцомъ», написаны по всѣмъ видимостямъ Аблесимовымъ и направлены противъ Лукина. Изъ послѣдняго приведеннаго письма ясно, что это нападеніе на Лукина имѣло поводъ въ его враждебномъ отношеніи къ сочинителю комедіи. Около этого времени была написана Аблесимовымъ комедія въ 5 дѣйствіяхъ «*Подъяческая пирушка*»; несмотря на надежды автора, она такъ и осталась неигранною и неизданною.

Быть можетъ, о ней же рѣчь идетъ и въ приведенныхъ выше вѣдомостяхъ «съ Парнасса» (гдѣ, какъ сказано, другіе видятъ намекъ на «Бригадира»). Кромѣ того, что время появленія «Бригадира» въ точности неизвѣстно, нѣтъ свѣдѣній и о томъ, какъ именно относился Лукинъ къ этой комедіи Фонъ-Визина. При всей враждѣ, на которую жалуется Фонъ-Визинъ, Лукинъ печатно отзывался о его трудахъ съ большимъ уваженіемъ. Въ одномъ изъ своихъ предисловій Лукинъ, защищая передѣлываніе чужихъ комедій на русскіе нравы, ссылается на Елагина, Фонъ-Визина и Ельчанинова, и воздавъ должную похвалу своему меценату, выражается объ этихъ послѣднихъ такими словами: «послѣдніе оба, *имѣя больше меня способности и знанія*, сами всѣхъ неосновательныхъ осуждателей, которые на нихъ нападали, если захотятъ, безъ труда усмирить могутъ, ибо на правду словъ мало надобно» *).

Въ чемъ состояла «вѣсточка, не очень радостная охотникамъ сочинять комедіи», неизвѣстно **).

Двѣ сказки противъ Лукина, которыя мы приписываемъ Аблесимову, не имѣютъ отношенія къ разсказанной полеми-

---

*) Лук., стр. 113—114.

**) Быть можетъ, къ этой вѣсточкѣ имѣетъ отношеніе и вѣдомость съ Парнасса отъ 1 августа, напечатанная въ Трутнѣ (стр. 110):

«Смятеніе на Парнассѣ и по нынѣ еще продолжается. Всѣ съ нетерпѣливостію ожидаютъ собранія совѣта и окончанія сего замѣшательства. На сихъ дняхъ великому Аполлону подалъ челобитную Пегазъ, въ которой проситъ объ отставкѣ. Какъ скоро сія челобитная будетъ помѣчена, то мы ее сообщимъ».

кѣ, но стараются вообще характеризовать въ Лукинѣ человѣка, до глупости и наглости самолюбиваго и бранчиваго, но вмѣстѣ и хитраго льстеца, и разсказываютъ анекдоты, въ которыхъ будто бы ему приходилось платиться за эти свойства. Сказки не столько отличаются остроуміемъ, сколько грубоватостью, и написаны неловко и тяжело.

Въ первой разсказывается, что игрокъ, превратившись въ писателя, опять соблазнился и разъ, сильно проигрываясь, пришелъ въ крайнее раздраженіе, началъ браниться и наконецъ въ брани сказалъ, что когда-то, помнится, бивалъ своего противника. Тотъ, разсердившись,

— «ужь больше не шутилъ,
И не были слова его пустыя;
Онъ ритора схватилъ
За кудри непростыя
За кудри подвитыя...»

Противникъ былъ человѣкъ сильный, и «писецъ» или «риторъ» потерпѣлъ отъ него побои, описаніемъ которыхъ сказка оканчивается.

Въ другой сказкѣ говорится:

«Не въ давны времена, не въ прежни годы,
Но въ сей златый нашъ вѣкъ,
Прославился одинъ ученый человѣкъ, —

т. е. тотъ-же «риторъ»,—который хвалился что бывалъ въ Парижѣ и вообразилъ, что будто онъ уже въ союзѣ съ Таліей и сталъ ученымъ человѣкомъ, — и хотя это была неправда, но это не мѣшало его славѣ, потому что хвала и хула раздаются не всегда справедливо. Слѣдуетъ длинное описаніе хулы и ея козней. Ученый сталъ взирать на всѣхъ гордымъ окомъ, сталъ вводить свой новый слогъ и порочить похвальныя дѣла (т. е. сочиненія) писателей. Однажды былъ онъ въ обществѣ, между разумными людьми шли споры и онъ вмѣшался въ нихъ: около него собрались послушать его рѣчей. Изъ тщеславія онъ желалъ всѣхъ оспорить, и хваля одного лирика, бранилъ какого-то драма-

тическаго писателя. Но онъ не поберегся, и одинъ изъ гостей осмѣялъ его:

«Сей гость ученому изъ Лириковыхъ дѣлъ
Двѣ строфы лучшіа по памяти прочелъ.
Тогда хвалами,
Ученой, до небесъ
Тѣ строфы превознесъ;
Другихъ же называлъ творцовъ ослами.
Еще гость строфу тожъ немедленно прочелъ;
Ученой лучшею изъ всѣхъ сію почелъ.
Она была изрядна въ самомъ дѣлѣ,
А онъ хвалилъ ее колико силы въ тѣлѣ,
Сказалъ: она еще важняе первыхъ двухъ;
Не поражаетъ ли ума сей строфы слухъ?
Не восхищаетъ ли тѣмъ духъ?
Нельзя сыскать ни въ чемъ подобна слога чиста!
А ета строфа Драматиста!...
Сказалъ гость вдругъ
Сему учену мужу;
Онъ здѣлалъ тѣмъ ему въ крови ужасну стужу:
Гнѣвъ, ярость, злоба, стыдъ,
Совсѣмъ ученаго перемѣнили видъ;
Ужасно зрѣть, какъ онъ на гостя разъярился,
Но со стыдомъ тотчасъ изъ глазъ ихъ скрылся».

Война противъ Лукина велась главнымъ образомъ въ «Трутнѣ». «Всякая Всячина» относилась къ нему дружелюбнѣе и даже защищала его; но остальные журналы также были противъ него, и, нападая на него самымъ злостнымъ образомъ, не только осмѣивали его литературное самолюбіе, но разсказывали наконецъ скандальныя вещи изъ его частной жизни (а можетъ быть, на извѣстную долю и сочиняли ихъ). Образчикъ мы видѣли въ сказкахъ, напечатанныхъ въ «Трутнѣ».

«Адская Почта» печатаетъ слѣдующій разсказъ объ одномъ сочинителѣ комедій, въ которомъ по всѣмъ вѣроятіямъ хотѣла изобразить того-же злосчастнаго Лукина:

«Онъ бранитъ всѣхъ комедіантовъ, утверждая, что они «портятъ комедіи, не представляя оныя такъ, какъ надоб«но. Ему съ нимъ разговаривающій сказалъ, что наши ко«медіанты въ томъ невиноваты, что имъ дурнаго сочине-

«нія хорошимъ представить не можно, что здѣшніе нѣко-
«торые актеры и актрисы дѣлаютъ честь нашему театру и
«что, конечно, онъ за то ихъ возненавидѣлъ, что здѣшній
«весьма хорошій актеръ (Дмитревскій), съѣздивъ въ Парижъ,
«пріѣхалъ еще лучшимъ, а онъ, будучи неудачливымъ со-
«чинителемъ, *возвратился изъ Парижа* худшимъ авторомъ,
«нежели какъ былъ прежде. Ты лжешь, въ гнѣвомъ отвѣ-
«чалъ сей авторъ, у меня есть піеса, которую и Мольеръ
«бы похвалилъ, или бы еще оной позавидовалъ, если бы
«былъ живъ... Потомъ, вынувъ изъ кармана свое сочине-
«ніе, съ такимъ восхищеніемъ, шумомъ, крикомъ, бѣшен-
«ствомъ, воздыханіемъ и хохотаніемъ оное читалъ, что,
«еслибы то было въ Англіи, то посадили бы его въ шаль-
«ной домъ. Прочетши нѣсколько явленій, привелъ въ вели-
«кій смѣхъ съ нимъ спорящаго. Тогда авторъ сказалъ смѣ-
«ющемуся: ты глупецъ, ничего не смыслишь, вкуса въ те-
«атрѣ не знаешь, сочинять не умѣешь, театральныя пра-
«вила тебѣ неизвѣстны. Соперникъ его, видя, что такой
«чрезвычайный жаръ требуетъ охлажденія, вылилъ ему въ
«глаза стаканъ воды... Недавно нѣкоторый сочинитель
«мало не покритиковалъ его доброю великороссійскою по-
«щечиною за то, что бранилъ при людяхъ того, у котора-
«го сей сочинитель въ повелѣніи» *). Если хорошъ обви-
няемый, то очевидно, что и обвинитель мало ему уступаетъ.

Издатель «Пустомели», журнала 1770 года, также не опус-
каетъ говорить о томъ, «сколько несносны Таліи Л** ко-
медіи», или, что для того, чтобы помучить Талію, надо за-
ставить ее «читать Л** комедіи» **). Мы упоминали выше о
выходкахъ «Смѣси».

Наконецъ нѣкоторыя черты, придаваемыя Лукину его
журнальными «ненавистниками», повторяются въ изобра-
женіяхъ *Стозмѣя*, человѣка, преисполненнаго пороками, кото-
раго обличаетъ «Трутень» и другіе журналы. Подъ это,
довольно нелѣпое, названіе собраны вѣроятно и «сатиры
на лицо», потому что нѣкоторыя подробности весьма опре-

*) Адская Почта, стр. 155—157.
**) Пустомеля, изд. 2-е, стр. 17, 90—91.

дѣленны и многія именно приписывались Лукину. «Стозмѣй» изображается нѣсколько разъ въ журналахъ: это человѣкъ надутый злобой, онъ хвастается своими подвигами, что одного осмѣялъ, другаго оклеветалъ, — бранитъ россійскихъ авторовъ, «не думая того, что хула его истинной славы сихъ авторовъ повредить не можетъ», — «разсуждаетъ о театральныхъ дѣйствіяхъ, удивляется худымъ распоряженіямъ, и сказываетъ, какъ бы онъ сдѣлалъ, ежели бы тѣ дѣла отъ него зависѣли», — онъ ежедневно бываетъ у своей любовницы Перекрасы, съ которой вмѣстѣ они пересуживаютъ людей,—«въ угожденіе своей любезной онъ въ состояніи учинить всякое злодѣйство», между тѣмъ она его обманываетъ, и люди удивляются, какъ онъ, который все знаетъ, не видитъ, что дѣлается у него передъ глазами. О будущемъ его предполагали, что онъ «или будетъ повѣшенъ, или дойдетъ до великихъ почестей» *). Было бы слишкомъ длинно сличать всѣ эти черты и намеки, но они повторяются очень сходно въ разныхъ статейкахъ, указанныхъ въ послѣднемъ примѣчаніи, такъ что едва ли можно сомнѣваться, что онѣ мѣтили на опредѣленное лицо. Въ другихъ случаяхъ подобныя черты и намеки явнымъ образомъ относятся къ Лукину.

Самый невинный изъ журналовъ 1769 г., «Полезное съ пріятнымъ», наполнявшійся переводными статейками и стишками нравоучительнаго свойства, однажды также пустился въ сатиру подобнаго рода и разсказываетъ слѣдующую исторію «о ревности», мѣтившую явно на автора «Сочиненій и Переводовъ».

«Читалъ я въ одномъ сочиненіи *Маржиза д'Аржанъ* **), «что «ревнивые никогда не вѣрятъ своимъ любовницамъ; «безпрестанное ихъ безпокойство подобно морскому волне«нію, и есть ли любовница на кого взглянетъ съ пріятностію, «то ревнивый можетъ взбѣситься». Но я не думалъ, что бы «въ моемъ отечествѣ были такіе безразсудные люди, кото-

*) Ср. «Трутень», стр. 100, 122; «Смѣсь», стр. 173—175, 223, 229, 261 и друг. См. также «Смѣсь», стр. 100—102.

**) Т. е. въ романѣ, въ переводѣ котораго Лукинъ участвовалъ.

«рые бы отъ ревности дѣлались дураками. Однакожъ я въ «семъ удостовѣрился: одинъ *дѣтинка*, который *былъ еще и «въ Парижѣ*, разсердился на моего пріятеля за то, что его «любовница дала ему булавку. Читатель можетъ быть мнѣ «не повѣритъ, но я клянусь всѣмъ на свѣтѣ, что при моихъ «глазахъ онъ спрашивалъ у моего пріятеля, какими сред- «ствами онъ могъ получить отъ ней булавку. Всякой ска- «жетъ, что надлежитъ прежде сойти съ ума, а послѣ дѣлать «такіе смѣшные вопросы... Сей бѣднякъ недавно намъ еще «оказалъ плодъ своей ѣзды во Францію: онъ пріѣхалъ къ «своей любовницѣ и не засталъ ея дома: ревность начала «его терзать, и пришло ему на память, что на парижскомъ «театрѣ ле-Кенъ, представляя Оросмана, и подозрѣвая За- «иру, велѣлъ запереть сераль; такъ и онъ повелѣлъ, когда «пріѣдетъ его любовница, посадить ее подъ караулъ. Сла- «бый разсудокъ принудилъ его подражать Оросману. Ибо «онъ вообразилъ себѣ, что свѣтъ есть театръ, а когда ле- «Кенъ играетъ на театрѣ очень хорошо Оросмана, то и онъ «можетъ храбровать въ домѣ своей любовницы. Я сперва «не вѣрилъ, чтобы человѣкъ могъ придти въ такое заблуж- «деніе. Но читавъ *мнѣнія г. Руссо* нашелъ, что «высоко- «мѣрный и самолюбивый болѣе ненавидитъ своихъ совмѣст- «никовъ, нежели любитъ свою любовницу». А какъ мой ви- «тязь ничто такъ высоко не поставляетъ, какъ *сочиненіи и «переводы*, произведенные его малоумiемъ, то сей поступокъ «мнѣ и показался извинительнымъ, тѣмъ еще болѣе, что «онъ послѣ самъ говорилъ своей любезной: А! *какъ ли* ты «*не* невѣрна, я тебя *прямо обожаю*! А! ты меня *прямо* зна- «ешь!... *) И такъ, изъявя свою горячность такими страст- «ными выраженіями, онъ былъ прощенъ своею любовни- «цею; однакожъ его глупость осталась непростительною. Но «что дѣлать, когда онъ родился съ такою головою? всѣ «разумные люди о немъ сожалѣютъ, и совѣтуютъ, чтобы

*) Это — опять *новыя выраженія* Лукина; мы указывали выше, какъ, по словамъ другаго журнала, эти *А!* *А!* разломили одной дѣвицѣ голову, когда въ театрѣ давали пьесу Лукина.

«по крайней мѣрѣ не печаталъ своихъ драмъ и не давалъ «ихъ на театръ, но безумный можетъ ли кого послу- «шаться?»

Издатель журнала присоединилъ къ статейкѣ простодушное замѣчаніе: «Сія послѣдняя матерія *о ревности* получена «нами на сихъ дняхъ отъ неизвѣстнаго намъ человѣка съ «прошеніемъ, чтобы оная въ издаваемыхъ нами листочкахъ «была напечатана. Хотя она *не соотвѣтствуетъ* нашему «намѣренію, и *къ одному лицу* относящаяся критика намъ «несвойственна; однако мы не хотѣли отказать ему въ его «просьбѣ, а особливо для того, что онъ къ тому имѣлъ «поводъ въ разсужденіи издаваемыхъ нынѣ разныхъ пері- «одическихъ сочиненій, въ кои все принимается. И для «того почли за нужное объявить о томъ обществу. Мы «ссоръ и споровъ убѣгаемъ, а отъ таковыхъ сочиненій оные «часто раждаются» *).

Такова была полемика. Кн. Вяземскій говоритъ о литературныхъ несогласіяхъ того времени, что это были «рыцарскіе поединки, въ которыхъ дѣйствовали однимъ законнымъ и честнымъ оружіемъ; тогда *искали торжества мнѣнію своему*, хотѣли выказать *искусство* свое, удовлетворить нѣкоторой *воинственной удалости* ума, искавшаго въ подобныхъ сшибкахъ случайностей, гласности и блеска» **). Признаемся, никакъ не можемъ найти въ этой полемикѣ ничего похожаго, — а мы указали изъ нея почти все, что относится къ разбираемому писателю. Напротивъ, мы находимъ въ ней совсѣмъ иныя качества. Конечно, противники «искали торжества своему мнѣнію»,—это бываетъ во всякомъ спорѣ,— но развѣ только самъ Лукинъ высказывалъ ясно свои *мнѣнія*; противники его именно не выставляли никакихъ мнѣній, а всего чаще голословную личную брань. Такъ это бывало и вообще. Рукописная полемика между Ломоносовымъ и Елагинымъ и ихъ приверженцами, напечатанная въ наше время въ «Библіограф. Запискахъ», представляетъ

*) «Полезное съ пріятнымъ», 1769, четвертый полумѣсяцъ, стр. 13—16; ср. также «Смѣсь», стр. 100—102.

**) «Фонъ-Визинъ», стр. 258.

образцы порядочно крупной брани, которую мудрено было бы назвать «рыцарской» бранью. Напротивъ, когда дѣло касалось литературныхъ *мнѣній*, отвлеченныхъ понятій и доказательствъ, наши писатели бывали въ старину совершенно безпомощны; всѣ *мнѣнія* выражались дѣтскимъ способомъ эпитетовъ: хорошо, дурно, негодно и т. п., но какъ и почему, это оставалось всего чаще неизвѣстно. Противники Лукина могли видѣть недостатки его комедій; но они не находились что сказать противъ его скептическихъ мнѣній о «славныхъ русскихъ сочиненіяхъ», мнѣній, которыя были очень справедливы, — они только ругали «хулителя». Искусства и воинственной удалости ума также не много въ этой полемикѣ; за исключеніемъ нѣсколькихъ, дѣйствительно забавныхъ и остроумныхъ выходокъ, обличенія замѣчательно дубоваты.

Въ этомъ характерѣ литературной полемики того времени отражается весь характеръ тогдашнихъ литературныхъ идей, еще крайне младенческихъ и неразвитыхъ. Такова была и сатира этихъ журналовъ: въ сатирѣ, и въ тогдашней комедіи еще слишкомъ много мѣста занимаетъ мелкая личная перебранка и насмѣшка: для комедіи нужны были «подлинники», и Сумароковъ напр. пишетъ цѣлую комедію для изображенія Тредьяковскаго; въ сатирѣ нужна была «критика на лицо»—просто потому, что писатели затруднялись выходить за предѣлы ученическихъ ссоръ и несогласій, и что ихъ наблюденію пока доступны были только случайныя частности и мало доступенъ былъ болѣе широкій горизонтъ дѣйствительной общественной сатиры.

Литература не вдругъ могла произвести жизненные типы Фонъ-Визинскихъ комедій; для этого она должна была сначала пройти низшіе классы своей школы, и характеръ этихъ классовъ мы видимъ въ тѣхъ литературныхъ понятіяхъ и нравахъ, какіе представляютъ намъ Лукинъ и его противники *).

*) Самъ Фонъ-Визинъ, замѣтимъ опять при всей талантливости мѣшаетъ чисто русское и живое содержаніе съ совершенно холоднымъ псевдоклассическимъ формализмомъ.

Лукинъ тѣмъ въ особенности и возбудилъ противъ себя такую крайнюю вражду, что началъ понимать ребячество этихъ понятій. Правда, сочиненія его были плохи, — но сколько было тогда писателей гораздо плоше; у него былъ, можетъ быть, несносный харктеръ и самохвальство, но и это не давало бы достаточнаго повода къ такому ожесточенному поголовному ополченію, какое было противъ него воздвигнуто. Всего ненавистнѣе былъ въ немъ, при этихъ качествахъ,—«хулитель славныхъ русскихъ сочиненій»; этого никакъ не могли ему простить: въ опроверженіе хулы нашлась цѣлая куча брани и сплетенъ объ немъ самомъ, и—почти ничего о сущности его мнѣній.

Мы видѣли, что всѣ комедіи Лукина, кромѣ «Мота», передѣланы съ французскаго. Комедіи его не выходятъ изъ ряда другихъ произведеній этого рода, написанныхъ въ то время *): у Лукина не было таланта, почти въ такой же степени, какъ и у другихъ современныхъ ему комиковъ нашихъ, и оттого, по своимъ комедіямъ, онъ почти нисколько не отдѣляется отъ темной массы тогдашней драматической литературы; но онъ былъ человѣкъ умный и понимавшій ложность направленія, которое принято было русской комедіей въ этомъ періодѣ, и намъ интересны собственно его критическія мнѣнія, которыя на большую долю были причиной озлобленія противъ него со стороны его противниковъ. Литературная дѣятельность его относится къ тѣмъ временамъ, когда русскимъ Парнассомъ завѣдывалъ Сумароковъ; псевдоклассицизмъ былъ въ полномъ разгарѣ; у насъ писались комедіи и трагедіи по французской мѣркѣ; подражательность переходила всякія границы, тѣмъ больше, что все это не было освѣщено ни однимъ яркимъ и сильнымъ талантомъ. Представителемъ комедіи и трагедіи былъ Сумароковъ. Здѣсь общимъ мнѣніемъ отдавалась ему паль-

*) Мы исключаемъ конечно Фонъ-Визина, котораго дѣятельность относится къ нѣсколько позднѣйшему времени.

ма первенства, и всякій голосъ противъ него навлекалъ на себя негодованіе и строгія осужденія. Такъ, напримѣръ, нѣсколько позже защищалъ Сумарокова нѣкто Струйскій въ своей «Апологіи Потомству» (1788): статью «Санктпетербургскаго Вѣстника» (1778 г. ч. I), проникнутую большимъ почтеніемъ къ имени Сумарокова, но находившую въ его сочиненіяхъ нѣкоторые, очень немногіе недостатки, Струйскій провозглашаетъ «ядомъ злобы, каплей, истекшей съ языка зависти, произведеніемъ растлѣвающимъ всякую добродѣтель», и пр. Это писалось уже тогда, когда русская литература имѣла Державина, Фонъ-Визина: чего-жъ можно было ждать теперь, когда единственнымъ (по смерти Ломоносова, 1765) сокровищемъ ея былъ Сумароковъ?

Лукинъ позволялъ себѣ думать о богатствахъ этой литературы иначе, и его мнѣнія о современной ему комедіи даютъ намъ возможность видѣть въ немъ болѣе разсудительнаго человѣка, чѣмъ представляли его противники.

Сравнивъ его сужденія о русской комедіи съ господствовавшимъ тогда способомъ критики, мы должны отдать справедливость его здравому смыслу. Тогдашняя критика не шла вообще дальше разбора слога и словъ. Въ основаніи литературныхъ понятій лежали тѣ-же мысли, которыя высказываетъ Буало, излагая обязанности критика въ своемъ «Art Poétique»:

Un sage ami, toujours rigoureux, inflexible,
Sur vos fautes jamais ne vous laisse paisible:
Il ne pardonne point les endroits négligés;
Il renvoie en leur lieu *les vers mal arrangés*;
Il réprime *des mots* l'ambitieuse emphase;
Ici le sens le choque, et plus loin c'est *la phrase;*
Votre *construction* semble un peu s'obscurcir;
Ce *terme* est équivoque, il le faut éclaircir.
C'est ainsi que vous parle un ami véritable.... *)

Все дѣло было, слѣдовательно, въ разборѣ версификаціи, фразы, употребленія разныхъ словъ и выраженій. Вотъ,

*) Art Poëtique, ch. I. Это — повтореніе Горація, Epist. ad Pisones, v. 419 и слѣд.

для примѣра, критическое разсужденіе Сумарокова («Сочиненія» X, 86—102): выписавъ стихъ, онъ разсуждаетъ надъ нимъ, можно или нѣтъ сказать такъ. «Въ девятомъ стихѣ сей строфы ни къ чему не привязано и не знаю для чего вставлено

И зракъ пріятнѣе рая.

«Пріятнѣе кромѣ вольности и ошибки не употребляется, а здѣсь въ вольности нѣтъ никакой нужды, и надлежало писать пріятня.

«Зракъ пріятнѣе рая, сказать не можно. Какой нибудь землѣ можно сказать пріятняе рая. Напримѣръ Италія пріятняе рая; а о зракѣ человѣческомъ надлежало сказать такъ: *И зракъ пріятняе зрака богини*, или что нибудь иное сему подобное». Или онъ «критикуетъ» стихъ:

Летитъ корма межъ водныхъ нѣдръ —

летитъ межъ водныхъ нѣдръ не одна корма, но весь корабль». Если же онъ разбираетъ коротко не пускаясь въ подробности, ему, разумѣется, трудно показать достоинство сочиненія, потому что нельзя выписать каждаго стиха, и тогда онъ просто ставитъ отмѣтки, означающія разныя степени красоты. Напримѣръ въ «Разсмотрѣніи одъ г. Ломоносова» *) Сумароковъ раздѣляетъ строфы на «прекраснѣйшія, прекрасныя, весьма хорошія, хорошія, изрядныя, строфы по моему мнѣнію требующія большаго исправленія, и строфы, о которыхъ я ничего не говорю», и потомъ подъ каждой изъ этихъ рубрикъ ставитъ цифры, показывающія оду и строфу! Этимъ ограничивается вся критика **). Лукинъ въ первый разъ обратилъ вниманіе не на одни слова, а на сущность дѣла. Онъ не вѣрилъ, какъ другіе, что такія комедіи, какъ Сумароковскія, останутся сокровищемъ русскаго Парнасса, и былъ убѣжденъ, что литература не можетъ остаться на этой степени развитія и что придетъ время, когда «писанія» подобныхъ авторовъ «прилежнѣе разсмотрятся», и когда на нихъ будутъ смотрѣть совершенно иначе.

---

*) Сочиненія, X, стр. 103—104.

**) Такимъ же способомъ онъ разбираетъ французскія трагедіи. Сочин. V, стр. 325—356.

Всего любопытнѣе, что Лукина занимала именно мысль о національной русской комедіи. Эта мысль постоянно проглядываетъ въ длинныхъ предисловіяхъ, которыя онъ посвящалъ объясненію своихъ литературныхъ понятій; на ней основывалъ онъ и свои нападки на современную ему комедію русскую, и къ ней направлялъ свои собственные труды. Сознавая недостатокъ таланта, онъ занялся почти исключительно передѣлками и подражаніями. Правда, ненавистники его говорили, что «передѣлывать комедіи стыдно для прелагателя, а потому безчестно и для его одно-земцевъ. Лучше свои подлинныя дѣлать, или надъ чѣмъ нибудь полезнымъ трудиться»; — онъ и самъ понималъ это, но открыто признавался, что для трудовъ оригинальныхъ у него не достаетъ силъ и времени, и вообще «многихъ и врожденныхъ и ученіемъ пріобрѣтенныхъ дарованій, которыя для составленія добраго писца (т. е. писателя) необходимы» *). Онъ чувствовалъ однако желаніе по мѣрѣ силъ способствовать успѣху русской драмы и взялся за передѣлки тѣмъ болѣе, что «и на другихъ языкахъ многіе и при томъ знатные драматическіе писатели передѣлывали комедіи»: въ примѣръ онъ приводитъ Вольтера, Мольера, Детуша, Реньяра, Буасси, Брюйе. Передѣлку и подражаніе Лукинъ различаетъ такимъ образомъ: «Подражать и передѣлывать, великая разница. Подражать, значитъ брать или характеръ, или нѣкоторую часть содержанія, или нѣчто весьма малое и отдѣленное и такъ нѣсколько заимствовать; а передѣлывать значитъ нѣчто включить или исключить, а прочее, то есть главное, оставить и склонять на наши нравы» **). Вѣроятно, еще не скоро ожидая появленія самостоятельной русской комедіи, Лукинъ твердо стоялъ за передѣлываніе комедій, назначаемыхъ для русской сцены, и защищаетъ это, какъ онъ говоритъ, не только невинное, но и доброжелательное намѣреніе отъ нападеній тѣхъ людей, которые считали его безполезнымъ и даже постыд-

*) Лук., стр. 7, 114 и слѣд.
**) Тамъ же, стр. 115.

вымъ и безчестнымъ. Такой неблагопріятный ѥло ывъ навлекли на себя, по словамъ Лукина, пьесы: «Коріонъ» Фонъ-Визина, «Французъ Русскій» Елагина и «Награжденная Добродѣтель» Ельчанинова. Этого рода мнѣнія имѣли многихъ поборниковъ, и Лукинъ долженъ былъ спорить противъ нихъ и въ защиту своихъ трудовъ, и въ пользу распространенія истинныхъ понятій о драмѣ, которая по его мнѣнію должна быть національною. «Мнѣ всегда несвойственно ка«залось (говоритъ онъ) слышать чужестранныя рѣченія «въ такихъ сочиненіяхъ, которыя долженствуютъ изобра«женіемъ *нашихъ нравовъ* исправлять не только общіе все«го свѣта, но болѣе *участные нашего народа пороки;* и не«однократно слыхалъ я отъ нѣкоторыхъ зрителей, что не «только ихъ разсудку, но и слуху противно бываетъ, ежели «лица, хотя по нѣскольку на наши нравы походящія, назы«ваются въ представленіи *Клитандромъ*, *Дорантомъ*, *Цитади«ною* и *Кладиною*, и говорятъ рѣчи, *не наши поведенія знаме«нующія.* Негодованіе сихъ зрителей давно почиталъ я пра«вильнымъ». Полагая, по общему тогдашнему понятію, что комедія должна исправлять нравы, онъ находилъ, что «многіе «зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ ника«кого поправленія. Они мыслятъ, что *не ихъ*, а *чужестранцевъ* «осмѣиваютъ»; они слышатъ незнакомыя для многихъ изъ нихъ имена, «да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемые об«разцы не только несвойственно нашимъ нравамъ изъясня «ются, но и одѣты въ незнакомыя имъ одежды». Французцузская пьеса на французскомъ театрѣ можетъ быть совсѣмъ хороша, но потомъ, говоритъ Лукинъ, «я ясно пойму, что «сей же образецъ, по переводѣ на нашъ языкъ, не только «не доставитъ такого же удовольствія, но и унизитъ наше«го актера, который за оное лицо примется». Онъ приводитъ примѣры того, какія выходятъ несообразности, когда вещи, «не наши поведенія знаменующія», являются однако на русской сценѣ. По его мнѣнію, «всякій невычищен«ной, то есть, на нравы того народа, предъ коимъ онъ «представляется, несклоненной въ драмѣ образецъ покажет«ся на театрѣ ничто иное, какъ смѣсь, иногда русской, ино«гда французской, иногда обоихъ сихъ народовъ характеры

«вдругъ на себѣ имѣющей». Такія произведенія бываютъ странны и неестественны, и средствомъ для избѣжанія этого Лукинъ считаетъ передѣлку. Она необходима въ томъ отношеніи, что «тутъ надлежитъ не столько красоту и силу чуже-«страннаго писателя показывать, сколько исправлять пороки», т. е. достигать настоящей цѣли литературы, какъ тогда понимали эту цѣль. Комедія русская должна основываться на русской жизни, какъ и всѣ народы «держатся своихъ образцовъ», т. е. остаются въ литературѣ національны. «Фран-«цузы, англичане, нѣмцы и протчіе народы, театры имѣющіе, «держатся всегда своихъ образцовъ, коихъ они и изобража-«ютъ; а чужихъ изрѣдка, да и то побочно вводятъ: для чего «же и намъ не своихъ держаться?» *)

Намъ конечно можетъ показаться страннымъ требованіе непремѣнно перелагать чужую пьесу на русскіе нравы, но онъ въ особенности имѣлъ въ виду сцену, и надо притомъ помнить, что въ то время наша комедія состояла или изъ чистыхъ переводовъ, или изъ своихъ русскихъ пьесъ, рабски и уродливо копировавшихъ французскія комедіи. И

---

*) Въ предисловіи къ «Награжденному Постоянству» онъ говоритъ: «Зрители имѣли бы довольную причину негодовать на меня, если бы *Тимандръ*, у меня *Евграфомъ* названной,... говоря сатиру на необузданный партеръ, сталъ вплетать чужіе имена и рѣченія, которые бы не нашихъ зрителей осмѣивали: сіе бы для всякаго было непріятно.... Итакъ, еслибы *Тимандръ* слѣдующее при нихъ выговорилъ: «*Едва успѣлъ я изъ Фландріи «пріѣхать, такъ уже и просили меня старые знакомцы испортить но-«вую изъ Ліона присланную комедію, которая къ представленію на ко-«ролевскомъ театрѣ назначена*»... то бы на тотъ разъ преселилъ ихъ изъ Петербурга въ Парижъ, а можетъ быть и столько бы имъ досадилъ, что и изъ театра бы выгналъ; а я того то и не желаю». Бываютъ и другія вещи, противныя нашимъ нравамъ, даже «многія и самыя малыя выраженія; напримѣръ: я недавно изъ *Марселіи* пріѣхалъ, или я гулялъ въ *Тюльеріи*, былъ въ *Версаліи*, видѣлся съ *викомптомъ*, посидѣлъ съ маркизою и прочее чужеземское»... «Тамошнія (французскіе) слуги и служанки будутъ часто нашими петиметрами и кокетками. Они нерѣдко въ французскихъ комедіяхъ философствуютъ, къ чему наши неудобны: а *отъ естества столь много удалятся, не только правилы, но и сердце и разсудокъ не позволяютъ*»; то-же замѣчаетъ онъ о роляхъ нотаріусовъ, гасконцевъ, такъ назыв. roles à manteaux, и т. д.

когда Лукинъ приложилъ тотъ же критеріумъ и къ собственно-русской комедіи (или такъ называвшейся) и показалъ ея несостоятельность, на него поднялась цѣлая фаланга защитниковъ «славныхъ русскихъ сочиненій».

Жалуясь на непониманіе его ненавистниками благой цѣли его трудовъ, Лукинъ жалуется и на самую публику. Равнодушіе, съ которымъ эта публика смотрѣла на жалкое положеніе русскаго театра, приводило его въ досаду, и онъ вооружается противъ зрителей, которымъ надо было объяснять самыя простыя вещи. Что театральная публика была дѣйствительно такова, какою представляетъ ее Лукинъ, едва-ли можно сомнѣваться: другіе современники отзываются о ней также не лестно. Особенно возставалъ противъ нея Сумароковъ, и хотя, можетъ быть, онъ былъ здѣсь нѣсколько пристрастенъ, но все-таки его разсказъ похожъ на правду. Его авторское самолюбіе сильно было задѣто равнодушіемъ московской публики къ «Семирѣ», и онъ забавно негодуетъ за это. «Непристойно (говоритъ онъ) съѣзжавшимся видѣть Семиру сидѣть возлѣ самаго оркестра и грызть орѣхи, и думати, что когда за входъ заплачены деньги въ позорище, можно въ партерѣ въ кулачки биться, а въ ложахъ разсказывать исторіи своей недѣли громогласно, и грызть орѣхи; можно и дома трызть орѣхи: а публиковать газеты весьма мало нужныя можно и внѣ театра... Вы, путешествователи, бывшіе въ Парижѣ и въ Лондонѣ, скажите! грызутъ ли тамъ во время представленія драмы орѣхи; и когда представленіе въ пущемъ жарѣ своемъ, сѣкутъ-ли поссорившихся между собою пьяныхъ кучеровъ, ко тревогѣ всего партера, ложъ и театра»... *) Въ сатирѣ «Піитъ и другъ его» онъ опять вспоминаетъ московскую публику, и говоритъ, что она пріѣзжаетъ въ театръ

> ..... орѣхи грызть, шумѣти и кричать,
> Благопристойности не допуская въ моду,
> Во своевольствіе преобратя свободу:
> За что-жъ бы, думаютъ, и деньги съ насъ збирать,

*) Соч. Сумарокова, IV, стр. 63.

Коль было бы нельзя сраниться и орать?
. . . . . .
Крикунъ, какъ колоколъ, единый оглушитъ,
И автора всего терпѣнія лишитъ:
А если закричатъ пять дюжинъ велегласно,
Разумныхъ зрителей вниманіе напрасно:...

Сумароковъ прибавляетъ къ этому, что

..... зрителей въ Москвѣ такихъ гораздо много *).

«У насъ есть много и таковыхъ зрителей» (говоритъ съ другой стороны Лукинъ), «которымъ ни малыя нѣтъ въ «томъ нужды, свойственная ли нашимъ нравамъ комедія «представляется, или и виду сходствія не имѣющая. Они «того лишь желаютъ, чтобы имъ посмѣяться. Явное тому «свидѣтельство «Принужденная Женидьба» господина Мо«ліера. Въ ней услышишь неутишающее хохотаніе: а чему? «Двумъ, не только нашимъ обычаямъ, но и всему естеству «несходственнымъ лицамъ. *Панкратъ* лишь появится, то «вздорнымъ своимъ болтаніемъ, или лучше сказать крикомъ, «до тѣхъ поръ смѣшитъ, покуда *Сганарель* каменьями его «не прогонитъ. Спроси тутъ три доли зрителей, чему они «смѣялись? Есть ли они искренно отвѣтствовать будутъ, «такъ имъ правильнѣе сказать нечего, какъ то, что дру«гимъ послѣдовали. Большая часть изъ нихъ не знаютъ «истиннаго, слову педантъ, понятія; и когда имъ сіе неиз«вѣстно, то уже кольми паче не свѣдомы имъ латинскія «рѣченія и наименованія наукъ, въ рѣчь Панкратову вле«тенныя». Лукину досадно было видѣть въ театрѣ такихъ зрителей, которые не разумѣли недостатковъ или достоинствъ драмы, и которые хотѣли однако быть ея судьями. Онъ продолжаетъ разсказъ: «На смѣну *Панкрату* выйдетъ *Мар«фуріусъ*. Тихій его разговоръ, или лучше сказать длин«ная шапка, а паче всего палка, которою *Сганарель* его под«чуетъ, потому что рѣчей его всѣмъ зрителямъ и слышать «не можно, опять новый шумъ производитъ, и тутъ смѣляе «еще за большую часть зрителей побожиться можно, что «они не вѣдаютъ, чему смѣются. Неизвѣстно многимъ изъ

*) Сочин., VII, стр. 352.

«нихъ, что такое *пироники*, скоты они или люди; а которые «уже наслышались, что они люди, такъ и тѣ того не вѣ- «даютъ, что въ нихъ смѣху достойно» *). Всего несноснѣе такіе зрители, когда они кромѣ того пускаются еще въ сужденія о театрѣ. «Случалось мнѣ отъ оныхъ зрителей и то «слышать (говоритъ Лукинъ), что имъ не только въ пере- «водныхъ комедіяхъ не кажутся неприличны нашимъ обы- «чаямъ, какъ имена дѣйствующихъ лицъ, такъ и прочія «рѣченія, чужеземскія дѣла образующія, но что они и въ «подлинныхъ тоже видѣть желаютъ. Сіи слова утверждаютъ «они тѣмъ, что къ таковымъ комедіямъ они уже *привыкли*. «Пусть же они при сей привычкѣ и останутся; ибо какъ я, «такъ и нѣсколько прочихъ людей, нынѣ по склонности своей «въ театральныхъ дѣлахъ трудящихся, не для нихъ время «тратятъ, но употребляютъ оное для тѣхъ, которые истин- «ный вкусъ имѣютъ. Оные же, къ иностраннымъ комедіямъ «привыкшіе, говорятъ, чтобы они всегда хотѣли видѣть те- «атръ россійскій въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ былъ «*съ начала*. Но этого я съ ними вмѣстѣ не пожелаю, когда «уже и того не хочу, чтобы и они вѣчно таковы остались, «каковы теперя» **). Лукинъ рѣшительно возстаетъ противъ такихъ мнѣній и противъ нелѣпости той комедіи, которая была *съ начала* русскаго театра. Какая же эта комедія? Комедіи Сумарокова были первыми произведеніями этого рода въ нашей литературѣ, и Лукинъ метилъ здѣсь конечно на него.

Эти нападки Лукина очень справедливы. Комедіи Сумарокова дѣйствительно преисполнены вещами, «не наше поведеніе знаменующими». Сумароковская комедія составлялась легко, по одной постоянной программѣ, съ немногими варіаціями. Программа была конечно французская. Прежде всего нуженъ былъ образецъ, и Сумароковъ бралъ какую-нибудь комедію Мольера, передѣлывалъ немного (всего чаще сокращалъ) ея сюжетъ, оставлялъ дѣйствующимъ лицамъ французскія имена и заставлялъ ихъ говорить книжно по рус-

*) Лук., стр. 117.

**) Тамъ же, стр. 118.

ски. Цѣлью комедіи было осмѣяніе или корыстолюбія, или лихоимства, или другаго зловреднаго порока, или даже чего-нибудь такого, чего вовсе не было въ русской жизни и что было просто взято изъ французской комедіи. Молодые любовники, непремѣнная принадлежность пьесы, являлись съ неслыханными, странными именами Дорантовъ, Тимантовъ, Клитандровъ, Касандровъ и проч.; героини назывались Исабеллами, Кларисами, Инфименами и т. д. Они говорили напыщенно-нелѣпыми фразами о своихъ любовныхъ чувствахъ и въ концѣ комедіи сочетавались бракомъ, въ награду вѣрной любви и тяжкихъ испытаній. Отецъ героини назывался обыкновенно Оронтомъ, если нуженъ былъ въ комедіи; мать также какимъ нибудь неслыханнымъ образомъ. Злодѣи являлись подъ именами Кащеевъ, Геростратовъ, Чужехватовъ и т. п. Въ каждой комедіи непремѣнно— слуги и служанки; первые назывались Пасквинами, Арликинами, или другими именами, изобрѣтеніе которыхъ принадлежало самому Сумарокову: Желтозеръ, Парменонъ и др.; вторыя всего чаще были Финетты. Можно себѣ представить, сколько русскаго было въ этихъ Пасквинахъ, Арликинахъ и Финеттахъ; другія лица, почти всѣ, были вообще столько же странны. Изъ русскихъ нравовъ Сумароковъ вводилъ одинъ разрядъ лицъ — подъячихъ, которые, какъ извѣстно, были его слабостью. Комедія принимаетъ наконецъ совсѣмъ фантастическій характеръ: лица и дѣйствія ея принадлежатъ міру, никому невѣдомому. Правда, въ комедіи Сумарокова много намековъ на современность, есть даже и личности, но эти намеки и обличенія совершенно-посторонни для самой комедіи, потому что заключены въ безпрерывныхъ и длинныхъ отступленіяхъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ самимъ дѣйствующимъ лицамъ и къ дѣйствію. Самый же планъ комедіи есть рабскій сколокъ съ французскаго, «не наше поведеніе знаменующій». Это вѣчная любовная интрига; вездѣ дѣло устроиваютъ слуги и служанки, страшные пройдохи, умѣющіе проводить жестокихъ опекуновъ или родителей и сблизить молодаго человѣка съ его возлюбленной; они управляютъ интригой, обходятся за панибрата съ своими господами, даже подсмѣ-

иваются надъ ними,—словомъ, скопированы съ такихъ же лицъ французской комедіи, которыя, по словамъ Лукина, «будутъ нашими петиметрами и кокетками». По русски это конечно до крайности нелѣпо. Этому соотвѣтствуютъ и драматическія достоинства сумароковской комедіи. Дѣйствіе идетъ очень странно: множество отступленій, нейдущихъ къ дѣлу, закрываютъ самый ходъ комедіи иногда до того, что только незначительная часть пьесы принадлежитъ дѣйствію, а все прочее является въ ней чисто случайно *). Характеры не существуютъ, они измѣняются, какъ только заблагоразсудится автору: ужасные злодѣи дѣлаются простодушными добряками; хитрецы позволяютъ обманывать себя самымъ простымъ образомъ, когда это понадобится по ходу комедіи. Ко всему этому надобно прибавить еще совершенное отсутствіе истиннаго комическаго языка, потому что нельзя назвать комическимъ языкомъ длинныя уродливыя фразы, которыми объясняются дѣйствующія лица въ этихъ комедіяхъ.

Что же въ этой комедіи остановило вниманіе Лукина?

Лукинъ довольно ясно понимаетъ и указываетъ существенный недостатокъ этой комедіи — отсутствіе русской жизни въ самой сущности комедіи. Разсуждая о мнѣніи тѣхъ, которые желаютъ, чтобъ русскій театръ оставался всегда въ одномъ положеніи, Лукинъ говоритъ: «Вкусъ «ихъ по истинѣ странной: не знаю, отъ чего оный про«исходитъ, и дивлюся, какъ онъ имъ по сіе время, какъ «ли мало они знанія не имѣютъ, не сдѣлаетъ отвращенія. «Кажется, что въ зрителѣ, прямое понятіе имѣющемъ къ «произведенію скуки и сего довольно, если онъ однажды «услышитъ, что русской подъячей, пришедъ въ какой ни есть «домъ, будетъ спрашивать: *Здѣсь ли имѣется квартира гос«подина Оронта? Здѣсь*, скажутъ ему: *да чего жъ ты отъ не«го хочешь? Свадебной написать контрактъ*, скажетъ въ «отвѣтъ подъячей. Сіе вскружитъ у знающаго зрителя го«лову. Въ подлинной россійской комедіи, имя Оронтово,

*) См. напр. въ особенности комедію «Опекунъ».

«старику данное, и написаніе брачнаго контракта подъяче-«му, вовсе не свойственно. Однако иные говорятъ, что и сіе «имъ не противно.»

Именно такъ происходитъ, напримѣръ, въ комедіи Сумарокова «Тресотиніусъ» (явленіе IX), гдѣ является подъячій съ свадебною записью и спрашиваетъ: «Кто здѣсь «имѣется господинъ Оронтъ?»*) Это мѣсто конечно и имѣетъ въ виду Лукинъ. «Я же чрезмѣрно дивлюсь» (продолжаетъ онъ), «какъ можетъ русскому человѣку, дѣлающему подлин-«ную комедію, притти въ мысли включить въ нее нотаріуса «или подъячаго, для сдѣланія брачнаго контракта, вовсе «намъ неизвѣстнаго. Первой у насъ только векселя про-«тестуетъ; а другой только по должности своей дѣла въ «томъ приказѣ исправляетъ, откуда даютъ ему жалованье. «И какая связь тутъ будетъ, если дѣйствующія лица такъ «наимянуются: *Геронтъ*, *Подъячей*, *Фонтициdіусъ*, *Иванъ*, «*Финета*, *Криспинъ* и *Нотаріусъ* **). Не могу проникнуть, «откудова могутъ притти сіи мысли, чтобы сдѣлать такое «сочиненіе. Это дѣло по истинѣ странное; а то еще стран-«нѣе, чтобы почитать его правильнымъ. Я мню, что не «можно русскому писателю сплести толь несвойственное со-«чиненіе» ***). Дѣйствительно нелѣпѣе подобныхъ комедій трудно что-нибудь себѣ представить. Но авторитетъ Сумарокова былъ столь силенъ, что Лукинъ такъ и прослылъ «хулителемъ славныхъ сочиненій».

Видя подобныя несообразности не только въ подражаніяхъ и передѣлкахъ, но и въ оригинальныхъ русскихъ пьесахъ, какія тогда были, Лукинъ естественно возставалъ противъ нихъ, и имѣлъ полное право сказать, что «мы на своемъ языкѣ свойственныхъ намъ комедій еще не видали». Считая, что для комедіи «въ нашихъ нравахъ» нужно содержаніе изъ русской жизни, а не уродливое копированіе французскихъ пьесъ, и не видя этого въ восхваляемыхъ тогда всѣми сочиненіяхъ Сумарокова, онъ «ху-

*) Сочин. Сумар., V, стр. 349.

**) Такъ постоянно и дѣлается у Сумарокова.

***) Лук., стр. 118—119.

лилъ» ихъ слѣдующимъ образомъ: «Читалъ я нѣкогда ко«медіи, на *старыя наши игрища* весьма похожія, о кото«рыхъ мнѣ сказывали, будто бы они сдѣланы сими *стро«гими судіями*, которые почитаютъ ихъ въ правилахъ театраль«ныхъ расположенными и порядочно въ характерахъ вы«держанными и предлагаютъ ихъ начинающимъ писателямъ «въ примѣръ комическихъ сочиненій. Но противъ чаянія «сихъ господъ наставниковъ, всѣ читатели не находятъ въ «нихъ ни завязки, ни развязки; а находятъ единственно то, «что они изъ чужихъ писателей неудачно взяты, и они то «къ стыду нашему по несвойству характеровъ и по стран«ному расположенію и сплетенію на нашъ языкъ почти си«лою втащены. Хотѣлъ бы я спросить, почто онымъ го«сподамъ собственная ихъ изъ вѣтоши перекропышь по«стыдною не кажется? И почто не признаваются они, что «и оное ими заимствовано? Но сей вопросъ имъ не весь«ма понравится. Полно къ чему ихъ и спрашивать. Они «для того не признаваются, что всѣхъ людей на свѣтѣ са«молюбивѣе, и они суть тѣ самые, которые и безъ очковъ «у ближняго сучокъ въ глазахъ видятъ, а у себя и въ ми«кроскопъ цѣлаго бревна не усматриваютъ..... Нынѣ есть «уже довольно людей знающихъ языки иностранные, а по«тому и писцовъ, на тѣхъ языкахъ прославившихся; а зная «сіе, не трудно примѣтить и то, что оные осуждатели се«бѣ присвоили, и по нынѣ своимъ утверждаютъ..... Заим«ствовать необходимо надлежитъ: мы на то рождены; но «надлежитъ въ томъ и признаваться, а чужое присвоивать «есть дѣло весьма не похвальное. Полно нынѣ такой вѣкъ, «что и во всемъ свѣтѣ тѣ лишь знатными писателями и «называются, которые *лучше прочихъ выкрадутъ и искус«ненько прикрывши, выдадутъ за свое сочиненіе*» *).

Недостатокъ дарованія мѣшалъ Лукину приложить свои теоретическія понятія къ дѣлу; у него было только предчувствіе того, что это возможно и какъ возможно. Въ этомъ отношеніи очень любопытны мысли, которыя высказываетъ

*) Лук., стр. 83.

онъ въ письмѣ къ своему пріятелю Ельчанинову. Около этого времени въ Петербургѣ основалось что-то въ родѣ народнаго театра, и Лукинъ говоритъ о немъ съ большимъ сочувствіемъ *), очень удивительнымъ въ то время, когда господствовала псевдоклассическая натянутость и высокомѣрное презрѣніе къ «подлому» народу.

Онъ считалъ этотъ народный театръ дѣломъ «великія похвалы» достойнымъ, и ожидалъ отъ него большой пользы не только для народа, но и для самой литературы. Лукинъ уразумѣвалъ важность обращенія къ народности. Понятіе «русскаго» у него связывалось съ понятіемъ «народнаго», даже именно простонароднаго. Требуя отъ комедіи русскаго содержанія, онъ требовалъ вмѣстѣ и народнаго языка и замѣчательно, что онъ не считалъ этого народнаго языка подлымъ и грубымъ, какъ тогда считали всѣ. Напротивъ, «имѣя къ чужестраннымъ словамъ, языкъ нашъ безобразящимъ, совершенное отвращеніе», онъ стоялъ даже прямо за простонародный языкъ. На этомъ основаніи онъ напр. перевелъ названіе французской пьесы: «Le bijoutier» словомъ «Щепетильникъ», и защитѣ этого перевода онъ посвятилъ цѣлое предисловіе. Ему «не захотѣлось французское слово ти«снуть русскими буквами. Чего ради, не взирая на то, что под«вергнуся хулѣ, несмѣтному числу мнимыхъ въ нашемъ языкѣ «знатоковъ, взялъ къ тому старинное слово *щепетильникъ*, «потому что всѣ наши купцы, торгующіе перстнями, серь«гами, кольцами, запонками и прочимъ мелочнымъ товаромъ, «назывались и нынѣ называются *щепетильниками*». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о зрителяхъ неслишкомъ разборчивыхъ, что когда они «только смѣяться желаютъ, то «могутъ ихъ и наши игрища равномѣрно утѣшить, съ тѣмъ «еще прибавленіемъ, что увидятъ они въ оныхъ русскіе «характеры и *услышатъ слова, вовсе имъ незнакомыя, но «притомъ потребныя для познанія силы, пространства, а «иногда и красоты природнаго своего языка*». Наконецъ, держась своего мнѣнія, что «надлежитъ въ русскомъ быть

*) Лук., стр. 183—189.

чему ни есть русскому», Лукинъ вводитъ въ комедію «Щепетильникъ» два, лишнія противъ оригинальной пьесы, русскія лица—простыхъ работниковъ и заставляетъ говорить ихъ языкомъ, для пониманія котораго нужно иной разъ обращаться къ «Областному Словарю»: работники пришли изъ Галича, Костромской губерніи, и говорятъ мѣстнымъ нарѣчіемъ, сходнымъ съ новгородскимъ нарѣчіемъ *).

Такимъ образомъ, Лукинъ является въ то время партизаномъ народности въ литературѣ. Нельзя винить его за то, что онъ не выразилъ какъ должно, то есть вполнѣ и отчетливо, своихъ стремленій; этому были препятствія очень уважительныя. Но и безъ того мысли Лукина, высказанныя мимоходомъ и мало-развитыя, заслуживаютъ вниманія, потому что показываютъ пониманіе имъ существеннаго и въ свое время новаго вопроса въ литературѣ. Притомъ это были собственныя понятія Лукина, ни у кого не взятыя, а чтобъ возъимѣть такія понятія во время всеобщей подражательности, надо было имѣть и нѣсколько ума.

Наконецъ, чтобъ высказать тогда эти мысли, нужна была и нѣкоторая смѣлость; эта смѣлость вообще была рѣдка въ то время, когда всѣ поклонялись безпрекословно Сумарокову: Лукинъ чуть ли не одинъ говорилъ тогда прямо противъ него и конечно не изъ одной задорности характера.

---

*) Именно, они безпрестанно мѣняютъ *ц* на *ч* и обратно, напримѣръ: нѣцево, вецеръ, черезъ, луцына; дватчать, чѣнный; употребляютъ *ц* вмѣсто *т*: брацень, подаць; и вмѣсто *н*: вси, ниту; они говорятъ: сабя, сабѣ; наконецъ, они употребляютъ областныя слова. Мы приведемъ ихъ, какъ любопытный примѣръ попытки ввести народный элементъ въ литературный языкъ: *братень*—братъ, *вздынуть*—поднять, *галиться*—смѣяться, издѣваться, *толчить*—говорить, *знакомитъ*—извѣстенъ, *захазить*—защеголять, *лядъ*—чортъ, *малецъ*—холостой человѣкъ, *притаранить*—принести, притащить, *праховый*—пустой, ничего нестоющій; *проказъ*—удивительное дѣло, *сарынь*—шумная толпа, ребятишки, *смямкать*—собрать въ кучу, *фили*—штуки, *харя*—маска, *чубариться*—важничать, *шалберъ*—(?). Кромѣ того, эти работники говорятъ вмѣсто: нѣмцы—мѣмцы, мемцизна; вмѣсто книга—мкнига. Слова, приведенныя нами, въ «Обл. Словарѣ» отмѣчены какъ употребительныя особенно въ сѣверныхъ губерніяхъ: Новгородской, Костромской, Ярославской, Олонецкой, Вологодской и т. д.

Предисловія Лукина имѣютъ и другую любопытную сторону. Иногда онъ довольно подробно разсказываетъ о томъ, какъ онъ писалъ ту или другую пьесу, и мы можемъ видѣть на этомъ, какія требованія налагались тогда на комедію. Онъ разсказываетъ также, о представленіи его комедіи «Мотъ, любовью исправленный», говоритъ объ игрѣ актеровъ и доставляетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о тогдашнихъ театральныхъ нравахъ, и т. д.

Мы уже разсказывали о той враждѣ, съ которою встрѣчены были первые опыты Лукина. Онъ предвидѣлъ, что выходъ его «Сочиненій и Переводовъ» дастъ новый поводъ къ нападеніямъ и насмѣшкамъ; это заставило его отвратить напередъ нѣкоторые упреки, которые могли быть сдѣланы его произведеніямъ, и онъ пишетъ длинныя предисловія, надъ которыми столько смѣялись. Въ предисловіи къ «Моту» онъ высчитываетъ разныя причины, по которымъ «большая часть комическихъ и сатирическихъ писателей принимается нынѣ за перо». Эти причины, по его мнѣнію, такія: или самолюбіе, желаніе автора привлечь на себя вниманіе, «доколѣ писаніе его прилежнѣе не разсмот«рится», или желаніе «получить прибытокъ», или, наконецъ, пишутъ они для того, «чтобы удовольствовать зависть, «злобу и мщеніе, коими они *участно* противъ *нѣкоторыхъ «людей* заражены бываютъ, и чтобы по врожденной ко «всѣмъ ближнимъ ненависти, не терпящей чужаго благопо«лучія, вредить невинную добродѣтель и словами и писа«ніемъ». Самъ онъ имѣлъ въ своихъ комедіяхъ цѣль нравственную, и относительно напр. «Мота» потому, что ему «опытами извѣстно, сколь много молодыхъ людей, завид«ными дарованіями отъ природы надѣленныхъ, губятъ вре«мя въ позорномъ мотовствѣ, и сколь многіе отъ того при«ходятъ въ бѣдность, отъ бѣдности въ крайность, а отъ «крайности въ дѣла предосудительныя, навлекающія вѣч«ный стыдъ не только имъ, но и всѣмъ ихъ родственникамъ».

Такая цѣль въ то время постоянно придавалась комедіи, и Лукинъ здѣсь повторяетъ общее мнѣніе.

Свойство комедіи — издѣвкой править нравъ:
Смѣшить и пользовать — прямой ея уставъ, —

говорилъ русскій литературный кодексъ того времени, Сумароковская «Епистола о стихотворствѣ», копировавшая «L'art poétique» Буало. Намъ кажется теперь сомнительнымъ, чтобы читатель или зритель получалъ непремѣнную пользу именно отъ нравственныхъ сентенцій, которыя ему преподавались со сцены; но тогда иначе не думали, и вѣроятно сами зрители отчасти настроивали себя въ этомъ смыслѣ. Тогда считали очень возможнымъ исправленіе нравовъ посредствомъ назидательной комедіи, и Сумароковъ старался исправить даже такихъ людей, которые скорѣе должны были подвергнуться уголовному суду, чѣмъ суду комедіи; потому у него, нерѣдко какъ deus ex machina, является карающее правосудіе въ видѣ благочиннаго (въ тогдашнемъ значеніи слова—полицейскаго чиновника), секретаря, для наказанія преступленій. Лукинъ точно также хотѣлъ своей комедіей избавлять молодыхъ людей отъ игры и мотовства.

Затѣмъ ему нуженъ былъ *образецъ*. Это было тогда необходимымъ правиломъ; молодой писатель непремѣнно долженъ былъ заимствовать и подражать чему нибудь. «Я разу-«мѣю подъ образцомъ комедію характерную въ пяти дѣй-«ствіяхъ, — говоритъ Лукинъ: — Страшился я строгаго на «себя нападенія, чего и не избѣгнулъ..... Я принялся за трудъ; «но нашелъ новое препятствіе гораздо знатнѣе вышеска-«заннаго. Господинъ Детушъ своимъ *Мотомъ* устрашилъ «меня, и онъ былъ препятствіемъ на пути, мною избран-«номъ.» Дѣло въ томъ, что Лукинъ боялся слишкомъ приблизиться къ комедіи Детуша, чтобъ не сочли его сочиненія простымъ подражаніемъ, а ему все-таки хотѣлось сдѣлать, хотя и по образцу, но нѣчто оригинальное. Затѣмъ надо было опредѣлить самый характеръ сюжета, потому что въ это время публика имѣла уже различные вкусы въ этомъ дѣлѣ. «Наименовалъ я мою комедію *Мотомъ*, *любовію исправ-«ленною*, для того, чтобы..... имѣть способы угодить всѣмъ «зрителямъ по различію ихъ склонностей. Одна и весьма «малая часть партера любитъ характерныя, жалостныя и «благородными мыслями наполненныя, а другая и главная

«веселыя комедіи *).... Для сего надлежало мнѣ стараться «ввесть явленія *жалостныя;* чего бы, не назвавъ комедію «мою *Мотомъ*, *любовію исправленнымъ*, сдѣлать не столь «способно было. И такъ угождая первымъ, включилъ я рас«каяніе *Добросердова*, его разговоръ съ добродѣтельною «*Клеопатрою*, и протчія мѣста, къ состраданію побужда«ющія; а достальную часть зрителей старался я по возмож«ности увеселить введенными комическими лицами, изъ ко«торыхъ не всѣ побочными назваться могутъ». Такимъ образомъ эстетическая программа была не замысловата: для одной части партера нужны вещи жалостныя, а для другой нужны вещи смѣшныя, составляющія главную необходимость комедіи. Комизмъ достигается не внутренними основаніями дѣйствія и положеніями дѣйствующихъ лицъ, а прибавляется простой приставкой особыхъ *смѣшныхъ* лицъ, которыхъ вся обязанность состояла въ томъ, чтобы *увеселять*. Если авторъ не могъ найти настоящаго комическаго матеріала въ сущности сюжета или въ героѣ комедіи, онъ могъ обойтись и безъ него; это случалось тѣмъ болѣе часто, что въ основаніе комедіи почти неизбѣжно полагалась любовная интрига. Очень часто главными дѣйствующими лицами были добродѣтельные любовники, которые не были «смѣшны», или по крайней мѣрѣ авторъ не считалъ ихъ такими; при нихъ часто состояли столько же добродѣтельные покровители, надъ которыми авторъ также не могъ позволить себѣ смѣяться: а такъ-какъ комедія все-таки требуетъ смѣха, то его и производили введеніемъ посторонихъ лицъ,—которыя такъ и назывались «комическими»,— хотя для самаго дѣйствія они и не бывали совсѣмъ нужны. Такая форма очень долго господствовала въ нашей комедіи; съ нѣкоторыми видоизмѣненіями она сохранилась даже у Фонъ-Визина: въ обѣихъ его комедіяхъ главными лицами (по ходу дѣйствія) являются не Иванушка и Совѣтница, не Скотининъ и Простакова, а добродѣтельные Добролюбовъ, Милонъ, Софья, потому что на нихъ выказывают-

*) «Тѣ, что по-французски pièces d'intrigue и farces называются».

ся результаты дѣйствія; они имѣютъ въ немъ свой главный интересъ, и между-тѣмъ съ «комической» точки зрѣнія именно они играютъ самую страдательную и ничтожную роль. Французская теорія давала даже особенныя наставленія о томъ, какъ должны эти «комическія» лица увеселять зрителей; разговоры дѣйствующихъ лицъ должны быть

..... partout fertiles en bons-mots,

по Буало *), и притомъ, комическій писатель долженъ наблюдать:

Il faut que ses acteurs badinent *noblement*.

Шутка или смѣшное должно быть пріятно и благородно, и Баттё опредѣляетъ въ точности, что въ комедіи необходимо risible agréable **), которое должно забавлять деликатно, на основаніи правила:

N'offrez rien au lecteur que ce qui peut lui plaire ***).

Вводя для партера «жалостныя» вещи, Лукинъ однако дѣлалъ нововведеніе, котораго сумароковская комедія никакъ не допускала, какъ не допускала этого и старая французская теорія. У насъ это были едва-ли не первые примѣры вліянія французской буржуазной трагедіи и comédie larmoyante, появившейся тогда во Франціи и возбудившей негодованіе Сумарокова, вѣрнаго своему Буало. Старая теорія не допускала въ комедіи «не комическихъ» элементовъ; по наставленіямъ Буало:

Le comique, ennemi des soupirs et des pleurs,
N'admet point en ses vers de tragiques douleurs ****).

Понятно, какая комедія должна была выходить при подобныхъ правилахъ и рецептахъ.

Герой комедіи Лукина называется *Добросердовымъ*. Имя показываетъ его качества: этотъ молодой человѣкъ только легковѣренъ и увлекся игрой только по неопытности, но

*) Art Poëtique, ch. 3-me.
**) Въ своемъ «Cours des Belles Lettres».
***) Art Poëtique, ch. 1-er.
****) Art Poëtique, ch. 3-me.

«наставленія добродѣтельной любовницы» приводятъ его на путь истинный. Ясно, что Добросердовъ—герой вовсе не комедіи, а скорѣе—чувствительнаго романа. «Слуга сдѣланъ «у меня весьма добродѣтельной (продолжаетъ Лукинъ въ «предисловіи къ «Моту») и нѣкоторые осуждатели, на меня «вооружившіеся, мнѣ говорили, что у насъ такихъ слугъ «еще и не бывало. Станется, сказалъ я имъ, но *Василій* «для того мною и сдѣланъ, чтобы *произвесть ему подоб-* «*ныхъ*, и онъ долженъ служить образцомъ (!). Мнѣ совѣстно «бывало, милостивцы мои, продолжалъ я, и на то смотрѣть, «что во всѣхъ переведенныхъ комедіяхъ слуги превеликіе «бездѣльники, и что они при развязкѣ почти всѣ за плутни «безъ наказанія остаются, а иные еще и награжденіе по- «лучаютъ. Услышавъ сіе съ ругательною улыбкою одинъ «изъ нихъ мнѣ сказалъ: но къ чему жъ вдругъ столь из- «бранное и плодовитое нравоученіе для подлаго сего рода? «На сіе мною отвѣтствовано, чтобы очистить оный отъ «подлости, и научить усердію къ господамъ своимъ, и по- «ступкамъ всякому честному человѣку приличнымъ.»—«Прот- «чія въ комедіи моей лицы *) старался я всевозможно сдѣ- «лать русскими, въ чемъ, какъ меня пріятели мои увѣряютъ, «нѣсколько мнѣ и удалося. Кажется, что я не подражалъ «Детушу, и не можно меня почесть воромъ, обокравшимъ «красоты его. Сходны у насъ съ нимъ послѣднія явленія, «гдѣ его *Мотъ* съ *Паскенемъ*, а мой *Добросердовъ* съ *Ва-* «*сильемъ* разговариваютъ; но и тутъ всякой, знающій театръ, «найдетъ у меня противоположеніе.» И Лукинъ доказы- ваетъ, что Василій несравненно добродѣтельнѣе. «Ложный «другъ Детушева *Мота* съ моимъ *Злорадовымъ* весьма не «сходенъ; а въ *Княгинѣ* ни съ какимъ женскимъ въ Дету- «шевой комедіи лицемъ подобія никто не сыщетъ.» Но, не- смотря на всѣ старанія Лукина сдѣлать свои лица русски- ми, попытка наудачна. Русская комедія была еще такою не-

*) Они называются: Княгиня, Клеопатра (ея племянница), Злорадовъ (ложный другъ), Пролазинъ, Правдолюбовъ, Докукинъ, Степанида (слу- жанка) и т. д.

извѣстною вещью *), что человѣку безъ таланта, какимъ былъ Лукинъ, невозможно было имѣть въ этомъ успѣхъ. Вліяніе французскихъ образцовъ было такъ сильно, что даже самому Фонъ-Визину трудно было тогда отъ него отрѣшиться. Лукинъ не замѣчалъ того, что составляя простой планъ своей комедіи по обыкновенной французской формѣ, онъ уже дѣлалъ ее не русскою: какъ онъ ни старался удалиться отъ Детуша, какъ ни вводилъ русскія лица, основа его комедіи осталась тою же французской интригой, которая вовсе была бы не нужна въ русской комедіи, и его слуги, хотя называются по-русски Васильемъ и Степанидой, мало помогаютъ цѣли. Такимъ образомъ старанія Лукина были безуспѣшны; онъ только понималъ, что измѣнить нашу комедію необходимо, что прежнее направленіе ея ложно; но самъ произвесть это измѣненіе онъ не съумѣлъ.

Въ другихъ предисловіяхъ Лукина, гдѣ онъ говоритъ о своихъ передѣлкахъ, читатель найдетъ еще нѣсколько подробностей, разъясняющихъ тогдашнюю литературную теорію. Лукинъ былъ довольно близкимъ современникомъ утвержденія у насъ этой псевдоклассической теоріи, и его сужденія любопытны какъ свидѣтельство о тѣхъ пріемахъ, съ какими наша литература вступала на эту новую дорогу. Эти пріемы были ученическіе, такъ что первыя комедіи этого рода не безъ основанія напоминали Лукину *старыя наши игрища*, XVII-го вѣка. Французскіе образцы были обязательны, и господство ихъ оказывается даже у писателя съ большимъ талантомъ, какъ Фонъ-Визинъ, въ комедіяхъ котораго мастерски схваченныя черты русской жизни облечены въ натянутыя формы, данныя французской теоріей. Если при подобныхъ литературныхъ условіяхъ Лукинъ успѣлъ до извѣстной степени понять фальшивость господствовавшихъ пріемовъ, и хотя неловко, но рѣшительно вводилъ въ комедію элементы народности, онъ несомнѣнно получаетъ право на мѣсто въ исторіи литературнаго развитія нашего XVIII-го вѣка. Его сомнѣнія относительно «слав-

*) Первыя «правильныя» русскія комедіи явились очень незадолго передъ тѣмъ; первыя комедіи Сумарокова относятся къ 1750 году.

ныхъ русскихъ сочиненій», которыми будто бы уже тогда была богата русская литература, были какъ нельзя больше основательны, и его заботы о русскомъ и народномъ служатъ приготовленіемъ къ дѣятельности Фонъ-Визина.

Комедіи Лукина довольно часто бывали на сценѣ. О представленіи комедіи «Мотъ» Новиковъ говоритъ въ своемъ «Словарѣ»: «Она (ком. «Мотъ») принята была изрядно, но сочинитель сей комедіи весьма много былъ одолженъ актерамъ, ее представлявшимъ; какъ о томъ и самъ онъ въ предисловіи на сію комедію изъясняется.» О первомъ представленіи «Мота» и другой комедіи Лукина: «Пустомеля», 19 января 1765 года (на придворномъ театрѣ) сообщаетъ извѣстіе Порошинъ въ своихъ запискахъ *): «Въ шестомъ часу изволилъ (его высочество) пойтить въ театръ; комедія была русская «Мотъ»; балетъ съ саботами; маленькая піеса «Болтунъ» **). Обѣ сіи піесы оригинальныя сочиненія г. Лукина, секретаря при Ив. Перфильевичѣ Елагинѣ. Аплодированы были обѣ очень много. Ея величество присутствовать не изволила. По окончаніи большой піэсы, изволилъ Его Высочество автора призывать къ себѣ въ ложу; пожаловалъ его къ рукѣ, и похвалилъ за трудъ.»

Комедія вообще имѣла успѣхъ и впослѣдствіи, какъ видно изъ «Драматическаго Словаря» 1787 года. У Новикова мы находимъ еще слѣдующее извѣстіе: «Сочинитель ввелъ въ свою комедію два смѣшные *подлинника*, которыхъ представлявшіе актеры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, выговоромъ, ужимками и тѣлодвиженіемъ, также и сходственнымъ къ тому платьемъ, зрителей весьма много смѣшили». Хотя Лукинъ въ предисловіи къ этой комедіи и увѣряетъ читателей, что писалъ ее не изъ мести и не за тѣмъ, чтобъ «сатирически язвить своихъ одноземцевъ», однако «подлинники», упоминаемые Новиковымъ, было конечно живые. Самъ авторъ нѣсколько двусмысленно говоритъ, что найдутся люди, которые «станутъ иныя лица и выра-

*) Стр. 264.

**) Такъ Порошинъ называетъ «Пустомелю»; онъ ошибается, называя ее оригинальной пьесой.

женія толковать развратно», чтобъ найти въ нихъ намеки на кого-нибудь. «Честные люди имъ не повѣрятъ, а до *бездѣльниковъ и погрузшихъ въ неистовствахъ, мало мнѣ нужды.* Я не только о томъ не пожалѣю, но еще и порадуюсь, если они въ осмѣянныхъ въ комедіи моей лицахъ себя найдутъ». Это была слѣдовательно та-же самая «сатира на лицо», какую мы видѣли въ журналахъ 1769 года. Недостатокъ въ настоящемъ комизмѣ, котораго авторы не въ силахъ бывали создать, заставлялъ сообщать комедіи интересъ не изображеніемъ характеровъ и нравовъ общества, а личностями, намеками на извѣстныя происшествія, и сплетней. Мы указывали подобные примѣры у Сумарокова *); въ комедіяхъ императрицы Екатерины анекдоты и личности одного кружка также часто составляютъ всю сущность дѣла.

Разсказъ самого Лукина о первомъ представленіи его комедіи, рисующій тогдашніе театральные нравы, читатель найдетъ въ его собственномъ предисловіи. Враги его еще до представленія комедіи распускали о ней самые неблагопріятные слухи и при самомъ представленіи старались уронить ее. Но это имъ неудалось. «Новая русская комедія» привлекла въ театръ большую публику, и мнѣніе зрителей пересилило козни его враговъ: пьеса имѣла успѣхъ.

Въ комедіи Кампистрона «l'Amante Amant», которую Лукинъ въ своей передѣлкѣ назвалъ «Награжденнымъ Постоянствомъ», одинъ господинъ разсказываетъ, какимъ образомъ онъ со своими пріятелями умѣетъ ронять чужія пьесы, если авторъ не попроситъ ихъ о поддержкѣ, или если они съ нимъ враги. Лукинъ измѣняетъ нѣсколько подлинникъ съ цѣлью приноровить его къ русскимъ нравамъ, которые онъ наблюдалъ между прочимъ, когда представлялась его собственная пьеса. Въ комедіи Кампистрона разговоръ идетъ такъ:

---

*) Напр. въ «Опекунѣ» онъ даже совсѣмъ оставляетъ свой комическій сюжетъ, когда вступается за семейство извѣстнаго Крашенинникова, автора «Описанія Камчатки», по смерти его оставшееся безъ средствъ къ существованію и безъ помощи.

«*Dorimene*... Je ne vois pas qu'il soit facile d'empêcher le succès d'une pièce quand elle est véritablement bonne.

Timandre. Fut-elle la meilleure du monde, il faut qu'elle saute lorsque nous nous en mêlons, quelques-uns que nous sommes. Pour cela nous nous plaçons sur le théatre, trois ou quatre de chaque côté, à quelque distance l'un de l'autre. Nous parlons, nous prenons du tabac, nous nous mouchons souvent; nous passons d'un côté à l'autre; nous venons reprendre notre première place; et dans les endroits les plus pathétiques, nous faisons ou disons quelque plaisanterie, bonne ou mauvaise, n'importe: nous en rions aussitôt. La moitié du parterre en rit aussi, l'autre s'en rage. Tout cela ensemble fait du bruit; l'acteur s'arrête; il se rébute, tout son feu se perd; il ne joue plus rien que vaille: voilà la pièce au diable» *).

У Лукина передѣлано слѣдующимъ образомъ:

«*Клеопатра*... Я не думаю, чтобы легко было помѣшать «успѣхамъ такой комедіи, которая похвалы достойна.

«*Евграфъ*. Пусть она будетъ самая лучшая въ свѣтѣ, «только непремѣнно похвалы не получитъ, ежели *такіе знатоки, какъ я*, въ это дѣло вмѣшаются. *Это я въ чужихъ краяхъ еще научился, и привыкнувъ тамъ, и здѣсь также поступаю*. Мы становимся къ оркестру, *въ разныхъ кучкахъ человѣкъ по пяти. Кричимъ* громко, нюхаемъ табакъ, и «очень часто *харкаемъ* и сморкаемъ, переходимъ съ мѣста «на мѣсто и *черезъ людей перекликаемся*. Въ самыхъ важ«ныхъ и лучшихъ явленіяхъ дѣлаемъ или говоримъ какія «нибудь шутки, худыя или добрыя, того не разбирая; а ежели это не поможетъ, то засмѣемся *во все горло*. Половина «зрителей послѣдуя намъ сдѣлаютъ тоже, а другая за то «осердится, отъ чего произойдетъ шумъ *ужасной*. Тутъ «актеръ остановится, помѣшается, всю страсть упуститъ, «и что потомъ ни станетъ представлять, все дурно пока-

*) L'Amante Amant, acte III, sc. I.

«жется. И такъ видите ли, сударыня, какъ мы портимъ «піэсы?» *)

Пьесы Лукина давались на придворномъ театрѣ, гдѣ занимали первое мѣсто, по смерти Волкова, его сподвижники въ основаніи русскаго театра: Дмитревскій, Шумскій, Поповъ почти только начинали свое поприще, но Дмитревскій успѣлъ уже пріобрѣсти славу превосходнаго трагика. Лукинъ говоритъ въ предисловіи только о представленіи двухъ своихъ комедій: «Мота» и «Пустомели»; остальныя, помѣщенныя въ его «Сочиненіяхъ и Переводахъ», не были играны. Лукинъ приноситъ въ предисловіи благодарность актерамъ, игравшимъ въ «Мотѣ», за прекрасное выполненіе пьесы, особенно Дмитревскому, Шумскому, Попову и актрисѣ Михайловой. «Дѣлая комедію и зная коротко актеровъ, «старался я лица дѣйствующія сочинять свойственно съ ихъ «способностями», говоритъ онъ въ предисловіи, и потому *Злорадова*, ложнаго друга, сдѣлалъ вертопрахомъ, что помогло Попову лучше сыграть въ комедіи: онъ уже привыкъ къ этимъ лицамъ. Но Шумскому предстояла задача новая. «Можно сказать, что г. *Шумскій* имѣлъ лицо опытное», говоритъ Лукинъ, то-есть дебютировалъ въ роли новаго рода. Шумскій игралъ въ «Мотѣ» Василья, степеннаго и важнаго дядьку, тогда-какъ прежде игралъ слугъ проворныхъ и бездѣльниковъ. «Но онъ въ ономъ родѣ такъ удачно сыгралъ, что пріобрѣлъ общую отъ зрителей похвалу, а отъ меня должное, за способствованіе въ успѣхѣ труда моего, благодареніе». *Г-жа Михайлова*, спеціальностью которой были роли служанокъ, и въ «Мотѣ» игравшая Степаниду, служанку княгини, также «опытъ дѣлала», по выраженію Лукина. «Я думалъ (говоритъ онъ), что не легко изъ характера веселаго и проворнаго премѣниться въ печальный и степенный; но она въ оной комедіи доказала, что въ томъ труда немного, ежели не полѣнишься. И по моему мнѣнію, хотя я оного утвердительнымъ никогда не почитаю, кажется, что она въ служанкахъ выправляется ежедневно, и подаетъ

*) Лук., стр. 146—147.

надежду имѣть изъ себя предорогую актрису». Кромѣ того въ «Мотѣ» играли Дмитревская, Троепольская, особенно славившаяся какъ трагическая актриса, одинъ изъ Волковыхъ, Соколовъ, извѣстный въ свое время комикъ, и нѣкоторые другіе.

Въ «Пустомелѣ» въ первыхъ представленіяхъ (вмѣстѣ съ «Мотомъ») играли тѣ же главные актеры; пьеса имѣла успѣхъ и первой причиной этого былъ талантъ Дмитревскаго. Въ «Пустомелѣ» Дмитревскій въ первый разъ, по словамъ Лукина, занималъ комическую роль, «потому что онъ шутливыхъ лицъ еще не игрывалъ», и не смотря на то, «въ оный день показался ко всѣмъ лицамъ преспособнымъ «актеромъ».

Комедія «Награжденное Постоянство» не игралась вовсе. Кампистронъ написалъ эту комедію въ удовольствіе одной актрисѣ, которой хотѣлось пощеголять на сценѣ въ мужскомъ платьѣ *); у насъ вслѣдствіе этого же обстоятельства ее не играли. Дмитревскій выпросилъ эту пьесу у Лукина для представленія, но черезъ годъ возвратилъ, не съигравъ ея, для нѣкоторыхъ измѣненій; потомъ взялъ снова, но и тогда она осталась неигранною. Наконецъ Дмитревскій совсѣмъ отдалъ Лукину комедію, «сказавъ, что тѣ госпожи «актрисы, которымъ *Пульхерію* и *Марью* играть надлежало, «не хотятъ въ мужское платье наряжаться и, по ихъ сло«вамъ, безобразиться». Первыя русскія актрисы появились незадолго передъ этимъ, и такая вещь, какъ переодѣванье въ мужское платье, казалась еще слишкомъ большою вольностью и нескромностью. Прежде, какъ извѣстно, женскія роли исполнялись на русскомъ театрѣ мужчинами. Самъ Дмитревскій игралъ Оснельду въ «Хоревѣ» Сумарокова, и по-

*) Des piques assez ordinaires entre les comédiens firent éclore cet ouvrage. On avait joué une comédie, où une comédienne (m-lle Raisin) n'avait pas joué le principal rôle habillée en homme. Elle se piquait d'avoir la ambe belle. M. de Campistron, pour la consoler, fit *L'Amante Amant*, en quinze jours. L'actrice y parut avec avantage en habit de cavalier. La pièce eut un grand succès. (Oeuvr. de Campistron, Paris 1750, I, p. XIII).

томъ Сѣчкаревъ и Лабызевъ занимались этой спеціальностью подъ руководствомъ Свистунова, одного изъ бывшихъ кадетъ, игравшихъ въ первый разъ трагедіи Сумарокова. Наши актрисы не вдругъ привыкли къ сценѣ и во время Лукина, какъ видимъ, не рѣшались еще «безобразиться» мужскимъ платьемъ.

Въ 1765 году въ Петербургѣ открылся тотъ народный театръ, о которомъ мы прежде упомянули. Это былъ родъ амфитеатра изъ досокъ, въ которомъ могло помѣститься довольно много народа. Онъ былъ выстроенъ недалеко отъ Мойки, на Брумбергской площади, или на довольно большомъ пустырѣ, бывшемъ тогда за Малою Морскою. Представленія на немъ начались въ этомъ году на Пасхѣ; они назначались въ четыре часа пополудни и простой народъ съ большой охотой посѣщалъ этотъ театръ, платя 50 копеекъ за мѣсто. Здѣсь играли охотники, изъ подъячихъ, мастеровыхъ наборщиковъ, фабричныхъ и т. д.

Въ письмѣ Лукина къ Ельчанинову (стр. 184—188) читатель найдетъ любопытное описаніе этого театра, сдѣланное отчасти въ формѣ сна. «Нашъ низкія степени народъ —говоритъ Лукинъ объ этомъ театрѣ — толь великую жадность къ нему показалъ, что оставя другія свои забавы, изъ которыхъ иныя дѣйствіемъ не весьма забавны, ежедневно на оное зрѣлище збирался». Это опять наводитъ его на серьезныя мысли о народномъ театрѣ, мысли весьма справедливыя и очень замѣчательныя для того времени, когда въ литературныхъ понятіяхъ господствовала натянутая и безжизненная чопорность, а въ жизни — презрѣніе къ народу. Этотъ театръ доставлялъ Лукину великое удовольствіе и возбуждалъ въ немъ желаніе и надежду самобытнаго русскаго народнаго театра. «Сія народная потѣха можетъ произвесть у насъ не только зрителей, но со временемъ и писцовъ (т. е. писателей для народнаго театра), которые сперва хотя и неудачны будутъ, но въ слѣдствіи исправятся. Словомъ, я искренно тебя увѣряю, — говоритъ онъ своему другу, — что сіе для народа упражненіе весьма полезно и потому великія похвалы достойно».

Жалко за наше время сознаться, что эти мысли о народномъ театрѣ, высказанныя сто лѣтъ тому назадъ, еще до сей минуты не нашли себѣ у насъ никакого, сколько нибудь удовлетворительнаго исполненія. Народъ все-таки остается безъ театра!

А. Пыпинъ.

В. И. ЛУКИНЪ.

СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ

ВЛАДИМІРА ЛУКИНА.

ИЗВѢСТІЕ.

Сердце мое мнѣ предвѣщаетъ, что многіе люди, коимъ не припишу я имени прилагательнаго, а оставлю на догадку читателей, будутъ меня безъ всякія пощады не только осуждать, но и бранить за то, что я издаю частями мои сочиненіи и переводы. Станутъ они разныя въ хулу мнѣ приписывать причины, напримѣръ, что виною тому мое самолюбіе, незнаніе и проч. — Скажутъ они, что надлежало бы мнѣ обождать и написать что-нибудь получше, для того, что и давно пишущіе не издаютъ собранія своихъ сочиненій. На сіе могъ бы я имъ сказать, что тѣ господа писатели, можетъ быть, имѣютъ неизвѣстныя мнѣ причины не выдавать вдругъ трудовъ своихъ; а я по моимъ обстоятельствамъ принужденъ мои выдать, и за то всѣмъ строгимъ судіямъ не долженствую ни малымъ отчетомъ. Однако, удаляяся отъ таковыхъ колкихъ отвѣтовъ, которые нерѣдко и въ ссоры заводятъ, скажу всѣмъ читателямъ истинное мое намѣреніе. Я предпріялъ чрезъ сіе изданіе сохранить переведенныя мною изъ дѣлъ чужихъ писателей и на наши нравы исправленныя комедіи и прочіе мелкіе переводы, которые навсегда, по содержанію ихъ, чтенія достойны. И сіе дерзновеніе пріемлю я болѣе для переводовъ, нежели для собственныхъ моихъ сочиненій, и по совѣсти моей могу въ томъ побожиться, чему всѣ тѣ люди, которые совѣсть имѣютъ, непремѣнно мнѣ повѣрятъ; а кто ея не имѣетъ, до того мнѣ и нужды нѣтъ, потому что и хула таковаго переговорщика въ похвалу мнѣ послужитъ. Вѣрьте, любители словесныхъ наукъ, что я для удовольствія вашего печатаю труды мои, изъ другихъ авторовъ заимствованные и мною сочиненные, которые по частямъ выдавать буду.

Его превосходительству, дѣйствительному статскому совѣтнику, кабинета ея императорскаго величества и главной дворцовой канцеляріи члену, ордена бѣлаго орла кавалеру и члену же лейбцигскаго ученаго собранія, ивану перфильевичу елагину, всепокорное приписаніе.

Милостивый государь!

Пользуясь благодѣяніемъ вашего превосходительства, ежедневно ко мнѣ умножающимся, съ прискорбіемъ вижу, что за него услугами моими не возмогу я отплатить достойно. Единая моя благодарность удобна доказать, колико я за то чувствителенъ и колико жаждущъ засвидѣтельствовать мое къ вамъ нелестное почтеніе и усердную преданность. Желалъ бы я въ томъ и вещественно васъ удостовѣрить, но способовъ не имѣю. Произволеніемъ судьбины пресѣченъ мнѣ путь ко всякой отплатѣ за ваше великодушное обо мнѣ призрѣніе. Я родился на свѣтъ къ принятію одолженій отъ сердецъ великодушныхъ, и до сего времени, по неимуществу моему и тѣмъ людямъ, кои меня бѣдняе, иныя помощи, кромѣ искренняго объ нихъ сожалѣнія и нелицемѣрнаго о достоинствахъ ихъ отзыва, подавать не могу. А если бы я когда ни есть и пришелъ въ такое избыточное состояніе, въ коемъ возмогъ бы моему благодѣтелю отплатить за оказанныя мнѣ милости, то и тутъ не имѣлъ бы сего удовольствія. Всякое за благотвореніи мздопріятіе и всякая корысть, единый видъ неблагопристойности имѣющая, гнусна въ глазахъ вашихъ. Вы не для полученія отплаты помогаете въ нуждѣ сущимъ, но для показанія врожденнаго въ васъ человѣколюбія. Все сіе знаю я опытами и не отрекусь во всякое время то же объ васъ сказать, что̀ теперь сказываю, потому что не чинъ вашъ и не милость къ вамъ государская, а достоинствы ваши меня оное говорить заставляютъ. Но въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ не остается мнѣ, милостивый государь, ни чѣмъ изъявить моей къ вамъ искренности, кромѣ весьма слабыя жертвы, теперь приносимыя. Она состоитъ въ надписаніи вашему превосходительству начальныхъ моихъ трудовъ въ словесныхъ наукахъ, въ первой части изданныхъ. Я уповаю, что вы, сдѣ-

лавъ мнѣ къ письменамъ поощреніе, приношенія моего не отвергнете. Оно происходитъ отъ сердца, благодарностію къ вамъ преисполненнаго, и отъ такого, которое нынѣ лучшаго чувствительности своей знака произвесть не въ силахъ. Притомъ же и самая хула, на мою комедію сдѣланная, меня къ тому побуждаетъ. Она отъ завистниковъ къ предосужденію моему была изреченна, но послужила къ совершенному мнѣ удовольствію. Отъ многихъ и отъ васъ самихъ я слышалъ, что нѣкоторые зрители, сумнѣваясь во мнѣ, приписывали сочиненіе мое перу вашему. Сей слухъ несказанно меня обрадовалъ, польстивъ мнѣ, что я конечно уже до того по нѣскольку достигнулъ, къ чему всѣ мои желаніи стремились; ибо сомнѣніе зрителей увѣряло меня, что въ моемъ слогѣ видѣнъ учитель мой.

Не отрекитесь, милостивый государь, удостоить принятіемъ трудовъ моихъ. Въ приписаніи моемъ нѣтъ сѣтей, къ уловленію добрыхъ сердецъ разставленныхъ; нѣтъ въ немъ скрытыя отравы, то есть похвалы лестныя и излишнія, къ сплетенію коей я не пріобыкъ и не пріобыкну. Я приношу вамъ труды мои, какъ ученикъ вашъ и купно человѣкъ вами одолженный, и изъясняю нелестныя мои мысли, которыя вѣчно во мнѣ пребудутъ, и съ которыми сохраню я къ вашему превосходительству должную благодарность, и съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію стану называться вашего превосходительства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга.

[МОТЪ, ЛЮБОВІЮ ИСПРАВЛЕННЫЙ].

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ «МОТУ, ЛЮБОВІЮ ИСПРАВЛЕННОМУ».

При изданіи на свѣтъ сея комедіи за необходимость почитаю увѣдомить всѣхъ читателей о причинахъ, принудившихъ меня къ сочиненію оной, объ успѣхахъ, въ представленіи пріобрѣтенныхъ, и о прочихъ къ тому принадлежностяхъ, отъ чего предисловіе мое хотя превзойдетъ пространствомъ многія сочиненіи, подъ спмъ наименованіемъ изданныя, но читатель, не поскучивши, долженъ его до конца прочесть; если же сего не сдѣлаетъ, то, обвиняя меня, самъ легко погрѣшить можетъ.

Большая часть комическихъ и сатирическихъ писателей принимается нынѣ за перо по единой изъ трехъ нижеслѣдующихъ причинъ. *По первой*, чтобы изъ самолюбія прославить имя свое, показавъ, какъ единоземцамъ, такъ и единовременнымъ, трудъ на нѣкоторое время вниманія ихъ достойный, и чрезъ него привлечь читателей къ оказанію себѣ почтенія дотолѣ, доколѣ писаніе его прилежнѣе не разсмотрится. *По второй*, чтобы получить прибытокъ, не смотря на то, полезно ли обществу сочиненіе его, и забывъ о томъ, что писателю должно пріобрѣтать корысть, всѣмъ людямъ свойственную, если не полезнымъ, такъ уже всеконечно безвреднымъ средствомъ для согражданъ своихъ. *По третьей*, чтобы удовольствовать завпсть, злобу и мщеніе, коими они участно противъ нѣкоторыхъ людей заражены бываютъ, или чтобы по врожденной ко всѣмъ ближнимъ ненависти, нетерпящей чуждаго благополучія, вредить невинную добродѣтель и словами и писаніемъ. Но какъ всѣ таковыми причинами производимыя сочиненія мнѣ столь отвратительны, что я за самый грѣхъ поставляю когда-нибудь дать имъ мѣсто въ своемъ сердцѣ, то и принялся я за перо, слѣдуя единому только сердечному побужденію, которое заставляетъ меня искать осмѣяніемъ пороковъ и своего собственнаго въ добродѣтели удовольствованія и пользы моимъ согражданамъ, доставляя имъ невинное и забавное времени провожденіе. Не знаю того, принесетъ ли имъ моя комедія мною желаемую пользу; но то твердо вѣдаю, что многіе люди, какъ скоро прочтутъ сіе мое намѣреніе, такъ скоро и скажутъ, что для сдѣланія писаніемъ пользы

общественной надлежитъ имѣть весьма превосходныя достоинства. Возраженіе сихъ господъ будетъ неоспоримое. Но я, не чувствуя угрызенія въ совѣсти, могу ихъ увѣрить, что источникъ труда моего не лестно мною объявленъ, и что я при всей моей слабости питалъ сіе желаніе, хотя и вѣдалъ, что оно рѣдкому удается, и чувствовалъ, что къ тому не достаетъ во мнѣ многихъ и врожденныхъ и ученіемъ пріобрѣтенныхъ дарованій, которыя для составленія добраго писца необходимы. По сему толь искреннему признанію не должны мои одноземцы весьма строго осуждать меня за слабости мои для добраго моего намѣренія, а должны для произведенія онаго съ лучшимъ успѣхомъ въ дѣйствіе единодушно желать человѣка, одареннаго изящными качествами, пространнымъ воображеніемъ, важнымъ изученіемъ, даромъ краснорѣчія и плавнымъ слогомъ. Но когда таковыхъ писателей въ родѣ комическомъ еще не видно, то и начинающимъ, въ число коихъ мнѣ безъ самолюбія позволено причесться, можно отъ усердія льститься сдѣланіемъ нѣкоторыя пользы своимъ соотчичамъ; а тому, кто доброе имѣетъ сердце, довольно, и чрезмѣрно довольно во мзду его будетъ, если онъ узнаетъ, что его трудами хотя единый порокъ исправленъ. Всякій въ письменахъ упражняющійся вѣдаетъ, что какъ ли бы хорошо нравоученіе написано ни было и какъ ли бы прелестно ни изъяснялся писатель для притяженія къ себѣ чтущихъ и внемлющихъ его сочиненіе, однако долгое время долженствуетъ онъ ждать плода отъ сѣмянъ ими посѣянныхъ: почему и я не отчаяваюсь, чтобы мое предпріятіе хотя нѣкоторыя не сдѣлало пользы и не исправило сердецъ, подвластныхъ порокамъ, мною обличеннымъ.

Содержаніе моей комедіи избралъ я для слѣдующаго. Мнѣ опытами извѣстно, сколь много молодыхъ людей, завидными дарованіями отъ природы надѣленныхъ, губятъ время въ позорномъ мотовствѣ, и сколь многіе отъ того приходятъ въ бѣдность, отъ бѣдности въ крайность, а отъ крайности въ дѣла предосудительныя, навлекающія вѣчный стыдъ не только имъ, но и всѣмъ ихъ родственникамъ. Многіе, коротко меня знающіе, свѣдомы, почему я толь подробно сужу о слѣдствіяхъ, могущихъ отъ мотовства случиться; а тѣмъ, кто меня не знаетъ, скажу не стыдясь, что я самъ въ ономъ вредномъ ремеслѣ долго упражнялся; но я игралъ, а не моталъ. Мотаютъ только тѣ, которые нажитое ихъ предками, по заслугамъ или безъ заслугъ, правдою или бездѣльствомъ, и какъ бы то ни было, но имѣніе предковъ своихъ позорнымъ образомъ проживаютъ. Игравши, видѣлъ я болѣе ста человѣкъ, не только совершенно промотавшихся, но и въ самую погибель пришедшихъ. Большею частію случалось сіе съ молодыми дворянами, присылаемыми отъ отцовъ своихъ съ глупыми дядьками или къ несмысленнымъ, или къ безпечнымъ родственникамъ. Разорялися они обычайно ремесленными картежными игроками. Всѣ простаки, въ столицы пріѣзжавшіе, и нѣкоторые щегольки, безъ воспи-

танія и безъ присмотру въ столицахъ жившіе, бывали оброчными сихъ промышленниковъ крестьянами. Сказалъ я, что игроки разоряли многихъ людей, и думаю, что на меня иные за то и прогнѣваются; но ихъ въ томъ воля. Они властны избавиться отъ сея укоризны, сложивъ съ себя не весьма знаменитое названіе. Однако я, не любя вовсе раздоровъ, не хочу и ихъ вовсе огорчить, и исполняя древнюю пословицу: «иногда волчій ротъ, а иногда лисій хвостъ», скажу въ ихъ утѣшеніе и въ оправданіе слѣдующее: *Можетъ быть, были они, по неисповѣдимому Всевышняго промыслу, бичемъ праведнаго его гнѣва, потому что большею частію обыгрывали всегда дѣтей такихъ отцовъ, которые, имѣвъ въ рукахъ правосудіе, безъ кривды шага не ступали и разоряли бѣдныхъ, ищущихъ ихъ помощи, не домами, но цѣлыми городами и уѣздами. А иногда случалось, что и сами ихъ родители, дяди и прочіе возмужалые взяткохваты и преступники истины сіе наказаніе отъ игроковъ получали. Къ тому же тогда было такое время и обычай, чтобы всѣмъ, то есть богатымъ и убогимъ, въ золото и въ шегольскія наряжаться одежды; но какъ не всѣ имѣли къ тому способы, то и старалися избирать къ обогащенію своему различныя дороги. Тѣ, кои ко взяткамъ не имѣли способности, а къ трудамъ и дѣламъ полезнымъ разума и знанія, пускалися въ игру и оною обогащались.* Я же, губя время въ семъ позорномъ упражненіи, чувствовалъ неумолкное раскаяніе и наконецъ предпріялъ его оставить; ибо въ немъ и безъ убійственнаго желѣза нерѣдко другъ у друга жизнь отъемлютъ. Сіи строки могутъ многимъ людямъ чрезмѣрно жестоки показаться, но я онымъ тотчасъ и безъ труда докажу, что приличнѣе сего наименованія для игры карточной на свѣтѣ не сыщешь.

Вообрази, читатель, но такой, который никогда самъ не игрывалъ, вообрази толпу людей, нерѣдко больше ста человѣкъ составляющую. Обычайно собираются оные художники (*) въ большую палату. Иные изъ нихъ сидятъ за столомъ, иные ходятъ по комнатѣ, но всѣ сооружаютъ разные наказанія достойные вымыслы къ обыгранію своихъ соперниковъ. Хитрѣйшіе изъ нихъ скопомъ условливаются ограбить простачковъ, вновь появившихся. Но можно общественно объ нихъ сказать, что всѣ они съ однѣми приходятъ мыслями, дабы каждому у прочихъ отнять до послѣдней полушки и лишить не только пропитанія, но и самыя чести. Вотъ причины ихъ собранія! И ты, любезный читатель, вообразивъ сіе, скажи безпристрастно, есть ли тутъ хотя искра благонравія, совѣсти и человѣчества? Всеконечно нѣтъ! Но то ли еще услышишь! Положимъ, что въ ономъ собраніи будетъ

(*) Я согрѣшилъ, назвавъ ихъ художниками. Они должны назваться худа или зла творители, и сему нареканію происхожденіе и объясненіе само въ послѣдующихъ строкахъ покажется.

ихъ такъ, какъ я выше сказалъ, цѣлая сотня. Изъ сотни обыкновенно одинъ или двое, подобно Крезу и Мидасу, имѣютъ передъ собою золотыя горы, возвышенныя изъ иждивенія несчастныхъ ихъ противуборниковъ, или лучше сказать, изъ крови и жизни ихъ. Выигрывающіе богачи сидятъ кичливо, о столъ облокотяся, и имѣя видъ веселый, изъявляютъ неописанное удовольствіе, грабя звѣрски свою братію. А злосчастные игроки, истощающіе послѣднія силы, разные имѣютъ виды. Иные подобны блѣдностію лицъ мертвецамъ, изъ гробовъ встающимъ; иные кровавыми очами—ужаснымъ фуріямъ; иные унылостію духа—преступникамъ, на казнь ведущимся; иные необычайнымъ румянцемъ—ягодѣ клюквѣ (*); а съ иныхъ течетъ потъ ручьями, будто бы они претрудное и полезное дѣло съ споспѣшностію исполняютъ. Большая часть оныхъ мотовъ, пришедъ въ изступленіе, клянутъ день своего рожденія и родителей, бьютъ по столу, терзаютъ волосы, дерутъ карты, какъ гибельныя несчастія своего орудія. Словомъ, они дѣлаютъ дѣла неудобопонятныя, и надлежитъ списать ихъ сборище кистью искуснѣйшаго живописца, для доставленія тебѣ, читатель, точнаго объ нихъ понятія. По моему же мнѣнію, они суть тѣни, томящіяся вмѣсто вѣчнаго мрака въ здѣшней жизни. Можно бы было уподобить ихъ *Танталу*, *Асціону*, *Сифизу* и прочимъ душамъ, мучащимся въ баснословномъ адѣ; но мнѣ кажется, что удобнѣе сдѣлать для нихъ примѣръ русскій, потому что митологію у насъ не многіе еще знаютъ, а многіе и знать ее за грѣхъ почитаютъ. Но нѣтъ! лучше и русское сравненіе оставить. Меня назовутъ за то совершеннымъ злоязычникомъ; къ тому же и сказать не могъ бы я ничего, кромѣ сея бездѣлки, то есть, что отъ юныхъ лѣтъ до гробовой доски играющіе могутъ правильно уподоблены быть нашимъ пьяницамъ. Первые лишь проснутся, то и за карты, а послѣдніе лишь протрезвятся, то и за вино. Но я, всѣ уподобленія оставя, скажу тебѣ, читатель, то, что чрезъ нѣсколько минутъ въ ономъ собраніи случается, и то, чего тебѣ, не слыхавши, вообразить никакъ невозможно. Ты увидишь тѣхъ прегордыхъ богачей, которые предъ нѣсколькими минутами ругались надъ безсчастными игроками, самыми бѣдными людьми въ свѣтѣ, и тутъ покажется тебѣ, будто бы души ихъ изъ тѣла въ тѣло преселились. Они начнутъ клясть свою судьбину, грызть пальцы и бить о столъ руками; а тѣ, которые за часъ или менѣе оное дѣлали, взявши въ свою власть золотыя горы, заступятъ мѣста прегордыхъ своихъ соперниковъ, станутъ на нихъ кичливо поглядывать и, улыбаясь, вразумлять имъ, что они уже от-

(*) Странно покажется нѣкоторымъ читателямъ сіе уподобленіе, но не всѣмъ. Надлежитъ въ русскомъ быть чему ни есть русскому, и тутъ, кажется, перо мое не погрѣшило, ибо и таковый цвѣтъ на игрокахъ не рѣдко бываетъ.

мщеніе получили. Все сіе такъ скоро, или удобнѣе сказать, мгновенно случается, что конечно бы ты, читатель, преселенію душъ повѣрилъ, если бы не увидѣлъ, что деньги отъ счастливыхъ преселяются къ несчастнымъ; и такъ бываетъ преселеніе не душъ, но денегъ. Вотъ живое описаніе сего сообщества и въ немъ бываемыхъ упражненій. Надлежитъ къ тому еще увѣдомить тебя, что въ оныхъ сходбищахъ бываютъ самые безбожные ростовщики и безсовѣстные купцы, продающіе вдесятеро дороже. Если бы я писалъ опроверженіе на игру карточную, то бы подробно вывелъ всѣ образы хитрыхъ шильничествъ, въ зерновыхъ сборищахъ употребляемыхъ, но теперь, писавши предисловіе къ комедіи, и такъ уже излишне заговорился, и для того многія околичности оставя, скажу тебѣ, читатель, что между игроками есть всякаго рода обманы, и кто поигралъ довольно, тотъ увидѣлъ то, что называется пройти сквозь огнь и воду, въ чемъ всѣ, въ карты игравшіе люди, если они по совѣсти признаются, согласны со мною будутъ.

Все вышеписанное принуждало меня сдѣлать *Мота*, потому что у насъ карточная игра главное мотовство составляетъ, но много въ ономъ намѣреніи препятствовало мнѣ то, что не имѣлъ я еще образца передъ собою. Я разумѣю подъ образцомъ комедію характерную въ пяти дѣйствіяхъ. Страшился я строгаго на себя нападенія, чего и не избѣгнулъ. Но долженствую признаться, что склонность превозмогла всѣ воображаемыя опасности. Я принялся за трудъ, но нашелъ новое препятствіе гораздо знатнѣе вышесказаннаго. Господинъ *де Тушъ* своимъ *Мотомъ* устрашилъ меня, и онъ былъ препятствіемъ на пути мною избранномъ. Всѣ, кто французской языкъ знаютъ, знаютъ и достоинство сего въ благородныхъ комедіяхъ превосходнаго сочиненія. Принявшись за одинъ съ онымъ комикомъ характеръ, надлежало мнѣ удалиться отъ его содержанія, сплетенія, узла и развязки, дабы съ нимъ ни въ чемъ не повстрѣчаться. Я убѣгалъ отъ него всевозможно, но убѣгалъ отнюдь его не презирая, а опасаясь встрѣтиться съ его красотами, какъ съ такими прелестьми, которыя противъ воли нашей насъ плѣняютъ и заставляютъ къ себѣ прилѣпляться. Не столь трудно было бы мнѣ сдѣлать мою комедію, если бы я не зналъ и не такъ много почиталъ *де-Туша*. Сей великій авторъ въ своихъ комедіяхъ достоинъ подражанія (*). *Мотъ* его блестящъ тѣмъ, что онъ въ глазахъ зрителей проматывается, и велѣпіемъ своимъ украшаетъ театръ и дѣйствіе оживляетъ. Но мнѣ не-

(*) Въ сіе число можно внесть «Тщеславнаго», «Женатаго Философа», «Мота», «Честолюбиваго и Нескромную», «Колеблющагося», «Неблагодарнаго» и «Страннаго человѣка»; но сію послѣднюю единственно за изящныя мысли, а не за расположеніе и сплетеніе; но онъ хорошими мыслями и острыми словами и въ посредственныхъ своихъ комедіяхъ изобиленъ.

льзя было моего такимъ же сдѣлать, потому что назвали бы его подражаніемъ, чего мнѣ на первый разъ не хотѣлось. А ежели бы и мой *Мотъ* расточалъ имѣніе на театрѣ; то не было бы у меня скучнаго перваго дѣйствія, гдѣ я долженствовалъ длиннымъ повѣствованіемъ обременить слухъ зрителей.

Наименовалъ я мою комедію *Мотомъ*, *любовію исправленнымъ*, для того, чтобы, показавъ въ предосторожность молодымъ людямъ опасности и позоръ, отъ мотовства случающіеся, имѣть способы угодить всѣмъ зрителямъ, по различію ихъ склонностей. Одна и весьма малая часть партера любитъ характерныя, жалостныя и благородными мыслями наполненныя, а другая, и главная, веселыя комедіи (*). Вкусъ первыхъ съ того времени утвердился, какъ они увидѣли *де-Тушевы* и *Шоссеевы* лучшія комедіи. Для сего надлежало мнѣ стараться ввесть явленія жалостныя, чего бы, не назвавъ комедію мою *Мотомъ*, *любовію исправленнымъ*, сдѣлать не столь способно было. Итакъ, угождая первымъ, включилъ я раскаяніе *Добросердова*, его разговоръ съ добродѣтельною *Клеопатрою* и прочія мѣста, къ состраданію побуждающія; а достальную часть зрителей старался я по возможности увеселить введенными комическими лицами, изъ которыхъ не всѣ побочными назваться могутъ. Герой мой *Добросердовъ*, какъ мнѣ кажется, вподлинну имѣетъ доброе сердце и съ нимъ соединенное легковѣріе, что и погибель его составило. Не знаю, удалось ли мнѣ его характеръ выдержать, но по крайней мѣрѣ сдѣлать оное хотѣлось (**). Я показалъ въ немъ большую часть молодыхъ людей, и желаю, чтобы большая часть, ежели не лучшими, такъ по крайней мѣрѣ хотя бы такими же средствами исправлялись, то есть наставленіемъ добродѣтельныхъ любовницъ. Многіе мнѣ на оное скажутъ: а сколько-де у насъ такихъ дѣвицъ, какъ ты, умствуя, показать изволилъ? Но вотъ имъ отвѣтъ мой: неспорно, мои государи, что мало и очень мало; но мы должны ожидать таковыхъ дѣвицъ отъ всѣхъ отцовъ, юныхъ дѣтей имѣющихъ, потому что воспитаніе человѣческое и у насъ давно уже началося; а что мало воспитано, тому небрежливые

(*) Тѣ, что по-французски pièces d'intrigues и farces называются.

(**) Если же и не удалось, не должно меня за то обвинять весьма строго. Родители дѣтей своихъ ослѣпленно любятъ, и то, что сторонним людямъ не нравится, ихъ восхищаетъ; но я хотя не столько, однако люблю Добросердова. Онъ первый плодъ моего умишка, и я на нѣсколько времени могу обманываясь быть объ немъ лучшаго мнѣнія, нежели онъ стоитъ. Но надобно вамъ, читатели, о томъ помнить, что я не слѣпо и притомъ нѣсколько времени, а не вѣчно любить его буду; но не такъ же коротко, какъ нынѣшніе молодые любовники и приказные взяткобратели. У первыхъ въ сутки страсть простываетъ, а у послѣднихъ присяга въ тотъ же часъ изъ памяти выходитъ, какъ мѣшокъ съ деньгами увидятъ.

родители виновны. И мнѣ кажется, что ежели хорошаго нѣтъ, такъ онаго желать всякому доброму гражданину надлежитъ. Слуга сдѣланъ у меня весьма добродѣтельный, и нѣкоторые осуждатели, на меня вооружавшіеся, мнѣ говорили, что у насъ такихъ слугъ еще и не бывало. Станется, сказалъ я имъ; но *Василій* для того мною и сдѣланъ, чтобы произвесть ему подобныхъ, и онъ долженъ служить образцомъ. Мнѣ совѣстно бывало, милостивцы мои, продолжалъ я, и на то смотрѣть, что во всѣхъ переведенныхъ комедіяхъ слуги превеликіе бездѣльники, и что они при развязкѣ почти всѣ за плутни безъ наказанія остаются, а иные еще и награжденіе получаютъ. Услышавъ сіе, съ ругательною улыбкою одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: но къ чему жъ вдругъ столь избранное и плодовитое нравоученіе для подлаго сего рода? На сіе мною отвѣтствовано: чтобы очистить оный отъ подлости и научить усердію къ господамъ своимъ и поступкамъ, всякому честному человѣку приличнымъ. Вотъ тебѣ на! закричали всѣ господа пересмѣшники, развѣ ты о томъ не знаешь, что слуги наши никакихъ книгъ не читаютъ? Не правда, всезнающіе господа, сказалъ я имъ, нѣсколько разгорячась, очень многіе читаютъ, а есть и такіе, которые пишутъ лучше пересмѣшниковъ; а мыслить всѣ люди могутъ, потому что каждый изъ нихъ съ мыслями, кромѣ дураковъ и вертопраховъ, родится. Тутъ разговоръ нашъ въ мигъ окончился, и они одинъ по одному въ мое удовольствіе меня оставили.

Прочія въ комедіи моей лицы старался я всевозможно сдѣлать русскими, въ чемъ, какъ меня пріятели мои увѣряютъ, нѣсколько мнѣ и удалося. Кажется, что я не подражалъ *де-Тушу*, и не можно меня почесть воромъ, обокравшимъ красоты его. Сходны у насъ съ нимъ послѣднія явленія, гдѣ его *Мотъ* съ *Паскенемъ*, а мой *Добросердовъ* съ *Васильемъ* разговариваютъ; но и тутъ всякій знающій театръ найдетъ у меня противуположеніе. Слуга *де-Тушева Мота* вольный, а *Василій* крѣпостной. Тотъ, будучи вольный, даетъ деньги господину своему въ самой крайности; признаваюсь, что добродѣтель отъ толь низкаго человѣка великая, но *Васильева* больше. Онъ отпускается на волю и получаетъ награжденіе, но того и другаго не пріемлетъ. Положимъ, что деньги для него бездѣлица; но вольность сія драгоцѣнная вещь, о которой они паче всего пекутся и для которой добрые изъ нихъ молодыя свои лѣты усердно намъ прослуживаютъ, дабы въ старости изъ кабалы освободиться, однако *Василій* презираетъ вольность и остается при господинѣ своемъ. Вотъ примѣрная добродѣтель, и такая, которая и въ боярахъ общею назваться не можетъ. Ложный другъ *де-Тушева Мота* съ моимъ *Злорадовымъ* весьма несходенъ, а въ *Княгинѣ* ни съ какимъ женскимъ въ *де-Тушевой* комедіи лицемъ подобія никто не сыщетъ. Итакъ, кажется мнѣ, что я уже достаточно объявилъ о содержаніи моей комедіи и о дѣйствующихъ въ оной лицахъ, почему приступлю теперь къ успѣхамъ, какіе она на театрѣ имѣла, и кому я оными понѣскольку долженъ.

Сочинивъ сію комедію, читалъ я ее знакомымъ мнѣ молодымъ писателямъ, потому что изъ старыхъ иные мнѣ вовсе незнакомы, а иные очень мало; къ инымъ же какъ я, такъ и прочіе молодые писатели съ бѣдными нашими трудами подступить не смѣемъ, ибо они, и не читавши нашихъ сочиненій, не только вовсе ихъ осуждаютъ, но и насъ называютъ дураками и дерзновенными невѣжами за то, что при ихъ жизни за перо принимаемся; а иные изъ нихъ и названіе старыхъ писцовъ только по числу лѣтъ, а не по достоинству трудовъ своихъ присвоиваютъ; но при всемъ томъ также, какъ бы и знающіе, вовсе сочиненія наши опорочиваютъ. Но сіе для нихъ очень не похвально. Они вмѣсто поданія совѣтовъ, къ которымъ себя способными почитаютъ, дѣлаютъ намъ всевозможное отъ словесныхъ наукъ отвращеніе.

Долго не могъ я понять, изъ какого источника истекаетъ отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ неумолкная на насъ хула и всегдашнее начальныхъ нашихъ трудовъ осужденіе. Долго думалъ я, что можетъ быть и въ подлинну мы ослѣпляемся и грѣшимъ, начиная писать не состарѣвся; но наконецъ узналъ я истинную тому причину. Они желаютъ отъ насъ раболѣпствія, чтобы мы сперва, ползая у ногъ ихъ, испросили разрѣшенія къ писанію, а потомъ, написавши, приходили бы къ нимъ въ праздничный день, когда у нихъ гостей побольше бываетъ, съ сочиненіемъ нашимъ, и униженно бы просили исправленія нашихъ погрѣшностей. Къ чему жъ бы весь этотъ обрядъ? Къ тому, чтобы имъ, принявъ отъ насъ, повелительнымъ сказать голосомъ: *Хорошо, я для тебя это сдѣлаю и порадуюсь, что ты, воспользовавшись моими наставленіями, покажешь отечеству и свѣту труды, учителя твоего достойные.* Можно бы вытерпѣть сію надменную рѣчь, если-бы чрезъ нее истинная польза молодому писцу приносилась; но вмѣсто того, онъ или лишится совсѣмъ своего сочиненія, или увидитъ, что въ немъ лучшія мысли вымараны будутъ, и вмѣсто ихъ Шапеленскіе стихи вставлены, если стихотвореніе, если же проза, то худшій слогъ изъ повѣсти о Еруслановѣ Лазаревичѣ. Сказалъ бы я и болѣе объ нѣкоторыхъ вовсе недоступныхъ въ словесныхъ наукахъ откупщикахъ, но боюсь отойти отъ слова моего. Читалъ я мою комедію, какъ выше сказано, знакомымъ мнѣ писателямъ; они почли ее достойною представленія, за недостаткомъ комедіи, и просили меня отдать ее на театръ, что я и сдѣлалъ, получа таковой же отзывъ отъ моего въ познаніи нашего языка учителя.

Между тѣмъ многіе, смертельно того ненавидящіе, что другіе люди за полезное упражненіе принимаются, услышавъ о комедіи моей, разныя внушали о ней толкованія. *Самохваловъ* говорилъ: «смѣшно-де «и слышать, что уже и *Лукинъ* комедію сдѣлалъ... А! Да это вить «мотъ будетъ! Такъ мы увидимъ худой переводъ *де-Тушева Диссипатера*, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испорченный.» Но знать его самолюбивая милость благоволила запамятовать, что самые дурные пере-

воды суть произведеніе поспѣшнаго его пера и руки, единственно къ скорому черканію привыкшей. Кажется, что не должно ему забывать того, что онъ ежедневно слышитъ, ибо цѣлый городъ о трудахъ его согласно отзывается. Но что ему до цѣлаго города. Онъ лучше весь свѣтъ почтетъ незнающимъ, нежели признается, что въ его скорописи, а не въ сочиненіи, потому что онъ сочинять неудобенъ, хотя малыя есть погрѣшности. Короче сказать, много было разныхъ на меня хулителей, изъ которыхъ иные, не читавъ моего *Мота*, а иные и меня вовсе не зная, вообще его опровергали. А мнимовластный судія въ нашихъ словесныхъ наукахъ присуждалъ меня изъ города выгнать за то, что я отважился выдать драму пяти-актную, и тѣмъ сдѣлалъ въ молодыхъ людяхъ заразу. Были и такіе люди, которые разглашали, что если комедія успѣхъ получитъ, такъ тѣмъ докажется, что она не моего сочиненія, а господина *Елагина*. Симъ больше всего чаяли они ее опровергнуть и сдѣлать меня обманщикомъ, выдающимъ чужое подъ своимъ именемъ. По симъ внушеніямъ большая часть города была не весьма полезнаго мнѣнія о моей комедіи; но вдругъ услышали, что она будетъ представлена въ первый день, для русскихъ зрѣлищъ назначенный. Тутъ собирался нѣкоторые противъ меня станицами и желали паденія моей комедіи; но главная доля зрителей шла съ удовольствіемъ видѣть первый трудъ своего одноземца, для ихъ удовольствія на хулу общественную пустившагося.

Въ среду въ 5 часовъ почти весь партеръ наполнился, а ложи и того ранѣе. Пронесся слухъ: «будетъ-де играна новая русская комедія въ пяти дѣйствіяхъ». Любопытство и склонность къ новизнамъ влекли многихъ зрителей ее видѣть, а нѣкоторая часть шла, льстясь увидѣть мое паденіе. Не слыхалъ я всѣхъ разсужденій, въ партерѣ дѣланныхъ; но отъ пріятелей моихъ свѣдалъ, коль оныя странны были. Большая часть противниковъ моихъ до начатія кричали, что не моего пера плоды увидятъ, а коли моего, такъ конечно кѣмъ нибудь правленные.

Началась комедія. Первое дѣйствіе до конца прошумѣли, прокашляли, просморкали и табакъ пронюхали, а два главные русскаго языка ненавистники, *Пустозвяковъ* и *Чужехватовъ*, разносили по партеру прошлогоднія вѣдомости, сказывая зрителямъ, что веселѣе ихъ читать, нежели представляемый вздоръ слушать. Второе дѣйствіе побудило зрителей ко вниманію, а въ послѣдующихъ была тишина, рѣдко случающаяся. Словомъ, въ противность желанія моихъ ненавистниковъ, комедія большій успѣхъ имѣла, нежели я уповать могъ, и если бы она была не моя, или и моя, но кѣмъ нибудь правленная, то конечно бы этимъ опорочиваніемъ упала, ибо не могло бы сіе долго тайною остаться. Прежде представленія свѣдали бы о томъ нѣкоторые изъ моихъ знакомцевъ, которые (не въ поношеніе имъ будь сказано) въ дѣлахъ, до писемъ касающихся, не весьма скромны. Они бы сдѣлали въ томъ своимъ друзьямъ довѣренность, а

друзья ихъ еще своимъ друзьямъ; и такъ бы отъ друга къ другу промчалась сія вѣсть, подобно и прочимъ, по цѣлому городу, и оною бы съ доказательствомъ меня обличили.

Но долженствую признаться, что успѣхами моей комедіи много одолженъ я актерамъ, оную представлявшимъ, а болѣе всѣхъ господамъ *Дмитревскому*, *Попову*, *Шумскому* и актрисѣ г. *Михайловой*. Г. *Дмитревскій* искусствомъ своимъ въ иныхъ мѣстахъ поддержалъ мою комедію. Г. *Поповъ* заслуживаетъ бо́льшую отъ меня похвалу за хорошее свое дѣйствованіе, нежели краткость мѣста мнѣ позволяетъ, а я могу сказать, что онъ помогъ въ успѣхѣ труда моего, и мы съ нимъ другъ другу взаимно услужили. Дѣлая комедію и зная коротко актеровъ, старался я лицы дѣйствующія сочинять свойственно съ ихъ способностями. Итакъ, вмѣсто того, чтобы *Злорадова* сдѣлать степеннѣе, дабы ему имѣть тѣмъ пущую власть надъ *Добросердовымъ*, сдѣлалъ я его въ первыхъ дѣйствіяхъ вертопрахомъ, что способствовало г. *Попову*, пріобыкшему къ лицамъ сего рода, лучше сыграть въ комедіи моей. Можно сказать, что г. *Шумскій* имѣлъ лицо опытное. Онъ игрывалъ всегда слугъ проворныхъ и бездѣльниковъ, а тутъ долженствовалъ представить степеннаго и вѣрнаго, съ мыслями, всякаго честнаго человѣка достойными. Но онъ въ ономъ родѣ такъ удачно сыгралъ, что пріобрѣлъ общую отъ зрителей похвалу, а отъ меня должное за способствованіе въ успѣхѣ труда моего благодареніе. Г. *Михайлова* въ третьемъ дѣйствіи также опытъ дѣлала. Я думалъ, что не легко изъ характера веселаго и проворнаго премѣниться въ печальный и степенный, но она въ оной комедіи доказала, что въ томъ труда немного, если не полѣнишься. И по моему мнѣнію, хотя я онаго утвердительнымъ никогда не почитаю, кажется, что она въ служанкахъ выправляется ежедневно и подаетъ надежду имѣть изъ себя предорогую актрису. Остальныя г-жи актрисы и гг. актеры, а болѣе игравшіе купцовъ, по естественному подлинникамъ своимъ подражанію, похвалу заслуживаютъ, и всякій съ своей стороны сдѣлалъ вспоможеніе сочинителю въ пріобрѣтенной похвалѣ, которую они съ нимъ и раздѣлили.

Теперь остается мнѣ, оканчивая сіе предисловіе, еще всѣхъ читателей увѣрить, что написалъ я *Мота* отнюдь не для того, дабы сатирически язвить единоземцевъ моихъ, но единственно для ихъ пользы и для доставленія имъ невиннаго удовольствія. Знаю, что много и такихъ людей сыщется, кои станутъ иныя лицы и выраженіи толковать развратно и наклонятъ ихъ разными натяжками на людей имъ знакомыхъ, чтобы оныхъ на меня озлобить. Но я ихъ увѣряю, что они тщетно трудиться будутъ. Честные люди имъ не повѣрятъ, а до бездѣльниковъ и погрузшихъ въ неистовствахъ мало мнѣ нужды. Я не только о томъ не пожалѣю, но еще и порадуюсь, если они въ осмѣянныхъ и обруганныхъ въ комедіи моей лицахъ себя найдутъ. Пусть ихъ кричатъ всемѣстно, что сочинитель злоязычникъ, клевет-

никъ, ругатель, или еще и того хуже, по ихъ мнѣнію: сіе ни мало меня не тронетъ.

Я совѣстно васъ, благосклонные читатели, увѣряю, что у меня какъ имена, такъ и лица вымышленныя, и я писалъ мою комедію не изъ мести и не изъ гордости. Къ первому неудобно мое сердце, а ко второму здравый разсудокъ, хотя я и посредственный имѣю, меня не допуститъ. Непростительно бы мнѣ было, если бы я возмечталъ сравняться съ людьми прославившимися. Нѣтъ! Я самъ вѣдаю, что комедія моя не обогащена превосходными и отборными мыслями, а писана какъ можно ближе къ образцамъ, оную составляющимъ. Главное мое желаніе, которое весьма легко и исполниться можетъ, состоитъ въ томъ, чтобы увидѣть себя преуспѣтымъ въ оном родѣ сочиненій. И чего не могутъ сдѣлать люди превосходящіе меня знаніемъ и способностію, когда уже и мнѣ въ первоученомъ трудѣ удалося! Всѣ, къ письмамъ прилежащіе и имѣющіе склонность и дарованіе, могутъ успѣхъ мой почитать для себя поощреніемъ и еще бо́льшаго надѣяться.

Вотъ, любезные читатели, нелестное мое о себѣ мнѣніе. Я надѣюсь чрезъ него пріобрѣсть пущее отъ васъ снисхожденіе и уповаю, что вы не презрите слѣдующей просьбы моей: «Читая моего *Мота*, будьте великодушны. Слабости и погрѣшности мои считайте свойственными роду человѣческому и не забывайте при томъ и сей пословицы, что *первую пѣсенку зардѣвшись пѣтъ*.» Еще тому третій годъ, какъ я, отставъ отъ игры и отъ службы воинской, прилежу къ словеснымъ наукамъ. «Сыскавши достойное хулы и подлежащее исправленію, что сыскать вамъ не трудно, а трудно мнѣ вдругъ усмотрѣть, увѣдомьте меня, хотя мнѣ знакомы, хотя и не знакомы; я получу къ вамъ за то должное почтеніе.» Повѣрьте, что я еще не зараженъ кичливостію авторскою, болѣзнію для молодыхъ людей опасною, коею во вѣкъ не заражуся, для того, что и ремесленнымъ авторомъ никогда не буду. Я пишу комедіи и прочее по склонности моей и во время отъ должности остающееся, и вѣдая самъ свои слабости, для исправленія оныхъ приму радостно ваши наставленіи, твердо уповая, что часъ отъ часу могу ими исправляться и снискивать отъ общества лучшую благосклонность, чего я паче всего желаю и о чемъ всегда пещися буду.

МОТЪ

ЛЮБОВІЮ ИСПРАВЛЕННЫЙ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Въ первый разъ представлена на придворномъ россійскомъ театрѣ января 19 дня 1765 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

СЪ ИМЕНАМИ АКТЕРОВЪ И АКТРИСЪ.

Добросердовъ большой. *Г. Дмитревскій.*
Добросердовъ меньшой. *Г. Бахтуринъ.*
} Родные братья.

Княгиня, вдова, влюбленная въ большаго Добросердова. *Г. Дмитревская.*

Клеопатра, племянница княгинина, любовница большаго Добросердова. *Г. Троепольская.*

Злорадовъ. *Г. Поповъ.*

Степанида, служанка княгинина. Дѣвица *г. Михайлова.*

Василій, дядька большаго Добросердова. *Г. Шумскій.*

Панфилъ, слуга меньшаго Добросердова. *Г. Сечкаревъ.*

Пролазинъ, стряпчій. *Г. Михайловъ.*

Правдолюбовъ. *Г. Волковъ.*

Докукинъ. *Г. Соколовъ.*

Безотвязный. *Г. Кожевниковъ.*

Вдова, каретница. Дѣвица *г. Кусова.*

Дочь каретницына безъ рѣчей.

Слуга большаго Добросердова. *Г. Ванславъ.*

Магистратскій канцелярист. *Г. Михайловъ.*

Разсыльщики, безъ рѣчей.

Нѣсколько купцовъ и извощикъ. Занимодавцы большаго Добросердова. Безъ рѣчей.

Дѣйствіе въ Москвѣ, въ княгининомъ домѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ большую крестовую комнату, въ которой по сторонамъ четыре двери, на каждой сторонѣ по двои; на правой одне означаютъ половину Княгинину и Клеопатрину, а другія спальню и конторку Добросердова; на лѣвой, въ однѣ входятъ изъ передней всѣ чужіе люди, а въ другія проходятъ съ надворья одни домашніе. Въ ономъ же покоѣ стоятъ два стола, канапе, кресли и нѣсколько стульевъ.

Василій (*сидя на канапе спитъ, а проснувшись вынимаетъ часы и потомъ говоритъ*). Изрядно я сдѣлалъ! Вмѣсто то-

го, чтобы до свѣту разбудить своего господина, самъ я до семи часовъ проспалъ, и что вчера ему присовѣтовалъ, то теперь самъ испортилъ... Но что же дѣлать, упущеннаго не воротишь. Коли не удалось сегодня, можетъ быть завтра удастся, лишь бы онъ Злорадову не открылся... Но кто можетъ тому повѣрить, что сынъ покойнаго Добросердова, честнаго и добродѣтельнаго моего господина, промоталъ въ два года отцовское имѣніе и долженъ отъ тюрьмы магистратской изъ города уѣхать?... Никто! да и я бы самъ никогда и никому не повѣрилъ, ежелибъ, по несчастію моему, не былъ свидѣтелемъ всѣхъ его позорныхъ дѣлъ, отъ которыхъ воздержать силъ моихъ не достало. Но чрезмѣрно я радъ, что онъ къ счастію своему влюбился въ добродѣтельную Клеопатру, которая его на истинный путь приводитъ. *(Подошедъ къ дверямъ Добросердовой спальни, слушаетъ и говоритъ)* Въ спальнѣ его очень тихо, и мнѣ кажется, что онъ еще не пробудился, и когда уже мы опоздали, такъ дамъ ему покоиться, а самъ между тѣмъ схожу къ Степапидѣ и, если удастся, о приказанномъ переговорю съ нею. *(Лишь только въ прихожую дверь отворилъ, то господинъ звонитъ въ колокольчикъ. Онъ хочетъ идти къ нему и говоритъ)* А! онъ проснулся; пойду къ нему. (*Но Докукинъ въ то самое время входитъ).*

ЯВЛЕНІЕ II.

Василій и Докукинъ.

Василій *(въ сторону)*. Дьяволъ тебя принесъ!

Докукинъ. Желаю-сте здравствовать, Василій Матвѣевичъ! Не прогнѣвайся пожалуйста, что я такъ рано забрелъ къ вамъ. Мнѣ-стани по дорогѣ идти случилося.

Василій *(въ сторону)*. Поневолѣ обманывать приходитъ. *(Докукину)* За что мнѣ гнѣваться? Я радъ, что ты кстати зашолъ къ намъ; у меня есть для тебя пріятныя вѣсти.

Докукинъ *(въ сторону)*. Никакъ онъ меня опять провесть думаетъ. *(Василію)* Скажи-сте пожалуй! За добренькія вѣсти и мы добренькимъ отплатимъ.

Василій *(улыбаясь)*. Я думаю, что тебѣ въ деньгахъ не безъ нужды?

Докукинъ. Такая въ нихъ нужда, что-сте и промолвить

стыдно. Тѣ самые нѣмцы, у которыхъ я для васъ забиралъ товары, хотятъ меня въ магистратъ спровадить.

Василій. Нельзя этому статься. Будто у тебя денегъ не стало!

Докукинъ. Намъ бѣднымъ всегда не вѣрятъ. Ей-ей-ста! у меня ни копѣйки въ домѣ нѣту, а всѣ въ долгахъ по знатнымъ боярамъ, изъ которыхъ иные и на дворъ не пускаютъ; а вѣдь ихъ въ магистратъ не возьмешь. Я поистинѣ до такой бѣды дошелъ, что и съ моими должниками поступлю такъ же, какъ хотятъ со мною.

Василій. Но я думаю, что мы у тебя не въ числѣ тѣхъ должниковъ, съ которыми ты магистратскою помощью раздѣлаться хочешь; да притомъ бояринъ мой въ состояніи очень скоро расплатиться съ тобою.

Докукинъ *(въ сторону)*. Смѣкаю его басни. *(Василію)* Яста-ни тому сердечно радъ, что безъ всякихъ хлопотъ получу деньги, а то бы въ бѣдѣ неминучей должно мнѣ было завесть съ вами ссору.

Василій *(въ сторону)*. Какъ бы его поскорѣе выжить? *(Докукину)* Повѣрь, господинъ Докукинъ, что мой бояринъ до того не допуститъ, и онъ дней чрезъ пять-шесть получитъ тысячъ побольше десятка.

Докукинъ. Дай ему Богъ хотя сотню; мы его милости и напредки пригодимся. Послушай-ка, Василій Матвѣевичъ! Когда я получу деньги, такъ побью челомъ вашей милости двумя стами, да сукна на пару платья, какого поволишь.

Василій. До подарковъ я не охотникъ и прошу объ нихъ рѣчь оставить. Я думаю, что ты теперь обрадованъ моими вѣстями, что и мнѣ очень пріятно. Поди же съ Богомъ домой, а чрезъ недѣлю приходи къ намъ съ мѣшками.

Докукинъ. Хорошо-сте; однако мнѣ кажется непристойно уйти, не отдавши твоему боярину поклона. Пожалуй-ка доложи ему обо мнѣ. Я хочу за добрую уплату отдать ему униженный поклонъ и поблагодарить за его милость.

Василій. Оставь пожалуй излишнюю учтивость. Мой боринъ право на тебя не осердится, а увидѣть его скоро не можно, для того, что онъ очень поздно спать легъ.

Докукинъ. Инъ я-ста подожду; а безъ поклону уйти больно неучтиво. Да не худо бы было, коли бы онъ и слова твои повторить соизволилъ.

Василій. Неужли ты мнѣ не вѣришь? Кажется, я те-

бя никогда не обманывалъ. Не безпокойся напрасно, а поди куда надобно за своими дѣлами, и мнѣ не мѣшай мои исправить. Вѣдь тебѣ одному, ежели я уйду, здѣсь ожидать скучно будетъ?

Докукинъ. Отнюдь-ста не скучно, коли ждешь получить почти пропавшія десять тысячъ монетцовъ, которыя въ потѣ лица нажиты... *(Василій идетъ, а Докукинъ его останавливаетъ)* Да куда же ты идти изволишь? Я отъ тебя не отстану и пойду до самыя спальни.

Василій. Пожалуй не ходи за мною. Я посмотрю, не проснулся ли баринъ, а ежели проснулся, такъ и о тебѣ доложу.

Докукинъ. Спасибо на твои доклады, я и безъ нихъ пойду за тобою. Мнѣ очень памятно, какъ у меня забирали, такъ тогда прямо въ спальню впускивали и за столъ часто саживали, а теперь и изъ передней выживаете. Воляста твоей милости. Я сумнѣваюсь въ твоихъ словахъ и вижу, что по добру...

Василій. И! какъ тебѣ не стыдно? Ты вѣдь всегда понапрасну скучать любишь. Божусь, что скоро получишь деньги. Прощай! *(Идетъ къ дверямъ)*.

Докукинъ *(бросается вслѣдъ за Васильемъ, который, увидѣвъ его, останавливается)*. Я всюды готовъ за тобою и хотя до завтрея радъ здѣсь дожидаться. Ты всегда мягко стелешь, да жестко спать, и говоря матку-правду, ты уже меня не однажды обманывалъ, и я чрезъ твои проводы больше полугода не могу господина Добросердова увидѣть.

Василій. Да не кричи же пожалуй во все горло. Я сказываю, что бояринъ мой очень поздно опочивать легъ, а притомъ онъ и нездоровъ. Ты можешь его разбудить и обезпокоить.

Докукинъ. Слушаю-ста, и уже больше ста разъ эти баясы слыхивалъ! Только теперь не убажишь меня ими. Я нарочно буду кричать, чтобы его разбудить, и тебя изъ рукъ не выпущу. Куда ты, туда и я. *(Подошедъ къ столику выкладываетъ на него разныя бумаги и говоритъ)* А вотъ сколько вы мнѣ должны. Отсохлая та ваша.

ЯВЛЕНІЕ III.

Добросердовъ, Василій и Докукинъ.

Добросердовъ *(не видя Докукина, который счеты перебираетъ, говоритъ Василію)*. Мы и такъ уже опоздали, а ты кричишь не вѣдь съ кѣмъ, и ко мнѣ... *(но тутъ увидѣвъ Докукина, рѣчь прерываетъ)*.

Василій *(Добросердову тихо)*. Теперь, сударь, надобно отъ него какъ нибудь отдѣлаться.

Добросердовъ *(въ сторону)*. О Боже! противъ совѣсти лгать должно. *(Докукину)* Какимъ это вѣтромъ занесло тебя сюда, господинъ Докукинъ? Я очень часто о тебѣ вспоминалъ.

Докукинъ. Не вѣтръ меня занесъ, ваше высокородіе, а мои деньги, за которыми болѣе полугода всякій день таскаясь, истопталъ обуви не одну пару, а васъ не могъ увидѣть, и...

Добросердовъ. А! такъ ты за деньгами пришелъ? Радуюсь, что кстати. Я очень скоро раздѣлаюсь съ тобою.

Докукинъ. Скоряе того не можно, коли теперь пожаловать благоволите. Уже векселю седьмой мѣсяцъ срокъ минулъ, и я его противъ воли въ магистратъ подалъ; только думаю, что вы на меня за то не прогнѣваетесь.

Добросердовъ. За что сердиться! Всякій имѣетъ право своего добра требовать. Но развѣ ты не слыхалъ о моей свадьбѣ? Я скоро на хозяйкѣ здѣшняго дому женюся.... Только пожалуй до времени помолчи объ этомъ дѣлѣ.

Докукинъ. Да мнѣ какая прибыль отъ того будетъ?

Добросердовъ. А вотъ какая: княгиня обѣщала въ будущее воскресенье подарить мнѣ на приготовленіе къ свадьбѣ пятнадцать тысячъ. Потерпи до тѣхъ поръ и вѣрно надѣйся, что самъ къ тебѣ на дворъ привезу деньги.... Но неужли Злорадовъ о томъ тебѣ не сказывалъ?

Докукинъ. Ни слова; да полно, мнѣ деньги всякихъ вѣстей милѣе.

Добросердовъ. Ты ихъ получишь, и мы останемся вѣчно друзьями, но теперь мнѣ не можно болѣе говорить съ тобою. Княгиня по меня присылала, и я итакъ уже промѣшкалъ; а эдакихъ пожилыхъ барынь тогда очень ласкать на-

добно, когда къ свадьбѣ приходитъ. Прощай, другъ сердечный и будь надеженъ! *(Василію)* Я пойду къ княгинѣ, а ты постарайся выжить его отсюда, и посовѣтуй съ Степанидой, о чемъ мы вчера говорили.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Василій и Докукинъ.

Василій *(Добросердову)*. Слышу, сударь! *(Останавливаетъ Докукина, который идетъ за Добросердовымъ, и говоритъ)* Не ходи за нимъ ради Бога; можетъ быть, княгиня тебя съ нимъ застанетъ.

Докукинъ. Что мнѣ до того нужды?

Василій. Ты тѣмъ все дѣло испортишь. Ежели она узнаетъ, что мой бояринъ тебѣ долженъ, такъ съ нимъ вовсе разладитъ. Да мы и такъ съ тобою слишкомъ заговорились и я боюсь, чтобы она, или служанка ея, насъ не застали. Ея дѣвка зла, какъ дьяволъ, и я не вѣдаю, за что не любитъ моего господина и старается съ княгинею поссорить. Да вотъ и она. Поди скоряй отсюда.

Докукинъ. Прости! *(Идучи говоритъ про себя)* Только не такъ же скоро проведешь меня. Пойду къ Злорадову; онъ принужденъ мнѣ сказать правду. Вѣдь и на него имѣется векселекъ тысячи на двѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Степанида и Василій.

Степанида *(оглядѣвъ Докукина пристально)*. Что это за человѣкъ разговаривалъ съ тобою?

Василій. Осташковскій купецъ Докукинъ. Хотя онъ одѣтъ убого, однако здѣсь и въ Петербургѣ суконами и парчами торгуетъ, и мой бояринъ ему десять тысячъ долженъ.

Степанида. Да сколько жъ у васъ всѣхъ заимодавцевъ? Они намъ съ стороны наскучили, и я уже отдумываю помогать Добросердову. Мнѣ кажется, что племянница госпожи моей, вышедши за него, несчастлива будетъ.

Василій. Это почти правда. Я отъ тебя не скрываюсь,

и я старался любовь твою получить не богатствомъ, а поступками моими. Добросердовъ очень бѣденъ, но я могу тебя увѣрить, что бѣдность ему полезна, и онъ, оставивъ мотовство, совсѣмъ уже нынѣ перемѣнился.

Степанида. Я отъ тебя слышу про него больше добраго, нежели въ дѣлѣ вижу, и начинаю подозрѣвать, не полыгаешь ли ты по немъ? Что о себѣ говоришь правду, это мнѣ мило, за то тебя люблю и для того и боярину твоему помогаю. Однако мы объ немъ много худаго слышимъ. Говорятъ, что онъ очень постыдно промотался.

Василій. Я уже сказалъ тебѣ, что у насъ ничего нѣтъ, и...

Степанида. Да того не сказалъ, какимъ образомъ вы промотались. Мнѣ это очень досадно. Разскажи теперь же, или....

Василій. Охотно бы желалъ, но есть много нужнаго переговорить...

Степанида. Обо всемъ сказать успѣешь; помѣшать некому. Княгиня недавно пробудилась, пьетъ кофе и сѣдые свои волосы подвивать велѣла.

Василій. Добро, скажу. Только дивлюсь, что ты отъ Клеопатры не слыхала. Она объ моемъ бояринѣ все знаетъ.

Степанида. Можетъ быть, для того она мнѣ не открылась, чтобы я не отсовѣтовала ей любить мота; однако я и сама, не знаю за что, только очень люблю Добросердова и усердно ему служить готова... Начинай же скоряе.

Василій. Хорошо! О покойномъ моемъ баринѣ много разъ ты отъ меня слыхала, что онъ былъ человѣкъ пречестный; но онъ же самъ причиною сыновняго несчастія, котораго на четырнадцатомъ году послалъ въ Петербургъ въ службу записаться и поручилъ своему двоюродному брату, бывшему въ молодыхъ лѣтахъ такимъ же мотомъ, каковъ сдѣлался мой Добросердовъ. Хотя друзья старичку моему въ томъ отговаривали и совѣтовали выучить сына при себѣ потребнымъ наукамъ, однако онъ никого не послушалъ.

Степанида. Старые люди всѣ упрямы. Клеопатринъ отецъ также поступилъ и, въ досаду всѣмъ друзьямъ, дочь свою отдалъ въ присмотръ вертопрашной моей боярынѣ, а своей сестрицѣ.

Василій. Съ сыномъ своимъ послалъ меня дядькою и велѣлъ за нимъ присматривать, почему молодой мой бояринъ сперва меня слушалъ, но увидѣвъ, что его дядя даетъ ему

волю, сталъ презирать мои увѣщанія, и спознавшись съ господиномъ, или лучше сказать, съ обманщикомъ Злорадовымъ, вовсе испортился. Я доносилъ о томъ дядѣ его, который при племянникѣ мнѣ говорилъ: «Слушай-ка, братъ Василій! не всякое лыко въ строку. Пусть молодые ребята повеселятся, и мы съ братомъ таковы же были». Я было осмѣлился на то поспорить, но онъ велѣлъ мнѣ молчать и сказалъ, чтобы я зналъ холопскую должность, а ежели еще скучать стану, такъ хотѣлъ меня высѣчь.

Степанида. И этотъ дядя—окопаной отецъ Клеопатринъ.

Василій. Съ тѣхъ поръ мой бояринъ не только меня не слушалъ, да и бить уже началъ, и какъ скоро дядя его умеръ, то онъ сталъ жить вмѣстѣ съ Злорадовымъ, который сдѣлалъ изъ него совершеннаго мота, и наконецъ послѣ смерти стараго моего боярина, которая чрезъ мѣсяцъ случилась, познакомилъ онъ его съ безсовѣстными купцами, и съ ними до конца разорилъ и ограбилъ. Мы въ четыре мѣсяца до тридцати тысячъ одолжали, хотя сами и на половину не получили, а всѣмъ Злорадовъ пользовался. Я же за мое усердіе бывалъ битъ неоднократно.

Степанида. Я этого плута теперь пуще возненавидѣла за то, что онъ тебя приводилъ въ побои.

Василій. Что обо мнѣ жалѣть! Разоривши моего боярина въ конецъ, поссорилъ онъ его здѣсь съ роднымъ его дядею, который, провѣдавши о мотовствѣ своего племянника, хотѣлъ было его воздержать, но вмѣсто того увидѣлъ, что увѣщаніе его презираютъ. Этотъ старикъ, будучи весьма вспыльчивъ, такъ за то разсердился, что уѣхалъ въ деревню и хотѣлъ меньшому господина моего брату утвердить все наслѣдство. Короче сказать, мы дошли теперь до такого состоянія, что ежедневно магистратской тюрьмы боимся.

Степанида. Такъ поэтому Добросердовъ совсѣмъ человѣкъ погибшій?

Василій. Благодаря Бога, есть еще для него надежда, о которой тотчасъ услышишь. Влюбяся въ Клеопатру, сталъ онъ совсѣмъ иной человѣкъ. Не всякій уже день съ Злорадовымъ бываетъ, и до меня добрѣе. Вѣдь тебѣ извѣстно, что онъ показываяся притворно въ княгиню влюбленнымъ, для того сюда и переѣхалъ, чтобы съ Клеопатрой чаще видѣться; да лихъ твоя пятидесятилѣтняя красавица

къ свадьбѣ его понуждаетъ, и мы вчера, получивъ отъ меньшаго Добросердова письмо, вздумали избавиться отъ нея и отъ всѣхъ заимодавцевъ; только въ томъ нужна твоя помочь и ты всю нашу надежду составляешь.

Степанида. Ежели могу что сдѣлать, конечно не откажуся.

Василій. Меньшой мой бояринъ пишетъ, что онъ, пользуясь дядиною крайнею болѣзнію, старался его къ намъ умилостивить, въ чемъ и успѣхъ имѣть уповаетъ.

Степанида. Дай Богъ!

Василій. А какъ я узналъ, что наши заимодавцы изъ магистрата требуютъ за Добросердовымъ посылки, то совѣтовалъ ему сегодня изъ города уѣхать; но онъ говорилъ, что уѣхать безъ Клеопатры не согласится, и хотя я всѣми силами его уговаривалъ гораздо ранѣе убраться отсюда однако онъ отрекся, а положилъ только выѣхать въ первую деревню; мнѣ же велѣлъ здѣсь остаться и чрезъ тебя уговорить Клеопатру, чтобы она ночью съ тобою къ нему уѣхала.

Степанида. Намѣреніе его не очень разумно.

Василій. Напротивъ. Ежели онъ пріѣдетъ къ дядѣ съ этою добродѣтельною дѣвицею, то старикъ, къ жалости склонный, легко его проститъ. А коли и того не сдѣлается, такъ онъ поѣдетъ въ братнину деревню и, тайно женившись, проживетъ до дядиной смерти.

Степанида. Развѣ онъ дядиною смертію богаче будетъ?

Василій. Конечно! Я было и забылъ тебѣ сказать, что меньшой Добросердовъ обѣщался раздѣлить съ братомъ все наслѣдство; а на его обѣщаніе положиться можно. Вѣдь и ты знаешь, что онъ очень постояненъ, и тѣмъ степенство свое доказываетъ, что Злорадова ненавидитъ.

Степанида. Что онъ честенъ, это мы знаемъ; да какъ же ты о томъ не подумалъ, что Клеопатра уѣхать не согласится? А притомъ и княгиню не такъ легко обмануть можно.

Василій. Въ уговореніи Клеопатры я на тебя и на ея къ моему господину любовь полагался; а провесть княгиню по нуждѣ на себя бралъ, хотя съ робячества никого не обманывалъ. Мы съ вечера такъ было заключили, но давишной купецъ помѣшалъ намъ. Однако, бояринъ велѣлъ мнѣ съ тобою о томъ посовѣтовать. Но вотъ и онъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Добросердовъ, Василій и Степанида.

Добросердовъ *(идучи скоро къ Степанидѣ)*. Сказывалъ ли онъ тебѣ о нашемъ предпріятіи, и намѣрена ли ты помочь мнѣ?

Степанида. Я все уже слышала, только...

Добросердовъ. Когда ты все слышала, такъ уже и то вѣдаешь, что я безъ твоей помощи на вѣки лишуся Клеопатры. Употреби всю возможность и склони ее уѣхать со мною; а я, зная о вашей любви, какъ скоро буду счастливъ, такъ и васъ не оставлю.

Степанида. Ежели возьмусь помогать, то не столько для себя, сколько изъ жалости къ вамъ и къ бѣдной вашей любовницѣ. Она не веселую жизнь ведетъ у своей тетушки, которая ее богатствомъ живетъ великолѣпно, и сколько мнѣ извѣстно, такъ уже болѣе 30,000 рублей промотала, а Клеопатру такъ содержитъ, что и смотрѣть жалко. Я бы очень рада была ее изъ рукъ моей щеголихи избавить, только не эдакимъ образомъ.

Добросердовъ. Ежели ты меня оставишь, то пресѣчешь послѣднюю къ счастію моему дорогу. Изобрази Клеопатрѣ, въ какой я крайности, и увѣрь ее, что если она со мною уѣдетъ, то поможетъ мнѣ получить прощеніе отъ дяди... Я бы самъ къ ней пошелъ, но ты знаешь, что мнѣ до тѣхъ поръ, покуда княгиня дома, увидѣться съ нею не можно. Уговаривай ее, и ежели она согласится, то можемъ мы въ нынѣшнюю же ночь уѣхать.

Степанида. Хорошо, сударь, я все это сдѣлаю, только сумнѣваюсь, чтобы Клеопатра согласилась. Она дѣвица разумная и добродѣтельная, и потому не скоро въ эдакое дѣло опустится, и какъ много васъ ни любитъ, однако не захочетъ сдѣлать повода къ своему поношенію.

Добросердовъ. Но я отъ любви ея того надѣюсь. Она вѣдаетъ, какъ я ей вѣренъ. Поди и не теряй времени, помогай мнѣ, а я услугъ твоихъ вѣчно не забуду.

Степанида. Божусь, что приложу къ тому всѣ мои силы и не медля васъ увѣдомлю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Добросердовъ и Василій.

Добросердовъ. Она конечно согласна будетъ и мы сегодня же уѣдемъ. Ничто меня не удержитъ.

Василій. Развѣ заимодавцы.

Добросердовъ. Оставь эту опасность. Неужели они сегодня же меня взять вздумаютъ? Хотя и тайно уѣду я отсюда, однако не обману ихъ ни мало, потому что какъ скоро получу наслѣдство, или отъ брата, по его обѣанію, половину, то со всѣми раздѣлаюсь.

Василій. Это изрядно; но есть ли у васъ теперь столько денегъ, съ чѣмъ бы отсюда выѣхать? Увезши честную дѣвицу, честнымъ образомъ вести и содержать ее надобно. А какъ скоро съ дядюшкой помиритесь, это Богъ вѣдаетъ.

Добросердовъ. Въ этомъ случаѣ другъ мой меня не оставитъ.

Василій. Напрасно на него надѣетесь! Онъ хочетъ отъ васъ корыстоваться, а не вамъ помогать. Да вотъ и княгиня. Остаться ли мнѣ здѣсь?

Добросердовъ. Нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Княгиня и Добросердовъ.

Княгиня. Что это, сударь, сдѣлалось съ вами? Вчера я васъ цѣлый день не видала, и теперь, звавши къ себѣ, не могу дождаться. Не знаю, что мнѣ изъ этого поступка заключить должно. Чѣмъ ближе мы къ нашему счастію, тѣмъ холоднѣе вы становитесь.

Добросердовъ. Напрасно, сударыня, меня вините. Я за вашу благосклонность столько васъ люблю, что вашему присутствію ничего не предпочту на свѣтѣ. Я теперь лишь одѣлся и хотѣлъ къ вамъ идти. *(Въ сторону)* Пришедши въ раскаяніе, тяжко людей обманывать!

Княгиня. Что ты про себя говоришь и отъ чего такъ печаленъ? Взгляни-ка на меня. О лукавецъ! ты всегда лас-

ково говорить умѣешь. Я вижу, что ты льстишь, однако тебѣ вѣрю: мнѣ и лесть твоя пріятна... Да что это?... Ты уже и разсердился? Перестань пожалуй; я все это, душа моя, въ шутку сказала.

Добросердовъ. Могу ли я на васъ сердиться!

Княгиня. Сердишься или нѣтъ, только я примѣчаю, что всегда стараешься отъ меня удаляться, а это мнѣ очень прискорбно.... Да полно, я знаю, чѣмъ тебя за то наказать. Ты поѣдешь со мною къ моей невѣсткѣ; мы у нея отобѣдаемъ, отъужинаемъ и до полуночи повеселимся... Ага! я вижу, что тебѣ это наказаніе не очень сурово кажется и ты на него безъ отговорокъ соглашаешься.

Добросердовъ. Ежелибъ я, сударыня...

Княгиня. Ты уже совсѣмъ одѣтъ, итакъ теперь не за тобою, а за мною дѣло стало; но и я не замѣшкаю и въ полчаса одѣнусь. Пойдемъ, мой свѣтъ, со мною! Ты постоишь у моего туалета (*) и скажешь, какой уборъ лучше ко мнѣ пристанетъ. Я все надѣну, что тебѣ понравится; да мнѣ же при тебѣ и одѣваться пріятнѣе.

Добросердовъ. Отъ всего бы сердца желалъ, сударыня, но не могу, не только съ вами ѣхать, ниже идти въ вашу уборную. Вчера получилъ я отъ брата пренужныя письма, и онъ столь много поручилъ мнѣ дѣла, что я сегодня съ трудомъ могу окончить.

Княгиня. Отложи до завтрѣе.

Добросердовъ. Да это дѣло, сударыня, времени не терпитъ. Я долженъ, написавши письмо, ѣхать во многія мѣста, и прошу васъ на цѣлый день меня уволить и за то не осердиться. Я братомъ много обязанъ и долженъ ему благодарностію.

Княгиня. Какъ мнѣ безъ тебя грустно ни будетъ, но если ты столь нужныя дѣла имѣешь, то я тебя принуждать не стану; однако ты самъ потужишь, что не поѣдешь со мною. Тамъ бы ты много пріятнаго услышалъ. Вѣрь, душа моя, что я для твоего же благополучія ѣду; да не скажу, въ чемъ оно состоитъ, чтобы хотя тѣмъ наказать тебя

(*) Слово чужестранное говоритъ кокетка, что для нея и прилично, а ежели бы не она говорила, то конечно бы русское было написано.

за непослушаніе. Прощай, моя радость! я пойду одѣваться, а ты между тѣмъ старайся скорѣе дѣла свои окончить, и не сказавшись мнѣ, съ двора не уѣзжай. Прости, мое сокровище... *(Идучи оглядывается и нѣжно говоритъ)* Прости!... прости, радость моя!

Добросердовъ. Радъ я, что отъ нея отдѣлался; она мнѣ часъ отъ часу противнѣе становится. Василій!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Добросердовъ и Василій.

Василій. Чего изволите?

Добросердовъ. Теперь надобно о деньгахъ стараться, и я, какъ скоро другу моему въ томъ откроюсь, то онъ мнѣ конечно услужитъ.

Василій. Что, сударь? Вы ему открыться хотите? Если это сдѣлаете, такъ вовсе испортите дѣло и, можетъ быть, великія хлопоты наживете!... Но долго ли будете вы такому обманщику вѣрить, который, обманывая васъ, вмѣсто благодарности вездѣ ругаетъ?

Добросердовъ. А гдѣ ты объ этомъ слышишь?

Василій. Онъ не только на сторонѣ, да и княгинѣ часто васъ поноситъ, и хотя очень искусно это дѣлаетъ, однако Степанида злость его примѣтила и мнѣ не однажды о томъ сказывала.

Добросердовъ. Перестань! Вы съ Степанидою, не знаю за что, Злорадова ненавидите. Поди къ нему и попроси его ко мнѣ; я знаю, что онъ меня не оставитъ.

Василій. Развѣ въ пущую бѣду приведетъ. Коли вы, сударь, его помощи хотите, такъ отъ меня никакой вѣрности не надѣйтесь.

Добросердовъ *(осердившись)*. Не досажай же мнѣ больше. Ты напрасно столь худо объ немъ думаешь. Это въ тебѣ еще старая злоба. Ступай и не мѣшкая попроси его сюда, а я въ конторкѣ буду васъ дожидаться.

ЯВЛЕНІЕ X.

Василій *одинъ (смотря въ слѣдъ за барином)*. Какъ же мнѣ досадно, что не могу тебя освободить отъ этого плута,

который привелъ насъ въ бѣдность. Ежели бы мнѣ не жаль тебя было, то бы давно съ тобою разстался. О Боже! избавь бѣднаго моего господина отъ этого лукавца и помоги мнѣ обличить его коварство!

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДОБРОСЕРДОВЪ *одинъ (вышедъ изъ конторки, идетъ тихими шагами и жилостнымъ произноситъ голосомъ)*. Уже близко часа я Степаниду прождалъ, и этотъ часъ несказанно дологъ мнѣ показался. Все, что несчастный человѣкъ чувствовать можетъ, все то я чувствую; но болѣе его мучусь. Онъ одно только гоненіе судьбины преносить долженъ, а я раскаяніе и грызеніе совѣсти... Лишь воображу минувшую жизнь, то самъ себѣ несносенъ становлюся... Съ того времени, какъ я съ родителемъ разстался, безпрестанно жилъ въ порокахъ. Обманывалъ, лукавилъ, притворялся, былъ преслушникомъ почтенія достойнаго дяди, не внималъ совѣтовъ дружескихъ и увѣщанія вѣрнаго служителя, и теперь за то достойно страдаю. Ежечасно сѣтую, грущу, вздыхаю и безпрестанно выговариваю себѣ за прошедшіе поступки.... Но весьма я счастливъ, что спозналъ Клеопатру. Ея наставленіемъ обратился я къ добродѣтели. О, коль пріятно имѣть честную любовницу! Какое различіе между ею и тѣми вертопрашками, съ которыми я безчинную жизнь велъ, промотывалъ трудами моихъ предковъ нажитое имѣніе, былъ многократно ими обманутъ, презрѣнъ и наконецъ въ поруганіе ввержень... Дражайшая Клеопатра! ты жизнь мнѣ возвратила. *(Задумавшись садится въ кресла и часто посматриваетъ на ту дверь, въ которую къ княгинѣ ходятъ)*. Но чтожъ нейдетъ Степанида? Никакъ Клеопатра ѣхать со мною отреклася? Ежели это услышу, то... Нѣтъ! она меня не оставитъ: ей пламенная моя любовь извѣстна, и....

ЯВЛЕНІЕ II.

Добросердовъ и Степанида.

Добросердовъ *(бѣжитъ къ ней встрѣчу)*. Что ты мнѣ въ отраду скажешь? Говори, жить или умереть я долженъ?

Степанида. Поживши конечно умрете, только не теперь.

Добросердовъ. Оставь пожалуй шутки. Онѣ очень не у мѣста, и не томи меня, а то...

Степанида. Не будьте такъ нетерпѣливы. Я не люблю людей малодушныхъ.

Добросердовъ. А я тѣхъ, которые не во время шутятъ и вмѣсто смѣха приводятъ въ досаду. Говори скорѣе, что Клеопатра въ отвѣтъ сказала?

Степанида. Ничего... Однако не отчаявайтесь, сударь, такъ скоро. Она потому ничего приказать не изволила, что я не имѣла времени съ нею изъясниться.

Добросердовъ. Какъ! Ты еще и не говорила?

Степанида. Нѣтъ, сударь! Княгиня позвала ее къ себѣ и велѣла до отъѣзду своего въ спальнѣ ея остаться.

Добросердовъ. Ты бы какъ ни есть и при княгинѣ ее увѣдомила.

Степанида. Да лихъ никакъ не можно было. Не сердитесь же напрасно; я знаю, что вы вспыльчивы и страстно любите, и для того тотчасъ начну говорить о дѣлѣ.

Добросердовъ. Ну!

Степанида. Напишите письмо къ Клеопатрѣ, только поскоряе. Мнѣ еще долго съ нею переговорить не льзя будетъ, а письмо и при княгинѣ я искусненько отдать постараюсь. Изъясните ей свое состояніе, а я здѣсь подожду васъ. Меня послала княгиня въ кладовую за платьемъ, и я Маврѣ велѣла идти съ нимъ къ ней прямо, а сама нарочно зашла къ вамъ. Ступайте и окончите скоряе.

Добросердовъ. Я твоимъ вымысломъ очень доволенъ, и тотчасъ напишу. *(Идетъ и возвращается)* Но скоро ли получу я отвѣтъ?

Степанида. Объ этомъ, написавши, поговорить можно, а теперь спѣшите дѣломъ.

Добросердовъ. Не уйди-жъ ты.

ЯВЛЕНІЕ III.

Степанида *одна.* Вотъ каковы влюбленные мужчины! Они забываются; одно слово раза по два повторяютъ, въ пустыхъ разговорахъ тратятъ нужное время, и они на сумасшедшихъ очень похожи. Только жаль мнѣ Добросердова и Клеопатры; я очень бы рада была, ежели бы онъ ее увезъ, и сама бы съ ними-жъ... Да мнѣ кажется, будто я не изъ одной жалости имъ помогаю, а больше изъ любви къ Василію. Онъ хотя не очень пригожъ и гораздо меня старѣе, однако человѣкъ добрый и совсѣмъ по моимъ мыслямъ. Но что же Добросердовъ такъ долго пишетъ? Ну, ежели платье принесутъ, и княгиня меня схватится, такъ уже не миновать брани. Да вотъ и она, какъ бы вывернуться... *(думаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

Княгиня и Степанида.

Княгиня *(совсѣмъ одѣтая).* Что ты тутъ, красота моя, дѣлать изволишь? Конечно, съ кѣмъ-нибудь поболтать захотѣла? Ты знаешь, что я не люблю за рабою быть нянькой. Что это? Куда ни пошли, дождаться не можно. Я отъ тебя принуждена была другое надѣть платье, а ты знать еще того и не вынула, о которомъ я приказала?

Степанида. Вынула, сударыня, и велѣла Маврѣ прямо по маленькой лѣстницѣ пронести къ вамъ; но она можетъ быть о томъ вамъ не доложила. Я же сама нарочно пошла черезъ Добросердовы покои, чтобъ узнать, что онъ дѣлаетъ, и о томъ васъ увѣдомить.

Княгиня. А! это другое дѣло! Ежели бы ты мнѣ сказала прежде, то бы я тебя и бранить не стала. Ты очень умно поступила. Дома ли онъ?

Степанида. Слуга его сказалъ, что онъ пишетъ и кромѣ васъ никому не велѣлъ сказываться.

Княгиня *(въ сторону).* Напрасно я въ немъ сомнѣваюсь; все доказываетъ, что онъ меня любитъ. Какъ мнѣ на него ни наговариваютъ, однако я никому не повѣрю. Пойду къ

нему, и хотя взгляну на него, такъ и тѣмъ буду довольна! А! да вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Княгиня, Добросердовъ и Степанида.

Добросердовъ *(не видя княгини, идетъ къ Степанидѣ)*. Я совсѣмъ уже... *(но увидѣвъ княгиню, нѣсколько смутившись, говоритъ къ ней)* А! сударыня... какъ скоро услышалъ я вашъ голосъ, то не могъ утерпѣть ни минуты, и бросивъ дѣло, побѣжалъ къ вамъ. Всеконечно, вы уже совсѣмъ ѣдете?

Княгиня. Да, душа моя! и сколько мнѣ съ тобою разстаться не хочется, столько ты меня, какъ я примѣчаю, съ двора сжить стараешься.

Добросердовъ. Никакъ, сударыня! Я бы съ радостію желалъ неразлучно быть съ вами.

Княгиня. И я того же сердечно желаю, но не могу, и такъ уже замѣшкалась. Прости, мое сокровище! Можетъ быть, сегодня болѣе мы не увидимся. Я лишь только на минуту зайду въ комнату и тотчасъ поѣду. Пойдемъ, Степанида; мнѣ надобно еще нѣчто тебѣ приказать. Прощай, мой свѣтъ! только жаль, что ты со мною не будешь, а то услышалъ бы, какъ много я тебя люблю и какъ о тебѣ стараюсь.

Добросердовъ. Я обо всемъ увѣренъ *(Беретъ ее руку цѣлуетъ и провожаетъ, а идучи, отдаетъ письмо Степанидѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

Добросердовъ *одинъ*. Неужли Клеопатра, прочитавъ мое письмо, отвергнетъ жалостную мою просьбу? Я живо описалъ ей мое состояніе, и уповаю, что она тронута имъ будетъ. Отчаяніе и тоска моя побудятъ ее къ состраданію, а любовь принудитъ слѣдовать за мною. О судьба! награди меня такимъ счастіемъ, котораго я теперь недостоинъ, но въ слѣдствіи постараюсь доказать, что хотя я на нѣсколько времени отъ добродѣтели удалился и былъ въ ослѣпленіи, однако на вѣки не остался злонравнымъ... Но что жъ и Василья нѣтъ по сіе время? Никакъ онъ Злорадова дома

не застанъ?... Но этого я не понимаю, за что онъ друга моего жестоко ненавидитъ... Неужли для корысти хочетъ онъ меня съ нимъ поссорить?... Нѣтъ! къ такимъ бездѣльствамъ въ этомъ вѣрномъ человѣкѣ нималой склонности не видно... Всеконечно, изъ злобы... Такъ и есть! Хотя онъ мужикъ добрый, однако замерзѣлое въ ихъ родѣ мщеніе и злость въ немъ остались. Но кто-то идетъ; можетъ быть, онъ съ моимъ другомъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Добросердовъ и Степанида.

Добросердовъ. Ужли уѣхала княгиня? и отдала ли ты письмо?...

Степанида. Княгиня уже уѣхала, а письма отдать некогда было, потому что, проводивъ ее, пришла я вамъ сказать весьма нерадошныя вѣсти.

Добросердовъ. Что еще за новую напасть я отъ тебя услышу?

Степанида. Боярыня моя мнѣ открылась, что она у своей невѣстки будетъ сегодня подписывать рядную на приданое вашей любовницы.

Добросердовъ. Что? Рядную подписывать?

Степанида. Да, сударь! Она хочетъ послѣ завтра выдать Клеопатру за богатаго заводчика Сребролюбова...

Добросердовъ. Что я слышу! О немилосердая судьба! *(Стоя въ отчаяніи, думаетъ, а Степанида изумленно на него смотритъ; но онъ вдругъ прерываетъ молчаніе)* Нѣтъ! я не допущу до этого! *(Бѣжитъ)*.

Степанида *(останавливая Добросердова)*. Куда вы бѣжите? Не горячитесь такъ много; этимъ вы себѣ не пособите.

Добросердовъ. Можно ли мнѣ быть хладнокровну тогда, когда у меня любезную мою похищаютъ? Никакъ княгиня ума лишилась, что...

Степанида *(улыбнувшись, прерываетъ его рѣчь)*. У нея, сударь, и съ природы не такъ ума много, чтобъ она могла его терять понемножку, и это дѣло для васъ вредно, а для нея очень полезно. Богатый женихъ даетъ ей запись, по которой обязывается, женясь на Клеопатрѣ, въ искъ ея

имѣнія никогда не вступаться, и сверхъ того даритъ десять тысячъ и каменный дворъ; а она на то, по любви къ вамъ, и согласилась.

Доброскрдовъ. Пусть ее любить кто хочетъ. Я на нее безъ отвращенія взглянуть буду не въ состояніи. Пойду къ Клеопатрѣ, и если она...

Степанида. Вамъ къ ней идти не можно. Княгиня приказала мнѣ и Маврѣ присматривать за нею, и она, вѣря рѣчамъ Злорадова, который васъ, будто бы въ шуткахъ, называлъ непостояннымъ, начинаетъ подозрѣвать и думаетъ, что вы влюблены въ Клеопатру. Она, сударь, для того-то хочетъ ее скорѣе выдать, и для того-то приказала ей не выходить изъ своей спальни.

Доброскрдовъ *(въ сторону)*. Вотъ какъ они мнѣ на друга моего клевещутъ! *(Степанидѣ)* Но что-жъ я въ этой крайности дѣлать долженъ?

Степанида. Потерпѣть немножко и на меня надѣяться. Я теперь на все для васъ готова. И когда до такой бѣды дошло, то постараюсь всѣми силами уговорить Клеопатру, въ чемъ ваше письмо много мнѣ поможетъ.

Доброскрдовъ. Я во всемъ на тебя полагаюсь; не оставь!... Но я бы самъ ее лучше уговорить могъ.

Степанида. Не безпокойтесь излишне, а повѣрьте мнѣ, что я освобожу васъ отъ моей боярыни; только, ради Бога, не увидясь со мною, не ходите къ Клеопатрѣ. Этимъ все дѣло испортите. Прощайте, сударь!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Доброскрдовъ и Василій.

Доброскрдовъ. Прости! *(Стоитъ задумавшись, но увидѣвъ вшедшаго Василія, говоритъ ему)* Скоро-ли другъ мой сюда будетъ?

Василій. Скоро, сударь. Но я желалъ бы вѣкъ его не видать, и думаю, что и вы, услышавши о его усердіи, того же пожелаете.

Доброскрдовъ. Что у тебя объ немъ еще за новыя вѣсти?

Василій. Они вамъ глаза откроютъ.

Доброскрдовъ. Оставь грубости и говори о дѣлѣ.

Василій. Теперь мнѣ есть чѣмъ обличить вашего друга. Пришедши къ нему, пробрался я безъ доклада до самой спальни, и не знаю для чего вздумалось мнѣ посмотрѣть сквозь двери, нѣтъ-ли кого съ нимъ, и...

Добросердовъ. Я чаю, ты невѣдь какія тайности свѣдалъ?

Василій. Это правда! и слава Богу, что, узнавъ ихъ, могу остеречь васъ. Посмотрѣвши, увидѣлъ я, что Злорадовъ сидитъ съ Докукинымъ, почему тотчасъ приложилъ я ухо къ дверямъ, и хотя подслушивать грѣшно и непристойно, однако противъ обманщика все позволяется.

Добросердовъ. Да перестань же его бранить, а скажи, будетъ ли онъ сюда?

Василій. Скоро, и вы сами пуще меня его почестите. Я услышалъ, сударь, что онъ увѣщевалъ Докукина не мѣшкая взять васъ подъ караулъ, и сказывалъ, что вы отсюда потихоньку уѣхать намѣрились.

Добросердовъ *въ (сторону)*. Онъ на Злорадова очень злобенъ. *(Василію)* Этому быть не можно.

Василій. Оставьте теперь сумнѣніе, вы отъ него до того дойдете, что и уѣхать васъ не допустятъ. Злорадовъ совѣтовалъ васъ непремѣнно завтра рано взять въ магистратъ и не допустить отсюда убраться.

Добросердовъ *(печально и съ огорченіемъ)*. Могъ-ли я этого надѣяться! О измѣнникъ! что я тебѣ сдѣлалъ? *(Подумавъ минуту, говоритъ)* Нѣтъ! это мнѣ невѣроятно; ты можетъ быть ослышался.

Василій. Нѣтъ, сударь, я очень внятно слушалъ, и увидѣвъ, что они разговоръ кончили, вышелъ я на крыльцо и далъ уйти Докукину, а потомъ сказалъ вашему невѣрному другу, чтобы...

Добросердовъ. Ежели ты правду сказываешь, такъ онъ не только имени дружескаго не достоинъ, но заслуживаетъ всякое наказаніе. Кому же нынѣ на сьѣтѣ ввѣриться можно? Я обо всѣхъ по себѣ судить привыкнулъ. Но, Василій, подумай о томъ, что... А! да вотъ и онъ... Не знаю, какъ съ нимъ обойтиться? Оставь меня одного!

Василій *(идучи)*. Онъ теперь навѣрное правъ будетъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

Добросердовъ и Злорадовъ.

Злорадовъ *(идучи къ Добросердову)*. Здравствуй, любезный другъ! *(Хочетъ его обнять, но увидѣвъ, что онъ стоитъ въ глубокой задумчивости, о кресла облокотяся, осмотрѣвъ его, говоритъ ласково)* Но что же ты такъ смутенъ? Мнѣ кажется, очень непристойно жениху быть въ такомъ мрачномъ видѣ, а особливо тогда, когда на богатой и нехитрой женишься невѣстѣ. На ея денежки можно намъ будетъ повеселиться и поумнѣе сыскать любовницъ... Да что это такое? Ты и взглянуть на меня не хочешь.

Добросердовъ *(съ холодностію)*. Мнѣ очень грустно и я имѣю великую причину.

Злорадовъ. Видно, что не безъ причины. Однако, надобно открыться вѣрному другу, который жизни для тебя не пожалѣетъ. Одно слово, такъ я на все пущуся.

Добросердовъ *(въ сторону, колеблясь)*. Конечно, Василій по злости на него взвелъ.

Злорадовъ. Что ты шепчешь?

Добросердовъ *(взглянувъ на него, съ холодностію говоритъ)*. Такъ... задумавшись.

Злорадовъ. Перестань печалиться! Я чаю, ты безпокоишься, чтобы княгиня не провѣдала о твоей бѣдности и о долгахъ. Пожалуй этого не опасайся. Я всѣхъ твоихъ заимодавцевъ такъ уговорилъ, что они не только ждать, но еще и впередъ готовы столько повѣрить, сколько тебѣ угодно будетъ.

Добросердовъ *(въ сторону)*. Онъ мнѣ конечно вѣренъ, а Василій или ослышался, или всклепалъ.

Злорадовъ. Но долго-ли говорить себѣ подъ носъ? Если я въ тягость, такъ скажи; лучше уйду, нежели досаду моему другу сдѣлаю. *(Хочетъ идти)*.

Добросердовъ *(удерживаетъ его)*. Не уходи! Вѣдь я посылалъ за тобою.

Злорадовъ. Я бы и безъ присылки былъ къ тебѣ, но меня заимодавцы твои удержали и одинъ за однимъ до сей поры безпрестанно мучили. У меня былъ Безотвязный, Докукинъ, Прицѣпинъ, Простофилинъ; короче сказать, вся

ихъ ватага; только я умѣлъ съ ними обойтиться и склонилъ ихъ до того, что они все для тебя сдѣлаютъ.

Добросердовъ *(въ сторону)*. Напрасно я въ немъ сомнѣвался. Онъ меня прямо дружески любитъ. *(Обнимаетъ Злорадова)*. О, какъ же много обязанъ я тобою! Ты мнѣ неоплатныя дѣлаешь одолженіи, и я хочу просить твоей помощи въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго жизнь моя зависитъ.

Злорадовъ. Если я, не щадя своей, могу тебѣ помочь, то увидишь, что не отрекуся. Говори и надѣйся, что все исполнено будетъ.

Добросердовъ. Ты знаешь, какъ много люблю я Клеопатру; а напротивъ того, какъ княгиню ненавижу.

Злорадовъ. Знаю.

Добросердовъ. Теперь эта баба еще несноснѣе мнѣ стала. Она хочетъ любовницу мою послѣ завтра выдать замужъ.

Злорадовъ. А за кого?

Добросердовъ. За какого-то заводчика Сребролюбова.

Злорадовъ. За Сребролюбова? За этого глупенькаго молодчика? Развѣ ты забылъ объ немъ?

Добросердовъ. Я объ немъ и не слыхивалъ.

Злорадовъ. Это тотъ, про котораго Самолюбовъ недавно намъ сказывалъ, что отецъ его все свое богатство непозволеннымъ образомъ нажилъ, и что съ помощію тогдашнихъ безсовѣстныхъ судей обворовалъ казну и подъ видомъ желѣзныхъ рудъ лѣтъ десять золотыми и серебряными пользовался.

Добросердовъ. А! такъ я теперь пуще не допущу выдать за него Клеопатру, и непростительно мнѣ будетъ такому мерзавцу уступить утѣху моей жизни.

Злорадовъ. Что-жъ ты сдѣлать намѣренъ.

Добросердовъ. Княгиню прѣзрить, а съ любовницею моею отсюда уѣхать.

Злорадовъ. Если надобно ее увезть, такъ положись на меня. Я одинъ это дѣло исполню.

Добросердовъ. Увозить будетъ не надобно; я надѣюсь, что она и добровольно поѣдетъ.

Злорадовъ. Но условился ли ты съ нею? И когда положилъ предпріятіе свое окончить?

Добросердовъ. Сегодня. И хотя я съ нею о томъ еще

не говорилъ, однако уповаю, что она, услышавъ мою просьбу и зная непорочную мою любовь, послушна мнѣ будетъ.

Злорадовъ. Да скажи же, какая отъ меня помощь потребна? Я съ стыда умру, если въ такомъ случаѣ не покажу тебѣ услуги.

Добросердовъ. Мнѣ надобны деньги; у меня двадцати рублевъ нѣтъ, а на это дѣло по крайней мѣрѣ триста потребно.

Злорадовъ *(съ жалостію)*. Ежелибъ у меня были и ежели бы я гдѣ ни есть занять могъ, то бы не пожалѣлъ ничего для сдѣланія тебѣ помощи. Но, по моему несчастію, теперь такъ я бѣденъ, что болѣе пяти рублевъ не имѣю, и досадую, не могши самою бездѣлицею услужить моему другу. О судьба! ты часто лишаешь насъ способовъ показать благодѣтелямъ должную благодарность!

Добросердовъ. Да не вѣдаешь ли ты какого ни есть къ тому средства? Изыскивай и помоги несчастному, который безъ твоей помощи погибнуть долженъ.

Злорадовъ. Дай мнѣ немножко подумать.

Добросердовъ. Хорошо. *(Стоитъ задумавшись)*.

Злорадовъ *(отошедъ, въ сторону говоритъ)*. Теперь надобно не упуская времени этого глупенькаго просточка на свѣжую воду вывесть. Примѣтивши, что мнѣ отъ него живиться болѣе нечѣмъ, давно уже искалъ я случая поссорить его съ княгинею и ея богатство прибрать къ себѣ въ руки. Но какъ бы мнѣ о томъ ее увѣдомить?... Подумаю... А! этотъ вымыселъ преизрядный... *(Подошедъ съ восхищеніемъ къ Добросердову)* Ну! я нашелъ способъ и мы деньги навѣрное получимъ.

Добросердовъ *(съ нетерпѣливостію)*. Говори и обрадуй!

Злорадовъ. Мы ихъ получимъ отъ княгини, и ея же добромъ ей же насмѣемся. И сказать правду, эта старая дура того достойна.

Добросердовъ. Но какимъ образомъ?

Злорадовъ. Напиши къ ней письмо, будто-бы ты въ первый разъ заѣхалъ къ графу Гордеянову и проигралъ триста рублевъ, которые непремѣнно поутру прислать обѣщался; однако, для сбереженія своей и ея чести, желаешь, не выѣхавъ изъ дому, расплатиться, и тѣмъ показать, что ты достоинъ быть ея супругомъ. Этою лестью ты такъ ее тронешь, что она и трехъ тысячъ не пожалѣетъ.

Добросердовъ. Очень хорошо. Но знаешь ли ты, гдѣ она?

Злорадовъ. Мнѣ дворецкій ея сказалъ, что она поѣхала къ своей невѣсткѣ. Поди и напиши письмо скорѣе.

Добросердовъ. А ты развѣ не пойдешь со мною?

Злорадовъ. Нѣтъ! я здѣсь посижу и немножко почитаю эту новую книгу. Она называется «Должность истиннаго друга» и болѣе всего благодарности учитъ.

Добросердовъ. Я тотчасъ изготовлю.

ЯВЛЕНІЕ X.

Злорадовъ *одинъ (глядя въ слѣдъ Добросердову)*. Теперь уже ты несчастія не минуешь!... Глупая княгиня тебѣ неприлична; она хотя и не своимъ имѣніемъ, однако очень богата. Ты и собственнымъ пользоваться не умѣлъ, а чужимъ и подавно умѣть не будешь, итакъ, надобно тебя отъ того избавить. Я знаю, что эта жеманная старушка зла какъ вѣдьма, а я ее поджечь способъ имѣю. Пойду, разскажу ей всѣ его умыслы, приведу на него въ крайнее огорченіе, и тутъ-же не теряя времени притворно откроюсь, будто я самъ давно въ нее влюбился. Она, взбѣсившись, его презритъ, а меня предпочтетъ. Это всеконечно сбудется... Послѣ того выживу я тотчасъ отсюда этого молодчика и отдамъ его въ руки заимодавцевъ, а къ погубленію бездѣльника Василія употреблю стряпчаго. Этотъ дядька много мнѣ досады дѣлаетъ, но полно въ тюрьмѣ за то потерпитъ. Я подкуплю тюремщиковъ, чтобы его какъ возможно изнуряли, и все это, съ помощію моего остраго разума, могу безъ робости сдѣлать. Раскаяніе и угрызеніе совѣсти совсѣмъ мнѣ неизвѣстны, и я не изъ числа тѣхъ простаковъ, которыхъ будущая жизнь и адскія муки ужасаютъ. Лишь бы здѣсь пожить въ довольствіи, а тамъ что̀ со мною ни случится, о томъ не пекуся. На мой вѣкъ дураковъ и дуръ будетъ!... *(Увидя Добросердова)* Готово-ли письмо?

ЯВЛЕНІЕ XI.

Добросердовъ, Злорадовъ и Василій.

Добросердовъ. Вотъ оно! Поди помоги мнѣ и сдѣлай навсегда своимъ слугою.

Злорадовъ. Будь надеженъ! Это дѣло уже исполненное, а самъ между тѣмъ старайся уговорить свою любовницу; за деньгами конечно не станетъ. Прощай!... *(Идетъ и ворочается).* Я и забылъ-было тебя спросить. Видѣлся ли ты съ стряпчимъ, о которомъ отъ меня слышалъ? И что онъ поговорилъ съ тобою?

Добросердовъ. Онъ хотя и обѣщался ко мнѣ быть, только не сдержалъ слова.

Злорадовъ. Пошли за нимъ теперь слугу своего моимъ именемъ. Тебѣ съ нимъ необходимо увидѣться надлежитъ. Хотя ты отсюда и уѣдешь, однако надобно и то предупредить, чтобы заимодавцы не сдѣлали здѣсь великаго шуму и не навели бы тебѣ безчестія. Онъ ихъ уговоритъ и такую помощь тебѣ покажетъ, какой ты не уповаешь. Прощай, и покуда я къ княгинѣ ѣзжу, съ нимъ повидайся.

Добросердовъ. Все сдѣлаю.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Добросердовъ и Василій.

Добросердовъ. Ну! съ чего ты это на него взвелъ? Инымъ ничѣмъ оправдать тебя не можно, какъ развѣ тѣмъ, что ослышался. Видишь ли, какъ онъ обо мнѣ старается? Поѣхалъ за деньгами и далъ наставленіе, какъ заимодавцевъ успокоить.

Василій. Я разговоръ его съ Докукинымъ отъ слова до слова слышалъ и помню, но я напередъ зналъ, что онъ, оставшись съ вами, вывернется. Скоро вы, сударь, истину словъ моихъ узнаете и раскаетесь, но поздно.

Добросердовъ. Перестань пожалуй! Я вѣрю, что ты не виноватъ и не изъ злобы на него взвелъ. Поѣзжай на Арбатъ; тамъ есть дворъ купца Фалелѣева, въ которомъ живетъ отставной комиссаръ Пролазинъ.

Василій. Не комиссаръ, сударь, а бездѣльникъ. Ежели его позовете, то онъ васъ обольститъ и лукавствомъ своимъ въ бѣду втащитъ. Подлинно, что Злорадовъ хорошихъ пріятелей имѣетъ!

Добросердовъ. Ты ненавидишь всѣхъ его знакомцевъ. Но скажи мнѣ, почему ты этого стряпчаго такъ ругаешь?

Василій. Потому что онъ бездѣльникъ, ябедникъ, кри-

водушникъ и достоинъ адской муки. Вы меня, сударь, до бѣшенства приводите и принуждаете забыть должное къ вамъ почтеніе.

Добросердовъ. Развѣ ты его коротко знаешь?

Василій. Короче моего знать объ немъ не можно. Онъ былъ холопъ князя Слабомыслова, у котораго наушничествомъ вышелъ въ дворецкіе и наворовалъ тысячъ съ двадцать, однако, умѣя лицемѣрить, честнымъ человѣкомъ по сію пору остался. Потомъ, удобривши наворованнымъ господскимъ добромъ такихъ же безсовѣстныхъ друзей своего боярина, каковъ вашъ Злорадовъ, выпросился на волю. Простосердечный князь доставилъ его къ нажиточному мѣсту, гдѣ онъ съ помощію судей, непомнящихъ не только о присягѣ, но и о будущей мукѣ, наворовалъ со сто тысячъ, и наконецъ съ чиномъ комиссарскимъ пошелъ въ отставку и теперь построилъ себѣ домъ не хуже бывшаго своего господина. Деньги отдалъ онъ въ ростъ; однако, привыкши къ бездѣльствамъ, до сей поры отъ нихъ не отстаетъ, и нарочно бѣдно одѣвается, чтобы скрыть неправедно нажитое богатство.

Добросердовъ. Всеконечно Злорадовъ про то не вѣдаетъ. Онъ бы мнѣ столь безсовѣстнаго человѣка не одобрилъ; однако, поѣзжай за нимъ. Я долженъ послушать вѣрнаго друга, и притомъ хочется мнѣ въ первый разъ эдакого человѣка увидѣть. Съѣзди-жъ скорѣе! А я между тѣмъ побываю на почтѣ и прикажу, если отъ брата письма ко мнѣ будутъ, отсылать ихъ въ Вологду обратно.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Василій *(одинъ)*. Не могу надивиться безмѣрному твоему легковѣрію, и мнѣ кажется, что Злорадовъ стрячаго не даромъ позвать совѣтовалъ. Какое-нибудь выдумано у него бездѣльство... Я противъ того спорилъ, но силъ моихъ не стало. Этотъ бездѣльникъ, обольстивши моего боярина, мною ругается, и ежели Богъ мнѣ не поможетъ, то Добросердовъ скоро въ прежнюю жизнь опустится.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Степанида *(одна)*. Добросердовъ меня удивилъ, уѣхавъ со двора тогда, когда отвѣта любовницына ожидать долженъ. Знать, что прекрайнюю имѣлъ нужду. Но мнѣ сказали, что онъ тотчасъ домой будетъ; итакъ, я лучше его здѣсь подожду, нежели у Клеопатры. Эта бѣдная дѣвица своею горестью и меня плакать принудила. Очень мило смотрѣть на добродѣтельную любовницу, но очень и жалко, и у меня опять слезы катиться начинаютъ. *(Плачетъ и отираетъ слезы.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

Добросердовъ и Степанида.

Добросердовъ *(идетъ къ Степанидѣ очень скоро)*. Ты плачешь, и я вижу, что слезы твои горестную мою долю открываютъ. Не томи меня! Говори! Всеконечно, я оставленъ? Ахъ! ежели это услышу, то въ минуту отсюда удалюся и накажу себя за мои безпутствія.

Степанида. Не такъ скоро всея надежды лишайтесь. Вы не совсѣмъ несчастны. Васъ любятъ столько, сколько вы по теперешнему поведенію достойны.

Добросердовъ. Но ѣдетъ ли она со мною?

Степанида. Нѣтъ, сударь! Однако, еще есть къ тому надежда, и надобно потерпѣть немного. Я пришла увѣдомить васъ, что Клеопатра, хотя и не склоняется, но великое показываетъ о васъ сожалѣніе. Я постараюсь Марѳу (sic) на нѣсколько удалить изъ дому и сыщу вамъ случай съ любовницею увидѣться.

Добросердовъ. О, какъ много буду я одолженъ тобою! Но о чемъ же ты плакала, и что значили твои слезы? Скажи? Не огорчило ли Клеопатру письмо мое и какъ она приняла его?

Степанида. Лишь только я письмо ваше ей вручила, то она его начала читать съ восхищеніемъ, а прочитавши, раз-

цѣловала. И тутъ я въ первый разъ видѣла, каково тяжко съ любимымъ человѣкомъ разставаться. Помолчавъ нѣсколько, облилась она слезами и смущаяся не знала, что дѣлать: то ѣхать хотѣла, то отрекалась, и я изъ лица ея понимала, каково тяжко было ея сердцу. *(Продолжаетъ сквозь слезы)* Степанида, говорила она мнѣ, поди! Скажи ему, что я съ нимъ всюды готова... Нѣтъ! благопристойность, честь и должность запрещаютъ мнѣ ѣхать. Увѣрь его, что если бы мнѣ позволялось, я бы и на край свѣта удалилась съ нимъ безъ размышленія и раздѣлила бы его участь, но добродѣтель велитъ мнѣ съ нимъ разстаться... Поди... Останься... Утѣшай меня... Нѣтъ! Бѣги и обнадежь его, что я по смерть любить его стану, но ѣхать съ нимъ не могу. Увѣдомь его обо всемъ и не будь свидѣтелемъ тоски и слабости моей. Вотъ ея безпорядочныя слова, сударь! Пожалѣйте о ней. *(Плачетъ)*.

Добросердовъ. О судьба! я долженъ тебя благодарить и жаловаться на твою суровость! Ты награждаешь меня самою добродѣтельною любовницею, но ты же ее отъемлешь и ввергаешь меня въ безконечныя бѣдствіи! Я не могу съ нею разстаться и мнѣ моя жизнь безъ нея несносна будетъ. *(Хочетъ идти)*.

Степанида *(остановивъ его)*. Постой, сударь, и успокойся на нѣсколько минутъ. Я постараюсь очень скоро доставить вамъ случай увидѣться съ Клеопатрой.

ЯВЛЕНІЕ III.

Добросердовъ, Степанида и слуга Добросердова.

Слуга. Незнакомый человѣкъ, съ виду и съ одежды на приказнаго похожій, стоитъ въ передней, желаетъ поговорить съ вами и сказываетъ, что онъ принесъ къ вамъ пренужное письмо.

Добросердовъ *(въ сторону)*. Не изъ магистрата ли онъ за мною присланъ? Но что-жъ, хотя бы и оттуда! *(Къ слугѣ)* Впусти его.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Добросердовъ, Степанида и Панфилъ.

Добросердовъ. Откуда ты взялся? И къ чему въ такомъ странномъ платьѣ? Неужли и ты пріѣхалъ горести мнѣ прибавить? Гдѣ братъ? И живъ ли дядя?

Панфилъ. Не давайте, сударь, обо мнѣ знать и не упоминайте о братцѣ. Я тайно отъ него къ вамъ присланъ.

Добросердовъ. Здѣсь таиться нѣкого. *(Указывая на Степаниду)* Ей всѣ мои обстоятельства извѣстны. Есть-ли отъ брата письмо? *(Панфилъ подаетъ письмо)*. Да что ты такъ худъ и блѣденъ?

Панфилъ. Извольте прочесть, а объ этомъ послѣ узнаете.

Добросердовъ *(развертывая письмо)*. Сердце мое трепещетъ и, всеконечно, новый ударъ предвѣщаетъ! *(Читаетъ письмо):*

«Любезный братецъ!

«Въ самое то время, когда-было я дядюшку умилостивилъ и когда онъ, узнавши о добродѣтеляхъ твоей любовницы и выправясь о ея достаткѣ отъ управителя ея деревень, въ сосѣдствѣ съ нашими лежащихъ, хотѣлъ тебя простить и послать меня къ княгинѣ съ просьбою, чтобы она племянницу свою за тебя выдала, въ самое то время ожесточенный рокъ въ пущее несчастіе насъ ввергнулъ!»

Что за новыя напасти? О судьба! не щади меня и сражай скорѣе! *(Читаетъ):*

«Извѣстный тебѣ совѣтникъ Прямиковъ, другъ нашего дядюшки, ѣдучи изъ Москвы въ свои деревни, къ намъ заѣхалъ. Первое, что онъ дядюшкѣ сказалъ, была пагубная для тебя вѣдомость, будто-бы ты на княгинѣ хочешь жениться. Онъ описалъ эту госпожу и ея съ племянницею поступки такъ гнусно, что безъ омерзѣнія слушать было не льзя, и увѣрилъ дядюшку, что ты вмѣстѣ съ нею проматываешь Клеопатрино иждивеніе, и только для того на ея теткѣ женишься, чтобы мотать больше. Больной старикъ отъ того пуще прежняго на тебя огорчился, и. какъ я началъ-было оправдать тебя, то онъ и на меня прогнѣвался; короче, онъ запретилъ мнѣ навсегда о тебѣ гово-

ритъ и называлъ прежнія мои слова обманомъ, а отъ досады пуще занемогъ... и я теперь о жизни его опасаюсь...»

О Боже! не сдѣлай меня убійцею почтенія достойнаго дяди.

(*Читаетъ:*) «Одно средство нахожу я къ поправленію твоего несчастія. Если можешь, увези свою любовницу и пріѣзжай къ намъ съ нею. Дядюшка, увидя противное слышанному, тебя проститъ, только дѣлай какъ можно скорѣе. Я все въ твою пользу употреблю и нарочно Панфила по почтѣ отправляю, чтобы скорѣе тебя увѣдомить. Прости, и вѣрь, что я вѣчно не премѣнюся и о твоей пользѣ болѣе собственной стану стараться».

О любезный братъ! твоихъ услугъ я отплатить не въ силахъ... Но что это? 29 октября. (*Панфилу*) Неужели ты десять дней ѣхалъ? Гдѣ ты пробылъ такъ долго? И почто злополучіе мое усугубилъ?

Панфилъ. Хотя я и виноватъ передъ вами кажуся, но какъ скоро скажу тому причину, то увидите, что во всемъ ваше несчастіе мѣшаетъ.

Добросердовъ. Говори скоряе!

Панфилъ. По приказу моего боярина, скакалъ я къ вамъ денно и ночно, и подъѣзжая къ Ярославлю, въ темную ночь, опрокинулся съ телегою и такъ убился, что недѣлю пролежалъ въ этомъ городѣ, и теперь черезъ силу къ вамъ пріѣхалъ.

Добросердовъ. Довольно разгнѣванная судьба меня гонитъ и я получаю достойное наказаніе. Поди, бѣдный, въ Васильеву горницу и успокойся.

Панфилъ. Слышу, сударь.

ЯВЛЕНІЕ V.

Добросердовъ и Степанида.

Добросердовъ (*взявъ Степаниду за руку*). А мы пойдемъ къ Клеопатрѣ. Я не имѣю терпѣнія болѣе медлить.

Степанида. Божусь вамъ, что идти къ ней не можно. Дайте мнѣ письмо вашего братца. Я его покажу Клеопатрѣ, а вы навѣрное черезъ полчаса придти къ намъ можете. Да вотъ и Василій съ какимъ-то незнакомымъ человѣкомъ. Пожалуйте письмо скорѣе.

Добросердовъ. Возьми и дѣлай, что можешь, а я вслѣдъ за тобою буду.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Добросердовъ, Пролазинъ и Василій.

Василій. Вотъ, сударь, его милость, за кѣмъ меня посылать изволили.

Добросердовъ *(Пролазину)*. Я очень радъ, что вы просьбы моей не ослушались.

Пролазинъ. Я всѣмъ честнымъ людямъ служить долженъ; но прошу вашего высокоблагородія на меня не прогнѣваться, что вчера у васъ не былъ. Уже десятый годъ я въ этотъ день по обѣщанію пощуся, никакихъ дѣлъ не дѣлаю, и положенную на себя клятву храню очень твердо, такъ, какъ всякому христіанину довлѣетъ. И меня за это обѣщаніе Богъ почти мертваго съ одра поднялъ.

Василій *(въ сторону)*. Лучше бы было, ежелибъ ты издохнулъ, многихъ бы людей отъ бѣдъ избавилъ.

Пролазинъ. Да извольте же, милостивый государь, объявить, въ чемъ я, нижайшій слуга, могу помочь вамъ. Мнѣ долго мѣшкать не льзя, а надобно въ Чудовѣ по обѣщанію отслужить молебенъ и побывать у вечерни.

Василій *(въ сторону)*. О проклятый святоша! обманывай людей, Бога не обманешь.

Добросердовъ. Ваша помощь потребна мнѣ въ слѣдующемъ. Я многимъ долженъ, а особливо двумъ купцамъ, которыхъ, уповаю, и вы по слуху знаете: Докукину и Безотвязному. Первому 10, а другому 15 тысячъ. Векселямъ уже сроки минули. Они на меня въ магистратѣ просятъ, и мнѣ хочется ихъ уговорить, чтобы еще нѣсколько обождали.

Пролазинъ. На что ихъ уговаривать! Мы сыщемъ способъ съ ними раздѣлаться, и я для моего милостивца, его высокородія господина Зюрадова, готовъ вамъ помогать всѣмъ моимъ знаніемъ. Я думаю, что вы желаете съ ними и вовсе развязаться.

Добросердовъ. Очень бы желалъ, да теперь нечѣмъ. А когда буду въ состояніи...

Пролазинъ. Оставьте эти разсужденія, а послушайте

моихъ совѣтовъ. Я знаю много способовъ. Первый и самый легкій! Ежели вы въ неуказныхъ были лѣтахъ тогда, когда векселя давали, и ежели только двухъ часовъ въ назначенное время недоставало, то они *(поднявъ порошинку съ полу)* ни эстолько не получатъ!

Добросердовъ. Эдакимъ образомъ я не хочу, и мнѣ совѣстно и стыдно...

Пролазинъ. Совѣстно и стыдно! Къ чему вы такъ разборчивы, милостивецъ мой? Нужда и законъ перемѣняетъ, и между нами сказано, стыдъ—не дымъ, глазъ не выѣстъ! Притомъ же, я точно знаю, что эти бездѣльники сами васъ безбожно обманывали, и когда они по законамъ за то не наказываются, такъ довлѣетъ мнѣ по должности христіанской за васъ вступиться и лишить ихъ наворованнаго незаконно.

Добросердовъ. Нѣтъ, я на это не соглашуся. Не можете ли чѣмъ другимъ мнѣ пособить?

Пролазинъ. Есть еще средствъ сотня-другая, и я ими много молодыхъ людей отъ хлопотъ избавлялъ. Напримѣръ, отпереться отъ векселя, сказать, что онъ не вашей руки, что развѣ васъ, пьянаго напоивши, обманомъ подписать принудили, или что вы въ карты проиграли. А наконецъ, ежели заимодавцы въ судъ съ вами пойдутъ, такъ тамъ не только что ничего не получатъ, коли я за васъ стану стряпать, но и сами тысячи по двѣ потеряютъ и вамъ еще безчестіе заплатятъ. Надобно искусненько сперва забѣжать къ судьямъ и ихъ хотя бездѣлкою задобрить, а тамъ уже можно будетъ на нихъ ѣздить, и они, замаравши руки, станутъ насъ бояться и потянутъ на нашу сторону, а брать будутъ съ тѣхъ бездѣльниковъ... Вы задумались! Конечно, выбираете, который способъ лучше. Мнѣ кажется, что всего легче отпереться. Тутъ дѣло присягою кончится, и вы будете не первый, который въ нуждѣ присягнетъ ложно.

Добросердовъ. Я неспособенъ ложно клясться; это грѣшно и безчестно.

Пролазинъ. Бросьте, сударь, пустую разборчивость. Какой грѣхъ обманщика обмануть? Этимъ еще спасеніе душѣ получишь. Да притомъ, нынѣ ваша братья, молодые люди, клятву шуткою почитаютъ и чрезъ нее показываютъ свой разумъ. Подумайте, будто вы въ то время какой ни есть красавицѣ клянетесь, которую черезъ минуту обмануть на

мѣрены. Вѣдь это у васъ нынѣче въ великомъ обыкновеніи, и я о томъ отъ васъ же, господъ щегольковъ, наслышался, а всякій обманъ равенъ. И такъ...

Добросердовъ. Нѣтъ, я на все, что ни говоришь, не...

Пролазинъ. Еще есть предорогой способъ, и такой, который въ самомъ безнадежномъ случаѣ употреблять довлѣетъ; я вамъ скажу его потихоньку. Отойдемте къ сторонѣ, чтобы служитель вашъ не подслушалъ, дѣло чрезъ него надобно исполнить. А именно *(въ то время, какъ они говорятъ, Василій, приближась къ нимъ, слушаетъ)*, велите ему позвать къ себѣ обоихъ плутовъ съ векселями и подпоить ихъ хорошенько, а потомъ векселя у нихъ мастерски изъ кармановъ спроворить; а ежели того не удастся, такъ отнять и изодрать. А когда они за то попросятъ, такъ въ томъ не вы будете виноваты, а слуга вашъ. Его высѣкутъ кнутомъ и пошлютъ на каторгу, чрезъ что вы одного холопа потеряете, а тысячу сбережете и сами при честномъ имени останетесь.

Василій *(про себя)*. Голову прозакладую, ежели это не Злорадова выдумка.

Добросердовъ. Нѣтъ, сударь, я ко всему этому приступить не соглашуся.

Пролазинъ. Да для чего же?

Добросердовъ. Дайте мнѣ нѣсколько подумать. Я пришлю за вами слугу моего, ежели мнѣ которое-нибудь предложеніе покажется, а теперь прошу не прогнѣваться, что съ вами разстанусь.

Пролазинъ. Хорошо, сударь, и мнѣ также идти давно пора. Вѣдь пѣшкомъ изъ слободы въ городъ не скоро дотащишься, а въ Чудовѣ вечерни ранѣе всѣхъ мѣстъ служатъ. Простите, ваше высокоблагородіе, я и о васъ помолюся. *(Уходитъ.)*

Василій *(идетъ дверь притворять)*. О нечестивецъ! молись о себѣ, чтобы избавиться отъ сатаны, которому ты здѣсь лучше дьяволовъ въ погибели людской служишь.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Добросердовъ, Василій и Правдолюбовъ.

Правдолюбовъ *(входитъ тогда, когда Василій, провожая Пролазина, двери запирать хочетъ, и не видя Добросердова, который задумавшись сидитъ въ креслахъ, говоритъ Василію).* Пожалуй, доложи обо мнѣ своему боярину и скажи, что я пришелъ не о долгѣ его безпокоить, а для важной нужды *(Въ сторону)* Надобно показать, что и въ нашей братьѣ есть честные люди.

Василій *(услышавъ послѣднія его слова).* Мы это знаемъ и въ васъ образцоваго видимъ.

Правдолюбовъ. Не до похвалы дѣло, а скажи Николаю Петровичу...

Василій. Вотъ онъ!

Добросердовъ *(оглянувшись, увидитъ Правдолюбова и говоритъ въ сторону).* Какъ же мнѣ этого честнаго человѣка стыдно! Я разъ со сто его обманывалъ... Чѣмъ начать съ нимъ рѣчь и что?... *(Поклонясь Правдолюбову, смятенно говоритъ)* Государь мой, я передъ вами такъ виноватъ, что и глядѣть на васъ стыжуся. Сдѣлайте милость и не смутите болѣе правильными своими выговорами такого несчастнаго, который всякія укоризны достоинъ.

Правдолюбовъ. Пожалуй не тревожся такъ много. Я не выговаривать вамъ и не безпокоить требованіемъ денегъ пришелъ сюда, но хочу доказать мое о вашемъ состояніи сожалѣніе. Правда, что всякому, кто трудами деньги наживаетъ, потерять ихъ жалко, однако я хочу ихъ потерять, или хочу обязать васъ, чтобы вы со временемъ безъ векселя мнѣ заплатили. Вотъ вашъ вексель, и съ протестомъ! Посмотрите, вашей ли руки?

Добросердовъ. Моей, сударь! Но къ чему же о томъ меня спрашиваете?

Правдолюбовъ. Къ тому, чтобы вы не подумали, будто бы я не вашъ вексель изодралъ. *(Въ это время деретъ вексель и протестъ).* Теперь вы вольны заплатить мнѣ тогда, когда въ силахъ будете, и я на вашу совѣсть отдаюся. Но притомъ сказываю вамъ, что не для того я обязательствы ваши изодралъ, чтобы вовсе уплаты получить не на-

дѣялся. Нѣтъ, сударь! Мнѣ такъ же, какъ и другимъ заимодавцамъ, магистратъ, продавши ваши деревни, часть заплатить долженъ; но я для того это сдѣлалъ, чтобы освободить васъ отъ принужденія и чтобъ вы, пришедши въ исправу, добровольно со мною раздѣлались и тѣмъ бы перемѣну жизни своей доказали.

Добросердовъ *(въ сторону)*. О Боже! онъ меня со стыда умереть принуждаетъ.

Правдолюбовъ. Никогда бы я вамъ въ долгъ не повѣрилъ, ежели бы сидѣлецъ мой меня спросился; не для того, чтобы уплаты во все не чаялъ, но для того, чтобы не быть въ одномъ счетѣ съ тѣми бездѣльниками, которые молодыхъ людей разоряютъ и непозволеннымъ образомъ наживаются. Да сверхъ того, я зналъ коротко покойнаго вашего батюшку. Онъ былъ прямой, честный господинъ, и я бы не только не захотѣлъ разорять его сына, но коли-бъ могъ, то бы и отъ мотовства воздержать постарался.

Добросердовъ *(въ сторону)*. Какая это честность! *(Правдолюбову)* Ты своимъ великодушіемъ пуще требованія денегъ меня смущаешь. Чѣмъ возмогу я доказать мою за то благодарность?

Правдолюбовъ. Ничѣмъ, кромѣ того, что старайтесь поправиться, и гнушаясь прежними поступками и тѣми людьми, которые васъ въ нихъ привели и приводятъ, будьте впередъ осторожнѣе и не всякому легко вѣрьте. Я не скрою отъ васъ, что мнѣ и всѣмъ вашимъ заимодавцамъ тайно знать дано, что вы завтра изъ города скрыться хотите, къ чему васъ, конечно, не допустятъ, если сегодня не уѣдете. Пользуйтесь моимъ увѣдомленіемъ и избавьтесь отъ безчестія. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Добросердовъ и Василій.

Добросердовъ. Что такое я услышалъ? И кто бы таковъ этотъ бездѣльникъ? Ежели я его узнаю, то не минуетъ онъ моего мщенія.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Добросердовъ, Василій и Докукинъ.

Докукинъ *(вошедъ тихо и увидя, что Добросердовъ и Василій, не примѣтивъ его, стоятъ задумавшись, говоритъ про себя)*. Что это они въ такихъ глубокихъ мысляхъ? Знать, къ завтрашней дорогѣ снаряжаются, и знать Злорадовъ сказалъ мнѣ сущую правду; но полно, они ошибутся, и я ихъ на зарѣ въ тепленькое мѣстечко спроважу.

Добросердовъ *(взглянувъ въ ту сторону, гдѣ Докукинъ его увидѣлъ)*. А! мы и не слыхали, что ты вошелъ. Зачѣмъ опять такъ скоро пожаловалъ? Нѣтъ ли новой до меня нужды?

Докукинъ. Есть, милостивый благодѣтель! Лишь я отъ васъ вышелъ, такъ ко мнѣ приступили мои заимодавцы и требовали непремѣнно сегодня своихъ денегъ; такъ пожалуй, не оставь меня бѣднаго.

Добросердовъ. Но вѣдь я уже тебѣ сказалъ, что ты черезъ недѣлю вѣрно получишь; итакъ, потерпи до тѣхъ поръ и не скучай пожалуй.

Докукинъ. Вѣрю милости вашей, что вамъ скучно, да и мнѣ-ста не больно радостно. Сталъ-ли бы я безотступно докучать вамъ, коли бы не до зла горя самому приходило. Ежели завтра не расплачуся, то черезъ два дни лавчишки мои здѣсь опечатаютъ и пошлютъ въ Питеръ, чтобы и тамъ поступить такою же манирой.

Добросердовъ. Нужду твою я вижу и жалѣю о тебѣ, но помочь не въ силахъ. Потерпи ради Бога.

Докукинъ. Вѣдь вашему высокородію довольно извѣстно, что терпѣлъ я до той поры, пока самому не пришло до бѣды неминучей. Помилуйте сираго и пропащаго человѣка, а при томъ и себя. Я какъ много вашу честь ни почитаю, однако долженъ буду...

Добросердовъ *(въ сторону)*. Опять лгать надобно! *(Отошедъ немного, говоритъ Василію)* Какъ бы отъ него избавиться? *(Тихо съ Васильемъ разговариваетъ.)*

Докукинъ *(въ сторону)*. Начали вымышлять, чѣмъ бы провесть меня, однако я уже остереженъ. Еще немножко вывѣдавши отъ нихъ, пойду, а завтра ихъ съ пуховой постельки побью челомъ въ магистратъ на нары.

Добросердовъ *(Василію)*. Я тебя послушаю и начну говорить. *(Докукину)*. Итакъ тебѣ необходимо деньги завтра потребны и ты никакъ подождать не можешь?

Докукинъ. Душа бы-сте вонъ изъ собачьева сына, ежели говорю неправду. Когда завтра не раздѣлаюсь, то послѣ завтра буду самъ въ магистратѣ, куда въ товарищи и благородныхъ моихъ должниковъ отъ скуки попрошу.

Добросердовъ *(Василію)*. Онъ еще и ругается мною! *(Докукину)* Ты уже и шутить начинаешь? Я не желаю тебѣ товарищества въ магистратѣ дѣлать, а постараюсь обоихъ насъ отъ этого мѣста избавить. Будь надеженъ, что завтра въ двѣнадцать часовъ, ежели не всѣ, такъ пять тысячъ конечно получишь.

Докукинъ *(въ сторону)*. Обѣщаетъ, думая уѣхать, но я и самъ проворенъ. *(Добросердову)* Прошу милости о всѣхъ деньгахъ, я ихъ изъ рукъ въ руки выдамъ.

Добросердовъ. Всѣ силы употреблю, и думаю, что княгиня не допуститъ меня до магистрата и мнѣ столько дастъ, что я съ тобою расплачусь. Прощай! Я долженъ къ ней ѣхать. Поди домой, а завтра приходи навѣрное...

Докукинъ *(кланяясь и идучи тихо)*. Взять тебя туда же, куда я много вашей братьи засаживалъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Добросердовъ и Василій.

Добросердовъ. Радъ я, что его выжилъ, и думаю, что въ послѣдній разъ игралъ теперя. Ежели Богъ наградитъ меня счастіемъ, то не только я самъ съ ними знаться не буду, но закажу другу и недругу. Побудь ты здѣсь до тѣхъ поръ покуда другъ мой не пріѣдетъ, а я пойду къ Клеопатрѣ. *(Тутъ входитъ Безотвязный)*. Но вотъ еще новое препятствіе. Никакъ мнѣ отъ нихъ сегодня не отдѣлаться. Говори съ нимъ что вздумаешь, а я уйду. *(Хочетъ идти, но Безотвязный, вышедшій тогда, когда Добросердовъ послѣднія три строки выговариваетъ, низкіе дѣлаетъ ему поклоны, и увидя, что онъ уйти хочетъ, вдругъ къ нему бросается)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Добросердовъ, Василій и Безотвязный.

Безотвязный. Куда изволите идти, благоутробіе ваше? Вы очень неблаголѣпно поступаете со мною. Лишь меня увидѣли, то не молвя ни одного словца вонъ бѣжите. Это не по дворянски! И это не само благородное дѣло!

Добросердовъ *(въ сторону)*. Еще обманывать должно. *(Безотвязному)* За что ты на меня сердишься? Божусь, что я приходу твоего не примѣтилъ. Скажи-тка, какъ ты нынѣ поживаешь, и что...

Безотвязный *(прервавъ рѣчь съ досадою)*. Прежде всѣхъ разговоровъ хочу я получить мои деньги, которыя за срокомъ восьмой жду мѣсяцъ. Я у другихъ купцовъ товары для васъ забиралъ въ долгъ, за то плачу двойной ростъ! а вамъ почти уступалъ за свою цѣну.

Добросердовъ. Ты ихъ завтра получишь, а теперь мнѣ недосугъ болѣе говорить съ тобою. *(Безотвязный сердится)*. Сердись какъ хочешь, этимъ не поможешь! *(Василію)* Выживи его отселя, а я буду у Клеопатры. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Василій и Безотвязный.

Безотвязный *(бѣжитъ въ слѣдъ за Добросердовымъ, но тотъ, вошедши, дверь за собою захлопнулъ)*. Что это такое? Не пускать меня и не хотѣть говорить! Мы перевѣдаемся съ тобою. Дѣлайся пожалуй фертикомъ, да не надолго. Я укрощу твою бодрость!

Василій. Но не кричи-жъ, Петръ Васильевичъ! Здѣсь не рынокъ, а домъ боярыни знатной. Этимъ прибыли право не получишь.

Безотвязный *(въ сторону, подумавши немножко)*. Постараться-было отъ него обо всемъ свѣдать, хотя онъ всегда былъ несговорчивъ, но можетъ быть бѣдность рога ему посбила. *(Василію)* Василій Матвѣевичъ, я виноватъ и вижу, что многонько разгорячился. Полно, всякому своя

болячка идетъ къ сердцу. Но для чего же ты по сю пору еще въ одномъ кафтанѣ ходишь? Кабы съ нашимъ братомъ жилъ посогласнѣе, такъ бы имѣлъ паръ десятокъ.

Василій *(въ сторону)*. Что онъ за рѣчь заводитъ? Послушаю немного его плутней. *(Безотвязному)* Я и однимъ очень доволенъ.

Безотвязный. Однако твоя же братья подсмѣиваютъ надъ тобою, что ты не такъ щепетко, какъ они, наряжаешься. Сдѣлай милость, скажи мнѣ не потаяся словца съ четыре. А я тебѣ услужу пятью имперіальцами и на парочку пирюенскаго грызету.

Василій. Неужли ты меня бездѣльникомъ почитаешь? Ежели я что могу сказать, такъ и безъ подарковъ отъ меня услышишь.

Безотвязный. Никако нѣтъ-сте! Я знаю, что ты слишкомъ честенъ, но пожалуй меня не опасайся, я никому не пронесу. Правда-ли, что твой бояринъ женится на княгинѣ?

Василій. Правда!

Безотвязный *(очень скоро и смотря пристально на Василія)*. И то, что сыгравши свадьбу, хочетъ отсюда уѣхать.

Василій *(въ сторону)*. Онъ меня смутилъ этимъ вопросомъ. *(Безотвязному)* Какой плутъ сказалъ тебѣ эти враки?

Безотвязный. Пожалуй не сердяся меня увѣдомь. Я не обману тебя. Вотъ, деньги со мною, изволь...

Василій *(въ сторону)*. Нѣтъ мочи болѣе терпѣть, отпою ему хорошенько. *(Безотвязному)* Давно ли ты сталъ меня почитать такимъ же, какъ и самъ, плутомъ? Я кажется никогда не якшался съ вашею братьей, и ежели бы вправду мой бояринъ хотѣлъ уѣхать, то бы я тебѣ того ни за какіе не сказалъ подарки. Поди вонъ и подкупай такихъ же бездушниковъ, какъ ты и твои товарищи.

Безотвязный *(разсердяся)*. Слушай же, братъ Василій! Бояриться тебѣ право не кстати; не только тебѣ, да и боярину твоему. Вы еще не такіе великатные господа, чтобы заимодавцевъ со двора гонять и травить собаками. Вѣдь у насъ на вашу братью озорниковъ есть и управа. Что это? Своего притоманнаго попросить не можно. Я кажется служилъ вамъ честно и безъ барыша за свою уступалъ цѣну.

Василій. О негодникъ! Ты уступалъ за свою цѣну? Побойся хотя смертнаго часа и не ли такъ безстыдно. Вѣдь

я знаю, что ты и на пять тысячъ боярину не далъ, хотя вексель на 15 имѣешь.

Безотвязный. Не како нѣтъ-сте! У меня на полное число и все хорошій товаръ забирали.

Василій. Подлинно, что товаръ добрый. Напримѣръ, въ первый разъ взяли трои золотыхъ часовъ. Они не стоили двухсотъ рублевъ, а ты написалъ за нихъ четыреста тридцать.

Безотвязный. Не како нѣтъ-сте!

Василій. Табакерку, въ которой между бриллiантами былъ восточный хрусталь вставленъ, за тысячу двѣсти рублей, а она и трехсотъ не стоила.

Безотвязный. Лжеши! не како...

Василій. Словомъ, всѣ товары прямо по плутовски за тройную цѣну написаны. И ежели тебѣ это бездѣльство здѣсь Богъ попуститъ, то уже на томъ свѣтѣ не миновать...

Безотвязный. Уймись пожалуй! Я на враки твои плюю. Ты напрасно меня попрекаешь, и съ нами всегда такъ бываетъ. Когда у насъ выманиваютъ, тогда мы пречестные люди, а когда дѣло къ расплатѣ придетъ, тогда мы плуты, барышники и дорого на счетъ ставимъ. Я уже молодцами съ двадцатью имѣлъ эдакія ссоры...

Василій. И всѣхъ ихъ разорилъ и привелъ въ нищенское состояніе. Мнѣ почти всѣ твои бездѣльствы извѣстны. Послушай, я тебѣ перечту, кого ты плутовски ограбилъ. Гвардіи солдата Легкомыслова, за которымъ было пятьсотъ душъ, черезъ годъ совсѣмъ ты очистилъ и за каменный дворъ, что пяти тысячъ стоилъ, сшилъ ему только три пары платья.

Безотвязный. Пустое!

Василій *(продолжаетъ)*. Капрала Брякунова довелъ до такого состоянія, что онъ твоимъ пронырствомъ тысячу душъ промоталъ такъ скоро и тайно, что его сродники не могли о томъ провѣдать, и послѣ, спившись, умеръ онъ въ магистратѣ, куда ты же его засадилъ.

Безотвязный. Тамъ ихъ братьи и мѣсто.

Василій. Не отворачивайся и не потупляй глазъ, а слушай. Артиллерiи поручика Верхоглядова, армейскаго капитана Простодушина, и множество, которыхъ и въ цѣлый часъ не перечтешь. Наконецъ, плутяга, не спустилъ ты и своему роду, и этого добренькаго молодца, сына казанскаго

заводчика, который сюда языкамъ и купецкому промыслу учиться пріѣхалъ, въ два года лишилъ ты отцовскаго наслѣдства и наконецъ хотѣлъ поймать въ магистратъ и тѣмъ принудилъ его въ службу записаться. Ежели бы правдивые судьи вѣдали о твоихъ бездѣльствахъ, то бы они тебя давно на каторгу послали.

Безотвязный. Все-ли-сте выболтать изволилъ? Ну! такъ вѣдай же, что судьи-то обо мнѣ знаютъ, и знаютъ, что я человѣкъ честный. А васъ, господа обманщики, они наказать не упустятъ. Прощай! Часъ тебѣ добрый. Ты меня завтра лучше узнаешь и мы въ другомъ мѣстѣ посчитаемся съ тобою.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Василій *(одинъ)*. Дурно я сдѣлалъ, что разсердилъ этого плута. Боюсь я, чтобы онъ сегодня не сыгралъ съ нами шутки. Вотъ какіе у насъ купцы! Похожи ли они на людей торговыхъ? Нѣтъ! Сущіе мошенники! Однако не всѣ, есть и добрыхъ людей много, которые отъ честности нищими становятся. Напримѣръ, давишной Правдолюбовъ. Я отъ него часто слыхалъ, что онъ на многихъ знатныхъ боярахъ ждетъ долгу лѣтъ по десяти и болѣе, а особливо на какихъ-то двухъ братьяхъ, которые, вмѣсто уплаты, его и многихъ купцовъ другъ къ другу пересылаютъ и наконецъ принудятъ ихъ отъ долгу отступиться. Ежели бы и большихъ господъ въ магистратъ брали, то бы уменьшилась у всѣхъ охота забирать въ долги, не имѣя къ заплатѣ надежды. Однако, я забывшись слишкомъ заболтался. Мнѣ должно, покуда Злорадовъ не пріѣдетъ, повидаться съ Панфиломъ и узнать, каково наши дѣла у нихъ идутъ. *(Идучи запираетъ дверь въ конторку Добросердова)*.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Злорадовъ *(одинъ; вошедши, идетъ въ конторку, но увидѣвъ, что она заперта, останавливается)*. А! Онъ всеконечно у своей красавицы, болтая нѣжныя дурачества, время провождаетъ. О глупенькій! ты не стоишь сожалѣнія. Ежели тебя проучу хорошенько, такъ и ты впередъ такихъ же шалуновъ, каковъ теперь самъ, проводить станешь... Не хорошо ли жить съ разумомъ на свѣтѣ и не быть заражену этимъ дурачествомъ, что здѣсь добродѣтелью называется? Добро дѣлать конечно надлежитъ, но себѣ самому, а не людямъ. Вѣдь мы для себя родимся и потому лишь о себѣ и стараться намъ должно. *(Садится въ кресла, и нѣсколько посидѣвъ, улыбаясь, говоритъ)* Глупой княгинѣ въ одну минуту такъ я надулъ въ уши, что она за меня выдти обѣщалась, и съ досады лопнуть хочетъ, чему бы я и порадовался, ежели бы она была уже за мною... Но я обнадежилъ ее привесть домой, такъ что бы ей Добросердова застать съ его любовницею, и она для того ободворъ меня ожидаетъ... Какъ же бы это сдѣлать?... *(Думаетъ)* О, есть средство! Исполнивши это преумное дѣло, Клеопатру въ монастырь, Добросердова сегодня жъ въ тюрьму, и для того теперь же его заимодавцевъ снова увѣдомлю, что онъ ночью уѣхать хочетъ, а плута Василія, ежели онъ по совѣту стряпчаго вексель изодралъ, правосудіе и безъ меня накажетъ. Но вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Злорадовъ и Василій.

Злорадовъ. Гдѣ твой господинъ?

Василій *(сурово)*. Тамъ, гдѣ его никто не обманетъ.

Злорадовъ *(съ досадою)*. Отвѣчай, гдѣ онъ? И ежели знаешь, такъ скажи, что я пріѣхалъ.

Василій *(въ сторону)*. Охотнѣе бы я увѣдомилъ его о твоей смерти! Только не удастся тебѣ безъ меня поговорить съ нимъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Злорадовъ *(одинъ)*. Этотъ мерзавецъ и теперь такъ меня огорчилъ, что я, во что ни станетъ, проучу его хорошенько. Видно, что стряпчаго не послушались, однако есть еще способовъ довольно. Какъ скоро женюсь на княгинѣ, такъ куплю изъ Добросердовыхъ деревень ту, гдѣ этотъ плутъ приписанъ, а купивши, высѣку его кнутомъ, объявя въ приказѣ, что дѣлаю это съ нимъ за непочтеніе, и потомъ сошлю его на каторгу вѣчно. Только съ княгинею-то жить мнѣ очень скучно будетъ... Нѣтъ, ничего! Я стану ее обманывать. Она уже многими была проведена, но тѣ до конца разорить ее не умѣли, а я ее совсѣмъ очищу и докажу, что она дѣло съ совершеннымъ мастеромъ имѣла. Хотя я и знаю, что многіе простачки будутъ поносить меня, но я на нихъ не посмотрю и имъ же посмѣюся. Они при всей своей честности съ нуждою могутъ на одноколкахъ ѣздить, а я въ состояніи буду разъѣзжать въ каретахъ цугомъ. Они станутъ ѣсть щи да кашу, а я ежедневно давать столъ открытый, такъ какъ и судья Взяткохватовъ. Всѣ знаютъ, что онъ грабительствомъ великое свое богатство нажилъ и что домовъ съ двадцать наглымъ образомъ разорилъ. Всѣ кричатъ о томъ, однако онъ и между крикунами видѣнъ. Они носятъ преветхіе суконные, а онъ бархатные новомодные кафтаны. Они пѣшкомъ по грязи таскаются, а онъ, скачучи въ каретѣ, грязью ихъ брызжетъ. Они... Да вотъ и Добросердовъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Добросердовъ, Злорадовъ и Василій.

Злорадовъ. Никакъ ты былъ у Клеопатры? Желалъ бы я, чтобъ ты у нея такой же успѣхъ имѣлъ, какой я у княгини.

Добросердовъ. Конечно, ты привезъ деньги?

Злорадовъ. Неужли ты думалъ, что я не привезу? Вотъ онѣ! Ровно 30 имперіаловъ. Какъ скоро я старушкѣ письмо отъ тебя отдалъ, то она, прочетши его, взяла деньги у своей невѣстки и просила меня, чтобы я отвезъ ихъ къ тебѣ поскоряе и привезъ бы тебя съ собою.

Добросердовъ. Я не могу къ ней ѣхать.

Злорадовъ. Ты и не долженъ. Она-было нѣсколько на тебя разсердилась за то, что ты, сказавши ей, будто за братниными дѣлами поѣдешь, вмѣсто того, спѣшилъ играть въ карты, однако я совсѣмъ тебя выправилъ, и сказалъ ей, что тебѣ надлежало графу Гордеянову вручить письмо отъ дяди, что ты и сдѣлалъ, но заставши у него гостей, принужденъ былъ поиграть немножко; а она словамъ моимъ и повѣрила.

Добросердовъ. Я тобою несказанно обязанъ.

Злорадовъ. Мнѣ для тебя все дѣлать надлежитъ. Наконецъ просила она меня, что ежели ты не поѣдешь, то хотя-бы я, отвезши деньги, назадъ былъ. Мнѣ просьба ея показалась кстати, для того, чтобы тебѣ дать время переговорить съ Клеопатрою. Да видѣлъ-ли ты ее? И соглашается ли она?

Добросердовъ. Не совсѣмъ, но я уповаю, что скоро склонится. Итакъ, сдѣлай ты мнѣ милость, поѣзжай и продержи княгиню тамъ еще часа два-три.

Злорадовъ. Пожалуй хотя до полуночи. Это ничего не стоитъ. Вѣдь ты знаешь, какъ легко водить ее за носъ.

Добросердовъ. Перестань о ней говорить, поди и удержи ее въ гостяхъ, а я въ моихъ покояхъ поговорю съ Клеопатрою, потому что тамъ всѣ за нею надзираютъ, а сюда обѣщалась она быть чрезъ княгинину спальню потаенными сѣньми. Я уповаю, что она со мною поѣдетъ, и для того сейже часъ пошлю за лошадями.

Злорадовъ. Это все мнѣ поручи. У меня есть бланкетъ на почтовыя подводы, и они для тебя черезъ часъ на моемъ дворѣ готовы будутъ. Проворь лишь ты здѣсь.

Добросердовъ. Ахъ, какъ ты должишь меня!

Злорадовъ. Нѣтъ, я отплачиваю. Но оставимъ пустыя учтивости; позови сюда Клеопатру скоряе, а я поѣду къ княгинѣ. Прощай! *(Въ сторону)* Онъ опять самъ далъ мнѣ случай привесть княгиню, такъ что она ихъ въ его покояхъ вѣрно застанетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Добросердовъ и Василій.

Добросердовъ. Ну, Василій! видишь-ли, какъ онъ мнѣ помогаетъ? Досталъ деньги, даетъ подорожную и лошадей приготовить хочетъ. Я имъ одолженъ такъ много, что и отплатить буду не въ силахъ.

Василій. И меня привелъ онъ въ удивленіе. Кажется, что давича я не ослышался... Однако я словамъ его не вѣрю, и что онъ ни дѣлаетъ, все обманомъ считаю.

Добросердовъ. Ты ужасно недовѣрчивъ и великій охотникъ до подозрѣнія.

Василій. Это, сударь, правда! Сколько вы легковѣрны, столько я остороженъ.

Добросердовъ. Оставь пустыя разсужденіи, а поди къ Клеопатрѣ, попроси ее сюда и скажи, что Злорадовъ уже уѣхалъ и что я одинъ ее ожидаю.

Василій. Слышу, сударь.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Добросердовъ *(одинъ)*. Теперь недостаетъ только согласія моей возлюбленной, а то бы я совершенно былъ счастливъ; но мнѣ на любовь ея надѣяться можно. Она всеконечно меня въ горести не оставитъ, и хотя теперь еще нѣсколько противилась, однако я примѣтилъ, что чрезъ силу себя принуждала, и стараясь укрѣпляться, показывала обо мнѣ сожалѣніе... Сожалѣніе! Но довольно ли его для меня, если любовь страстная не будетъ съ нимъ соединенна? Жалѣютъ и о преступникѣ, котораго за гнусныя дѣла ведутъ на казнь позорную. Зрители плачевнаго его конца о немъ соболѣзнуютъ. Но тутъ дѣйствуетъ человѣколюбіе. Онъ жалокъ по человѣчеству, а презрителенъ по дѣламъ своимъ. Равномѣрно, можетъ быть, и Клеопатра, видя меня близко погибели, обо мнѣ сожалѣетъ, но ввѣриться, для прошедшихъ моихъ неистовствъ, мнѣ не смѣетъ, и можетъ быть, страсть свою преодолѣвая, твердо предпріемлетъ меня покинуть... Нѣтъ! Нѣжное ея сердце толь сурово со мною не поступитъ. Она, увидѣвши мои слезы, смя-

теніе и отчаяніе, вѣрно со мною поѣдетъ. Упаду къ ногамъ ея и прежде ихъ не оставлю, покуда не получу ея согласія или жизнь мою у нихъ окончу... Но вотъ и она.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Добросердовъ, Клеопатра, Степанида и Василій.

Добросердовъ *(бѣжитъ на встрѣчу Клеопатрѣ и взявъ ея руку цѣлуетъ)*. Утѣха злополучной моей жизни! Ужели ты тоску мою окончить предпріяла?...

Клеопатра. Отчего вижу я тебя еще въ пущемъ смятеніи? Кажется, что я въ твою угодность весьма много дѣлаю, и благопристойность преступая, тайно прихожу въ такое мѣсто, куда и за то, если-бы и явно зашла, всякій человѣкъ осудить меня долженъ. Ну ежели тетушка зайдетъ сюда?

Добросердовъ. Она такъ скоро пріѣхать не можетъ. Другъ мой столько ее въ гостяхъ удержитъ, сколько мнѣ угодно. Не опасайся ея присутствія и, видя лютое мое мученіе, согласись этотъ домъ оставить, согласись и поручи себя вѣрному любовнику, который безъ тебя отсюда не выѣдетъ, и если ты здѣсь останешься, то жилище твое будетъ ему гробомъ. Но ты и взоръ отъ меня отвращаешь О обманчивая надежда!

Клеопатра. Отвращаю! чтобы не показать тебѣ слабости моей, которую недавно, какъ сильно скрывать я ни старалась, ты во мнѣ примѣтилъ. Взгляни на слезы мои, взгляни и познай, что любовь проливать ихъ заставляетъ, и что та-же бы любовь повсюды повела меня за тобою, если-бы добродѣтель не противилась. Но она...

Добросердовъ. Нѣтъ, возлюбленная Клеопатра! Добродѣтель не противится желаніямъ непорочнымъ. Удались скоряе того дому, гдѣ тебѣ несчастіе приготовляютъ, гдѣ ты терпишь гоненія и гдѣ пользуются твоимъ иждивеніемъ, а тебя въ неволѣ содержатъ. Удались скоряе, или на вѣки учинятъ тебя злополучною, и ты будешь каяться, не послушавъ моихъ совѣтовъ. Тетка твоя недостойна отъ тебя почтенія. Она твой гонитель, врагъ и...

Клеопатра. Не поноси ее при мнѣ. Я лучше все отъ нея претерплю, нежели дойду до того, чтобы меня за то

осуждали, что я, презрѣвши честь и должность, ушла съ любовникомъ изъ дому такой родственницы, которой поручена я отъ родителя. Нѣтъ! Я тѣмъ вѣчное навлеку себѣ поношеніе.

Добросердовъ. То-ли я отъ тебя услышать надѣялся? Вотъ воздаяніе за мою нѣжность и награда за мое постоянство! Вотъ какъ ты меня любишь!... Если-бы ты въ истинну взаимную любовь питала, то бы все для своего любовника забыла, для того любовника, которому честь твоя жизни его миляе и который у ногъ твоихъ послѣднее дыханіе испуститъ... Но ты въ искренности его сумнѣваешься... О Боже! Тебѣ извѣстны мои мысли... Жестокая! Когда уже я отъ тебя не могъ пріобрѣсть довѣренности, когда тебѣ подозрителенъ кажуся,—тебѣ, которой тайны сердца моего извѣстны, того сердца, которое плѣнясь тобою, тебя лишь только любило, тобою восхищалось и въ тебѣ всю свою утѣху полагало... но ты его терзать хочешь, и за безпримѣрную горячность...

Клеопатра. Перестань неправильные дѣлать выговоры, они чести моей обидны. Обрати на меня суровый взоръ свой! Неужли я притворно слезами обливаюсь? И неужли лукавя, стеню и воздыхаю?... Посмотри на мой печальный видъ, въ немъ ты конечно не безстрастіе увидишь.

Добросердовъ. Чувствуя обо мнѣ такъ...

Клеопатра *(перервавъ рѣчь его, продолжаетъ)*. Еще-ли ты станешь обвинять меня холодностію и терзать нѣжное мое сердце? Клянусь, что равно тебя люблю, какъ я тобою любима; ты также составляешь всю мою отраду, ты будешь по смерть владѣть моею душою, и кромѣ тебя никто счастія моего сдѣлать не возможетъ.

Добросердовъ. Когда ты все сіе чувствуешь, то почто произвольно мучишься? Оставь сей домъ, въ которомъ вѣчныя бѣдствіи тебѣ уже готовы... Не отвращай отъ меня любезнаго мнѣ взора! *(Упавши на колѣни)* Взгляни на своего любовника... Отчаяніе и изступленіе на лицѣ его ясно изображаются! Пожалѣй объ немъ и удалися... или въ этотъ же часъ будь готова... *(Тутъ входитъ княгиня и застаетъ его на колѣняхъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Княгиня, Клеопатра, Добросердовъ, Степанида и Василій.

Клеопатра. Погибла я теперь!

Добросердовъ *(къ княгинѣ)*. Выслушай меня, сударыня...

Княгиня *(къ Добросердову, рѣчь его прервавши.)* Ты меня выслушай, измѣнникъ! Весьма я радуюсь, что коварные твои умыслы узнала. Не будешь ты ругаться моимъ простосердечіемъ и не получишь эту безстыдницу... *(Клеопатрѣ)* А ты, притворная смиренница! Ты за мои о тебѣ стараніи хорошее готовила мнѣ воздаяніе. *(Въ сторону)* Не знаю, чѣмъ наказать этихъ злодѣевъ?...

Степанида *(бросясь къ княгинѣ)*. Ахъ! сударыня, не безпокойтесь такъ много. Самъ Богъ надоумилъ васъ домой пріѣхать. Ежели-бъ вы получаса умедлили, то бы никого изъ нихъ не застали. Клеопатра совсѣмъ соглашалась ѣхать, и какъ много я ни противилась, только на меня не смотрѣли.

Василій *(къ Добросердову)*. Что я слышу?

Степанида. Я теперь-было къ вамъ послать хотѣла, но вы сами подоспѣли. Вотъ, сударыня! не правду ли вамъ о его милости сказывали? Онъ давно измѣнить вамъ приготовлялся.

Василій. Ахъ, плутовка! И она противъ насъ. Мо...

Добросердовъ *(къ княгинѣ)*. Не вѣрьте ей, она...

Княгиня *(къ Добросердову)*. Молчи, обманщикъ! *(Степанидѣ)* Я очень рада, что хотя ты вѣрна мнѣ. Виновата, что добрыхъ людей давно не слушала. Но что же мнѣ съ ними дѣлать? Они меня разсудка лишили.

Степанида *(тихонько княгинѣ)*. Я нѣчто уже придумала. Они уговорились уѣхавши жениться и просить на васъ; итакъ надобно вамъ не допустить до того, и засадить ее *(указывая на Клеопатру)* въ надежное мѣсто.

Добросердовъ *въ это время жалостно взглядываетъ на Клеопатру, порывается идти къ ней и тихо разговариваетъ съ Васильемъ.*

Княгиня. Да куда же?

Степанида. Сей же часъ пошлите ее въ тотъ монастырь, гдѣ ваша тетушка игуменьею, и не мѣшкайте ради Бога, а

отвезть ее мнѣ поручите и прикажите ѣхать со мною моимъ братьямъ.

Княгиня. А! ты меня очень кстати надоумила и я тебѣ все поручаю. Поди и не мѣшкая минуты ступай съ нею. (*Къ Клеопатрѣ*) А ты, что тебѣ Степанида ни скажетъ, во всемъ ее слушай. (*Клеопатра идетъ, Добросердовъ за нею въ слѣдъ бѣжать хочетъ, но княгиня его останавливаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Княгиня, Добросердовъ и Василій.

Княгиня (*Добросердову*). Куда ты идти осмѣливаешься? Постой, безстыдный! Чѣмъ можно тебѣ передо мною оправдаться?

Добросердовъ. Ничѣмъ! А можно оправдать невинную Клеопатру, которая, помня добродѣтель и несмотря на мои обольщенiи, отнюдь не соглашалась на мою просьбу. Вѣрь мнѣ, что Степанида по злости ее оклеветала. Не поступай съ нею строго, а пожалѣй...

Княгиня. Молчи, безсовѣстный! Какъ! Ты не стыдишься оправдать мою соперницу, съ которою обезчестить меня уговорился? Поди съ глазъ моихъ! Я уже всѣ твои умыслы знаю; поди, и никогда мнѣ не кажися.

Добросердовъ. Конечно, никогда не покажусь, но потщусь вырвать изъ рукъ твоихъ несчастную мою любовницу, въ чемъ мнѣ вѣрный мой другъ поможетъ, а ты за свои съ нею поступки получишь достойное воздаяніе... (*хочетъ идти, но Злорадовъ входитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

Добросердовъ, Княгиня, Злорадовъ и Василій.

Добросердовъ (*бросясь, хочетъ обнять Злорадова, но тотъ его къ себѣ не допускаетъ.*) Любезный другъ, помоги несчастному...

Злорадовъ. Не несчастному, а неблагодарному! Не безчести меня, называя другомъ. Я никогда тебѣ имъ не былъ, а только по человѣчеству, видя твое гнусное поведеніе, старался увѣщевать тебя и отвращать отъ погибели. Ты

смущаешься! Но ты самъ всего злосчастія виною. Напомни, сколько разъ совѣтовалъ я тебѣ обратиться къ добродѣтели и отдавать княгинѣ должную благодарность; но ты, не взирая на то, поносилъ ее всемѣстно. Долго я тебѣ терпѣлъ, но послѣдній твой поступокъ принудилъ меня изобличить твои безпутствіи. Я самъ открылъ княгинѣ, что ты простосердечную ея племянницу хотѣлъ увезть и обезчестить!

Добросердовъ. Что я слышу? Ты могъ это сдѣлать?

Злорадовъ. Я то сдѣлалъ, что давно надлежало. Но мнѣ кажется, что ты поступкомъ своимъ тревожишься? Всеконечно, совѣсть въ тебѣ дѣйствовать начинаетъ. Упади къ ногамъ своей благодѣтельницы, проси у ней прощенія и тѣмъ докажи, что я не втунѣ потратилъ мои наставленія. Опомнись!

Добросердовъ. О, злодѣй! Я уже опомнился! Позналъ мерзкую твою душу, и за то теперь стражду, что тебѣ, преступнику всѣхъ законовъ, вѣрилъ (*порывается къ Злорадову*). Бойся моего мщенія. Ты жизнію заплатишь...

Княгиня. Одумайся, государь мой, и имѣй ко мнѣ должное почтеніе.

Злорадовъ. Пусть его, сударыня, бѣсится! Всѣ лукавцы отъ Бога лишеніемъ ума наказаны бываютъ.

Добросердовъ. А ты будешь моею рукою... (*хватается за шпагу, но княгиня его не допускаетъ*).

Княгиня. Уймись пожалуй, или я съ тобою инымъ образомъ поступлю. Да знаешь ли ты, кого такъ дерзко порицаешь? Онъ завтра въ твое наказаніе будетъ моимъ мужемъ, и я при тебѣ даю ему руку (*даетъ Злорадову руку*). А твою безумную любовницу постригу не умедля. Видишь-ли ты, что меня обмануть не такъ легко можно, и что я управиться съ вами умѣю? Чтобы сегодня-жъ тебя въ домѣ моемъ не было. (*Злорадову*) Пойдемъ, сударь! Я уже послала за моими друзьями, и мы теперь же по рукамъ ударимъ. (*Добросердову*) Прости, господинъ обманщикъ!

Злорадовъ (*Добросердову*). Прости! Я о тебѣ сожалѣю. И если ты обратишься на истинный путь, то все въ твою помощь сдѣлаю. Послушай послѣдняго совѣту, и видя неудачу своего лукавства, оставь его и будь намъ подобенъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Добросердовъ и Василій.

Добросердовъ. О измѣнникъ! Не минуешь моего мщенія *(Бросясь обнимаетъ Василія)*. Усердный слуга и вѣрный другъ! много я виноватъ передъ тобою.

Василій. Перестаньте, сударь, безпокоиться и не пристыжайте меня; я ничего больше не сдѣлалъ, что всякому слугѣ надлежитъ.

Добросердовъ *(въ сторону)*. О неблагодарный!... *(Василію)* А ты, въ комъ я необычайную твоему роду честь вижу, не щади меня. Выговаривай, обвиняй, пристыжай и умножай мою горесть! Я всего достоинъ! Ежели-бы твои внималъ слова, то спасся бы отъ измѣнника... котораго сей же часъ рука моя накажетъ!

Василій. Оставьте, сударь, его, а старайтесь отвратить свое несчастіе. Вы за легковѣрность довольно уже наказаны; да полно отъ нея уберечься не можно. Думалъ ли я, чтобы эта злодѣйка, которая пречестною дѣвкою казалась, тайно намъ измѣняла?... Надобно теперь пуще всего узнать, подлинно ли княгиня любовницу вашу постричь хочетъ.

Добросердовъ. Ты и въ бѣдствіи моемъ еще полезные даешь мнѣ совѣты. Поди, любезный другъ! Поди освѣдомься о томъ и прикажи въ дорогу сбираться, а меня на нѣсколько минутъ оставь здѣся.

Василій. Я бы все, что вы приказываете, исполнилъ, но боюся васъ оставить. Вы можете...

Добросердовъ. Не опасайся ничего. Ежели я въ отчаяніи что сдѣлаю, такъ развѣ отмщу моему злодѣю.

Василій. Не будьте такъ мстительны, а оставьте его на произволъ судьбины. Я пойду, и надѣюсь, что васъ столько же здорова увижу.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Добросердовъ (*одинъ*). Ступай! Я знаю, чѣмъ наградить твою вѣрность. О гнѣвная судьбина! Ужели ты за мои

преступленіи довольно меня наказала? И всѣ ли суровости испытала надо мною? Теперь обманутъ я тѣмъ, кого вѣрнымъ почиталъ другомъ, лишенъ на вѣки любовницы, оставленъ всѣми, кромѣ усерднаго служителя, и теперь несчастіе мое совершенно... Увы! что стану я дѣлать?... Ежели Клеопатру постригутъ, то я въ ту-жъ минуту бѣдствіи мои окончу. Не поѣду я къ дядѣ и брату, которымъ развращеннымъ моимъ поведеніемъ вѣчное причинилъ безчестіе Нѣтъ!... Перваго столь много я разгнѣвалъ, что и прощенія получить не уповаю... А можетъ быть я уже и смерти его виною... Да и любезному брату не сдѣлаю болѣе тягости. Онъ мнѣ и такъ много дѣлалъ дружескихъ одолженій. Къ чему-жъ прибѣгнуть?... Всего лучше, забывши обиду и мщеніе, сдѣлать конецъ неистовой моей жизни.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Злорадовъ (*одинъ*). Теперь дѣло почти совсѣмъ исполнено. Княгиня не хотѣла-было согласиться на постриженіе своей племянницы, однако я ее безъ труда уговорилъ. Какъ скоро она письмо къ игуменьѣ напишетъ, то я его съ моимъ слугою отправлю, и когда мы туда пріѣдемъ, такъ уже все готово будетъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Княгиня и Злорадовъ.

Княгиня. Вотъ письмо! Оно такъ написано, какъ ты велѣлъ. Но сколько много я Клеопатрою ни огорчена, только чувствую въ совѣсти грызеніе. Не можно-ли намъ другимъ образомъ свое счастіе сдѣлать?

Злорадовъ. Перестаньте, сударыня, пустыми воображе-

ніями смущаться. Они ни малаго чести вашей поврежденія не сдѣлаютъ. А если намъ на всѣ людскія рѣчи смотрѣть, такъ никогда и въ добрѣ пожить не удастся. Повѣрьте словамъ моимъ. Всего лучше постричь ее, потому что ближнихъ сродниковъ у нея нѣтъ, слѣдственно и вступиться за нее некому. Дайте мнѣ письмо, я тотчасъ его отправлю.

Княгиня. Возьми, и дѣлай, что за лучшее найдешь.

Злорадовъ. Слуга мой почти уже готовъ въ дорогу; подождите здѣсь меня, сударыня, я въ минуту возвращуся.

ЯВЛЕНІЕ III.

Княгиня (*одна*). Какъ много этотъ человѣкъ мнѣ ни служитъ, только я не чувствую къ нему ни малой склонности, и изъ одного почти къ Добросердову мщенія намѣрилась я за него выдти. Сердце мое не знаю что-то дурное мнѣ предвѣщаетъ. Ну ежели кто за Клеопатру вступится?... Избави Боже! Тутъ мнѣ непремѣнно въ стыдѣ будетъ остаться, я же и такъ противъ ея виновата, и разгорячася больше сдѣлала, нежели думала. Мнѣ одного лишь измѣнника моего наказать хотѣлось за то, что онъ меня обманывалъ, а племянницу...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Княгиня и Злорадовъ.

Злорадовъ. Вышедши въ сѣни, услышалъ я, сударыня, что Добросердовъ при служителяхъ васъ жестоко ругаетъ, и для того, не сходя внизъ, къ вамъ возвратился. Мнѣ кажется, что надобно его сію же минуту съ двора согнать.

Княгиня. Всеконечно! Какъ? Онъ же меня обидѣлъ, да онъ же и поноситъ! Я за то отплачу ему сію же минуту; но что до племянницы, я такъ сурово съ нею поступить не намѣрена. Но вотъ и онъ. Мнѣ видъ его совсѣмъ несносенъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Княгиня, Добросердовъ и Злорадовъ.

Добросердовъ (*въ сторону.*) Безъ омерзѣнія не могу съ ними слова промолвить.

Злорадовъ. Государь мой! Я думаю, что вамъ очень ясно сказано было, чтобъ вы скоряе выбрались изъ дому и не дѣлали намъ безпокойства. И такъ уже по всему городу княгиню за то осуждаютъ, что она такого мота скрываетъ въ своемъ домѣ, котораго заимодавцы вездѣ ищутъ.

Добросердовъ. О безсовѣстный! Обманывай ее, только когда ни есть изобличится твое лукавство.

Княгиня. Не дурою ли ты меня почитаешь? Нѣтъ, государь мой, я обманщиковъ узнавать умѣю и не допущу надъ собою ругаться. Сей же часъ съ двора, или людямъ прикажу...

Добросердовъ. Я часа конечно не промѣшкаю, и ставлю себѣ за грѣхъ пробыть столь долго съ этимъ злодѣемъ, достойнымъ презрѣнія отъ цѣлаго свѣта.

Злорадовъ. Пойдемте, пусть онъ здѣсь подурачится; у меня есть способъ къ его наказанію.

Добросердовъ. И ты того же не минуешь. *(Кличетъ слугу своего)* Василій!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Добросердовъ и Василій.

Василій *(вошедши)*. Чего изволите?

Добросердовъ. Все-ли готово? И провѣдалъ ли ты о Клеопатрѣ?

Василій. Все, сударь, готово, и я выспросилъ у Мавры, что княгиня любовницы вашей постричь не хочетъ, только на время скрыть ее намѣрена.

Добросердовъ. Я ее вездѣ сыщу! Но ты теперь искренностію своею грызеніе совѣсти моей усугубляешь... И я за всѣ твои услуги достойнаго награжденія воздать не въ силахъ; но сколько имѣю, раздѣлю съ тобою. Вотъ половина моего богатства! И вотъ тебѣ отпускная! Съ этой минуты ты воленъ. Поди и ищи въ другомъ мѣстѣ счастія, а меня оставь одного злополучную жизнь мою оканчивать. Она не долго продолжится. Прійми и не отрицайся!

Василій. Не возьму, сударь, ни того, ни другаго. И когда уже я въ то время не отставалъ отъ васъ, когда сносилъ всякую нужду и видѣлъ вашу къ себѣ немилость, то могу ли васъ покинуть тогда, когда вы добродѣтельны

стали и въ моихъ услугахъ пуще прежняго нужды имѣете? Я не для того прошедшее напоминаю, чтобы васъ больше опечалить, но чтобъ увѣрить въ моемъ усердіи. Я вѣчно не разстанусь съ вами.

Добросердовъ. О рѣдкая въ человѣкѣ такого состоянія добродѣтель! Ты своею честностію меня удивляешь. И я за то, что въ тебѣ сомнѣвался, довольно уже наказанъ.

Василій. Не вы одни во мнѣ сомнѣвались, и я уже узналъ, каково трудно нажить имя добраго человѣка. Ежели бы я былъ бездѣльникъ, то бы вмѣстѣ съ Злорадовымъ васъ обворовывалъ и...

Добросердовъ. Не напоминай объ немъ. Ты уже довольно доказалъ мнѣ доброе свое сердце.

Василій. Но я долженъ признаться, что этимъ честнымъ поступкамъ научилъ меня покойный вашъ родитель. Онъ всегда наблюдалъ истину, а пороки и изъ слугъ своихъ выводить старался. Но для кого? Все для дѣтей своихъ, чтобы утвердить ихъ въ добродѣтели.

Добросердовъ. Не напоминай мнѣ о достоинствахъ моего родителя. Они меня больше смущаютъ. Сколько онъ былъ добродѣтеленъ, столько я пороченъ. Не поѣду теперь къ дядѣ и брату, а пущусь куда судьба мнѣ путь покажетъ. Пріими это и простись со мною вѣчно.

Василій *(упавши на колѣни)*. Ежели вы мои услуги и вѣрность во что-нибудь почитаете, такъ...

Добросердовъ *(поднимая Василья)*. Встань!

Василій *(вставая, рѣчь свою продолжаетъ)*. Такъ хотя для нихъ при себѣ оставьте. Послушайте моего совѣту и къ дядюшкѣ...

Добросердовъ. Не принуждай меня.

Василій. Жалѣя о себѣ, исполните мою просьбу. Самъ Богъ за ваше обращеніе дядюшку къ жалости склонить, а ежели вы къ нему и не поѣдете, такъ я отъ васъ не отстану-жъ.

Добросердовъ. Не убѣждай меня болѣе. Я стыжуся имъ показаться. Еще разъ прошу тебя! Пріими въ награжденіе за всю свою вѣрность.

Василій. А я еще осмѣливаюсь просить васъ, чтобы вы уже хотя не для слуги своего, а ради собственной пользы и ради спасенія жалости достойной Клеопатры сдѣ...

Добросердовъ. Произнесши ея имя, ты меня ко всему

принудить можешь. Притомъ и благодарность велитъ мнѣ не только слушать твои совѣты, но имъ и повиноваться. Поѣдемъ къ дядѣ. Спасемъ любезную Клеопатру, а потомъ я тебѣ докажу мою благодарность. *(Хотятъ идти, но въ то время входитъ вдова съ дочерью.)*

ЯВЛЕНІЕ VII.

Добросердовъ, Василій и вдова съ дочерью.

Добросердовъ. О Боже! Ты и эту бѣдную послалъ къ пущему мнѣ мученію, но она обманута не будетъ.

Вдова. Не прогнѣвайтесь, сударь, что я пришла васъ безпокоить. Самая крайность меня къ тому принудила. Вамъ извѣстно, что покойный мой мужъ ждалъ на васъ долгу своего годъ, а я полтора жду. Помилуйте бѣдную вдову съ сиротами! Вотъ изъ нихъ старшая, а дома еще четверо остались.

Добросердовъ. Я знаю, сударыня, что виноватъ передъ вами, но не могу вамъ заплатить всѣхъ денегъ, и божусь, что больше трехсотъ рублей не имѣю. Возьмите ихъ, а достальные полтораста вы чрезъ три дня, или меньше, конечно получите. Хотя вы и услышите, что меня въ городѣ не будетъ, однако тѣмъ не безпокойтесь. Этотъ человѣкъ вамъ ихъ вручитъ; повѣрьте мнѣ и оставьте меня въ покоѣ.

Вдова. Я и тѣмъ довольна *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Добросердовъ и Василій.

Добгосердовъ. Теперь же поѣду я изъ города, а ты останься здѣсь. Уже не приказываю, но прошу, послушай меня! Продай всѣ мои вещи и бѣдную эту вдову удовольствуй. Я уповаю, что столько за мое платье и бѣлье получить можно.

Василій. Я отъ васъ не...

Добросердовъ. Не ослушайся моей просьбы, и когда я уже на твою соглашаюсь, такъ и ты мою исполни. Въ

твою угодность я прямо къ дядѣ поѣду, и ты, исправивши положенное, меня у него сыщешь. Прости! *(Увидя княгиню и Злорадова)* Но зачѣмъ они еще выходятъ?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Княгиня, Злорадовъ, Добросердовъ и Василій.

Злорадовъ *(княгинѣ тихо)*. Я за купцами посылалъ, и они уже его у воротъ ожидаютъ. *(Добросердову)* Вы, государь мой, черезчуръ безстыдны! Въ третій разъ, какъ мнѣ кажется, вамъ повторяютъ. *(Княгинѣ)* Выговорите и сами ему немножко погрубѣе.

Княгиня *(Добросердову)*. Я удивляюсь вашему дерзновенію. Оставьте мой домъ; мнѣ ни мало не кстати терпѣть за неблагодарнаго поношеніе. Весь мой дворъ окруженъ купцами и разсыльщиками, и они кричатъ, будто-бы я бездѣльниковъ укрываю.

Василій. Это правда! *(Указывая на Злорадова)* Вотъ одинъ изъ главныхъ!

Злорадовъ. Молчи плутъ! Или размученъ будешь.

Добросердовъ. Не поноси его своимъ именемъ и не грози наказаніемъ.

Злорадовъ. Обоихъ васъ правосудіе накажетъ. Подите! уже тюрьма вамъ отворена.

Добросердовъ. Пойду, и уповаю, что въ ней такого какъ ты, злодѣя не увижу. Радуйся моему злополучію! Ты умѣлъ простосердечіемъ моимъ воспользоваться, но не долго можетъ-быть повеселишься. Не попуститъ Богъ таковымъ злодѣйствамъ. Оставайтесь и ждите за меня отъ судьбы мщенія. Пойдемъ!...

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Докукинъ, Безотвязный, и еще нѣсколько купцовъ, магистратскій канцелярисгъ и разсыльщики. *(Входятъ, когда Добросердовъ хочетъ идти изъ покоевъ, и удерживаютъ его).*

Докукинъ *(Добросердову)*. Нѣтъ, государь мой! Мы тебя не упустимъ.

Безотвязный *(Василію)*. Ну, господинъ бранько! Вотъ и конецъ вашему великатству!

Зюрадовъ *(Беретъ себѣ и княгинѣ кресла, сѣвши съ нею разговариваетъ, и часто съ усмѣшкою оба посматриваютъ на Добросердова)*.

Добросердовъ *(заимодавцамъ)*. Постойте! Не держите меня! Я и самъ пойду туда, куда васъ вмѣсто меня посадить надлежитъ. Только прежде...

Безотвязный. Оставь свои высокородныя рѣчи, а изволь идти скорѣе. Ну, господинъ канцеляристъ, исполняй въ силу указовъ свою должность.

Канцеляристъ *(Добросердову)*. Вы ли, сударь, капитанъ Добросердовъ?

Добросердовъ. Я.

Канцеляристъ. Такъ вотъ у меня имѣется сыскная за вашимъ благородіемъ, и мнѣ велѣно васъ по просьбѣ господъ купцовъ, на лицо здѣсь обрѣтающихся и въ протоколѣ поимянно объясненныхъ, по силѣ вексельнаго устава и прочихъ документовъ, взять въ магистратъ. Извольте посмотрѣть, сыскная не фальшивая, а заручена ратманомъ Малознаевымъ и секретаремъ Прошлецовымъ. Ступай съ нами безъ отговорокъ.

Добросердовъ. Къ пущему безчестію, должно мнѣ по городу идти съ этими бездѣльниками! *(Къ канцеляристу)* Нѣтъ, я самъ приду! *(Хочетъ идти, а Докукинъ и Безотвязный бѣгутъ за нимъ въ слѣдъ, держутъ его за полы. Но въ то время входитъ М: Добросердовъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣже и М. Добросердовъ.

М. Добросердовъ. Что я вижу? Какое это странное собраніе! *(Брату)* Куда тебя ведутъ?

Зюрадовъ *(съ княгинею встаютъ съ удивленіемъ и говорятъ нѣчто между собою)*.

Б. Добросердовъ. О судьба! ты и то къ горести моей прибавила, чтобы онъ позора моего былъ свидѣтель. *(Бросясь къ брату)* Туда, гдѣ я порочную жизнь мою окончу.

М. Добросердовъ. Скажи, любезный братъ, что ты съ собою сдѣлалъ?

Б. Добросердовъ. Не жалѣй о мнѣ! Не называй меня братомъ! Я этого имени недостоинъ, и я вѣчное причинилъ тебѣ и всему роду нашему посрамленіе, за которое должное наказаніе пріемлю. Непорядочная моя жизнь всему виновна; все я самъ навлекъ своими неистовствами, и за нихъ пойду въ вѣчномъ заключеніи вздыхать, сѣтовать и раскаяваться. Прости! *(Хочетъ идти).*

М. Добросердовъ *(удержавъ брата).* Постой! Ты не такъ можетъ-быть несчастливъ, какъ думаешь. *(Заимодавцамъ)* Конечно, онъ вамъ долженъ?

Всѣ заимодавцы. Такъ, ваше благородіе!

М. Добросердовъ. Ежели къ избавленію твоему только деньги потребны, то ты въ нихъ нужды не имѣешь, и ты теперь столь богатъ, какъ никогда быть не чаялъ.

Б. Добросердовъ. Что я слышу!

Злорадовъ *(дѣлаетъ разныя движенія и показываетъ свою злобу, видя, что Добросердовъ спасаться начинаетъ).*

Василій. О Боже! избавь насъ бѣдныхъ!

М. Добросердовъ. Ты не можешь словъ моихъ понять, но я тебѣ тотчасъ изъясню ихъ. Дядя нашъ умеръ!

Б. Добросердовъ. Увы! Всеконечно, я виною его смерти, и онъ непремѣнно въ гнѣвѣ ко мнѣ съ жизнію разстался.

М. Добросердовъ. Нѣтъ! Онъ умираючи отзывался о тебѣ съ такою любовію, какъ бы родной отецъ нашъ. Простилъ всѣ твои вины и наслѣдникомъ имѣнія своего сдѣлалъ.

Б. Добросердовъ. А я тѣмъ виновнѣе почитать себя долженъ.

М. Добросердовъ. Не мятись, а прочти духовную втораго отца нашего.

Б. Добросердовъ *(читаетъ).*

Василій *(М. Добросердову).* Да что же вы, сударь, не въ печальномъ платьѣ?

М. Добросердовъ. Для того, что я не хотѣлъ вдругъ брата опечалить.

Злорадовъ. Онъ опять избавляется!

Княгиня. А меня совѣсть больше прежняго терзать на-

чинаетъ. Я о племянницѣ сожалѣю и начинаю познавать вину мою.

Б. Добросердовъ *(прочитавши)*. Какое великодушіе! Оно смятеніе мое усугубляетъ. Я равный съ тобою наслѣдникъ?

М. Добросердовъ. Да, любезный братъ! Ты получаешь 1000 душъ и пятьдесятъ тысячъ рублевъ!

Злорадовъ. Что это! Онъ будетъ богаче прежняго.

Б. Добросердовъ *(къ брату)*. Я всѣмъ этимъ тебѣ долженъ! Ты столь много показалъ мнѣ дружбы, что отблагодарить за то силъ моихъ недостанетъ. Но богатство меня въ восхищеніе не приводитъ; я вѣчно дядиною смертію терзаться буду.

М. Добросердовъ *(брату)*. Перестань тревожиться! Это правда, что мы о немъ должны соболѣзновать, только смерти его не ты виною. Старость и припадки вѣкъ его прекратили. Но оставимъ на малое время печальные разговоры. *(Къ купцамъ)* Сколько братъ мой вамъ долженъ?

Злорадовъ. Чѣмъ бы мнѣ изъ этого дѣла вывернуться?

Докукинъ *(ищучи записокъ)*. Мнѣ десять тысячъ, ваше высокоблагородіе!

Безотвязный. А мнѣ пятнадцать, ваше высокородіе!

М. Добросердовъ *(къ другимъ заимодавцамъ)*. А вамъ сколько?

Василій. Всѣмъ этимъ купцамъ и этому извощику, съ которымъ мы цѣлый годъ, не платя ни полушки, ѣздили, также и тѣмъ, кого здѣсь нѣтъ, еще тысячъ съ десять.

М. Добросердовъ *(заимодавцамъ)*. Оставьте насъ на нѣсколько минутъ и подождите въ передней; я сегодня-жъ съ вами раздѣлаюсь.

Безотвязный. Мы слову вашего превосходительства имемъ вѣру.

Докукинъ. И напредки сіятельству вашему служить обѣщаемся.

Безотвязный. Мы бы и теперь съ его благоутробіемъ такимъ образомъ отнюдь не поступили, да лихъ онъ *(указывая на Злорадова)* всему причиною.

Злорадовъ *(въ сторону)*. О счастіе! разруша мои труды, обличать меня начинаешь!

Княгиня *(Злорадову)*. Поди прочь, ты меня въ этотъ стыдъ привелъ.

Злорадовъ *(хочетъ идти и опять возвращается)*.

Докукинъ *(глядя на Злорадова, который съ княгинею тихо разговариваетъ)*. Говорите, что вамъ вздумается; насъ не оплетете. И меня ко всему подбилъ *(указывая на Злорадова)* этотъ же обманщикъ; однако, мои двѣ тысячи не пропадутъ даромъ.

Безотвязный. Онъ и мнѣ три тысячи долженъ. Такъ доброже-ста! Мы съ тобою севодни-жъ перевѣдаемся.

Злорадовъ. Что со мною будетъ?

Княгиня. Я вѣчно сама себя упрекать стану.

Докукинъ. Какъ скоро изъ дому выйдешь, то вмѣсто его превосходительства тебя въ тюрьму попросимъ. Мы вдвое проторей и убытковъ тратить не будемъ и не распуская команды ею же тебя въ магистратъ спровадимъ.

М. Добросердовъ. Подите отсюда и поступайте съ нимъ, какъ хотите.

Всѣ заимодавцы. Слышимъ ваше превосходительство.

Канцеляристъ *(меньшому Добросердову)*. А мнѣ, ваше сіятельство, за труды со всѣмъ моимъ причетомъ! Я знаю, что нынѣ взятковъ брать и не велѣно, и для того униженно прошу вашей милости пожаловать намъ не въ силахъ аксиденціи, а изъ женерозства. Мы на первомъ кружалѣ выпьемъ за здоровье всей вашей честной фамиліи.

М. Добросердовъ *(давши нѣсколько денегъ)*. Поди вонъ скоряе.

Канцеля́ристъ. Вѣчные вашего превосходительства слуги и богомольцы.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Княгиня, Б. Добросердовъ, М. Добросердовъ, Василій и Злорадовъ *(который разныя дѣлаетъ тѣлодвиженія и изъявляетъ крайнее свое смятеніе и разстройку)*.

Б. Добросердовъ *(брату)*. Ты хотя избавилъ меня отъ безчестія, но совершеннаго благополучія моего сдѣлать не въ силахъ. Мнѣ возлюбленной моей не видать уже...

М. Добросердовъ. Сейже часъ ее увидишь. Василій, поди и попроси сюда госпожу Клеопатру. Она у воротъ сидитъ въ каретѣ.

Василій. Тотчасъ, сударь.

Б. Добросердовъ. Что? Она... она здѣсь...

М. Добросердовъ. Тотчасъ ее увидишь.

Злорадовъ. О превратная судьба!

Княгиня. Что я слышу!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Княгиня, Б. Добросердовъ, М. Добросердовъ и Злорадовъ.

Б. Добросердовъ. Но не льстишь ли ты меня? Я самъ побѣгу къ ней. *(Бѣжитъ, а меньшой братъ, достигши, останавливаетъ).*

Княгиня *(въ сторону)*. Какъ мнѣ увидѣться съ нею? Съ стыда умру. *(Злорадову)* Отойди отъ меня, безпутный.

М. Добросердовъ *(брату)*. Не ходи, а побудь здѣсь. Я разскажу, какимъ незапнымъ счастіемъ удалось мнѣ привезть твою любовницу. Подъѣзжая къ Переславской ямской, встрѣтился я съ каретою и услышалъ, что меня сидящіе въ ней просили остановиться. Вышедши, увидѣлъ я Клеопатру и Степаниду, и честная эта служанка о всемъ твоемъ злополучіи меня увѣдомила, и сказывала, что вмѣсто монастыря везла Клеопатру, не сказавши ей, прямо въ деревню покойнаго нашего дяди, и съ дороги хотѣла тебя о томъ увѣдомить. Напротивъ того, объявилъ я имъ премѣну твоего счастія, и мы съ Степанидой насилу уговорили тво любовницу сюда возвратиться.

Б. Добросердовъ. А! Любезный братъ, ты мнѣ жизнь даруешь!

Злорадовъ *(въ сторону)*. Сносно ли это? Глупая дѣвка всю мою хитрость въ ничто обратила!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣже, Клеопатра, Степанида и Василій.

Княгиня. Не смѣю глядѣть на ее, и ноги мои держать меня не могутъ (*облокачивается о кресла, и закрывается платкомъ*).

Б. Добросердовъ (*бросаясь къ Клеопатрѣ, цѣлуетъ ея руки*). Дражайшая Клеопатра! Позволь мнѣ облобызать твои руки и прежде всего выслушай мою просьбу. Забудь минувшее! Прости свою тетку! Она ни въ чемъ невинована, (*глядя на Злорадова*) а онъ всему причиною. Скажи, что не только ничего съ нея взыскивать не будешь, но дашь ей на прожитокъ хорошую деревню. Я теперь уже столько богатъ, что мнѣ въ твоемъ приданомъ нѣтъ нужды. Я прошу этого у тебя въ знакъ твоей ко мнѣ любви. Сдѣлай!...

Клеопатра (*Добросердову*). Я и болѣе того сдѣлаю. (*Оставя его, бѣжитъ къ княгинѣ, хочетъ упасть къ ногамъ ея, но та ее не допускаетъ; однако она беретъ у ней руку и цѣлуетъ*). Не мнѣ, сударыня, прощать васъ должно, а вы мнѣ вину мою отпустите, что я противъ воли вашей дерзнула возвратиться. Живучи здѣсь, никакой досады я себѣ не видала, и должна была по приказанію моего родителя во всемъ вамъ повиноваться. Простите меня! Я слова его (*указывая на Добросердова*) подтверждаю и прошу со слезами...

Княгиня (*плачучи*). Перестань въ пущій стыдъ меня приводить! Перестань, любезная племянница! Ты покорностію своею раскаяніе мое умножаешь... Я такъ передъ тобою виновата, что такого великодушія недостойна. (*Указывая на Злорадова*) Этотъ злочестивецъ ко всему подбилъ меня! Но я будущею жизнію постараюсь вину мою загладить... Съ этой минуты оставляю прежніе мои поступки и по смерть неотлучно буду съ вами... (*Обнимаются*).

Злорадовъ (*во время княгининой рѣчи два раза покушался уйти, но вдругъ собравшись съ силами, возвратился, и приближась къ Добросердову, съ униженіемъ ему говоритъ*).

Когда вы всѣ здѣсь столь великодушны, такъ и я надѣюсь получить прощеніе.

Б. Добросердовъ. Что до меня...

М. Добросердовъ. Нѣтъ, братецъ! Не должно его прощать. Мы чрезъ то честнымъ людямъ много вреда надѣлаемъ. Пусть онъ за свое злодѣйство получитъ достойное возмездіе, а ежели исправится, то я помогать ему первый не отрекуся.

Злорадовъ *(М. Добросердову)*. Когда ты теперь меня столько презираешь, то я тебѣ зло прежде всѣхъ потщуся сдѣлать. Время впереди, а я его на то и употреблю, чтобы всѣмъ вамъ погибели строить. *(Уходитъ, и какъ скоро отворяетъ дверь, такъ скоро Докукинъ съ товарищи, ждущіе его, берутъ)*.

Василій *(въ слѣдъ Злорадову)*. Ты теперь намъ не страшенъ и тебя у воротъ ожидаютъ. *(Какъ скоро купцы его подхватятъ, говоритъ)* Да вотъ ты уже и попался въ ту яму, которую другу своему готовилъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Княгиня, Клеопатра, Б. Добросердовъ, М. Добросердовъ, Степанида и Василій.

М. Добросердовъ. Видишь ли ты, каковъ онъ?

Б. Добросердовъ. Я ему все прощаю.

Княгиня. Отпусти же и мнѣ вину мою по примѣру своей любовницы, и когда она еще меня почтеніемъ и дружбою удостоиваетъ, то я данную мнѣ надъ нею власть употреблю въ вашу пользу. *(Беретъ Добросердова и Клеопатру за руки)* Я вѣчно на ваше благополучіе согласуюсь, и прошу, чтобы не лишить меня вашей дружбы.

Клеопатра. Я навсегда покорною племянницею буду.

Б. Добросердовъ. Мое къ вамъ почтеніе по смерть не премѣнится и вы всякій опытъ отъ меня потребовать можете. Я же, надѣяся на васъ, беру смѣлость теперь просить о такой милости, которая очень нужна намъ.

Княгиня. Все, что я въ силахъ, радостію исполню.

Б. Добросердовъ. Простите, сударыня, Степаниду и

дайте ей волю, такъ какъ я моего Василія вѣчно освобождаю. Они другъ друга любятъ.

Княгиня. Она въ твоей власти, освобождай ее!

Степанида *(цѣлуетъ руку у княгини)*. Вашихъ милостей, сударыня, по гробъ не забуду.

Б. Добросердовъ *(взявши Василія и Степаниду)*. Теперь вы вольные люди. Вотъ отпускная, которой ты давича взять не хотѣлъ, и я даю тебѣ на свадьбу двѣ тысячи рублевъ, и хочу, чтобы ты ни однимъ словомъ не отрицался.

Василій *(принявши, кланяется)*. Милости ваши теперь я принимаю, и хотя вы на волю меня отпускаете, однако я вѣчно въ знакъ моей благодарности служить вамъ буду. И когда уже вы благополучны стали, то намъ еще того лишь пожелать должно, чтобы всѣ дѣвицы вашей любовницѣ уподоблялись, а устарѣлыя кокетки, которыя во гробъ съ жеманствомъ сходятъ, слѣдуя ея сіятельству, отъ того отвращеніе получили. Всѣ бы моты по вашему примѣру на истинный путь обращались, а слуги и служанки, какъ я и Степанида, вѣрно господамъ служили. Наконецъ, чтобы неблагодарные и лукавцы, страшась гнусныхъ своихъ пороковъ, отъ нихъ отставали и помнили бы, что Богъ злодѣйства безъ наказанія не оставляетъ.

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

[ПУСТОМЕЛЯ].

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ «ПУСТОМЕЛѢ».

Предавая печати сіе смѣхотворное сочиненіе, хотѣлъ было я начеркать къ нему не весьма лаконическое предисловіе, но посчастію удержался отъ того слѣдующимъ уподобленіемъ: *во многомъ глаголаніи нѣсть спасенія*. Имъ избавился я отъ того, что не сдѣлаюсь уже теперь такимъ же *Пустомелею*, какимъ изображенъ *Неумоложъ*.

Комедія сія взята изъ театра господина *Боасси*, гдѣ она подъ именемъ Babillard напечатана, и я, не присвоивая себѣ чужихъ трудовъ, признаваюсь, что она не моя, а передѣланная мною на наши нравы и обыкновенія. Каждый читатель, знающій французскій языкъ, можетъ увидѣть то, что мною пропущено и что прибавлено, и по тому судить меня. Исключены мною противъ господина *Боасси* нѣсколько женскихъ лицъ, а для чего, я не скажу; однако отъ всякаго читателя, которому театръ нашъ довольно извѣстенъ и который читалъ Babillard у господина *Боасси*, надѣюсь оправданія: ему причины, къ тому меня побудившія, столько же, какъ и мнѣ, должны быть извѣстны.

Но какъ ли я ни обѣщался, и какъ ли ни крѣпился отъ плодовитаго писанія, однако принужденъ нарушить слово мое и по необходимости еще нѣсколько строкъ прибавить.

Нѣкоторые люди, желая прослыть всезнающими, не только что хулятъ, но и вовсе опровергаютъ передѣлываніе комедіи, называя оное упражненіе непростительнымъ стыдомъ для всякаго, кто за него ни примется. Но мнѣ кажется, что тогда бы всякому писцу стыдно было, если бы онъ, передѣлавъ, своимъ сочиненіемъ называлъ; а когда онъ признавается, тогда ему краснѣться не отчего. Къ тому же, неизвѣстно мнѣ и то, основательно ли ихъ опроверженіе, потому что я не слыхалъ отъ нихъ на то никакого доказательства; но то мнѣ извѣстно, что они сами подобное дѣлывали и дѣлаютъ, съ тою только разницею, что они не признаваются, и подобно воронѣ, въ баснѣ описанной, чужими перьями украсившись, на нѣкоторое время зрителей обольщаютъ.

Читалъ я нѣкогда комедіи, на старыя наши игрища весьма по хожія, о которыхъ мнѣ сказывали, будто бы онѣ сдѣланы сими стро гими судіями, которые почитаютъ ихъ въ правилахъ театральныхъ расположенными и порядочно въ характерахъ выдержанными и предлагаютъ ихъ начинающимъ писателямъ въ примѣръ комическихъ сочиненій. Но противъ чаянія сихъ господъ наставниковъ, всѣ читатели не находятъ въ нихъ ни завязки, ни развязки, а находятъ единственно то, что они изъ чужихъ писателей неудачно взяты, и они-то, къ стыду нашему, по несвойству характеровъ и по странному расположенію и сплетенію на нашъ языкъ почти силою втащены. Хотѣлъ бы я спросить, почто онымъ господамъ собственная ихъ изъ ветоши перекропышь постыдною не кажется? И почто не признаваются они, что и оное ими заимствовано? Но сей вопросъ имъ не весьма понравится. Полно, къ чему ихъ и спрашивать! Они для того не признаваются, что всѣхъ людей на свѣтѣ самолюбивѣе, и они суть тѣ самые, которые и безъ очковъ у ближняго сучокъ въ глазахъ видятъ, а у себя и въ микроскопъ цѣлаго бревна не усматриваютъ. Напрасно они по сіе время столько кичливо о себѣ мыслятъ и презираютъ всякое сочиненіе, не ихъ перомъ издаваемое. Нынѣ есть уже довольно людей, знающихъ языки иностранные, а потому и писцовъ, на тѣхъ языкахъ прославившихся; а зная сіе, не трудно примѣтить и то, что оные осуждатели себѣ присвоили и понынѣ своимъ утверждаютъ. По моему мнѣнію, и тотъ писецъ весьма неблагодаренъ, который, воспользовавшись наставленіями человѣка въ наукахъ предъ собою превосходнаго, не захочетъ послѣ признавать его своимъ учителемъ; а тотъ уже и самый неблагодарнѣйшій, который у мертвыхъ отъемлетъ единственную честь, достоинствамъ ихъ надлежащую. Заимствовать необходимо надлежитъ: мы на то рожденны; но надлежитъ въ томъ и признаваться; а чужое присвоивать есть дѣло весьма непохвальное. Полно, нынѣ такой вѣкъ, что и во всемъ свѣтѣ тѣ лишь знатными писателями и называются, которые лучше прочихъ выкрадутъ и, искусненько прикрывши, выдадутъ за свое сочиненіе. Но время сіе разсужденіе оставить: отъ него прибыли мало, или лучше сказать, и совсѣмъ никакой нѣтъ, а злодѣевъ очень много получить можно.

Пустомеля игранъ былъ вмѣстѣ съ *Мотомъ* оба раза и имѣлъ съ нимъ равный успѣхъ, коему главною причиною господинъ *Дмитревскій*, игравшій лицо *Пустомелино*. Оно было для него опытное, потому что онъ шутливыхъ лицъ еще не игрывалъ. Но онъ въ оный день показался ко всѣмъ лицамъ преспособнымъ актеромъ; однако надлежитъ сказать и то, что въ нужныхъ явленіяхъ и прочіе актрисы и актеры довольно ему помогали.

Итакъ, благосклонные читатели, кажется мнѣ, что я вамъ въ предисловіи моемъ многоглаголаніемъ не наскучилъ. Вы знаете теперь, откуда взята сія комедія, что она передѣлана, а не точно переведе-

на, и вѣдаете, кѣмъ она успѣхъ въ представленіи получила. Я же, сказавъ сіе, сказалъ все, что мнѣ хотѣлось; но не забуду и того припомнить, что я навсегда стану стараться о доставленіи вамъ забавъ невинныхъ, которыя бы, питая вашъ разумъ и сердечныя чувствованія, увеселяли и зрѣніе ваше. И если труды мои не подадутъ вамъ никакой знатной пользы, такъ по крайней мѣрѣ снищутъ непорочное удовольствіе въ провожденіи праздная времени, которое часто бываетъ поползновеніемъ ко многимъ вреднымъ дѣламъ, отъ чего зрѣлищи удобно отвращать могутъ, ежели, съѣзжаясь въ нихъ, станутъ слушать представляемое, а не изъ себя посмѣшище дѣлать.

ПУСТОМЕЛЯ.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Въ первый разъ представлена на придворномъ россійскомъ театрѣ вмѣстѣ съ «Мотомъ».

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА,

СЪ ИМЕНАМИ АКТЕРОВЪ И АКТРИСЪ:

Прямиковъ. — *Г. Волковъ.*
Софья, дочь его. — Дѣвица *т. Чеканова.*
Мягкосердовъ. Шуринъ Прямикова. — *Г. Сечкаревъ.*
Пульхерія. — *Г. Дмитревская.*
Маремьяна. — *Г. Троепольская*
} Сродницы Прямикова, Говорунки.
Неумолковъ. — *Г. Дмитревскій.*
Добронравовъ. Племянникъ Неумолкова. — *Г. Поповъ.*
Дарья. Служанка Софьина. — *Дѣвица т. Михайлова.*
Слуга Неумолкова. — *Г. Ванслов.*

Дѣйствіе въ Петербургѣ, въ домѣ Прямикова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Театръ представляетъ посредственно убранную комнату.

ПРЯМИКОВЪ, СОФЬЯ И ДАРЬЯ.

ПРЯМИКОВЪ. А я тебѣ въ послѣднее говорю! Замолчи, зажми ротъ и отцу своему не противься.

Софья. Однако, сударь батюшка...

Прямиковъ. Опять заболтала, вѣтреная мельница! Ты очень смѣленька стала. Мнѣ кажется, что бы тебѣ и того надлежало бояться, что ты жениха своего въ досаду изъ дому выжила, а ты еще...

Софья. Я его, сударь, не выгоняла, а онъ самъ умчался и очень скоро назадъ придетъ.

Прямиковъ (*съ восхищеніемъ*). Не правду ли? Очень я тому порадуюсь, и для того теперь же поѣду къ нашимъ родственникамъ и хлѣбосольцамъ, позову ихъ сюда, и сегодня-жъ, не откладывая въ даль, сдѣлаю сговоръ и дѣвишникъ, а завтра, ежели Богъ дастъ здоровья, и свадьбу сыграю.

Софья. Ахъ! батюшка сударь, за что вы меня несчастною хотите...

Прямиковъ. Молчи, упрямица, и не показывай мнѣ, что у тебя языкъ такъ скоръ, какъ трещетка. Я уже это знаю, и знаю, что это тебѣ отъ покойной твоей матушки по наслѣдству досталось. Довольно я и отъ этой брюзгливой бабы потерпѣлъ, а отъ тебя терпѣть не стану.

Софья. Я васъ прогнѣвать, сударь, не желаю, а прошу послѣднюю сдѣлать милость и меня выслушать.

Прямиковъ. Ну болтай! Я потерплю и, въ послѣднія, дурачествъ твоихъ послушаю.

Софья (*упадаетъ къ ногамъ отцовскимъ*). Сдѣлай милость, батюшка сударь...

Прямиковъ (*съ досадою ее поднимаетъ*). Вотъ тебѣ на, тотчасъ и на колѣни! Я не люблю этихъ вздоровъ, которые ты изъ комедій выучила. Говори дѣло, стоя на ногахъ, а на колѣняхъ въ церкви Богу молись.

Софья. Помилуйте, сударь, меня и не отдавайте за господина Неумолкова; онъ вамъ скоро наскучитъ и вы будете жалѣть...

Прямиковъ. Вотъ еще что! яицы курицу учатъ. (*Передражнивая Софью*) «Онъ вамъ скоро наскучитъ и вы будете жалѣть». Замолчи, негодная, и не плачь напрасно, а то доведешь меня, что и въ подлинну будетъ о чемъ плакать. Слушай воли отцовской! Какъ скоро г. Неумолковъ пріѣдетъ, прими его ласково и удержи до моего пріѣзду, а я побываю у моего глупаго шуренка, который тебя съ твоею

матушкою избаловать изволилъ. И ежели тетка твоя здорова, то попрошу ее, чтобы она вмѣсто матери божьимъ милосердіемъ тебя благословила и надѣлила хлѣбомъ и солью такъ, какъ у всѣхъ добрыхъ людей водится. Я хотя въ Петербургѣ почти пять лѣтъ за дѣлами живу, однако все еще старины держуся, и для того отдаю тебя за умнаго, заслуженаго, честнаго и скромнаго...

Софья. Ахъ, сударь! онъ такъ скроменъ, что двадцати человѣкамъ въ день слова не дастъ выговорить.

Прямиковъ. Вотъ еще новая диковинка! Смотри, какая плутовка! она меня съ нимъ и поссорить думаетъ. Плачь себѣ сколько хочешь; больше плачешь, меньше... спишь. Не посмотрю я на твои слезы; знай, что быть тебѣ завтраже маіоршей, а можетъ статься и воеводшею нашего города... Дура! ты послѣ сама тому порадуешься, отъ чего теперь плачешь. Г. Неумолкова сегодня или завтра пожалуютъ воеводою, и онъ получитъ чинъ полковничій.

Софья. А я знаю, батюшка сударь, что ему воеводою не бывать, а будетъ племянникъ его Добронравовъ.

Прямиковъ. Ага! Теперь-то узналъ я, для чего ты за дядю нейдешь. Тебѣ племянничекъ-атъ полюбился; однако за этимъ молокососомъ не бывать тебѣ; не бывать, я говорю, и я теперь же заклинаю тебя, чтобы ты, ежели волею Божіею я и твой будущій мужъ г. Неумолковъ помремъ, то бы ты и послѣ насъ за Добронравова и за такихъ, какъ онъ, вертопраховъ не выходила; а ежели въ противность воли моей поступишь, такъ будь ты проклята!

Дарья. И, сударь! какъ вамъ не стыдно! За всякую бездѣлицу проклятіе у васъ готово, и ни что такъ не дешево, какъ брань и клятва...

Прямиковъ (*перерваши рѣчь Дарьину, ударилъ ее по щекѣ*). И пощечины для невѣжливыхъ рабовъ. (*Софьѣ*) Да и тебѣ, коли не умолкнешь, то же сорвется... Нутка!... Эге! Унялись, щекотуньи! Сидите-жъ дома, и чтобы кромѣ Неумолкова чужой мужчина и въ вороты къ вамъ не заглядывалъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Софья и Дарья.

Дарья. Я бы теперь невѣть что сдѣлала, лишь бы отмстить этому злому старику, и...

Софья. Не брани батюшку. Я хотя много отъ него терплю, однако волю его почитаю.

Дарья. Я этого, сударыня, не знала! Такъ вы и за Неумолкова выйдете, а Добронравова забудете?

Софья. У тебя тотчасъ упреки готовы, но только неправильные. Я вѣчно Добронравова не забуду и готова...

Дарья. Слушая умнаго своего родителя, выдти за скромнаго г. Неумолкова.

Софья. Оставь теперь ради Бога эти шутки, а посовѣтуй со мною. Неужли можешь ты подумать, что я за такого дурака выйду, который не переставая цѣлый день пустяки о себѣ мелетъ? Нѣтъ! я лучше все претерплю, нежели это сдѣлаю; только не знаю, чѣмъ отъ него избавиться.

Дарья. А я знаю чѣмъ. Надобно вамъ, сударыня, дядюшку своего о томъ увѣдомить, а онъ уже откроетъ нравъ Неумолкова вашему угрюмому батюшкѣ, который пуще всѣхъ людей говоруновъ не любитъ, и какъ скоро узнаетъ, что будущій вашъ женихъ пустомеля, то конечно намѣреніе свое перемѣнитъ.

Софья. Да лихъ Неумолковъ съ батюшкою не такъ еще знакомъ и не много при немъ говоритъ, и потому не льзя намъ будетъ...

Дарья. Оставьте мнѣ объ этомъ думать. Разболтаться ему еще неколи было, но я сдѣлаю, что онъ и при батюшкѣ вашемъ, забывшися, размелется и его разсердитъ, дайте лишь мнѣ съ дядюшкою вашимъ увидѣться. Да вотъ по счастію и онъ къ намъ пожаловалъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Софья, Мягкосердовъ и Дарья.

Мягкосердовъ. Что это? О чемъ ты, дорогая моя племянница, плачешь? Никакъ тебѣ безпутный твой родитель чѣмъ ни есть досадилъ!... Я конечно угадалъ? Тьфу! какой это несносный старикъ: имѣетъ прекрасную и умную дочь, а всегда ее журитъ и бранитъ, не давая ни на часъ покою. Но полно ли тебѣ плакать! Что же ты молчишь, Софьюшка?

Софья (*вздохнувши*). Такъ, сударь дядюшка!...

Мягкосердовъ. Безъ причины не плачутъ и не вздыхаютъ. Говори! Но я знаю, что ты на отца никогда мнѣ не жалуешься. Скажи хоть ты, Дарья?

Дарья. Изволите...

Софья (*Перервавши рѣчь Дарьину*). Молчи!

Мягкосердовъ. О, это ужъ мнѣ и досадно! Сама не говоритъ и людямъ запрещаетъ. (*Дарьѣ*) Сказывай скорѣе.

Дарья. Вашъ зятюшка хочетъ мою боярышню выдать замужъ за стараго, за глупаго, а что всего удивительнѣе, за болтливаго мужа.

Мягкосердовъ. Что? За болтливаго? Развѣ онъ въ эти три дня, какъ я съ нимъ не видался, и самъ сталъ разговорчивъ? Вѣдь онъ прежде словохотныхъ на смерть ненавидѣлъ.

Дарья. Онь еще таковъ же, каковъ былъ и прежде, только выдаетъ дочь свою за пустомелю и почти совсѣмъ незнакомаго ему человѣка.

Мягкосердовъ. Чудное слышу дѣло: выдаетъ дочь свою самъ не зная за кого и намъ не сказавши? Да кто-жъ таковъ этотъ женихъ? Развѣ онъ очень богатъ?

Дарья. Нѣтъ, сударь. Все его имѣніе и достоинство въ томъ состоитъ, что онъ нашего города воеводою будетъ; а какъ вашъ зятюшка до ябеды великій охотникъ, такъ хочетъ онъ имѣть воеводу родственникомъ, чтобы способнѣе чужія пустошки присвоивать и у сосѣдей скашивать хлѣбъ и сѣно.

Мягкосердовъ. Хотя ты и дерзновенно говоришь, од-

нако правду. Да какъ же зовутъ будущаго моего племянника? Я знаю, что къ намъ на воеводство двое маіоровъ просятъ, Неумолковъ и Добронравовъ; желалъ бы я Добронравова имѣть роднею.

Дарья. Да лихъ не по нашему желанію дѣлается, а отдаютъ вашу племянницу за Неумолкова.

Мягкосердовъ. Этому не бывать, покуда я живъ.

Софья. Если вы отъ того, меня, дядюшка сударь, избавите, такъ новую жизнь дадите.

Мягкосердовъ. Надѣйся на меня, племянница; ты будешь за тѣмъ, за кого добровольно захочешь. Но полно нѣтъ ли уже такого? Нутка! говори скорѣе! Ты закраснѣлась! Пожалуй меня не стыдися!

Софья. Я бы, сударь, вамъ сказала, ежели-бы...

Дарья. Куда какъ теперь эти «ежели-бы» не къ стати Я вамъ, сударь, сказываю, что она сколько Неумолкова ненавидитъ, столько Добронравова любитъ.

Мягкосердовъ. О! Этотъ выборъ не дуренъ, и я, племянница, твоего же мнѣнія. Мнѣ право Добронравовъ очень полюбился. Я ихъ обоихъ часто видалъ въ Герольдіи, а не зналъ, что они родственники, и сколько дядя съ перваго разу мнѣ сталъ противенъ, столько племянникъ понравился.

Софья. Когда вы, сударь, о моей любви узнали, такъ сдѣлайте, чтобы я была за Добронравовымъ и...

Мягкосердовъ. Будешь за нимъ; положись на мое слово. Только я не знаю, какимъ бы образомъ родителя твоего увѣрить, что будущій его зять великій пустомеля, а кромѣ этого, ничѣмъ его не доведешь...

Дарья. Не прогнѣвайтесь, сударь, что я рѣчь вашу перебью. Извольте моего совѣту послушать. Нашъ бояринъ поѣхалъ со двора съ тѣмъ, чтобы побывать увасъ, у всѣхъ сродниковъ и у друзей, и позвать ихъ сегодня на сговоръ, а завтра на свадьбу. Итакъ постарайтесь вы какъ возможно поскорѣе сюда пріѣхать вмѣстѣ съ вашими сватьюшками, съ госпожею Пульхеріею и Маремьяною...

Мягкосердовъ. А къ чему эти болтуньи потребны?

Дарья. Онѣ помогутъ вывесть наружу нравъ господина Неумолкова, который тотчасъ сюда будетъ. Пріѣзжайте лишь вы ранѣе всѣхъ и заведите споръ при нашемъ старичкѣ. Я васъ увѣряю, что будущій вашъ племянникъ тутъ

все забудетъ и такъ заврется, что моего боярина взбѣситъ и свадьбу разладитъ.

Мягкосердовъ. Вымыселъ, ей-ей, презрядный. Я это сдѣлаю и мои говорливыя сватьюшки тотчасъ сюда будутъ. Да вхожъ ли къ вамъ Добронравовъ?

Софья. Онъ прежде къ намъ хаживалъ, только сегодня батюшка запретилъ мнѣ съ нимъ больше видѣться.

Мягкосердовъ. Пусть его запрещаетъ! Ежели Добронравовъ къ вамъ придетъ, такъ пришлите его ко мнѣ; я васъ обнадеживаю, что воеводою будетъ онъ, а не дядя его. Итакъ и мужемъ-то твоимъ ему же быть должно.

Софья (*цѣлуя руку дядину*). Ахъ, дядюшка сударь, какую вы мнѣ милость дѣлаете!

Мягкосердовъ. Послѣ поблагодаришь и порадуешься. Я теперь же поѣду къ нѣкоторому знатному господину, старому моему благодѣтелю. Онъ Добронравову заступленіемъ своимъ помочь можетъ, и онъ для меня конечно это сдѣлаетъ. Прощайте!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Софья и Дарья.

Дарья. Ну, сударыня! Теперь вы видите, что надобно меня слушать. Ежели-бъ вы плакали и дядюшкѣ не открылись, такъ быть бы вамъ за Неумолковымъ.

Софья. Ты мнѣ очень много услужила и я тебя не забуду и стану всегда слушаться.

Дарья. Подите-жъ теперь въ свою комнату, и ежели Неумолковъ пріѣдетъ, то я скажу ему, что вы на часъ къ дядюшкѣ своему поѣхали и что просили его остаться здѣсь до пріѣзду вашего батюшки, и поручили ему, какъ домашнему человѣку, принимать и угощать всѣхъ гостей. Если же и Добронравовъ сюда будетъ, то я ему и безъ васъ скажу, чтобы онъ шелъ къ дядюшкѣ...

Софья. А я его не увижу?

Дарья. Всеконечно! Ежели васъ съ нимъ допустить увидѣться, то вы такъ же заговоритесь, какъ и Неумолковъ, и тѣмъ можете все дѣло испортить. Подите, сударыня, и ради Бога, не увидясь со мною, ни сюда, ни въ гостиную не выходите.

Софья. Хорошо! Я тебя послушаю, только скажи Добронравову, сколь нетерпѣливо желала я его увидѣть.

ЯВЛЕНІЕ V.

Дарья (*одна*). Слава Богу, что я ее уговорила, а то ежели бы она съ Добронравовымъ увидѣлась, такъ бы ихъ и въ часъ развести не льзя было. Я по себѣ знаю, что, говоря съ милымъ человѣкомъ, хотя объ одномъ дѣлѣ разъ по сту говоришь, однако не наскучишь другъ другу. А, да вотъ и Неумолковъ! Онъ что-то про себя говоритъ; подслушать-было.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Дарья и Неумолковъ.

Неумолковъ (*не видя Дарьи*). Тьфу къ чорту! Ничего досаднѣе для меня быть не можетъ, какъ ѣздя и ходя цѣлый день по городу, не сыскать никого, съ кѣмъ бы словцо промолвить. Ежели сыщешь словоохотнаго человѣка, такъ съ нимъ о комъ ни есть посудишь, надъ кѣмъ нибудь пошутишь, что нибудь ему скажешь, и о чемъ ни есть отъ него провѣдаешь. И ежели уже ни съ кѣмъ изъ равныхъ себѣ поговорить не случится, то хотя съ слугою въ передней покалякаешь, такъ и тѣмъ нѣсколько скуку прогонишь. Вотъ какъ напримѣръ вчера у совѣтника Недоумова, съ горничною жены его, дѣвкою...

Дарья. Не изволите ли теперь отъ скуки и со мною?

Неумолковъ. А! Это ты, Дарьюшка! Здравствуй, голубка моя. Какъ ты поживаешь? Я вижу, что ты въ добромъ здоровьѣ; радуюсь сердечно. Госпожа твоя такъ же ли, какъ ты здорова? Я думаю, что она благополучна; да и я слава Богу таковъ же здоровъ, какъ и давича былъ. Разставшись съ твоею госпожею, побывалъ я мѣстахъ въ двадцати, только никого, не только господъ, но и слугъ не засталъ дома, и сегодня не имѣлъ случая ни съ кѣмъ словца промолвить. Отъ васъ поѣхалъ я подъ Невской, и проклятая безпокойная ваша карета всего меня такъ разбила, что я почти не могу ни ногою, ни рукою ворохнуться. Изъ-

подъ Невскаго былъ я въ Сенатѣ, изъ Сената въ Военной, потомъ побывалъ на Литейной, съ Литейной въ Мѣщанской, изъ Мѣщанской на Галерномъ дворѣ, съ Галернаго двора въ Милліонной, изъ Милліонной поѣхалъ было въ ряды, но подъѣзжая къ Казанской, карета моя испортилась и помѣшала мнѣ еще разъ побывать въ Сенатѣ, въ Вотчинной, во дворцѣ и у князя Остроумова, гдѣ было уповалъ я словца два-три...

Дарья (*засмѣявшись, рѣчь его перебиваетъ*). А я нынѣшнимъ утромъ побывала на рынкѣ, а идучи съ рынку, отслушала обѣдню; пришедши домой, успѣла подать два раза кофей.

Неумолковъ. Послушай-ка!

Дарья (*не прерывая рѣчи говоритъ*). Разъ пять побывала я на кухнѣ; изъ кухни ходила я въ погребъ, изъ погреба въ кладовую, изъ кладовой въ овощную, изъ овощной въ людскую.

Неумолковъ. Замолчи, пожалуй.

Дарья (*говоритъ безпрестанно*). И успѣла умыться, нарядиться и прибрать всѣ комнаты; а во все это время какой-то господинъ Неумолковъ...

Неумолковъ. Дай хотя слово промол...

Дарья (*продолжаетъ*). Проговорилъ безпрестанно съ моею госпожею, и своими громкими разсказами такъ ей разскричалъ голову, что она у нея заболѣла, и прину...

Неумолковъ. Слушай же, дѣвушка, ты уже очень дерзновенна и эдакіе поступки тебѣ неприличны. Ежелибъ я не имѣлъ почтенія къ дому, то божусь, чтобъ ты меня узнала... Пользуйся моими словами, и говоря съ такими почтенными людьми, каковъ я, или лучше выбирай отвѣты, или молчанію научися.

Дарья. Молчаніе тяжелая для насъ наука, и мнѣ развѣ къ вамъ въ школу пойти ей научиться.

Неумолковъ. Я пожалуюсь на тебя моему тестю, которому, женясь на его дочерѣ, великую честь сдѣлаю. Знаешь ли ты, что я буду скоро твоимъ господиномъ? Твоей боярышнѣ, а моей женѣ, вышедши за меня, есть чѣмъ повеличаться. Она будетъ воеводша и полковница, супруга такого храбраго человѣка, который въ цѣломъ свѣтѣ извѣстенъ. Я знаю, что мой племянникъ къ ней подлипаетъ, однако я ее гораздо умнѣе почитаю и не думаю, чтобы

она не могла разобрать, кто изъ насъ достойнѣе. Онъ еще мальчишка, хотя и равный чинъ со мною имѣетъ, а я человѣкъ почтенный. Всѣ мужчины желаютъ отъ меня храбрости и разуму научиться, а красавицы въ слѣдъ за мною бѣгаютъ, на день писемъ по двадцати присылаютъ и за счастіе ставятъ, ежели я на нихъ ласковый взоръ вскину.

Дарья. Я, сударь, виновата, что объ этомъ до сей поры не знала, а узнавши, буду васъ почитать какъ должно. Да я уже и замѣшкала сказать вамъ, что боярышня моя просила васъ до ея пріѣзду не уѣзжать отсюда, и какъ человѣку домашнему, всѣхъ, кто ни пріѣдетъ, угощать и до хозяевъ удерживать.

Неумолковъ. Я охотно просьбу ея исполню и радуюсь, что она меня столько почитаетъ. Я ее и самъ такъ много люблю, что оставлю на нѣсколько часовъ нужное дѣло и здѣсь подомовничаю. Но мнѣ необходимо надобно написать пренужное письмо. Гдѣ я могу сыскать чернилъ и бумаги?

Дарья. Здѣсь въ бояриновой конторкѣ. У него и гербовая бумага на столѣ не переводится.

Неумолковъ. Я тотчасъ отдѣлаюсь; а ты, ежели кто сюда пожалуетъ, приди сказать мнѣ, а сама ни съ кѣмъ не заговаривайся.

Дарья. То-то язычекъ! Безпрестанно болтаетъ, а все говоритъ, что ни слова не съ кѣмъ промолвить. Но вотъ и господинъ Добронравовъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Добронравовъ и Дарья.

Дарья. Вамъ надобно тотчасъ идти къ отставному полковнику Мягкосердову. Онъ дядя вашей любовницы, и онъ обѣщался вамъ воеводскій чинъ выходить.

Добронравовъ. Я уже съ нимъ видѣлся и обо всемъ говорилъ. Мы съ нимъ повстрѣчались тогда, какъ онъ отъ васъ вышелъ, а я къ вамъ шелъ. Онъ меня обнадежилъ своимъ стараніемъ, и хотя я и безъ того уже вѣрно воеводство и чинъ сегодня получаю, однако я и его за милость поблагодарилъ, а онъ поѣхалъ просить за меня, почему я твердо уповаю, что чрезъ часъ можно будетъ меня поздравить. Да гдѣ-жъ твоя госпожа?

Дарья. Съ нею послѣ увидитесь. Какъ же я рада, что вы воеводою будете! Уже и этимъ однимъ надѣюсь я, что вы преимущество получите, и нашъ старикъ, оставя дядю, племянника въ зяти выберетъ. А если еще къ тому онъ узнаетъ, что Неумолковъ прямой *Неумолимый*, то онъ его ни за что роднею имѣть не захочетъ. Да подите-жъ отсюда, чтобы васъ соперникъ не увидѣлъ.

Добронравовъ. Развѣ онъ здѣсь?

Дарья. Въ этой конторкѣ письмо пишетъ.

Добронравовъ. Хорошо, я пойду, и буду у васъ въ сосѣдствѣ. Мнѣ Мягкосердовъ приказалъ себя у Ласкословова дожидаться, и хотѣлъ, какъ онъ къ вамъ пріѣдетъ, прислать за мною, и не знаю, для чего-то на нѣсколько минутъ внизу оставить.

Дарья. Объ этомъ можно догадаться. Да вотъ и Неумолковъ! Что вы надѣлали?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Дарья, Добронравовъ и Неумолковъ.

Дарья. Вотъ, сударь, первый гость пожаловалъ. (*Уходитъ*).

Неумолковъ. А! этотъ гость, я чаю, незваный и нежданый, и такъ онъ изволитъ милость сдѣлать и отсюда убраться. Чему же ты зубы то скалишь! Вотъ какое нынѣ отъ племянниковъ почтеніе! Ты у меня хочешь перебить невѣсту и перехватить воеводство, которое по смерти стараго воеводы порожнимъ осталось; полно, ни того, ни другаго не удастся. Мнѣ за храбрость мою все получить должно и я не говорю, что мнѣ еще и не то, по почтенію, по преимуществу, по службѣ и по старости моей принадлежитъ. Нѣтъ дружечикъ! Ты очень проворенъ, однако съ носомъ пойдешь отсюда. Да что-жъ ты молчать изволишь?

Добронравовъ. Ожидаю такого времени, въ которое не напрасно слова мои потрачу, а теперь вашимъ краснорѣчіемъ веселюся.

Неумолковъ. Болтай, пустомеля!

Добронравовъ (*продолжаетъ*). Только вы напрасно на меня сердитесь. Я думаю, что въ любви, не такъ какъ въ

чиновныхъ бесѣдахъ, службою и лѣтами не считаются. Да притомъ я такой же маіоръ, какъ и...

Неумолковъ. Такой-же какъ я? Вотъ право кстати тебѣ со мною равняться! Я тогда уже былъ офицеромъ, когда ты еще и ходить не умѣлъ. Я же находился невѣсть на сколькихъ баталіяхъ и своею рукою не одну сотню побилъ непріятелей, побралъ несмѣтное число пушекъ, знаменъ, штандартовъ и... (*утирается*). А ты, мой другъ, вѣдь только что съ материнской стороны и дворянскую-то кровь въ себѣ имѣешь, а родитель-то твой вѣдь былъ изъ подъячихъ, и онъ тогда еще и челобитной написать не умѣлъ, когда уже я подъ Перекопью въ первый разъ со ста человѣками прогналъ 3000 турокъ; а это было въ 1744 году, января 4 дня, пополудни въ 9 часу, въ шестой минутѣ, въ девятой секундѣ. Драка была горячая. Я чудеса дѣлалъ и порубилъ человѣкъ съ 30 а мой прапорщикъ, тутъ же руки и уха лишился, за что въ томъ же году поручикомъ отставленъ и теперь уже до совѣтника дослужился. Знаешь ли ты его жену? Она еще и нынѣ пригожа довольно, только слишкомъ поговорить любитъ. Я вчера у нея былъ и тамъ сошелся съ секретаремъ Оплетаевымъ. Видѣлъ ли ты его домъ, что онъ въ прошломъ году на прибыльныя отъ нескладнаго письма деньги выстроилъ? Домъ преизрядный. Я тотчасъ тебѣ его начерчу...

Добронравовъ. Мнѣ некогда будетъ дожидаться, а я пойду о моемъ дѣлѣ...

Неумолковъ. Поди, дружечикъ; но не бывать тебѣ воеводою. У меня есть пріятели, друзья, благодѣтели и патроны, и меня военные, приказные и придворные люди, — словомъ, всѣ меня знаютъ. За меня вступится баронъ Верхоглядовъ, совѣтникъ Прошлецовъ, полковникъ Несмѣяновъ, бригадиръ Гордеяновъ; короче, почти всѣ знатные бояра и всѣ модныя щеголихи, а особливо г. Нахалова, которая часто въ непринадлежащія до нея дѣла мѣшается, хотѣла за меня словцо замолвить, что непремѣнно и сдѣлаетъ, ежели обѣщанное ей подарю; итакъ, тебѣ не видать воеводства какъ ушей...

Добронравовъ. Ежели вы его получите, вамъ же лучше, а я...

Неумолковъ. А ты лучше всего сдѣлаешь, ежели изъ городу не допуская до стыда уберешься.

Добронравовъ. Однако Софья за вами не будетъ.

Неумолковъ. Не будетъ за мною?.. Льстись пожалуй пустою надеждою.

Добронравовъ. Надѣяться всякому позволено...

Неумолковъ. Помолчи и послушай людей, которые лучше твоего говорить умѣютъ.

Добронравовъ. И которые болтать любятъ.

Неумолковъ. А ты бы и любилъ, да не умѣешь. О, завистливый человѣкъ! Не имѣя дарованія говорить красно, сладко, велерѣчиво, плавно, бѣсится, слыша какъ я изъясняюсь; однако я на твою зависть плюю и...

Добронравовъ. Ей-ей! я вамъ не завидую; а еслибы хотѣлъ пустое говорить, и людямъ скучить...

Неумолковъ. Ты, а не я, людямъ скучишь. (*Говоритъ слугѣ своему, тутъ вшедшему*). Зачѣмъ пришелъ?

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же и слуга Неумолкова.

Слуга. Господинъ совѣтникъ Прошлецовъ приказалъ вамъ донесть, что онъ ждетъ васъ ѣхать просить о вашемъ дѣлѣ...

Неумолковъ. Тотчасъ буду. (*Говоря къ Добронравову*) Я такъ за краснорѣчіе мое славлюсь, что меня чудомъ почитаютъ, и я уже на третьемъ году говорилъ, столь чисто и складно, что всѣ мнѣ удивлялись, и однимъ днемъ бабушка моя мнѣ сказала...

Добронравовъ (*тихо*). Онъ, забывшись, опять заботался.

Слуга. Баронъ долго ждать васъ не хотѣлъ.

Неумолковъ. Въ минуту буду. (*Слуга уходитъ*). Она сказала мнѣ. То-то честная была женщина! Дай ей Богъ царство небесное! Я всѣ ея слова наизустъ помню; да полно, то, что въ робячествѣ услышишь, твердо въ памяти нашей остается. Она вдругъ отъ радости вскричала... (*кашляетъ*). Негдѣ тебѣ со мною тягаться. Ежели-бы ты былъ знатокъ въ химической исторіи, то бы я тебѣ физическую географію наизустъ сказалъ. Она мнѣ какъ военному человѣку очень потребна, и я учася читывалъ Навтома Гулфа и...

Добронравовъ (*смѣется*).

Неумолковъ. И я многое помню. Слушай! Читалъ ли ты въ одной книгѣ это преумное о физикѣ описаніе: «Если пригвоздить физику къ страннымъ преградамъ, то будетъ она подпорою умозрительству...»

Добронравовъ (*въ сторону*). Такому уму, какъ твой.

Неумолковъ (*сердясь*). Не перебивай пожалуй. «Она будетъ подпорою умозрительству и рычагомъ работанія.» Не прекрасно-ли это сказано?

Добронравовъ. Такъ кудряво, что я и не разумѣю.

Неумолковъ. Для того, что ты ничего не знаешь. Ежели-бъ ты по моему поломалъ голову, то былъ бы знающъ и до всего охотникъ. Я стихи лучшіе наизустъ вытвердилъ и изъ исторіи...

Добронравовъ (*въ сторону*). Онъ до горячки доврется.

Неумолковъ. Приливъ и отливъ воды, знаешь ли ты, отъ чего бываетъ? Это вещь тонкая и стóитъ, чтобы объ ней подумать. Она очень забавна. Только и исторія небросóвое дѣло. Кто съ нею поводится и такъ твердо, какъ я, наизустъ выучитъ, тотъ можетъ смѣло говорить со всѣми. Я лучшія мѣста по цѣлой страницѣ пересказать могу. Напримѣръ, какъ Александръ Македонскій сжегъ Трою и какъ Парисъ, сынъ Пріамовъ, Парижъ построилъ. Какъ Цесарь Августъ подъ Данцигомъ проигралъ Фарсальскую баталію; какъ Дарій персидскій разорилъ Карѳагену и какъ египетская царица Серафина башни до облаковъ построила, и какъ...

Добронравовъ (*кашляетъ*). Оставить его. Онъ еще, болтавши, задохнется. Прости, сударь!

Неумолковъ (*удерживаетъ*). Постой и еще ума наберися. Я все читаю; у меня книгъ шкапъ превеликій. Переплетъ прекрасный. Я знаю отъ доски до доски Лизарка и Саммандру, Полидора и Кариту, Аристея и Телазію, Двухъ турковъ, Сифа, Аглинскую сироту, Друга дѣвицъ, Густава Вазу и Увеселенія женскаго полу (*говоривши, опускаетъ Добронравова и сморкаетъ*).

Добронравовъ. А скуку добрыхъ людей, которую ты въ лицахъ представляешь? (*Уходитъ*).

Неумолковъ. Ага! стыдно тебѣ, невѣжа, меня слушать. О, наука дѣло божественное! Правда, что ученіе свѣтъ, а

неученіе тьма. (*Оглянувшись*) Вотъ какая скучная жизнь! словца не съ кѣмъ промолвить!

ЯВЛЕНІЕ X.

Дарья и Неумолковъ.

Дарья. Будетъ, сударь, съ кѣмъ. Теперь гости на дворъ пріѣхали; дядюшка будущей вашей супруги и двѣ его сватьюшки, которыя поговорить любятъ. Вы, я чаю, ихъ примите и угостите до пріѣзду хозяевъ.

Неумолковъ. Непремѣнно. Да гдѣ-жъ они? Я бы ихъ рѣчей охотно послушалъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Пульхерія, Маремьяна, Мягкосердовъ, Дарья и Неумолковъ.

Неумолковъ (*бросясь, дѣлаетъ превеликіе чины съ женщинами; а Мягкосердовъ говоритъ Дарьѣ тихо*).

Мягкосердовъ. Поди ты къ племянницѣ моей, и когда здѣсь споръ начнется, пусть и она выйдетъ. Я знаю, что зять мой тотчасъ домой будетъ, а Добронравовъ уже внизу, и онъ уже воевода.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Пульхерія, Маремьяна, Мягкосердовъ и Неумолковъ.

Мягкосердовъ. Полно вамъ чины дѣлать, а садитесь скоряе.

Неумолковъ. И я о томъ же прошу, сдѣлайте милость, сударыни. Лакей, стульевъ! (*Вносятъ стулья и всякій для себя беретъ. Неумолковъ возлѣ Маремьяны, она возлѣ Пульхеріи, а Мягкосердовъ у Неумолкова по лѣвую руку*).

Маремьяна. А гдѣ-жъ хозяинъ?...

Неумолковъ. Тотчасъ будетъ, сударыня.

Пульхерія. А будущая ваша?...

Неумолковъ. Также тотчасъ пріѣдетъ, и она просила меня до тѣхъ поръ, пока сама не возвратится, здѣсь похозяйствовать. Почему я, милостивыя государыни, покорно васъ прошу сѣсть побесѣдовать и поговорить; а я вашихъ разговоровъ послушаю и ими пользоваться стану.

Пульхерія. Хорошо, сударь! (*Садятся*). Каковъ вамъ Петербургъ...

Неумолковъ. Не очень, сударыня, понравился, и я не желалъ бы въ немъ быть больше.

Маремьяна. Ахъ, сударь! неужли-таки ни что въ немъ не понра...

Неумолковъ. Почти ничего и...

Пульхерія. Какъ? Мы столь несчастны, что...

Неумолковъ. Я и забылъ-было, мнѣ лишь это одно понравилось, что всѣ извощики здѣсь такъ прытко скачутъ, будто бы взапуски на бѣгунахъ бѣгаются, и часто людей давятъ. Да и это мнѣ потому лишь мило, что я съ молоду и самъ великій былъ охотникъ...

Маремьяна. А больше ничего...

Неумолковъ. Нѣтъ. Да и нынѣче напомянулъ я прежнюю охоту, и продавши въ Серпейскѣ лучшую деревню, купилъ...

Пульхерія. Да не о томъ теперь...

Неумолковъ. Прошу послушать. Купилъ самаго рѣзваго бѣгуна и къ нему скакуновъ такихъ, что никто меня не обгоняетъ, и хотя всѣ говорятъ, что я окупился, однако мнѣ денегъ право не жаль.

Маремьяна. А что-же вамъ больше всего не пон...

Неумолковъ. То, что во многихъ домахъ еще по старинному обходятся, и что почти всегда хозяина въ дѣлахъ по его должности, а хозяйку въ какомъ-нибудь домашнемъ упражненіи въ 7 часовъ поутру найдешь; не такъ какъ въ матушкѣ Москвѣ. Тамъ смѣло ступай почти ко всѣмъ въ 12 часу и вѣрно надѣйся, что хозяина въ шлафоркѣ, а хозяйку еще на постели найдешь.

Мягкосердовъ. Это, сударь, для того, что въ Москву многіе дворяне безъ дѣла проживаться пріѣзжаютъ, а въ Петербургѣ всѣ люди при должностяхъ.

Неумолковъ. Нѣтъ, сударь! Вы пристрастно судите и хотите лишь спорить.

Мягкосердовъ. Никакъ! ты правъ. И я...

Пульхерія. Однако мы знаемъ, что и въ Москвѣ...

Неумолковъ. Въ Москвѣ, сударыня, живутъ иначе, и мнѣ тамъ очень понравилось. Я хотя уже четвертый десятокъ доживаю, однако люблю повеселиться и съ молодыми молод...

Маремьяна. Да послушайте-жъ насъ...

Неумолковъ. Вы хотите опять свой Петербургъ защищать, только напрасно будете трудиться. Здѣсь еще старины и нѣмецкаго обычаю держатся; а особливо это дурно, что иныя хозяйки за домомъ, какъ будто бы прикащичьи жоны, смотрятъ, и я не могу отъ смѣха удержаться вспомня странныя... (*сморкаетъ*). Желаете ли, сударыня, знать пресмѣшные наряды, какъ въ иныхъ мѣстахъ въ нѣмецкой землѣ женщины наряжаются? Я бывалъ далѣ Риги. Подлинно есть чему посмѣяться... Мужчины, сударыня, такіе тамъ низкопоклонщики, что... Я бы вамъ показалъ, какъ они кланяются, да лихъ въ послѣднюю баталію жестоко я раненъ и не могу сжиматься... (*кашляетъ*).

Пульхерія (*Маремьянѣ*). Что это за человѣкъ? Онъ намъ и слова не дастъ промолвить.

Маремьяна. Я это вижу. А комедіи вамъ...

Неумолковъ. Ужаснымъ образомъ понравились, а особливо «Обвороженной поясъ», «Новопріѣзжіе», «Генрихъ и Пернилла», «Привидѣніе съ барабаномъ», и я очень жалѣю, что послѣднихъ двухъ не видалъ; а особливо того хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, какъ кучеръ дѣлаетъ фиглі и какъ онъ съ товарищами барабана пугается. Отъ этого, я чаю, животики со смѣху надорвешь! Я читая въ этомъ мѣстѣ надсѣлся смѣявшись, и можно сказать, что господа сочинители этихъ комедій великіе забавники. Подлинно, что умѣютъ они кстати пошутить и людей позабавить. Они и мертваго смѣяться принудятъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ-жъ и Софья.

Маремьяна. А! здравствуй, сударыня...

Неумолковъ (*кланяясь Софьѣ*). Ежели я еще и теперь хозяинъ въ домѣ, такъ прошу васъ сѣсть безъ чиновъ и

послушать разговору этихъ госпожъ. Я такъ плѣненъ ихъ рѣчами, что по сію пору не могу насытиться и не перебивая слушаю.

Софья. Что вамъ угодно, то и дѣлайте.

Мягкосердовъ. Сядемте и опять поговоримъ. (*Софьѣ, которая возлѣ него садится*) Отецъ твой скоро будетъ, а споръ уже начинается.

Пульхерія. И будущая ваша супруга до комедіи великая...

Неумолковъ. Это мнѣ очень пріятно, что она ихъ любитъ. Мы и у себя въ городѣ заведемъ...

Маремьяна (*Софьѣ*). Поѣдете ли въ будущую русскую комедію?

Софья. Поѣду...

Неумолковъ. Непремѣнно, мы вмѣстѣ съ нею будемъ, а какая?...

Пульхерія. Сказываютъ, что новая...

Неумолковъ. А какъ она называется; сударыни?...

Мягкосердовъ. «Пустомеля», сударь!

Неумолковъ. Какое это прекрасное названіе! Я знаю, что уже тутъ будетъ чему посмѣяться, и я нарочно подзову съ собою такихъ человѣкъ пять-шесть, которые этотъ порокъ въ себѣ имѣютъ. Мнѣ очень мило будетъ на нихъ смотрѣть, какъ они станутъ краснѣться.

Пульхерія. Жалуете ли вы, сударь, маскарады?

Неумолковъ. Я въ нихъ влюбленъ сударыня, и...

Маремьяна. На который же чаще ѣздите? Во дворецъ или къ Локателлію?

Неумолковъ. Не удалось еще побывать ни на одномъ и я, семь мѣсяцевъ здѣсь живучи, все почти въ хлопотахъ былъ, однако...

Пульхерія (*Маремьянѣ*). Кстати ты о Локателліи вспомнила. Въ послѣдній разъ у него случилось...

Неумолковъ. Я уповаю, презабавное дѣло.

Маремьяна. Тамъ всегда это...

Пульхерія. Послушайте-жъ меня...

Неумолковъ. Конечно, надобно людскія рѣчи слушать и всегда говорить тому, до кого придетъ очередь къ отвѣту.

Мягкосердовъ. Племянникъ мой говоритъ правду.

Неумолковъ. Всеконечно; я люблю людей послушать.

Пульхерія. Одна устарѣлая кокетка пріѣхала повидаться съ молодинькимъ любовникомъ...

Неумолковъ. Знаю, который на ея счетъ цугомъ разъѣзжаетъ.

Пульхерія. Нѣтъ, сударь...

Неумолковъ. Такъ, всеконечно.

Мягкосердовъ. Ты угадалъ; только она не хочетъ...

Неумолковъ. Я чаю, это полковница...

Пульхерія. Послушайте. Она хотѣла увидѣться съ любовникомъ, которому свое платье послала и который туда не бывалъ. Но она вмѣсто его нашла очень схожую съ нимъ маску и ей всю свою исторію открыла.

Маремьяна. Было чему посмѣяться...

Неумолковъ. А кто-жъ ея любовникъ, судары...

Пульхерія. Какой-то кирасирскій офицеръ.

Неумолковъ. И въ любви, также какъ и въ войнѣ, вездѣ наша братья кавалеристы.

Мягкосердовъ. Это правда.

Маремьяна. Да что-жъ вы не въ мундирѣ?

Неумолковъ. Въ угожденіе московскимъ красавицамъ, а въ досаду себѣ, скинулъ я воинскіе мои уборы. Любовь меня обезоружила; только не томите насъ, сударыня, и скажите имя этой кокетки?...

Пульхерія. Не пронесете-ль вы?

Неумолковъ. Божусь всѣмъ на свѣтѣ.

Мягкосердовъ. И я за него ручаюсь. Кстати-ли, чтобы такой скромный человѣкъ, какъ онъ...

Пульхерія. Это совѣтница Назойлова...

Неумолковъ. Двоюродная сестрица госпожи Неонилы, жены покойнаго...

Мягкосердовъ. А гдѣ, сударь, нынѣча эта женщина?

Маремьяна. Въ Москвѣ.

Неумолковъ. Никакъ, сударыня! Она въ Казани и вышла замужъ.

Пульхерія. Это не правда; она мнѣ хорошій другъ.

Маремьяна. Я отъ нея двѣ недѣли тому назадъ какъ письмы имѣю...

Неумолковъ. А я вчера слышалъ...

Пульхерія. Она еще выдти хочетъ и...

Неумолковъ. А я говорю, что она уже вышла, и мнѣ

знать лучше можно, потому что она мнѣ двоюродная невѣстка.

Мягкосе́рдовъ. Это правда. Кому-жъ знать, ежели не ближнимъ сродникамъ?

Неумолковъ. Вы правильно говорите.

Маре́мьяна. И хорошимъ пріятельницамъ.

Пульхерія. Которыя вмѣстѣ взросли.

Неумолковъ. И родственнику, который...

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ-жъ и Прямиковъ.

Прямиковъ. Я сердечно радуюсь, что вы всѣ здѣсь.

Неумолковъ, Маремьяна и Пульхерія. И мы также, сударь.

Неумолковъ. Просимъ сѣсть и немножко послушать.

Прямиковъ (*Мягкосердову, съвши возлѣ дочери своей*). Каковъ тебѣ зять-то мой кажется?

Мягкосердовъ. Молодецъ преизрядный, и очень словохотный.

Пульхерія. А я готова невѣдь что держать, что...

Неумолковъ. Прозакладую все имѣніе, ежели...

Маремьяна. Готова всѣми муками клясться...

Неумолковъ. А я вамъ ясно докажу.

Прямиковъ. Да о чемъ этотъ споръ?

Мягкосе́рдовъ. О дѣлѣ, въ которомъ будущій твой зять правъ, какъ солнце.

Неумолковъ. Такъ сударь! И я докажу поколѣнною росписью, что въ нашемъ родѣ лгать не умѣютъ.

Маремьяна. А я обличу васъ письмами, что она въ Москвѣ.

Неумолковъ. А я увѣрю, что она въ казанскомъ уѣздѣ и въ Волгѣ домъ себѣ постро... (*всѣ засмѣются*) на Волгѣ домъ построила...

Пульхерія. Я отъ недавно пріѣзжихъ изъ Москвы слышала, что она выходитъ за совѣт...

Прямиковъ. Да оставьте этотъ споръ. Надлежитъ теперь...

Неумолковъ. Потерпите немножко. Пусть женскій языкъ повеселится. Я тотчасъ домой пошлю, а до тѣхъ поръ...

Пульхерія. Говори, что хочешь...

Неумолковъ. Я говорю правду...

Маремьяна. Я лучше доказать могу...

Прямиковъ. А я для меня прошу перестать...

Неумолковъ. Вы мнѣ позволите...

Пульхерія. Она будетъ за совѣтникомъ Толстосумовымъ.

Маремьяна. Точно такъ!

Неумолковъ. А она ужъ есть за полковникомъ...

Мягкосердовъ. Точно такъ!

Прямиковъ. Да уймитесь же, ради Бога, или...

Пульхерія. Женихъ ея человѣкъ богатый...

Маремьяна. Въ Москвѣ три дома каменныхъ имѣетъ.

Неумолковъ. Никакъ. Въ казанскомъ уѣздѣ триста, а въ пензенскомъ семьсотъ душъ.

Прямиковъ. Полно! Пойдемте о свадьбѣ помыш...

Неумолковъ. Послушайте ихъ...

Маремьяна. Она будетъ жить въ довольствіи.

Пульхерія. И можетъ дочь свою выдать...

Прямиковъ. Что это за дьявольщина! уймитесь, или я уйду.

Мягкосердовъ (*Неумолкову*). Докажи имъ, что ты правъ.

Неумолковъ. Однако, сударыня...

Пульхерія и Маремьяна. Однако, сударь.

Прямиковъ. Что это за проклятый крикъ!

Неумолковъ, Маремьяна и Пульхерія (*говорятъ вдругъ*).

Неумолковъ. Напрасно спорятъ мнѣ въ томъ, что я утверждаю. По моей родословной узнаютъ, что мнѣ лучше другаго объ этомъ дѣлѣ вѣдать надлежитъ, потому что отецъ мой въ 1734 году, марта 7 дня, пополудни въ 5 часу, самъ мнѣ сказывалъ.

Маремьяна. А какъ она мнѣ съ самаго робячества знакома, и всегда ко мнѣ прямую дружбу и довѣренность имѣла то нынѣ, не могши говорить со мною, часто ко мнѣ пишетъ, и я ей на всякое письмо отвѣчаю.

Пульхерія. Сказать вамъ, государь мой, правду, вы напрасно споритесь и вамъ въ стыдѣ остаться. Я тотчасъ

домой пошлю, и мнѣ есть чѣмъ уличить ваше неучтивое упрямство. Вы хотите насъ переговорить.

Прямиковъ. Чтобы дьяволъ ихъ побралъ! Экой крикъ! Хуже кабака! Пусть кто хочетъ имѣетъ тебя зятемъ. Радъ я, что тебя узналъ *(уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Маремьяна, Пульхерія, Софья, Мягкосердовъ и Неумолковъ.

Мягкосердовъ *(смѣется и говоритъ Софьѣ)*. Мы желаемое получимъ.

Неумолковъ. Что вы ни говорите, сударыни, однако Нениля близкая мнѣ сродница и жена двоюроднаго моего брата Василья, сына серпейскаго дворянина Филидорова и внука маіора Строфокамилова, который по прямой линіи былъ племянникъ по мужескому поколѣнію игумну Пустосельскому, который имѣлъ отца, храбраго человѣка, который противъ татаровъ, поляковъ, чеховъ и ляховъ неоднократно сражался, и который сочетался законнымъ бракомъ на кумѣ своей, вдовѣ Агафьѣ Максимовнѣ, отъ которой имѣлъ онъ... отъ которой... отъ которой онъ... онъ имѣлъ четверыхъ сыновей, которые... *(сморкаетъ)*.

Мягкосердовъ (*Софьѣ*). Пойдемъ къ отцу. Онъ теперь конечно намѣреніе отмѣнитъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Пульхерія, Маремьяна и Неумолковъ.

Пульхерія. Который, которая и которыхъ. Экой проклятый Пустомеля!

Неумолковъ. Отъ тѣхъ сыновей произошли семнадцать поколѣніевъ мужескихъ и одна дочь, которую, какъ я точно помню, звали Василисою.

Маремьяна. Чтобы дьяволъ его побралъ! не дастъ слова промолвить.

Неумолковъ. И оная Василиса была замужемъ, и съ стороны мужа своего ввела въ нашъ родъ прозвищи Гово-

руновыхъ и Болтуновыхъ, изъ которыхъ знаменитѣе всѣхъ былъ прадѣдъ моего двоюроднаго брата и мужа вышерѣченной Ненилы. Этотъ дѣдъ, или отца его отецъ, былъ весьма на меня похожъ... (*утирается*).

Пульхерія. О, такъ болтанье-то у васъ болѣзнь поколѣнная!

Неумолковъ. Я имѣю его портретъ. Онъ на меня какъ капля воды на другую походитъ, и такъ по этому видѣть можно, что часто рѣченная Ненила не дальная мнѣ свойственница, и я ея родъ такъ-же, какъ и свой знаю; она... (*кашляетъ*).

Маремьяна. Чортъ тебя возьми съ твоими съ этими, съ которыми и съ ними! Я уйду.

Неумолковъ. Мы происходимъ прямо отъ вышедшихъ изъ золотой орды мурзъ, а именно... примѣчайте хорошенько, сударыни... (*сморкаетъ*).

Пульхерія. Что ты болтунъ совершенный.

Неумолковъ. Извольте слушать. Дѣдъ ея былъ наѣздникъ. Онъ три раза прогонялъ крымскаго хана; былъ полковникомъ, наконецъ въ отставкѣ почетнымъ человѣкомъ; а трое дѣтей его въ разныя пошли службы. Большой Иванъ по прозвищу Скоромеловъ, былъ...

Маремьяна и Пульхерія. Такой же несносный враль, какъ и ты (*уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Неумолковъ (*одинъ*). Воеводою въ нашей провинціи. За нимъ слѣдовалъ его сынъ Андрей; у Андрея было пятеро дѣтей: Петръ, Самсонъ, Фролъ, Сафронъ и Феодулъ; но четверо старшихъ умерли, итакъ младшій сынъ его Феодулъ заступилъ оное мѣсто, по смерти котораго я хочу и долженъ быть его преемникомъ по снисходящему поколѣнію, потому что мнѣ движимое и недвижимое имѣніе ихъ досталось, и я съ отцомъ его служилъ вмѣстѣ въ турецкихъ, крымскихъ, шведскихъ и прусскихъ походахъ.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Неумолковъ и Дарья.

Неумолковъ. Гдѣ мы довольно прославились, и наконецъ я теперь сюда пріѣхалъ, чтобы показать славу мою и въ дѣлахъ гражданскихъ такъ, какъ мои предки въ военныхъ показали, а именно: прадѣдъ противъ татаръ, дѣдъ противъ поляковъ, отецъ противъ шведовъ. Не прогнѣвайтесь сударыни, если я вамъ скажу, что мой отецъ не очень любилъ говорить съ женщинами и отъ нихъ чужался; только я...

Дарья. Вы не таковы, а очень учтивы.

Неумолковъ. Ба! Это ты, Дарья! А здѣсь уже никого нѣтъ! Этого я право и не примѣтилъ. Прахъ возьми вашихъ болтливыхъ женщинъ! Онѣ безконечные любятъ разговоры и хотятъ, чтобы все онѣ говорили и кричали, а людей послушать не думаютъ. Не приведи Богъ съ говоруньями въ рѣчь пуститься!

Дарья. Ну, сударь! вы теперь подлинно себя оказали. Что это? Переговорить, оспорить, побѣдить и выгнать двухъ самыхъ болтливыхъ женщинъ!

Неумолковъ. Перестань!

Дарья (*продолжаетъ*). Да еще такихъ, которыя весь городъ переспоривали и съ которыми никто не осмѣливался сразиться.

Неумолковъ. Уймись, болтунья!

Дарья (*говоритъ*). Теперь уже вы, какъ совершенный говорунъ, заслуживаете, чтобы васъ за деньги смотрѣть приходили.

Неумолковъ. Экая щекотунья! Не шути пожалуй. Вотъ какіе поклепы! Я не успѣлъ почти рта разинуть и четырехъ словъ выговорить, а на меня и невѣдь что сказали; но я пойду къ твоему господину.

Дарья. Подождите его здѣсь, а между тѣмъ прочтите это письмо, которое принесъ къ вамъ человѣкъ незнакомый.

Неумолковъ. А! оно отъ моего пріятеля. (*Читаетъ*):

«Когда уже съ вами поговорить не льзя добиться, такъ я

«намѣрился отписать къ вамъ. Вы своею медленностью мѣ«сто потеряли и оно отдано вашему племяннику, который до«казалъ, что онъ человѣкъ попечительный.»

Дарья. Въ письмѣ правда написана и я писца похваляю.

Неумолковъ. Несправедливость, мнѣ показанная, очень обидна; но я буду имѣть удовольствіе кричать о томъ повсемѣстно... Однако, Софья меня за то наградитъ.

Дарья. Коли ее получите. Я чаю, что племянникъ и тутъ лучше дяди проворство свое окажетъ.

Неумолковъ. Не бывать этому.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Прямиковъ, Мягкосердовъ, Софья, Добронравовъ, Неумолковъ и Дарья.

Прямиковъ (*идучи, говоритъ Добронравову*). Ты теперь же услышишь, что я ему откажу. Мнѣ Пустомеля всѣхъ людей противнѣе.

Неумолковъ (*племяннику*). А ты зачѣмъ здѣсь, неучтивецъ? (*Прямикову*). Я, сударь, ожидаю васъ для окончанія...

Прямиковъ. Я окончалъ дѣло съ воеводою нашей провинціи. Вотъ онъ! Онъ твой племянникъ, а мой зять. Ты же съ своимъ велерѣчіемъ ищи въ другомъ мѣстѣ невѣсты.

Неумолковъ. Какъ, сударь! Неужли вы такъ скоро могли перемѣнить свои мысли, и данное мнѣ слово?

Прямиковъ. Когда я давалъ тебѣ мое слово, тогда еще не зналъ тебя совершенно, но теперь узналъ я, что ты внукъ болтливаго дѣда и что ты прозвище свое дѣломъ доказывать любишь.

Неумолковъ. Вотъ какая напраслина!

Добронравовъ (*Неумолкову*). Однако, дядюшка, вы можете на свадьбѣ у меня остаться, и я не таковъ грубъ, какъ вы, и васъ отсюда не выгоняю

Неумолковъ. Я самъ не останусь.

Дарья. Меня недавно учили вы молчанью, а сами друзей, сродниковъ, любовницу...

Неумолковъ. Зажми ротъ!

Дарья (*говоритъ*). А сами любовницу и мѣсто потеряли, за то, что молчать не умѣли.

Неумолковъ. Молчи, болтунья!

Прямиковъ. Не она, а ты. Прости, господинъ Пустозвяковъ.

Мягкосердовъ. Впередъ не вездѣ безъ помыслу въ пустыя рѣчи пускайся.

Неумолковъ. На эдакія ядовитыя слова отвѣтствовать я ничего не буду, но чтобъ отъ того утѣшиться, пойду и кто сперва на глаза попадетъ, тому и разскажу смѣшное это дѣло. (*Оборотясь къ зрителямъ*) Послушайте, мои государи, и вы словъ пять-шесть. Я бы самъ противъ себя погрѣшилъ, коли-бъ ушелъ не промолвивъ съ вами. Ежели по счастію я васъ болтаніемъ моимъ развеселилъ, такъ докажите мнѣ свое удовольствіе; а ежели къ досадѣ моей вамъ наскучилъ, то благоволите разойтиться по домамъ, не сказавъ ни слова, и навсегда берегитесь моего порока. Я и самъ теперь узналъ, что Пустомеля человѣкъ глупый, скучный, несносный, гнусный и... Уймите-же меня, или я вамъ и въ подлинну наскучу!

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

[НАГРАЖДЕННОЕ ПОСТОЯНСТВО].

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ «НАГРАЖДЕННОМУ ПОСТОЯНСТВУ».

Вездѣ, а особливо у насъ, на всякое сочиненіе осуждатели легко сыскиваются. Ни единая строка, въ печать изданная, не минуетъ странныхъ переговорокъ, и у насъ не только что хулятъ, но многіе и поносятъ трудившагося, не дѣлая надлежащаго опроверженія съ доказательствами, и не смотря на то, что тѣмъ каждый изъ нихъ удостовѣряетъ свое о семъ правилѣ незнаніе, что *брани не суть доказательства*. По моему мнѣнію, всякій человѣкъ, увидя другаго въ ослѣпленіи, долженъ всевозможно стараться подать оному просвѣщеніе, и чрезъ то его исправить и привесть на путь истины. Сіе называется и вѣчно называться будетъ долгомъ истиннаго гражданина и честнаго человѣка, желающаго пользы, какъ своему отечеству, такъ и всей ему подобной твари. Чрезъ неосновательную хулу и язвительныя слова познается зависть и злосердіе, ужасныя чудовищи, нетерпящія ни чьего благополучія; а чрезъ порядочное погрѣшностей осужденіе и чрезъ поданіе совѣтовъ къ исправленію оныхъ открывается добронравіе и искренность, драгоцѣнныя качествы, родъ смертныхъ украшающія. Колико первыя гнусны, толико послѣднія похвальны, и казалось бы, что всѣ мои одноземцы, или непремѣнно уже большая часть, къ хорошему прилѣпляться будутъ; но къ стыду нашему видимъ мы много пристающихъ къ злоязычеству и не пекущихся о добромъ объ нихъ отзывѣ. Уже не невѣжество ли тому причиною? Дѣло сбыточное. Но отъ чего бы то ни происходило, только и такія сочиненіи отъ нихъ поруганіе претерпѣвали, которыя и отъ знающихъ людей бывали похваляемы; мнѣ же, вѣдавъ сіе, не трудно было предузнать, что первая часть моихъ трудовъ конечно хулы не избѣгнетъ, чего и я ожидалъ; но не ожидалъ вмѣсто осужденія услышать ругательства, а особливо отъ такихъ людей, которые трудовъ моихъ и не читывали. Чаяніе мое на томъ основывалось, что невиданаго хулить не позволяется людямъ, разсудокъ имѣющимъ, а мои противники отъ многихъ таковыми и до нынѣ почитаются. Но я понапрасну былъ объ нихъ толь хоро-

шихъ мыслей. Они ихъ недостойны, и они, силясь прослыть многознающими, все, что другіе ни напишутъ, безъ изъятія опровергаютъ. Лишь только они провѣдали, что я комедіи мои печатать отдалъ, то съ того же часа начали поносить меня, и оное ежедневно усугубляютъ. Что же мнѣ противъ ихъ дѣлать? Лучше всего оставить ихъ въ покоѣ. Пусть они на бездѣльѣ языкъ чешутъ. Я конечно противурѣчіемъ ихъ не безоружу, если уже не возмогъ обезоружить и собственнымъ моимъ о слабостяхъ моихъ признаніемъ. Къ тому же оные завистники—трудовъ моихъ вовсе обезславить и не въ силахъ, потому что не всѣ читатели слѣпо имъ послѣдуютъ. Много было и есть такихъ, которые къ моимъ начальнымъ трудамъ благосклонны были. И такъ я, согласуясь съ оными, не по большому ихъ числу, но по ихъ добросердечію, выдаю и вторую часть къ ихъ удовольствію, и сіе предисловіе пишу для показанія имъ моего усерднаго желанія къ поддержанію нашего театра, не смотря на то, что многіе, меня ненавидящіе, смѣются надъ тѣмъ, что я при всякой комедіи пишу предисловія, которыя они называютъ ничего значущими. Но таковы ли оныя, какъ объ нихъ молву распускаютъ, предаю на разсужденіе благоразумныхъ и безпристрастныхъ читателей.

Уже тому близко трехъ лѣтъ, какъ сія комедія переведена мною изъ театральныхъ сочиненій господина *Кампистрона*. Тамъ именуется она L'Amante Amant, и у меня въ переводѣ *Любовницею любовникъ* сперва названа была. Подъ симъ именемъ первый нашъ актеръ господинъ *Дмитревскій* выпросилъ ее у меня на театръ для представленія, и по прошествіи года не сыгравъ ее, просилъ меня, чтобы я въ послѣднемъ дѣйствіи, гдѣ *Пульхерія* и *Марья* изъ мужескаго платья въ женское переодѣваются, или бы придѣлалъ новое явленіе, или бы распространилъ старое для предосторожности, дабы отъ переодѣванія не прервалась комедія. Увидѣвъ, что сія просьба невеликаго труда мнѣ стоитъ, и любя угождать всѣмъ честнымъ людямъ, а особливо знакомымъ, я оную и исполнилъ, и притомъ же случаѣ, сказать по просту, за одинъ пріемъ, переименовалъ я и комедію, назвавъ ее *Напраженнымъ постоянствомъ*, потому что *Любовница любовникъ*— названіе весьма не изобразительное. Поступивъ на сіе, пустился я и на прочее, то есть, склонилъ оное сочиненіе на свои нравы и перемѣнилъ имена французскія, которыя на нашемъ языкѣ въ переведенныхъ комедіяхъ, когда онѣ представляемы бываютъ, странно отзываются, а иногда слушателей и отъ вниманія удаляютъ. Сіе говорю я о тѣхъ комедіяхъ, которыя вовсе на наши нравы несклонены, а точно переведены; и когда уже въ оныхъ одни имена бываютъ неприличны, не дѣлая примѣчанія на прочее, что намъ несвойственно, то бы уже въ такой все чужеземское гораздо страннѣе показалось, которая по колику можно склонена на русскіе обычаи; а къ таковому склоненію побужденъ я слѣдующимъ.

Мнѣ всегда несвойственно казалось слышать чужестранныя рѣченія въ такихъ сочиненіяхъ, которыя долженствуютъ изображеніемъ нашихъ нравовъ исправлять не столько общіе всего свѣта, но болѣе участные нашего народа пороки; и неоднократно слыхалъ я отъ нѣкоторыхъ зрителей, что не только ихъ разсудку, но и слуху противно бываетъ, ежели лицы, хотя по нѣскольку на наши нравы походящія, называются въ представленіи *Клитандромъ*, *Дорантомъ*, *Циталидою* и *Кладиною*, и говорятъ рѣчи, не наши поведеніи знаменующія. Негодованіе сихъ зрителей давно почиталъ я правильнымъ и всегда съ онымъ былъ согласенъ; но вдругъ на передѣлываніе комедіи не смѣлъ я пуститься. И если говорить истину, то всякій невычищенный, то есть на нравы того народа, предъ коимъ онъ представляется, несклоненный въ драмѣ образецъ покажется на театрѣ не что иное какъ смѣсь — иногда русскій, иногда французскій, а иногда обоихъ сихъ народовъ характеры вдругъ на себѣ имѣющій. Давно примѣтно мнѣ оное было, но я ожидалъ начала отъ тѣхъ людей, которые больше меня свѣдѣнія въ театрѣ имѣютъ, и не отважась вдругъ на преложеніи, переводилъ вольно, что свидѣтельствуетъ *Ревнивой*, въ прошломъ годѣ представленный. Но какъ я наконецъ день отъ дня болѣе въ свой театръ вникать сталъ, то еще яснѣе примѣтилъ, что вышесказанныя причины дѣйствительно производятъ въ зрителяхъ великое неудовольствіе; и посему предпріялъ я, не доводя ихъ по пущія досады, передѣлать всѣ мною переведенныя комедіи, и для того *Любовницею любовникъ* началъ. Зрители имѣли бы довольную причину негодовать на меня, если бы *Тимандръ*, у меня *Евграфомъ* названный, въ самомъ лучшемъ мѣстѣ сея комедіи, а именно въ третьемъ дѣйствіи, говоря сатиру на необузданный партеръ, сталъ вплетать чужія имена и рѣченія, которыя бы не нашихъ жителей осмѣивали. Сіе бы для всякаго было непріятно, а прямыхъ бы знатоковъ на меня жестоко огорчило, и хотя оныхъ у насъ мало, однако я ихъ большому числу предпочитаю. И такъ, если бы *Тимандръ* слѣдующее при нихъ выговорилъ: «*Едва успѣлъ я изъ Фландріи пріѣхать, такъ уже и просили меня старые знакомцы испортить новую, изъ Ліона присланную комедію, которая къ представленію на Королевскомъ Театрѣ назначена*». Ежели бы онъ сіе при нихъ сказалъ, то бы на тотъ разъ преселилъ ихъ изъ Петербурга въ Парижъ, а можетъ быть и столько бы имъ досадилъ, что и изъ театра бы выгналъ; а я того то и не желаю. Лучше нѣсколько человѣкъ знающихъ имѣть зрителями, которые и правильно осуждаютъ, и отдаютъ безпристрастную похвалу, нежели толпу невѣждъ, которые, сами ни о чемъ судить не могши, послѣдуя слышанному, и хулятъ и восхищаются. Полно, не одинъ изъ *Евграфовой* рѣчи здѣсь предложенный примѣръ бываетъ отвратителенъ, какъ прямымъ знатокамъ, такъ и начинающимъ вникать въ красоту зрѣлищъ и въ пользу, отъ нихъ получаемую; есть

еще многія и самыя малыя выраженіи; напримѣръ, я недавно изъ *Марселіи* пріѣхалъ, или я гулялъ въ *Тюльеріи*, былъ въ *Версаліи*, видѣлся съ *викомптомъ*, посидѣлъ съ *маркизою*, и прочее чужеземское. А таковыхъ погрѣшностей и въ переведенныхъ мною комедіяхъ много; но я, желая сберечь вышеписанныхъ зрителей при представленіи комедій, моими трудами на зрѣлище доставленныхъ, оныя, какъ уже выше сказано, скоро исправлю, потому что они мною переведены для представленія, а что сперва такъ выданы были, тому время виновно. Я послѣдовалъ прежде начавшимъ, а оные можетъ быть тогда по нуждѣ отъ слова до слова переводить начали, что бы чѣмъ ни есть поддержать возстановленный театръ, подлинныхъ комедій не имѣющій.

Вотъ вина передѣланію сея драмы, и если бы я объ ней одной говорилъ, то бы симъ и заключить могъ; но мнѣ, печатая въ одной части двѣ преложенныя комедіи, непремѣнно надлежитъ сказать нѣсколько словъ о общественномъ прелаганіи комическихъ сочиненій и о пользѣ отъ того приносимой; а сказавъ сіе, принужденъ я буду противъ воли моей упомянуть о большей части нашихъ зрителей.

Съ самаго того времени, какъ началось преложеніе комедіи, нѣкоторые люди безъ всякой причины стали жестоко негодовать и по нынѣ негодуютъ за сіе, не только невинное, но и доброжелательное намѣреніе, и оное вовсе отвергаютъ. Три въ прошломъ годѣ представленныя комедіи: *Французъ Русской* (*), *Коріонъ* (**) и *Награжденная добродѣтель* (***) вытерпѣли жестокое нападеніе, и хотя оное совсѣмъ неосновательно было, однако многихъ поборниковъ по себѣ имѣло. Словомъ, ничто не могло удержать ядовитой зависти, на нихъ вооружавшейся: не только удовольствіе многихъ зрителей, ниже благоволеніе, отъ двора оказанное. Но не мнѣ защищать передѣлавшихъ сіи комедіи. Первый изъ нихъ и одною при-

---

(*) Изъ театра барона Голберга преложена статскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ господиномъ Елагинымъ. Въ оной четыре главныя лица: герой, его отецъ, мать и тесть, живо нашихъ образцовъ представляютъ, и сія комедія очень нужна для отученія многихъ молодчиковъ отъ вздорнаго и постыднаго французскимъ шалостямъ подражанія.

(**) Изъ дѣлъ господина Грессета, гдѣ она подъ именемъ Сиднея всему ученому свѣту извѣстна, передѣлана и переименована господиномъ фонъ-Визинымъ.

(***) Подлинное сочиненіе англичанина господина Гюма, именуемое «Вольный домъ или Шотландка»; на французскій языкъ преложено господиномъ Вольтеромъ; а съ онаго уже на россійскій господиномъ Ельчаниновымъ; и сія драма, преобразившись въ нашу одежду, обогащена еще многими изящными мыслями.

чиною, которая его къ преложенію побудила, совершенно уже оправданъ, не пріобщая къ тому прочихъ его въ письменахъ трудовъ; а послѣдніе оба, имѣя больше меня способности и знанія, сами всѣхъ неосновательныхъ осуждателей, которые на нихъ нападали, если захотятъ, безъ труда усмирить могутъ, ибо на правду словъ мало надобно. Я же и за себя съ ними не хочу перебраниваться, а упомяну единственно только ихъ смѣха достойное возраженіе.

Едва успѣлъ *Пустомеля*, показавшись на театръ, пріобрѣсть къ себѣ благоволеніе, такъ и возобновилъ отъ ненавидящихъ передѣлыванія комедіи строгое и на нѣсколько времени утихшее нападеніе, которое по напечатаніи умножилось. И когда хула не помогла, тогда уже единою бранью опорочивали сію преложенную комедію, и она совсѣмъ противное въ оныхъ судіяхъ произвела дѣйствіе, нежели люди, свойство зрѣлищъ знающіе, ожидать могли. Осмѣяніемъ *Пустомели* надлежало уповать исправленія въ людяхъ, сей слабости подверженныхъ; что въ тѣхъ, которые еще не вовсе благонравіе истребили, и послѣдовало; но въ оныхъ, безъ помыслу на преложеніе комедіи, а болѣе на меня нападающихъ, сей порокъ усугубился, и они сдѣлались совершенными *Пустозвяками*. Всѣ ихъ опроверженіи единственно въ болтаніи заключаются, и побожиться можно, что въ ихъ рѣчахъ никто не сыщетъ не только сильнаго и правильнаго возраженія, но и простонародныхъ мыслей, а услышитъ одинъ крикъ, и они лишь слѣдующими словами всегда мнѣніе свое утверждаютъ: «*Передѣлывать комедіи стыдно для преплателя, а потому безчестно и для его однозем цовъ. Лучше-де свои подлинныя дѣлать, или надъ чѣмъ нибудь полезнымъ трудиться*». Вотъ всѣ ихъ доказательства! Но надлежитъ ко всякому рѣченію прибавить по нѣскольку бранныхъ словъ, на лицо труднвшагося произносимыхъ. Читатели не должны сему дивиться, ибо брань есть обыкновенное сущихъ невѣждъ оружіе. Мнѣ же кажется, что не комедіи передѣлывать стыдно, но стыдно браниться; а въ томъ, что лучше подлинныя дѣлать, всѣ, существо драмъ знающіе, безъ малѣйшаго противурѣчія согласны съ ними будутъ. Желалъ бы и я сочинять наши подлинныя комедіи, но не только что силъ, да и времени довольно на то не имѣю. Удобнѣе дѣлать такимъ людямъ, которые ничѣмъ не заняты. У нихъ мысли должны быть вольняе, а если они сами что-нибудь, хотя не весьма значущее, однако писывали, то по привычкѣ надлежитъ имъ и къ писанію способными сдѣлаться. И такъ, лучше имъ приниматься за перо и сочинять, нежели другихъ ругать безъ пощады, а особливо за такой родъ сочиненій, въ которомъ они или не писывали, или и писывали, но ни малаго не имѣли успѣха. Когда же они сами что ни есть похвалы и подражанія достойное напишутъ, тогда всѣ люди, къ письменамъ прилежащіе и сіе полезное дѣло любящіе, отдадутъ имъ право быть судья-

ми другихъ, предъ ними слабыхъ писателей. Но до того времени, многіе, въ словесныя науки вникающіе, о сихъ надменныхъ осуждателяхъ думаютъ, что они на преложеніе комедіи прямо по невѣжеству вооружаются, и что они не слыхивали о томъ, что и на другихъ языкахъ многіе и притомъ знатные драматическіе писатели передѣлывали комедіи, какъ-то: господинъ *де Тушъ — Ночной барабанъ* (*), господинъ *Вольтеръ—Шотландку*, господинъ *Мольеръ—Амфитріона*, господинъ *Брюисъ—Нѣмаю*, господинъ *Реньяръ—Менехмовъ;* а господинъ *Боаси* большую часть своихъ комедій преложилъ съ италіанскихъ, и сверхъ того еще многіе писатели то же дѣлали. О семъ всякій безъ труда узнать можетъ, ежели со вниманіемъ прочитаетъ побольше до театра принадлежащаго.

Не скажутъ ли мнѣ на сіе, что вышеупомянутые писатели подражали, а не передѣлывали? Ежели скажутъ, то на оное скажу и я мое мнѣніе. Подражать и передѣлывать—великая разница. Подражать значитъ брать или характеръ, или нѣкоторую часть содержанія, или нѣчто весьма малое и отдѣленное и такъ нѣсколько заимствовать; а передѣлывать значитъ нѣчто включить или исключить, а прочее, то есть главное, оставить и склонять на свои нравы. И кто, передѣлавъ одно явленіе, говоритъ, что онъ подражалъ (**), тотъ сперва промолвилъ, или не подумавши, или изъ самолюбія, а послѣ уже изъ гордости и изъ упрямства не хочетъ признаться, что и самымъ дѣломъ случалось; но иные отъ того, по прошествіи нѣкотораго, но притомъ довольнаго времени признавались. Не вѣдаю, совѣсть ли ихъ къ тому побудила, или не рѣдко слышанныя колкія возраженіи; но чѣмъ бы они къ исправленію приведены ни были, до того всѣмъ людямъ нѣтъ нужды, а въ томъ есть и удовольствіе и польза, что изъ хвастуна и упрямца имѣютъ надежду увидѣть добраго гражданина.

Слышали вы, читатели, что за передѣлываніе комедіи многіе бранятся, но не слышали вы правильнаго опроверженія, что можетъ быть и никогда къ слуху вашему не достигнетъ. Но я, не взирая на сихъ ненавистниковъ, буду всѣ шуточныя театральныя сочиненіи всевозможно склонять на наши обычаи, потому что многіе зрители отъ комедіи въ чужихъ нравахъ не получаютъ никакого поправле-

---

(*) Въ нашемъ переводѣ, названа сія комедія *Привидѣніе съ барабаномъ* и если мнѣ скажутъ, что *де-Тушъ* не симъ сочиненіемъ славится, то я буду отвѣтствовать, что и мнѣ оное извѣстно, ибо я онаго сочиненія въ число лучшихъ *де-Тушевыхъ* комедій и не внесъ, писавши о томъ въ предисловіи моемъ, къ *Моту*, *любовію исправленному*.

(**) А кто скажетъ, что сочинилъ, тотъ удостовѣритъ всѣхъ о своемъ невѣжествѣ; въ скоромъ времени много сыщется людей, которые сію кражу опознаютъ.

нія. Они мыслятъ, что не ихъ, а чужестранцевъ осмѣиваютъ. Тому причиною, что они слышатъ, какъ уже выше сказано, *Парижъ*, *Версалію*, *Тюльеріи* и прочія, для многихъ изъ нихъ незнакомыя рѣченія; да и то имъ примѣтно, что осмѣиваемые образцы не только несвойственно нашимъ нравамъ изъясняются, но что они и одѣты въ незнакомыя имъ одежды. *Французы*, *англичане*, *нѣмцы* и прочіе народы, театры имѣющіе, держатся всегда своихъ образцовъ, коихъ они и изображаютъ, а чужихъ изрѣдка, да и то побочно вводятъ; для чего же и намъ не своихъ держаться? Старикъ французскій не будетъ хорошъ въ русскомъ переводѣ, а болѣе того въ дѣйствіи, ежели переводчикъ слово въ слово переводить станетъ, не взирая на то, что оный же старикъ тогда насъ плѣняетъ, когда господинъ *Кошуа*, искусно и свойственно своимъ обыкновеніемъ дѣйствуя, онаго представляетъ. Я, подобно прочимъ зрителямъ, тогда чувствую великое удовольствіе и восхищаюсь, но по окончаніи дѣйствія, или какъ скоро получу время къ размышленію, ясно пойму, что сей же образецъ по переводѣ на нашъ языкъ не только не доставитъ въ представленіи такого жъ удовольствія, но и унизитъ нашего актера, который за оное лицо примется. Что же къ поправленію онаго потребно? Мнѣ кажется, передѣлываніе или склоненіе на свои нравы для представленія на театрѣ. Тутъ надлежитъ не столько красоту и силу чужестраннаго писателя показывать, сколько исправлять пороки. А точный переводъ надобенъ для чтенія и для показанія автора въ истинномъ его видѣ, дабы вразумить читателей, языковъ незнающихъ, что онъ живымъ одноземцевъ своихъ изображеніемъ заслужилъ похвалу отъ всѣхъ, о театрѣ свѣдущихъ, и что намъ съ подобною силою и сходствомъ надлежитъ предлагать на позорище, свойственное своему народу.

Есть много и такихъ комедій (*), которыя только общественные осмѣиваютъ пороки, какъ-то гордость, клевету, неблагодарность и прочее; и казалось бы, что въ оныхъ ничего отмѣнять не должно; такъ думалъ и я, не входя прямо въ свойство театра, а какъ скоро вошелъ, то много противнаго прежнему моему мнѣнію увидѣлъ. И въ оныхъ комедіяхъ есть много шутокъ и острыхъ словъ, которыя душею и украшеніемъ сего рода сочиненій называются, и которыя не только не остры, но и вздорны будутъ, если ихъ переведешь словесно, а не замѣнишь своими; а если замѣнишь, то уже будетъ тогда вольный переводъ, отъ котораго къ преложенію одинъ шагъ ступить надлежитъ, а ступивши, украситъ цѣлое сочиненіе и онымъ пользу сдѣлать. Но мнѣ не можно распространить здѣсь сказанія обо всѣхъ подробностяхъ, которыя понуждаютъ прелагать комедіи.

(*) Оныя же и лучшія, и тѣ, что характерными называются; сіе слово всѣ говорятъ, но не всѣ смыслъ его знаютъ.

И такъ, прибавлю еще нѣсколько словъ о дѣйствующихъ лицахъ. Подобно старикамъ, и прочія тому же подвержены. Тамошніе слуги и служанки будутъ часто нашими петиметрами и кокетками, а иногда тѣ и другія наученѣйшими изъ господъ и госпожъ нашихъ. Они не рѣдко въ французскихъ комедіяхъ философствуютъ, къ чему наши неудобны; а отъ естества столь много удаляться не только правилы, но и сердце и разсудокъ не позволяютъ. Равно слугамъ и служанкамъ и прочіе почти всѣ образцы то же несогласіе въ представленіи производятъ и отъемлютъ способы къ исправленію пороковъ, а особливо гасконцы, стряпчіе, нотаріусы, и имъ подобные, кои у французовъ les roles à manteaux называются.

Сихъ кратко внесенныхъ причинъ казалось бы довольно къ доказанію того, что несвойственно видѣть въ представленіи точные переводы; но какъ вкусы и склонности различны, то мнѣ моихъ мыслей утвердительными и положить не можно, чего я и не желаю, не думая никогда быть властнымъ судіею; но тому я порадуюсь, если тѣ люди, которые больше меня театръ знаютъ, не вовсе ихъ опорочатъ. Къ тому же, мнѣ и то извѣстно, что у насъ есть много и таковыхъ зрителей, которымъ ни малыя нѣтъ въ томъ нужды, свойственная ли нашимъ нравамъ комедія представляется, или и виду сходствія не имѣющая. Они того лишь желаютъ, чтобы имъ посмѣяться. Явное тому свидѣтельство *Принужденная женитьба* господина *Моліера*. Въ ней услышишь неутихающее хохотаніе, а чему? Двумъ, не только нашимъ обычаямъ, но и всему естеству несходственнымъ, лицамъ. *Панкратъ* лишь появится, то вздорнымъ своимъ болтаніемъ, или лучше сказать крикомъ, до тѣхъ поръ смѣшитъ, покуда *Сганарель* каменьями его не прогонитъ. Спроси тутъ три доли зрителей, чему они смѣялись? Если они искренно отвѣтствовать будутъ, такъ имъ правильнѣе сказать нечего, какъ то, что другимъ послѣдовали. Большая часть изъ нихъ не знаютъ истиннаго слову «педантъ» понятія, и когда имъ сіе неизвѣстно, то уже кольми паче не свѣдомы имъ латинскія рѣченіи и наименованіи наукъ, въ рѣчь *Панкратову* вплетенныя. На смѣну *Панкрату* выйдетъ *Марфуріусъ*. Тихій его разговоръ, или лучше сказать длинная шапка, а паче всего палка, которою *Сганарель* его потчуетъ, потому что рѣчей его всѣмъ зрителямъ и слышать не можно, опять новый шумъ производитъ, и тутъ смѣлѣе еще за большую часть зрителей побожиться можно, что они не вѣдаютъ, чему смѣются. Неизвѣстно многимъ изъ нихъ, что такое *тироники*, скоты они или люди; а которые уже наслышались, что они люди, такъ и тѣ того не вѣдаютъ, что въ нихъ смѣху достойно. Сія комедія (*) уже и въ самой Фран-

(*) Представленіемъ оной и ей подобныхъ, изъ коихъ я упомяну только одну, именуемую *Онекунъ битъ, обманутъ и доволенъ*, подается чужестранцамъ худое о нашемъ вкусѣ и знаніи мнѣніе.

ціи нѣсколько лѣтъ не была въ театрѣ, что свидѣтельствуютъ ежегодныя записки, о играныхъ зрѣлищахъ, въ печать издаваемыя. Легко угадать можно, что и господинъ *Моліеръ* сіе сочиненіе на случай сдѣлалъ, и въ такое время, когда еще театръ французскій начиналъ вычищаться; да оное же во Франціи и свойственнѣе. Тамъ знаютъ почти всѣ граждане о педантахъ, потому что ихъ тамъ болѣе нашего; но и у насъ, не взирая на то, что науки еще начинаются, оныхъ за грѣхи наши уже довольно; но распознать ихъ трудно. У насъ не одѣты они въ отмѣнныя ризы, что́ бы непремѣнно довлѣло съ ними сдѣлать, дабы иные изъ молодыхъ людей къ нимъ слѣпо не приставали.

Есть еще много такихъ же комедій, которыя единственно только смѣхъ рождаютъ, а пользы ни малыя, хотя точное намѣреніе писцовъ комическихъ при началѣ зрѣлищъ на томъ и основывалось и хотя оному всѣ, разсудокъ имѣющіе, до нынѣ слѣдуютъ. А когда зрители только смѣяться желаютъ, то могутъ ихъ и наши игрищи равномѣрно утѣшить, съ тѣмъ еще прибавленіемъ, что увидятъ они въ оныхъ русскіе характеры и услышатъ слова вовсе имъ незнакомыя, но притомъ потребныя для познанія силы, пространства, а иногда и красоты природнаго своего языка. Случалось мнѣ отъ оныхъ зрителей и то слышать, что имъ не только въ переводныхъ комедіяхъ не кажутся неприличны нашимъ обычаямъ, какъ имена дѣйствующихъ лицъ, такъ и прочія рѣченія, чужеземскія дѣла образующія, но что они и въ подлинныхъ тоже видѣть желаютъ. Сіи слова утверждаютъ они тѣмъ, что къ таковымъ комедіямъ они уже привыкли. Пусть же они при сей привычкѣ и останутся, ибо какъ я, такъ и нѣсколько прочихъ людей, нынѣ по склонности своей въ театральныхъ дѣлахъ трудящихся, не для нихъ время тратятъ, но употребляютъ оное для тѣхъ, которые истинный вкусъ имѣютъ. Оные же, къ иностраннымъ комедіямъ привыкшіе, говорятъ, что бы они всегда хотѣли видѣть театръ россійскій въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ былъ сначала. Но этого я съ ними вмѣстѣ не пожелаю, когда уже и того не хочу, чтобы и они вѣчно таковыми остались, каковы теперя. Вкусъ ихъ (*) по истинѣ странный: не знаю, отчего оный происходитъ, и дивлюся, какъ онъ имъ по сіе время, какъ ли мало они знанія не имѣютъ, не сдѣлаетъ отвращенія. Кажется, что въ зрителѣ, прямое понятіе имѣющемъ, къ произведенію скуки и сего довольно, если онъ однажды услышитъ, что русскій подъячій, пришедъ въ какой ни есть домъ, будетъ спрашивать: «*Здѣсь ли имѣется квартира господина Оронта? Здѣсь*, скажутъ ему, *да чего жъ ты отъ него хочешь? Свадебный написать контрактъ*», ска-

(*) *Ихъ вкусъ.* Виноватъ я за сіе слово. Тѣ люди, которые не слушаютъ полезнаго и другимъ мѣшаютъ, не могутъ имѣть никакого вкуса.

жетъ въ отвѣтъ подъячій. Сіе вскрутитъ у знающаго зрителя голову. Въ подлинной россійской комедіи имя *Оронтово*, старику данное, и написаніе брачнаго контракта подъячему вовсе не свойственно. Однако иные говорятъ, что и сіе имъ не противно. Я же чрезмѣрно дивлюсь, какъ можетъ русскому человѣку, дѣлающему подлинную комедію, придти въ мысли включить въ нее нотаріуса или подъячаго, для сдѣланія брачнаго контракта, вовсе намъ неизвѣстнаго. Первый у насъ только векселя протестуетъ, а другой только по должности своей дѣла въ томъ приказѣ исправляетъ, откуда даютъ ему жалованье. И какая связь тутъ будетъ, если дѣйствующія лица такъ именуются: *Геронтъ*, *Подъячій*, *Фонтициdіусъ*, *Иванъ*, *Финета*, *Криспинъ* и *Нотаріусъ*. Не могу проникнуть, откудова могутъ придти сіи мысли, чтобы сдѣлать такое сочиненіе. Это дѣло по истинѣ странное; а то еще страннѣе, чтобы почитать его правильнымъ. Я мню, что не можно русскому писателю сплести толь несвойственное сочиненіе. Положимъ, что онъ намѣрится писать комедію, и если назначитъ ей быть характерной, то назоветъ ее или коварнымъ наушникомъ или гнуснымъ льстецомъ, или подлымъ такальщикомъ, или вреднымъ ябедникомъ, или бездушнымъ ростовщикомъ; если же не характерная, а какое нибудь смѣхотворное дѣяніе образующая, то какъ нибудь оную наименуетъ, но всегда свойственно своему языку и нравамъ, а никогда не придетъ ему въ голову назвать ее: «*Слуга Ванька, барабанщикъ, гусаръ, поваръ, берейторъ и нотаріусъ*». Но если бы и такія ногрѣшности съ кѣмъ изъ молодыхъ писателей случились, простить можно, для того, что мы на своемъ языкѣ совсѣмъ свойственныхъ намъ комедій еще не видали и не читали ни малыхъ театральныхъ правилъ, и кто изъ насъ хотя мало на истинный путь напалъ, тотъ долженъ самому себѣ. Онъ либо знаетъ языки иностранные, либо наслышался отъ знающихъ театры. Нѣтъ у насъ никакого сочиненія, которое бы хотя малое свѣдѣніе о театральныхъ сочиненіяхъ подавало и руководствовало начинающимъ, кромѣ нѣсколькихъ стиховъ въ Эпистолѣ (*) господина *Сумарокова*; но и оные почти мимоходомъ сказаны. Словомъ, не оскорбя никого, можно выговорить, что пренебрежено сіе самонужнѣйшее дѣло, которое давно бы открыло свѣтъ тѣмъ людямъ, кои способность къ драматическимъ сочиненіямъ имѣютъ, но не знаютъ языковъ иностранныхъ. А написать рѣчь о театрѣ для вразумленія нашихъ одноземцевъ не великаго труда стоитъ. Ее не самому изобрѣтать должно, а только черпать изъ чужихъ писателей, и кто о семъ писать ни примется, тотъ сдѣлаетъ всѣмъ, какъ къ театру прилѣпившимся, такъ и науки любящимъ, одолженіе; а я изъ нихъ постараюсь быть первымъ въ принесеніи ему должныя благодарности, не взирая на то, что

(*) Эпистола о стихотворствѣ.

оная мнѣ не весьма нужна, потому что я о томъ и на чужихъ языкахъ читать могу.

Поговоривъ, сколько здѣсь можно было, какъ о зрителяхъ, такъ и о разныхъ комическихъ сочиненіяхъ, время мнѣ сіе предъувѣдомленіе окончить, что тотчасъ исполнится. Увидѣвъ, что несчастную мою комедію и по выправкѣ опять болѣе года не представляютъ, и услышавъ, что многіе говорятъ, будто бы она для дурнаго перевода играніемъ не удостоена, намѣрился я ее напечатать, къ чему и господинъ *Дмитревскій* разрѣшилъ меня, сказавъ, что тѣ госпожи актрисы, которымъ *Пульхерію* и *Марью* играть надлежало, не хотятъ въ мужеское платье наряжаться и, по ихъ словамъ, безобразиться. Что дѣлать? Когда они представлять не соглашаются, такъ я ее напечатаю, и уповаю, что она отъ читателей благосклонно примется, что оные найдутъ ее не совсѣмъ дурно переведенну, и что, можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ и пожалѣютъ, не увидя ее въ представленіи; а она по содержанію, конечно, не хуже *Привидѣнія съ барабаномъ*, *Генриха и Перниллы*, *Скапиновыхъ обмановъ*, и прочихъ онымъ подобныхъ комедій.

НАГРАЖДЕННОЕ ПОСТОЯНСТВО.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Г-жа Староселова, мать Клеопатрина.
Клеопатра.
Евграфъ, любовникъ Клеопатринъ.
Аристархъ, любовникъ Клеопатринъ, а прежде того Пульхеріинъ.
Пульхерія, любовница Аристархова.
Настасья, горничная г-жи Староселовой дѣвка.
Марья, служанка Пульхеріина.
Андрей, слуга Евграфовъ.
Фадей, слуга Аристарховъ.
Иванъ, слуга г-жи Староселовой.

Дѣйствіе въ Петербургѣ, на улицѣ близъ дома г-жи Староселовой.

Театръ представляетъ отдаленную въ городѣ улицу, въ которой на правой сторонѣ въ самой срединѣ находится домъ г-жи Староселовой, и по обѣимъ сторонамъ оной рѣшетчатые заборы, а на одной видѣнъ садъ и въ него калитка. На лѣвой сторонѣ улицы хоромнаго строенія нѣтъ, а одни лишь заборы.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Евграфъ и Андрей.

Андрей. Что это, сударь, съ вами сталось? Не говоря со мною ни слова, перескакали вы близко сорока почтъ, ни на одной не остановляясь, и меньше дву сутокъ слишкомъ четыреста верстъ перемахнули. Да и здѣсь прибавили вы мнѣ удивленія! Лишь я успѣлъ васъ переобуть, то помчались вы съ подворья и не дали мнѣ столько времени, чтобы могъ я купить башмаки, хотя о томъ точно знаете, что въ старыхъ, не сдѣлавъ вамъ стыда, никакъ

мнѣ на улицу показаться не можно. *(Въ сторону)* Что ни говори, онъ все молчать изволитъ. *(Боярину)* Теперь уже близко часа бѣгаете вы по городу, какъ-будто бы съ ума сошедши, и у меня недостаетъ силы за вами гоняться. Я такъ разбитъ и утомился, что не могу ворохнуть ни ногою, ни рукою. Ой! ой! ой!... Третій уже день умираю я съ голоду, отъ трудовъ и безсонницы, и дивлюсь вамъ, какъ можете вы, будучи господиномъ, перенесть такіе труды и безпокойство.

Евграфъ. Мы военные люди ко всему привыкли. Честь и самолюбіе услаждаютъ всѣ тяжкіе труды, которымъ подвержена наша служба. Я же съ малолѣтства пріученъ къ нуждѣ. Кто служилъ въ гвардіи солдатомъ, въ пѣхотѣ полковымъ адъютантомъ и былъ два года безсмѣнно на вѣстяхъ у самаго безпокойнаго и брюзгливаго генерала, а теперь служитъ капитаномъ драгунскимъ, тотъ не боится никакихъ безпокойствъ на свѣтѣ.

Андрей. Правда, что эдакія службы могутъ вышколить молодаго человѣка и научить терпѣнью. Только какого-жъ, сударь, крѣпкаго сложенія долженъ быть тотъ человѣкъ, который вездѣ былъ съ вами и, дѣливши ваше счастіе, всегда вѣрно служилъ вамъ? Охъ-ти мнѣ... это я о себѣ говорю. Чего я для васъ ни дѣлалъ? Когда о томъ подумаю, то могу сказать, что вы мною много обязаны. Для васъ отказался я отъ всѣхъ выгодныхъ мѣстъ, а именно отъ хожденія за приказными дѣлами, чему вашъ родитель самъ хотѣлъ меня выучить; отъ ключниковой, а потомъ и отъ дворецкаго должности; да полно, я о томъ не каюсь. Я васъ люблю, вы до меня милостивы, и коли-бы вы деньгами...

Евграфъ. А что бы ты полезнѣе этого могъ для себя сдѣлать? Ты очень счастливъ, имѣя такого ласковаго господина.

Андрей. Да, я черезчуръ счастливъ! Что вы очень ласковы, въ томъ съ вами не спорю, и сказать правду, въ васъ почти и похулить нечего. Вы изъ самаго лучшаго въ вашемъ уѣздѣ дворянства; пригожи, статны и всѣми почитаемы; да что мнѣ во всемъ этомъ прибыли? Соловья баснями не кормятъ, и который господинъ чистъ, какъ соколъ, у того невесело слугамъ бываетъ.

Евграфъ. Слушай! По-каковски ты говоришь со мною?

Андрей. Я говорю правду-матку и очень увѣренъ, что для теперешняго разговора яснѣе этихъ словъ сыскать не можно. Не сердитесь, сударь, а дайте мнѣ поговорить. Вѣдь вы всегда слугѣ вашему позволяли вмѣсто денежнаго награжденія эту вольность. Я хочу васъ спросить, сколько вы съ тѣхъ поръ, какъ оставили сельцо своего батюшки, который при отъѣздѣ далъ вамъ двадцать монетовъ, пѣгую свою одрань, на которой самъ выслужилъ десять походовъ, божеское и родительское благословеніе, да меня во услуги, сколько получили вы отъ него присылокъ деньгами и векселями? А тому уже теперь пятнадцать лѣтъ минуло. Ну, сударь, что вы задумались? Извольте отвѣчать.

Евграфъ. Молчи и не напоминай мнѣ горестнаго моего состоянія. Я очень чувствую мою бѣдность; да надѣюсь, что она перемѣнится. До этого времени не переставалъ я жить великолѣпно, чтобы по крайней мѣрѣ хотя тѣмъ получить богатую невѣсту. Вѣдь никто не думаетъ, что я столько бѣденъ, какъ есмь въ самомъ дѣлѣ.

Андрей. Это безспорно, что жить обманами вы очень искусны! Никто ихъ совершеннѣе васъ не знаетъ. Я вѣдаю, что эта наука землякамъ вашимъ отъ природы далася, только долженъ въ честь вамъ признаться, что вы ихъ всѣхъ перещеголяли. Во всемъ нашемъ околоткѣ не сыщется такого прошлеца, котораго бы вы провесть не могли. Вы умѣете въ случаѣ нужды перевертываться ужомъ и жабой, и знаете, когда должно быть ласкову, привѣтливу, уключиву, кстати божиться, брать на себя видъ знатнаго господина, ублажать пріятными обѣщаніями своихъ заимодавцевъ, у однихъ брать въ долгъ, а другимъ уплачивать; наконецъ, лгать прямо по-мастерски и такъ красно, что и ложь, какъ медовая рѣка, течетъ изъ устъ вашихъ. А пуще всего не могу я выхвалить въ васъ того достоинства, за которое вы вездѣ славитесь. Ни одна изъ нашихъ хозяекъ отъ васъ не отдѣлывается, и гдѣ бы мы постоемъ ни стали, бываете вы въ домѣ господиномъ. Нѣтъ, сударь, счастье не такъ слѣпо, какъ объ немъ думаютъ. Оно никого не оставляетъ и, по пословицѣ, даетъ всякому человѣку по стужѣ и шубу. Что бы мы безъ проворства вашего стали дѣлать? Часто бы въ скукѣ провожали мы время, а чаще бы безъ обѣда и ужина спать ложились. Что вы на это скажете?

*

Евграфъ. Иногда, и очень часто, противъ совѣсти людей обманывать должно.

Андрей. Кстати, я и это вспомнилъ! Скажите, сударь, какъ могли вы свести знакомство съ госпожею Домною, съ этою ужасною толстухой? Какъ могли вы склониться говорить ей безпрестанныя привѣтствія, будучи сами столь пригожи, всегда въ завитыхъ волосахъ и въ пудрѣ, умѣя притомъ вертѣться, коверкаться и кривляться? А она, сверхъ прегнусной своей рожи, всегда ходитъ неопрятна, замарана и...

Евграфъ. Вотъ еще какой вздоръ! Не теперь ли я сказалъ тебѣ, что не всегда то дѣлать можно, что хочется?

Андрей. Подлинно, что жизнь людская на хлопотахъ замѣшена! Да неужели никогда не перемѣнится наша участь?

Евграфъ. Я могу нѣкоторымъ образомъ надѣяться на хорошее обо мнѣ отъ людей мнѣніе и на моихъ благодѣтелей, почему вовсе и не отчаяваюсь.

Андрей. Это не худо! Да только всѣ почти благодѣтели много обѣщаютъ, а мало исполняютъ и часто доводятъ до самой бѣдной жизни. Коли-бъ вы, сударь, женились на Клеопатрѣ, такъ бы мы отъ всѣхъ хлопотъ избавились. Она богата, вы нравитесь ей и ея матери. Повѣрьте мнѣ, что намѣреніе этой старушки, чтобы отдать за васъ дочь свою, самое лучшее для насъ спасеніе. Поспѣшайте сыграть свадьбу, и я на ней повеселюсь.

Евграфъ. Не шути пожалуй! Я опасаюсь, что мнѣ не удастся...

Андрей. А для чего? Клеопатра васъ любитъ, и в ам нечего бояться.

Евграфъ. Что до отъѣзду моего она меня любила, это мнѣ извѣстно; да полно, тогда она ни съ кѣмъ изъ мужчинъ, кромѣ меня, не видалась; а какъ теперь былъ я полтора года въ разлукѣ съ нею, такъ можетъ статься она въ это время сдѣлалась мнѣ невѣрною. Эта мысль такъ меня смущаетъ, что я для того только отъ полку сюда тайно и пріѣхалъ, чтобы узнать, по прежнему ли она меня любитъ. Признаваюсь тебѣ, Андрей, что я, не получая отъ нея давно писемъ, думаю, что уже не похитилъ ли ея у меня какой-нибудь соперникъ.

Андрей. Соперникъ, говорите вы? Чтобъ провалъ его побралъ! Въ этомъ должно ему помѣшать? Чтобъ Клео-

патра вышла за другаго? У насъ ее изъ рукъ вырвать? Нѣтъ, нѣтъ! этому не бывать! Она уже наша!... Однако, подумавъ хорошенько объ васъ, опасаюсь равнаго и себѣ несчастія. Плутовка Настасья послѣднее письмо не столь нѣжно ко мнѣ писала. О, негодная! Съ досады приходитъ лопнуть! Такому молодцу, какъ я, сдѣлать измѣну!... Да полно, можетъ быть, это вина не ея, а писцова, котораго она на то употребила. Но какъ бы то ни было, однако надобно узнать настоящую правду. Мы, сударь, оба теперь въ равныхъ обстоятельствахъ. Вотъ ихъ домъ. Постучимъ у воротъ и отъ кого-нибудь провѣдаемъ, кто къ нимъ нынѣ ходитъ... Нѣтъ! это не хорошо. Не лучше ли будетъ, ежели я одинъ выспрошу у служанки прежде, нежели вы госпожамъ покажетесь?

Евграфъ. Ты очень разумно вздумалъ. Поговори-ка напередъ съ Настасьею, и когда ты отъ нея провѣдаешь, тогда я по твоимъ рѣчамъ такія возьму и мѣры. Прощай! Кто-то ворота отворяетъ; я пойду, а ты приходи скоряе окончить мое безпокойство.

ЯВЛЕНІЕ II.

Андрей и Настасья *(не видѣвъ Андрея)*.

Андрей. Это Настасья! Какъ же она мила мнѣ! Я чувствую, что мое сердце, увидѣвъ ее, затрепетало и отъ радости выскочить хочетъ. Спрячусь на часъ и подслушаю, а потомъ вдругъ нагряну.

Настасья. О любовь! я тебя теперь лишь хорошенько узнала. Очень несчастливъ тотъ человѣкъ, кѣмъ ты овладѣешь! Какъ же ты немилосерда! Ты научила меня знать, каково горько влюбленной дѣвкѣ жить безъ милаго друга.

Андрей. Экая пропасть! Она еще пригожѣе стала, нежели была до моего отъѣзду.

Настасья. Все для меня опостылѣло на свѣтѣ и я отъ всякаго веселія отстала. Не сплю, и сохну съ тѣхъ поръ, какъ того не вижу, кто мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Ахъ любезный Андрей! Душа моя, гдѣ ты теперь?

Андрей. О бѣдняжечка! Она обо мнѣ тоскуетъ.

Настасья. Для чего не можешь ты видѣть моихъ слезъ

и слышать моихъ вздоховъ? Ты бы изъ нихъ прямо узналъ, что безъ тебя я не могу счастлива быть на свѣтѣ.

Андрей. Уфъ! Отъ словъ ея прихожу я въ жалость, и они сердце мое колютъ. Слыша ея вздохи, самъ вздыхаю, и видя, какъ она плачетъ, не могу отъ слезъ удержаться.

Настасья. Я отъ того лишь несчастна, что влюбилась! Прилично-ли мнѣ такъ много о любви думать? Это простительно лишь знатнымъ госпожамъ, потому что имъ кромѣ того и дѣлать нечего, а такая бѣдная дѣвка, какъ я, имѣетъ другихъ заботъ много. Охъ! охъ! охъ!... Не могу больше сносить моего мученія и вижу, что умру отъ грусти. А по комъ же грущусь-то? Когда о томъ прямо подумаю, то сама на себя сбѣшуся: по мотыгѣ, по пьяницѣ, по зерщикѣ и по кабацкомъ ярышкѣ.

Андрей. Благодаренъ за похвалу.

Настасья. Который, можетъ быть, разставшись со мною, пьетъ безъ просыпу, а обо мнѣ и не вспомнитъ.

Андрей. Иногда и то со мною случалось.

Настасья. И который, тогда, какъ я о немъ здѣсь глазъ не осушая плачу, можетъ быть радуется, что меня не видитъ, и сидитъ за бутылкою вина съ какою нибудь непотребною и ея вмѣсто меня, приголубливая, цѣлуетъ.

Андрей. О, это не правда! Съ тѣхъ поръ, какъ я съ тобою разстался, жилъ какъ годовой младенецъ.

Настасья. О, колибъ я про его невѣрность узнала!

Андрей. Такъ что-жъ бы?

Настасья. То бы въ этотъ же часъ ему отмстила и не помѣшкала бы ни одной минуты.

Андрей. Тише! тише! Чтобъ нелегкій тебя побралъ! Остерегись пожалуй отъ эдакаго дурачества.

Настасья. Нѣтъ! Побуду вѣрною до его пріѣзду, сдержу слово, какъ честная дѣвка, и стану любить его постоянно.

Андрей. Это мнѣ пріятно и это умнешенько сказано!

Настасья. Хотя я для него безпрестанно мучусь, однако не должно мнѣ о томъ жалѣть: очень много я счастлива, что имѣю такого любовника.

Андрей. Безъ сумнѣнія!

Настасья. Онъ пригожъ и статенъ.

Андрей. Это всякій видитъ!

Настасья. И притомъ смѣлъ и силенъ.

Андрей. Какъ левъ!

Настасья. Словомъ, онъ такой молодецъ, который достоинъ, чтобъ его любили. Ахъ! долго ли мнѣ еще быть съ нимъ въ разлукѣ! Андрей! бѣдный Андрей! когда увижусь я съ тобою? Когда могу тебя...

Андрей *(показавшись)*. Теперь! Вотъ, благодаря Бога, я въ цѣлости стою передъ тобою!

Настасья *(испугавшись)*. Ай! Ай!

Андрей. Что это?

Настасья. Государи, помогите! Смерть моя... умираю... *(упадаетъ въ руки къ Андрею)*.

Андрей. Чего ты такъ испугалась? Кой чортъ, какъ же она тяжела! Опомнись, пожалуй! Я твой любезный, твой вѣрный Андрей.

Настасья *(не оглядываясь)*. Ты?

Андрей. Да, радость моя!

Настасья. Не вѣрю! Мнѣ кажется, что домовой меня въ рукахъ держитъ.

Андрей. Я тебѣ говорю, что это я. Оглянись на меня, пожалуй.

Настасья. И въ подлинну ты?

Андрей. Конечно, не тѣнь моя.

Настасья. Для чего-жъ было подкравшись пугать меня? Думала ли я, что ты ужъ пріѣхалъ. Да полно, ты ли?...

Андрей. Какъ? Ты еще меня боишься?

Настасья. Е...е...е...

Андрей. Смотри пожалуй, она меня насилу узнала; да полно, этому я и не дивлюся. Труды, въ походѣ понесенные, ужасть какъ лицо мое перемѣнили. Война почти всѣхъ людей безобразитъ. Не правда-ли? Вѣдь я теперь не таковъ пригожъ и дороденъ, какъ былъ до отъѣзду; только ты объ этомъ не должна крушиться. Ежели Богъ поволитъ, то опять приду въ прежнее состояніе, и коли одинъ мѣсяцъ проживу здѣсь, то все, что война испортила, поправлю.

Настасья. Ты очень похудѣлъ и здоровье для тебя нужно.

Андрей. Такъ ты наконецъ меня узнала и во мнѣ больше не сумнѣваешься? Теперь надобно мнѣ по старинному знакомству поздороваться съ тобою такъ, какъ дѣлаютъ изъ далека пріѣхавшіе любовники, не видавши долго своихъ любовницъ.

Настасья. Боже мой! Въ какомъ же ты странномъ нарядѣ!

Андрей. Ты меня видишь въ маленькомъ безпорядкѣ. Нашъ обозъ позади остался, и я пріѣхалъ на почтѣ съ моимъ господиномъ. Да полно, я не первый, который въ такомъ нарядѣ съ войны пріѣзжаетъ.

Настасья. Я чаю, ты очень обезпокоился?

Андрей. Обезпокоился? Я такъ ослабѣлъ, что насилу шатаюсь, и безъ сивушки, съ которою жилъ я, какъ съ неразлучнымъ другомъ, не думаю, чтобъ всѣ труды перенесть былъ я въ силахъ. Наши непріятели думали о себѣ, что они-то и яньки; однако нашли людей, съ кѣмъ должны были имѣть дѣло, и мы имъ носъ утерли. Что же ты здѣсь безъ меня дѣлала? Что у васъ въ домѣ происходило? Поговоримъ-ка о дѣлѣ. Мой бояринъ нетерпѣливо желаетъ обо всемъ вѣдать.

Настасья. У насъ, сказать тебѣ правду, перемѣнъ довольно.

Андрей. А какихъ?

Настасья. Такихъ, что Клеопатра имѣетъ новаго любовника, который ее частенько посѣщаетъ, и старая моя боярыня ласково съ нимъ обходится. Онъ очень богатъ, знающъ въ обхожденіи и пригожее личико имѣетъ.

Андрей. Это для насъ не больно забавно. Чтобъ дьяволъ его побралъ! А изъ какого города этотъ новый любовникъ?

Настасья. Здѣшній щоголь.

Андрей. Такъ онъ уже намъ и не страшенъ. Гдѣ ему съ моимъ господиномъ въ хитрости сравняться! Мой лучанинъ прошелъ сквозь огнь и воду, и я тебя увѣряю, что безъ труда этого прыгунчика отбояритъ.

Настасья. Его зовутъ Аристархомъ, и сказать правду, онъ и самъ малый не промахъ. Клеопатра безъ твоего боярина, хотя и не скоро, однако его полюбила и согласилась-было за него и замужъ выйти: только теперь, когда вы пріѣхали, такъ я вѣрно знаю, что все перемѣнится.

Андрей. Я чаю, есть у него какой-нибудь глупый слуга, который такъ же и къ тебѣ подлипаетъ? Говори. По виду твоему я уже догадываюсь, что ты...

Настасья. Пожалуй же, не завирайся! Правда, что у него есть одинъ простофиля, который меня прельстить ста-

рался, однако до этихъ поръ ничего не выторговалъ. Я тебѣ всегда вѣрна была.

Андрей. Я тобою доволенъ... Только этого дурака за дерзость надобно хорошенько проучить. А что-жъ за люди этотъ господинъ съ слугою? Не военные-ли они?

Настасья. Нѣтъ!

Андрей. Какъ? Они не военные, а осмѣливаются быть намъ соперниками? Знать они съ ума сошли.

Настасья. Этого я не знаю; только сказала тебѣ самую правду. Новый нашъ любовникъ очень молодъ, и онъ ни о чемъ, кромѣ веселостей, не думаетъ.

Андрей. Разумѣю! Онъ знать молоденькій щеголекъ, смазливенькій волокита, женскій подлипала, который ничего не видалъ, кромѣ городскихъ гульбищъ, маскарадовъ и комедій; а притомъ, какъ я чаю, сынъ какого-нибудь судьи Взяткохвата. Не такъ ли? Куда какъ онъ не кстати съ нами связывается! Прости; мнѣ должно разстаться съ тобою; и такъ долго уже я здѣсь промѣшкалъ. Евграфъ ждетъ меня, и я думаю, что бранитъ за мою медленность. Мнѣ надобно обо всемъ, что отъ тебя слышалъ, его увѣдомить. Да что это за дѣтина?

ЯВЛЕНІЕ III.

Настасья, Андрей и Фадей.

Настасья. Это слуга Аристарховъ.

Андрей. Такъ онъ-то соперникъ-атъ мой? Ха! ха! ха! Какой же это фаля!

Фадей. Скажи мнѣ, Настасьюшка, что это за нахалъ? Мнѣ кажется, будто-бы онъ надо мною смѣется.

Андрей. Ты угадалъ, господинъ подбѣгала. Слушай. Мнѣ сказано, будто-бъ ты, въ небытность мою, осмѣлился искушать эту дѣвушку. Она моя любовница, и я тебѣ приказываю никогда впередъ не говорить съ нею, а коли ослушаешься, то вотъ тебѣ рука моя, что носъ и уши обрублю тебѣ. Памятуй же слова мои, господинъ волокита!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Настасья и Фадей.

Фадей. Надо мною такъ храбрится? Да! да! Приди лишь только, а то найдешь, съ кѣмъ перевѣдаться. Кой чортъ! Я такъ одурачился, что не отвѣчалъ ему ни слова. Нечаянное его привѣтствіе меня нѣсколько удивило. Однако, въ первую встрѣчу покажу ему, кто я таковъ!

Настасья. Не схватывайся съ нимъ, а береги лучше свои уши.

Фадей. А онъ пусть бережетъ носъ. Я самъ у него зубами отхвачу по самыя щоки. Такъ этотъ-то страшный твой рыцарь, о которомъ ты мнѣ уши прожужжала?

Настасья. Да!

Фадей. Какая мерзкая харя! Ты очень слѣпа, что, видѣвши меня, еще его любишь.

Настасья. Что тебѣ до того нужды? Каковъ онъ ни есть, да мнѣ онъ милъ.

Фадей. Для тебя же хуже! А господинъ его возвратился-жъ?

Настасья. Безъ сумнѣнія!

Фадей *(въ сторону)*. Я вижу, что быть здѣсь ужасной суматохѣ. Много прольется крови. *(Настасьѣ)* Скажи мнѣ, пожалуй, можетъ ли теперь господинъ мой увидѣться съ Клеопатрою?

Настасья. Нѣтъ. Она не очень здорова. Пусть онъ погодитъ до вечера. Прощай! Мнѣ надобно увѣдомить ее о Евграфовомъ пріѣздѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Фадей *(одинъ)*. Приходитъ на насъ несгодье. Кто думалъ, чтобы эдакое помѣшательство намъ сдѣлалось? Бояринъ-атъ мой сыскалъ было себѣ путь, да чортъ вкинулъ крюкъ. Теперь я вижу, что намъ не удастся... Да вотъ и Аристархъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Аристархъ и Фадей.

Аристархъ. Ну, Фадей! Хорошія ли скажешь мнѣ вѣсти.

Фадей. Прехорошія, сударь!

Аристархъ. Пожалуй, не умничай; а безъ умничанія говори скоряе.

Фадей. Я скажу вамъ... Нѣтъ, сударь, погодите немножко и дайте сперва осмотрѣть, цѣлы ли ваши уши.

Аристархъ. Не съ ума ли ты сошелъ?

Фадей. Слава Богу! оба еще цѣлешеньки. Да, полно, жаль того, что завтра ни одного не будетъ.

Аристархъ. Скажи, пожалуй, что это за враки?

Фадей. Эти враки значутъ то, что если соперникъ вашъ таковъ же золъ и бѣшенъ, какъ слуга его, то мы оба изуродованы будемъ.

Аристархъ. Развѣ Евграфъ возвратился?

Фадей. Да, чортъ его возьми! возвратился къ нашей погибели, и съ слугою своимъ господиномъ Андреемъ, котораго засталъ я здѣсь съ Настасьею. Боже мой! Какая-жъ у него гордая выступка и какое въ немъ буянство! Лишь меня увидѣлъ, то въ тотъ-же часъ запретилъ видѣться съ Настасьею, съ тѣмъ, что обрубитъ мнѣ носъ и уши, ежели его не послушаюсь. Евграфъ, я чаю, и вамъ закажетъ видѣться съ Клеопатрою подъ тѣмъ же наказаніемъ. Послушайте, сударь, меня! Навостримъ за добра ума отсюда лыжи; уступимъ силѣ и безъ пролитія крови дадимъ верхъ непріятелю. Бѣжокъ хотя не красенъ, да здоровъ! Поѣдемъ къ прекрасной Пульхеріи, молодой нашей вдовушкѣ. Я за нее ручаюсь, что она васъ еще по прежнему любитъ. А вы, сударь, безъ всякой жалости ее оставляете. Три года ждетъ она понапрасну вашего возвращенія. Поѣдемъ къ ней. Она обѣими руками за васъ ухватится.

Аристархъ. Ахъ! Не говори мнѣ о Пульхеріи. Неблагодарность моя долго меня смущала, но наконецъ противъ воли моей прелести Клеопатрины перемогли всѣ мои разсужденіи. Я же думаю, что можетъ быть и Пульхерія меня

забыла. Она ко мнѣ давно писать перестала, изъ чего заключаю, что она и сама также, какъ я, въ другаго влюбилась.

Фадей. Этому не можно статься! По ея совѣсти и поступкамъ, о которыхъ вы безъ умолку мнѣ говаривали, не могу я о ней такъ худо думать. Вмѣсто того, чтобы ей въ другаго влюбиться, божусь за нее, что она плачетъ объ васъ, не вѣдая про вашу невѣрность.

Аристархъ. Ты очень легковѣренъ, бѣдный Фадей! Не надобно столько времени для женщины на забытіе прежняго любовника. А если бы Пульхерія и въ истину меня любила, то бы ты и тогда о томъ молчать былъ долженъ и дать мнѣ волю думать объ ней противное, почитая ее такою-жъ, какова большая часть ея полу. Тѣмъ могу я избавиться отъ грызенія совѣсти, которая сердце мое непремѣнно бы терзала, ежели-бъ я вѣрилъ, что она постоянно меня любитъ.

Фадей. Поѣдемъ, сударь, къ ней. Я слезно о томъ васъ прошу. Вы сами себѣ ищете здѣсь несчастія.

Аристархъ. Трусъ!

Фадей. Отнюдь нѣтъ! Коли-бъ наши соперники въ такой же службѣ были, какъ мы, то бы увидѣли вы мою храбрость. Да они лихъ люди военные и привыкли къ пороху, дыму, пулямъ и ядрамъ; для нихъ, сударь, и смерть копѣйка!

Аристархъ. О простакъ! Неужли ты думаешь, что тотъ, кто на войнѣ побывалъ, всѣхъ другихъ людей храбряе и опаснѣе?

Фадей. А какъ же? Это вѣдь и правда?

Аристархъ. А я тебѣ докажу противное. Вѣрь мнѣ, что въ войскѣ трусливыхъ столько же, какъ и смѣлыхъ, ежели не больше. Я зналъ многихъ, которые меньше всего храбрости имѣли, однако наружно тѣмъ старались казаться, и пріѣзжая съ войны, всѣмъ людямъ храбрыми своими дѣлами уши пробрюзживали. Много есть и такихъ, которые трепетали тамъ внутренно и обѣщали всѣмъ святымъ свѣчи и молебны, а послѣ того презирали тѣхъ, которые на войнѣ не бывали, хотя и объ нихъ знаютъ, что они должны были это дѣлать по неволѣ: иные для пріобрѣтенія чести и богатства, а другіе по приказанію своихъ родителей. И когда тебѣ лишь для того Евграфъ страшенъ

кажется, что онъ былъ на войнѣ, а я нѣтъ, то я нарочно чаще прежняго стану ходить къ Клеопатрѣ. Пойдемъ къ ней.

Фадей. Настасья мнѣ сказала, что до вечеру не можно увидѣться съ нею.

Аристархъ. Инъ пойдемъ же къ моему заимодавцу и возьмемъ денегъ. У меня уже всѣ изошли.

Фадей. Вотъ, что хорошо, то хорошо.

Аристархъ. Пойдемъ. Да что это за женщины въ покрывалахъ остановились? Мы имъ помѣшаемъ, ежели долѣе здѣсь пробудемъ. Повидимому, пришли они сюда на свиданіе.

Фадей. Можетъ быть. Я ихъ не знаю, только мнѣ кажется, будто-бъ я видалъ ихъ разовъ пять-шесть, что они ходя за нами примѣчаютъ.

Аристархъ. Это не наше дѣло. Ступай за мною.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Пульхерія и Марья *(въ покрывалахъ)*.

Марья *(поднявъ покрывало)*. Онъ опять невѣдь куда умчался. Отдохните, сударыня, немножко.

Пульхерія. Ахъ!

Марья. Что это? Вы вздыхаете?

Пульхерія. Онъ скрылся отъ глазъ моихъ! Онъ и не зная обо мнѣ, отъ меня бѣгаетъ! А я, видя это, могу ли удержаться отъ вздоховъ?

Марья. Всеконечно должны вы отъ нихъ удержаться и объ немъ вовсе не думать. Я бѣшусь, сударыня, смотря на то, что вы дѣлаете для неблагодарнаго и недостойнаго любви вашей.

Пульхерія. Перестань его поносить. Твоею бранью любовь моя огорчается. Я извиняю нѣкоторымъ образомъ его непостоянство. Онъ молодъ и три года не видался со мною, а Клеопатра очень прекрасна и потому его легко плѣнить могла.

Марья. Говоря правду, вы очень безразсудны (простите меня, сударыня, за это слово), что столько много сносите отъ такого безпутника, который вамъ измѣнилъ, давши обѣщаніе на васъ жениться. Я передъ вами самая бѣдная дѣв-

ка, только кто бы ни поступилъ такъ со мною, хотя бы онъ какъ ангелъ былъ прекрасенъ, я бы никогда ему не простила.

Пульхерія. Я не такова мстительна, и тѣмъ утѣшаюсь, что вижу много такихъ-же примѣровъ съ другими, которыя меня достойнѣе, но столько-жъ несчастливы.

Марья. Это правда! нынѣшній вѣкъ не женскій. Мода съ насъ спала и безсовѣстные мужчины столько намъ презрѣнія дѣлаютъ, что почти сносить не можно. О, ежели-бъ всѣ женщины меня послушались, то бы научила я ихъ, что имъ дѣлать!

Пульхерія. А что такое?

Марья. Всякому мужчинѣ, который бы къ намъ ни подвернулся, наклеить носъ и ни одного на глаза не пускать.

Пульхерія. Ахъ, Марьюшка, со всею ихъ невѣрностію они намъ прелестными кажутся, и я это говорю испытавши.

Марья. И то правда.

Пульхерія. Ежели бы не приманчивый ихъ видъ, которымъ они насъ обольщаютъ, то бы давно мы ихъ наказали и совсѣмъ бы прѣзрили, и я не вѣдаю, что-то бы они стали безъ насъ дѣлать.

Марья *(печально)*. А мы-то сами, сударыня, какъ бы безъ нихъ прожили?

Пульхерія. Правда, что намъ бы скучно было, но они больше бы нашего грустили.

Марья. Не такъ много, какъ вы думаете.

Пульхерія. А почему?

Марья. Потому, что они имѣютъ много забавъ, которыя насъ изъ мыслей ихъ прогонять могутъ. Напримѣръ, картежная игра и столъ съ хорошими напитками, гдѣ они частенько такъ подпиваютъ, что не только объ насъ, да и о себѣ не помнятъ; а для женщинъ такихъ веселостей нѣтъ. Вѣдь все наше благополучіе состоитъ въ одной только любови... *(Видя, что боярыня плачетъ, продолжаетъ)* Да когда уже вы, сударыня, необходимо безъ любви не можете быть благополучны, такъ по крайней мѣрѣ перестаньте за Аристархомъ гоняться. Послушайте меня: выберите другаго, забудьте свою печаль, и съ нею того непостоянника, который васъ презираетъ.

Пульхерія. Нѣтъ! Я не могу слѣдовать твоему совѣту.

Аристархъ мнѣ полюбился. Я сказала ему, что люблю его, и моего слова не перемѣню вѣчно.

Марья. Да что-жъ намѣрены вы дѣлать? Для чего съ нимъ не говорите? Для чего ему не открываетесь, когда безъ него миновать не можете? Скоро уже два мѣсяца будетъ, какъ мы сюда изъ деревни пріѣхали искать этого измѣнника. Вы все въ домѣ своемъ для него покинули, и сказали, что поѣхали сюда окончить судное дѣло, а вмѣсто того, будучи здѣсь, безпрестанно плачете и вздыхаете, ничего не начиная.

Пульхерія. Я для того такъ поступаю, чтобы не подвергнуться презрѣнію неблагодарнаго моего любовника. Я не хочу до тѣхъ поръ открыться, пока не буду увѣрена о благополучномъ отъ моего вымысла успѣхѣ.

Марья. Однако, сударыня, ежели вы больше медлить будете, то можетъ быть помѣшаютъ вамъ въ намѣреніи вашемъ. Вѣдь вы знаете, что васъ здѣсь ищутъ ваши сродники, къ которымъ матушка ваша объ васъ писала.

Пульхерія. Это-то всего больше меня безпокоитъ, и въ томъ мнѣ прежде всего должно остеречься. Я вымыслила, по моему мнѣнію, хорошій къ тому способъ. Послушай. Дни съ три тому пришла мнѣ въ голову эта полезная для моего укрытія выдумка... Но я тебѣ ее не скажу. Ты тотчасъ ее похулишь и назовешь смѣшною.

Марья. Станется! Однако скажите, сударыня?

Пульхерія. Нѣтъ! Теперь не скажу, а скажу только то, что ничемъ меня отвратить отъ нея не можно. Пойдемъ домой и исправимъ все къ тому потребное. Ты мнѣ очень нужна въ моемъ предпріятіи, и я надѣюсь, что ты помочь мнѣ не отречешься.

Марья. Всего можете отъ меня надѣяться. Пойдемъ, сударыня! Вѣрная ваша служанка все для васъ сдѣлать готова, и она довольно уже наслышалась, что наши сестры должны въ пользу влюбленныхъ госпожъ своихъ заложиться, а въ случаѣ нужды и больше того сдѣлать.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пульхерія и Марья *(въ мужескомъ платьѣ)*.

Марья. Ну, сударыня! насилу мы нарядились. Боже мой, какое странное предпріятіе! Въ жизнь мою не бывала я въ такомъ страхѣ. Не могу безъ стыда пройти по улицѣ, и мнѣ кажется, что теперь всѣ люди надо мною смѣются.

Пульхерія. Но ты мнѣ очень смѣла кажешься, и твой видъ довольно соотвѣтствуетъ съ тѣмъ, что тебѣ дѣлать должно.

Марья. Этого я въ себѣ не вижу, только могу сказать, что, нарядясь въ мужское платье, чувствую, будто я въ тысячу разъ безстыднѣе прежняго стала, и надѣюсь съ довольнымъ успѣхомъ исправить должность повѣреннаго слуги какой-нибудь знатной кокетки. Я много ихъ здѣсь знаю, изъ которыхъ всякая хорошо мнѣ заплатитъ, ежели къ ней служить пойду. И коли эти вѣсти, что я слыхала, правдивы, будто-бъ холопъ, желая нажить имя исправнаго человѣка, непремѣнно долженъ быть бездѣльникъ, то я могу быть лучшимъ въ Россіи слугою. Вы меня, сударыня, въ этомъ нарядѣ прельщаете, и ежели-бъ я не совершенно была увѣрена, что мы обѣ женщины, то признаваюсь вамъ, что не устояла бы я противъ искушенія. Какой же прекрасный станъ! Какая выступка! Пройдите еще немножко и дайте на себя насмотрѣться.

Пульхерія. И, Марья, какъ же ты дурачишься!

Марья. Божусь, что вы ужасно прелестны, и хочу объ закладъ биться, что въ этотъ часъ всѣхъ тѣхъ, кто васъ ни увидитъ, любить себя заставите.

Пульхерія. Въ горестномъ моемъ состояніи я не имѣю намѣренія никому нравиться. Причиною моего наряда одно только желаніе укрыться отъ сродниковъ, которые меня ищутъ. Признаваюсь тебѣ, что узнавши о матери Клеопатриной, которая при всей своей старости очень влюбчива и преглупая кокетка, хочу постараться этотъ кафтанъ употребить въ свою пользу. Я намѣрилась безпрестанно ей ус-

луживать, и ежели-бы она въ меня влюбилась, то имѣла бы я вѣрный способъ отмстить моему измѣннику.

Марья. А какимъ образомъ?

Пульхерія. Принудивши жеманную старушку выгнать Аристарха изъ своего дому и заказать дочери съ нимъ видѣться.

Марья. Выдумка прекрасна. Но мнѣ кажется, сударыня, что Аристархъ можетъ узнать васъ, и ваше притворство пропадетъ напрасно.

Пульхерія. Въ эти три года, какъ онъ со мною не видался и можетъ быть совсѣмъ обо мнѣ не думалъ, лицо мое довольно перемѣнилось. Я покажусь передъ нимъ безъ опасенія, и онъ меня не узнаетъ. Это платье и парикъ волосъ другаго цвѣту помогутъ моему притворству. Онъ скоряе почтетъ меня братомъ моимъ Сосипатромъ, на котораго я очень похожа. Вѣдь ты знаешь, что въ насъ, когда я наряжалась въ мужское платьѣ, всѣ знакомые обозначались.

Марья. Да какимъ же образомъ сведете вы съ старушкою знакомство?

Пульхерія. Я буду вездѣ ходить за нею, стану стараться нѣжные бросать на нее взгляды, такъ какъ дѣлаютъ мужчины въ подобныхъ случаяхъ. Эти устарѣлыя кокетки не обманываются. Они все примѣчаютъ, и ничего не просмотрятъ.

Марья. Это изрядно; да знаете ли вы, сударыня, какъ при такомъ случаѣ поступать должно? Не думаю, чтобъ вы въ силахъ были все это сдѣлать, чѣмъ вертопрашные мужчины женщинъ обольщаютъ.

Пульхерія. Этого я не знаю, и столько наполнена моею страстною любовію, что о томъ и не подумала.

Марья. Очень непохвально. Вы хотите, чтобы въ васъ влюблялись, а не имѣете ни на шеѣ дезеспуара, ни въ рукахъ лорнета; да у васъ же и кафтанъ не напудренъ и волосы не алагрекъ убраны. Это непростительный грѣхъ, ежели щоголь всѣхъ этихъ дурачествъ не исполняетъ. Вѣрьте мнѣ, что волокиты нашихъ легкомысленныхъ сестеръ больше всего шалостями и безстыдствомъ прельщаютъ.

Пульхерія. Я тебѣ вѣрю.

Марья. Посмотримъ, какъ вы поступите. Поправьте не-

множко парикъ; надѣньте шляпу. Фуй! какъ же это дурно Это совсѣмъ по-посадски. Посмотрите на меня; примѣчайте какъ я дѣлаю, и старайтесь мнѣ подражать.... Ну! это изрядно. Притворитесь нѣсколько понѣжняе, сдѣлайте томные глаза, заговорите тихо и протяжно, а потомъ вдругъ рѣчь перервите и начните отчаяннымъ казаться. Научитесь что-нибудь безпрестанно въ рукахъ вертѣть и шевелить, хотя перчатку, хотя платокъ, или что-нибудь другое.

Пульхерія. Какую пустоту ты мелешь!

Марья. Такимъ-то должно быть тому, кто женщинъ прельщать хочетъ. Неужли думаете вы плѣнить ихъ важнымъ философскимъ видомъ? Посмотрю, каковы-то у васъ ноги. Это самая главная вещь. У кого онѣ не статны, тотъ и самъ весь не статенъ. Вы смѣетесь, сударыня! А мнѣ кажется что тутъ шуткамъ нѣтъ и мѣста.

Пульхерія. Марья, ты уже и сердишься.

Марья. Конечно! Можно-ли безъ того обойтиться, ставши вашимъ повѣреннымъ слугою? Сыщется ли хотя одинъ слуга, который бы, знавши за бояриномъ любовныя сплётки, зубъ за зубъ съ нимъ ни бранился? Перестаньте, сударыня, изъ этого дѣлать столько удивленія. Вамъ должно хорошенько ко всему привыкнуть и научиться поступкамъ придворныхъ господъ, украшать изрѣдка рѣчь вашу божбою, не смотря на то, въ правдѣ или во лжѣ, лишь бы кстати. Напримѣръ, когда говорить будете съ красавицею, показываясь въ нее влюбленнымъ: «Такъ, сударыня, я васъ обожаю. Вы прекраснѣе всѣхъ на свѣтѣ. Клянусь вамъ, что никого кромѣ васъ не любилъ и вѣчно любить не буду; и можно-ли кого нибудь полюбить, васъ узнавши?» Когда-жъ она усумнится въ истинѣ словъ вашихъ, то надлежитъ, показавшись отчаяннымъ, опять начать: «Ахъ, сударыня какую ужасную несправедливость вы мнѣ дѣлаете! Пусть меня Богъ накажетъ, ежели вамъ говорю не правду! Пусть громъ убьетъ меня, ежели васъ не обожаю!» Эти слова чудеса дѣлаютъ и ими скоро можно увѣрить, а безъ нихъ рѣчь любовникова пропадетъ даромъ.

Пульхерія. Перестань! Я можетъ быть лучше поступлю, нежели ты думаешь.

Марья. Станется. Но повѣрьте мнѣ, сударыня, что волокиту не такъ легко представить, какъ вы думаете, и вы отнюдь не должны за него приниматься, не выуча наперед

у меня нѣсколькихъ уроковъ. Я сама въ три года, служивши у шестидесятилѣтней княгини, которая морщины свои такъ заглаживаетъ, что людямъ незнакомымъ въ тридцать лѣтъ кажется, насилу все то выучила, что вамъ пересказываю.

Пульхерія. Въ прежнее время охотно любила я слушать твои шутки, а теперь они меня безпокоятъ.

Марья. Потерпите. А табакеркою, что я вамъ дала, знаете ли какимъ образомъ кстати пользоваться? Она самая новоманерная и вышла послѣ тѣхъ шалостей, что алагрекъ, алабюшеронъ и алексипсъ назывались, и она названа алаcалуетъ. При томъ же хотя она и десяти алтынъ не стоитъ, однако по десяти рублевъ верченые наши молодчики ихъ сперва покупали. Не задумывайтесь, сударыня. Извѣстно-ли вамъ, что между придворныхъ людей есть наука даже до того, какъ и табакъ нюхать?

Пульхерія. Да, я знаю, что это у нихъ такая вещь, которую они отъ бездѣлья выучили и которая имъ во многомъ помогаетъ. Табакъ то самое для мужчинъ, что скляночка съ благовонною водою для женщинъ; тѣ и другія этими бездѣлюшками пользуются и они ихъ изъ многихъ хлопотъ избавляютъ. Сидючи въ бесѣдѣ, въ ту пору ихъ употребляютъ, когда языкъ перемелется и говорить нечего будетъ.

Марья. Вы это знаете! А многіе есть и такіе еще невѣжи, которые дивятся тому, на что господа очень часто вынимаютъ табакерки, не нюхая изъ нихъ табаку... Однако этого всего не довольно. Посмотримъ, по правилу ли вы изъ табакерки берете и нюхаете.

Пульхерія. Посмотри себѣ! Я переняла это отъ самыхъ искусныхъ нюхальщиковъ, которые за то славятся и которыхъ можно имѣть примѣромъ. Я думаю, что довольно хорошо имъ подражаю.

Марья. Да вы это очень хорошо дѣлаете, и точь въ точь, какъ пожилой Слабоумовъ. Онъ, промотавши все богатство нынѣ однимъ табакомъ щеголяетъ и табакерокъ по пяти съ разными табаками въ карманахъ носитъ, чтобы на чемъ ни есть лишь бы промотаться.

Пульхерія. Ты очень злословна.

Марья. Я въ Москвѣ съ десять лѣтъ, да еще и знат-

ной госпожѣ служила, гдѣ заочному злословію не трудно научить.

Пульхерія. Оставимъ пустые разговоры. Знаешь ли ты, въ чемъ я больше всего нахожу удовольствія, надѣвши это платье? Въ томъ, что избавляюсь отъ многихъ дурачествъ, которыя ежеминутно говорятъ намъ мужчины. Женщина разумная подвержена слушать, и сносить пустыя привѣтствіи отъ всѣхъ тѣхъ, съ которыми въ разговоръ входитъ. А это бы въ теперешнемъ случаѣ очень меня безпокоило.

Марья. Что? Вы думаете этимъ платьемъ отъ того избавиться?

Пульхерія. Всеконечно. И неужли женщины таковы же будутъ безстыдны и станутъ говорить о любви, какъ говорятъ нашимъ сестрамъ петиметры?

Марья. Еще безстыднѣе! Вы, сударыня, здѣшнихъ кокетокъ совсѣмъ не знаете. Онѣ почти всѣ въ васъ влюбятся.

Пульхерія. Что? Весь городъ въ меня влюбится?

Марья. Да, сударыня. Вы безъ числа побѣдъ надѣлаете.

Пульхерія. Въ этомъ кафтанѣ?

Марья. Вѣрьте мнѣ, что всѣ женщины васъ обступать будутъ. Этотъ нарядъ присталъ къ вамъ ужасно, и вы лишь въ немъ покажетесь, то получите тридцать объявленій любовныхъ на словахъ и въ письмахъ. Со всѣхъ сторонъ будутъ нападать на васъ, и я хочу о закладъ биться, что и мнор, хотя я отъ васъ очень красотою отстала, многіе плѣнятся, и я на свою долю любовницъ достану.

Пульхерія. Перестань! Ты уже слишкомъ расшутилась. Подумаемъ лучше о моемъ дѣлѣ. Да кто-то идетъ къ намъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Пульхерія, Евграфъ, Марья и Андрей.

Евграфъ. Андрей, поди и провѣдай... Но что я вижу? Не обманываюсь ли? Полно, онъ ли это?

Пульхерія. Мнѣ кажется, что это Евграфъ.

Евграфъ. Сосипатръ Григорьевичъ, ты ли?

Пульхерія. Конечно я, и очень радъ, что тебя здѣсь увидѣлъ.

Евграфъ. Ахъ, любезный другъ! дай мнѣ обнять себя... Я такую радость чувствую, тебя нашедши, что не могу изъяс...

Пульхерія. Она и для меня чрезмѣрна. *(Въ сторону)* Очень я рада, что онъ почелъ меня моимъ братомъ. *(Евграфу)* Гдѣ и каково ты съ тѣхъ поръ находился, какъ мы разстались?

Евграфъ. Въ полку, и довольно хорошо, исключая безпокойствъ, иногда въ походѣ случавшихся.

Пульхерія. И все еще драгуномъ? Или уже нѣтъ, потому что ты въ собственномъ платьѣ?

Евграфъ. Все еще, да знать и умереть въ этомъ прескучномъ званіи. Мундиръ же для того я скинулъ, что тайно сюда пріѣхалъ. А ты, любезный другъ, какъ пожилъ по это время? Всегда ли ты былъ въ добромъ здоровьѣ?

Пульхерія. Слава Богу.

Евграфъ. А сестрица твоя?

Пульхерія. Здорова же.

Евграфъ. Божусь, что глядя на тебя, кажется, будто бы ее вижу. Вотъ вы сколько похожи другъ на друга! И тебя съ нею тѣмъ лишь распознать можно, что ты ее гораздо порѣзвяе.

Пульхерія. Этому дивиться нечего: она женщина, а я мужчина; ихъ сестры иногда и очень часто смиренницами кажутся.

Евграфъ. Вышла ли опять замужъ?

Пульхерія. Нѣтъ.

Евграфъ. Это не хорошо. Ваши земляки великую дѣлаютъ ей несправедливость.

Пульхерія. Я тебѣ за этотъ пріятельскій отзывъ очень благодаренъ.

Евграфъ. Клянусь Богомъ, что по смерть не забуду я дружбы и одолженій вашего родителя и всѣхъ сродниковъ, которыя видѣлъ я отъ нихъ, стоючи въ вашемъ помѣстьѣ на зимовыхъ квартирахъ.

Пульхерія. Увидимся ли мы тамъ опять когда-нибудь съ тобою?

Евграфъ. Ахъ, любезный другъ! я въ томъ не властенъ. Должно ожидать, чтобы меня туда послали.

Пульхерія. Да за какимъ же дѣломъ теперь ты здѣся? Можно-ли о томъ узнать, не сдѣлавъ тебя нескромнымъ?

Евграфъ. У меня нѣтъ для тебя тайностей. Знай, что я влюбленъ и что пріѣхалъ сюда съ зимовыхъ квартиръ украдкою повидаться съ моею любовницею, надѣяся на ней жениться. До отъѣзду моего казалось все намѣренію моему благосклонно, а теперь свѣдалъ я, что имѣю соперника, богатаго и весьма опаснаго щоголя.

Пульхерія. Ахъ! лишь влюбись, а то уже безъ несчастія не минуешь.

Евграфъ. Я очень радъ, что тебя нечаянно нашелъ. Ты можешь мнѣ теперь великое сдѣлать одолженіе. Знаешь ли ты госпожу Староселову?

Пульхерія. По слуху.

Евграфъ. Она мать моей любовницы, и когда ты объ ней слыхалъ, такъ напрасно потрачу я время повтореніемъ того, что ты, безъ сомнѣнія, уже вѣдаешь. Однако скажи пожалуй, какъ тебѣ ее описывали?

Пульхерія. Женщиною веселою и такою, которая мужчинъ очень жалуетъ.

Евграфъ. Точно такъ! Она скоряе всѣхъ кокетокъ сдѣлаетъ съ мужчиною знакомство, и она непобѣдимую слабость противъ молодыхъ людей имѣетъ. Сдѣлай мнѣ милость, поволочись за нею.

Пульхерія. Мнѣ волочиться за этою старухой?

Евграфъ. Конечно тебѣ. Пожалуй, не отговаривайся, отъ этого все мое благополучіе зависитъ. Ежели ты овладѣешь ею, то утвердишь мое счастіе, сдѣлавъ мнѣ передъ моимъ соперникомъ преимущество.

Пульхерія. Все для тебя сдѣлаю. *(Въ сторону)* И онъ помогаетъ моему предпріятію. *(Евграфу)* Да по крайней мѣрѣ скажи мнѣ, какъ за это приняться должно?

Евграфъ. Надобно зачать ходить къ ней, и я тебя теперь же поведу съ собою.

Пульхерія. Развѣ безъ всѣхъ околичностей придти къ ней можно?

Евграфъ. Да. Она не любитъ пустыхъ учтивостей и у нея всѣ честные люди хорошо принимаются. Впрочемъ, могу я льститься передъ другими нѣкоторымъ преимуществомъ, что тотчасъ тебѣ и докажу. Андрей! Скажи Настасьѣ, что я съ моимъ другомъ хочу теперь хозяйку этого дома увидѣть. *(Сосипатру)* Могу ли и я спросить тебя, зачѣмъ ты сюда пріѣхалъ?

Пульхерія. Только затѣмъ, чтобы будущій походъ послужить въ арміи. Эти мысли толь сильно въ меня вкоренились, что я ихъ преодолѣть не могъ.

Евграфъ. А! пожалуй, этого не дѣлай; послушайся меня: я дружески тебѣ совѣтую. Въ походѣ очень много трудовъ сносить должно.

Пульхерія. Бездѣлица! Мой видъ самый обманчивый въ свѣтѣ. Я кажусь чрезмѣрно нѣженъ, въ чемъ и не спорю. Однако ты не знаешь всего, что я сдѣлать былъ намѣренъ.

Евграфъ. Ты шутишь.

Пульхерія. Отнюдь нѣтъ, а чтобъ тебя увѣрить, такъ вѣдай, что на первый походъ хотѣлъ я выпроситься въ вашъ полкъ и въ твою роту, чтобы прослужить подъ твоимъ руководствомъ. Я по крайней мѣрѣ тѣмъ льстился, что ты со мною съ какою-нибудь отмѣною поступать станешь и не покажешь такой власти и строгости, какую капитаны надъ своими солдатами показываютъ.

Евграфъ. Вотъ тебѣ моя рука, что я все для тебя сдѣлаю. Мы бы жили неразлучно другъ съ другомъ и я раздѣлилъ бы съ тобою мою палатку, лошадей, слугъ, столъ и постелю.

Пульхерія. Полно, можно ли на это обѣщаніе положиться?

Евграфъ. Очень. Я бы желалъ, чтобы мы теперь уже въ походѣ были.

Пульхерія. Я очень много тобою обязанъ буду.

Евграфъ. Чего для тебя не можно сдѣлать? Вѣрь мнѣ, что не будешь раскаяваться, если со мною поѣдешь. Ты очень весело время съ нами проведешь и всѣ наши офицеры тебѣ рады будутъ.

Пульхерія. И такъ не буду я никогда безъ товарищей?

Евграфъ. Нѣтъ! я за то ручаюсь.

ЯВЛЕНІЕ III.

Евграфъ, Пульхерія, Марья, Андрей и Настасья.

Настасья *(Евграфу)*. Клеопатра васъ, сударь, въ саду ожидаетъ. Вы можете тамъ поговорить съ нею, и я васъ увѣряю, что она очень обрадуется, увидѣвъ васъ и вашего друга.

Евграфъ. Пойдемъ, братецъ. А госпожу Староселову можемъ ли мы увидѣть?

Настасья. Она еще не одѣлась, и обыкновенно никогда прежде трехъ часовъ по полудни одѣта не бываетъ.

Евграфъ. Такъ вотъ теперь скоро три ударитъ; поспѣши одѣть ее, чтобъ мы и ей могли почтеніе наше засвидѣтельствовать.

Настасья. Это сдѣлано будетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Марья, Настасья и Андрей.

Настасья. Другъ господина твоего очень недуренъ и у насъ его непремѣнно полюбятъ.

Андрей. А ты не полюби слугу его; и онъ также малой смазливый.

Марья. Это правда; лицо мое довольно пригожо, да и станъ мой очень складенъ.

Андрей. Однако совсѣмъ тѣмъ мнѣ уже ты не опасенъ. Въ тебѣ есть одинъ порокъ, который все твое пригожство портитъ. У тебя бороды нѣтъ.

Марья. Это для того, что я очень молодъ и не дожилъ до тѣхъ лѣтъ, когда она рости начинаетъ.

Андрей. Нѣтъ, дружочикъ, не то поешь. Ты по смерть имѣть ее не будешь. Я это очень твердо знаю. Подь-ка сюда и дай еще немножко на себя поглядѣть. Что это? У тебя ни одного волоса и на усахъ не видно.

Марья. Да что-жъ въ томъ за нужда?

Андрей. Что въ томъ за нужда? Вотъ тебѣ на! Въ этомъ все зависитъ. Ты смѣешься? Однако право нечему зубы скалить. То, что я говорю, говорю не безъ причины, и я много разъ слыхалъ отъ моей матери, что мужчины безбородые слаботѣлы, и объ нихъ по тому заключаютъ, что они къ трудамъ плохи.

Настасья. Прощай. Какой же ты пустомеля!

Андрей. Что? Ты уже разстаться со мною хочешь? Да куда-жъ ты бѣжишь отъ меня, моя плутовочка?

Настасья. Одѣвать старую боярыню.

Андрей. Эта работа не легка, ежели она еще такова же.

Настасья. Такова же? Она никогда и не перемѣнится, и нынче столько-же въ уборахъ причудна, какъ и въ пятнадцать лѣтъ дѣлала. Почитаетъ себя молодою красавицею и не можетъ прожить безъ любовниковъ. Словомъ, волокитство для нея по гробъ будетъ прелестно; однако, она много и добродѣтелей въ себѣ имѣетъ.

Марья. О! я этому вѣрю. Безъ этого ты ей и служить бы не стала.

Настасья. Всеконечно.

Марья. Ты вѣдь только для того ей и служишь, что въ ней знаешь скрытныя добродѣтели, и оттого ей во всѣхъ дурачествахъ помогаешь.

Настасья. Неужли не дѣлать мнѣ того, что дѣлаютъ мои подруги?

Андрей. Безъ сумнѣнія. Прощай, душенька! Мы съ этимъ молокососомъ пойдемъ прогуляться. Да какъ же скоро намъ придти сюда? Долго ли промѣшкаешь ты, одѣвая старую свою кокетку?

Настасья. Недолго, и конечно не больше часа, потому что голова ея уже убрана и рубашка надѣта, итакъ половина дѣла исправлена.

Андрей. Прощай, сударка!

Настасья. Прощайте!

ЯВЛЕНІЕ V.

Настасья *(одна)*. Пойду разряжу мою боярыню и очень много услужу ей, расхваля красоту Евграфова друга.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Г. Староселова, Евграфъ, Пульхерія, Клеопатра и Настасья.

Пульхерія. Для Бога, сударыни, оставимъ привѣтствіи. Я не знаю, какимъ образомъ отблагодарить за вашъ ласковый пріемъ. Всѣ лишнія учтивости меня смущаютъ. Я люблю вольность и мнѣ всякое принужденіе несносно. Смѣю ли спросить васъ, чѣмъ изволите провождать время, какія любите забавы и можно ли намъ имѣть въ нихъ участіе?

Клеопатра. Иногда мы очень скучно, а иногда и весело время провождаемъ. Мы живемъ такъ же, какъ и другіе люди. Маскарады, оперы и комедіи поперемѣнно насъ забавляютъ.

Евграфъ. Кстати заговорили вы, сударыня, о комедіяхъ. Завтра долженъ я идти въ нее. Лишь только я съ старыми знакомцами увидѣлся, то просили меня, чтобы я пособилъ имъ испортить какую-то новосочиненную, молоденькаго писца, комедію, которую въ первый разъ представлять будутъ.

Клеопатра. Что, сударь?... Испортить новую піесу? Полно, можно ли эдакія дѣлать просьбы, не знавъ напередъ хороша или дурна она будетъ?

Пульхерія. Чему вы дивитесь, сударыня. Я знаю человѣкъ трехъ, которые давно такъ поступаютъ и всегда въ томъ удачу имѣютъ. Они никогда не упустятъ этого сдѣлать, ежели сочинитель напередъ ихъ не задобритъ. Всѣ писцы должны, снискивая ихъ благосклонность, читать имъ свои сочиненія и униженно просить, чтобы они свое мнѣніе объ нихъ сказали, а притомъ расхвалить ихъ самолюбіе самымъ непозволеннымъ образомъ и почесть лучшими въ письменахъ знатоками; а ежели не такъ поступить, то они все найзвороть перетолкуютъ.

Г. Староселова. Это очень забавно.

Клеопатра. Отнюдь незабавно, а несносно, и я не думаю, чтобы легко было помѣшать успѣхамъ такой комедіи, которая похвалы достойна.

Евграфъ. Пусть она будетъ самая лучшая въ свѣтѣ, только непремѣнно похвалы не получитъ, ежели такіе знатоки, какъ я, въ это дѣло вмѣшаются. Этому я въ чужихъ еще краяхъ научился, и привыкнувъ тамъ — и здѣсь такъ же поступаю. Мы становимся къ *аркестру* въ разныхъ кучахъ человѣкъ по пяти. Кричимъ громко, нюхаемъ табакъ и очень часто харкаемъ и сморкаемъ, переходимъ съ мѣста на мѣсто и черезъ людей перекликаемся. Въ самыхъ важныхъ и лучшихъ явленіяхъ дѣлаемъ или говоримъ какія-нибудь шутки, худыя или добрыя, того не разбирая; а ежели это не поможетъ, то засмѣемся во все горло. Половина зрителей, послѣдуя намъ, сдѣлаютъ то-же; а другая за то осердится, отъ чего произойдетъ шумъ ужасный. Тутъ *актеръ* остановится, помѣшается, всю страсть упуститъ, и что потомъ ни станетъ представлять, все дурно покажется. Итакъ, видите ли, сударыня, какъ мы портимъ піесы?

Пульхерія. Вы удивительнымъ образомъ поступаете.

Евграфъ. Никто насъ не переможетъ.

Клеопатра. Конечно, никто. Я вижу, что въ этой наукѣ дошли вы до совершенства. Только хотѣла бы я вѣдать, какую вы прибыль отъ этого себѣ получаете?

Евграфъ. Какую прибыль! Мы этимъ забавляемся и показываемъ остроту разума.

Клеопатра. А ежели васъ за это вонъ выведутъ?

Евграфъ. По правдѣ сказать, давно бы надлежало, и къ намъ больше милости показывается, нежели мы заслуживаемъ.

Пульхерія. Только это очень весело. Надлежитъ и мнѣ войтить въ вашу шайку. Вы увидите, дурной ли я буду вамъ товарищъ, ежели ничего, кромѣ крику, не надобно.

Клеопатра. Я не вѣрю, чтобъ вы на это согласились.

Пульхерія. А я увѣряю васъ, сударыня, что съ завтрашняго-жъ дня... Но что я вижу? О Боже! Вотъ мой измѣнникъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Г. Старосѣлова, Клеопатра, Пульхерія, Евграфъ, Аристархъ и Настасья.

Г. Старосѣлова. А! здравствуй, сударь! Видно что сегодня вы нѣсколько полѣнились, потому что поздненько насъ посѣтили.

Аристархъ. Я не такъ небрежливъ, сударыня, какъ вы меня почитаете. Часа съ два уже тому какъ я былъ здѣсь, но мнѣ отказали; а хотя бы и совсѣмъ я не бывалъ, то думаю, что имѣя столь пріятное и веселое собраніе, обо мнѣ бы не поскучили.

Клеопатра. Это правда, что гости очень для насъ пріятны.

Аристархъ. Они весьма счастливы, сударыня, когда вы такъ объ нихъ отзываетесь.

Евграфъ. Всеконечно. Чего-жъ больше этого желать намъ?

Пульхерія. Но бесѣда еще-бъ пріятнѣе была, ежели бы его милость прежде насъ придти успѣлъ.

Аристархъ. Я не знаю, государь мой, въ какомъ разумѣ вы это выговорили, только по произношенію вашихъ словъ кажется мнѣ, что вы больше въ насмѣшку, нежели чистосердечно сказали.

Пульхерія. Никакъ, сударь! Вы напрасно и много меня обидите, толь неправильно слова мои толкуя. Все, что я говорю, говорю искренно, и языкъ мой никогда не измѣняетъ сердечнымъ моимъ чувствіямъ. Божусь вамъ, что я при васъ больше нахожу здѣсь удовольствія, нежели-бъ безъ васъ имѣть могъ. Я сказываю при всѣхъ истинныя мои мысли и думаю, что мое чистосердечное признаніе довольно можетъ васъ о искренности моей увѣрить.

Аристархъ *(тихо)*. Неужли это онъ? *(Громко)*. Я не знаю, государь мой, чѣмъ бы могъ я пріобрѣсть такое отъ васъ почтеніе.

Пульхерія. Я и самъ этого легко изъяснить не могу можетъ быть, что это дѣйствіе симпатіи, которая влечетъ и заставляетъ насъ любить одного человѣка больше, нежели другаго; а можетъ быть, и важная какая ни есть причина, обязываетъ меня желать вамъ всякаго благополучія. Но какъ бы то ни было, я не могу воспротивиться нѣкоей тайной склонности, которая принуждаетъ меня быть вашимъ другомъ.

Клеопатра. Такое чистосердечіе похвалы достойно.

Г. Старосклова. Можно ли больше этого, при первомъ случаѣ, ласки и дружбы оказать къ человѣку?

Аристархъ. Я столько за то благоренъ, сколько должно

и увѣряю васъ, государь мой, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ такъ много, какъ я, васъ не почитаетъ.

Пульхерія. Этого увѣренія для меня не довольно; мнѣ хочется чего нибудь понѣжнѣе и чувствительнѣе. Я въ дружбѣ столько же ревнивъ, какъ другіе въ любви бываютъ, и мою вамъ ввѣряя, не знаю чего то боюся. По городу распущены такія вѣсти, которыя меня смущаютъ: васъ винятъ непостоянствомъ.

Аристархъ *(тихо)*. Я не обманулся: это Сосипатръ, братъ Пульхеріинъ. *(Громко)* Не опасайтесь ничего, и будьте во мнѣ увѣрены. Всеконечно, предварены вы обо мнѣ очень несправедливо.

Пульхерія. А можетъ быть и справедливѣе, нежели вы думаете.

Аристархъ. Вы сударь?

Пульхерія. Да, сударь, я! Вспомните хорошенько о всемъ, что съ вами въ жизнь вашу случалось. Не найдется ли чего нибудь такого, которое не вовсе хорошимъ поступкомъ почесться можетъ? Неужли не чувствуете вы ни малаго грызенія совѣсти, когда вспомните о томъ, что въ проѣздъ свой въ нашей сторонѣ сдѣлали?

Аристархъ. Не знаю, право, что бы такое я тамъ сдѣлалъ, отчего бы совѣсть моя могла меня мучить?

Пульхерія. Подумайте хорошенько. Вамъ это лучше другихъ помнить должно. Да что это? Вы уже и краснѣетесь? Ага! краска ваша васъ изобличаетъ.

Аристархъ. Эге! теперь понимаю, о чемъ ты сказать хочешь. Безъ сумнѣнія, намѣренъ ты говорить объ одной женщинѣ, съ которою я, будучи въ вашемъ городишкѣ, имѣлъ знакомство. Чѣмъ больше я въ тебя всматриваюсь, тѣмъ пуще въ подозрѣніи моемъ утверждаюсь. Мнѣ кажется, что ты братъ ея.

Пульхерія. Такъ что же? Конечно я братъ ея. Не скажешь ли ты, что несправедливо тебя непостоянствомъ обличаю?

Клеопатра. Изъясните намъ ваши разговоры.

Аристархъ. Они не очень мудрены, сударыня. Лѣтъ съ пять тому назадъ, какъ батюшка посылалъ меня въ чужіе краи; а я въ проѣздъ мой чрезъ тотъ ябедническій городъ, который отъ всѣхъ заслужилъ это имя, и въ которомъ его милость изволилъ родиться, увидѣлъ тамъ сестру его

и былъ у нея нѣсколько разъ. А какъ въ такихъ посѣщеніяхъ кромѣ шуточныхъ любовныхъ привѣтствій, а особливо уѣзднымъ вдовушкамъ, говорить нечего, то иногда безъ помыслу проскакивали у меня нѣсколько разъ эти слова: *я люблю тебя;* съ чего этотъ господинъ хочетъ теперь меня увѣрить, будто-бы я тѣмъ великое сдѣлалъ злодѣяніе, что не сдержалъ такихъ словъ, которыя сестрѣ его говорилъ въ шутку.

Пульхерія. Подлинно, что вы правы, и уличить васъ нечѣмъ. Но по крайней мѣрѣ, государь мой, хотя немного усовѣстись и не съ такимъ уже безстыдствомъ отъ правды отрицайся. Скажи лучше, что не столько властенъ ты надъ своимъ сердцемъ, сколько хочется, что не по волѣ съ нимъ поступать можешь, и что, увидя госпожу Клеопатру, не могъ воспротивиться ея красотѣ и достоинствамъ; только не запирайся въ томъ, что прежде любилъ мою сестру, и всякими клятвами неоднократно увѣрялъ ее въ любви своей. Короче сказать, ты все то для нея дѣлалъ, что воспламененный любовникъ въ увѣреніе любовницы своей сдѣлать можетъ, даже до того, что обѣщался ни на комъ, кромѣ ея, не жениться.

Г. Старославова. Можно ли этому статься?

Клеопатра. Что это, сударь, вы уже съ другою вступили въ обязательство? Божусь вамъ, что я, узнавши о томъ, очень радуюсь.

Пульхерія. Неужли думаете вы, сударыня, что этотъ поступокъ его смущаетъ? Нѣтъ! Его милость пренебрегаетъ такія бездѣлки.

Аристархъ. Ежели бы обѣщеніе, о которомъ ты сказываешь, было справедливо, то бы мучился я совѣстію, его разрывая; но какъ оно никогда, кромѣ шутки, говорено не было, то тѣмъ хуже для твоей сестры, что она смѣху повѣрила.

Пульхерія. Правда, что вы удивительнымъ образомъ хотите увѣрить этихъ госпожъ, закрывая вину свою; но я думаю, что они изволятъ видѣть, что вы все говорите для своего лишь оправданія. *(Клеопатрѣ)* Онъ хочетъ увѣрить васъ, сударыня, что вы, будучи столь прекрасны и имѣя такія достоинствы, непостоянства его не должны опасаться, и даетъ разумѣть, что сестру мою оставилъ для того, что она съ вами не можетъ сравняться.

Евграфъ. Однако на него полагаться не очень можно.

Клеопатра. Ваша сестрица должна сама его за то прѣзрить.

Пульхерія. Ахъ, сударыня! Въ такихъ случаяхъ не всегда то дѣлается, что желаемъ и что надлежитъ. Бѣдная моя сестра терзается теперь горестію, питая лестною надеждою злополучную любовь свою, и по сіе время непоколебимою въ ней пребываетъ. Безразсудная страсть дѣлаетъ ее самою несчастною въ свѣтѣ. Извините меня, сударыня, въ моемъ смятеніи, которое, вспомня о ея состояніи, чувствую; я васъ прошу о томъ, и не могу передъ вами скрыть слезъ моихъ. Не могу безъ лютѣйшаго мученія помыслить о сожалѣніи достойной участи несчастной сестры моей, которую люблю чрезмѣрно, и ея печали собственными считаю. Она столько мила мнѣ, чтобы не пожалѣлъ я ничего на свѣтѣ для возвращенія прежняго ея покою. Благополучіе, здоровье, покой и все на свѣтѣ невѣрный этотъ любовникъ непостоянствомъ и презрѣніемъ своимъ вѣчно у нея похитилъ.

Аристархъ. Сказать правду, этотъ господинъ комедіантъ не послѣдній.

Клеопатра. Какъ? Ты тогда шутить можешь, когда отъ стыда умереть долженъ?

Аристархъ. Въ жизни моей забавнѣе этого случая не бывало со мною.

Г. Староскелова. Молчи! Когда ты могъ довесть до такой крайности бѣдную женщину, такъ вижу я, что ты самый безпутный человѣкъ. Ты зляе тигра и я тебя никогда больше видѣть не хочу.

Аристархъ. Когда вы, сударыня, столько огорчились, такъ я удалюсь. Надобно дать время утишиться вашему гнѣву. Между тѣмъ, обѣщаю этому господину, который насильно желаетъ мнѣ быть другомъ и который вамъ меня озлословилъ, принесть за его услугу должную благодарность.

Пульхерія Вы мнѣ тѣмъ великое сдѣлаете удовольствіе и я съ нетерпѣливостью ожидать буду.

Аристархъ. Я тебя отъ ожиданія избавлю и мы скоро увидимся.

Пульхерія. Тѣмъ лучше. Этого-то я пуще всего желаю.

ЯВЛЕНІЕ III.

Г. Старославова, Пульхерія, Клеопатра, Евграфъ и Настасья.

Клеопатра. Онъ ужасно разсердясь пошелъ отсюда. Я опасаюсь, чтобы не произошло ссоры между вами.

Пульхерія. Обнадеживаю васъ, сударыня, что сраженіе наше не кровопролитно будетъ.

Евграфъ. Я беру на себя, что никакого несчастія изъ этого не выйдетъ.

Г. Старославова. Устойте-жъ въ словѣ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Г. Старославова, Клеопатра, Пульхерія, Настасья, Евграфъ и Иванъ.

Иванъ. Клависинистъ, сударыня, въ залѣ васъ ожидаетъ. Что прикажете ему сказать?

Г. Старославова. Поди, Клеопатрушка, протверди урокъ свой. Эти господа съ охотою послушаютъ, какъ ты играешь, и я тотчасъ приду къ вамъ, лишь только о нуждѣ прикажу Настасьѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Г. Старославова и Настасья.

Г. Старославова. Ахъ, Настасья! подлинно, что другъ Евграфовъ прекрасенъ!

Настасья. Вѣдь я вамъ сказывала, сударыня, да вы мнѣ вѣрить не хотѣли.

Г. Старославова. Признаваюсь, что я словамъ твоимъ не повѣрила; но теперь вижу, что онъ прекраснѣя, нежели ты мнѣ описала. Ахъ, Настасьюшка! Какъ же бы я рада была, ежели бы онъ меня полюбилъ.

Настасья. Вѣрю.

Г. Старославова. Что до меня, я уже люблю его, и не таюсь въ томъ передъ тобою.

Настасья. А для чего бы таиться? Эта бѣда еще не велика.

Г. Старосѣлова. О, коли бы онъ меня полюбилъ!

Настасья. А для чего-жъ и не полюбить?

Г. Старосѣлова. Для многихъ причинъ. Въ-первыхъ, всѣ эти молодые господчики безъ выключки вѣтрены и не въ состояніи чувствовать страсти къ людямъ постояннымъ, и всѣ ищутъ такихъ же молодыхъ дуръ, каковы сами. Я очень часто бывала обманута и тысячи измѣнъ мнѣ дѣлали.

Настасья. Перестаньте, сударыня, объ этомъ безпокоиться и отдайтесь въ мои руки, а о слѣдствіи ничего не опасайтесь по прежнимъ примѣрамъ. Когда васъ доселева обманывали, тогда меня охранительницею не было. Ежели вы мнѣ ввѣритесь, то обѣщаю сдѣлать, что Сосипатръ по крайней мѣрѣ столько же васъ полюбитъ, сколько вы его любите.

Г. Старосѣлова. Статное ли дѣло?

Настасья. Я вамъ сказываю, что чрезъ два дня отдамъ его въ ваши руки самымъ страстнымъ любовникомъ въ свѣтѣ. А если мнѣ въ томъ не удастся, тогда извольте меня назвать самою глупою дѣвкою; хотя я, благодаря Бога, отнюдь не такова.

Г. Старосѣлова. Ахъ, голубка моя! Сколько много буду я тобою обязана! Всего можешь ты надѣяться отъ моего благодарнаго сердца. Да скажи же мнѣ, что къ тому потребно? Научи меня! Всѣ люди говорятъ, что ты въ эдакихъ дѣлахъ весьма искусна; а я божусь, что сколько много склонности къ любви ни имѣла, только не могла научиться потребной хитрости въ этихъ поступкахъ и мое простосердечіе всегда меня губило.

Настасья. Разныя въ тому, сударыня, есть средствы; а какъ теперь совсѣмъ некстати говорить о бездѣлкахъ и нѣтъ почти лишняго на то времени, то скажу я вамъ самыя главныя и надежныя.

Г. Старосѣлова. Ну-тка!

Настасья. Во-первыхъ, сударыня, надлежитъ оставить всѣ пустыя учтивости съ глупою благопристойностію, бросить древнія обхожденія, которыя прежде бывали въ модѣ, то-есть, будто-бъ мужчины должны напередъ открываться. Не дурачество ли это, сударыня, и не справедливо ли

этотъ вздоръ перемѣнили? Мнѣ кажется, что тотъ, который большую болѣзнь чувствуетъ, долженъ искать напередъ лекарства?

Г. Старославова. Справедливѣя этого быть не можетъ.

Настасья. Итакъ, сударыня, когда уже вы сперва къ нему любовь почувствовали, то вамъ должно напередъ и открыться.

Г. Старославова. А почему ты это знаешь? можетъ быть онъ сперва въ меня влюбился.

Настасья. И, сударыня, какъ вамъ не стыдно! Не погнѣвайтесь, я на прямки скажу вамъ: можно ли статься, чтобъ ваше лицо могло такое-же дѣйствіе произвесть въ Сосипатровомъ сердцѣ, какъ его въ вашемъ? Перестаньте этимъ льститься, а извольте скоряе приступать къ дѣлу.

Г. Старославова. Хорошо; я тебя во всемъ слушать рада.

Настасья. Вы должны на мои совѣты согласиться. Пуще всего надобно вамъ хорошенько открытіе любви прикрасить и отнюдь не показываться напросливою, а такъ поступать, будто-бы со стыдомъ ему любовь свою открываете.

Г. Старославова. Ты самыя хорошія даешь мнѣ наставленія.

Настасья. Это еще только начало, а вотъ наступаетъ настоящее дѣло и изъ тайностей тайна. Я вамъ то открою, чѣмъ можно всякаго красавца любить себя заставить.

Г. Старославова. Что-жъ это за тайна?

Настасья. Чтобъ не скупяся дарить, сударыня. Какіе бы пороки и недостатки мы въ себѣ не имѣли, при этомъ достоинствѣ непремѣнно будемъ любимы.

Г. Старославова. И я такъ же слыхала.

Настасья. Вы не только о томъ слыхали, да и дѣйствіемъ это всякій день видите. За что бы, думаете вы, госпожа Недоумова и госпожа Нахалова людьми почитаются? Не за красоту ли свою? Онѣ никогда хороши не бывали; никто не запомнитъ и того, когда онѣ молоды были. Однако со всѣхъ сторонъ окружены онѣ любовниками, да еще какими? Знатными придворными господами. А напротивъ того, госпожа Миловидова и госпожа Ласкословова, самыя совершенныя наши женщины, ни одного не имѣютъ. Отъ чего-жъ бы однѣ очень голодны, а другія очень сыты?

Отъ того, что первыя щедро платятъ, а послѣднія сами себѣ того ожидаютъ.

Г. Старосѣлова. Итакъ надобно слѣдовать первымъ и давать щедрою рукою. Да что-жъ такое дарить-то? Кружевныя хорошія манжеты, или?...

Настасья. И, сударыня, какъ вамъ не стыдно! Эдакими подарками дарятъ такихъ любовниковъ, которыхъ хотятъ любить короткое время.

Г. Старосѣлова. Да что-жъ такое? Развѣ часы, перстни, запонки и табакерки?

Настасья. Это еще нѣсколько постатнѣя, только всѣ бриллiянтовыя и золотыя вещи ихъ безпокоятъ. Когда случится имъ въ деньгахъ нужда и должно будетъ заложить вещи, тогда и за половинную цѣну не скоро сыщешь, ктобы ихъ принялъ. Деньги, сударыня, чистыя деньги—вотъ что для нихъ нужно! Двѣсти рублевъ молодому щоголю больше бываютъ милы, нежели вещь пятисотная.

Г. Старосѣлова. Я этому вѣрю.

Настасья. Это еще не все, сударыня. Надлежитъ знать, что и когда дарить должно, и какъ сдѣлаться госпожею всего того, чѣмъ ихъ награждаешь. Отнюдь и никогда не должно позволять любовнику ничего самому выпрашивать, а такъ приноравливать, чтобы онъ всякое маленькое награжденіе почиталъ за настоящую отъ насъ милость, а не такъ, какъ бы вещь ему принадлежащую. Словомъ, надобно знать время, когда ихъ дарить. Напримѣръ, ежели случится при дворѣ такое торжество, къ которому всякій понаряднѣе выйти желаетъ, или когда выйдетъ новая мода на кареты, на платье, или на что-нибудь другое.

Г. Старосѣлова. Не сомнѣваюсь, чтобы подарки въ это время съ радостію приняты не были.

Настасья. Въ эдакихъ случаяхъ, сударыня, они чудеса дѣлаютъ. Васъ будутъ обожать, и принимая ваши деньги, отъ нѣжной къ вамъ любви слезами станутъ заливаться. Вы этому смѣетесь! Придворный господинъ въ такихъ случаяхъ готовъ душу свою отдать чорту, лишь бы столькожъ нарядно выйти, какъ его братья. Вотъ, сударыня, самые хитрые и главные способы, которые испытала я, имѣя совершенную довѣренность отъ многихъ знатныхъ госпожъ, у которыхъ имѣла честь служить поперемѣнно, а особливо отъ госпожи Маремьяны. Эта записная кокетка, въ мою

у ней бытность, съ двадцать любовниковъ имѣла, изъ которыхъ девятнадцать дарила, а съ послѣдняго, пятнадцатилѣтняго графика, сама тысячъ на пятнадцать поживилась. Черезъ подарки, сударыня, можно быть всегда любимою, и не чувствуя умноженія лѣтъ и другихъ препятствій, упражняться въ любовныхъ забавахъ до самой смерти. Я съ радостію васъ о томъ увѣдомляю, и весьма счастливою почту себя, ежели чрезъ то сдѣлаюсь достойною вашей милости и буду въ силахъ помочь вашему желанію.

Г. Старосѣлова. Не сумнѣвайся, чтобы и я тебя не любила и не почитала отмѣнно отъ служащихъ дѣвокъ; да и ты довольно о себѣ доказываешь, что не изъ ихъ ты роду. Однако, Настинька, это еще не все, чего я желаю. Положимъ, что и онъ меня полюбитъ, да этого для меня не довольно. Я хочу за него выйти и тайно сыграть свадьбу, для того что явно сдѣлать ее мнѣ не можно. Вѣдь ты знаешь, что вся моя родня за то взбѣсится и пробрюзжитъ мнѣ уши, потому что никогда они не соглашались допустить меня вторично замужъ выйти. Притомъ, большая часть моего богатства съ тѣмъ только мнѣ и отдана, чтобы я вдовою осталась; итакъ надобно намъ прилежно скрывать наше намѣреніе. А ежели я и выйду тайно за Сосипатра, то и тутъ хлопотъ намъ будетъ много, и никакъ я не могу надуматься, какимъ бы способомъ имѣть съ нимъ тайное свиданіе. Этого вѣдь не довольно для сбереженія моей чести, когда ты только будешь знать, что онъ подлинно мужъ мой. Должно сохранить себя и отъ всѣхъ людей. Я ненавижу поношенія моей чести и не хочу, чтобъ люди осуждали мое съ нимъ обхожденіе такъ, какъ они съ другими поступаютъ.

Настасья. Я вижу, что мнѣ и на это надлежитъ вамъ совѣтъ дать. Когда Сосипатръ будетъ вашимъ супругомъ, а инако и я вамъ помогать не соглашуся, меня и совѣсть къ тому не допуститъ, тогда употребите вы, сударыня, для свиданія съ нимъ тѣ же самые способы, которые употребляютъ другіе для свиданія съ любовниками. Да и въ самомъ дѣлѣ, онъ для васъ будетъ не что иное, какъ любовникъ, и вы, не могши съ нимъ явно видѣться, будете имѣть въ немъ всю повѣренность супружнюю и весь вкусъ нѣжнаго любовника. Послушайте, сударыня, вы можете съѣзжаться съ нимъ въ домъ какой-нибудь вашей пріятельницы, кото-

рая сама въ такихъ же обстоятельствахъ, не считая къ тому многихъ иностранныхъ людей, у которыхъ въ учрежденные дни на каждой недѣлѣ бываютъ сходбищи подъ именемъ концертовъ, какъ-то у живописцовъ, у танцовщиковъ и комедіантовъ. Однако, все это кажется мнѣ опасно, и какъ скоро вы кому-нибудь ввѣритесь, тогда уже во мнѣ не будете имѣть нужды.

Г. Старосѣлова. Для того не буду я никому повѣренности дѣлать.

Настасья. Такъ и надобно, сударыня! никому, кромѣ горничной своей, ввѣряться не должно, потому что она необходимо потребна и безъ нея не минуешь. Чрезъ нѣкое-то уже, сударыня, можете вы видѣться съ тайнымъ [illegible] супругомъ; а какимъ способомъ, въ томъ на нее положитесь? Мнѣ кажется, всего лучше имѣть сходбище въ вашемъ домѣ.

Г Старосѣлова. Въ моемъ домѣ? Это очень опасно.

Настасья. Напротивъ того, сударыня, всего надежнѣе. Мы можемъ его въ сумерки, перерядивши, ввести въ ваши покои, или онъ самъ прокрадется, а мы его въ угомонное мѣстечко припрячемъ и продержимъ сколько намъ захочется. Между тѣмъ скажемся больными, чтобъ чрезъ то безъ препятствія съ нимъ обходиться.

Г. Старосѣлова. Да какъ же будемъ мы проносить ему кушанье, чтобы никто въ домѣ не примѣтилъ?

Настасья. Ужасное затрудненіе! Мы его конфектами и шоколадомъ прокормимъ. Перестаньте, сударыня, робѣть. Я васъ увѣряю, что эта моя выдумка самая лучшая и надежная. Вы не можете повѣрить, какъ много эти господа тѣмъ восхищаются, когда ихъ гдѣ-нибудь въ заперти подержутъ. Пробывъ нѣсколько дней невидимыми никѣмъ изъ знакомыхъ, какъ скоро покажутся, то станутъ всѣ ихъ спрашивать, гдѣ они пропадали. А они начнутъ важничать и, скрывая свою тайну, показывать, что въ то время великое счастіе съ ними случилося. Пришедъ домой, кричатъ они слугѣ: «Раздѣвай меня скоряе! я хочу въ мигъ спать лечь! Чрезъ шесть часовъ шоколадъ для меня изготовь, и отнюдь никого не впускай ко мнѣ! Я трои сутки буду дома, чтобы отъ трудовъ поправиться!»

Г. Старосѣлова. Наконецъ и мнѣ этотъ вымыселъ понравился. Да уже пора идти къ гостямъ. Мнѣ надобно,

укравшись отъ нихъ, написать письмецо къ Сосипатру, которымъ назначу ему свиданіе въ эту-жъ ночь; а ты между тѣмъ положись на меня, что за твои услуги всегда буду къ тебѣ благодарна.

Настасья. Я надѣюсь на васъ, сударыня, и уповаю доказать вамъ мои дарованіи впродолженіе нашего предпріятія.

конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пульхерія и Марья.

Марья. Итакъ, сударыня, вы ему изрядную краску въ лицо втерли?

Пульхерія. Я его въ отчаяніе привела. Онъ съ перваго виду почелъ меня моимъ братомъ и былъ столь легковѣренъ, что ни малѣйшаго подозрѣнія на меня не взялъ. Признаваюсь тебѣ, что великое чувствовала я удовольствіе, приведши его въ смущеніе.

Марья. И вы не опасаетесь того, что онъ съ вами поссорится и принудитъ вынуть шпагу?

Пульхерія. Дай Богъ, чтобы онъ это сдѣлалъ! Я знаю способъ, которымъ скоро могу его побѣдить.

Марья. Добро, сударыня, это еще не такъ страшно. Да какъ же избавитесь вы отъ новыхъ хлопотъ, которыя, по моему мнѣнію, опаснѣе поединка? Божусь вамъ, что вы добровольно въ бѣду идете, и госпожа Староселова, узнавши вашу надъ ней шутку, взбѣсится и васъ не проститъ. Вы чрезмѣрно счастливы. Эта разрумяненная старуха не успѣла поговорить съ вами, а уже и письмо пишетъ. Назначиваетъ съ собою свиданіе; а въ какое время? Въ глухую полночь. Коли два раза кашляните, такъ отворятъ вамъ калитку, и проводникъ, для васъ поставленный, проведетъ

въ такое мѣсто, въ которомъ не будете вы сожалѣть о томъ, что пришли туда. Что вы думаете объ этомъ?

Пульхерія. А ты что думаешь?

Марья. Говоря правду, это сходбище кажется мнѣ очень опасно, и вы изъ него чуть ли добрымъ порядкомъ выйдете.

Пульхерія. А для чего? Старушка хочетъ лишь наединѣ поговорить со мною, вотъ въ чемъ состоитъ вся важность.

Марья. Такъ по вашему мнѣнію, желаніе ея бездѣлкою кажется? Худо вы знаете старушекъ! Онѣ не охотно въ такихъ случаяхъ тратятъ время и совершенно знаютъ, что его опять не легко сыщешь, ежели однажды упустишь. Я увѣряю васъ, сударыня, что устарѣлая кокетка очень опасна.

Пульхерія. Увидимъ. Хотя ты меня и пугаешь, только я, имѣя превеликую въ ней нужду, не могу пропустить этого свиданія. Пусть что ни случится, я все-таки изъ хлопотъ выйду. Да вотъ уже и время наступило. Подойди къ воротамъ и сдѣлай знакъ. Съ этой ли полно стороны?

Марья. Конечно съ этой.

Пульхерія *(прокашлянувъ)*. Стъ! стъ! Можетъ быть, и не выйдутъ.

Марья. Уже конечно выйдутъ; развѣ что-нибудь имъ помѣшаетъ.

Пульхерія. Стъ! стъ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Пульхерія, Марья и Настасья.

Настасья *(отворивъ ворота)*. Стъ! Стъ!

Марья. Вѣдь я вамъ сказала, что сторожъ для васъ давно поставленъ.

Пульхерія. Молчи! Кто это?

Настасья. А ты кто?

Марья. Другъ господина часоваго.

Настасья. Это Сосипатровъ голосъ!

Пульхерія. Да! я здѣсь, мой свѣтъ.

Настасья. Такъ пойдемте-же со мною. Дайте мнѣ руку; я васъ поведу; только, Бога ради, гораздо тише.

Пульхерія. Не опасайся; я знаю, какъ поступать должно.

Настасья. Я въ томъ не сумнѣваюсь, и думаю, что не въ первый уже разъ это съ вами случается.

Пульхерія. Да и ты, кажется мнѣ, не учиться начинаешь.

Марья. Эта пронырщица, знать, съ робячества за свое ремесло принялась.

Пульхерія. Пойдемъ скоряе! Взять ли мнѣ съ собою моего слугу?

Настасья. Нѣтъ, отпустите его домой.

Пульхерія. Пошелъ домой!

ЯВЛЕНІЕ III.

Марья *(одна)*. Добрый вамъ вечеръ. Подлинно, что въ хорошія хлопоты госпожа моя вдается. Не знаю, какимъ образомъ она изъ нихъ выйдетъ. Я чаю, не напрасно ее сюда призвали, и я наслышалась, что здѣшнія женщины напрямки поступаютъ. Онѣ не долго въ учтивостяхъ тратятъ время, а приступаютъ тотчасъ къ дѣлу. Да полно, говоря правду, это средство очень похвально и доказываетъ разумъ женскій. Къ чему потребны длинные раздобары?... Да что за чудо сталось со мною? Я чувствую, что мужское платье весьма отважною меня сдѣлало. Не съ ума ли я сошла? На дворѣ уже полночь, а я одна по улицѣ шатаюсь. Со мною можетъ какая-нибудь бѣда случиться. Уберусь скоряе домой. Да кто-то говоритъ близко меня!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Фадей и Марья.

Фадей. Чтобъ провалъ тебя побралъ! Этого безпокойства слишкомъ уже много; полно, не долго тебѣ величаться надо мною! Самые прекрасные часы относить письма! Да у котораго-жъ дьявола найду я теперь Сосипатра? По совѣсти говоря, господинъ мой ни ея, и ни малаго въ себѣ человѣчества не имѣетъ.

Марья. Мнѣ кажется, будто это Фадей, слуга Аристарховъ. Онъ и есть. Постараться было подслушать, что онъ

болтаетъ, и узнать, зачѣмъ пришелъ сюда въ такое позднее время.

Фадей. Я лучше соглашусь служить сатанѣ, нежели этому волокитѣ. Что это? Всякій день терпи разныя безпокойства! Будь всеминутно готовъ исполнять дурачествы и услуживать вздорному нраву вѣтренаго молодчика! Отъ утра до полудня бѣгай по его приказу по всѣмъ улицамъ, а отъ полудни до полуночи отыскивай его по трактирамъ и по другимъ непотребнымъ домамъ. Потомъ, вмѣсто отдыху, проводи ночь на караулѣ у воротъ его любовницы и почти всегда не ужинавши! Нѣтъ, Фадей, пора тебѣ оставить эту каторгу. Ты самъ себя, другъ мой, умерщвляешь. Не дуракъ ли ты? И сегодня ли зачинаю я тебѣ о томъ говорить! И такъ уже хотя завтра попроси отпускъ отъ своего господина, а когда онъ откажетъ, такъ возьми самъ собою. Завтра это конечно сдѣлаю, и я твердое предпринялъ намѣреніе; а послѣ завтра, можетъ быть, и труднѣя будетъ его окончить. Добро, на сегоднишную ночь надобно укрѣпиться терпѣніемъ и ободриться противъ сна, потому что я въ послѣдній уже разъ безпокоюсь. Ну, Фадей, когда уже иного дѣлать нечего, то ожидая утра, прогуляйся взадъ и впередъ по этой улицѣ.

Марья. Я также прогуляюсь и пойду въ слѣдъ за тобою, чтобы испугать тебя немножко.

Фадей. Мнѣ слышится, будто-бы кто-то идетъ за мною. Да, я и не обманулся. Однако, можетъ быть, этотъ человѣкъ совсѣмъ обо мнѣ не думаетъ и съ добрыми мыслями идетъ за какою-нибудь нуждою; но мнѣ кажется, что онъ въ слѣдъ за мною изъ шага въ шагъ ступаетъ. Оглянуська я еще. И вподлинну такъ! Надобно узнать, для чего онъ столь пристально за мною надзираетъ. Послушай, добрый человѣкъ, поговори немножко со мною!

Марья. Чего ты отъ меня хочешь?

Фадей. Я хочу знать, съ какимъ ты намѣреніемъ за мною идешь и примѣчаешь?

Марья. Да кто-жъ сказалъ тебѣ, что я иду за тобою?

Фадей. Кто мнѣ сказалъ?

Марья. Да! Кто тебѣ сказалъ?

Фадей. Куда, право, какому великому колдуну надобно мнѣ быть, чтобы это угадать. Твой поступокъ намѣреніе твое показываетъ.

Марья. Бредишь, мой другъ! Я о тебѣ совсѣмъ не думалъ.

Фадей. Можетъ быть, и вподлинну я обманулся, его подозрѣвая, и испугался напрасно. Взгляну-тка я еще на него... Ну! не правильно-ли я въ тебѣ усумнился?

Марья. Да почему-же?

Фадей. Потому, что ты идешь по-зади меня тогда, когда я иду передъ тобою.

Марья. Ха! ха! ха! Для чего идешь ты впереди меня тогда, когда я позади тебя иду?

Фадей. Для чего нейдешь ты мимо меня, какъ я остановлюся?

Марья. Для чего останавляешься ты тогда, какъ я идти перестаю?

Фадей. Для чего смотришь ты пристально на меня, ежели я оборотясь на тебя взгляну?

Марья. Для чего оборачиваешь ты тогда голову, когда я на тебя гляжу?

Фадей *(тихо)*. Онъ и самъ шутъ проворный, однако постараюсь испугать его; а когда увижу, что онъ озлится, тогда положусь на скорость ногъ моихъ. *(Громко)* О, чтобъ прахъ тебя побралъ! ты уже меня совсѣмъ взбѣсилъ и я не могу больше стерпѣть твоей гордости.

Марья. Что ты говоришь?

Фадей. Я говорю то, чтобы ты за добра ума убирался отсюда; а когда не уплетешься, такъ изрядную увидишь шутку.

Марья. А я на твои угрозы плюю и совсѣмъ не думаю идти отсюда. Неужли мнѣ такъ же, какъ и тебѣ, не можно на улицѣ имѣть мѣста?

Фадей. Можно, только подалѣ! Пусть тамъ будетъ твоя доля, а здѣсь моя. Если-же ты хотя одинъ шагъ осмѣлишься ступить въ мое владѣніе, то я тебѣ не по христіански ребры отковеркаю.

Марья. Ты?

Фадей. Конечно я! Развѣ ты хочешь кулаковъ моихъ отвѣдать?

Марья. Посмотримъ твоей храбрости.

Фадей. Тотчасъ ее увидишь! *(Марья уходитъ)*. Ага! мошенникъ, лыжи навострилъ! Я таки и думалъ, что въ тебѣ смѣлости нѣтъ, и ты недостоинъ, чтобы я погнался за тобою.

ЯВЛЕНІЕ V.

Фадей *(одинъ)*. Ну, Фадей! Благодаря Бога, побѣдилъ ты непріятеля и завладѣлъ улицею. Какъ-же опасно проводить цѣлую ночь одному, шатаясь по закоулкамъ! Однако нѣтъ ничего! Ободрись, молодецъ! Вѣдь ты слыхалъ, что съ любовниками всегда маленькія опасности бываютъ; а когда уже ты имѣешь честь въ числѣ ихъ считаться, такъ перенеси безъ ворчанія всѣ досады и безпокойства любовныя.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Фадей, Андрей и Марья.

Андрей *(Марьѣ)*. Поди, отшути надъ нимъ и покажи свое проворство; а ежели онъ вздумаетъ худо поступить съ тобою и захочетъ тебя ударить, то увидишь, какъ я его отпотчиваю.

Марья. Примѣчай-же хорошенько. Онъ грубъ, какъ медвѣдь, и можетъ во мнѣ всѣ кости переломать.

Андрей. Поди-же, когда я говорю, а достальное оставь на мое попеченіе.

Фадей *(не видя Андрея и Марьи)*. Счастливъ я былъ, что имѣлъ дѣло съ такимъ краснобаемъ, который еще и меня трусливѣе. Коли-бъ напалъ я не на такого, то заплатилъ бы спиною. Вотъ какъ много помогаетъ иногда смѣлый разговоръ! Да кто-то опять идетъ за мною, и мнѣ кажется, что давишный проказа возвратился.

Марья. Онъ и есть!

Фадей. Ага, господинъ смѣлко! Я вижу, что захотѣлось тебя въ подлинну кулаковъ моихъ отвѣдать. Инъ постой же, я тебя теперь такъ попотчиваю, что ты впередъ ко мнѣ не подвернешься.

Марья. Какъ бы не такъ! Посмотримъ, кому еще удастся.

Андрей *(бросясь между ихъ)*. Э! добрые люди, что вы это дѣлаете? Драки запрещены накрѣпко, и я васъ подраться не допущу.

Фадей. Что за пропасть! Какой же тычокъ онъ мнѣ далъ! Государь мой, не погнѣвайся, ежели я тебя попрошу этотъ разъёмъ оставить.

Андрей. Я не долженъ покинуть васъ, не разведши ссору.

Фадей. Что за балагуръ! Давно ли эдакъ драки разнимаютъ?

Марья. Ага, мошенникъ!

Андрей. Опять какъ индѣйскіе пѣтухи слѣпились! Я вамъ сказываю, сколько вы не рвитесь, только совѣсть моя не дозволитъ мнѣ допустить васъ до несчастія.

Фадей. Государь мой, я не зачинаю. Вѣдь вы видите, что онъ на меня нападаетъ, однако его не тузите.

Андрей. Я ни до кого изъ васъ не дотрогиваюсь, а только по человѣчеству принужденъ дѣлать то, что дѣлаю, и не допустить васъ до бѣды.

Фадей. Чтобъ черная немочь поразила тебя съ твоимъ человѣколюбіемъ! Смотри пожалуй, какъ онъ у меня ребры считаетъ! Ай! ай! Не могу терпѣть больше; счастливъ буду, коли унесутъ меня рѣзвыя мои ноги.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Андрей и Марья.

Марья *(смѣючись)*. Чтобъ провалъ тебя побралъ! Какой же ты ужасный проказникъ! Изрядно ты его отпотчивалъ

Андрей. Вотъ тебѣ на! Это еще начало было. Ежели мы подолѣе соперниками пробудемъ, то очень часто стану съ нимъ эдакія шутки дѣлать.

Марья. Нѣтъ, право, не велико удовольствіе быть твоимъ соперникомъ.

Андрей. Я соперниковъ моихъ на смерть ненавижу; да полно, нѣтъ на свѣтѣ ничего ихъ противнѣе.

Марья. А господинъ твой столько-жъ ли ненависти имѣетъ къ Аристарху, сколько ты къ его слугѣ?

Андрей. Еще и больше. Да что ты столь поздно здѣсь дѣлаешь?

Марья. Жду моего господина.

Андрей. Такъ Сосипатръ и вподлинну у госпожи Староселовой?

Марья. Всеконечно, и трудится о вашихъ дѣлахъ. Да не можемъ ли и мы войти туда-же? Я бы тамъ не столько опасно, какъ на улицѣ, его ожидать могъ.

Андрей. Мы безъ сумнѣнія туда войти можемъ. Пойдемъ. Настасья давно уже научила меня проходить въ садовую калитку. Ступай за мною. *(Входятъ въ калитку).*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Г. Старосѣлова, Пульхерія и Настасья *(отворяютъ двери).*

Настасья. Наконецъ всѣ люди полегли спать. Подойдите сюда, сударыня; онъ уже здѣся, Я безъ труда его провела, и онъ очень радовался, что васъ увидитъ.

Пульхерія. Когда мы приходимъ въ такое пріятное мѣсто, то должно нашею торопливостію доказывать, сколько много счастіемъ своимъ мы довольны.

Г. Старосѣлова. Да въ самомъ ли дѣлѣ вы это за счастіе почитаете, или это одно учтивое привѣтствіе?

Пульхерія. Привѣтствіе, сударыня? Ахъ! Этими мыслями дѣлаете вы мнѣ великую несправедливость. Оставьте ваше подозрѣніе. Я васъ о томъ прошу и заклинаю моею любовію. Вѣрьте мнѣ, что я гораздо лучше почитаю цѣну той благосклонности, которою вы меня награждаете.

Г. Старосѣлова. Она не столь драгоцѣнна, да по крайней мѣрѣ происходитъ отъ искренняго сердца, въ чемъ вы тотчасъ будете увѣрены. Настасья! оставь насъ однихъ; поди въ мою передспальню и стереги, чтобъ никто насъ не засталъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Г. Старосѣлова и Пульхерія.

Г. Старосѣлова. Божусь вамъ, государь мой, что я, разсуждая обстоятельно о томъ, что теперь дѣлаю, не только стыжусь васъ, но еще и опасаюсь лишиться вашего почтенія и вмѣсто ожидаемой отъ васъ любви получить презрѣніе. Но ежели вы сами разсудите о моемъ поступкѣ справедливѣе, то увидите, что я не изъ числа тѣхъ женщинъ, которымъ съ мужчиною знакомство сдѣлать ничего не стоитъ. Я говорю о такихъ женщинахъ, которыя безпрерывное имѣютъ съ любовниками обращеніе; а о себѣ

божусь вамъ, что я отнюдь не такова, и могу васъ увѣрить, что это самая первая слабость въ моей жизни. Извините открытіе любви моей, которое въ письмѣ вамъ сдѣлала по той необходимости, что не можно никому, увидѣвъ вашу красоту, въ васъ не влюбиться.

Пульхерія. Не сумнѣвайтесь, сударыня, чтобы я вамъ не отдалъ должной благодарности. Я внѣ себя отъ радости, причиненной вашею ко мнѣ благосклонностію. Мое восхищеніе, въ которомъ меня видите, должно васъ пуще словъ моихъ увѣрить, что я теперь себя почитаю самымъ счастливымъ изъ всѣхъ любовниковъ на свѣтѣ. *(Хочетъ поцѣловать у ней руку).*

Г. Староселова. А! оставьте это. Я чувствую, что краска все лицо мое покрыла. Божусь вамъ, что вы меня въ ужасъ приводите, и теперь-то я узнала, сколь вы опасны.

Пульхерія. Простите меня, сударыня, въ такомъ проступкѣ, которому стремленіе моей страсти виною; въ слѣдствіе не будете вы отъ меня ничего опасаться. Я сдѣлаю насиліе любви моей, и одно липь сердце мое станетъ чувствовать жестокость того принужденія, которое ему разсудкомъ положится.

Г. Староселова. Я не безъ причины все это вамъ сказала. Другой бы на нашемъ мѣстѣ могъ подумать, что я не понапрасну дала съ собою увидѣться въ такое время и съ такою тайностію, и по этому воображенію отважился бы онъ и невѣдь что предпріять. Да что я говорю! Онъ бы и прилежную мою просьбу и запрещеніе почелъ притворствомъ и подумалъ, что дѣлаю ихъ для пущаго ему искушенія, и что за его воздержность заплачу я ему непримиримымъ гнѣвомъ.

Пульхерія. Ахъ, сударыня, сохрани меня Боже отъ такихъ мыслей!

Г. Староселова. Большая часть мужчинъ въ нынѣшнее время весьма отважны бываютъ въ свиданіяхъ. Они думаютъ, будто чрезвычайная благопристойность женщинамъ противна и будто старинные въ любви, почтительные и безпорочные поступки, бывшіе въ употребленіи у предковъ нашихъ, хороши для чтенія въ книгахъ, а весьма скучны и несносны въ обхожденіи; почему при первомъ случаѣ, говорятъ они безъ околичностей о томъ, за чѣмъ къ намъ

приходятъ, и воображаютъ, что за то должно ихъ назвать разумными, ежели въ первый день окончатъ все похожденіе.

Пульхерія. Они, сударыня, неправильно разсуждаютъ и потому недостойны любви разумной женщины.

Г. Старосѣлова. Я не знаю того, правы ли они или виноваты; а знаю только то, что нынѣ это въ модѣ, и что въ любви такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ, мода заставляетъ ихъ забывать должное къ намъ почтеніе; только я вижу, что вы не таковы смѣлы, какъ эти дерзкіе любовники.

Пульхерія. Это правда, сударыня, что я не таковъ, какъ они. Да какъ ли я не робокъ, однако хочу осмѣлиться попросить васъ о такой милости, которую сердечно получить желаю.

Г. Старосѣлова *(съ восхищеніемъ)*. Пожалуй говори безъ боязни. Нѣтъ ничего такого на свѣтѣ, въ чемъ бы я вамъ отказала, и вы меня много обидите, ежели хоть мало въ дружбѣ моей сумнѣваетесь.

Пульхерія. Я прошу васъ, сударыня, чтобъ запретили вы Аристарху ходить въ домъ вашъ; я не могу безъ огорченія смотрѣть на него, и я испрашиваю у васъ этой милости въ отмщеніе за сестру мою, которую онъ непостоянствомъ и презрѣніемъ своимъ обидѣлъ и приключилъ ей жестокое мученіе.

Г. Старосѣлова. Такъ вы лишь этого требуете?

Пульхерія. Да, сударыня, и для того упадаю къ ногамъ вашимъ.

Г. Старосѣлова. Я съ удовольствіемъ это сдѣлать обѣщаюсь, и желала бы...

ЯВЛЕНІЕ X.

Г. Старосѣлова, Пульхерія и Настасья.

Настасья. Васъ, сударыня, пришли звать, и вы необходимо должны...

Г. Старосѣлова. А кто бы пришелъ звать меня въ эдакое время? Никакъ ты во снѣ грезишь?

Настасья. Отнюдь не грежу. Племянница ваша вдругъ опасно занемогла, и вся родня, опасаясь скорой ея кончи-

ны, послала за вами, и присланный безотступно проситъ меня поскорѣе о томъ васъ увѣдомить.

Г. Старосклова. Прости, сударь! Мнѣ не льзя нейти къ ней; однако мы съ тобою опять скоро увидимся, и я, улуча свободное время, пришлю къ вамъ письмо.

Пульхерія. О, какъ я несчастливъ! чтобы отнять у меня удовольствіе, которое будучи съ вами чувствую, и болѣзнь вмѣшалась!

Г. Старосклова. Завтра наградимъ мы потерю теперешняго случая, и я обнадеживаю васъ, что все приготовлю къ нашей свадьбѣ. Желаете-ль вы того?

Пульхерія. Желаю-ль я! Ахъ, сударыня, это конецъ всѣмъ моимъ желаніямъ.

Г. Старосклова. Прости же, мой свѣтъ. *(Настасьѣ)* Проводи меня до спальни, а послѣ возвратись сюда и проведи Сосипатра Григорьевича въ садовую калитку; изъ нея ему домой пройти способнѣе и безопаснѣе.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Пульхерія (*одна*). Болѣзнь эта весьма кстати случилась. Я видѣлъ уже близокъ тотъ часъ, въ который Сосипатръ погибнуть былъ долженъ; да по счастію, я отъ того отдѣлалась. Скоро измѣнникъ мой выгнанъ будетъ изъ дому моей соперницы.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Пульхерія и Настасья.

Настасья. Пойдемъ, сударь, пора и вамъ опочивать лечь. Довольны ли вы услугами моими?

Пульхерія. Я несказанно одолженъ тобою и обнадеживаю за то наградить тебя щедрою рукою.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Аристархъ и Фадей.

Аристархъ. Да! я того хочу, чтобы или онъ мнѣ, или я ему горло перерѣзалъ. Дѣло предпринято и ни что отъ него меня отвратить не можетъ. Должно показать этому срамцу, каково опасно меня раздражать. А развѣ ты его не нашелъ?

Фадей. Нѣтъ, сударь! Однако подумайте...

Аристархъ. Мнѣ не о чемъ думать; поди еще искать его; отдай ему это письмо и принеси отвѣтъ.

Фадей. А ежели притомъ случится мнѣ какое несчастіе? Такъ...

Аристархъ. Да чего-жъ ты боишься? Не теперь ли ты сказалъ мнѣ, что охотно желаешь съ его слугою подраться?

Фадей. Это правда, и я всегда въ томъ стоять буду. Недавно сдѣлалась со мною маленькая бездѣлушка, отъ которой болятъ мои бока и въ которой подозрѣваю я этого плута... Только надобно, сударь, всѣ дѣла исправить по порядку. Извольте сами вызвать на поединокъ господина, а я вызову своего брата холопа.

Аристархъ. Этому быть не можно.

Фадей. А я, сударь, васъ увѣряю, что Сосипатръ недоволенъ будетъ вызовомъ чрезъ меня и почтетъ его за ваше къ нему презрѣніе, а подъ этимъ видомъ начнетъ, можетъ быть, надо мною отомщать обиду. Скажите мнѣ, что буду я тогда дѣлать, ежели это случится?

Аристархъ. Защищаться до послѣднихъ силъ. Развѣ не довольно остра и длинна твоя шпага? По крайней мѣрѣ будетъ она величиною противъ двухъ палашей драгунскихъ.

Фадей. Хотя она и довольно способна колоть издалека непріятелей, однако для меня еще очень коротка кажется. Добро, сударь! оставимъ шпагу и поговоримъ опять о томъ, что мнѣ сдѣлать должно, ежели вашъ недругъ нападетъ на меня. Какъ скоро онъ осердится, такъ я уже

человѣкъ погибшій. Противъ слуги я бы очень храбро оборонился, а что принадлежитъ до господина, такъ я самъ слуга его покорный. Равный, сударь, съ равнымъ! Всѣ господа имѣютъ чудную власть надъ слугами. Ну, ежели въ самое сраженіе придутъ мнѣ на память тѣ палашные удары, которыми вы спину мою часто награждаете, то я, испугавшись, чтобы и отъ него не получить такихъ же, потеряю храбрость, брошу шпагу и навострю лыжи. Я вамъ признаваюсь въ моей трусости и вы видите, что, зная себя, говорю безъ закрышки о моей слабости; да и вы можетъ быть не такъ...

Аристархъ. Дѣлай, что тебѣ приказываютъ, не входя въ глупыя разсужденіи. Я дома стану тебя дожидаться. *(Уходитъ).*

Фадей. О, Боже мой! Вотъ и Сосипатръ! *(Въ слѣдъ за бояриномъ)* Постойте, сударь, хотя вдаль отъ меня немножко. Чтобъ провалъ тебя за то побралъ, что ты меня безъ жалости оставилъ на съѣденіе. Я и самъ право такъ же, какъ и ты, великую имѣю охоту уйти отсюда. Однако подойду къ нему. Ну, Фадей! собери всю свою храбрость зажмурь глаза, и сжавъ сердце, исполни приказъ господскій.

ЯВЛЕНІЕ II.

Пульхерія, Марья и Фадей.

Фадей. Милостивый государь, можно ли, не прогнѣвя васъ, словцо съ вами промолвить?

Пульхерія. Очень можно! А что ты сказать мнѣ хочешь?

Фадей. Я не знаю того, извѣстны ли вы, что я слуга господина Аристарха.

Пульхерія. А что мнѣ до того нужды?

Фадей. Я отъ него къ вамъ письмецо имѣю.

Пульхерія. Подай его сюда.

Фадей. Изволите.

Пульхерія. Куда же ты бѣжишь?

Фадей. Я отойду подалѣ, чтобы не помѣшать вамъ.

Пульхерія. Не ходи, а дождись отвѣту.

Фадей. Вы съ своимъ слугою прислать его можете.

Пульхерія. Я этого не хочу. Ты останься и отнеси къ своему господину.

Фадей. Изволите, сударь!

Пульхерія. *(читаетъ)*. «По оказаніи толикой мнѣ обиды, не удивитесь вы, получа отъ меня сіе письмо. Я думаю, что вы его уже ожидаете; по крайней мѣрѣ надлежало вамъ того желать, ежели вы сколько нибудь храбрости въ себѣ и добрыхъ мыслей обо мнѣ имѣете. Въ нашемъ сраженіи постараюсь я васъ лучше, нежели симъ письмомъ, о себѣ увѣрить. Знайте, что я твердо намѣренъ или васъ лишить жизни, или своей отъ васъ лишиться. Вы можете назначить мѣсто, время и оружіе. Я нетерпѣливо желаю видѣть, столько ли хорошо управляете вы шпагою, какъ язвительно шутите». «Аристархъ.»

Пульхерія *(прочитавши, говоритъ)*. Вотъ самое грубое письмо, какое только написать можно. Господинъ твой доказываетъ о себѣ, что онъ обхожденія не знаетъ; а ты весьма простъ, что взялъ это письмо отнесть ко мнѣ. Скоро накажу я его за дерзость, а въ ожиданіи того, проучу сперва тебя за твою отвагу.

Фадей. Меня, сударь? Виноватъ ли я въ томъ? Божусь вамъ, что я и читать не умѣю! и такъ можно ли мнѣ было узнать, что это письмо грубо написано? А притомъ вы сами знаете, что слуга долженъ исполнять приказъ своего боярина безъ всякаго разбору. Войдите въ мое состояніе, такъ и увидите, виноватъ ли я.

Пульхерія. Пошелъ! Я тебя прощаю; да ты и не достоинъ принять отъ меня наказаніе.

Фадей. Всеконечно, сударь, и вамъ бы ни малой чести не было, ежели бы меня побили.

Марья. Такъ онъ этими разсказами отъ вашихъ рукъ отдѣлается и пойдетъ, не получивши пощечинъ?

Фадей. А для чего жъ бы не такъ?

Пульхерія. Что мнѣ съ этимъ бѣднякомъ дѣлать?

Марья. Переломать ему всѣ кости и живаго ребра въ немъ не оставить.

Фадей. Куда какой добрый совѣтъ! Его милость никогда этого не сдѣлаетъ. Онъ весьма честный господинъ, и не такому шалуну, какъ ты, учить его должно.

Пульхерія. Пошелъ отсюда!

Фадей. Съ охотою, сударь! *(Въ сторону)* Дай Богъ никогда не видаться съ тобою.

Пульхерія. Скажи Аристарху, что я чрезъ полчаса здѣсь буду и назначиваю это мѣсто къ окончанію нашей ссоры.

Фадей. А какое-жъ оружіе взять ему съ собою?

Пульхерія. Я кромѣ этого, что теперь при мнѣ, не употребляю другаго.

Марья. Мы васъ обоихъ хорошенько проучимъ.

Фадей. Я все, что вы приказать изволили, исправно перескажу моему господину, а вамъ желаю доброй ночи.

ЯВЛЕНІЕ III.

Пульхерія и Марья.

Марья. Да что-жъ это такое, сударыня, начинаете вы дѣлать? Теперь надобно что-нибудь предпринять скоряе, потому что не остается уже больше времени на раздумье. Этотъ вызовъ все испортитъ и сдѣлаетъ конецъ вашему притворству. Неужли вы и въ подлинну хотите драться съ Аристархомъ? Мнѣ кажется, что эдакія драки не наше дѣло.

Пульхерія. Пойдемъ. Я намѣренія моего не отмѣню, и надѣюсь, что удастся мнѣ сегодня совершить мои желанія; только ты ничего не опасайся. Я слышу, что вороты отворяютъ; можетъ быть, старуха къ намъ выйдетъ, и насъ здѣсь задержитъ. Побѣжимъ скоряе. Самое малое замедленіе вовсе дѣло наше испортить можетъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Г. Старосѣлова и Настасья.

Г. Старосѣлова. Ахъ, Настинька! Это Сосипатръ пошелъ отсюда. Какъ же мнѣ жаль, что мы его не застали!

Настасья. Ежели вы изволите, то я побѣгу за нимъ и его позову.

Г. Старосѣлова. Нѣтъ, мнѣ очень стыдно будетъ увидѣться съ нимъ послѣ давишняго разговора. Не лучше ли

подождать до завтрея? По крайней мѣрѣ, проведемъ мы его къ себѣ въ такое-же время, какъ давича, и я тогда уже не съ такою торопливостію, какъ теперь, буду съ нимъ разговаривать.

Настасья. Признайтесь, сударыня, что очень пріятно имѣть столь прелестнаго любовника. Мало такихъ женщинъ, которыя равную съ вами участь имѣютъ (*), и я не больше трехъ госпожъ въ здѣшнемъ городѣ знаю, которыя наслаждаются равнымъ съ вами счастіемъ.

Г. Старосѣлова. А кто они таковы?

Настасья. Ближнія ваши свойственницы и хорошія пріятельницы, съ которыми вы почти всякій день видаетесь, и хотя ссоритесь нерѣдко, только ненадолго, и вы иногда и въ ссорахъ другъ другу дѣлаете услуги.

Г. Старосѣлова. Пожалуй перестань болтать загадками, а скажи, кто они таковы. Вѣдь у меня пріятельницъ очень много, и я почти со всѣми за правду принуждена бываю браниться.

Настасья. Нѣтъ, сударыня, съ этими не за правду, а за любовниковъ. Теперь вы меня принудили выболтать, что и я много вашихъ тайностей знаю. Тотчасъ перечту я вамъ этихъ счастливыхъ любовницъ и всѣ ваши ссоры.

Г. Старосѣлова. Говори пожалуй, только я напередъ знаю, что сказать тебѣ нечего.

Настасья. А вы услышите, что поговорить есть о чемъ. Въ началѣ госпожа Прибиралова ваша двоюродная сестрица. Она три раза отнимала у васъ любовниковъ. Первый былъ молодой офицерикъ, который, кромѣ пригожаго личика, не имѣлъ ни ума, ни богатства, только послѣднее получилъ отъ вашихъ подарковъ, а послѣ того, прельстясь вашею сестрицей, въ нее влюбился и отъ васъ полученное безъ остатку ей отдалъ. Другой былъ пріѣзжій изъ-за моря музыкантъ, котораго вы прельстить хотѣли и не пожалѣли бы всего вашего имѣнія, но онъ, не смотря на то, влюбился въ вашу сестрицу, и не пожалѣвши своего достатку, который онъ съ нашихъ похабныхъ кокетокъ собралъ, до послѣдней полушки въ ея угодность промотался. А третій...

(*) Тутъ начинается придѣланное для продолженія времени, чтобы удобнѣе переодѣться.

Г. Старосѣлова. Ты наконецъ сочтешь вмѣсто трехъ тридцать, хотя я ни одного изъ нихъ не знаю. Да скажи мнѣ, пожалуй, который сатана всклепалъ тебѣ на меня эдакую небылицу?

Настасья. Послушайте еще немножко, сударыня; я не отъ сатаны, а отъ людей слышала. Вторая, госпожа Притворова, ваша золовка, хотя, также какъ и вы, пожилая красавица, однако прехитрая притворщица, лишила васъ самаго любезнаго человѣка; но объ немъ не буду я напоминать, для того чтобы не привесть васъ въ печаль. Третія, госпожа Нахалова, ваша любезная невѣстушка, которая, наступая на горло, у всѣхъ не только здѣшнихъ, но и выѣзжихъ изъ-за моря танцовщицъ, пѣвицъ и комедіанокъ, любовниковъ отнимаетъ. Она больше десяти разъ съ вами весьма жестоко поступала, а именно, отняла у васъ графа Самозванова, барона Пустозвякова, маіора Голтепыгина, ассесора Обиралова, совѣтника Подлипалова, и...

Г. Старосѣлова. Инъ зажми же ротъ, безстыдная! Ты наконецъ скажешь, что я и со всѣмъ городомъ любилась и эдакимъ болтаніемъ изъ терпѣнія меня выведешь. Да можетъ быть это и теперь бы съ тобою случилось, ежели бы я въ тебѣ... однако ты и на то не вовсе сподѣвайся; когда меня разсердишь прямо, тогда уже ничѣмъ не удобришь.

Настасья. Пожалуй прости меня, сударыня! Можетъ быть, я по простотѣ своей повѣрила всклепанной на васъ клеветѣ и злорѣчивыхъ людей послушала. Да полно, не уши же затыкать мнѣ надлежало, чтобы не слушать людскихъ объ васъ разговоровъ. Почти во всемъ городѣ говорятъ, что у васъ очень много любовниковъ бывало, и что...

Г. Старосѣлова. Что у меня много любовниковъ бывало, это правда, только всѣ они въ меня влюблівались, а не я въ нихъ. Иногда за мною толпами хаживали, и я часто принуждена бывала, чтобъ избавиться отъ безпокойства, многихъ отъ себя отгонять, а иныхъ, которые для меня негодились, изъ жалости этимъ бѣднымъ хвастуньямъ уступать. Тогда онѣ просьбою меня прашивали, чтобы и ихъ надѣлила, а теперь осмѣливаются разглашать обо мнѣ такія неправильныя и ругательныя вѣсти.

Настасья *(въ сторону)*. Не надобно ее вовсе разсердить и я ее удобрить постараюсь. А! сударыня, теперь я и ду-

ще вину свою вижу; вижу и то, что я легковѣріемъ своимъ обманулась. Такъ они только изъ злости распустили эти язвительныя сказки, будто-бы вы всѣхъ тѣхъ любовниковъ не могли и подарками къ себѣ приманить, которые въ нихъ влюбяся, ихъ же дарили. *(Плачетъ).* Вотъ каковы злые люди! Я очень несчастна, что тому было повѣрила; однако надѣюсь, что вы меня простите, хотя за то, что я вамъ такого доставила любовника, какого у нихъ никогда не бывало. Они, сударыня, отъ досады съ ума сойдутъ, узнавши, что Сосипатръ въ вашихъ рукахъ, и что онъ по страстной къ вамъ любви безъ васъ жить не можетъ. Простите-жъ меня, сударыня *(цѣлуетъ у нее руку).*

Г. Старославова. Добро, не плачь; я тебя прощаю, только впередъ не досаждай мнѣ. Коли ты меня сердить не будешь, такъ получишь себѣ хорошее приданое. (*) Надѣйся на меня, и я мою къ тебѣ повѣренность еще больше доказать хочу, и хочу отъ тебя маленькой помощи.

Настасья. Скажите лишь, сударыня, и надѣйтесь, что все исполнено будетъ.

Г. Старославова. Ахъ! я не очень довольна Сосипатромъ.

Настасья. А для чего-же, сударыня? Мнѣ кажется, что онъ прямой красавецъ, статенъ, разуменъ, проворенъ, и притомъ такъ васъ любитъ, что ни на какую красавицу не промѣняетъ. Я сама видѣла, какъ онъ, разставшись съ вами, слезами заливался, и вздыхая, просилъ меня, чтобы сыскала ему случай скоряе съ вами увидѣться, говоря неоднократно, что онъ безъ того завтрашняго дня пережить не надѣется.

Г. Старославова. Что онъ пригожъ, статенъ и что меня очень любитъ, это я знаю, и тому несказанно рада. Да лихъ, онъ очень простоватъ и въ любви самый новичекъ... или лучше сказать, очень еще молодъ.

Настасья. Такъ что-жъ, сударыня, неужли вы молодость его порокомъ почитаете, и неужли она вамъ непріятна?

Г. Старославова. Нѣтъ, напротивъ того, это самое главное достоинство, котораго мы въ нашихъ любовникахъ

(*) Здѣсь придѣланное кончилось.

желаемъ; однако какъ ли оно ни прелестно, только наноситъ иногда великія досады. Молодые люди частенько несносные дѣлаютъ проступки.

Настасья. Это правда, сударыня, только проступки ихъ извинительны.

Г. Староселова. Не всѣ. Есть и такіе, за которые женщины съ трудомъ извиняютъ, и я думаю, что прощать ихъ за то отнюдь не должно.

Настасья. Да что-жъ бы такое, сударыня, этотъ бѣдный молодчикъ вамъ сдѣлалъ и что васъ противъ его въ гнѣвъ приводитъ?

Г. Староселова. Ахъ! я и сказать тебѣ стыжуся.

Настасья. Пожалуй скажи, сударыня.

Г. Староселова. О, какая же ты безотвязная! Неужли не довольно для тебя было, когда я повторяла нѣсколько разъ, что онъ очень еще молодъ? Мнѣ кажется, что проворная дѣвка не имѣетъ нужды въ дальнемъ изъясненіи и его сама угадать можетъ.

Настасья. Что бы такое, сударыня, онъ ни сдѣлалъ, вы въ томъ хотя не совсѣмъ, однако сами виноваты. Вѣдь вы еще ничего ему не подарили, а до этихъ поръ онъ ни къ чему и не обязанъ.

Г. Староселова. Признаваюсь, что я виновата и отъ радости о подаркахъ забыла, хотя ты довольно меня увѣрила, что всегда этимъ начинать должно, и что это самое краснорѣчивое объявленіе, котораго лучше никто сдѣлать не въ силахъ. Да вотъ и дочь моя! Оставимъ до другаго времени нашъ разговоръ и пойдемъ скорѣе заготовить подарки. Совсѣмъ ли ты Клеопатра, урокъ свой окончила?

ЯВЛЕНІЕ V.

Г. Староселова, Клеопатра, Настасья, Аристархъ и Фадей.

Клеопатра. Окончила, сударыня. А въ томъ, что такъ долго заставила васъ ждать себя, прошу прощенія. Ахъ! я вижу Аристарха; не къ намъ ли онъ опять идетъ?

Г. Староселова. Не знаю, только гораздо хорошо онъ

сдѣлаетъ, ежели не зайдетъ, а то очень худо будетъ принятъ. Слава Богу! Онъ мимоходомъ кланяется.

Аристархъ. Пусть онѣ уйдутъ, а то еще помѣшаютъ нашему предпріятію.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Аристархъ и Фадей.

Фадей. Наконецъ, сударь, пришли мы оба на сраженіе и хотимъ показать нашу храбрость. Я нарочно полегче подъ-обулся, чтобы проворнѣе увертываться и способнѣе, защищая себя, дѣлать вредъ непріятелю. Но скажите мнѣ, какъ отцу духовному, неужли вы ни мало не робѣете?

Аристархъ. Я? Отнюдь нѣтъ!

Фадей. Полно, сударь, полно! Скажите сущую правду.

Аристархъ. Божусь тебѣ, что сказалъ ее. Да и въ томъ признаваюсь, что не съ такою холодною кровію ожидаю Сосипатра, съ какою хаживалъ я съ друзьями на веселый ужинъ. Не скажу и того, какъ многіе хвастуны говорятъ, будто-бы они на шпажные поединки выходятъ съ такою же охотою, какъ въ трактиръ виномъ перепиваться; а въ томъ могу тебя увѣрить, что не можно моего смущенія, въ которомъ ты меня видишь, назвать трусостію; оно больше отъ досады и отъ желанія къ мщенію, нежели отъ робости происходитъ.

Фадей. А у меня такъ, сударь, отъ страху всѣ жилы трепещутъ и ноги подгибаются, и я въ томъ не таюся; но это не отъ того, чтобы я не столько-жъ разсерженъ былъ, какъ вы, и у меня сердце кипитъ съ досады, да лихъ я сколько огорченія, столько, или еще и больше, трусости, чувствую, и имѣю къ тому причину. Не безъ раскаянія я пришелъ сюда; однако пришелъ, и думаю, что этимъ приходомъ сдѣлалъ все, чего отъ честнаго человѣка ожидать можно. Здѣсь не надобно больше часа на окончаніе всего раздора; но этотъ часъ очень опасенъ. Нѣтъ ни малой умѣренности: или убѣй, или умри; однако охрабрюся. Ну, не робѣй, Фадей! что съ тобою ни случится, только ты получишь безсмертную славу. Ежели умрешь на мѣстѣ сраженія, такъ будешь имѣть одинакую участь со множествомъ храбрыхъ и славныхъ побѣдителей... А ежели умертвишь

своего соперника, и за то послѣ будешь повѣшенъ.... Нѣтъ ничего! Презри эту бездѣлку! Ты получишь себѣ и тѣмъ великую честь, когда за такое храброе дѣло взнесенъ будешь на воздухъ и увидишь кучи народа подъ своими ногами. Словомъ, злодѣяніе, а не казнь, позоръ намъ наносятъ. Нужъ асамись хорошенько.... Не дурно бы это было, но нѣтъ мочи, и какъ я ни усиливаюсь, однако не могу перестать трусить и чувствую, что противникъ мой скоро сюда появится.

Аристархъ. Что за дьяволъ! взбѣситься должно! Храбрецы-то наши до сихъ поръ не выходятъ.

Фадей. Ахъ, сударь! Они не замѣшкаютъ придти къ намъ.

Аристархъ. Опасаюсь, чтобы Сосипатръ не перемѣнилъ даннаго слова.

Фадей. Еслибъ это Богъ сдѣлалъ!

Аристархъ. Я за то поступлю съ нимъ, какъ съ безчестнымъ человѣкомъ; да чего-жъ эти двѣ женщины здѣсь ищутъ?

ЯВЛЕНІЕ VII.

Аристархъ, Фадей, Пульхерія и Марья (*въ женскомъ платьѣ и въ покрывалахъ*).

Фадей. Это тѣ-жъ самыя, которыя всегда въ слѣдъ за нами ходятъ.

Аристархъ. Можетъ быть, пройдутъ онѣ мимо и не остановятся.

Фадей. Какъ бы не такъ! Они уже и остановились, и между собою что-то бормочутъ.

Марья. Они, сударыня, въ великомъ смущеніи, и мы нашимъ приходомъ пуще ихъ встревожимъ.

Аристархъ. О, Боже мой! какъ же это помѣшательство мнѣ досадно! Что ты объ нихъ думаешь и какими почитаешь?

Фадей. Я думаю, что онѣ обманщицы, и ходючи здѣсь, простачковъ прельщаютъ.

Аристархъ. Что мнѣ теперь дѣлать и чѣмъ удалить ихъ отсюда? Ежели Сосипатръ при нихъ придетъ, то онѣ помѣшаютъ намъ драться.

Фадей. О, ежели-бы это Богъ сдѣлалъ!

Аристархъ. Не должно болѣе колебаться, а надобно поговорить съ ними. Эта кажется мнѣ госпожею... Извините, меня, сударыня, что я осмѣлился подступить къ вамъ. Хотя вы очень стараетесь скрываться, только я въ теперешнемъ моемъ состояніи, имѣя весьма важную причину быть одинъ здѣсь, нахожу себя принужденнымъ попросить васъ, чтобы вы для гулянія выбрали другое мѣсто, а меня бы оставили безъ свидѣтелей. Я долженъ ожидать здѣсь рѣшенія такому дѣлу, отъ котораго все мое благополучіе зависитъ.

Пульхер:я. Я весьма сожалѣю, государь мой, что не могу просьбы вашей исполнить. Сама было я хотѣла о томъ же просить васъ, да вы меня упредили. Мнѣ также какъ и вамъ должно ждать здѣсь конца нѣкоему дѣлу, котораго полезный или безполезный успѣхъ развяжетъ мою судьбину.

Аристархъ. Ваша нужда, сударыня, не можетъ столько важна быть, какъ моя; отъ моей вся честь моя зависитъ. Вы знаете, каково прискорбно доброму человѣку ея лишиться.

Пульхерія. А ваша-то въ сравненіи съ моею самая бездѣлка. Отъ моей зависитъ спокойствіе моея жизни; неужли вы это за ни что почитаете?

Аристархъ. Я увѣряю васъ, сударыня, что здѣсь назначено мнѣ такое сходбище, которое зрителей не желаетъ.

Пульхерія. А я божусь вамъ, что у меня такое положено здѣсь свиданіе, въ которомъ необходимо безъ свидѣтелей быть должно.

Аристархъ *(тихо)*. Голосъ ея до сердца моего проницаетъ. Чѣмъ больше говоритъ она, тѣмъ пріятнѣе кажется ея произношеніе, да и станъ ея мнѣ нравится. Словомъ, я предчувствую, что эта женщина подъ покрываломъ прекрасное лицо имѣетъ. Охотно хочется мнѣ посмотрѣть на нее, да я и нашелъ къ тому способъ. *(Громко)* Я вижу, сударыня, что должно мнѣ сдѣлать вамъ учтивость и оставить васъ здѣся; это и справедливо, чтобъ мужчины женщинамъ во всемъ уступали. Только въ награжденіе за то прошу сдѣлать мнѣ милость и показать лицо свое, чтобы по крайней мѣрѣ могъ я знать, для кого эту услугу сдѣлаю.

Пульхерія. Этого-то сударь и не могу я сдѣлать, имѣя весьма важныя причины отъ всѣхъ людей укрываться.

Аристархъ. Какъ? Вы мнѣ отказываете въ такомъ маленькомъ удовольствіи? Этого уже много, сударыня, и я объявляю вамъ, что на этомъ лишь договорѣ могу васъ здѣсь оставить.

Пульхерія. Ну, когда вы столь неотступно того хотите, то принуждена я васъ удовольствовать. Смотрите на меня, сколько вамъ захочется; мы увидимъ, какое дѣйствіе *(скидаетъ покрывало)* произведетъ мое лицо въ вашемъ сердцѣ. Да что-жъ это? Что вамъ, сударь, сдѣлалось и что такое приводитъ васъ въ удивленіе?

Аристархъ. Не обманываюсь ли я? Во снѣ, или на яву Пульхерію вижу? Полно, она ли это?

Пульхерія. Всеконечно она, невѣрный! Неужли ты еще не узнаешь той, которая никогда, кромѣ тебя, никого не любила на свѣтѣ и которую ты, безсовѣстно обманувъ, оставилъ? Но она, не взирая на справедливыя причины, что бы тебя ненавидѣть, или по крайней мѣрѣ истребить изъ памяти, непремѣннымъ ставила себѣ закономъ вѣрною быть тебѣ до смерти. Для любви къ тебѣ забыла она свой полъ и достоинство; пріѣхала сюда искать тебя; носила непристойную для нея одежду и была печальнымъ свидѣтелемъ твоего непостоянства, твоего къ ней презрѣнія и любви къ ея соперницѣ. Это самая та Пульхерія, которую почелъ ты ея братомъ и безъ жалости умертвить стремился. Ты здѣсь для того ожидалъ ее, и она не преминула придти къ тебѣ. Вотъ ея сердце! Я приношу его злости твоей на жертву. Пронзай его, неблагодарный! Пронзай, въ жестокости своей, нѣжностію пылающее къ тебѣ сердце, не опасаясь никакого за то мщенія. Сражай меня скоряе! Смерть моя не столько несносна мнѣ будетъ, какъ тѣ мученія, которыми безпрестанно заставилъ ты меня терзаться.

Аристархъ. Этого уже очень много, сударыня. Не умножайте больше моего смущенія столь справедливою укоризной. Вы мнѣ достойно отмщаете; но я могу васъ увѣрить, что мое сердце само себѣ мститъ за васъ. Забудемъ прошедшее; я о томъ слезно прошу васъ. Съ этой минуты я опять къ вамъ возвращаюсь. Владѣйте мною, и вѣрьте, что я вѣчно подъ властію вашею останусь и для того теперь упавъ къ ногамъ вашимъ, прошу въ винѣ моей прощенія.

Марья. Слава Богу! Онъ на истинный путь обратился.

Фадей. Чортъ меня возьми! Онъ очень хорошо сдѣлалъ, а ежели-бъ не такъ поступилъ, то бы я служить ему отказался.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Г. Старосѣлова, Пульхерія, Клеопатра, Аристархъ, Евграфъ, Настасья, Марья, Андрей и Фадей.

Евграфъ. Вотъ, сударыня, въ изрядномъ застали мы его упражненіи; довольно ли вы въ непостоянствѣ его увѣрены?

Настасья. Какой же онъ бездѣльникъ!

Клеопатра. Ну, государь мой, не несправедливо-ли предостерегали меня, чтобы вамъ не ввѣряться? Неужли вы не стыдитесь, что я нашла васъ у ногъ моей соперницы?

Аристархъ. Конечно, не стыжусь, сударыня! Вы меня застали въ томъ, что я всегда долженствовалъ дѣлать. Это такое злодѣяніе, которымъ мнѣ тщеславиться надлежитъ, и вы меня не будете винить за него, какъ скоро взгляните на эту красавицу.

Г. Старосѣлова. Правда, что она очень прелестна. Да невидала-ль я прежде гдѣ нибудь этой госпожи?

Настасья. Это Сосипатръ, сударыня.

Г. Старосѣлова. Возможно ли статься?

Пульхерія. Вотъ вамъ вся тайна открылась. Я одна и Сосипатръ и Пульхерія. Подъ именемъ сестры онъ меня любилъ и измѣнилъ мнѣ; подъ именемъ брата хотѣлъ со мною драться а подъ именемъ постоянной любовницы, раскаявшись, возвратилъ мнѣ свое сердце.

Андрей. Господинъ мой изряднаго было товарища подзывалъ въ армію и обѣщалъ раздѣлить съ нимъ постелю.

Г. Старосѣлова. Позволь, сударыня, мнѣ обнять себя и показать, что я счастію вашему очень рада.

Клеопатра. Позвольте и мнѣ тѣмъ же доказать мое о томъ удовольствіе.

Пульхерія. Вы извѣстны о всемъ, что я дѣлала для возвращенія сердца этого невѣрнаго, въ чемъ мнѣ и удалось, и себя я почитаю за мои труды довольно награжден-

ною. Однако, сударыня, удовольствіе мое еще не совершенно. Мы соединимся съ Аристархомъ на вѣки. Дозвольте равномѣрное благополучіе и Евграфу, въ знакъ той дружбы, которую имѣли вы ко мнѣ подъ именемъ Сосипатра. Мы всѣ о томъ васъ просимъ, и я думаю, что госпожа Клеопатра не будетъ противиться вступить съ нимъ въ супружество.

Г. Староселова. Я въ томъ увѣрена, и для того охотно склоняюсь на вашу просьбу.

Евграфъ. Ахъ, сударыня! какою благодарностію...

Пульхерія. Оставимъ ее до другаго времени. Благодаря Бога, теперь мы всѣ благополучны.

Андрей. Я думаю, что вы, мои государи и государыни, не будете долѣе завтрашняго дня откладывать свадьбы. Нутка, Настасья, не сдѣлать ли и намъ сегодня того-же съ тобою.

Настасья. Всеконечно, должно намъ то-же сдѣлать.

Фадей. А мы съ тобою, деревенская воструха, неужли разинувъ ротъ станемъ зѣвать на ихъ свадьбы?

Марья. Нѣтъ, городской простофиля, мнѣ совсѣмъ не того хочется.

Андрей. Пойдемъ-ка, Настюша. Всѣ наши ссоры окончились чуднымъ и пріятнымъ поединкомъ, и мы теперь о томъ лишь станемъ просить Бога, чтобы онъ даровалъ намъ столь весело прожить всю нашу жизнь, какъ этотъ вечеръ.

Конецъ комедіи.

[ЩЕПЕТИЛЬНИКЪ].

ПИСЬМО

КЪ ГОСПОДИНУ ЕЛЬЧАНИНОВУ

Любезный другъ!

Справедливость велитъ намъ неупустительно благодарить тѣхъ людей, отъ конхъ мы одолженіе получаемъ. Я, будучи одолженъ тобою, спѣшу доказать тебѣ, не столько по сему правилу, сколько по чувствованію сердечному, новый знакъ моего дружелюбія, и тѣмъ желаю оное утвердить между нами.

Удивишься ты, любезный другъ, прочтя сіе вступленіе: оно тебѣ весьма невнятно покажется; но еще болѣе удивишься, узнавъ, что избранъ ты мною въ число *меценатовъ*, и что я приношу тебѣ такое сочиненіе, въ которомъ твоею помощію голова моя нимало не трудилась, а только правая рука нѣсколько часовъ черкала по бумагѣ, и тѣмъ не много обезпокоилась. Вѣдаешь ты, что она у меня весьма поспѣшна, но по ея несчастію не столь быстры мои мысли. Онѣ по часту заставляютъ сію скородѣлку останавливаться и класть перо; а она, не любя праздности, иногда чрезмѣрно за то огорчается.

Но время оставить ничего значущее словъ сплетеніе и начать о дѣлѣ, для того, что и ты при всѣхъ своихъ рѣдкихъ дарованіяхъ, то есть, при кротости, скромности и хладнокровіи иногда нетерпѣливъ бываешь; не взирая на то, что учася въ К..., прослушалъ ты не однократно и не безплодно всѣ части *филозофіи*, и будучи между *педантами*, прочелъ разъ пять-шесть, хотя и неохотно, *Гофманово* о спокойствіи душъ сочиненіе, рѣдко оныя успокоивающее.

Я думаю, что не забылъ ты своей просьбы, которою нерѣдко убѣждалъ меня къ преложенію Boutique de Bijoutier на наши нравы, такимъ образомъ, чтобы ее, какъ *драматическое* сочиненіе, и на театрѣ представлять можно было. Если ты сіе памятуешь, то и о томъ вспомнить можешь, что я всегда отъ того отрицался, видя, по моему мнѣнію, великія въ томъ трудности. Но сіе отрицаніе единственно въ словахъ заключалось, а сердце мое съ твоимъ серд-

цемъ, по согласію чувствованій на вѣки соединенное, всегда къ противному меня побуждало, и нудило сдѣлать тебѣ угожденіе. А какъ ты не упустилъ и изъ Глухова о томъ ко мнѣ отписать, то я началъ самымъ дѣломъ приготовляться къ передѣланію въ комическое сочиненіе сей аглинской сатиры, не только солью, но и селитрою наполненной. Прочелъ я ее въ одинъ день два раза, и чѣмъ больше въ нее вникалъ, тѣмъ меньше къ удовольствію твоему находилъ способовъ. Цѣлый день объ ней думая, легъ я спать, и наполня ею голову, однако не предпринявъ ночнаго къ преложенію намѣренія, но утомившись мыслями, заснулъ и къ чрезвычайному и притомъ неожиданному счастію ее во снѣ увидѣлъ. Многимъ людямъ, которые мало или вовсе сновъ не читывали, весьма странно покажется таковое сновидѣніе. Но намъ, прочетшимъ славные сны г. Кригера и еще нѣмецкаго же сновидца, изданнаго безъ имени авторскаго, въ которомъ, не смотря на то, что онъ не въ полписта и не въ десяти частяхъ, можно найти очень много добраго намъ съ тобою и тѣмъ, кто столько же, какъ мы, сновъ прочли, и слѣдующія изъ моего соннаго приключенія обстоятельствы въ диковинку не будутъ. Я чувствительно сожалѣю, что не могу всего сна точно написать, но что изъ него вспомню, то и тебѣ между прочимъ сказать не упущу.

Вдругъ узрѣлъ я себя, не знаю какимъ случаемъ, въ числѣ зрителей комедіи, на всенародномъ театрѣ представляемой (*). Но какой же комедіи? Самой той, о которой отъ тебя довольную вытерпѣлъ я докуку и которую тебѣ приписываю.

Очутившись при семъ позорищѣ еще до начатія и не зная, что представлено будетъ, спрашивалъ я о томъ стоявшихъ возлѣ меня, и въ отвѣтъ сіи слова отъ одного сосѣда услышалъ: «По правдѣ ска«зать, благородію вашему, мы матеріи, о чемъ комедь гласитъ, доско-

(*) О семъ позорищѣ можетъ быть ты и не слыхалъ, живучи въ странѣ, о театрѣ ни мало не пекущейся, и я согрѣшилъ бы предъ тобою, не увѣдомивъ тебя о томъ, что свѣдѣнія всякаго человѣка, пользу общественную любящаго, достойно. Со втораго дня Святыя Пасхи открылся сей театръ; онъ сдѣланъ на пустырѣ за Малою Морскою. Нашъ низкія степени народъ толь великую жадность къ нему показалъ, что остави другія свои забавы, изъ которыхъ иныя дѣйствіемъ не весьма забавны, ежедневно на оное зрѣлище сбирался. Играютъ тутъ охотники, изъ разныхъ мѣстъ собранные, и между ними два-три есть довольно способностей имѣющіе, а склонность чрезмѣрную. Сія народная потѣха можетъ произвесть у насъ не только зрителей, но со-временемъ и писцовъ, которые сперва хотя и неудачны будутъ, но въ слѣдствіи исправятся. Словомъ, я искренно тебя увѣряю, что сіе для народа упражненіе весьма полезно и потому великія похвалы достойно.

«нально и фундаментально не вѣдаемъ; а отъ ахтеровъ слышали, «что имѣютъ быть *предварительно и стоически* представлены въ ли«цахъ разныя новоманерныя галантереи». Разныя галантереи? спросилъ я его... «Да сударь,» отвѣчалъ мнѣ другой по лѣвую руку стоявшій, который при всякомъ словѣ въ затылкѣ почесывалъ, и который такъ скоро говорилъ, какъ трещотка, и въ рѣчахъ его не было, ни запятыхъ, ни двоеточія, ни точекъ. «Да, дорогой нашъ «милостивецъ, я то же слышалъ, что станутъ выкидываться на предъ«явленномъ кіятрѣ оріэнтальныя, французскія штуки, на наши рус«скія манеры обдѣланныя, и самъ медіаторъ (*) мнѣ *предположи«тельно* божился, что очень много проказнаго увидимъ».

Я нарочно пишу тебѣ словами моихъ сосѣдовъ, которымъ я очень не радъ былъ, но уйти отъ нихъ не имѣлъ способу, что бы ты узналъ, кто они таковы; а что бы тебѣ объ нихъ еще легче угадать было, опишу ихъ одѣяніе. На одномъ былъ кафтанъ синій и на немъ только три пуговицы, камзолъ зеленый, штаны черныя замшаныя, а шлифы висѣли, для того, что пряжекъ шлифныхъ не было, о которыхъ я по ихъ дружескому между собою разговору, скоро узналъ, что онѣ для опохмѣленія заложены по-утру на первомъ кружалѣ. Рубаху имѣлъ онъ съ холстинными пречорными брызжами. Волосы у него не только не завиты, но всклочены и назади пучкомъ связаны были; а шея пречорная, на показъ выставленна, безъ галстука и безъ платка; а куда оныя, по нашему необходимыя вещи, скрылись, узнать мнѣ не удалось, но уповаю, что съ пряжками имѣли онѣ одинаковую участь. На другомъ какой кафранъ и камзолъ были, примѣтить я не могъ, потому что онъ имѣлъ на себѣ епанчу преветхую подъ пазухами распоротую и безъ пуговицъ же, не отставая своей брагьи; а на волосахъ кошелекъ: на шеѣ же вмѣсто галстуха поношеный полуиталіанскій платокъ, на распашку завязанный.

Ты любезный другъ, думаю, не удивишься сей неопрятности, вѣдая, что оные молодцы и въ должности столько жъ нерадивы, и перенимая отъ большой части наставниковъ своихъ одно криводушіе, не только о порядкѣ, но многіе изъ нихъ и о самой истинѣ вовсе не пекутся. Продолженіе ихъ разговора долго слушать не имѣлъ бы я терпѣнія, потому что слова ихъ мимо меня летали; а вмѣстѣ съ ними и запахъ винный, показывающій, что они держатся сея пословицы: «Кто празднику радъ, тотъ и до свѣту пьянъ; а кто его чтитъ, «тотъ весь день не просыпается». Но они по видимому и болѣе того могли бы сдѣлать, и на цѣлую недѣлю пуститься, только сіи зрѣлищи имъ помѣшали; а если бы оныхъ не было, то бы они въ сію седьмицу остались такъ чисты, какъ ихъ мать родила. Божусь тебѣ, что ихъ разговоръ удушилъ бы меня, и я, не смотря на тѣсноту и

(*) Симъ именемъ называется начальникъ всѣхъ таковыхъ комедіантовъ.

грязь, всеконечно бы отъ нихъ удалился, но къ счастію моему началась комедія и съ нею смѣхъ общенародный, чему причиною былъ парикъ на *Чистосердовѣ* надѣтый, ибо рѣчи его отнюдь ничего смѣшнаго въ себѣ не имѣютъ.

Услышавъ его съ племянникомъ разговоръ, который мнѣ показался достойнымъ вниманія, весьма я удивился, что такая комедія для народа представляется, гдѣ лишь одни, смѣхъ производящія сочиненіи, играть надлежитъ. Но по первому явленію отнюдь не было слѣда узнать, что оная комедія изъ *Бижутіера* передѣлана, да и я, не взирая на прилежное мое слушаніе, и на то, что часто твердилъ *Чистосердовъ* племяннику своему о галантерейщикѣ, не могъ объ ней догадаться, ибо дѣйствіе начавшія лица, суть противъ аглинскія сатиры прибавленныя, также какъ и два крестьянина, работники *Щепетильниковы*. Выходъ и разговоръ оныхъ простолюдиновъ несказанно разсмѣшилъ меня, и думаю, что смѣхъ мой былъ столь неумѣренъ, что ежели бы слуга мой спалъ въ одной со мною комнатѣ, то бы онъ непремѣнно разбудилъ меня, подумавъ, что конечно домовой шутитъ надо мною, чего бы онъ изъ христіанской любви конечно не вытерпѣлъ; но къ удовольствію моему спалъ онъ въ другой комнатѣ и не помѣшалъ сновидѣнію. По выходѣ галантерейщика и по рѣчамъ его, нашелъ я въ немъ точнаго Bijoutier, и наконецъ, слушая съ пущимъ прилежаніемъ послѣдующія явленіи, ясно уже я примѣтилъ, что сія сатира довольно хороша для нашего театра передѣлана. Соблюдено въ ней единство мѣста, и все наклонено на наши нравы; а больше всего то мнѣ показалось, что дѣйствіе положено въ вольномъ маскарадѣ, который весьма къ тому приличенъ. Долженствую къ стыду моему признаться, что избраніе мѣста къ дѣйствованію, мнѣ больше всего труда причиняло, тогда, когда я старался тебѣ угодить, помышлялъ о преложеніи сего сочиненія, и я не могъ попасть на таковое счастливое изобрѣтеніе, какое въ оной комедіи, видя ее во снѣ, примѣтилъ. Но мнѣ не объ себѣ говорить должно, а о превращенномъ *Бижутіерѣ*. Онъ претворившись въ комическое сочиненіе, какъ по содержанію, такъ и по колкой сатирѣ можетъ назваться довольно хорошимъ, а по слогу весьма посредственнымъ, ибо видно, что хотя трудившійся и желалъ показать свойство россійскаго языка, но не имѣя довольнаго знанія и дара краснорѣчія, желанія своего не исполнилъ. Въ немъ видѣнъ человѣкъ съ охотою начинающій, и ты, прочетши, думаю, самъ то же скажешь, потому что я ни одного не перемѣнилъ слова, а все его выраженіями писалъ, кромѣ разговора крестьянскаго, коихъ нарѣчія не могъ я изобразить толь живо, какъ во снѣ слышалъ. Причиною тому, что я, не имѣя деревень, съ крестьянами живалъ мало и рѣдко съ ними разговаривалъ. Полно у насъ не всѣ тѣ крестьянскій языкъ разумѣютъ, которые надѣлены деревнями; не много сыщется помѣщиковъ, въ состояніе сихъ бѣдняковъ по должности

христіанской входящихъ. Есть довольно и такихъ, которые отъ чрезмѣрнаго изобилія о крестьянахъ иначе и не мыслятъ, какъ о животныхъ, для ихъ сладострастія созданныхъ. Сіи надменные люди, живучи въ роскошахъ, не, рѣдко добросердечныхъ поселянъ, для пробавленія жизни нашей трудящихся, безъ всякія жалости раззоряютъ. Иногда же и то увидишь, что съ ихъ раззолоченыхъ каретъ, съ шестью лошадьми безъ нужды запряженныхъ, течетъ кровь невинныхъ земледѣльцовъ. А можно сказать, что вѣдаютъ жизнь крестьянскую только тѣ, которые съ природы человѣколюбивы, и почитаютъ ихъ равнымъ созданіемъ, и потому и объ нихъ пекутся. Но я, забывшись, вовсе было отъ содержанія удалился, что нерѣдко со мною, какъ и со многими молодыми писцами, случается; однако опять за него принимаюсь.

Не трудно было мнѣ примѣтить, что *Верхолядовъ* и *Самолюбовъ* суть лицы, также почти вымышленныя; но не могъ я угадать, на какихъ характеровъ оными цѣлено. И какъ скоро комедія кончилась, то я спросивъ моихъ сосѣдовъ, можно ли идти на театръ, и услыша, что можно, немедленно пошелъ туда. Вошедши спросилъ я комедіанта, игравшаго лицо крестьянское, потому что онъ мнѣ прежде всѣхъ на глаза попался, чьего сочиненія комедія, и какъ называется. Онъ мнѣ сказалъ съ довольною гордостію, хотя былъ въ дѣйствіи не героемъ, а крестьяниномъ, что о томъ не знаетъ; а что могу я свѣдать отъ ихъ медіатора. Да гдѣ же мнѣ его сыскать, осмѣлился я еще спросить наиучтивѣйшимъ образомъ сего надменнаго папашу? Въ пробирной или въ уборной палатахъ, отвѣтствовалъ онъ и указавъ рукою: «Вонъ! туда поди!» и не промолвивъ болѣе ни слова, началъ подбоченившись между театромъ и уборною похаживать. Не взирая на холодный его пріемъ, который смутилъ меня, взялъ я смѣлость войти въ уборную и только дверь отворилъ, то увидѣлъ между прочими комедіантами одного наборщика академической типографіи, изъ тѣхъ, которые мои переводы набираютъ. Спросилъ я его о названіи комедіи и сочинителѣ ея, и въ отвѣтъ, весьма учтиво произнесенный, получилъ, «что онъ ни того, ни друтаго не знаетъ, ибо имѣетъ честь быть при кіатрѣ суфлеромъ; а «въ роли комедіальныя и въ Артемидіи не мѣшается». Однако же по знакомству сдѣлалъ онъ мнѣ ласку и подвелъ меня къ г. медіатору, въ которомъ увидѣлъ я наборщика жъ. Оный былъ тотъ самый, который первыя играетъ лицы, и который больше всѣхъ способности имѣетъ. Я не могу привѣтливостію его довольно нахвалиться. Онъ видавъ меня въ типографіи, весьма снисходительно со мною обошолся, и я увидѣлъ, что не надменъ онъ мнимымъ своимъ достоинствомъ, подобно нѣкоторымъ изъ чужихъ краевъ выѣзжающихъ актерамъ; а притомъ не было въ немъ и виду излишняго униженія, подлыми низкопоклонщиками и гнусными такальщиками, для прикрытія ихъ поносныхъ желаній употребляемаго. Оный г. наборщикъ сказалъ

мнѣ, что имя комедіи французской *Галантерейщикъ*, а кто ее дѣлалъ, онъ не знаетъ. Я началъ было его убѣждать просьбою, къ открытію сея тайны, но не могъ ничего вывѣдать. «Онъ поклялся мнѣ, «что не вѣдаетъ чьей она композиціи; а извѣстно ему только то, что «прислана къ нимъ въ конвертѣ съ партикулярнымъ человѣкомъ...» Я просилъ ее показать мнѣ, что онъ и сдѣлалъ, и съ его же позволенія списалъ я имена дѣйствующихъ лицъ и число явленій. А какъ по ихъ словамъ «начали на кіатрѣ балетъ выкидывать и ломаться», то я, не желая сихъ забавъ видѣть, съ медіаторской же воли прочелъ игранную комедію, и такъ твердо удержалъ ее въ памяти, что просиувшись и повторивъ все видѣнное и слышанное, взялъ перо и записалъ сперва имена и явленіи, а потомъ въ два дня и всю положилъ на бумагу. Но мнѣ не захотѣлось назвать ее *Галантерейщикомъ*; это бы значило чужое слово написать нашими буквами, и для того назвалъ я ее *Щепетильникомъ*, и въ защищеніе онаго слова, принужденъ написать предисловіе.

Стыжусь тебѣ, *Богданъ Егоровичъ*, сказать о слабости моей. Я былъ столько суевѣренъ, что на другой день предпріялъ идти на общенародное позорище, и искусненько вывѣдать, какія тамъ играются комедіи и нѣтъ ли между ими въ истинну *Бижутіера*. Самымъ дѣломъ подозвавъ съ собою нѣкоторыхъ знакомцевъ, къ писменамъ прилежащихъ, пришелъ я на оное зрѣлище и удаляся отъ нихъ, пробрался на театръ, и тамъ дѣйствительно нашелъ... но не комедіи, и тѣхъ самыхъ, коихъ я во снѣ видѣлъ. Сіе заставляетъ меня вѣрить, что сны иногда нѣкоторую часть правды предсказываютъ, ибо я прежде не бывалъ тамъ, и не зналъ, кѣмъ комедіи играются. Спрашивалъ я господъ комедіантовъ, какія есть у нихъ комедіи? И узналъ, что они выучили *Скупаго*, *Лекаря по неволѣ*, *Генриха* и *Перишлу*, *Новопріѣзжихъ* и *Чадолюбіе*, и что болѣе оныхъ не выучили, а будутъ еще учить *Привидѣніе съ барабаномъ*.

Въ тотъ день играли *Скупаго*, и народу было очень много: почти вся чернь, купцы, подъячіе и прочіе имъ подобные. Много и знатныхъ господъ и посредственныхъ чиновныхъ людей изъ любопытства пріѣзжаютъ. Но дѣло не до описанія туда ходящихъ и комедій тамъ представляемыхъ; а дѣло въ принесеніи тебѣ благодарности за-то, что твоею просьбою, получилъ я случай доставить на русскій языкъ сіе сатирическое сочиненіе. Къ тому же и письмо мое, которое приписаніемъ назвать долженствовало, и такъ уже слишкомъ расплодилось и почти уже вышло изъ своего роду, но пусть читатели называютъ его какъ имъ заблагоразсудится. Я увѣренъ, что ты почтешь его знакомъ дружбы моей. Ты причиною моего сновидѣнія, и тебѣ долженствую приписать плодъ отъ него полученный. Прими его любезный другъ, и вѣрь, что я и на яву всего для тебя сдѣлать не отрекуся, что дружба повелѣваетъ. Живи благополучно! Я сердечно желаю исполненія всѣхъ твоихъ желаній и безъ околичностей, ко-

торыя между людьми въ писменахъ упражняющимися, а кольми паче между друзьями, не должны быть терпимы, просто сказываю тебѣ, что и есмь и вѣчно буду.

Твой вѣрный другъ и усердный слуга
Вл: Лук:

П. П. Чуть было и не забылъ я о преважной для меня просьбѣ. Она будетъ состоять не въ убѣжденіи тебя къ защитѣ, приписанныя отъ меня комедіи, въ противность многихъ писцовъ, кои свои сочиненіи единственно для полученія обороны боярамъ надписываютъ, но въ томъ она заключается, чтобы ты, ради Бога, промолчалъ, что сіе письмо довольно безпорядочно написано. Ежели ты скроменъ будешь, такъ немногіе о томъ узнаютъ по нижеслѣдующимъ причинамъ. Иные заняты дѣлами и не имѣютъ времени читать нашихъ сочиненій, да они же и не поспѣютъ за нами, потому что мы нынѣ чрезъ чуръ поспѣшно бумагу мараемъ, иные вовсе нашихъ трудовъ не читаютъ; а иные хотя и читаютъ, но не только о тѣхъ правилахъ, въ коихъ читаемое ими сочиненіе должно быть написано, не вѣдаютъ, и вѣдать не будутъ, но и читать для пониманія, а для того, чтобы похвастать, будто и они нѣчто читаютъ... А! я пропустилъ было еще родъ чтецовъ, которые почти все читаютъ, но только на то, чтобы побранить трудившихся; и они имѣютъ множество подражателей, которые хотя и ничего не знаютъ, однако язвительно бранятся. О защищеніи же комедіи просить тебя я ни малыя не имѣю нужды, твердо уповая, что хотя нѣкоторые чтецы просмотрятъ мое надписаніе и предисловіе, а отъ оныхъ промчится слухъ и до тѣхъ, кои предисловіи и надписаніи никогда не читаютъ, а чрезъ то, и тѣ и другіе свѣдаютъ, что комедія не моя, а во снѣ видѣнная.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ «ЩЕПЕТИЛЬНИКУ».

Всякій, кто не полѣнится прочесть письма моего къ г. *Ельчанинову*, предъ симъ напечатаннаго, увидитъ, что слѣдующая комедія не плодъ трудовъ моихъ, но плодъ счастливаго сновидѣнія. Я пишу сіе предисловіе въ защиту единаго только слова и за то по справедливости можно назвать меня *педантомъ*. Пусть называютъ; что дѣлать! я принужденъ на этотъ разъ, хотя и не охотно, вытерпѣть сію укоризну, и долженъ непремѣнно защитить данное оной комедіи наименованіе.

Я писалъ къ г. *Ельчанинову*, что странно показалося мнѣ сію комедію назвать французскимъ *Галантерейщикомъ*, какъ оную во снѣ называли, и я чаялъ, что многіе читатели меня за то еще бы болѣе, нежели за слово *Щепетильника*, осуждать стали. Къ тому же я и самъ никогда бы не простилъ себѣ, издавъ на свѣтъ сіе сочиненіе подъ чужестраннымъ наименованіемъ. Итакъ, слѣдуя сему мнѣнію, думалъ я, какимъ бы словомъ объяснить на нашемъ языкѣ французское слово Bijoutier, и не нашелъ инаго средства, какъ чтобы, войдя въ существо той торговли, отъ которой произошло у французовъ оное названіе, сообразить ее съ нашими торгами и разсмотрѣть, нѣтъ ли ей подобныя, что я безъ великаго труда сыскалъ, и здѣсь предлагаю.

Во Франціи въ лавкахъ Boutiques de Bijouteries или Boutiques de Galanteries продаются часы, табакерки, перстни, пряжки и другія мелкія золотыя, серебряныя, фарфоровыя и прочія разныхъ металловъ и минераловъ вещи, которыя по французски *галантереею* называются, и которыя съ французскаго языка въ столичныхъ нашихъ городахъ почти всѣми жителями подъ тѣмъ же именемъ приняты; за что тѣхъ, которые говорятъ, а не пишутъ, и винить почти не должно. Они, покупая изъ Франціи вывезенныя вещи, такъ ихъ и называть начали, какъ у французовъ называются. Но мнѣ, издавая сію комедію на русскомъ языкѣ, какъ уже выше сказано, не захотѣлось французское слово тиснуть русскими буквами. Чего ради, не взирая на то, что подвергнуся хулѣ, несметному числу мнимыхъ въ нашемъ языкѣ знатоковъ, взялъ къ тому старинное слово *Щепетильника*, потому, что всѣ наши купцы, торгующіе перстнями, серьгами, кольцами, запонками и прочимъ мелочнымъ товаромъ, назывались и нынѣ называются *Щепетильниками*. И если бы у дѣдовъ нашихъ часы, готовальники и прочія, французами и другимъ народомъ къ намъ вывозимыя вещи, даже до самыхъ ни къ чему годныхъ бездѣлокъ были во употребленіи, то бы и оныя также щепеткимъ товаромъ назывались и *Щепетильниками* продаваны были. И сверхъ того неоднократно, не только отъ жителей малыхъ городовъ и отъ купцовъ, но и отъ многихъ степенныхъ господъ, въ столицахъ живущихъ, слыхалъ я въ разговорахъ, что они вмѣсто того: «Онъ одѣтъ «богато или прибористо», говорятъ: «онъ щепетко одѣтъ». Итакъ habit galant можетъ назваться кафтанъ и щегольской и щепеткой, и изъ того слѣдуетъ, что сіе слово не только къ тѣмъ товарамъ, кои *галантереею* называются, приличествуетъ, но можетъ быть довольно объяснительно и къ другимъ, но однакожъ не ко всѣмъ вещамъ, коимъ на французскомъ языкѣ, прилагательное имя galant дается.

И такъ для вышесказанныхъ обстоятельствъ, а притомъ имѣя къ чужестраннымъ словамъ, языкъ нашъ безобразящимъ, совершенное отвращеніе, назвалъ я комедію *Щепетильникомъ*, но назвалъ не съ

такимъ гордымъ намѣреніемъ, чтобы никогда не перемѣнить слова сего. Нѣтъ! Если тѣ люди, кои языкъ нашъ лучше меня знаютъ, и коихъ я всегда за то почитаю, если такіе, говорю я, мнѣніе мое опровергнутъ, то я въ минуту съ ними соглашуся. Но и тогда тѣмъ утѣшаться буду, что мною понуждены они къ истребленію сего иноплеменническаго слова, которое въ нашъ языкъ совсѣмъ почти внѣдрилось, и которое, если его, такъ какъ и многихъ, не истребятъ, можетъ на долгое время остаться.

Что же принадлежитъ до переговорки такихъ людей, которые будутъ сіе мною возобновленное слово опорочивать, не показавъ неоспоримаго на мои доказательства опроверженія, то я таковымъ сказываю, что ихъ неосновательная хула меня не тронетъ, ибо я знаю, что они большею частію все то хулятъ, чего не разумѣютъ. Но что мнѣ до оныхъ хулителей, вѣдаю я, что ихъ много сыщется, но они не опорочиваютъ, а ругаютъ, и для того надлежитъ ихъ презрить, что и сдѣлаю. Но когда они вмѣсто брани напишутъ на мои погрѣшности осужденіе, то я на оное, если будетъ неправильно, сдѣлаю отвѣтъ учтивый, а если правильно, то употреблю его въ мою пользу.

Много жалѣлъ я о томъ, что сія комедія почти не можетъ быть играна, ибо въ ней нѣтъ ни любовнаго сплетенія, ниже завязки и развязки, какъ и въ аглинскомъ подлинникѣ, и она не что иное, какъ характеры, на театръ выходящіе. Короче, она такого жъ роду, какъ *Всесвѣтный другъ* и *Рѣка забвенія*, господина *Легранда*, и подлинники господина *Фагана*, но въ ней гораздо болѣе соку. Сверхъ того, она же для комедіи въ одномъ дѣйствіи долговата, и ежели бы я ее самъ передѣлывалъ и для представленія готовилъ, то бы и сократить могъ, но я, какъ уже всѣ знаютъ, ее себѣ не присвоиваю, и печатаю для моихъ одноземцовъ, надѣяся, что многіе будутъ ее читать, подобно прочимъ сатирическимъ сочиненіямъ, которыя и въ чтеніи приносятъ удовольствіе и пользу всякому читателю, съ добрымъ намѣреніемъ за книгу принимающемуся. Я для такихъ только и тружуся, а не для тѣхъ, кои книгами стараются украшеніе комнатное сдѣлать, а о томъ и не думаютъ, что книги—и души и головы наши украшаютъ.

ЩЕПЕТИЛЬНИКЪ,

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Щепетильникъ.
Чистосердовъ. Маіоръ при гражданскихъ дѣлахъ.
Племянникъ, Чистосердова.
Нимфодора. } Вертопрашки.
Маремьяна. }
Полидоръ. Пересмѣшникъ.
Притворовъ. Бывшій въ придворной службѣ.
Вздоролюбовъ.
Легкомысловъ.
Обираловъ.
Верхоглядовъ.
Старосвѣтовъ.
Самохваловъ.
Миронъ. } работники Щепетильниковы.
Василій. }

Дѣйствіе въ Вольномъ Маскарадѣ.

Театръ представляетъ большую комнату, украшенную столами, стульями, и стѣнными подсвѣчниками, въ которыхъ свѣчи, уже по приходѣ Щепетильниковыхъ работниковъ, зажигаются. На правой сторонѣ близко оркестра сдѣланъ прилавочикъ Щепетильниковъ Въ оную комнату входъ съ трехъ сторонъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чистосердовъ и Племянникъ.

Чистосердовъ. Когда уже моему брату непремѣнно захотѣлось записать тебя въ службу и здѣсь оставить, то я въ твою предосторожность, любезный племянникъ, покажу тебѣ всѣ сборища, въ которыя почти ежедневно жители столичныхъ городовъ съѣзжаются. Нѣсколько разъ видѣлъ ты комедіи, и меня обрадовалъ, что онѣ тебѣ, въ против-

ность мнѣнія многихъ людей, которые зрѣлищи пуще порчею, нежели поправленіемъ нравовъ почитаютъ, показались въ истинномъ ихъ видѣ. Ты почелъ ихъ не увеселеніемъ для глазъ, но пользою для твоего сердца и разума. Былъ ты и въ маскарадѣ придворномъ; онъ тебѣ весьма понравился. Теперь увидишь ты здѣсь и вольный маскарадъ; увидишь въ немъ множество людей и, не знавши ихъ, испытаешь ихъ нравы и обхожденія, что великую принесетъ тебѣ пользу.

Племянникъ. Я вамъ, дядюшка, за ваше обо мнѣ попеченіе весьма благодаренъ, и буду...

Чистосердовъ. Будь всегда таковъ, каковымъ я теперь тебя вижу: чуждъ ласкательства и хитростей, и непричастенъ такимъ дѣламъ, которыя вѣчное безчестіе намъ наносятъ. Ты безвыѣздно жилъ въ Пензѣ съ своимъ отцомъ, который хотя и воспиталъ тебя въ благонравіи, но не могъ тамъ показать въ лицахъ всѣхъ сѣтей, въ которыя молодой человѣкъ, какъ ли онъ ни одаренъ разумомъ, однако часто попадается. Но въ здѣшнемъ городѣ, а особливо въ этомъ домѣ, разсмотришь ты всѣхъ родовъ людей: я нарочно для того тебя и сюда привезъ; но дивлюсь, что такъ долго не съѣзжаются.

Племянникъ. Можетъ быть сегодня и никого не будетъ.

Чистосердовъ. Не можетъ статься! Мнѣ уже чрезмѣрно жаль, что по сію пору нѣтъ того глумливаго Щепетильника, который здѣсь продаетъ и по ярлыкамъ проигрываетъ разныя бездѣлюшки; ты уже отъ меня объ немъ слыхалъ неоднократно. Постоявши возлѣ него, въ два часа больше людей узнаешь, нежели живучи въ городѣ въ два года.

Племянникъ. А въ которой же горницѣ онъ бываетъ?

Чистосердовъ. Вотъ его прилавочикъ. Онъ по 50 рублевъ на недѣлю за него платитъ и вымѣщаетъ дороговизну надъ нашими молодчиками: беретъ съ нихъ за бездѣлки тройную цѣну и ихъ же при всякой вещи дурачитъ.

Племянникъ. Но ѣздятъ ли сюда придворные и другіе господа?

Чистосердовъ. Всеконечно. Большая часть изъ нихъ послѣ ужина пріѣзжаетъ. Иные прямо для провожденія времени и отдохновенія отъ трудовъ; а иные сбираются толь-

ко за тѣмъ, чтобы надъ нашею братьею малочиновными людьми посмѣяться, но часто сами смѣшнѣя насъ бываютъ.

Племянникъ. Но кто осмѣлится надъ господами смѣяться? Я хотя недавно здѣсь живу, однако видалъ, что ихъ нерѣдко и за дурачествы хвалятъ.

Чистосердовъ. Это дѣлаютъ льстецы, которыхъ здѣсь больше, нежели чистосердечныхъ.

Племянникъ. Развѣ льстецы всегда возлѣ бояръ трутся и развѣ въ нихъ слабостей больше?

Чистосердовъ. Нѣтъ! Слабости и страсти находятся равно въ людяхъ всякаго состоянія, но на знатнаго господина глаза всего народа обращаются, и въ немъ пороки виднѣе, нежели въ малочиновномъ. Правда, что у насъ больше такихъ бояръ, которые, обладая прямыми достоинствами истину любятъ, но и тѣхъ довольно, которые слѣпыя похвалы желаютъ. А иногда и самые добродѣтельные и разумные люди нѣсколько времени отъ льстецовъ въ ослѣпленіе приведены бываютъ.

Племянникъ. Для чего же у васъ льстецовъ терпятъ?

Чистосердовъ. Для того, что ихъ слова приманчивы человѣческому самолюбію, которое иными чрезмѣрно обладаетъ. Къ тому же честный человѣкъ льстеца не скоро и узнать можетъ. Первый о большей части людей по себѣ разсуждаетъ; а послѣдній безъ труда пріемлетъ на себя всѣ виды, по времени и обстоятельствамъ, и хотя онъ похвалами всякому погибель готовитъ, однако притворствомъ обольщаетъ простосердечіе.

Племянникъ. Я отъ батюшки слыхалъ, что вы очень откровенны; итакъ, я чаю, вамъ жить здѣсь не весело.

Чистосердовъ. Несносно! Если бы льстецовъ не столько много было, то бы и преодолѣть наконецъ удалося, но ихъ число несмѣтное. Ими набиты не только переднія, но и всѣ комнаты многихъ знатныхъ господъ. Они сводятъ знакомство съ дворецкими, со всѣми прислужниками, съ нянъками и съ мамками; а въ случаѣ нужды они и послѣднимъ холопьямъ въ поясъ кланяются. Словомъ, они своею подлостію сыскиваютъ не только свободный предъ честнымъ человѣкомъ входъ, но и замолвленье добраго слова, хотя до того непозволеннымъ образомъ добиваются.

Племянникъ. Да какъ-же вы между ими живете?

Чистосердовъ. Дѣлая тому противное и ежечасно ихъ ругая.

Племянникъ. За то васъ возненавидятъ.

Чистосердовъ. Что мнѣ до того нужды!

Племянникъ. Неужли вы и большому господину о порокахъ его въ глаза сказать осмѣлитесь?

Чистосердовъ. Безъ сумнѣнія! и я прошедшую зиму съ нѣкоторыми господчиками здѣсь и больше этого сдѣлалъ.

Племянникъ. А какимъ образомъ?

Чистосердовъ. Однажды куча молодыхъ шалуновъ, мнимыми достоинствами надутыхъ, пріѣхали сюда надъ добрыми людьми посмѣяться. Многихъ дурачили, которые, будучи ихъ разумнѣе, изъ презрѣнія сносили отъ нихъ обиды. Наконецъ напали они на бѣдную дѣвочку, которая ни малаго не подала поводу надъ собою ругаться. Обступили ее, начали безстыдно шутить, ходили всюды за нею, дѣлали разныя и холопьямъ неприличныя похабствы; и на послѣдокъ оттолкнувъ ея подругъ, съ которыми она пріѣхала, хотѣли свое дурачество усугубить; но по счастію этой бѣдняжки, я съ моимъ другомъ тутъ случился. Мы избавили эту дѣвочку и ругали вертопраховъ за гнусный поступокъ, сколько хотѣли; а они, снося брань, безстыдно смѣялися, и тѣмъ безумство свое утверждали. Короче сказать, дѣло кончилось тѣмъ, что о дѣвочкѣ всѣ сожалѣли, всѣ озорниковъ бранили; поступокъ ихъ остался для нихъ поношеніемъ, а я съ моимъ другомъ нажилъ съ двадцать новыхъ злодѣевъ.

Племянникъ. Сами виноваты; лучше убѣгать отъ непріятелей, нежели имъ въ глаза лѣзть.

Чистосердовъ. Ты говоришь правду. Но я иногда почитаю за грѣхъ оставить дурака безъ обличенія и хотя я сюда очень рѣдко пріѣзжаю, однако всякій разъ увижу множество шалостей, которыхъ пощадить не можно. Но слава Богу, что Щепетильникъ сталъ сюда жаловать. Онъ со всякаго лукавца снимаетъ личину и всякаго повѣсу осмѣиваетъ.

Племянникъ. На это много ума и ученія потребно и я дивлюсь, что изъ нашихъ купцовъ столь умный и обхожденіе знающій сыскался.

Чистосердовъ. Онъ не купецъ, а отставной офицеръ, который давно безъ награжденія отставленъ за то, что начальникамъ своимъ, слѣпаго повиновенія требующимъ, въ глаза говорилъ правду.

Племянникъ. У насъ и офицеры не всѣ ученые; довольно и такихъ, которые съ нуждою писать умѣютъ.

Чистосердовъ. Доселева бывало, но нынѣ начинаютъ выводиться, для того, что уже слуга боярскій и купецъ черезъ мѣсяцъ въ офицеры не выйдутъ, не такъ какъ въ старину. Я зналъ нѣкоторыхъ письмоводцевъ, изъ ничего и не за весьма похвальныя дѣла въ чины вышедшихъ. Они, втершись въ случаи къ большимъ добросердечнымъ господамъ, ихъ обманывали и на ихъ отвѣтъ довольно купцовъ, подъячихъ и холопей вывели въ офицеры; пускай бы уже достойныхъ, а то такихъ, которые и въ тѣхъ званіяхъ гадки были. Но оставимъ прошедшее время, я желаю, чтобы оно у всѣхъ честныхъ людей изъ памяти истребилось и ихъ не сокрушало.

Племянникъ. Этого всѣмъ желать надлежитъ.

Чистосердовъ. Отецъ Щепетильниковъ былъ офицеръ, и хотя жилъ въ бѣдности, однако сына своего такъ воспиталъ, какъ и дворяне рѣдко воспитываются, и терпя нужду, обучилъ его языкамъ и другимъ наукамъ въ такое время, когда государевыхъ училищъ для недворянъ еще не было. Но зато, ни онъ, ни сынъ его никакого награжденія не получили и просить стыдились, не такъ какъ многіе изъ нынѣшнихъ молодчиковъ. Они лишь немножко выучатся на государевомъ иждивеніи, то уже и хотятъ чрезмѣрнаго награжденія, тогда, когда еще и ученія не заслужили; не только чтобы изъ благодарности потщились оказать отличныя отечеству услуги. Но вотъ и работники его принесли товары. *(Работникамъ)* Скоро ли хозяинъ вашъ будетъ?

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-жъ и два работника *(одѣтые по-крестьянски. Приносятъ корзину на шестѣ, и постановя ее, одинъ отвѣчаетъ на вопросы Чистосердову, а другой отпираетъ лавку и ставитъ свѣчи).*

Миронъ раб. Тотчасъ-стани пожалуетъ.

Чистосердовъ. Для чего-же онъ замѣшкалъ?

Миронъ раб. Не вѣдаю, роцимой.

Чистосердовъ. Но вѣрно ли онъ будетъ?

Миронъ раб. Право будетъ-ста, и велѣлъ всимъ чостнымъ бояромъ сказаци, что у него новыя есть... новыястани!... ни товары, а!... а!... голотиреи, привезенныя изъ заморья, изъ Мемщизны... Имена-та некрещеныя, такъ кормилецъ мудрены, что ихъ скоро и не пробаишь. Какъ бишь они зовутся... лядъ вѣдаетъ! такъ хитро, хоть голова проць, такъ не знаю.

(Чистосердовъ и Племянникъ улыбаются).

Миронъ раб. А ла, а ла, а ла тилогрея! да а ла, а ла салфетва!... што же-ста бояринъ галишья надо мною. Вить на насъ дивить нецево; еще только съ недѣлей двадчать, какъ мы изъ Галица сюда прибрели; а у насъ эдакихъ мудрыхъ словъ ниту, и мы голчимъ по старинному повѣрью.

Чистосердовъ. Я не тому смѣюсь и знаю, что вамъ эти слова выговаривать трудно. *(Племяннику)* Это послѣднія моды: а-ла-грекъ и а-ла-салюетъ. Пойдемъ въ залу, я чаю, уже много людей собралось. *(Работникамъ)* А вы, какъ скоро хозяинъ вашъ пріѣдетъ, намъ скажите.

ЯВЛЕНІЕ III.

Миронъ и Василій.

Миронъ раб. Спасибо, братъ Васюкъ, что ты отомкнулъ прилавокъ-отъ; а я съ бояринамъ-та позагуторился. Виць это тотъ, которой не охоць до бусурманскихъ-та фиглей, и которой и тѣхъ бранитъ, кто ихъ за христіанскія манеты покупаетъ.

Василій раб. Какъ ево не знать, онъ очень знакомитъ. И когда сюда ни зайдетъ, то ницаво не купитъ, а весь вецеръ пробаитъ съ нашимъ шалберомъ. Да нутка, братъ Мироха, станемъ разбирать кузовеньку-та. Вить хозяинъ до сабя изъ нея велѣлъ все выбрать.

Миронъ раб. Давай, парены! Вздымемъ-ка ее на лавкута. Берись же моцнѣе! Вить она, братень, грузна, и я изъ саней ее черезъ моготу сюда притаранилъ. *(Оба работники, поставивши корзину на лавку, вынимаютъ вещи и разговариваютъ).*

Миронъ раб. *(держа въ рукѣ зрительную трубку)*. Васюкъ, смотри-ка. У насъ въ экія дудки играютъ; а здѣсь въ нихъ одинъ глазъ прищуря, не вѣть цаво-та смотрятъ. Да добро бы, брацень, изъ-дали, а то носъ съ носомъ столкнувшись, устремятся другъ на друга. У нихъ мнѣ-ка стыдата совсѣмъ кажется ниту. Да посмотрѣць было и мнѣ. Нѣтъ, малецъ, боюсь праховую испорцить.

Василій раб. Кинь ее, Мироха! А какъ испорцишь, такъ сороми-та за провальную не оберешься. Но я цаю, въ нее и подуцѣть можно, и колибъ она ни чѣнна была, такъ бы я сабѣ купилъ, и пришедши домой скривя шапку захазилъ съ нею. Меня бы наши дѣули во всѣ посидѣнки стали съ собою браци и я бы, братень, въ переднемъ углу сидя, чуфарился надъ всѣми.

Миронъ раб. *(вынувъ групъ купидоновъ, изображающихъ художества и науки, смѣется)*. Смотрит-ка! что за проказъ? Какая ихъ сарынь рабенокъ. *(Испугавшись)* Ахъ, братень, никакъ это ангели божіи! прости меня чарь небесный! я проклятой, глядя на хранителей-та нашихъ, ухмылнулся. Экіе мѣмцы-та безбожники, какъ они ихъ въ кучу сколько смямкали!

Василій раб. *(смотря на купидоновъ)*. И, дурачина! Съ вора выросъ, а ума не вынесъ! Какіе ангели! Я слышалъ отъ нашево хозяина, что это хранчускіе болванчики.

Миронъ. О, такъ я и не согрѣшилъ. Смотри-ка, парень, что у нихъ въ рукахъ-то. У инова мазилка, у инова мкнига, иной съ зажжоной луцыной; а этотъ по пестренькому шарику развильниками тыцетъ.

Василій. Покинь ихъ, малецъ! Вонъ и хозяинъ идетъ. Ставь поскоряе.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Щепетильникъ и работники.

Щепетильникъ. Не изломали-ль чего?

Миронъ. Ницаво, кормилецъ!

Щепетильникъ. Не спрашивалъ ли кто меня?

Василій. Тотъ цостной бояринъ, которой не покупаетъ ницаво изъ мудростей хранчускихъ, а все съ вашей мило-

стью гуторитъ. Онъ мнѣ-ка приказалъ сабѣ вѣсть подаць, какъ ты-стани сюда пожалуешь. Да былъ съ нимъ какой-та боярцукъ, только съ лица парень опосной.

Щепетильникъ *(въ сторону)*. Это, чаю, маіоръ Чистосердовъ; но съ кѣмъ, не знаю, и онъ конечно въ залѣ. *(Мирону)* Поди скажи ему обо мнѣ, и всѣмъ гостямъ. Да смотри же искусненько и не согруби никому.

Миронъ. Разумѣю-стани, вить я не дуракъ.

Щепетильникъ *(въ слѣдъ Мирону)*. Э! и дожидайся тамъ, покуда всѣ не разъѣдутся и какъ никого не будетъ, такъ мнѣ скажи. *(Василію)* А ты поди и будь въ этой комнатѣ, покуда не кликну.

ЯВЛЕНІЕ V.

Щепетильникъ, *одинъ*. *(Вошедши въ прилавокъ, разбираетъ вещи, и вынувъ бумагу говоритъ)*. Мнѣ кажется, что сегодня былъ я очень счастливъ, а со мною многіе бѣдные люди. *(Читаетъ)* Золотые часы съ будильникомъ купилъ у меня сынъ судьи Лихоимцева за 250 рублевъ, а мнѣ они за 70 достались. Продалъ я молодымъ вертопрахамъ нѣсколько дѣтскихъ игрушекъ, которыхъ нынѣ сотни по двѣ къ часамъ привѣшиваютъ, на 200 рублевъ, а они мнѣ самому и 50-ти не стоили. Барышъ хотя не христіанскій, однако взятъ съ такихъ людей, которые сердятся, ежели ихъ шалости сдѣлать не допустишь. Еслибы я съ нихъ столько не взялъ, то-бы чужестранцы пуще моего ограбили и деньги бы изъ государства вышли. За это нельзя меня назвать безсовѣстнымъ. Я беру дорого не съ бѣдныхъ людей, которые трудами деньги получаютъ, а съ такихъ мотовъ, которые и безъ меня разориться сыщутъ случай. Недавно началъ я торговать бездѣлюшками и столько уже денегъ имѣю, что и каменныя могу построить палаты, исключая то, что третью часть бѣднымъ раздѣляю. Бездѣлицы нынѣ очень дорого покупаются и весь свѣтъ такъ въ нихъ устремился, что почти ни о чемъ, кромѣ ихъ, не мыслитъ. Всѣ почти люди кромѣ бездѣлицъ ничего не читаютъ, ни въ чемъ кромѣ бездѣлицъ не упражняются и ни о чемъ кромѣ бездѣлицъ не спорятъ. Бездѣльнаго мужчину женщины на подхватъ любятъ; а женщина бездѣльная мужчинами обожается. Но что я за примѣръ нашелъ? какъ будто бы

не довольно и безъ того бездѣлокъ на свѣтѣ. Самыя важныя вещи, о которыхъ больше всего стараться надобно, нынѣ въ бездѣлки превращаются. Тратятъ время, изнуряютъ здоровье, проматываютъ имѣніе, безчестятъ своихъ предковъ, безславятъ самихъ себя, преступаютъ должности, утѣсняютъ безпокровныхъ, оправдаютъ виновныхъ и забываютъ присягу, такъ какъ сущіе бездѣльники. Искренность стала бездѣлица, честь бездѣлка, совѣсть бездѣлюшка, а наконецъ и вѣра, какъ главная вещь, у многихъ несмысленныхъ дураковъ почитается изъ бездѣлицъ бездѣлкой.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Щепетильникъ, Чистосердовъ и Племянникъ.

Чистосердовъ. Здравствуй, сударь! Ты такъ зачитался, что насъ и не видишь.

Щепетильникъ. Виноватъ! Я право васъ не примѣтилъ. *(Въ сторону)* Лицо этого молодаго человѣка меня удивляетъ, и онъ на нашихъ щегольковъ не походитъ.

Чистосердовъ. Что ты опять шептать началъ?

Щепетильникъ. Такъ, сударь. *(Племяннику)* Не изволите-ли чего купить?

Чистосердовъ. Конечно онъ купитъ, только продавай ему не съ такимъ описаніемъ, какъ здѣшнимъ жителямъ. Еще тому не болѣе двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ изъ Пензы сюда пріѣхалъ и онъ мой родной племянникъ.

Щепетильникъ. А! радуюсь, что вижу въ немъ человѣка, на васъ похожаго. *(Племяннику)* Да что же вамъ потребно?

Племянникъ. Хорошіе часы, сударь.

Щепетильникъ. Вотъ самые вѣрнѣйшіе и лучшаго мастера, они же съ будильникомъ. Если бы я ихъ продавалъ безмозглому петиметру, то бы долженъ былъ описать ихъ доброту въ слѣдующихъ словахъ: что они будутъ его разбужать по полуночи въ двѣнадцатомъ часу и позже; что будутъ показывать время, когда должно ему скакать на свиданіе съ любовницею, которыхъ онъ въ день по десяти обманываетъ, а изъ нихъ каждая сама по двадцати любовниковъ проводитъ; когда ѣхать въ церкву, не Богу

молиться на ряду съ добрыми людьми, а поспѣть къ выходу, чтобы провести за руку до кареты какую нибудь безстыдницу или вертопрашку. А вамъ скажу противное: эти часы станутъ васъ будить къ должности въ такое время, чтобы вы, пріѣхавши вмѣстѣ съ товарищами, исправили на васъ положенное, успѣли бы отдать почтеніе вашимъ благодѣтелямъ, побывали бы въ церкви, во-время бы отобѣдали, отужинали и спать ложились. Словомъ, они будутъ вамъ такъ показывать время, что вы, слѣдуя порядку, наживете имя прилежнаго, добраго и исправнаго человѣка и отъ знатныхъ степенныхъ людей милость сыщете.

Чистосердовъ. Ну, племянникъ! таковы ли тебѣ наставленія его кажутся, какъ я сказывалъ?

Племянникъ. Они мнѣ очень пріятны и я желаю ихъ чаще слушать.

Щепетильникъ *(Чистосердову)*. Никакъ вы, сударь, противъ своего обыкновенія, сегодня развеселились и хотите пошутить надо мною?

Чистосердовъ. Отнюдь нѣтъ! я нарочно привезъ сюда моего племянника, чтобы онъ послушалъ твоихъ описаній. Они его вразумятъ къ познанію здѣшнихъ жителей.

Щепетильникъ. Неужли вы въ истину это говорить изволите? И ежели не шутите, такъ поэтому я умнѣя, нежели самъ о себѣ думалъ. Вотъ каково человѣческое самолюбіе: оно уже меня словамъ вашимъ и вѣрить заставляетъ и я вижу, что излишними похвалами каждаго человѣка испортить не трудно.

Чистосердовъ. Вы чрезмѣрно скромны. Всякъ, у кого хоть малый есть разумъ, увидитъ достоинства ваши. Но я не знаю, какъ бы мнѣ съ племянникомъ пробыть у вашей лавки во все то время, какъ вы гостей подчивать станете. Надо мною и такъ уже многіе смѣются, что я, приходя въ маскарадъ, проговариваю съ вами.

Щепетильникъ. Надъ вами смѣются тѣ, которые сами правильное осмѣяніе заслуживаютъ и потому ругательствы ихъ вамъ невредны. Вы можете, надѣвъ личины, просидѣть здѣсь цѣлый вечеръ. А какъ уже скоро десять часовъ ударитъ, то я по ерлыкамъ сегодня проигрывать не стану, хотя бы и много съѣхалось, а только за деньги продавать буду.

Чистосердовъ. Какъ я пошелъ изъ зала, такъ тамъ еще

только человѣкъ съ тридцать было. Да, полно, и всегда за деньги мало сюда ѣздятъ; а на даровое весь городъ сбирается. Но вотъ трое. Они конечно къ вамъ подходятъ. Сядемъ, племянникъ, и послушаемъ. (*Садятся и надѣваютъ маски.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣжъ и три маски. (*Двѣ въ женскомъ и одна въ мужскомъ, маскарадныхъ платьяхъ; взявшись за руки идутъ, и идучи кричатъ*).

Нимфодора. Ахъ радость! Какая это скука! не повѣришь, душа моя, что бы я дома веселѣя время проводила.

Маремьяна. Ужъ конечно, матушка, и я то-же! Мнѣ-было и ѣхать не хотѣлось, да Полидоръ меня прозьбами замучилъ.

Полидоръ. Я виноватъ, сударыни, и очень виноватъ, только чортъ меня возьми, ежели я не думалъ больше найти здѣсь веселья. Однако, матушка, мы можемъ нѣсколько минутъ въ лотерею поиграть. Пойдемъ къ этому вралю и возьмемъ по дюжинѣ билетовъ.

Щепетильникъ (*Чистосердову*). Вотъ самые умные люди своимъ именемъ меня клеплютъ.

Полидоръ. Давай намъ, господинъ мудрецъ, билетовъ.

Щепетильникъ. Я не люблю этого имени, для того, что и сущихъ дураковъ нынѣ не рѣдко тѣмъ же величаютъ.

Полидоръ (*съ усмѣшкою*). А ты вѣдь очень уменъ. Но что мнѣ до того? давай билетовъ!

Щепетильникъ. Ежели купить изволите, такъ все состоитъ къ вашимъ услугамъ, а проигрывать сегодня за малолюдствомъ я ничего не стану.

Полидоръ. За малолюдствомъ? Всеконечно, что ты насъ не знаешь. Ежели гдѣ есть такіе, какъ мы, два-три гостя, тогда компанія (*) малолюдною не почитается.

(*) Всѣ иностранныя слова говорятъ такіе образцы, которымъ оныя свойственны; а Щепетильникъ, Чистосердовъ и Племянникъ говорятъ всегда порусски, развѣ изрѣдка повторяютъ слово котораго нибудь пустозвака.

Щепетильникъ *(въ сторону)*. Для того, что вы трое за тридцать человѣкъ пустаго накричите.

Полидоръ *(Щепетильнику)*. Что же у тебя есть новаго?

Щепетильникъ. Очень много! Все что я въ лавкѣ имѣю.

Полидоръ. Не нравится ли вамъ, сударыни, что-нибудь изъ этой галантереи?

Щепетильникъ. Извольте сказать, сударыни, въ какихъ вещахъ нужду имѣете?

Нимфодора. Боже мой! Какой это глупый и обветшалый вопросъ! Въ какихъ вещахъ нужду имѣете? Я ни въ чемъ нужды не имѣю, а хочу купить у тебя отъ скуки нѣсколько бездѣлицъ.

Щепетильникъ. А я по себѣ думалъ, сударыня, что покупать должно одни необходимые товары.

Маремьяна. О! оставь пожалуй прескучныя свои нравоученія и говори ихъ подъячимъ, купцамъ и такимъ шалунамъ, каковъ ты, а мнѣ покажи это зеркало.

Щепетильникъ. Извольте, сударыня. Зеркало предорогое! стекло самое лучшее въ свѣтѣ! Кокетка тотчасъ увидитъ въ немъ всѣ свои гнусныя ужимки; притворница—все лукавство; многія женщины усмотрятъ въ лицахъ больше коверканья, нежели пріятности, больше похабства, нежели благочинія, и примѣтятъ въ себѣ больше врожденной остроты, нежели здраваго разсудка.

Полидоръ. Началъ дурачиться. Ну, повирай, другъ сердечный.

Нимфодора. Пусть его болтаетъ. Проповѣди его изрядное отъ безсонницы лекарство.

Щепетильникъ. Такъ не перебивайте-же ихъ, сударыни. Многія женщины увидятъ въ это зеркало, что румяны и бѣлила, хотя ихъ горшка по два въ день тратятъ, не могутъ безстыдства ихъ загладить, и что...

Полидоръ. Для чего же ты однимъ женщинамъ дѣлаешь описанія, развѣ насъ вовсе забылъ?

Щепетильникъ. Тотчасъ сударь, и ваша очередь придетъ. Ежели петиметръ въ него посмотрится, то въ одну минуту съ своимъ нарядомъ всѣ свои шалости увидитъ, и увидитъ, что онъ достойно отъ степенныхъ людей скотиною почитается. Многіе люди, а особливо нѣкоторые боль-

шіе господа, не увидятъ тутъ ни своихъ великихъ заслугъ, о которыхъ они кричатъ ежеминутно, ни милостей, къ бѣднымъ людямъ показанныхъ; однако тому не зеркало виною. Многіе изъ мнимо ученыхъ найдутъ себя невѣжами, многіе изъ остроумныхъ—самыми грубіянами; но при всемъ томъ, зеркало предорогое и самое рѣдкое въ свѣтѣ.

Маремьяна. Не о добротѣ дѣло, а о цѣнѣ.

Щепетильникъ. Мнѣ необходимо надлежало это описаніе сдѣлать, чтобы оно вамъ дорого не показалось. Послѣдняя цѣна двѣнадцать рублей.

Полидоръ. Вотъ деньги!

Маремьяна. Что это, батюшка! Я бы и сама заплатила.

Полидоръ. Полно, сударыня, какъ вамъ не стыдно! Вы конечно меня одурачить хотите.

Чистосердовъ *(Племяннику)*. Дурака не надобно дурачить, онъ самъ о себѣ знать дастъ.

Нимфодора. Что это за табакерочка? Она ужасть какъ мала и я не знаю, на что ее употребить можно.

Щепетильникъ. О, сударыня! эта табакерочка, или лучше сказать, эта маленькая рѣдкость, самая удивительная вещь на свѣтѣ! Меньше ея нѣтъ во всемъ Парижѣ и она въ числѣ послѣднихъ модъ вышла и ко мнѣ прислана за диковинку.

Нимфодора. Да что съ нею дѣлать, ежели я ее куплю, скажи мнѣ пожалуй?

Щепетильникъ. Съ охотою, сударыня. Только не скоро вы повѣрите, услышавъ почти невѣроятныя объ ней дѣла. Въ эту табакерочку, какъ ли она ни мала, нѣкоторые изъ придворныхъ людей могутъ вмѣстить всю свою искренность, нѣкоторые изъ приказныхъ всю честность, всѣ кокетки безъ изъятія свое благонравіе, вертопрахи весь ихъ разсудокъ, стряпчіе всю совѣсть, а стихотворцы все свое богатство, и она только двадцать рублей стоитъ.

Нимфодора. О, такъ я куплю ее для послѣднихъ и подарю господина Риѳмолюбова. Этотъ бѣднякъ слишкомъ десять лѣтъ мараетъ бумагу, а ни одного хорошенькаго стиха и въ элегіяхъ, кромѣ краденыхъ, написать не умѣлъ. *(Она, Маремьяна и Полидоръ смѣются)*.

Полидоръ. Лучше этого, матушка, выдумать не можно. Вотъ деньги за табакерку, извольте ее взять.

Нимфодора. Ты сегодня своимъ женерожствомъ насъ пристыжаешь?

Полидоръ. Никакъ, сударыня; я дѣлаю должность нашей братьи, и жертвую прелестнымъ богинямъ.

Маремьяна. Шутишь, радость.

Нимфодора. Гдѣ ты такъ пришибать научился?

Полидоръ *(цѣлуя у ней руку)*. Тамъ, гдѣ мое сердце вольности лишилось. Но не изволите ли еще чего купить?

Нимфодора. Нѣтъ, душа моя.

Маремьяна. И я ничѣго.

Полидоръ. Такъ я куплю себѣ какую-нибудь бездѣлку. Пусть онъ и мнѣ казанье скажетъ. Подай записную книжку.

Щепетильникъ *(въ сторону)*. Будетъ и тебѣ хорошая почесть. *(Полидору)* Съ описаніемъ или безъ описанія?

Полидоръ. Изволь молоть что хочешь.

Щепетильникъ. Вотъ въ золотѣ оправленная; она стоитъ семьдесятъ рублевъ. Всѣ люди покупаютъ книжки для записки; но не всѣ въ нихъ одинакія дѣла записываютъ. Иные вносятъ сюда всѣ благодѣянія, отъ людей полученныя, собственные свои пороки, которые сами въ себѣ находятъ, всѣ нужныя дѣла для пользы людской, и это на такихъ листахъ, гдѣ ихъ скорѣе увидѣть можно; а туда, куда они не такъ часто заглядываютъ, вписываютъ слабости людскія, не для того, чтобы язвительнымъ образомъ вывесть ихъ на посмѣшище народное, но чтобы иногда изъ христіанской должности остеречь ближняго, и то не сдѣлавъ ему огорченія. Словомъ, они записываютъ въ нихъ все то, что хорошими дѣлами называется. Но такихъ людей мало, а тѣхъ больше, которые покупаютъ на то, чтобы не забывать всѣ мѣста, куда они задыхаясь бѣгаютъ, стараяся дураками показаться. Здѣсь записываютъ господа пересмѣшники дѣла постыдныя. Напримѣръ, какъ обезчестили добродѣтельную женщину, какъ обманули заимодавцевъ, какъ простосердечнаго провели человѣка, какъ...

Полидоръ. Пойдемте, сударыня. Онъ уже слишкомъ заврался. Лучше дурака оставить. (*Уходятъ, и идучи кричатъ: вздоръ*),

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Щепетильникъ, Чистосердовъ и Племянникъ.

Щепетильникъ *(вслѣдъ)*. Не врать было много, такъ бы пошелъ не съ такимъ носомъ.

Чистосердовъ. Ты ихъ живыми описалъ красками. Вотъ, племянникъ, какіе у насъ есть люди: хотятъ всѣхъ пересмѣхать, а сами ничего снести не могутъ. Они всѣ достойны, чтобы ихъ въ комедіяхъ осмѣивали.

Щепетильникъ. Это правда. Но вотъ идетъ какой-то гость и очень гордо выступать изволитъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣже и Притворовъ.

Притворовъ. Подай мнѣ доминную маску.

Чистосердовъ *(Племяннику)*. А! это бывшій придворный хитрецъ, господинъ Притворовъ.

Щепетильникъ. Я, сударь, не держу больше этого товару, на него нынѣ купцовъ мало.

Притворовъ. А для чего? Мнѣ кажется, что въ маскарадѣ этотъ товаръ пренужный?

Щепетильникъ. Бывалъ доселя, но недавно почти всѣ люди личинами запаслися и отъ нихъ лишь убытковъ ожидать должно. Почти всѣ уже въ томъ достигли до такого совершенства, что къ притворству лицъ не имѣютъ болѣе нужды въ личинахъ. Вы найдете обманщиковъ, лжецовъ и клятвопреступниковъ, въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ почтенія достойныхъ одеждахъ. Увидите, что самые распутные и безстыдные люди при всякомъ почти словѣ притворно краснѣются. Усмотрите, что притѣсненіе, обида и грабежъ скрыты подъ именемъ правосудія, а льстецы и бездѣльники подъ именемъ людей благоразумныхъ. Иногда вертопрахъ, обманывая людей постоянныхъ, выступаетъ подъ маскою ложнаго степенства. Иногда самый гнусный лицемѣръ не видѣнъ при усердныхъ его клятвахъ, а

зловредный наушникъ почитается другомъ. Словомъ, сударь, часто и то бываетъ, что воровствы и злодѣйствы тогда сокрыты подъ богатыми одеждами и подъ знатными чинами, когда истинныя достоинствы терпятъ нужду, голодъ и холодъ, или лучше сказать, нынѣ почти весь свѣтъ въ личинахъ и по лицу ни чьего сердца не познаешь.

Притворовъ (*въ сторону сердяся*). Какъ бы отъ этого дурака отвязаться. (*Указывая на зрительную трубку, которую Щепетильникъ держитъ*). Что она стоитъ?

Щепетильникъ. Самую бездѣлку, хотя по себѣ и не бездѣлка, а вещь пренужная въ свѣтѣ, которая и въ городѣ и въ деревнѣ равномѣрно потребна. Вотъ ея доброта! Но прошу не прогнѣваться, что скажу вамъ то, о чемъ вы и безъ меня конечно извѣстны и на что безъ сумнѣнія покупать ее изволите. Ежели посмотрите съ этой стороны, то всѣ вещи увеличатся, къ вамъ приближатся и вы ихъ ясно разсмотрите. Поверните же и посмотрите въ другую сторону: видите-ль, какъ тѣ же вещи малы становятся и отъ зрѣнія удаляются? Съ этой стороны смотримъ мы, сударь, всегда на собственные наши пороки, на благодѣянія, награжденія и всякія выгоды, отъ людей полученныя. А когда взоръ на ближняго устремляемъ, тогда обращаемъ другою стороною, и тутъ самыя слабости людскія покажутся намъ не только пороками, но и злодѣяніями. Если же случится, что наши благодѣтели востребуютъ отъ насъ воздаянія, свойственнаго благодарности, тогда опять въ эту сторону трубки смотрѣть станемъ, и отъ докуки ихъ удалимся. Короче молвить, посредствомъ этой вещи, можемъ мы отъ зависти затмѣвать добродѣтель и умалять достоинствы тѣхъ, которые нашему счастію мѣшаютъ, и можемъ сами собою любоваться, видя толь рѣдкія въ насъ дарованія, которыхъ никто изъ постороннихъ людей примѣтить не въ силахъ.

Притворовъ (*съ досадою*). А цѣна?

Щепетильникъ. Десять рублевъ.

Притворовъ. Вотъ деньги; пора домой ѣхать.

ЯВЛЕНІЕ X.

Чистосердовъ, Племянникъ и Щепетильникъ.

Чистосердовъ. Ну, этому досталось за всѣ его пронырства. Я знаю, что онъ, служа при дворѣ и въ другихъ мѣстахъ, всегда дѣлалъ ложныя бѣднымъ людямъ обнадеживанія, притворныя друзьямъ увѣренія и неблагодарность противъ благодѣтелей.

Племянникъ. Поэтому онъ несносный человѣкъ.

Щепетильникъ. Всеконечно, и надобно радоваться, что онъ нынѣ не въ службѣ. Эдакой лукавецъ всякаго добраго человѣка провести безъ труда можетъ и послѣ, управляя имъ, вредъ обществу дѣлать. Но что это еще за маленькій мужичонка?

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ-же и Вздоролюбовъ въ личинѣ.

Вздоролюбовъ. Я слышалъ, что ты имѣешь цѣлый магазинъ вещей курьёзныхъ. Скажи, есть ли изъ нихъ достойныя любопытства? И ежели есть, такъ покажи мнѣ, я куплю навѣрное, денегъ не пожалѣя.

Щепетильникъ. У меня ихъ очень много, и самыя рѣдкія со мною. Вотъ, сударь, посмотрите это мѣдное блюдо. На немъ вырѣзана рѣчь Адамова, которую говорилъ онъ праматери нашей Еввѣ, въ первомъ ихъ свиданіи; тутъ же и отвѣтъ добросердечной Еввы. Но буквы, за несмѣтнымъ прошествіемъ времени, совсѣмъ почти вытерлись и ихъ разобрать не можно; однако это не вредитъ достоинству моей рѣдкости, но тѣмъ удивительнѣе ее дѣлаетъ. А всего примѣчанія достойнѣе на ней то, что рѣчь Еввина въ три раза мужниной длинняе. Также есть у меня одна изъ тѣхъ трубъ, которыя способствовали къ разоренію Ерихона, прядь волосовъ Самсоновыхъ, обернутая въ лоскутъ епанчи лѣпообразнаго Іосифа, и множество жидовскихъ диковинокъ, за которыя съ меня честные господа евреи столько денегъ взяли, сколько имъ захотѣлось.

Вздоролюбовъ. Еще что?

Чистосердовъ. А, это Вздоролюбовъ. Послушай, племянникъ; ты удивишься тому, какъ этотъ молодчикъ къ ничего значущимъ бездѣлюшкамъ страстенъ.

Щепетильникъ. У меня ихъ еще много, только здѣсь нѣтъ, а дома оставлены. Пузыречикъ съ слезами великаго Александра, которыя пролилъ онъ отъ того, что людямъ болѣе вреда не могъ дѣлать. Табакерка изъ бочки угрюмаго Діогена, сѣти почти невидимыя, въ которыя поймалъ Вулканъ свою супругу съ ея любовникомъ. Но нынѣшнія наши женщины столь непорочны стали, что этотъ товаръ на такую потребу уже негоденъ, потому что слишкомъ въ двадцать лѣтъ ни одинъ мужъ жены своей не заставалъ съ любовникомъ.

Вздоролюбовъ. Мнѣ въ этихъ вещахъ нѣтъ нужды; этотъ мужъ всегда дуракомъ остается, который за женою примѣчать будетъ. (*Въ сторону*). Ежели онъ и застанетъ, такъ прибыли мало.

Щепетильникъ (*въ сторону*). Не искусился ли онъ въ томъ?

Вздоролюбовъ. Нѣтъ ли у тебя какихъ минераловъ и металловъ?

Щепетильникъ. Есть, сударь! Вотъ раковины изъ рѣки Евфрата, въ которыя, какъ ни они ни малы, хищные крокодилы вмѣщаются, и ихъ всѣ любители рѣдкостей сбираютъ. Вотъ еще три камня съ острова Нигдѣ Небывалаго; камни самые рѣдкіе, которыхъ ни у кого, кромѣ васъ, не будетъ; а называютъ ихъ алграментибардасы, т. е. сокъ и фундаментъ физики, химіи и алхиміи.

Вздоролюбовъ. А что эти камни и раковинки стоятъ?

Щепетильникъ. Крайняя цѣна три тысячи рублевъ.

Вздоролюбовъ. А блюдо и всѣ рѣдкости, о которыхъ ты теперь же мнѣ сказывалъ?

Щепетильникъ. Послѣднее слово семь тысячъ рублевъ.

Вздоролюбовъ. Вотъ тебѣ тысяча задатку, а за достальными пріѣзжай завтра съ вещами; только дай мнѣ теперь одинъ камушекъ и раковинку показать охотникамъ и ихъ взбѣсить. Я думаю, что мнѣ маски скидать не надобно: ты меня и безъ того по моей охотѣ къ рѣдкостямъ узнать можешь. Прости!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Чистосердовъ, Племянникъ и Щепетильникъ.

Щепетильникъ. По твоимъ дурачествамъ узнать тебя не трудно. Это Вздоролюбовъ.

Чистосердовъ. И я его тотчасъ узналъ.

Щепетильникъ. Не странная ли это охота: за пять раковинъ такихъ, какихъ въ Яузѣ много набрать можно, и за три камня, которыхъ по дорогамъ лежатъ кучи, заплатилъ онъ съ жадностью три тысячи рублевъ.

Чистосердовъ. Не видавши, этому повѣрить трудно.

Щепетильникъ. Для того, что его дурачество рѣдко слыханное. Да, полно, онъ на этихъ бездѣлкахъ совсѣмъ ума рехнулся. Ему хочется прослыть первымъ знатокомъ въ натуральныхъ вещахъ и вы видѣли, какъ щедро онъ за нихъ платитъ. Недавно продалъ онъ слишкомъ тысячу душъ и купилъ на взятыя деньги разныхъ вздоровъ, которые при его же жизни съ молотка за десятую или двадцатую долю проданы будутъ, а это уже съ такими охотниками, каковъ онъ, не однажды случалось.

Чистосердовъ. Только удивительно, что онъ весьма неосновательную жизнь ведетъ, имѣя изрядный умишко. Мнѣ очень жаль, что сынъ такого добраго человѣка, каковъ его отецъ былъ, сталъ посмѣшищемъ не только нашему государству, но и многимъ чужестранцамъ.

Щепетильникъ. Это правда; лучше бы было, ежели бы онъ за своимъ имѣніемъ смотрѣлъ прилежнѣе, помогалъ бы бѣднымъ и не давалъ... Мнѣ жестоко досадно, что этотъ гость помѣшалъ намъ поговорить о Вздоролюбовѣ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣже и Легкомысловъ.

Легкомысловъ. Мнѣ надобенъ перстень, точно такой величины. Ежели ты имѣешь, такъ покажи скоряе.

Щепетильникъ. Онъ очень малъ и конечно не для васъ, сударь.

Легкомысловъ. Нѣтъ!

Щепетильникъ. Знать для обрученія, ежели холосты, или для подаренія супругѣ, ежели женаты.

Легкомысловъ. Нѣтъ! Нѣтъ! И! какъ тебѣ не стыдно! Неужли ты меня дуракомъ почитаешь? Я очень остерегаюсь жениться и навязать тебѣ камень на шею. Обручальныя кольцы самыя опасныя вещи. Новобрачные должны ихъ почитать несчастливымъ предзнаменованіемъ, которое рано или поздно, только много бѣдъ надѣлаетъ. Хотя до свадьбы и нѣсколько дней послѣ свадьбы мужъ съ женою обнимаются и лижутся ежеминутно, но скоро потомъ такъ другъ другу наскучатъ, что и удавиться ради будутъ, лишь бы не быть вмѣстѣ.

Чистосердовъ *(Племяннику)*. Вотъ дуракъ изъ самыхъ вредныхъ, и ты пуще всего отъ этой заразы стерегись.

Щепетильникъ. Да на что же вамъ перстень потребенъ?

Легкомысловъ. Скоро, мой другъ, услышишь. О Боже! какъ же мы счастливы въ робячествѣ бываемъ! Мы можемъ, оставя одну игрушку, забавляться другою, и перемѣною получить ежедневно новыя удовольствія; но чѣмъ старѣе, тѣмъ глупѣе становимся, и намъ никакая игрушка, кромѣ женщинъ, нравиться не будетъ. Многіе почитаютъ ихъ игрушкою, для насъ необходимою, но я ихъ почитаю такимъ колоколомъ, который безпрестанно звонитъ надъ ушами, и тѣмъ пуще насъ безпокоитъ, что съ рукъ сжить его не можемъ; такимъ барабаномъ, который въ домѣ ежедневно бьетъ тревогу, и такой трещеткой, которая и во время сна своего не умолкаетъ, и такимъ...

Щепетильникъ. Ну, сударь, продолжайте вредное ваше описаніе, которое вы противъ совѣсти остроумною шуткою почитаете. Что до меня, я, не взирая на вашу хулу, не престану почитать добродѣтельную супругу прямымъ въ жизни нашей блаженствомъ и самымъ драгоцѣннымъ отъ Создателя награжденіемъ. Она услаждаетъ наши горести, усугубляетъ веселія, бываетъ участникомъ въ благополучіи и другомъ непремѣннымъ во время бѣдственное. Сохраняетъ наше здоровье и въ болѣзни нашей больше объ насъ печется, нежели мы сами. Подаетъ намъ въ злополучіи полезные совѣты, а въ унынiи утѣшаетъ, и освобождая насъ

отъ тяжкаго ига домоправленія, сберегаетъ иждивеніе на нашу жизнь и на жизнь дѣтей нашихъ.

Чистосердовъ *(Племяннику)*. Вотъ истинное о женѣ описаніе.

Легкомысловъ *(остепенившись)*. Самое прекрасное! и когда я вижу, что вы за женщинъ такъ усердно вступаетесь, такъ признаюсь вамъ, что этотъ перстень надобенъ мнѣ для обрученія. Я сперва для того потаился и самъ шутилъ надъ супружествомъ, чтобы надо мною не начали смѣяться за то, что я жениться вздумалъ.

Щепетильникъ. Вотъ нынѣшнія свѣтскихъ, а особливо молодыхъ людей мысли! Они стыдятся сдѣлать доброе дѣло, для того, что не по модѣ будетъ, и они въ угожденіе этому чудовищу частенько и совѣсть забываютъ.

Легкомысловъ. И то правда! изъ тысячи молодыхъ людей и такихъ, какъ я, рѣдкій осмѣлится быть добродѣтельнымъ, опасаясь, чтобы не почли его страннымъ человѣкомъ и не стали бы надъ нимъ ругаться. До сего времени этой слабости и я былъ подверженъ; но теперь, оставя ее, стану слѣдовать правиламъ людей степенныхъ.

Щепетильникъ. Я тому сердечно радуюсь. Вотъ перстень! Онъ сто рублевъ стоитъ.

Легкомысловъ. Вотъ деньги. Я слуга вашъ покорный и всегдашній презиратель вредныхъ модъ и шалостей петиметрскихъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣже и судья Обираловъ.

Щепетильникъ *(Чистосердову)*. Этотъ образумился, но на долго ли, не знаю. *(Увидѣвъ Обиралова, говоритъ ему)* Чего, сударь, изволите?

Чистосердовъ *(Племяннику)*. Это судья Обираловъ *(потомъ говоритъ тихо съ Племянникомъ, и оба надѣваютъ маски и садятся)*.

Обираловъ. Мнѣ надобно купить вѣски, только самыя вѣрные.

Щепетильникъ. Вотъ самыя правильные. Они для истины, сдѣланы! Одинъ волосокъ тотчасъ стрѣлку перетянетъ.

Обиралов. Такіе-то мнѣ и надобны.

Щепетильникъ. Сказать ли ихъ доброту?

Обиралов. Всеконечно.

Щепетильникъ *(въ сторону)*. Надобно этого взяткобрателя отправить хорошенько. Въ старые, сударь, годы покупывали ихъ господа судьи, не для дѣланія правды, но для вѣшанія денегъ; а нынѣ уже не на то покупаютъ. Но я, не знавъ чину вашей милости, не могу попасть на точное описаніе той потребы, на которую вы ихъ покупаете, и для того стану говорить разные примѣры. Въ прежнія времена, сударь, истина столь легка была, что тысячной мѣшокъ, отъ виновнаго челобитчика во взятокъ данной, ее перевѣшивалъ; а ежели приносимъ онъ бывалъ самъ-другъ или самъ-третей, такъ уже родъ, племя и весь причетъ госпожи истины не могъ тягости денежной перевѣсить. Въ прежнія времена, говорю я, обѣщанія судейскіи для бѣдныхъ такъ маловѣсны были, что комаръ и муха ихъ перетягивали...

Обиралов. Да что тебѣ до судей, оставь ихъ пожалуй и скажи, что вѣсы стоятъ?

Щепетильникъ. Тотчасъ, сударь. Я вкратцѣ опишу вамъ всю ихъ доброту. Однажды положилъ я павлиное перо на одну чашку, а на другую тридцать паръ новомодныхъ и дорогихъ одеждъ господина Верхоглядова, и съ удивленіемъ увидѣлъ, что вѣсы ровно стояли *(Обиралов смѣется)* и притомъ собственнымъ испытаніемъ вывѣдалъ я, что знаніе петиметровъ есть точное равновѣсіе уму тѣхъ невѣждъ, которыхъ очень много въ нашихъ приказахъ за краснымъ сукномъ сиживало; да полно не сидитъ ли нѣсколько и нынѣ. Вслушались ли вы, сударь? Равновѣсіе уму тѣхъ невѣждъ, которые не выучась не только приличныхъ къ правосудію правъ, ниже основаній грамматическихъ, хотятъ прослыть...

Обиралов. Что имъ до эдакой бездѣлки? они не учиться, а судить должны, и они по формѣ и указамъ должность свою исполнять могутъ.

Щепетильникъ. Послушай, сударь. Есть между ими и помощниками ихъ такіе, которые не знаютъ и о томъ, что азбука россійская въ правилахъ грамматическихъ напечатана и это въ ней ясно показано, какимъ образомъ можемъ мы раздѣлять рѣчи и порядочно изъясняться.

Обиралов. *(весело)*. Это дѣло не судейское, а секретарское.

Щепетильникъ. Что мнѣ до того! Я не знаю, чье оно по вашему, а по нашему это дѣло всѣхъ тѣхъ, которые писать должны. Но скажи лишь этимъ невѣждамъ, что они азбуки не знаютъ, такъ они и драться и въ судъ идти готовы, забывши, что таковою просьбою имъ же стыдъ сдѣлается и что уже они въ незнаніи совершенно обличатся.

Обиралов. Перестань, или я уйду.

Щепетильникъ. Еще одно слово: я узналъ чрезъ эти же вѣски, что гордость и тщеславіе всѣхъ людей тянутъ противъ дурачества, что золотникъ природнаго ума вѣситъ противъ иуда ученіемъ пріобрѣтеннаго, что премудрая голова не перетянетъ сердца добродѣтельнаго, что взяткобратели...

Обиралов. Перестань пожалуй, а скажи цѣну. Мнѣ пора домой ѣхать и свѣсить нѣсколько сотенъ червонныхъ.

Щепетильникъ *(въ сторону)*. Награбленныхъ съ бѣдныхъ просителей. *(Обиралову)*. Три рубли, сударь.

Обиралов. Вотъ деньги, желаю тебѣ доброй ночи. *(Отходитъ.)*

Щепетильникъ *(въ слѣдъ Обиралову)*. А я тебѣ добраго сердца, потому что старое у тебя весьма гнусно и если оно не исправится, такъ скоро тебя къ столбу выведутъ, чего ты за свои поступки достоинъ.

Чистосердов. Это правда! И я не думаю, чтобы слезы вдовъ и сиротъ пропали. Но что это за шалунъ?

Щепетильникъ. А! Это Верхоглядовъ; онъ нынѣ красавцемъ у кокетковъ почитается. Но сколько лицо его хорошо, столько поступки дурны. Смотрите! одинъ идучи кривляется и поетъ.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ-же и Верхоглядов.

Верхоглядов. А паръ діе! Радъ я, что тебя вижу въ добромъ здоровьѣ, господинъ Щепетильникъ. О! проклятый твой титулъ колетъ и деретъ уши. Пожалуй брось это варварскее имя, а называйся галантерейщикомъ. Это

будетъ тре-галанъ и ты и самъ галантъ-омомъ почитаться станешь.

Щепетильникъ. Я не хочу никогда быть галантъ-омомъ и не перемѣню моего названія, для того, что оно правильно на нашемъ языкѣ.

Верхоглядовъ. О, фидомъ! на нашемъ языкѣ! Вотъ еще какой странной екскюзъ! Нашъ языкъ самой звѣрской и коли бы не мы его чужими орнировали словами, то бы на него добрымъ людямъ безъ орёру дискурировать было не можно. Кель діабле! уже нынче не говорятъ риваль, а говорятъ солюбовникъ. Ха! ха! ха! Какое иніоранство! Да пусть бы говорили, а то уже и пишутъ, и я слышалъ, что комедію Троа Фрерѣ-Риво назвали Три брата солюбовники. Три брата солюбовники! Ахъ! эти слова умертвятъ меня.

Щепетильникъ. Для того не пишутъ риваль, что это по французски, а по русски солюбовника значитъ.

Верхоглядовъ. Пусть такъ, мой другъ! Пусть такъ! но эти дикія слова изъ гоннетъ-омовъ душу вытянутъ. Соперникъ! Солюбовникъ! Какъ же это срамно! и прононсуасія одна уши инкомодируетъ.

Щепетильникъ. Инъ не говорите по-русски, ежели вамъ языкъ свой столько противенъ, а лучше лепечите, такъ какъ теперь, или какъ одинъ князекъ, побывавши года съ два къ стыду нашему въ Парижѣ и пріѣхавъ оттуда, сказалъ нѣкогда русскому сапожнику, который снималъ съ него мѣрку: «Монъ ами, ты не долженъ жужировать по такимъ малымъ аппарансамъ».

Верхоглядовъ. Онъ сдѣлалъ то, что всѣ наши братья вояжоры должны дѣлать.

Щепетильникъ *(въ сторону)*. Кромѣ тѣхъ, которые имѣютъ здравый разсудокъ.

Верхоглядовъ. Есть-ли у тебя новыя табакерки? Рекомендуйся мнѣ! Я о тебѣ рекомендацію у всего монде галанъ сдѣлаю.

Щепетильникъ. Есть, сударь. Алагрекъ, алясалюетъ и...

Верхоглядовъ. Нѣтъ, монъ ами! Мнѣ надобно табакерку разумную. Ты меня, я думаю, разумѣешь?

Щепетильникъ *(въ сторону)*. Въ головѣ нѣтъ разума, такъ ищетъ въ табакеркѣ. (*Верьхоглядову*) Вотъ предорогая табакерка фарфоровая въ золотѣ. Вотъ вся золотая. Вотъ еще съ бриліантами, алабюшеронъ.

Верхоглядовъ. Что мнѣ до твоихъ алабюшероновъ! Это все старинные уже вздоры! Не офируй мнѣ ихъ, а дай такую, при которой бы проворство моего эспри монтрировать можно было. Я хочу съ двойнымъ куверклемъ, на которомъ бы изображались хорошія миніатурныя пентюры, чтобы нѣчто... тамъ... ты уже дивинируешь; нѣчто такое, чтобы могло дать случай продюировать· пріятныя бонъмо, непринужденныя экивоки и инженуезное и благопристойное похабство.

Щепетильникъ. Гдѣ это слыхано, чтобы было благопристойное похабство?

Верхоглядовъ. Мы одни его эдакимъ сдѣлать умѣемъ! Мы одни, мой дружища! Атташируйся къ намъ, такъ и самъ савантъ-омъ будешь. Маленькое похабство, авекъ эспри выговоренное, анимируетъ компанію; это маркъ де бонъ санъ, трезъ естиме въ дамскихъ серкеляхъ, при игрѣ карточной, а лучше всего на балахъ. Это такой фасонъ, чрезъ которой мы пригожіе люди себя презинтировать можемъ. Турнюръ хорошаго экивока кокетку разсмѣшаетъ, притворщицу принуждаетъ глаза аббесировать, а стыдливую закраснѣться; но всѣмъ имъ офондъ эмабле бываетъ.

Щепетильникъ. Вотъ въ какомъ вы заблужденіи. Напротивъ того, я смѣло васъ увѣряю, что всякій разумный мужчина и всякая добродѣтельная женщина такихъ дурачествъ отнюдь терпѣть не станутъ. Эти шалости свойственны петиметрамъ, у которыхъ нѣтъ въ головѣ ни зерна здраваго разсудка и которые прямыя учтивости совсѣмъ не знаютъ.

Верхоглядовъ. Здраваго нѣтъ разсудка! О, монъ ами, какъ же худо ты объ насъ жужируешь! Чортъ меня возьми! Ты сформировалъ дезавантажныя объ насъ идеи. Послушай меня, я докажу тебѣ, что мы лучше всѣхъ людей на свѣтѣ здравой разсудокъ поседируемъ. Онъ есть пріятное, справедливое, жантиль забавное .. истинное ... лежеръ удивительное ... коммодъ и ... и ... Уфъ, чуть я не задохся! Однако сказать тебѣ тукуръ, монъ шеръ .. мнѣ стыдно быть педантомъ и дефинировать это слово. Но ты видѣлъ, что ежели бы я хотѣлъ, то бы всеконечно доказать могъ! Я во всемъ тебѣ контрадировать капабель, и капабель еще и не то сдѣлать. Во мнѣ эксепте селя много есть меритовъ. Я пью ала санте де бо сексъ, говоря самыя острыя экиво-

ки; могу надъ степенными людьми и священнымъ чиномъ мокироваться, пренебрегать всякимъ закономъ и сдѣлать дуракомъ и скотиною ту-ле-серіе моралистъ, которые на тебя походятъ, и вотъ это-то здравымъ разсудкомъ антеръ ну называется.

Щепетильникъ. А я не разгорячаясь могу слушать враки безмозглыхъ вертопраховъ и смотрѣть на нихъ съ презрѣніемъ, и это здравымъ разсудкомъ называю.

Верхоглядовъ. Ты опять началъ мораль пешировать. Послушай меня, дружища! оставь ее, и такъ уже всѣ люди говорятъ, что въ твоемъ бутикѣ всѣ галантереи хуже, грубое твое лицо и мордамантъ языкъ. Прощай и суспандируй насъ впередъ отъ такихъ гардіесовъ или за импертинанство будешь батированъ чрезъ нашихъ лакеевъ. (*Уходитъ*).

Щепетильникъ. Коли они есть. Вотъ сущій попугай и достойный, чтобы его изъ всѣхъ мѣстъ, сказать-было его языкомъ, чтобы его изъ всѣхъ мѣстъ прогонировали.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Чистосердовъ, Племянникъ и Щепетильникъ.

Чистосердовъ. Это правда! но я думаю, что большая часть таковыхъ повѣсъ, угождая другъ другу, языкъ свой ненавидятъ.

Племянникъ. Да лихъ на это смотрѣть несносно.

Щепетильникъ. Нѣтъ, сударь, не всѣ изъ шалости; есть между ими и такіе, которые съ злостію природнаго своего языка не терпятъ. Я слыхалъ самъ въ комедіяхъ отъ стоявшихъ возлѣ меня молодчиковъ, которые никакого языка на свѣтѣ не знавши, въ каждое русское зрѣлище, если оно хорошо и актеръ играетъ съ успѣхомъ; съ досады блѣднѣютъ и грызутъ пальцы. А если примѣтятъ, что чужестранцамъ, которые совершенно нашего языка не знаютъ, представленіе нравится, то станутъ ихъ увѣрять, что или переведено, или написано дурно, или актеръ дѣйствуетъ несогласно съ рѣчами.

Чистосердовъ. О, эдакихъ терпѣть не должно, и ниѣ

кажется, что у насъ повѣсъ разнаго роду больше, нежели въ цѣломъ свѣтѣ.

Щепетильникъ. Я съ вами согласенъ; но большая часть изъ нихъ не дураки, а доведенные до шалостей, изъ которыхъ бы и къ дѣлу современемъ многіе годились, ежели бы строжѣе надъ ними смотрѣли.

Чистосердовъ. Самая истина! Изъ повѣсъ иногда полезные бываютъ люди, а изъ дураковъ никогда; только не надобно ни одного молодаго человѣка допускать до этого порока.

Племянникъ. Вонъ еще гость жалуетъ, и насилу идетъ, о костыль опираясь.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Тѣ-же и Старосвѣтовъ.

Племянникъ. Этому старику либо очки, либо трость потребна.

Чистосердовъ. Это совѣтникъ Старосвѣтовъ. Я чаю, онъ пришелъ сюда посмотрѣть на молодыхъ людей, или можетъ быть сыну своему товарищество сдѣлалъ.

Щепетильникъ. Нѣтъ, онъ самъ часто сюда таскается.

Старосвѣтовъ. Есть ли у тебя хорошія фарфоровыя табакерки, на которыхъ бы была миніатура? Портреты красавицъ, сердца стрѣлами пронзенныя, или кольцы съ любовными стишками, или что-нибудь такое, на чемъ бы страстная любовь изображалась? *(Утираетъ потъ).*

Щепетильникъ. Есть, сударь, разныя, но не изволите ли напередъ купить этихъ очковъ; они для пожилыхъ людей новое даютъ зрѣніе.

Старосвѣтовъ. Для прозрѣнія мнѣ въ нихъ нѣтъ нужды, но я куплю ихъ для близиру, или подарю моему меньшому брату; онъ худо видитъ, а я благодаря Бога въ нихъ нужды не имѣю и еще долго имѣть не буду, и неприлично смотрѣть въ очки въ моихъ лѣтахъ. Что же они стоятъ?

Щепетильникъ. Надобно описать ихъ доброту, чтобы дороги не показались. Въ нихъ можно ясно увидѣть всѣ

шалости, что мы въ молодыхъ лѣтахъ дѣлали, и всѣ тѣ пороки, которые большему числу молодчиковъ невидимы. Глядя въ нихъ не будешь имѣть излишняго почтенія къ распудреннымъ волосамъ на безмозглой головѣ противъ нечесаныхъ волосъ умнаго человѣка. Бархатные кафтаны и кружевныя на дуракѣ манжеты покажутся столько же гнусны, какъ одежда его холоповъ. Въ нихъ все отличить можно. Никто не почтетъ дресву золотомъ, а рогожу ковромъ, а если и почтетъ, такъ на короткое время; а разсмотрѣвъ, первое броситъ въ грязь, а послѣднее къ порогу положитъ; а коверъ всегда на столѣ останется.

Старосвѣтовъ *(смѣется)*. Уподобленіи не очень кстати. Однако ежели все сказанное правда, то это вещь предорогая и я дивлюсь, что въ щепетильной лавкѣ такой рѣдкій товаръ сыскался.

Щепетильникъ. Въ нихъ же увидите, что чрезмѣрная многихъ людей учтивость есть покрывало сущаго коварства и подлости, что скорая дружба не что иное, какъ торгъ, для прибытку сдѣланный. Словомъ, многіе старики...

Старосвѣтовъ. Оставь доброту, а скажи, сколько за нихъ денегъ, и покажи мнѣ вещи, которыхъ я купить хочу.

Щепетильникъ. Очки стоятъ пять рублевъ, а вотъ и вещи.

Старосвѣтовъ. А что это такое (*смотритъ на крышку табакерочную*).

Щепетильникъ. Ежели не видите, изволите очки надѣть.

Старосвѣтовъ. Нѣтъ, я вижу, а хочу, чтобы ты изъяснилъ мнѣ эту живопись.

Щепетильникъ. Съ охотою! изволите смотрѣть: на крышкѣ изображено, что шестидесятилѣтній старикъ дурачится, любовника представляя, и бѣгаетъ вслѣдъ за шалунами и вертопрахами, надѣясь плѣнять сердца молодыхъ красавицъ.

Старосвѣтовъ (*разсердяся*). Не на меня ли ты, государь мой, цѣлишь и не вздумалъ ли ты шутить надо мною?

Щепетильникъ. Сохрани меня Боже! Я этого и въ мысляхъ не имѣлъ.

Старосвѣтовъ. Мнѣ кажется, что неприлично надъ честнымъ человѣкомъ смѣяться, и я отъ такого дурака, какъ ты не снесу ни малой обиды.

Щепетильникъ. А! когда же вы и въ подлинну гнѣваться изволите, такъ послушайте, сударь, самую истину. Вы невольно принуждаете смѣяться надъ собою, потому что, имѣвъ сѣдые волосы, младенчествуете. Ежели бы мнѣ по человѣчеству не жаль васъ было, то бы я допустилъ купить этихъ бездѣлюшекъ, за которыми вы сюда запыхавшись прибѣжали. Не изволите ли деревянныхъ куколокъ, коньковъ, гремушекъ и прочаго? Я безденежно услужу вамъ цѣлымъ возомъ...

Старосвѣтовъ. Молчи, грубіянъ! Я не за бездѣлюшками бѣжавши запыхался, а протанцовалъ нѣсколько менюетовъ и контротансовъ въ угожденіе влюбленнымъ въ меня красавицамъ. Прости! я клянуся двадцатью моими любовницами, что отмщу тебѣ. Помни меня! (*Идучи съ театра бранится*) Ты дуракъ, невѣжа, скотина, неучъ!...

Чистосердовъ. Вотъ онъ-то въ правду ума рехнулся и онъ-то прямой младенецъ. Но что это за уродъ идетъ сюда? Надѣнемъ, племянникъ поскоряе маски.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Тѣ-же и Самохваловъ (*идетъ на театръ тихо*).

Щепетильникъ. А! это неуклюдъ Самохваловъ. Знать, онъ недавно сюда пріѣхалъ.

Самохваловъ. Скажи мнѣ, пожалуй, что это за старый дуракъ бѣжалъ отсюда? Онъ-было меня съ ногъ сбилъ. Никакъ его здѣсь разсердили? Онъ, идучи, жестоко бранился.

Щепетильникъ. Этотъ пожилой шалунъ прогнѣвался на меня за самую бездѣлку. Онъ хотѣлъ къ стыду своему купить бездѣлюшекъ; а я посовѣтовалъ очки купить и сказывалъ, на какую потребу они годятся и что въ нихъ увидѣть можно.

Самохваловъ. Ты мнѣ кстати объ очкахъ вспомнилъ, я ихъ купить долженъ.

Щепетильникъ. А на какую, сударь, потребу?

Самохваловъ. Смѣшной вопросъ! Смотрѣть на людей и читать разныя книги.

Щепетильникъ. А я думалъ, что писать.

Самохваловъ. Писать не для кого! Здѣсь достоинства трудовъ моихъ никто не разумѣетъ.

Щепетильникъ *(въ сторону)*. Для того, что ты кромѣ ни къ чему годныхъ бездѣлюшекъ, еще ничего не написалъ и не перевелъ. *(Самохвалову)* Да какія же книги вы читаете, на своемъ языкѣ, или?...

Самохваловъ. На нашемъ языкѣ! Видно, что ты въ литературѣ незнающъ. А что бы такое на нашемъ-то языкѣ прочесть было можно?

Щепетильникъ. Такія сочиненіи, которыя довольную похвалу заслужили.

Самохваловъ. Я такихъ не знаю!

Щепетильникъ. Итакъ вы чужестранныя только читаете?

Самохваловъ. Да, но и это не для наученія. Учиться мнѣ не у кого, слѣдственно и подражать некому, а могу я счесть равными съ собою нѣкоторыхъ чужестранныхъ писцовъ; а не пишу нынѣ для того, что не хочу больше показать своего искусства.

Чистосердовъ *(Племяннику)*. Вотъ пречудное животное.

Племянникъ. Весьма самолюбивое.

Щепетильникъ *(ищетъ очковъ)*.

Самохваловъ. Долголи-жъ искать? Я чаю, въ твоей лавкѣ очковъ много.

Щепетильникъ. Есть довольно, но я ищу такихъ, которые очками знаменитыхъ авторовъ называются. Они нарочно выдуманы для слушанья чужихъ сочиненій.

Самохваловъ. На то-то и мнѣ они потребны. Нынѣ проявилось къ стыду нашего отечества множество писателей, а особливо комическихъ, которые и грамотѣ не умѣютъ и которыхъ сочиненіи иногда я буду принужденъ слышать.

Щепетильникъ. А вы ихъ еще и не видали и не читали?

Самохваловъ. Нѣтъ!

Щепетильникъ. Да почему-жъ хулите?

Самохваловъ. Потому, что написать хорошаго некому и я уже напередъ знаю, что здѣсь всѣ очень гадко и сочиняютъ и переводятъ.

Щепетильникъ. Такъ не слушайте и не смотрите дурнаго.

Самохваловъ. Мнѣ не хочется прослыть ненавистникомъ; я буду ходить въ комедіи, и надѣвъ очки, смотрѣть на театръ, отнюдь не слушая того, что актеры болтать станутъ, вѣдая, что добраго ничего не услышишь.

Щепетильникъ. А! такъ эти очки будто бы нарочно для васъ сдѣланы. Они на уши надѣваются, и ежели вы не захотите слушать, то не отворяя этой пружины ихъ оставьте, и такъ не согрѣша противъ своей совѣсти, т. е. не слыша, дурно или хорошо написано, можете бранить сочинителя. А ежели слушать захотите, то подавите пружину, такъ эти дырочки отворятся и все къ слуху вашему доходить станетъ.

Самохваловъ. Очень хорошо! О, какъ много умѣлъ ты меня одолжить! Въ твоей головѣ ума больше, нежели во всѣхъ нашихъ новыхъ писателяхъ. Ты меня избавляешь отъ муки и я выхвалю тебя предъ молодыми нашими писцами, написавши сравненіе между ими и тобою.

Щепетильникъ *(въ сторону)*. Сравненія не всѣмъ удаются; у многихъ и стихи неровные въ нихъ бываютъ.

Самохваловъ. Что ты задумался? Радуйся, мой другъ! Скоро объ тебѣ моимъ стараніемъ свѣтъ узнаетъ: я расхвалю тебя.

Щепетильникъ *(Чистосердову)*. Боюсь, чтобы не сказали: кто его хвалитъ? протухлая ветчина!

Самохваловъ. Скажи же, что очки стоятъ?

Щепетильникъ. двадцать рублевъ.

Самохваловъ. Вотъ деньги. Завтра же начну я писать тебѣ похвальный епитръ, а на молодыхъ враліей комедію, и подлинно сдѣлаю смѣху...

Щепетильникъ *(въ сторону)*. Надъ собою. Не заведи опять музъ въ избу; это не ихъ, а твое жилище.

Самохваловъ. Прости! я покажусь скоро во всей моей славѣ.

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Щепетильникъ, Чистосердовъ и Племянникъ.

Щепетильникъ. Скоро всѣ объ тебѣ узнаютъ, что ты ни въ чемъ свѣдѣнія и вкуса не имѣешь, и быть тебѣ въ комедіи осмѣяну прежде тѣхъ людей, которыхъ ты неумолкно ругаешь. Они тебя скоряе на позорище выведутъ.

Чистосердовъ. Не гадко ли смотрѣть, что этотъ человѣкъ столь много зараженъ самолюбіемъ! Онъ, ничего не сдѣлавши, хочетъ, чтобы его хвалили, а тѣхъ презирали, которые трудятся.

Щепетильникъ. Мнѣ кажется, что онъ самъ будетъ презираемъ, и надъ нимъ исполнится эта пословица: «какъ кликнешь, такъ и откликнется». Онъ ругаетъ, станутъ ему платить тѣмъ же; а ежели бы онъ жилъ, другихъ не безпокоя, и самъ бы, научиться постаравшись, написалъ что нибудь полезное, то бы и его такъ же, какъ и прочихъ, любили.

Чистосердовъ. Но онъ не одинъ столь гордыхъ о себѣ мыслей. Эдакихъ самолюбцевъ у насъ много, которые, ничего сдѣлать неумѣвши, всѣхъ пересмѣхаютъ. Я знаю одного, который, увидя чье нибудь сочиненіе, тотчасъ опорочитъ, хотя и безъ доказательствъ, не взирая на то, что другіе хвалятъ; и онъ обѣщается сдѣлать на всякаго гвоздь съ молоткомъ, а всегда выходитъ разсохшаяся бочка.

Племянникъ. Итакъ здѣсь во всякомъ состояніи есть странные люди?

Щепетильникъ. Очень много; но эдакіе осуждатели, по правдѣ, больше осмѣянія достойны. Они такъ ослѣплены собою, что ежели не постараются перемѣниться, то скоро будутъ совершеннымъ посмѣшищемъ всему народу.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ-жъ и работникъ.

Щепетильникъ *(работнику)*. Что ты?

Работникъ. Я пришелъ-стани сказаци, что бояра та вси по домамъ разъѣхались, и никово больше ни въ харяхъ, ни безъ харь не осталось.

Щепетильникъ. Хорошо! запирай же лавку. Время и намъ домой ѣхать.

Чистосердовъ. И намъ также. Этотъ вечеръ много просвѣтилъ моего племянника.

Племянникъ *(Щепетильнику)*. Это правда, и я радъ чаще слушать ваши разсужденіи. Они мнѣ чрезмѣрно пріятны, и я за счастіе почту, ежели удостоюсь войти въ число искреннихъ вашихъ слугъ и буду получать отъ васъ полезные совѣты.

Щепетильникъ. Ежели они вамъ полезными кажутся, то всегда къ услугамъ вашимъ готовы.

Чистосердовъ. Прости, государь мой, до свиданія, и я желая тебѣ добраго здоровья, желаю и того, чтобы многіе изъ нашихъ богатыхъ откупщиковъ и разнаго званія людей, которые, Богу извѣстно, какъ нажилися, хотя бы сотую долю, слѣдуя вашему примѣру, бѣднымъ раздѣляли, и чтобы всѣ, кто чрезмѣрно порокамъ подверженъ, отъ поученій вашихъ исправлялись.

Щепетильникъ. Ежели бы это Богъ сдѣлалъ! Но я думаю, что моими поученіями мало дураковъ исправлю. Сегодня осмѣялъ я съ двадцать образцовыхъ молодцовъ и только одинъ исправился, а всѣ разсердились и я чуть ли не съ двѣсти нажилъ злодѣевъ. Сатирически говорить весело, въ этихъ разговорахъ время невидимо протекаетъ, и они бываютъ всѣмъ пріятны до тѣхъ поръ, покуда находятъ чужіе пороки; а ежели примѣтятъ сходство съ своими, то въ мигъ прогнѣваются и тогда уже и мстить готовы бываютъ.

Чистосердовъ. Самую истину говорите; однако этимъ устрашаться не должно.

Щепетильникъ. Я знаю, государь мой, что отъ того часто великія случаются огорченіи; а иногда и то, какъ Боало сказалъ, исполниться можетъ, что часто тѣ же самыя слова, которыя читателей разсмѣшаютъ, у писателя извлекаютъ слезы; я думаю, что чуть ли онъ не испыталъ ихъ надъ собою. Полно, слава Богу, что у насъ не всѣ этого сатирика знаютъ, а то бы и шутки его въ худо употребили.

Чистосердовъ. Легко бы могло статься.

Щепетильникъ. Но полно, такіе мстительные и у насъ уже выводятся и уже всѣ, слушающіе мои шутки, надъ осмѣянными образцами тѣшиться изволятъ и тѣмъ доказываютъ, что конечно себя тутъ не находятъ, для того, что надъ собою никто смѣяться не любитъ, а надъ ближнимъ всѣ готовы, отъ чего я ихъ до тѣхъ поръ отучать буду, покуда силъ моихъ станетъ.

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

РЕВНИВОЙ,

ИЗЪ ЗАБЛУЖДЕНІЯ ВЫВЕДЕННОЙ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочиненіе господина Кампистрона, переведена съ французскаго вольнымъ переводомъ.

Представлена въ первой разъ на придворномъ театрѣ, 1764 года, августа въ 21 день.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Дорантъ, мужъ Селименинъ.
Селимена, жена Дорантова.
Юлія, сестра Дорантова.
Клитандръ, двоюродной братъ Селимены, любовникъ Юліинъ.
Эрастъ, другъ Дорантовъ и Клитандровъ.
Дубуа, секретарь того приказу, гдѣ Дорантъ судьею.
Кладина, служанка Селименина.
Розета, служанка Юліина.
Лафлеръ, слуга Клитандровъ.

Дѣйствіе въ домѣ Дорантовомъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ I.

Кладина и Розета.

Кладина. Такъ ты уже совсѣмъ къ намъ перебралася? Подойди-ка поближе, я сдѣлаю тебѣ нѣсколько нужныхъ наставленій.

Розета. Эта милость такъ велика, чтобы я о ней просить никогда не осмѣлилась.

Кладина. Только прежде всего скажи мнѣ, сколько тебѣ отъ роду лѣтъ и какъ тебя зовутъ?

Розета. Съ охотою скажу: меня зовутъ Розетой и мнѣ двадцать лѣтъ въ августѣ минетъ.

Кладина. Самыя прекрасныя лѣта! А изъ котораго ты города?

Розета. Я здѣшняя; да мы съ тобою, думаю я, кромѣ нашего пепелища, другихъ городовъ и не видали. Только, оставя все, я очень рада, что въ службу къ вамъ попалась.

Кладина. Да знаешь ли ты поведеніе здѣшняго дому? Какимъ образомъ живутъ въ немъ? Какого нраву и поступка господинъ нашъ?

Розета. По крайней мѣрѣ я знаю то, что онъ коллежскій судья, и получаетъ въ годъ по двадцати тысячъ доходу съ деревень и челобитчиковъ.

Кладина. Я чаю, ты по этому слуху заключаешь, что онъ живетъ такъ, какъ его братья, всегда уединенно? Печется о домостроительствѣ и на то весь разумъ свой истощаетъ? Что съ наступленія дня запирается въ приказъ, и произвольно на безпокойное житье отдавшись, всѣ забавы деньгамъ на жертву приноситъ? Ежели ты такъ думаешь то очень ошибаешься. Дорантъ забавы и веселости страстно любитъ, онъ непримиримый непріятель трудовъ, наполненъ праздностію, должность свою ненавидитъ, а равныхъ себѣ презираетъ. Съ младенчества воспитанъ въ нѣгѣ, охотникъ до великолѣпія, ищетъ знакомства съ придворными боярами и учеными людьми, во всемъ имъ подражаетъ и подчиваетъ ихъ роскошно. Живучи въ деревнѣ, ѣздитъ почти всякій день на охоту съ собаками, любитъ поиграть въ кареты, попить и поѣсть сладенько, съ учеными всегда громко споритъ, красавицамъ нравится и ихъ обманываетъ. Кладовая его наполнена богатымъ платьемъ, конюшня заморскими лошадьми, а сараи загромощены новомодными каретами и онъ ни по чему не походитъ на приказнаго человѣка.

Розета. Изъ твоихъ словъ видно, что онъ къ должности своей не очень прилеженъ.

Кладина. Онъ почти никогда въ приказъ не ходитъ. Что-жъ принадлежитъ до Селимены, его жены, а моей госпожи...

Розета. Послушаемъ-ка объ ней.

Кладина. Злодѣи ея говорятъ, будто-бы она вертопрашная кокетка и старается лишь о томъ, чтобъ имѣть любовниковъ; только они ее злословятъ. Это правда, что она не сердится на тѣхъ, кто красоту ее выхваляетъ, и внутренно тѣмъ восхищается. Хотя Селимена очень добродѣтельна, однако она женщина, да еще разумная и прекрасная, слѣдственно и самолюбивая. Она любитъ пошутить и посмѣяться, имѣетъ поступку ласковую, видъ приманчивый, и думаетъ, ежели сердце наше непорочно, то усмѣшка и пріятный взглядъ—такія бездѣлицы, которыя чести вредить не могутъ.

Розета. Этакая женщина очень опасна.

Кладина. Это правда, и она очень часто пристыжала новомодныхъ любовниковъ, которые, наполнясь самолюбіемъ, почитаютъ себя самыми совершенными людьми въ свѣтѣ. Я видала много такихъ, которые льстились получить скорую за любовь награду, однако по шестимѣсячной волокитѣ отставали отъ нея съ тѣмъ же, съ чѣмъ зачинали знакомство.

Розета. Хотя это и не очень вѣроятно, однако я тебѣ вѣрю. А Юлія, сестра Дорантова, у которой я служить буду, кокого сложенія?

Кладина. Она очень ласкова и привѣтлива, притомъ довольно пригожа и разумна.

Розета. Не о томъ дѣло; влюбчива ли она?

Кладина. Ты при первомъ входѣ слишкомъ много узнать хочешь.

Розета. Я отъ вашихъ сосѣдей часто слыхала о какомъ-то Клитандрѣ...

Кладина. А что тебѣ объ немъ сказывали?

Розета. Что онъ всякій день сюда ходитъ и цѣлые два года съ Юліею любится.

Кладина. Божусь тебѣ, что моя прозорливость не могла проникнуть этой тайны.

Розета. Пожалуй не притворяйся, а будь чистосердечна. Неужли ты любовь ихъ совѣсти моей ввѣрить не хочешь? Вѣдь они съ сегодняшняго жъ дня будутъ имѣть во мнѣ нужду.

Кладина. А! такъ ты знать не въ школу пришла къ намъ?

Розета. Хотя мнѣ это и не первоученка, однако надѣюсь у тебя еще кое-чему научиться.

Кладина. Ты ужъ и такъ слишкомъ искусна, только я могу тебѣ сказать, что Клитандръ достоинъ услугъ твоихъ. Онъ очень ласковъ и щедръ на подарки.

Розета. Разумѣю. Ты черезчуръ краснорѣчиво его хвалишь.

Кладина. Эрастъ, другъ его, который вездѣ съ нимъ бываетъ, также стоитъ услугъ нашихъ. Когда ты ихъ увидишь, то они оба тебѣ покажутся, а я не мѣшкая раскажу теперь главное твое дѣло.

Розета. А я со вниманіемъ выслушаю.

Кладина. Ежели Дорантъ станетъ у тебя когда нибудь выспрашивать, хотя ласкою, хотя принужденіемъ, чтобъ ты открыла тайну госпожи моей, и велитъ присматривать за Селименой и Юліей, то ты берегись...

Розета. Вотъ какая пустая предосторожность! Я знаю, что ложь въ этакомъ случаѣ добродѣтелью почитается. Неужли не вѣдаю я того, что служанкѣ дѣлать надлежитъ? Первая ея должность состоитъ въ томъ, чтобъ быть повѣренною госпожи своей. По моему мнѣнію, та наша сестра, которая промѣняетъ госпожу на господина, должна каменьями быть побита.

Кладина. Прости меня, что напрасный разговоръ начала съ тобою; я по виду о разумѣ твоемъ узнала, только не думала того, чтобъ ты и въ этомъ дѣлѣ столь хитра была. Однако теперь уже близко полуденъ. Поди къ госпожѣ своей, постарайся хорошенько убрать ее и приложи къ тому все свое искусство.

Розета. Слышу.

ВСТУПЛЕНІЕ II.

Кладина *(одна)*. Какая же это пронырщица! О время, лукавое время! Ну, господа мужчины, бойтесь нашихъ сестеръ теперя! Вы не напрасно насъ бережетесь и я ревность вашу оправдаю. Нынѣче самая простая женщина имѣетъ довольно смыслу обмануть васъ и вы всегда... да вотъ слуга Клитандровъ.

ВСТУПЛЕНІЕ III.

Кладина, Лафлеръ.

Лафлеръ. Здравствуй, Кладина.

Кладина. Что ты намъ, Лафлеръ, скажешь? Доволенъ ли господинъ твой моимъ вымысломъ и надѣется ли отъ него получить желаемые успѣхи? А мы ихъ несумнѣнными почитаемъ.

Лафлеръ. Не вѣдаю. Ты узнаешь обо всемъ изъ этого письма, которое написалъ онъ къ Юліи. Да ужли барыни ваши проснулись? А у добрыхъ людей обѣдъ на дворѣ.

Кладина. Нѣтъ еще.

Лафлеръ *(отдавая ей письмо)*. На возьми и отдай Юліи. Я чрезвычайно усталъ и могу сказать, что любовь моего господина и безпрестанныя его пересылки такъ меня...

Кладина. Ты хочешь сказать, что онѣ тебя бѣднаго смучили.

Лафлеръ. Ты угадала. Есть-ли полно что нибудь на свѣтѣ несноснѣе моего состоянія? Господинъ мой видитъ, что любовь его безплодна, однако не перестаетъ любить Юлію.

Кладина. Для чего-жъ Клитандру, не любить Юлію, когда она сама страстно его любитъ?

Лафлеръ. Провалъ ихъ побери съ этакою скромною любовью! Коли они и вправду любятся, такъ для чего не сыграютъ скоряе свадьбы?

Кладина. Ты говоришь такъ, какъ и всѣ несмысленные дураки.

Лафлеръ. Покорно благодарствую. Да для чего-жъ эта вертушка томитъ бѣднаго моего господина и за него не выходитъ?

Кладина. Развѣ ты не знаешь, что на то потребно Дорантово согласіе?

Лафлеръ. Ну, коли она безъ его воли ничего сдѣлать не можетъ, то обнадеживаю ее, и умереть дѣвкой.

Кладина. А почему бы?

Лафлеръ. Неужли вы Доранта такимъ простакомъ почитаете, который согласится добровольно сорокъ тысячъ ру-

блевъ отдать въ чужія руки, зная, что самъ можетъ ими пользоваться до сестрина замужства?

Кладина. Отецъ ихъ при смерти своимъ завѣщаніемъ отдалъ Юлію въ Дорантову волю и ввѣрилъ ему наслѣдство.

Лафлеръ. Всеконечно, этотъ старичокъ не очень знающъ былъ въ людяхъ и не вѣдалъ того, что деньги все изъ нихъ могутъ сдѣлать. Онъ очень ошибся, подумавъ, будто бы Дорантъ родство предпочтетъ деньгамъ и отдастъ половину изъ нихъ сестрѣ своей тогда, какъ она замужъ выдти захочетъ.

Кладина. Правда, что великаго труда намъ стоить будетъ склонить его къ Юліину замужству, однако ты знаешь что я никогда и ничего напрасно не предпримала. Благодаря Бога, вымыслы мои всегда мнѣ удавались и я надѣюсь имѣть удовольствіе и этотъ съ пользою окончить. Божусь тебѣ, и готова биться о закладъ, что женю Клитандра на Юліи, коли Селимена и Эрастъ помогать мнѣ будутъ. Я сдержу мое слово или сама погибну.

ВСТУПЛЕНІЕ IV.

Кладина, Лафлеръ, Дюбуа.

Дюбуа *(въ кулисахъ)*. Какъ скоро господинъ совѣтникъ одѣнется, то я васъ въ ту-жъ минуту увѣдомлю; и это все то, что въ вашу пользу могу сдѣлать... А больше того коли бы и могъ, конечно бы не сдѣлалъ, потому что съ пустыми руками помощи у меня ищете.

Лафлеръ. Съ кѣмъ изволите вы, господинъ секретарь, разговаривать?

Дюбуа. Съ челобитчикомъ, который приведенъ до крайности. Онъ проситъ о скоромъ рѣшеніи своего дѣла, однако въ-вѣкъ его не получитъ, и я стыжусь право, что мы его столь долго волочимъ.

Кладина *(тихо Лафлеру)*. До тѣхъ поръ постарайся поговорить съ нимъ, покуда я, отдавъ письмо, принесу отвѣтъ тебѣ.

ВСТУПЛЕНІЕ V.

Дюбуа и Лафлеръ.

Дюбуа. Мнѣ кажется, что ты господинъ Лафлеръ, пришелъ сюда съ любовными вѣстями и я хвалю тебя за то, что столь искусно къ намъ прокрался. Мнѣ сдается, будто-бъ ты съ Кладиною...

Лафлеръ. Вы, сударь, меня этимъ подозрѣніемъ напрасно обижаете.

Дюбуа. Этакимъ людямъ, какъ ты, не страшна обида, хула и переговорка; они еще хвастаютъ своими пронырствами, вмѣсто того, чтобъ скрывать ихъ. Пожалуй перестань сердиться.

Лафлеръ. За что мнѣ сердиться? Я божусь вамъ, господинъ Дюбуа, что и мое ремесло, какъ вы его ни цѣните, право вашего не хуже.

Дюбуа. Ахъ, дерзкій! Смѣешь ли ты сравнить почтенный мой чинъ съ мерзкимъ своимъ промысломъ?

Лафлеръ. Пусть вашъ чинъ моего честняе, да я вѣрно знаю, что мой больше прибыли приноситъ.

Дюбуа. Въ этомъ не спорю. Въ нынѣшнее время всякій бездѣльникъ больше моего денегъ получаетъ.

Лафлеръ. А отчего же?

Дюбуа. Оттого, что мой судья, о коли-бъ провалъ его побралъ! не хочетъ ни за какое дѣло приняться. Года по два волочитъ онъ самыя легкія дѣлишки, которыя, не кривя душою, окончить можно; а ежелибъ хотя немножко кивнули мы ее, то бы имѣли съ нимъ оба довольную поживку. Да въ нашемъ приказѣ и кривлять лучше другихъ можно, потому что спорныя и временемъ затмевшіяся дѣла весьма легко пуще запутать можно, а потомъ съ праваго и съ виноватаго, не оканчивая дѣла, за одно пріискиванье въ архивахъ, дѣланіе выписокъ и экстрактовъ получать подарки, а вершить ихъ, можетъ быть, и правнукамъ нашимъ не достанется. Коли бы, по несчастію моему, не такой лѣнивый судья, какъ Дорантъ, со мною попался, то бы мы въ годъ по каменнымъ палатамъ не хуже того совѣтника построили, котораго именемъ назвать не хочу, а найти его можно по

сдѣланной о богатствѣ его вывѣскѣ, въ которой, какъ онъ его нажилъ и все его происхожденіе, не знаю, какой-то славный стихотворецъ описалъ очень ясно.

Лафлеръ. А ежели бы и вамъ такія-жъ вывѣски написали, такъ вѣдь и вы бы этимъ не были довольны.

Дюбуа. Пусть пишутъ. Оттого никакого бы намъ убытку не было; вѣдь мы знаемъ, что стихотворцы изъ зависти это дѣлаютъ. Я право бы ихъ не испугался, коли бъ Дорантъ послушалъ моихъ совѣтовъ и принялся бы за дѣла.

Лафлеръ. Такъ развѣ труды для Доранта медвѣдемъ кажутся?

Дюбуа. Пусть они хотя чортомъ ему казаться будутъ однако я его вылечу отъ этой болѣзни и выведу изъ заблужденія. И такъ уже почти всякій день брюзжу ему въ уши: государь мой! ежели бъ вы меня соизволили послушаться, то бъ пріобрѣли себѣ честь, славу и богатство! Живучи праздно, не дѣлая дѣлъ и не бравши взятокъ, скоро наживете себѣ много хлопотъ и безпокойства и васъ станутъ называть судьею неподступнымъ. Бросьте видъ придворный, оставьте щегольство, которое однимъ лишь вертопрахамъ прилично. Возьмите на себя важный видъ, пристойный вашему чину, за который будутъ васъ почитать самымъ разумнымъ судьею. Перемѣните пышные наряды на одежду, сходственную съ вашей должностью; кажитесь горды, важны и строги, а за достальные успѣхи я беруся. Всѣ дѣла возьму въ свои руки, стану одинъ надъ ними трудиться и дѣлать изъ нихъ выписки. Буду стараться мастерскою рукою годбористо переписывать, чтобы вамъ читать не столь трудно было. Положитесь во всемъ на меня и вѣрьте, что не обману васъ. Посмотрите на совѣтника Обиралова, который славится самымъ искуснымъ между всею вашею братьею. При дворѣ его почитаютъ, а въ городѣ его боятся; однако все достоинство этакого знатнаго судьи состоитъ въ секретарѣ Пролазинѣ, который его за носъ водитъ.

Лафлеръ. Что же онъ вамъ на то отвѣчаетъ?

Дюбуа. Ничего.

Лафлеръ. Вы право очень жалки, господинъ секретарь.

Дюбуа. Ахъ, ежели бъ его родитель еще здравствовалъ, то пріучилъ бы къ трудамъ этого лѣнивца! Дай Богъ душѣ покойнаго старичка вѣчное блаженство!

Лафлеръ. Поэтому Дорантовъ отецъ былъ прямой домостроитель.

Дюбуа. Да, и могъ служить примѣромъ для всѣхъ, кто желаетъ узнать искусство, какъ скопить деньги. Онъ былъ во всемъ старателенъ, въ дѣлахъ предпріимчивъ, жаденъ къ деньгамъ; для нихъ трудился, не зная мѣры, и никогда не сыпалъ спокойно, Я сумнѣваюсь, чтобъ подобный ему человѣкъ могъ на свѣтѣ сыскаться. Въ приказахъ и теперь гремятъ его дѣла, хотя и не всѣ похвалу и честь ему приносятъ. Какъ скоро пожаловали его совѣтникомъ, то онъ въ шесть мѣсяцевъ выручилъ все, что заплатилъ за чинъ, и еще купилъ себѣ карету и цугъ лошадей.

Лафлеръ. То-то былъ прямой судья!

Дюбуа. Да полно онъ отъ трудовъ своихъ довольно и оставилъ, хотя и съ благодѣтелями дѣлился; только всѣ тысячные мѣшки вертопрашный его сынокъ скоро промотаетъ. О, ежели бъ покойникъ предузналъ это несчастіе, то бъ въ ту-жъ минуту зарылъ все свое богатство въ землю, а самъ бы отъ горести удавился. Да полно, чему дивиться Доранту? Нынѣче и всѣ молодые люди живутъ также.

Лафлеръ. Придетъ, можетъ быть, и такое время, въ которое вы увидите, что и сынъ въ отцовскую степень...

ВСТУПЛЕНІЕ VI.

Кладина, Лафлеръ и Дюбуа.

Кладина *(отдавъ письмо Лафлеру)*. Поди и скажи своему господину, что изо всѣхъ стиховъ одинъ только сонетъ похвалили и съ великимъ удовольствіемъ желаютъ узнать, чьего онъ сочиненія.

Лафлеръ. Слышу, Кладина.

ВСТУПЛЕНІЕ VII.

Кладина и Дюбуа.

Дюбуа. Выдумка, какова ни есть, однако похвалы достойна. Только признаюсь, что лучшей хитрости ожидалъ я отъ

Кладины... Такъ ты теперь стихи отдала ему? Неужли вы вздумали смѣяться надо мною и меня обманывать? Коли такъ, то надлежитъ вамъ имѣть гораздо больше разуму, нежели теперь показали.

Кладина *(въ сторону)*. Охотно бы желала я подловить этого секретаришка.

Дюбуа. Что ты, голубушка моя, бормочешь?

Кладина *(въ сторону)*. Какъ-же бы мнѣ это сдѣлать? Я отъ многихъ людей наслышалась, что судьи, секретари, регистраторы, протоколисты—словомъ, въ приказномъ чину, отъ сторожа до президента, нѣтъ никого, кто бъ на деньги не прельстился; итакъ неужли онъ будетъ честняе всей своей братьи?

Дюбуа *(въ сторону)*. Я вижу, что она изъ усердія къ госпожѣ своей этимъ вымысломъ провесть меня хотѣла.

Кладина *(въ сторону)*. Онъ нѣчто ворчитъ про себя!

Дюбуа *(въ сторону)*. Неужли никогда не удастся мнѣ войтить къ нимъ въ шайку и узнать ихъ тайну? Чѣмъ бы зачать разговоръ съ нею?

Кладина *(въ сторону)*. Я употреблю все мое проворство и подкушу его.

Дюбуа *(въ сторону)*. Чувствую, не знаю что-то такое, которое меня отъ разговору съ нею удерживаетъ.

Кладина *(въ сторону)*. Вымыселъ мой не дуренъ; я поговорю съ нимъ.

Дюбуа *(въ сторону)*. Плюнемъ на предвѣщаніи и подойдемъ къ ней. Острые люди не должны слѣдствіевъ страшиться. *(Оба другъ къ другу подходятъ и сталкиваются)*.

Кладина. А! Прости меня пожалуй.

Дюбуа. Отчего ты въ такомъ смущеніи?

Кладина. А вы, господинъ секретарь, отчего въ такихъ глубокихъ мысляхъ? Мнѣ кажется, будто бъ внутренно о чемъ-то вы безпокоитесь. Пожалуй, сударь, не скрывайся и удовольствуй мое любопытство.

Дюбуа. Я объ тебѣ думалъ.

Кладина. Обо мнѣ?

Дюбуа. Право объ тебѣ.

Кладина. И я также объ васъ думала.

Дюбуа. Какъ же мысли-то у насъ сходны!

Кладина. Сперва разсуждала я нѣсколько времени о мно-

гихъ безпокойствахъ, которыя отъ несогласія людскаго происходятъ. Вѣдь вы знаете, что я ужасная охотница до нравоученія. Послѣ того говорила я сама въ себѣ, можно ли статься, будтобы отъ природы узаконено, чтобъ мы вредными для насъ раздорами сами себѣ несчастіе наводили. Для чего всѣ люди на свѣтѣ одинъ противъ другаго безъ нужды и теряя свою пользу, вооружаются, и для чего тѣ, кто одаренъ разумомъ и проворствомъ, не соглашаются другъ съ другомъ и не живутъ благополучно?

Дюбуа. И я о томъ же думалъ.

Кладина. Напримѣръ, говорила я, господинъ Дюбуа имѣетъ разумъ, и весь свѣтъ знаетъ, что онъ остеръ, хитръ и проворенъ; ну, коли бъ онъ благоволилъ жить съ нами согласно, то ни чтобъ не мѣшало намъ въ невинныхъ нашихъ забавахъ. Да лихъ этотъ ябедникъ, сдѣлавшись наушникомъ Дорантовымъ, принуждаетъ насъ опасаться плутовскихъ своихъ глазъ, язвительнаго языка и тѣмъ веселую жизнь нашу огорчаетъ. Не прогнѣвайтесь, господинъ секретарь, вы меня принудили сказать искренно все, что я думала.

Дюбуа. А я говорилъ, можно ли статься, чтобъ Кладина, которую всѣ люди хитрою обманщицею почитаютъ и превозносятъ за то похвалами, столь худо о людяхъ разсуждала и не могла догадаться, что такой человѣкъ, какъ я, сколь скоро его задобришь, мѣшать ей не будетъ? Она знаетъ что приказная моя служба и долговременныя въ разныхъ пронырствахъ опыты дали мнѣ довольное во всемъ познаніе и что я въ силахъ помогать ей обманывать всѣхъ, кого она захочетъ. Для чего-жъ не склоняетъ она меня на свою сторону? И для чего не завѣситъ глазъ и не заткнетъ ушей, коли чрезъ то можно пріобрѣсть спокойствіе всему дому, а это ей очень дорого стоить будетъ. Не сердись же и ты, голубушка, вѣдь и я чистосердечно сказываю мои мысли.

Кладина. Я вздумала, спросить-было мнѣ господина Дюбуа, намѣренъ ли онъ о своемъ благополучіи-то думать. Я слышу безпрестанныя его жалобы, будто бы онъ умираетъ отъ праздности, имѣя чинъ безкорыстный. Я и сама знаю, что должность секретарская при нашемъ господинѣ не очень наживна, а онъ видитъ, что перемѣнить ее на лучшую отъ него лишь зависитъ, однако о томъ не начинаетъ говорить со мною. Добро! говорила я, наконецъ надобно мнѣ всту-

питься въ его бѣдность, переименовать въ другое званіе и обнадежить, что, служа госпожѣ, больше прибыли получитъ, нежели отъ господина.

Дюбуа. А я напослѣдокъ говорилъ: полно тебѣ, господинъ Дюбуа, терпѣть бѣдность; перемѣни свою долю, поди ка Кладинѣ и изъяснись съ нею. Дай ей знать, что такой человѣкъ, какъ я, помогать добрымъ людямъ, несказанную имѣетъ склонность, и что для пріобрѣтенія денегъ все на свѣтѣ принять не отрекуся.

Кладина. Итакъ мы нечаянно разговаривали объ одномъ дѣлѣ?

Дюбуа. Да, и мнѣ кажется, что очень полезныя имѣли разсужденіи.

Кладина. Полезнѣе ихъ имѣть не можно и мое съ тобою согласіе подаетъ въ нашемъ предпріятіи совершенную надежду. Поговоримъ-ка теперь, не таяся. Не подозрѣваетъ ли Дорантъ насъ, что мы его провесть готовимся? Доволенъ ли онъ поступками своей жены, Юліиными и моими?.. Сказывай же безъ лукавства, вѣдь тебѣ всѣ тайны его извѣстны.

Дюбуа. Это правда, что сердце Дорантово всегда ко мнѣ откровенно, только въ этомъ онъ мнѣ еще повѣренности не сдѣлалъ и я ничего о томъ не знаю.

Кладина. Я уже сказала, что таиться теперь некстати; вѣдь ты не даромъ скажешь.

Дюбуа. Пусть меня чортъ задавитъ, ежели говорю не правду; однако я примѣтилъ, что онъ нѣсколько уже дней о чемъ-то чрезмѣрно безпокоится, всегда тяжко вздыхаетъ, груститъ и бѣгаетъ отъ всѣхъ забавъ, какъ будто бы потерялъ къ нимъ всю склонность. Хотя онъ мнѣ и не открылся, только я надѣюсь, ежели горесть его не умалится, что скоро станетъ мнѣ приносить жалобы на свои несчастіи.

Кладина. Этого буду я ожидать съ нетерпѣливостію, а ты между тѣмъ все, что ни примѣтишь, тотчасъ мнѣ пересказывай.

Дюбуа. Да скажи мнѣ, къ чему потребно вамъ это вѣдать?

Кладина. Къ тому, чтобъ спокойнѣе склонить Доранта Юлію за Клитандра выдать.

Дюбуа. Коли ты надѣешься совокупить ихъ съ согласія Дорантова, то крайне обманываешься: мой судья никогда на то не согласится.

Кладина. Обѣщайся лишь ты поступать согласно со мною, а я на себя беру окончаніе всего дѣла. Прощай на нѣсколько времени... А! я-было и забыла еще словца съ четыре съ тобою молвить. Клитандръ хочетъ золотомъ платить за твои услуги и цѣнить ихъ въ четыреста червонныхъ.

Дюбуа. Эта оцѣнка доказываетъ, что онъ человѣкъ разумный и знаетъ людей приказныхъ.

Кладина. Послѣ этого объявленія надѣюсь я безъ опасности на тебя положиться. Дай мнѣ руку и обѣщайся вѣрно служить намъ.

Дюбуа. Божусь тебѣ небомъ, землею и секретарскою честью, что всего можешь отъ вѣрности моей надѣяться...

Кладина. Охъ! пожалуй не приплетай къ этой клятвѣ секретарской своей чести; ваша братья тогда честны, когда имъ даютъ деньги. И я хотя тебѣ вѣрю, однако не могу безъ опасности съ тобою разстаться. Лишь взгляну на твою рожу, то вижу на ней изображеніе самаго пронырливаго плута. Я ужъ слишкомъ наслышалась, что не очень можно полагаться на клятву людей приказныхъ.

Дюбуа. Да ты же вѣдь сказала, что наша братья тогда честно и усердно служатъ, когда получаютъ взятки. Такъ хотя по своимъ словамъ вѣрь мнѣ; поди домой и не безпокоясь на меня положися. Совѣсть не помѣшаетъ мнѣ продать моего судью за хорошую плату.

конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ I.

Дюбуа *(одинъ)*. Мнѣ кажется, что услуги мои довольно хорошо цѣнятъ, когда сулятъ за нихъ четыреста червонныхъ. Есть ли на семъ свѣтѣ что-нибудь лучше того, какъ служить любовнику? Трудовъ мало, а барыша полныя руки!

Да къ тому-жъ не опасаясь ни кнута, ни висѣльницы; не такъ, какъ въ приказѣ, гдѣ за взятки боишься оглядковъ! Будь проклято душевредное крючкотворство! Совсѣмъ тебя оставляю! Для чего не принялся я съ робячества за новый мой промыселъ? Однако еще не все время потеряно. Теперь же брошу приказъ, въ которомъ надобно отъ утра до вечера трудиться, и по смерть не примусь ни за какое опредѣленіе. Благодарю Бога, что, потерпя моимъ злодѣяніямъ, вынесъ оттуда съ здоровою спиною; а за мои плутни надлежало бы меня давно къ столбу поставить... Да полно, удачны ли будутъ наши предпріятіи? Я вижу, что печаль моего господина часъ отъ часу умножается, и можетъ быть онъ...

ВСТУПЛЕНІЕ II.

Дорантъ и Дюбуа.

Дорантъ *(выходитъ задумавшися)*. Какое-жъ принужденіе долженъ я дѣлать?

Дюбуа *(въ сторону)*. Слышу голосъ Дорантовъ; онъ что-та промолвилъ и кажется въ ужасномъ безпокойствіи.

Дорантъ *(въ сторону)*. О горестное состояніе! О злополучная участь! Жестокая судьба, научи меня, что долженъ я дѣлать для полученія потеряннаго покою?

Дюбуа *(въ сторону)*. Какую-жъ странную сдѣлалъ онъ рожу! и какъ же у него глаза сверкаютъ! Состояніе его души изъ глазъ видно. Ничего не слышитъ, не видитъ и думаетъ, что онъ здѣсь одинъ.

Дорантъ. Только скоро окончу я... *(Увидѣвъ Дюбуа)* А! это ты, Дюбуа?

Дюбуа. Да, сударь. Это тотъ вѣрный вашъ слуга, который, видя вашу горесть, дѣлитъ ее съ вами.

Дорантъ *(въ сторону)*. Открыть ли мнѣ ему тоски моей причину?

Дюбуа. Не могу догадаться, что бы такое заставляло васъ столь много грустить и таить...

Дорантъ *(въ сторону)*. Нѣтъ силъ больше скрываться; скажу ему. Мученіе отъ молчанія усугубляется! Онъ честенъ, скроменъ и мнѣ очень вѣренъ. *(Къ Дюбуа)* Итакъ ты думаешь, что я грущу и таю печаль мою?

Дюбуа. Конечно, сударь. Да къ чему-жъ хотите вы притворяться передо мною?

Дорантъ. Я не хочу отъ тебя таиться, а хочу въ моемъ смущеніи прибѣгнуть къ твоимъ совѣтамъ. Родитель мой долгое время былъ свидѣтелемъ твоей къ нему искренности, почему и я къ моему утѣшенію никого, кромѣ тебя, способнымъ не почитаю.

Дюбуа (*въ сторону*). Что онъ за дьявольщину болтаетъ?

Дорантъ. Ты, я чаю, примѣтилъ, что грусть, овладѣвъ мною, совсѣмъ нравъ мой перемѣнила и безпрестанно меня терзаетъ. Все, что прежде мнѣ нравилось, стало теперь противно и судьба, позавидуя моему покою, послала въ мой домъ, къ пресѣченію забавъ, мучителя и душегубца.

Дюбуа. Да кто-жъ этотъ мучитель и душегубецъ?

Дорантъ. Жена моя.

Дюбуа. Какъ, сударь! ваша супруга сдѣлалась вамъ злодѣемъ? Я этому не вѣрю.

Дорантъ. Скоро не будешь въ томъ сомнѣваться. Эта злодѣйка неизцѣлимую мнѣ горесть приключила... Божусь тебѣ, любезный Дюбуа, что я теперь въ самой крайности.

Дюбуа. Неужли она вамъ вовсе противна?

Дорантъ. Коли бъ Богъ сдѣлалъ, чтобъ я ее возненавидѣлъ, то бы жизнь моя была преблагополучна; но къ пущему мученію, мое сердце, заразами ее плѣненное, при всѣхъ мерзкихъ поступкахъ, любитъ свою тиранку и отъ того пуще терзается, что любитъ ее чрезмѣрно.

Дюбуа. Такъ поэтому вы нынче ревнивы стали?

Дорантъ. Да, и такъ жестоко, что отъ того съ ума схожу.

Дюбуа. Какъ, сударь, вы заражены теперь этою язвою, которую громогласно хулили? и вы чувствуете ревность, хотя доселева ежеминутно всѣхъ ревнивцевъ ругали.

Дорантъ. Отъ того-то и происходитъ все мое мученье! Когда я началъ съ знатными людьми обходиться, тогда вредною и злополучною склонностью завлеченъ былъ между тѣхъ, которыхъ здѣсь прошлецами въ любовныхъ дѣлахъ называютъ и которые въ меня безпрестанно пустыя свои враки вперяли. Они хулили постоянныхъ любовниковъ и мужей, бранили ревнивцевъ и тѣмъ столько меня оболь-

стили, что я и самъ принялъ на себя ихъ видъ, поступки и вредное въ разговорахъ хвастовство; наполнялъ мою голову безразсуднымъ вертопрашествомъ, осуждалъ прежнихъ, вѣковъ благопристойные поступки и называлъ тѣхъ невѣжами, которые, слѣдуя древнему обычаю, жили согласно съ женами и не имѣли полюбовницъ. Что въ томъ мужчинѣ, говаривалъ я, смѣючися, который къ своей женѣ страсть имѣетъ? Это свойственно только къ любовницамъ и то до тѣхъ поръ, пока будутъ противиться нашимъ желаніямъ. Одна только чернь должна хранить взаимную въ супружествѣ любовь, а если я когда-нибудь и самъ въ такое дурачество пущуся, что и до женитьбы дѣло дойдетъ, такъ по крайней мѣрѣ не допущу до того, чтобъ упрекали меня къ женѣ постоянствомъ, а стану самъ сыскивать ей любовниковъ и буду имъ много обязанъ, что они безъ меня цѣлые дни съ нею просиживать станутъ.

Дюбуа. Да для чего-жъ вы тогда такъ безразсудно хвастались?

Дорантъ. Чтобъ подражать знатнымъ людямъ, у которыхъ поступки, видъ и обхожденіе всегда притворны, а мысли ложны, неосновательны и удалены отъ здраваго разсудка, но въ самое то время, когда я между ими велъ толь порочную жизнь и отъ нихъ за то знатокомъ въ обхожденіи свѣтскомъ почитался, принужденъ былъ, угождая роднѣ моей, вступить въ супружество съ моею злодѣйкою, которая тогда очень молода была и почти дѣтскій видъ имѣла. Я шутилъ надъ ея простотою и не думалъ, чтобъ могла она овладѣть моимъ сердцемъ, а уповалъ всегда нечувствительно жить съ нею. Но, увы! я не зналъ еще тогда всей силы прелестныхъ ея взоровъ. Съ лѣтами красота жены моей усугубилась, а время вмѣсто того, чтобъ меня простудить, произвело во мнѣ страсть и почтеніе.

Дюбуа. Статное ли дѣло, чтобъ вы влюблены въ нее были? Вѣдь у васъ и безъ нея столько любовницъ, что и смѣты нѣтъ.

Дорантъ. Долго и я не вѣрилъ, что она мною любима, да теперь увѣрился въ томъ по жестокой ревности, отъ которой сердце мое ежеминутно терзается. Все теперешнее злополучіе отъ моей къ ней страсти, и отъ ея непостоянства происходитъ. Чуждаюсь, боюсь и ненавижу всѣхъ друзей; присутствіе ихъ меня безпокоитъ и тревожитъ; когда

они у меня бываютъ, тогда лишаюсь чувствъ и отъ ихъ съ моею женою обхожденія прихожу въ несказанное подозрѣніе и опасность. Къ чему ввели въ обычай это вредное поведеніе, чтобъ чужихъ людей пріучать ежедневно быть у себя въ домѣ, дать вольно обходиться съ женою, а самому чрезъ то терпѣть смертельную досаду? О, благоразумные гишпанцы! ревность ваша весьма основательна и вы по истинѣ въ томъ правы, что не терпите въ домахъ своихъ такихъ волокитовъ, которые женъ вашихъ обольстить стараются. А я самъ несчастія своего виною! ежечасно десятка по два тунеядцевъ домъ мой наполняютъ и при мнѣ безъ всякаго стыда напѣваютъ женѣ моей любовныя привѣтствіи. Одинъ говоритъ, что она прекраснѣя всѣхъ нашихъ женщинъ; другой сказываетъ, что всѣхъ разумнѣя; третій называетъ глаза ея самыми прелестными въ свѣтѣ, да еще и такими, которые на то только созданы, чтобъ прельщать всѣхъ, кто на нее взглянетъ; а четвертый длиннымъ болтаньемъ превозноситъ бѣлизну лица, румянецъ щекъ, стройность стану и наконецъ скажетъ, что всѣхъ ея пріятностей описать не можно. А я сложа руки слушаю ихъ вредныя враки и притворяюсь, будто бы они меня забавляютъ.

Дюбуа. Это подлинно очень несносно. Я самъ видалъ, и слыхалъ почти все то, что вы теперь сказать изволили.

Дорантъ. Можно ли тебѣ все то знать, что мнѣ смертельную причиняетъ муку! Они столь дерзновенны, что и вообразить не можно. Приходятъ тогда въ мою спальню, когда жена встаетъ съ постели, и тутъ всякій старается показывать ей услуги и веселить остроумными шутками, въ которыхъ не много благопристойности услышишь. Цѣлое утро до самаго обѣда бываютъ съ нею при уборномъ столикѣ и тамъ безпрестанно врутъ, шутятъ, смѣются, рѣзвятся. А она всѣ ихъ дурачествы съ ласкою принимаетъ и я часто вижу, что они не только руки, да и въ губы ее цѣлуютъ, и такъ страстно, будто бы всѣ ею любимы.

Дюбуа. Она передъ вами очень виновата.

Дорантъ. А я долженъ все это безпутство сносить безъ роптанья! Вѣдь ты знаешь, что всѣ люди будутъ надо мною смѣяться, ежели стану о томъ жаловаться, открывши грусть мою и мученье. Всѣ рабята на улицахъ будутъ пальцами на

меня указывать, называя ревнивымъ, вздорнымъ и незнающимъ обхожденія мужемъ и скоро сдѣлаютъ на меня множество сатиръ, пѣсенъ, станутъ ихъ читать и пѣть по всему городу. О, бѣдные мои земляки! въ какомъ же мы теперь заблужденіи! а причиною тому, что все у чужестранцевъ перенимаемъ. Весьма справедливо всѣ народы осуждаютъ ваши поступки. Ваши замысловатыя, но препагубныя моды и ваши притворныя обхожденіи, за которыя съ жадностью хватаетесь, достойны хулы цѣлаго свѣта.

Дюбуа. Вы очень справедливо разсуждаете.

Дорантъ. Ежели Эрастъ не перемѣнитъ своихъ поступковъ, то скоро сдѣлаю я конецъ моему терпѣнію. Очень явно ласкается онъ къ Селименѣ, дѣлаетъ для нея великолѣпныя забавы, старается, чтобъ и я всегда былъ съ ними и безъ досады смотрѣлъ на ихъ непотребствы; а это для того, чтобъ легче обмануть меня. А невѣрная жена моя, вмѣсто того, чтобъ презрить его услуги, сама о нихъ проситъ и при мнѣ съ ласкою его благодаритъ. Они совсѣмъ меня смутили и вывели изъ разсудка! Скажи мнѣ, любезный Дюбуа, что я дѣлать долженъ? Говорить ли о томъ женѣ моей, или скрѣпившись молчать еще нѣсколько времени? Всегда, какъ о томъ говорить съ нею вздумаю, почувствую въ себѣ робость, и внутренно намѣренія моего устыдяся, самъ себѣ препятствую, боюсь показать ей, сколь далеко слабость моя простирается и для того съ нею не изъясняюсь.

Дюбуа. Вы, сударь, черезчуръ нѣжныя имѣете мысли. Кто въ такихъ обстоятельствахъ какъ вы, тому не надобно быть столько скромну и учтиву.

Дорантъ. Это правда; коли я не буду о томъ говорить, то она не перемѣнитъ поведенія.

Дюбуа. Безъ сумнѣнія.

Дорантъ. А если изъяснюсь съ нею и если мои увѣщаніи, такъ какъ совѣты ненавидимаго мужа, ни малаго не получатъ успѣху, потому что нынче не очень на мужнія слова смотрятъ, скажи, что мнѣ тогда въ крайности моей дѣлать? Ничего больше, какъ сносить отъ нея презрѣніе, и любя страстно, отъ того мучиться, а коли не такъ, то развѣ съ нею развестися.

Дюбуа. Я въ томъ равныя съ вами нахожу затрудненіи. Однако, какимъ бы то ни было образомъ, только надобно

обуздать ея вольность. Вотъ я о томъ подумаю... Нѣтъ ничего, сударь, извольте не откладывая вдаль съ нею изъясниться. Иногда въ безнадежныхъ дѣлахъ больше намъ удается, нежели уповать осмѣливаемся. Вамъ непремѣнно надлежитъ для пріобрѣтенія покою ей открыться.

Дорантъ. Добро, я тебя послушаюсь и сегодня-жъ съ нею изъясняюся; и такъ уже слишкомъ долго скрывалъ я грусть мою и мученье. Стану здѣсь ее дожидаться; она прямо изъ уборной своей сюда выходитъ. Милосердый Боже, даруй нашему разговору желаемый конецъ. Кто-то идетъ; это она; оставь меня съ нею.

ВСТУПЛЕНІЕ III.

Дорантъ и Селимена.

Дорантъ *(въ сторону)*. Кто бы не обманулся этимъ прелестнымъ и добродѣтельнымъ видомъ? Кто бы могъ, видя ея благочиніе, подумать, что она виною горестной моей жизни? Однако, я всѣ умыслы ея знаю... Да чѣмъ бы за чать съ нею разговоръ? Сердце мое мятется, я дрожу, и...

Селимена *(въ сторону)*. Мнѣ кажется, будто бы приходъ мой его встревожилъ.

Дорантъ *(въ сторону)*. Вступая въ супружество, въ ужасныя хлопоты вдаемся! *(Къ Селименѣ)* Здравствуй, сударыня!

Селимена. Здравствуй, сударь.

Дорантъ *(въ сторону)*. Надлежитъ отъ нея скрывать тоску мою. *(Селименѣ)* Вы сегодня очень рано встать изволили.

Селимена. Минутъ пять послѣ того, какъ вы встали, я проснулась и не мѣшкая начала одѣваться.

Дорантъ. Никакъ вы со двора ѣхать изволите?

Селимена. Никакъ, сударь.

Дорантъ. Позволите ли, сударыня, мнѣ вамъ открыться, и изъяснить всѣ мои мысли?

Селимена. Къ чему этотъ вопросъ? Развѣ вы въ томъ невластны?

Дорантъ. Прежде начатія разговору, напомните хотя о

томъ, что я всегда имѣлъ нѣжную любовь къ вамъ и никогда не выпускалъ васъ изъ мыслей, да и теперь, горя пламенною къ вамъ страстью, сожалѣю о томъ, что становлюсь взаимной вашей любви недостоинъ и отъ того грущу, печалюсь и вздыхаю.

Селимена (*въ сторону*). Каковъ-то конецъ будетъ, а начало довольно странно.

Дорантъ. Нѣтъ ни одного въ свѣтѣ мужа, который бы столь совершенную любовь имѣлъ къ женѣ своей, какъ я къ вамъ имѣю.

Селимена. Этому я вѣрю, почитаю себя за то счастливою и люблю васъ взаимно.

Дорантъ. Чѣмъ больше душа моя любовью къ вамъ заражается, тѣмъ пущимъ подвергается она мученіямъ. Иногда мы въ вѣчное раскаяніе отъ того приходимъ, что безъ нужды разрываемъ согласную и благополучную жизнь... (*Въ сторону*) Въ плачевномъ моемъ состояніи, не знаю, что говорить съ нею.

Селимена. Божусь вамъ, сударь, что я рѣчи вашей совсѣмъ не понимаю.

Дорантъ. Самые благоразумные люди отъ вреднаго обхожденія въ заблужденіе приходятъ и напослѣдокъ, прельстившись роскошью, станутъ утѣснять непорочную невинность. Добродѣтельная женщина должна, сберегая честь свою, и наружно поступать благочинно, потому что не довольно для людей непорочнаго сердца, а надобно всего того остерегаться, чѣмъ можно подать поводъ осуждать свое поведеніе и, храня себя отъ упрековъ, пренебрегать пагубныя моды и льстивыхъ подбѣгателей.

Селимена. Что вы этими загадками сказать мнѣ хотите?

Дорантъ. То, что пламенная любовь сказать повелѣваетъ. Вы весьма прелестны, сударыня, это правда, и я вижу ежедневно множество молодыхъ людей, которые васъ окружаютъ и ни на минуту не отходятъ. Ваши ласковыя къ нимъ привѣтствіи и вольные ихъ поступки совсѣмъ на шутку не походятъ: ими благопристойность преступается и тѣмъ доказываютъ...

Селимена (*смѣючись*). Какъ же не пристало вамъ дѣлаться ревнивымъ!

Дорантъ. Что, сударыня?

Селимена (*смѣючись*). Стараяся ревнивымъ казаться, ты такъ несносенъ, что терпѣть тебя не можно.

Дорантъ (*въ отчаяніи*). Какъ! вы не вѣрите, что я въ истинну?...

Селимена (*смѣючись*). Нѣтъ! этому отъ тебя быть не можно.

Дорантъ. Однако я вамъ говорю самую правду.

Селимена (*безпрестанно смѣется*). Вы гораздо больше имѣете разума, а я гораздо меньше прелестей и такъ мы оба отъ подозрѣнія свободны.

Дорантъ (*въ сторону*). Я не ожидалъ такой насмѣшки. О измѣнница! этого уже довольно къ приведенію меня въ бѣшенство. (*Къ Селименѣ*). Я думаю, сударыня, что въ такихъ случаяхъ смѣяться неприлично.

Селимена (*гордо и осердившись*). Изрядно, сударь! Я вижу, что вы и въ правду сердитесь. Да скажите-жъ мнѣ, что такое я сдѣлала и отъ чего происходитъ въ васъ это подозрѣніе? Оно меня ужасно обижаетъ. Изъяснитесь поскорѣя, такъ и увидите...

Дорантъ. Неужли не можно вамъ безъ огорченія говорить со мною? Я отнюдь не имѣю намѣренія разсердить васъ.

Селимена. Да за что-жъ дѣлаете вы мнѣ эти выговоры?

Дорантъ. Безпрестанныя посѣщенія Эрастовы, Клитандровы, Клеоновы...

Селимена. Въ этомъ ты себя лишь винить долженъ. Изъ троихъ двое совсѣмъ мнѣ были незнакомы. Не ты ли ввелъ ихъ въ домъ нашъ и принудилъ меня сдѣлать съ ними знакомство?

Дорантъ. Это правда!

Селимена. Что-жъ до Клитандра, который на Юліи хочетъ жениться, то я, будучи съ нимъ родствомъ и дружбою съ робячества соединена, люблю его искренно и этого себѣ въ порокъ не ставлю.

Дорантъ. Въ этакихъ случаяхъ самые ближніе сродники сторонниихъ людей гораздо опаснѣя. Словомъ, сударыня, частыя ихъ посѣщенія, дерзкіе поступки и непристойные разговоры съ нѣкотораго времени совсѣмъ мнѣ не нравятся. Они безвыходно здѣсь и приходятъ къ вамъ тогда, когда вы еще въ постели лежите, а вы, видя, что мнѣ это противно, съ ласкою ихъ принимаете. Скажите, сударыня,

такъ ли должно поступать съ любимымъ человѣкомъ? Ежели бы вы меня прямо любили, то этакихъ непристойностей терпѣть бы не стали.

Селимена. Одумайтесь, сударь, и разсмотрите, правильно ли мнѣ выговариваете. Неужли забыли вы то, какъ старались передѣлать сердечныя мои чувствы и поступки? Въ первые дни послѣ нашего брака не смѣла я взводить взору на друзей вашихъ, старалась удаляться отъ свиданія и разговору съ ними и сидѣла всегда уединенно въ моей спальнѣ; а вы, приходя, поминутно говаривали мнѣ: перемѣните, сударыня, ваше поведеніе; вы весьма дики и необходительны. Принимайте другимъ образомъ друзей моихъ и не пугайте тѣхъ, кто вхожъ ко мнѣ. Сдѣлайте друзьямъ моимъ домъ нашъ пріятнымъ времени провожденіемъ и старайтесь развеселить ихъ своимъ присутствіемъ. Говоря такимъ образомъ, вводили своихъ знакомцевъ въ мою спальню и просили ихъ: пожалуйте, государи мои, будьте познакомѣе съ моей женою, а меня извините за неучтивость, что долженъ теперь съ двора ѣхать. Селимена вмѣсто меня съ вами останется и постарается время забавами укоротать. Послѣ этой довѣренности стали они приходить ко мнѣ и я дѣлала все, что могла для ласковаго ихъ пріему и единственно изъ покорности къ вамъ исполняла ваше желаніе, которое мнѣ весьма было противно. Итакъ если вы, сударь, теперь на то жалуетесь, такъ тому вы же сами, а не я виною.

Дорантъ *(въ сторону)*. Съ какою нечувствительностію смотритъ она на мое мученье! *(Селименѣ)* Это правда, сударыня, что я виноватъ въ томъ, да развѣ не должны вы по крайней мѣрѣ хотя нѣсколько горесть мою успокоить? Сдѣлайте милость, убѣгайте отъ свиданія съ тѣми, чей видъ совсѣмъ мнѣ несносенъ.

Селимена. Выдай сестру свою! Это самое лучшее къ тому средство. Клитандръ ее любитъ и имѣетъ въ себѣ достоинствы, природу и богатство. Я божусь тебѣ, что сколь скоро ее выдашь, то тотчасъ всѣ тѣ перестанутъ ходить къ намъ, которые васъ такъ много безпокоятъ. Юлія прекрасна и притомъ богатая невѣста, всѣ хотятъ на ней жениться и это лишь ихъ сюда привлекаетъ.

Дорантъ. Вамъ ли, сударыня, должно мнѣ дѣлать этакія предложеніи? Неужли не знаете вы, что замужствомъ Юліи-

нымъ отойдетъ отъ меня большая часть доходу? Отсрочимъ ея свадьбу, и тѣмъ хотя нѣсколько времени будемъ пользоваться. Вы можете и безъ того снискать мнѣ спокойствіе и я вашимъ благоразуміемъ получить его желаю. Выгоните всѣхъ вашихъ льстецовъ, вѣтренниковъ и обожателей, а то...

Селимена. Выгоньте ихъ сами.

Дорантъ. Мнѣ выгонять ихъ?

Селимена. Всеконечно вамъ. И тутъ не къ чему столь много дѣлать удивленія!

Дорантъ. Какъ, сударыня? Мнѣ показать имъ мою слабость, что ихъ поступки сдѣлали меня ревнивымъ?

Селимена. Ну, коли это вамъ непристойно кажется, такъ я за васъ поговорю съ ними.

Дорантъ. О, какъ же я много буду вамъ благодаренъ! Не знаю, чѣмъ выхвалить вашу добродѣтель и чѣмъ отплатить за такую услугу.

Селимена. Къ чему тутъ упоминать о благодарности, я и безъ того должна быть вамъ послушна.

Дорантъ. Да не всегда, сударыня, то дѣлаютъ, что должно; не знаю, съ чѣмъ сравнить мнѣ эту радость, которую отъ обѣщанія вашего чувствую. Однако я сумнѣваюсь...

Селимена. Пожалуй не сумнѣвайся; я уже освобожу васъ отъ всѣхъ этихъ подбѣгателей, которые безотступно ходятъ за мною.

Дорантъ. Вы очень хорошо сдѣлаете.

Селимена. Я увѣдомлю ихъ о вашихъ мысляхъ.

Дорантъ. Что, сударыня?

Селимена. Они чрезъ меня узнаютъ о вашемъ намѣреніи; я имъ всѣ ваши подозрѣнія открою.

Дорантъ. Такъ вы меня въ пущее дурачество ввести хотите? Этого ли я отъ васъ надѣялся... Вижу, что вы меня сразить намѣрились.

Селимена. Да какимъ же образомъ инако отъ нихъ отдѣлаться?

Дорантъ. Взять на себя видъ важный, поступать съ ними холодно, всегда отъ нихъ удаляться, не вмѣшиваться въ безстыдные разговоры, а меня отнюдь въ это дѣло включать не должно.

Селимена. Я вамъ этого обѣщать не могу.

Дорантъ. А для чего?

Селимена. Не хочу, чтобъ поносили меня грубою женщиною я очень много почитаю этихъ господъ и обхожденіемъ ихъ весьма довольна. Разговоры ихъ мнѣ пріятны, для того и ихъ ласково принимаю, принимать буду и отъ тебя въ томъ не таюся.

Дорантъ. Итакъ вы просьбы моей не исполните?

Селимена. Охотно бы желала, да лихъ она очень странна.

Дорантъ. Послушайте, сударыня.

Селимена. Ну, сударь.

Дорантъ. Посмотрите на мое отчаяніе.

Селимена. Я все вижу, только вы напрасно смущаетесь. Что это за взглядъ вы на меня сдѣлали?

Дорантъ. О жестокая! Какъ же худо зналъ я твое измѣнническое сердце!

Селимена. А! я вижу, что вы и въ подлинну ругать меня намѣрились и, не стыдяся, порицаете тѣмъ, что въ мысли мои никогда не приходило. Вмѣсто непристойной вашей укоризны, должны вы хвалить мой поступокъ и радоваться, имѣя меня женою... Къ чему вы на меня съ этакимъ презрѣніемъ смотрите? О Боже мой! какъ же меня это огорчаетъ! Однако, не взирая на все твое сумасбродство, сдѣлаю свою должность. Будь увѣренъ, что никто больше не будетъ приходить ко мнѣ. Да вотъ я слышу, что они въ столовой смѣются и я рада, что очень кстати теперь сюда прибыли; я все изъясню имъ и скажу, что вы не можете безъ подозрѣнія...

Дорантъ. О Боже мой! Что вы хотите со мной сдѣлать, сударыня? Для Бога, не говорите обо мнѣ съ ними и не доведите меня...

Селимена. Нѣтъ, сударь, я не могу отъ того удержаться, я хочу и должна...

Дорантъ. Вы всего должны будете отъ моего гнѣву опасаться, если станете говорить...

Селимена *(взглянувъ на него нѣжно)*. Добро, сударь, я себя принужу и все въ вашу угодность сдѣлаю.

Дорантъ *(въ сторону)*. О измѣнница! Какъ же она лукавить умѣетъ!

ВСТУПЛЕНІЕ IV.

Дорантъ, Селимена, Эрастъ, Клитандръ и Кладина.

Эрастъ *(обнимая Доранта)*. А! любезный другъ, мы къ тебѣ задыхаясь бѣжали. Куда ни поди, нигдѣ не найдешь для обхожденія столь дорогаго, какъ ты, человѣка. Клитандръ скажетъ тебѣ, что вчерась мѣстахъ въ двадцати всѣ люди домъ твой похваляли и говорили, что у тебя прямое удовольствіе найти можно.

Клитандръ. Во всемъ городѣ не найдешь веселѣя и ласковѣя вашего дому.

Селимена. Вы, сударь, намъ льстить изволите.

Клитандръ. Никакъ, сударыня.

Эрастъ. Клянусь честью, что говорю истину; коли-бъ я лгалъ, такъ бы краснѣлся.

Дорантъ. Я очень много за то вамъ благодаренъ.

Эрастъ *(бьетъ по плечу Доранта)*. Ты, любезный другъ, умѣешь пожить въ свѣтѣ. Всѣ тебѣ завидуютъ и многіе дивятся, что имѣя такую прекрасную жену, ни мало къ ней не ревнуешь; не такъ какъ несносный Дамонъ, у котораго жена имѣетъ лицо гнуснѣе его хари, а онъ день и ночь отъ нея не отходитъ. Не дай Богъ посидѣть съ нимъ цѣлый день. Мы у него съ часъ побыли, да ради, что убралися, и пришли къ тебѣ прогнать скуку.

Селимена. Такъ вы были у Дамона?

Клитандръ. Да, сударыня, у этого грубаго ревнивца, который, жену свою красавицею считая, готовъ ее за одинъ ласковый взглядъ искусать зубами.

Эрастъ. Признаюсь, что я не могъ отъ смѣху удержаться, глядя на его дурачествы онъ не можетъ терпѣть, чтобъ на его жену смотрѣли и всѣ усердныя отъ друзей услуги кажутся ему подозрительны и несносны.

Кладина. Прескаредный дуракъ!

Эрастъ. Я тѣмъ очень веселился, что могъ взбѣсить его.

Кладина. Вы похвально сдѣлали, ежели прямо его взбѣсили.

Селимена *(смотря нѣжно на Доранта)*. Вы очень безжалостны. Пощадите его хотя немножко и хотя по чело-

вѣчеству имѣйте сожалѣніе съ жалкимъ его состояніемъ; оно меня очень трогаетъ.

Эрастъ. Нѣтъ, сударыня, его должно гораздо больше бѣсить и сыскивать нарочно къ тому способы. Этимъ однимъ можно вылѣчить отъ болѣзни. Хочу о закладъ биться, что Дорантъ моихъ мыслей. *(Бьетъ по плечу его)*. Не такъ ли поступать съ ревнивымъ должно?

Дорантъ. Совершенно такъ... *(Въ сторону)* О Боже мой! избавь меня отъ этихъ злодѣевъ.

Клитандръ. Ревнивый мужъ преглупая и несносная скотина.

Эрастъ. Когда онъ дурацкими подозрѣніями голову свою наполнитъ, тогда смотрѣть на него гадко.

Дорантъ *(въ сторону)*. Я съ досады чувствъ лишаюсь!

Селимена *(смѣючись)*. Это правда, что ревнивцы сами даютъ поводъ смѣяться надъ собою.

Дорантъ *(въ сторону)*. О плутовка! Знаетъ все мое мученье и ругается моимъ горестямъ, которыя она-жъ приключила!

Селимена. Эрастъ, можетъ ли ревнивый когда нибудь вылечиться отъ своего порока?

Эрастъ. Никогда. Ревность болѣзнь неизлечимая и весьма опасная зараза.

Кладина. Вы ужасть какъ хорошо описываете ревнивцовъ; да полно, этимъ срамцамъ мало за ихъ дурачествы.

Дорантъ *(въ сторону)*. Не могу больше сносить этихъ ругательствъ. Прощайте.

Эрастъ. Что это, развѣ ты со двора ѣдешь?

Дорантъ. Нѣтъ, я иду въ мой кабинетъ и тотчасъ къ вамъ возвращуся.

ВСТУПЛЕНІЕ V.

Селимена, Эрастъ, Клитандръ и Кладина.

Эрастъ. Куда это онъ побѣжалъ? Не знаю, право, что должны мы заключить изъ теперешняго его поступка?

Клитандръ. Мнѣ кажется, что онъ въ ужасномъ смущеніи.

Кладина. Вы смѣетесь, сударыня?

Клитандръ. Скажите намъ причину вашего смѣху.

Селимена. Наконецъ мы его подловили.

Эрастъ. Что, сударыня?

Селимена. Онъ всѣхъ васъ ко мнѣ ревнуетъ и вмѣсто того, чтобъ проникнуть нашу хитрость, почитаетъ ваши привѣтствіи прямою ко мнѣ любовью, и что ты, Эрастъ, Клеонъ и кто къ намъ ни ходитъ, мои любовники. Словомъ, ваши поступки ужасно его безпокоятъ и онъ теперь лишь только открылъ мнѣ свои подозрѣніи.

Кладина. Ну, сударыня, не хороши-ль мои совѣты? Видите-ли, что должно всегда слѣдовать моимъ наставленіямъ!

Селимена. Всеконечно!

Кладина. Пойдемте, сударыня, и не теряя времени, постараемся умножить ревность вашего супруга. Пускай Эрастъ безотступно будетъ казаться страстно въ васъ влюбленнымъ, а вы притворяйтесь, будто бы сами его любите. Стойте въ томъ твердо, что всѣ, къ кому Дорантъ васъ ревнуетъ, ходятъ сюда для сестры его, что она причиною ежедневнаго ихъ посѣщенія и что для выгнанія ихъ отсюда надлежитъ ее замужъ выдать. Этимъ средствомъ надѣюсь я въ короткомъ времени Клитандра счастливымъ видѣть.

Клитандръ. Безъ сумнѣнія стараніи наши скорый успѣхъ получатъ. Сколько-жъ много, сударыня, благодарить васъ? Счастіе и жизнь моя теперь въ рукахъ вашихъ и вы...

Селимена. Слушай, Клитандръ, я для твоей дружбы и для Юліи, въ великую пускаюсь опасность. Будучи вѣрна и любя страстно своего мужа, наношу ему смертельное мученіе. Проститъ ли онъ мнѣ то смущеніе и горести, которымъ я виною и...

Кладина. Онъ еще тѣмъ очень счастливъ, что кромѣ подозрѣнія не имѣетъ никакой отъ васъ опасности. Множество мужей изъ самыхъ знатныхъ бояръ охотно бы желали быть на его мѣстѣ. Скажите не притворствуя, сударыня, не должно-ли наказывать его за скупость и исправить отъ этого гнуснаго порока? Какое право имѣетъ онъ, желая пользоваться богатствомъ сестры своей, дѣлать препятствіе такому дѣлу, отъ котораго все ея благополучіе зависитъ?

Селимена. Перестань упрекать его; ты слишкомъ дерзновенна. Совѣсть моя меня изобличаетъ и велитъ...

Клитандръ. Неужли хотите вы насъ оставить, бывши столько благосклонны? Отчего-бъ пришло въ васъ сегодня это раскаяніе? Вѣдь вы знаете, что ваша матушка и Дамисъ, дядя Дорантовъ, въ этомъ справедливомъ предпріятіи съ нами согласны. Всѣ ко мнѣ благосклонны, всѣ вооружаются противъ Доранта, а вы сразить хотите...

Селимена. Онъ мнѣ жалокъ кажется и я боюсь наносить пущую ему досаду. Должность моя меня ужасаетъ, принуждаетъ ежеминутно колебаться и велитъ открыть нашъ умыселъ.

Клитандръ. Вы въ отчаяніе меня приводите. Сжальтесь, сударыня, надъ мученьями моими; я умру, ежели вы меня оставите.

Селимена. Добро, до окончанія нашего умысла, буду помогать любви твоей. Пойдемъ, сыщемъ Юлію и увѣдомимъ ее, что все начинаетъ согласоваться съ нашею надеждою.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ I.

Клитандръ, Юлія и Розета.

Клитандръ. Наконецъ, любезная Юлія, благосклонная судьба соглашается окончить мое мученіе и Дорантъ, чтобы избавиться отъ подозрѣній, хочетъ отдать тебя замужъ и тѣмъ насъ... отсюду выгнать. Какія радости эта вѣдомость произвела въ моемъ сердцѣ! Я не могу скрывать моего восхищенія и надѣюсь скоро быть столько счастливъ...

Юлія. Не напрасно-ли льстишься ты этою надеждой?

Братъ мой хотя не корыстолюбивъ, однако привыкши жить великолѣпно, не скоро съ приданымъ моимъ разстанется.

Клитандръ. Я это знаю, однако спокойствіе милѣя денегъ ему кажется. Онъ столько много ревнуетъ къ женѣ своей, что не перенесетъ долго жестокаго своего подозрѣнія и, мучась несказанно, хочетъ все принесть на жертву любви своей къ Селименѣ, отчего и намъ теперь счастія нашего уповать можно.

Юлія. Любя чрезмѣрно, хотя словамъ твоимъ вѣрю, однако еще сумнѣваюся въ нашемъ благополучіи. Отпусти мнѣ, любезный Клитандръ, эту недовѣренность. Встревоженное мое сердце не столь легковѣрно; оно тебя страстно любитъ и оттого не такъ скоро въ словахъ твоихъ увѣряется.

Клитандръ. Вы меня любите и въ томъ признаетесь; какъ же я счастливъ! Чѣмъ могу отблагодарить вамъ за такое признаніе, которое столь мнѣ драгоцѣнно, что жизнію за него обязаннымъ себя почитаю.

Юлія. Люби меня всегда столь нѣжно, какъ теперь, и будь постояненъ, такъ я другаго воздаянія не пожелаю. Искренняя любовь за всѣ претерпѣнныя горести наградить меня въ состояніи.

Розета. Мнѣ слишится, кто-то идетъ сюда.

Юлія. Не братъ ли мой?

Розета. Не знаю.

Юлія. Посмотри.

Розета. Нѣтъ, это его секретарь.

ВСТУПЛЕНІЕ II.

Юлія, Клитандръ, Розета и Дюбуа.

Дюбуа *(Клитандру)*. Уберитесь скорѣя, а то Дорантъ васъ застанетъ. Онъ шелъ вслѣдъ за мною и я думаю, что это не очень полезно для насъ будетъ, какъ онъ васъ съ Юліею увидитъ.

Юлія. Поди-жъ, Клитандръ, скорѣя отсюду.

ВСТУПЛЕНІЕ III.

Юлія, Розета и Дюбуа.

Дюбуа. Мнѣ кажется, что я очень хорошо должность свою начинаю и гожусь быть ученикомъ въ этомъ искусствѣ, за которое взялся недавно. Да полно, человѣку приказному не трудно людей во всякихъ дѣлахъ обманывать: у насъ бывало ни одного дня не пройдетъ безъ двадцати обмановъ.

Юлія. Ты намъ очень усердно служишь.

Дюбуа. Услуживая вамъ, защищаю невинность, подкрѣпляю правосудіе и тѣмъ заглаживаю грѣхи, сдѣланные въ приказѣ. Говоря истину, сударыня, господинъ Дорантъ весьма несправедливо поступаетъ съ вами, заставляя толь долгое время жить въ скучномъ дѣвичьемъ состояніи.

Юлія. Мнѣ кажется, ты ужъ и дурачиться начинаешь?

Дюбуа. Напротивъ того, весьма разумныя дѣлаю разсужденіи, и радуюсь, что за васъ могу отмстить вашему брату. Мнѣ мнится, что намъ скоро провесть его удастся.

Юлія. Хорошо бы это было!

Дюбуа. Въ этомъ я увѣренъ. Да кто-то идетъ сюда. Оставьте меня одного.

ВСТУПЛЕНІЕ IV.

Дорантъ и Дюбуа.

Дорантъ. Дюбуа! нѣтъ силъ сносить всѣхъ досадъ и мученія.

Дюбуа. Откуду, сударь, придти изволили?

Дорантъ. Я только лишь изъ-за стола всталъ и сидя за нимъ часовъ пять, не могъ съѣсть ни крошки.

Дюбуа. Такъ поэтому вы занемогли, сударь?

Дорантъ. Это бы бѣда еще не велика. Я почти съ ума сошелъ, сидя съ моими врагами. Жена моя меня умертвить хочетъ и всѣ свои силы на то употребляетъ, чтобъ отъ досады и отчаянія привесть меня до безумства.

Дюбуа. Что, сударь?

Дорантъ. Выговоры мои никакого не получили успѣха, она моимъ рѣчамъ смѣялась и, соединя притворство съ хитростію, при всѣхъ выговорахъ, всѣ справедливыя мои подозрѣнiи называла дурачествами и говорила, что я самъ себѣ безпокойствы вымышляю.

Дюбуа. О безбожница!

Дорантъ. Разговоръ нашъ очень худыя имѣлъ слѣдствiи.

Дюбуа. Тѣмъ для насъ хуже. Да что-жъ станемъ теперь съ нею дѣлать?

Дорантъ. Почему я знаю? Разсудокъ ни мало мнѣ не помогаетъ! Въ жизнь мою не видывалъ я такой измѣннической души. Во весь обѣдъ чего ни дѣлала она къ моей досадѣ! Никогда не имѣлъ я причины столь много на нее огорчиться.

Дюбуа *(въ сторону)*. Тѣмъ для насъ лучше, Дорантъ. И такъ измѣна-то ея очень явна была?

Дорантъ. Я не только никогда не видалъ и не слыхалъ, ниже вообразить могъ отъ женщины такихъ непотребствъ, которыя сегодня отъ жены своей видѣлъ. Все то, что вертопрашныя и безчинныя щеголихи для прельщенiя мужчины употребляютъ, все то она дѣлала. Ласковые взгляды, безстыдныя улыбки, нѣжные разговоры, ужимки тѣла, кривлянье лица, киванье и миганье—все это Селимена для угожденiя Эрасту и для того, чтобы меня привесть въ отчаяніе, съ тысячу разъ передо мною повторяла.

Дюбуа. Все при васъ, сударь?

Дорантъ. Да! И съ такимъ безстыдствомъ и дерзостью, чтобы и мученическаго терпѣнiя на то не стало. Потерявши благопристойность, очень часто обнимала Эраста и такъ крѣпко къ себѣ прижимала, ажно онъ отъ того краснѣлся.

Дюбуа. А вы, сударь, во время этой шутки что дѣлать изволили?

Дорантъ. Я внутренно роптался, сердился, бѣсился и отчаяніемъ терзался, но не зналъ, что дѣлать. Не таюсь, любезный Дюбуа, что я былъ совершеннымъ дуракомъ между ими.

Дюбуа. Это, сударь, не очень забавно.

Дорантъ. Разъ съ тридцать покушался я опрокинуть столъ, чтобъ наказать невѣрную жену, а себя удовольствовать; но и въ томъ не удалося. Коли-бъ не стыдно мнѣ было хорошенько ее пощочинами поподчивать, то бы я тому несказанно радъ былъ!

Дюбуа. Э, сударь это для васъ неприлично.

Дорантъ. Гнѣвъ мой влагалъ мнѣ въ мысли это средство и утверждалъ, что оно весьма полезно къ отмщенію моей обиды; руки мои уже порывались, но я опасся язвительныхъ ругательствъ, которыми бы меня со всѣхъ сторонъ осыпали. О вы, благополучные мужья! вы, которые слѣдуя природѣ, пренебрегаете глупыя моды, живете непорочно и пользуетесь вольностію, не подвергая себя благопристойности! Вамъ можно, презирая молву народную и переговорки злоязычниковъ, досады свои палочными изъяснять ударами и васъ обычай отъ того не отводитъ. Не страшась никакого порицанія, имѣете всегдашнюю власть бить женъ своихъ! Участь ваша весьма завидна: вы блаженны и преблаженны. Между вами непорочность обитаетъ, между вами, любезные поселяне, купцы, церковники, подъячіе и всѣ простолюдины! а почему? Потому что мщеніе противъ женъ всегда въ рукахъ вашихъ готово!

Дюбуа. Неужли вы это въ истину похваляете?

Дорантъ. Всеконечно такимъ поступкомъ горести свои по нѣскольку услаждаемъ.

Дюбуа. Мнѣ кажется, что вы это въ шутку говорить изволите.

Дорантъ. Не знаю, чѣмъ отъ мученія избавиться! За что взяться въ теперешнемъ состояніи?.. Употреблю послѣднее средство... побѣгу къ тестю и на жену разжалуюсь.

Дюбуа. Неужли думаете вы этимъ отъ всего избавиться? Я не совѣтую идти къ тестю и жаловаться на женнино непостоянство. Если онъ человѣкъ разумный, то долженъ васъ за эту обиду презрить и вы отъ него придете со стыдомъ и досадою. Что за прибыль получить лицидасъ, слѣдуя этою дорогою? Онъ вздыхаетъ, жалуется, да лихъ никто о немъ не жалѣетъ и онъ слышитъ, что вездѣ поступку его смѣются. Вы, сударь, очевидные примѣры имѣете передъ глазами. Акастъ вездѣ жену свою славитъ невѣрною, а послѣ всего поношенія живетъ съ нею. А Аркасъ, надѣлавъ безпокойствы домашнія и вошедъ въ несказанное дурачество, отослалъ жену свою къ тестю, а потомъ на позоръ себѣ и всей роднѣ своей, дней пять спустя, побѣжалъ къ ней просить, чтобъ къ нему возвратилась и чинъ ее вздыхать и проливать слезы. Она ему противилась и казалась раздраженною, но наконецъ склонилась на слезы

своего глупаго мужа, къ которому привезла въ домъ гордость, дерзость и ругательство, взяла обширную надъ нимъ власть и ежечасно его мучитъ. Должно и вамъ того же остерегаться. Иногда самые остроумные люди ослѣпляются и въ такія сѣти попадаютъ. Въ этакихъ хлопотливыхъ случаяхъ не надобно ничего употреблять, кромѣ самаго вѣрнаго способа.

Дорантъ. Да какой же этотъ способъ?

Дюбуа. Укрѣпиться терпѣніемъ и молчать.

Дорантъ. Что? Дать волю женѣ бѣсить меня и не смѣть ни говорить, ни мстить...

Дюбуа. Да, сударь. Мы должны имѣть почтеніе къ ихъ полу и это сдѣлано почти закономъ, чтобъ мужья на женъ сквозь пальцы смотрѣли.

Дорантъ. Пусть прахъ поберетъ этотъ обычай! Я изуродую мою плутовку! Что съ нею кромѣ этого сдѣлать? Мнѣ кажется, я имѣю власть надъ женою.

ВСТУПЛЕНІЕ V.

Селимена, Дорантъ и Дюбуа.

Селимена *(говоря пріятно)*. Пожалуй, сударь, одолжи меня каретой. Ко мнѣ прислали сказать, что тетка моя очень занемогла; я желаю ее навѣстить, и притомъ не хочу пропустить гулянья. Вѣдь насъ сегодня великолѣпно подчивать будутъ.

Дюбуа *(въ сторону)*. Этотъ разговоръ гораздо забавенъ будетъ.

Селимена. Вы мнѣ ничего не отвѣчаете.

Дорантъ. Невѣрная, что могу тебѣ сказать?

Селимена. Въ шутку вы это говорите или въ правду?

Дорантъ. Конечно въ правду и притомъ самыми лучшими словами, какими никогда съ тобою не изъяснялся. Не хочу больше терпѣть тебѣ. Берегись меня теперь! ты безповоротно довѣренности моей лишилась.

Селимена. Что?

Дорантъ. Не ожидай никакого отъ меня учтивства. Когда ты, презрѣвъ мою любовь, принудила меня забыть все

къ тебѣ почтеніе, такъ и я перестану любить тебя и за обиду сдѣлаю отмщеніе.

Селимена *(къ Дюбуа)*. Не ума ли онъ лишился?

Дорантъ. Я на тотъ разъ его лишился, когда на тебѣ жениться вздумалъ и во все то время, какъ тебя любилъ, былъ прямымъ дуракомъ и ты, добросердечію моему ругаясь, шутствовала надо мною.

Селимена. Что это за вздоръ? Какое-жъ въ тебѣ бѣшенство! Да за что-жъ изволишь честить меня этими словами?

Дорантъ. Они для тебя еще очень ласковы и ты пущаго ругательства достойна. Сколь страстна была моя любовь и сколь нѣжности я къ тебѣ тогда чувствовалъ, столь много презрѣнная и измѣненная страсть къ отмщенію меня побуждаетъ. Благодари нынѣшнему обычаю: онъ лишь меня удерживаетъ пролить весь мой гнѣвъ, а безъ того бы...

Селимена. О Боже! что я слышу?

Дорантъ. Поди отъ меня, модная кокетка, поди къ своимъ обожателямъ и тамъ повторяй всѣ тѣ безстыдства, которыя теперь я видѣлъ. Они сдѣлали тебя недостойною почтенія и любви моей. Ты вѣдь не любишь Эраста и, вѣрность ко мнѣ наблюдая, начинаешь его съ холодностію принимать. Вѣдь всѣ эти подлипалы для сестры моей сюда ходятъ?

Селимена. Это правда и я никого кромѣ тебя не люблю, хотя ты ни малой любви недостоинъ.

Дорантъ. Не такъ скоро теперь увѣришь. Я видѣлъ всѣ безчестные твои поступки, которые ты, любя его, дѣлала. О Боже, почто не могу я наказать ее... Бойся меня теперь... я...

Селимена *(въ сторону)*. Онъ такъ разгорячился, что принуждаетъ себя опасаться. *(Къ Дюбуа)* Подай мнѣ скорѣя кресла; я чувствъ лишаюсь.

Дюбуа. Отложите опасность, сударыня, и опомнитесь. Что это? Сударь, она не дышетъ! вотъ что вы надѣлали! просите прощенія. Вы виноваты. *(Въ сторону)* Вы очень хорошо притворяетесь. Она, сударь, леденѣть начинаетъ.

Дорантъ. Это правда, что я виноватъ, признаюсь въ томъ и вижу бѣдственныя слѣдствіи, которымъ пламенная любовь виною. Лишь взгляну на нее, то совсѣмъ обиду свою забуду. Ахъ, Дюбуа, какъ же она прелестна! Я чувствую, что

мое сердце, противясь разуму, къ ней стремится. Открой, любезная Селимена, дорогія очи... Открой и посмотри на виновнаго мужа; онъ падаетъ къ ногамъ вашимъ, раскаивается въ винѣ своей и проситъ прощенія.

Селимена *(открывъ глаза, тотчасъ опять ихъ закрываетъ, увидя Доранта)*. Ахъ! что я вижу? Неужли на то только пришла въ чувство, чтобъ увидѣть своего злодѣя?

Дорантъ *(нѣжно)*. Я злодѣй вашъ?

Селимена *(съ презрѣніемъ)*. Пожалуй оставь меня въ покоѣ.

Дорантъ. Ахъ, сударыня, не налагай на меня, этого повелѣнія; оно очень мучительно и я не могу въ томъ васъ послушать.

Селимена. Какъ же я несчастна! Теперь-то узнала, каково мучительно невиннымъ сердцамъ сносить напрасное поношеніе!

Дорантъ. Ради Бога, сударыня, перестань гнѣваться; посмотри на мое отчаяніе и сжалься надо мною.

ВСТУПЛЕНІЕ VI.

Дорантъ, Селимена, Дюбуа и Кладина.

Кладина. Ну, сударыня, поѣдемъ ли мы со двора сегодня? Не упускайте этого случая; намъ можно будетъ хорошенько повеселиться. Всѣ гости васъ только ожидаютъ. Да что-жъ это за чудо? И что должна я заключить изъ вашего молчанія? Господинъ мой въ смущеніи, а вы оба плачете.

Селимена. Любезная Кладина!

Кладина. Что, сударыня?

Селимена. Лучше бы я умерла, нежели такую снесла обиду!

Кладина. Что вы, сударь, изволили надѣлать?

Дорантъ. Любя ее чрезмѣрно, я нѣсколько поразгорячился и тѣмъ ее обидѣлъ.

Кладина. Вы можете гнѣваться на добродѣтельную вашу супругу?

Дорантъ. Не хочу больше скрывать моей слабости и всѣмъ вамъ сказываю, что я наполненъ ревностію, подозрѣніемъ и отчаяніемъ; а всему тому нѣжная и страстная

любовь виновата и отъ нея проступился я передъ Селименой.

Кладина. Дюбуа, правда ли это?

Дюбуа. Все, въ чемъ онъ себя изобличаетъ, при мнѣ было.

Селимена. Сносно ли это? Мнѣ дѣлать неправильные упреки и, взбѣсяся, показывать власть свою? Мнѣ, которая ни въ чемъ передъ цѣлымъ свѣтомъ не виновата?

Кладина *(въ сторону)*. Теперь надобно получить отъ него довѣренность. Простите, сударыня, своего супруга, онъ въ винѣ раскаивается и прямо васъ любитъ.

Дорантъ. Не только люблю... но обожаю и все готовъ для нея сдѣлать.

Кладина. Страстная любовь произвела всѣ эти подозрѣнiи и вы должны ихъ, не считая обидою, признать знаками нѣжной любови.

Селимена. Гдѣ это слыхано, чтобъ люди, любя другъ друга, такъ поступали?

Кладина. Иногда, сударыня, самая нѣжная любовь въ дурачествы вводитъ. Не надобно ставить всякое лыко въ строку!

Селимена. Истинная любовь не наводитъ напраснаго подозрѣнiя и сама за любимаго человѣка порукою бываетъ.

Кладина. Мужу и женѣ не должно быть столь непримиримымъ, а коли не такъ, то вы всякій день будете ссориться. Вѣдь законъ брачный пуще всего велитъ другъ другу отпущать наши слабости и пороки.

Дюбуа. Это правда, и Кладина доказываетъ, что она не только свѣтъ, да и законъ знаетъ.

Кладина. Кто такимъ образомъ поступаетъ, какъ я совѣтую, тотъ всегдашнюю тишину имѣетъ въ домѣ. Да кто-то идетъ сюда. Остерегитесь, чтобъ не примѣтили вашей размолвки.

ВСТУПЛЕНІЕ VII.

Дорантъ, Селимена, Эрастъ, Кладина и Дюбуа.

Эрастъ. Ужель вы готовы, сударыня?

Селимена. Я отдумала ѣхать.

Эрастъ. Всеконечно шутить изволите?

Дорантъ. Поѣзжай, сударыня, и повеселись хорошенько.

Селимена. Вѣдь вы знаете, что я не очень здорова.

Дорантъ. Вы тамъ прогуляетесь и перемѣною воздуха, можетъ быть, болѣзнь ваша пройдетъ.

Селимена. Я такъ слаба, что не могу за городъ ѣхать.

Кладина. Авось либо вы какъ нибудь доѣдете. *(Дорантту)* Она, сударь, все въ вашу угодность сдѣлаетъ; я за нее ручаюсь.

Селимена. Инъ поѣдемте-жъ: я вижу, что должно васъ удовольствовать.

Эрастъ. Вѣдь и ты поѣдешь съ нами?

Дорантъ. Я? Желалъ бы, да не могу.

Эрастъ. Развѣ нужду имѣешь?

Дорантъ *(притворяясь веселымъ)*. Можетъ быть.

Селимена. Онъ въ другомъ мѣстѣ найдетъ бесѣду пріятнѣя, а насъ бѣдныхъ презирать изволитъ.

Дорантъ *(въ сторону)*. О Боже мой! *(Селименѣ)* Всякій, сударыня, по себѣ людей ищетъ. Вы ѣдете туда, гдѣ вамъ будетъ весело, а я дѣлаю тоже.

Селимена. Прости, сударь!

Эрастъ. Прости, Дорантъ.

Дорантъ. Прощайте!

ВСТУПЛЕНІЕ VIII.

Дорантъ, Кладина и Дюбуа.

Дорантъ *(въ сторону)*. Какое принужденіе дѣлаю ежминутно! И какъ же тяжко насильствовать страстною любовію! Притворяюсь тогда веселымъ, когда внутренно сердце мое терзается и духъ томится. Опасаюсь прогнѣвить женнина любовника и угождаю моей измѣнницѣ... Ежели мнѣ еще нѣсколько дней должно будетъ съ собою бороться, то чувствую, что умру съ досады и не перенесу всѣ мученіи.

Дюбуа. Идтить-ли мнѣ, сударь, за вами?

Дорантъ. Нѣтъ!

ВСТУПЛЕНІЕ IX.

Дюбуа и Кладина.

Кладина *(смотря на Доранта, который бѣжитъ съ театра)*. Не знаю, что теперь сказать объ немъ; похожъ ли онъ на того ласковаго человѣка, которому всѣ удивлялись? Всякій умный человѣкъ очень глупъ бываетъ, когда любитъ страстно. Вотъ какъ наши сестры васъ за носъ водятъ!

Дюбуа. Божусь тебѣ, что онъ недолго перенесетъ такія досады.

Кладина. И мнѣ кажется, что разсудокъ его не мало ему помогаетъ. Еще одинъ хорошенькій ударъ, такъ онъ совсѣмъ человѣкъ пропащій.

Дюбуа. Не надобно вдругъ сражать, а лучше доводить помаленьку.

Кладина. Поступай ты, какъ вздумаешь, мнѣ все равно, кто его на истинный путь ни направитъ. Только надобно постараться принудить его выдать Юлію замужъ.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ I.

Дорантъ *(одинъ)*. Что ни начну къ моему успокоенію, только тоска моя отъ всего умножается и какъ-ли себя ни принуждаю, но перемочь ее силъ не имѣю. Душа моя несказанно терзается и безпрестанно зловреднымъ подозрѣніемъ мятется. Охотно желаю узнать настоящую долю. Ищу ее, а найти боюся. Однако перемогу страхъ мой; желаніе о томъ увѣдать всѣ опасности превосходитъ. Я ожидаю сюда Розету и хочу поговорить съ нею; мнѣ кажется,

что изъ нея все вывѣдаю. Эта дѣвка еще очень молода и не знаетъ ни хитрости, ни лукавства, а отъ такой обо всемъ узнать можно... Да вотъ и она.

ВСТУПЛЕНІЕ II.

Дорантъ и Розета.

Розета *(въ сторону)*. Я такъ проучу его, чтобъ онъ раскаялся, что хотѣлъ меня обмануть.

Дорантъ *(въ сторону)*. Не лучше-ли знать о этой тайнѣ? Нѣтъ, этому быть не можно.

Розета. Чего, сударь, изволите?

Дорантъ. Я очень радъ, Розета, что ты сестрѣ моей служишь. Тебѣ извѣстно, что я всегда помогалъ твоимъ родителямъ; мнѣ сказывали про тебя очень много хорошаго и выхваляли, что ты добронравна, ласкова и услужлива; для того хочу я сдѣлать тебя счастливою и не упуская молодыхъ лѣтъ за хорошаго жениха выдать.

Розета. Вы, сударь, шутите. Это дѣло еще не къ-спѣху.

Дорантъ. Этакихъ дѣлъ никогда ваши сестры вдаль не откладываютъ.

Розета. Вы можете избавить себя отъ этого попеченія; я еще не хочу замужъ.

Дорантъ. Инъ перестанемъ говорить о этомъ. Откудова пришла ты теперя?

Розета. Изъ гульбища, гдѣ Эрастъ ужиномъ потчивалъ.

Дорантъ. Хорошо-ли вы тамъ повеселились?

Розета. Ужасно!

Дорантъ. Я чаю, очень долго гуляли вы въ рощахъ?

Розета. Да, сударь, довольное время въ нихъ погуляли.

Дорантъ. Клитандръ, думаю, разговаривалъ съ Юліею?

Розета. Безпрестанно; а Эрастъ не отставалъ ни на минуту отъ Селимены.

Дорантъ *(въ сторону)*. О злодѣйка!

Розета. Они ходили взадъ и впередъ по лугу, а наконецъ всѣ въ лѣсъ отъ насъ скрылись. Намъ не слышно было, что они тамъ говорили, а только слышали мы, что ежеминутно громко смѣялись.

Дорантъ *(въ сторону)*. Взбѣшуся отъ этой вѣдомости.

Розета. Наконецъ накрыли столъ и кушанье поставили. Всякій старался садиться тутъ, кому гдѣ хотѣлось, и всѣ жадничали занять мѣсто возлѣ вашей супруги.

Дорантъ. Очень много чести женѣ моей дѣлали.

Розета. А она, не думая много, и какъ я слышала, по своей привычкѣ, взяла Эраста за руку и, взглянувъ на него пріятно, возлѣ себя посадила.

Дорантъ *(въ сторону)*. О безстыдная плутовка! Сносно ли это слышать? А за столомъ каково они забавлялись?

Розета. Я чаю, никогда пріятнѣя этого ужина не бывало. Да полно надобно признаться, что Эрастъ умѣетъ потчивать великолѣпно и его пирушки столь прелестны, что никто съ нимъ сравниться въ томъ не можетъ.

Дорантъ. Да, онъ въ нихъ ужасный знатокъ.

Розета. Все было вкусно приготовлено и при всякомъ блюдѣ разъ по двадцати кричали: то-то пріятная ѣства! по повару можно заключить и о господинѣ!

Дорантъ. Ну, что еще тамъ было?

Розета. Чтобъ пуще повеселить гостей, прибралъ онъ лучшихъ музыкантовъ изъ всего города, и музыка во весь столъ гремѣла.

Дорантъ. Этимъ меня не удивишь!

Розета. Во весь ужинъ безпрестанно шутили.

Дорантъ. Надъ кѣмъ?

Розета. Надъ мужьями и надъ всѣми ихъ дурачествами. Говорили о ласковыхъ, о сердитыхъ, о непостоянныхъ и о ревнивыхъ. Словомъ, всѣмъ по очереди досталось и ваша супруга со сто забавныхъ сказокъ о ревнивцахъ насказала.

Дорантъ. Изрядно!

Розета. Три часа въ этихъ разговорахъ проводили.

Дорантъ *(въ сторону)*. Съ досады умираю и никогда еще не бывалъ въ такомъ огорченіи. А потомъ?

Розета. Потомъ надлежало въ городъ возвратиться.

Дорантъ *(въ сторону)*. Не очень я радъ, что такъ много провѣдалъ.

Розета. Что, сударь, вамъ сдѣлалось? Не прогнѣвались ли вы на меня? Неужли васъ вѣсти мои огорчаютъ?

Дорантъ. Отнюдь нѣтъ!

Розета. Неужли и вы таковы-жъ, какъ многіе мужья, которыхъ одно слово смущаетъ и самая бездѣлка въ минуту прогнѣвить можетъ? И неужли вы походите на тѣхъ

ревнивцевъ, которые отъ малѣйшихъ о женѣ своей слуховъ чувствуютъ подозрѣніе?

Дорантъ. Совсѣмъ нѣтъ! Я никогда столь веселъ не бываю, какъ тогда, когда жена моя веселится, и самъ къ тому привыкши, пуще всѣхъ сыскиваю для нея забавы.

Розета. Перестаньте, сударь, притворяться; я очень ясно вижу, что ихъ забавы несказанно васъ тревожатъ. Неосторожностью моею навела я вамъ печаль, только повѣрьте, что безъ всякаго умысла это сказала. Простите мнѣ вину мою для моего незнанія; въ другой разъ языкъ мой не столько болтливъ будетъ.

Дорантъ. Ты худо меня знаешь, пожалуй ничего не опасайся. *(Въ сторону).* На что я выспрашивалъ? Вѣдомость ея сердце мое пронзила.

Розета. Подите, сударь, отсюда или я погибну; Кладина къ намъ идетъ; ежели она насъ увидитъ, то станетъ подозрѣвать меня. Чего-жъ вы здѣсь ждете?

Дорантъ. Прощай!

ВСТУПЛЕНІЕ III.

Розета *(одна)*. На теперешній разъ я собою очень довольна. Рѣчь моя ревность его несказанно умножила. Ежели онъ опять ко мнѣ подвернется, то еще лучше отпотчиванъ будетъ.

ВСТУПЛЕНІЕ IV.

Кладина и Розета.

Розета. Ты очень кстати пришла сюда. Чтобъ прахъ побралъ ревность и всѣхъ ревнивцевъ!

Кладина. Всѣ мужчины подвержены этому пороку; какъ ли они въ сердцахъ его ни скрываютъ, однако онъ всегда въ нихъ видѣнъ. Напримѣръ господинъ нашъ... Да что-жъ ты съ нимъ здѣсь говорила?

Розета. То, что надобно было. Любопытство его получило хорошее награжденіе. Я насказала ему и то, чего у насъ не было, а онъ оттого почти явно съ ума сходитъ, и думаю, что больше съ этакимъ умысломъ ко мнѣ не подвернется.

Кладина. Перескажи Юліи и Селименѣ все, что ты съ нимъ говорила, и не пропусти ни одного слова.

Розета. Я побѣгу къ нимъ.

ВСТУПЛЕНІЕ V.

Кладина *(одна)*. Пòмочь этой дѣвки для насъ нужна теперя. Я голову прозакладовать готова, что скоро на свадьбѣ Юліиной повеселимся. Дорантъ уже колеблется и намъ еще не столько надобно его встревожить. Да полно, Эрастъ великій дуракъ, онъ въ состояніи все дѣло наше испортить. Мнѣ должно поговорить съ нимъ... Да вотъ и онъ.

ВСТУПЛЕНІЕ VI.

Эрастъ, Кладина.

Кладина. Скажите, сударь, что бы за тайная причина препятствуетъ вамъ помогать своему другу? Я примѣчаю, что ваше къ нему усердіе вовсе угасло.

Эрастъ. Изъ чего ты столь несправедливо обо мнѣ заключаешь? Главное мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобъ хотя со вредомъ себѣ, только бы Клитандра сдѣлать благополучнымъ.

Кладина. Откуда-жъ происходитъ эта ваша застѣнчивость, которая вымыселъ нашъ портитъ? Теперь должно намъ умножать Дорантовы подозрѣнiи, а вы показываете съ своей стороны весьма слабую помощь. Селимена понапрасну васъ ласкаетъ; она со сто разъ начинаетъ говорить съ вами и во весь обѣдъ глазъ съ васъ не сводила, а вы какъ деревянный болванъ сидѣли. Часто умильные бросала на васъ взгляды, а вамъ кушанье столь вкусно показалось, что, потупя глаза въ тарелку, ни однажды на нее не взглянули. Да полно мы васъ за то изрядно побранили.

Эрастъ. Ахъ, Кладина!..

Кладина. По моему мнѣнiю, нѣтъ ничего обманчивѣе наружнаго виду. Всякій долженъ бы былъ по вашему проворному коверканью заключить, что вы въ любовныхъ дѣлахъ прошлецъ ужасный. Съ виду кажетесь вы самымъ безтыдным волокитою, а по поступкамъ увидѣла я въ васъ городскаго простачка, который къ женщинѣ подступить не

смѣетъ. О, чтобъ провалъ васъ побралъ! неужли это искусство такъ трудно, что не могли вы перенять его отъ такихъ же молодыхъ господчиковъ, какъ сами?

Эрастъ. Ахъ, какъ же я несчастливъ!

Кладина. Да, теперь очень кстати испускать глубокіе вздохи! Признаюсь, сударь, что я васъ съ давишняго случая совсѣмъ возненавидѣла. Трудно-ли было вамъ, чтобъ пуще взбѣсить Доранта, казаться въ Селимену страстно влюбленнымъ и на всѣ ея притворныя ласки влюбчиво отвѣтствовать? Вамъ должно было, для окончанія нашего намѣренія, жать ея руки, шептать на ухо, хвалить ея красоту, глядѣть на нее безпрестанно, а изрѣдка подмигивать и томные глаза дѣлать.

Эрастъ. Долго уже молчу я, пора зачать говорить и кончить мученіе.

Кладина. Что за важную тайну хотите открыть мнѣ?

Эрастъ. Вѣдай, Кладина, что мнѣ не надобно въ любви къ Селименѣ притворяться: я ее въ самомъ дѣлѣ люблю страстно и сердце мое на вѣкъ ею плѣнено. Съ тѣхъ поръ, какъ мы стали обманывать Доранта, бывалъ я очень часто съ твоею госпожею и насмотрѣвшись на красоту ея, не могъ преодолѣть...

Кладина. Что за вздоръ говорить изволите!

Эрастъ. Селименина красота, разумъ и добродѣтель принудили меня почувствовать прямую любовь... а притворныя привѣтствіи и умильные взгляды сердце мое совсѣмъ обольстили.

Кладина. Я очень много сожалѣю о вашемъ состояніи.

Эрастъ. Наконецъ не могъ я воспротивиться сладкой и лестной моей надеждѣ и за свою въ самомъ дѣлѣ столько въ любви имѣть счастія, сколько имѣлъ притворно. Только, не взирая на страсть мою, чѣмъ больше вспламеняюсь, тѣмъ осторожнѣе становлюся, и любовь моя произвела во мнѣ страхъ и почтеніе.

Кладина. Это очень похвально, коли при томъ останетесь.

Эрастъ. Не дивись теперь больше моему смущенію, въ которомъ за столомъ видѣла. Я для того на притворныя ея ласки и лестные взгляды не отвѣтствовалъ, чтобъ не примѣтила она прямой моей страсти. Сердце мое трепетало и всеминутно измѣнить меня было готово. Скажи пожалуй,

неужли ты не знаешь, что несчастный человѣкъ къ шуткамъ не удобенъ?

Кладина. Я это знаю. Да полно вы слишкомъ печально говорить начинаете.

Эрастъ. Кладина, ты должна обо мнѣ постараться.

Кладина. Я, сударь?

Эрастъ. Да, ты можешь счастливымъ меня сдѣлать. Предвари о любви моей госпожу свою и тѣмъ докажи свое, ко мнѣ усердіе, а я тебя безъ награжденія не оставлю.

Кладина. Худо вы насъ обѣихъ знаете. Я не могу ей открыть того, о чемъ меня просите. Вы удивитесь, что служанка отъ очевидной прибыли отказывается и столько крѣпости показываетъ, чтобы, могши за ничто получить деньги, принять ихъ не хочетъ. Да полно, сударь, я образцовая между нашими сестрами! Сверхъ того, чтобъ за это посольство могла я попасть въ хлопоты, ежелибъ Дорантъ про то свѣдалъ. Знаю я, что Селимена на меня за то очень прогнѣвается, а она въ гнѣвѣ непримирима. Я васъ, сударь, не обманываю; хоть вѣрьте, хоть не вѣрьте, однако совѣтую оставить безплодное стараніе, успокоить себя и утушить любовь свою. Послушайтесь меня, погасите искру, пока пуще не разгорится, и не открывайтесь Селименѣ; она за великую обиду объявленіе ваше поставитъ.

Эрастъ. Перестань увѣщевать меня, а лишь только...

Кладина. А ежели, не слушая моихъ совѣтовъ, вздумаете открыться, то не включая въ это дѣло никого, изъяснитесь сами. Къ чему вмѣшивать третьяго человѣка на открытіе любови? И къ чему для десяти словъ столько околичностей дѣлать? Вы довольно уже велики выросли и безъ дядьки дѣла свои исправлять можете. Краснорѣчіе любовниково бываетъ гораздо проницательнѣе посолы... Я вижу Селимену; прости, сударь!

ВСТУПЛЕНІЕ VII.

Селимена, Эрастъ.

Эрастъ (*въ сторону*). Кладина меня оставила, что-жъ будетъ теперь со мною?

Селимена. А, сударь, вамъ разговоры наши прискучили

и мы всѣ стали въ тягость; повѣрьте, что этотъ поступокъ огорчилъ все собраніе, и никто въ немъ не ожидалъ такого къ себѣ презрѣнія... Да полно ли безмолвствовать? Вы хотѣли быть въ уединеніи, да лихъ васъ и тутъ сыскали и въ томъ мѣшаютъ.

Эрастъ. Кто влюбленъ, сударыня, тотъ ищетъ уединенія, безпрестанно груститъ и задумывается.

Селимена. Можно-ли узнать ту счастливицу, которая васъ тронула?

Эрастъ. Будто вы не знаете, что я вами плѣненъ, сударыня? Вѣдь я любви моей отъ васъ не скрываю. Неужли вы этого не могли изъ моихъ глазъ и поступковъ примѣтить?

Селимена. Ежелибъ мой мужъ слышалъ, то бы мы могли его этимъ встревожить, а какъ онъ разговору нашего слышать не можетъ, такъ пожалуй оставь свои шутки.

Эрастъ. Неужли и то вамъ противно, что я васъ о любви моей увѣряю? Не я, но ваши умильные взоры тому виною. Это не шуткою говорю, сударыня, а въ самомъ дѣлѣ...

Селимена. Еще-таки! Оставьте этотъ разговоръ и не расточайте клятвъ своихъ напрасно; сберегите ихъ для той, кому онѣ нужны.

Эрастъ. Первый разъ въ моей жизни вамъ клянусь и буду мои клятвы хранить до самой смерти.

Селимена. Хорошо, хорошо! только лучше будетъ ежели шутку оставишь.

Эрастъ. Перестанете-ли вы это шуткою почитать, сударыня? Я открываю вамъ мое сердце и сказываю, что васъ люблю, обожаю и не могу сносить моего мученія, которое терплю отъ того, что страсть моя безплодна.

Селимена. Такъ ты и въ подлинну меня любишь и не шутя въ томъ божишься?.. Да какіе-жъ плоды отъ того получить надѣешься?

Эрастъ. Счастіе быть вами любимымъ и удовольствіе слыть вѣчно вашимъ слугою.

Селимена. Ты очень коротко изъясняешься и въ шести словахъ даешь знать, что любовь твоя хочетъ воздаянія. Ты меня любишь и надѣешься взаимной любви, въ чемъ ты общихъ съ модными людьми мыслей. Однако неужли ты вовсе не думаешь о томъ, къ чему меня совѣсть и должность

моя обязываютъ, и сколь надежда твоя мнѣ обидна и вредна моей чести?

Эрастъ. Сжальтесь, сударыня...

Селимена. Признаюсь, что много есть для вашей надежды примѣровъ. Я знаю, сколько мало такихъ женъ, которыя къ мужьямъ постоянную любовь имѣютъ. Только къ вашему несчастію не слѣдую я модѣ, а хочу жить такъ, какъ встарину живали.

Эрастъ. Какъ? Вы можете...

Селимена. Не удивляюсь и тому, что нынѣ о нашихъ сестрахъ столь худо разсуждаютъ и не имѣютъ къ нимъ должнаго почтенія. Поступки ихъ весьма несвойственны нашему полу, они ихъ позорятъ, а мужчинамъ даютъ поводъ къ дерзкому обхожденію. Модныя кокетки, забывъ благочиніе и должность женскую, стараются сами подавать мужчинамъ способы къ своему безчестію, и за то послѣ въ презрѣніи бываютъ. Я несумнѣнно думаю, что и вы по этимъ слухамъ осмѣлились открытіе любви своей сдѣлать. Только вы обманулись, почтя всѣхъ женщинъ такими-жъ, какъ эти безтыдницы, которыя любовниками торгуютъ и которыя здѣсь часъ отъ часу умножаются. Не будьте всегда столь легкомысленны; вѣдайте, что есть здѣсь и такія женщины, которыя отъ порочной любви сберечься умѣютъ и знаютъ, какъ должно хранить добродѣтель. Вѣрьте, сударь, что многія изъ насъ, живучи въ развращенномъ свѣтѣ, исполняютъ должность честной женщины, любятъ постоянно мужей, и всѣхъ, кто ихъ прельстить хочетъ, презираютъ.

Эрастъ. Однако, сударыня, позвольте по крайней...

Селимена. Что могу я вамъ позволить и что еще сказать мнѣ хотите? Я и отъ того довольно стыжуся, что отъ васъ слышала, и сожалѣю, произведши такую порочную любовь, въ которой по наружности сама виновна. Услуживая Клитандру, подала вамъ поводъ столь худо о себѣ думать. Но теперь не хочу эту шутку почитать бездѣлкой. Ежели она продолжится, то могу я вовсе виновною почтена быть! Впередъ стану поступать осторожнѣя, а теперь дружески и не сердяся говорю вамъ: оставьте меня въ покоѣ и ищите лучшаго счастія въ другомъ мѣстѣ, а я васъ благополучнымъ сердечно видѣть желаю. Вы можете много такихъ найти, которыя меня прекраснѣя, только не столь разбор-

чиво будутъ противиться любви вашей. Такой человѣкъ, какъ вы, сдѣланъ нарочно для прельщенія легкомысленныхъ сестеръ нашихъ. Подите къ госпожамъ моднымъ щеголихамъ, онѣ будутъ взапуски прельстить васъ стараться. Прости, сударь!

Эрастъ. Какая холодность! какое презрѣніе и насмѣшка! Этого почти снесть не можно!

ВСТУПЛЕНІЕ VIII.

Дорантъ и Эрастъ.

Дорантъ. Что вижу я? Эрастъ наединѣ съ Селименой! Они меня въ бѣшенство приводятъ! Не знаю, что...

Эрастъ. Я и не примѣтилъ Доранта. Уйду отъ него; онъ пуще смутитъ меня.

ВСТУПЛЕНІЕ IX.

Дорантъ *(одинъ)*. Все уже свершилось и въ несчастіи моемъ я прямо увѣренъ! Измѣнница моя вездѣ отъ меня уходитъ! Остатокъ совѣсти, стыда и чести влечетъ ее отсюда. Да и любовникъ ея, увидѣвъ меня, смутился, и страшася на глаза мнѣ показаться, побѣжалъ вслѣдъ за нею... Оставя бесѣду, придти сюда однимъ и быть часа два безъ свидѣтеля—что могу я заключить изъ этого?... Нѣтъ, нѣтъ! полно вамъ ругаться надо мною! не буду больше колебаться, побѣгу за ними, отмщу свою обиду и накажу невѣрную... Мы по справедливости должны отмщать тѣмъ, кто насъ въ безчестіе приводитъ. И такъ уже долго слѣдовалъ я вредному обычаю, терпѣлъ моей злодѣйкѣ и сносилъ отъ нея ругательствы. А каково легко ихъ сносить, о томъ бѣдное мое сердце знаетъ. Ежеминутно терпѣлъ я различныя волненіи и переходилъ я изъ грусти въ тоску, а изъ тоски въ мученье. Да и теперь не могу изъяснить всего, что чувствую. Мятусь, тревожусь, колеблюсь, предпринимаю, виню мою измѣнницу, и опять ее оправдаю, хочу наказать, но тутъ-же жалѣю... Однако истреблю всю къ ней нѣжность и всѣ ея дѣла выведу наружу! Побѣгу по городу и вездѣ имя ея прославлю... Но при всемъ моемъ отчаяніи, боюсь впасть въ такія-жъ обстоятельства, къ какія множество по-

добныхъ мнѣ мужей попадались; изъ меня могутъ такъ же, какъ и изъ нихъ, сдѣлать посмѣшище цѣлаго города. О Боже! просвѣти смущенный мой смыслъ и выведи изъ несчастія, или жизнь мою окончи! Вотъ каково намъ отъ женъ бываетъ! Теперь-то узналъ я, что легче исправить цѣлое государство, нежели злую жену, коли Богъ за грѣхи ею накажетъ.

Конецъ четвертаго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ I.

Дорантъ *(одинъ)*. Иду, а куда—не знаю. Въ собственномъ домѣ не узнаю покоевъ. Близко часа бѣгаю изъ комнаты въ комнату, изъ жилья въ жилье, а не могу встрѣтиться съ неблагодарною злодѣйкой. Три раза опознавался я въ ея спальнѣ и вмѣсто той входилъ въ столовую. Ревность, приведши меня въ отчаяніе, весь разумъ затмила, а заблужденныя чувства разсудку не повинуются. О, судьба безжалостная судьба! развѣ не нашла ты для меня другаго наказанія? Да полно у тебя нѣтъ никакого мщенія жесточе злой жены и ты насылаешь ее за тяжкіе грѣхи наши. О, безразсудный! къ чему я женился? Къ совершенной погибели. Всеконечно былъ тогда безъ ума, когда взялъ молодую и пригожую жену. Женитьба все мое злополучіе составляетъ! Мало ли есть дурныхъ на свѣтѣ! Для чего я ни на одной изъ нихъ не женился? Пускай бы зубоскалы смѣялись, что взялъ безобразную жену, я бы презиралъ ихъ насмѣшки, и она-бъ для меня не столь была опасна. Неужли бы для меня особливое могло чудо случиться, чтобъ я такую добродѣтельную получилъ жену, которая бы всѣхъ любовниковъ презирала? Этакія чудеса очень рѣдко въ нашемъ вѣку случаются и кто на нихъ уповаетъ, тотъ самъ бываетъ виною своего несчастія... Нечего думать! побѣгу, сыщу мою измѣнницу... А что съ нею сдѣлаю, самъ того не знаю.

ВСТУПЛЕНІЕ II.

Дорантъ, Лафлеръ.

Дорантъ. А ты зачѣмъ пришелъ сюда?

Лафлеръ. Я, сударь?

Дорантъ. Ды, ты!

Лафлеръ. Что, сударь?

Дорантъ. Какъ ты осмѣлился въ полночь приходить сюда?

Лафлеръ. Онъ на меня сердится, только я не знаю, за что-бы?

Дорантъ. Ты меня не знаешь?

Лафлеръ. Что это, сударь, за чудный вопросъ? Можно ли мнѣ не знать васъ, бывая всякій день въ вашемъ домѣ?

Дорантъ. Отвѣчай! Зачѣмъ пришелъ сюда и что дѣлаешь?

Лафлеръ. Жду моего господина.

Дорантъ. А онъ еще здѣся?

Лафлеръ. Чему вы дивитесь? вѣдь до послѣднихъ пѣтуховъ еще очень далеко. Когда заря станетъ заниматься, тогда, можетъ быть, вздумаетъ мой баринъ домой идти, а теперь они въ карты играютъ и игра ихъ не скоро кончится. Вѣдь вы знаете, какъ у васъ водится. Ежели одинъ проиграется, то станетъ просить, чтобъ еще нѣсколько игоръ сыграли и дали-бъ ему отыграться. У нихъ, сударь, время непримѣтно протекаетъ, они всѣ очень веселы, всѣ шутятъ и смѣются.

Дорантъ. И Эрастъ въ карты-жъ играетъ?

Лафлеръ. Нѣтъ, сударь! онъ началъ недавно сказывать Селименѣ и всѣмъ, кто въ карты не играетъ, сказку и это уже третья, которую онъ одну за одной повторяетъ. У нихъ вѣдь обыкновенныя забавы и я ихъ наперечетъ знаю. Когда кончатся сказки, тогда начнутъ пѣть пѣсни, говорить стихи и острыя шутки, станутъ всѣхъ пересмѣхать заочно и тутъ-то они взапуски другъ передъ другомъ рвутся!

Дорантъ. А домой-то когда-жъ они пойдутъ?

Лафлеръ. Развѣ вы, сударь, забыли, что уже года съ два бываемъ мы безвыходно въ вашемъ домѣ, однако никогда изъ него до разсвѣту не выходимъ.

Дорантъ. Слушать стыдно про этакое безпорядочное поведеніе.

Лафлеръ. И я не могу этого безпорядку сносить больше. Скоро буду принужденъ умереть отъ безсонницы и безпокойства. Я зналъ напередъ, что мой господинъ, пришедъ домой, проспитъ цѣлый день, а меня пошлетъ бѣгать по городу за разными дѣлами, для чего вздумалъ было здѣсь подремать немножко и искавши укромоннаго на то мѣстечка, нечаянно на васъ набрелъ. Отъ шуму, стуку, скачки и пляски, которую вверху дѣлаютъ, всѣ своды трясутся; я хотѣлъ, удалясь отъ этого безпорядка, хотя въ креслахъ нѣсколько попокоиться. Вотъ, сударь, зачѣмъ я пришелъ сюда, теперь чаю простите вину мою, что васъ встревожилъ.

Дорантъ. Нѣтъ силъ сносить всей досады; что могу я выдумать къ окончанію моего мученія? все готовъ теперь съ собою сдѣлать, и не могу перенесть злобнаго рока. Пойду, сыщу Дюбуа и буду слѣдовать его совѣту. Потщусь на все, лишь только бы окончить смертельное мое безпокойство.

ВСТУПЛЕНІЕ III.

Лафлеръ *(одинъ)*. Куда-жъ это, онъ сломя голову, побѣжалъ отсюда? Что за чудо! лишь только меня увидѣлъ, тотчасъ какъ дьяволъ осердился. Неужли лице мое дѣлаетъ людямъ отвращеніе. Полно, не взбѣсился ли онъ? Да вотъ Розета идетъ сюда. Какъ же она прелестна!

ВСТУПЛЕНІЕ IV.

Розета, Лафлеръ.

Лафлеръ. Розета, признаюсь тебѣ, ты меня прельщаешь. Я люблю тебя и ты мнѣ съ перваго виду понравилась.

Розета. А! ты говорить напрямки такъ, какъ должно слугѣ щегольскому, который у своего господина всѣ шалости перенимаетъ.

Лафлеръ. Къ чему мнѣ отъ тебя таиться? Я думаю, что мы ничего лучше этого сдѣлать не можемъ, какъ любить другъ друга. Клитантръ скоро на Юліи женится, а я предлагаю тебѣ, чтобъ и намъ, слѣдуя господскому примѣру,

сдѣлать тоже. Думай! сто рублевъ—деньги. Сыграемъ-на двоякую свадьбу.

Розета. Подлинно, что время выбралъ говорить о свадьбѣ! До того ли намъ теперя!

Лафлеръ. А что-жъ бы намъ мѣшало?

Розета. Селимена пришла въ раскаяніе, не хочетъ больше помогать намъ, хочетъ все открыть Доранту и тѣмъ Клитандра съ Юліей несчастными дѣлаетъ и мы всѣ отъ того въ отчаяніи.

Лафлеръ. Видя тебя въ печали, самъ отъ нея съ ума сойду.

Розета. Теперь всѣ печалятся и боятся потерять послѣднюю надежду. Клитандръ съ ума сходитъ, Юлія глазъ не осушаетъ—словомъ, они плачутъ и вздыхаютъ, только не могу упросить Селимену.

Лафлеръ. Можетъ-ли разумная женщина столь глупо думать?... а! да я было и забылъ, что ваши сестры, какъ скоро дойдетъ дѣло до спору или просьбы, тогда ихъ ничѣмъ не уговоришь... Да вотъ и она.

Розета. Клитандръ и Юлія бѣгутъ за нею.

ЯВЛЕНІЕ V.

Селимена, Юлія, Клитандръ, Кладина, Розета, Лафлеръ.

Клитандръ. Итакъ вы, сударыня, совсѣмъ не хотите на нашу просьбу склониться и намѣрились уничтожить нашу надежду? О, Боже мой! вы меня жизни лишить хотите.

Селимена. Божусь вамъ, что дѣлю ваши горести и хотя отъ всего сердца желаю совершить ваше благополучіе, только не могу молчать больше. Это притворство имѣетъ весьма опасныя для меня слѣдствіи. Я очень важныя имѣю причины открыться Доранту и коли теперь же этого не сдѣлаю, то спустя нѣсколько часовъ, можетъ быть, поздно будетъ. Да скажите мнѣ, скоро ли Эрастъ сюда придетъ?

Кладина. Онъ, сударыня, за вами-жъ хотѣлъ сюда быть.

Юлія. Я опять тебя лишаюсь.

Клитандръ. Я отъ горести чувства теряю.

Кладина. А мнѣ съ досады треснуть приходитъ. Всѣ мои вымыслы остаются безъ успѣха! Я, сударыня, также этимъ черезчуръ недовольна; отказываюсь вамъ служить и принимаю противную сторону.

Розета. Сжальтесь, сударыня, надъ бѣдною моей госпожею.

Селимена. Вы всѣ меня браните и называете безжалостною; однако, я такое же, какъ и вы, чувствую мученіе, только мое спокойствіе, честь и благопристойность запрещаютъ помогать вамъ. Дорантово отчаяніе меня тревожитъ... Да вотъ и онъ.

ВСТУПЛЕНІЕ VI.

Дорантъ, Селимена, Юлія, Клитандръ, Дюбуа, Кладина, Розета, Лафлеръ.

Дорантъ *(къ Дюбуа)*. Ступай за мною... Весьма кстати засталъ я ихъ здѣсь. Они, я чаю, не ожидали, чтобъ я пришелъ сюда за тѣмъ только...

Селимена. Я, сударь, ищу васъ...

Дорантъ. Постой, сударыня! изволь сперва меня выслушать, а потомъ говори, что изволишь. *(Клитандру)* Государь мой! я знаю, что вы сестру мою, а она васъ любитъ, и для того охотно желаю, чтобъ вы на ней женились. Сердечно хочу видѣть васъ благополучнымъ, и не откладывая вдаль, сегодня-жъ свадьбу вашу сыграю. Этакое дѣло чѣмъ скоряе, тѣмъ лучше.

Клитандръ. Какъ-же много буду я обязанъ вами!

Дорантъ. Оставимъ привѣтствіи; они теперь некстати и намъ безполезно тяготить будутъ. Пусть вашъ бракъ, коли можно, усугубитъ любовь вашу; по крайней мѣрѣ я того желаю и о томъ Бога просить стану! *(Селимент)* А вы, сударыня, не будете больше говорить, что всѣ твои господа-волокиты, денно и ночно въ домѣ нашемъ бывающіе, только лишь для сестры моей сюда приходятъ. Довольно уже потерпѣлъ я, снося ваши ругательствы; я былъ вашимъ шутомъ и въ томъ къ стыду моему самъ признаюся, и долго колебался предпринять теперешнее намѣреніе, опасаяся, чтобъ меня, хотя и невиненъ, поносить не стали. Однако,

благодаря Бога, непремѣнно вздумалъ его исполнить. Пусть кто хочетъ, изволитъ чесать языкъ свой. Рта никому не затворишь. Съ сегодняшняго-жъ дня никто ко мнѣ въ домъ таскаться... Да чему-жъ вы изволите улыбаться, сударыня? Этотъ смѣхъ теперь весьма некстати и доказываетъ испорченный нравъ вашъ. Извольте впослѣднее позабавиться на до мною, а то скоро уже станемъ мы жить поскромнѣе. Я отказываюсь отъ городской жизни и поѣду съ вами въ деревню; а вамъ отдаю на волю выбрать: которая всѣхъ угоднѣя покажется; у меня во всякой есть господскія хоромы; сказывайте скорѣе, которая вамъ нравится? Тамъ будете вы жить уединенно и можете въ праздности забыть порочную и проклятую эту жизнь, которая всѣмъ честнымъ людямъ должна быть противна. Вы опять начали смѣяться! Да долголи-жъ этого будетъ?

Селимена. Да, сударь, я смѣюсь и признаюсь, что смѣюсь изо всей мочи.

Дорантъ. Да и всѣ смѣются надо мною. Развѣ я ужъ такъ смѣшонъ, что всякому можно безъ стыда и опасенія надо мною ругаться? Однако скоро увидимъ, имѣете ли вы къ тому причину.

Селимена. Не сердитесь, сударь, такъ много, а изволь меня выслушать. Я вамъ невинно измѣнила и со мною всѣ наши сродники и друзья согласились. Моя мать и твой дядя больше всѣхъ къ тому принуждали и просьбою склонили. Только эта измѣна отнюдь не вредитъ вашу честь и вы меня удостойте прощеніемъ, какъ скоро обо всемъ узнаете. Мы хотѣли принудить васъ выдать Юлію за Клитандра; вы это сегодня исполнили и тѣмъ окончили наше желаніе. Успокойтесь теперь отъ подозрѣнія; вы мною любимы и я нарочно для того казалась влюбленною въ Эраста, чтобъ произвесть въ васъ ревность; похваляю ваше сдѣланное мнѣ предложеніе и согласуюсь ѣхать въ деревню. Эрастъ скоро сюда будетъ и вы услышите, что съ нимъ говорить стану.

Дорантъ. Не понимаю, что хотятъ сдѣлать со мною!

Кладина *(Клитандру)*. Ну, сударь, каковы мои совѣты и надобно ли ихъ слушать?

Клитандръ. Мы много обязаны тобою!

Розета. Для первоученки и я не худо дѣло свое исправляла.

Кладина. Ты доказала, что не въ школу пришла къ намъ.

Дорантъ. Дюбуа! что это значитъ?

Дюбуа. Простите, сударь, и меня, вѣдь и я вмѣстѣ съ ними васъ обманывалъ.

Дорантъ. Какъ! и ты былъ въ согласіи съ ними?

Дюбуа. Да, сударь! Я думалъ, что тѣмъ великую сдѣлаю вамъ услугу; а ежели вы обо всемъ основательно подумаете, то сами согласитесь, что мы хорошо сдѣлали и насъ за то благодарить будете.

Селимена. Ежели-бъ вы знали всѣ мои мученіи, которыя притворствуя принуждена была чувствовать! Въ самую ту минуту, какъ вы вошли къ намъ, бѣжала я искать васъ и хотѣла обо всемъ увѣдомить, не внимала ни чьихъ просьбъ, ни слезъ сестры вашей, ни отчаянія Клитандрова не могли отвратить меня. Встревоженное сердце не могло больше сносить принужденія и желало все покою вашему принесть въ жертву. Да вотъ и Эрастъ; онъ очень кстати пришелъ къ намъ.

ВСТУПЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Селимена, Юлія, Дорантъ, Клитандръ, Эрастъ, Кладина, Розета, Дюбуа, Лафлеръ.

Селимена. Эрастъ, благодаря Бога, Клитандрово счастіе сегодня свершилось и онъ въ награжденіе за любовь свою получитъ Юлію. Вамъ извѣстно все, что мы для нихъ дѣлали. Возьмите участіе въ благополучіи столь достойнаго друга, а мнѣ сдѣлайте милость—начните съ сегодня-жъ отъ меня удаляться и никогда на глаза мои не кажитесь.

Эрастъ. О Боже! да чѣмъ заслужилъ я эту немилость?

Селимена. Я весьма важныя причины имѣю о томъ просить васъ и вы, зная меня очень коротко, думаю, не откажетесь просьбы моей исполнить. *(Доранту)*. Сдѣлаемъ сегодня-жъ свадьбу Юліину и поѣдемъ завтра въ деревню.

Дорантъ. Нѣтъ, сударыня, этому не бывать! Я признаюсь въ винѣ моей передъ вами и сердце мое отъ того раскаяніемъ терзается. Похваляю рѣдкую вашу добродѣтель и ставлю себѣ въ непростительный порокъ, что осмѣлился въ ней усумниться. Останемся здѣсь и будемъ жить по прежнему.

Селимена. Лучше умру, нежели на это соглашусь. Благодарю судьбу, что сегодня открыла мнѣ любовь вашу, которыя всѣ мы благополучія составляемъ, и дала знать, что въ ревности очень много забыться можетъ; я хочу сберечь ее и, не взирая на ваши просьбы, удалюся хоть на нѣсколько времени въ деревню, чрезъ что докажу, что Селимена съ вами вездѣ благополучна. Ежели сегодня сыграемъ свадьбу, то завтра-жъ выѣду въ деревню... Ни что меня отъ того отвратить не можетъ, честь велитъ это дѣлать; а коли, сударь, вподлинну меня столько любите, какъ сегодня показывали, то не отречетесь поѣхать со мною.

Кладина. Извольте посмотрѣть на образцовую въ добродѣтели женщину, удивляйтесь ея чести, постоянству и великодушію. Она примѣръ весьма чудный и необычайный въ нашемъ вѣку и дѣлаетъ честь всему женскому полу. Будучи молода, пригожа, богата, разумна и имѣя тысячи обожателей, хочетъ въ деревню удалиться. Слушайте, господа мужья! Ежели вы захотите испытать, прямо ли жены васъ любятъ, скажите лишь имъ, что вы изъ города на вѣчное житье въ деревню хотите уѣхать, то тотчасъ увидите, что они личико сморщутъ и скажутся больными.

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

РАЗУМНОЙ ВЕРТОПРАХЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Вольной переводъ съ комедіи г. БОАСІИ, *называемой* LE SAGE ETOURDI.

ЛИЦА ВЪ КОМЕДІИ.

Графиня.
Пульхерія.
Ипполитъ.
Аристархъ.
Артемонъ.
Дарья.
Андрей.

Дѣйствіе въ подмосковной графининой дачѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Пульхерія и Дарья.

Дарья. Что это, сударыня? Вы, какъ мнѣ примѣтно, очень задумываетесь? вы, кого мы всегда видѣли говорливою, веселою?...

Пульхерія. День свадьбы моей очень уже близокъ; оковы, которыя онъ налагаетъ, никогда не разрываются; итакъ есть о чемъ мнѣ подумать.

Дарья. Недавно слышала я отъ васъ совсѣмъ другія вѣсти. Вы почитали замужство самою лучшею жизнью.

Пульхерія. Новыя испытанія глаза мнѣ открыли и научили меня основательнѣе думать. Замужство, подъ видомъ мнимыя вольности, скрываетъ въ себѣ прямую и безконечную неволю. Сердце наше бываетъ обмануто и этотъ союзъ, какъ ли его ни выхваляютъ, останется вѣчнымъ принужденіемъ во всѣхъ нашихъ поступкахъ.

Дарья. Я нахожу нынѣшнюю вашу жизнь, подъ присмо-

тромъ самовластной вашей тетушки, гораздо несноснѣе той, которая васъ столько устрашаетъ.

Пульхерія. Нѣтъ! тетка моя прямо вторая мнѣ мать. Я не могу ею довольно нахвалиться и почитаю за счастіе, что я ей приказана. Она своимъ поведеніемъ то дѣлаетъ, что должность забавою, покорность удовольствіемъ, а разсудокъ утѣшеніемъ мнѣ кажутся.

Дарья. Я въ томъ не спорю. Но оставя эту преудивительную похвалу, признайтесь, сударыня, что можно согласиться, да и безъ большаго сожалѣнія, промѣнять предорогую тетушку, и по вашему вторую мать, на молодаго, и пригожаго мужа? Не таковъ ли вашъ Ипполитъ Артемоновичъ? Не все ли въ немъ есть, что насъ женщинъ прельщаетъ? Э!

Пульхерія. Онъ вертопрашенъ и молодость его, которую ты столько превозносишь, мнѣ порокомъ въ немъ кажется.

Дарья. Лѣты ваши сходны. Вамъ восемнадцать, а ему двадцать лѣтъ. И когда, сударыня, порокъ съ обѣихъ сторонъ равенъ, то должно къ нему имѣть снисхожденіе. Нравы ваши также согласны. Вы веселы, а онъ живъ...

Пульхерія. Мнѣ бы пріятнѣе было, еслибъ онъ нѣсколько по-степеннѣе былъ и чтобы въ нашихъ нравахъ такое находилось несогласіе, которое бы насъ отличало другъ отъ друга, и чтобы не лѣта наши, но разсудки согласовались. Словомъ, надобно для благополучной нашей жизни, чтобы Ипполитъ имѣлъ Аристарховъ здравый разсудокъ.

Дарья. Аристарховъ! Не прогнѣвя васъ, сударыня, молвлю я словцо насчетъ этого мудреца. Его умокъ не изъ самыхъ лучшихъ. И не вредя его ума и чести, знаю я въ немъ порокъ превеликій. Ему уже почти тридцать лѣтъ, а при всемъ томъ живетъ онъ какъ самый рохля: нѣтъ у него ни чина, ни мѣста. Тридцатилѣтній недоросль! Есть чѣмъ, вышедши за него, повеличаться!

Пульхерія. Это названіе лучше многихъ. Онъ честный и разумный человѣкъ. Онъ не имѣетъ ни чину, ни мѣста! Тѣмъ-то онъ, Дарья, и осторожность свою показываетъ. Предпочитаетъ онъ спокойствіе пышной славѣ, скромная жизнь составляетъ его удовольствіе и онъ въ независимости все свое счастіе полагаетъ.

Дарья. Изрядно; но эти мудрецы, которые вольностью своею столько гордятся, прежде другихъ попадаютъ къ намъ въ тенеты и смѣшняе самыхъ повѣсъ бываютъ. Божусь вамъ, что еслибы я была на мѣстѣ Пульхеріи Ивановны, то бы ея личико надъ сердцемъ этого умницы тотчасъ власть свою показало.

Пульхерія. Еслибы я покусилась, худой бы успѣхъ получила.

Дарья. Вамъ лишь пожелать того надлежитъ. Пронзительные эти глазки все сдѣлать могутъ. Испытайте, сударыня, испытайте, хотя напрекладъ.

Пульхерія. Признаться-ли тебѣ сердечно? Я бы весьма довольна была, когда бы онъ попался въ сѣти.

Дарья. О! такъ надлежитъ сегодняжъ записать его въ число невольниковъ вашихъ. Пойдемъ, сударыня, пойдемъ наступать. Намъ и въ Москвѣ не было противниковъ, а въ деревнѣ кто осмѣлится? Не щадите лишь непріятеля, удача вѣрно будетъ.

Пульхерія. Я смѣюсь, но этакія шутки очень опасны.

Дарья. Да! иногда случается, что и тотъ, кто ставитъ сѣти, самъ въ нихъ попадаетъ. И я, видя вашу ко мнѣ довѣренность, хочу отблагодарить за нее моимъ чистосердечіемъ. Мнѣ же гораздо примѣтно, что вы къ этому смиреннику ласковѣе, нежели къ вашему жениху.

Пульхерія. Его постоянное поведеніе, его основательныя мысли пріобрѣли ему мое почтеніе, но сердце мое больше того ничего къ нему не чувствуетъ. А Ипполитъ....

Дарья. А онъ, хотѣли вы сказать, и почтенія отъ васъ не имѣетъ. Итакъ вы, сударыня, и безъ любви и безъ почтенія должны подъ вѣнецъ идти. Это очень жалко и эту свадьбу...

Пульхерія. Сердечно бы я желала отсрочить...

Дарья. Напрасное желаніе! дѣло уже основано и на этой недѣлѣ окончится.

Пульхерія. Когда бы оно ни окончалось, я равно несчастлива буду.

Дарья. И вподлинну не худо бы отсрочить. Свадьбы почти всегда отъ замедленія разлаживаются. Дѣло это нешуточное. Я нѣчто придумала. Во всемъ, что до васъ принадлежитъ, то требуетъ политика...

Пульхерія. Чтобы ты больше молчала. Это слово не только твоимъ языкомъ, но и многими нынѣ напрасно повторяется. Политиковъ мнимыхъ—тучи, и они такъ часто это слово выговариваютъ, что уже и слугамъ и служанкамъ оно знакомо стало. Еслибы Ипполитъ со мною былъ согласенъ, то бы мы могли...

ЯВЛЕНІЕ II.

Пульхерія, Ипполитъ и Дарья.

Ипполитъ. Я пришелъ, сударыня, объявить вамъ преважную вѣдомость. Насъ ввечеру обвѣнчаютъ.

Пульхерія. Сегодня ввечеру?

Ипполитъ. Да! въ этотъ самый вечеръ и мой родитель нарочно для того сюда скачетъ.

Пульхерія. Я не думала, чтобъ этотъ часъ столь близокъ былъ.

Ипполитъ. Я вижу, что отъ него сердце ваше смутилось.

Пульхерія. Никакъ! но говоря истину, эта вѣдомость меня удивила.

Ипполитъ. Признайтесь, что замужство васъ не прельщаетъ?

Пульхерія. Это безспорно.

Ипполитъ. Примолвите къ тому, что это слово васъ встревожило и ужаснуло. Свадьба—дѣло дорогое, но грядущее-то по ней опасно. Издали представляетъ она видъ приманчивый, но какъ скоро вблизи ее осмотришь, то она весьма отличною покажется. Всѣ къ ней пріуготовленіи молодыхъ людей приводятъ въ унынie. Говорятъ имъ: ты люби и почитай всегда мужа, а ты угождай во всемъ женѣ своей; ты живи такъ, а ты этакъ. Что производятъ таковыя поученіи? Что мы, молодые люди, страшимся увидѣть себя въ вѣчныхъ оковахъ. Мы теперь въ равномъ состояніи, итакъ можемъ говорить откровенно. Не чувствуете ли вы опасности...

Пульхерія. Очень чувствую.

Ипполитъ. У меня, который имѣетъ честь говорить съ вами, у меня, хотя я васъ и смѣляе, отъ страху сердце замираетъ.

Пульхерія. Этакія узы требуютъ зрѣлаго ума и чѣмъ меньше въ такомъ случаѣ торопятся, тѣмъ дѣло надежнѣе бываетъ.

Ипполитъ. Вы правду говорите. Это лучшее правило и мои мысли съ вашими согласны. Мы не худо сдѣлаемъ, отсрочивъ еще на мѣсяцъ.

Пульхерія. На три, ежели вамъ угодно.

Ипполитъ. Прекрасно сказано. На три! конечно на три! Ожидая свадьбы, умы наши созрѣютъ.

Пульхерія. Непремѣнно.

Ипполитъ. Ничего нѣтъ хуже скоропостижной женитьбы: она обыкновенно подвержена бываетъ участи плодовъ недозрѣлыхъ. Словомъ, она къ благополучію неспособна.

Пульхерія. Обо всемъ осторожно разсуждая, кажется мнѣ, чѣмъ далѣе мы отсрочимъ, тѣмъ лучше будетъ. Мы утвердимся лѣтами и легче перенесемъ тягость этой жизни.

Дарья. Надобно признаться, что вы оба превеликій жаръ къ свадьбѣ показываете.

Ипполитъ. Я чувствую всѣ пріятности этого лестнаго союза и только для того его отлагаю, чтобы лучше имъ воспользоваться.

Дарья. Вы оба изволили взять самый надежный способъ и трудъ теперь только въ томъ состоитъ, понравится ли тетушкѣ намѣреніе ваше.

Ипполитъ. Она его почтетъ уваженія достойнымъ.

Пульхерія. Въ самомъ дѣлѣ, оно справедливо и ей согласиться надлежитъ.

Ипполитъ. Я самъ ее о томъ просить берусь.

Дарья. Поступокъ вашъ, сударь, кажется мнѣ гораздо смѣленекъ.

Ипполитъ. Онъ получитъ успѣхъ; я объ немъ очень хорошихъ мыслей.

Дарья. Ни малой не будетъ удачи. Графиня ни для чего не отмѣнитъ своего слова.

Ипполитъ. Дарьюшка, ты ея описываешь весьма суровою; напротивъ того, во всѣхъ ея поступкахъ ласка и пріятность видны.

Дарья. Она любитъ повелѣвать всѣми на свѣтѣ.

Ипполитъ. Судьба нарочно къ тому ее и произвела. Мы видимъ, что она въ двадцать шесть лѣтъ, въ лучшее вре-

мя молодости, столько разумна, сколько другія и въ самомъ степенномъ возрастѣ не бываютъ. Видъ, поступка, разговоръ, все въ ней совершенно. Разсудокъ всегда мысли ея располагаетъ; ея осанка, которою она вливаетъ въ другихъ почтеніе, не противъ воли, но съ охотою заставляетъ ей повиноваться. Я увѣренъ, что и вы однѣхъ со мною мыслей.

Пульхерія. Изъ всѣхъ тетокъ она истинно лучшая и достой....

Ипполитъ. Достойнѣйшая изъ всѣхъ не только почтенія, но и...

Дарья. *(Ипполиту)*. Вы очень жарконько ее выхваляете.

Ипполитъ. Въ этомъ я сердцу моему повинуюсь.

Дарья *(Пульхеріи)*. Тетушка ваша въ его милости самаго усерднаго племянника имѣть будетъ.

Ипполитъ. Я пресчастливыми почту тѣ узы, которыя меня соединятъ съ нею.

Дарья. Такъ поспѣшайте свадьбою.

Ипполитъ. Объ этомъ надлежитъ еще подумать.

Пульхерія. Я съ вами согласна и полную власть даю. Не упускайте ничего, чѣмъ бы можно было отсрочить нашу свадьбу, и говорите о томъ именемъ насъ обоихъ.

Ипполитъ. Вы во всемъ на меня положиться можете. Я буду говорить, что должно, и осмѣливаюсь насъ въ успѣхѣ обнадежить.

ЯВЛЕНІЕ III.

Ипполитъ *(одинъ)*.

Какъ же я счастливъ, что она со мною согласна! Получить отсрочку—это равно, какъ бы получить успѣхъ въ желаніи. Надлежитъ теперь же увидѣть графиню; отъ нея доля моя зависитъ. Должно совсѣмъ очистить дорогу: она самая скользкая и самая опасная. Но мнѣ ли робѣть? Ободрясь благородною отвагою, пойду къ ней... Но вотъ и она. Эта женщина имѣетъ честь быть первою, видъ которой вливаетъ въ меня и почтеніе и страхъ. Какъ ли я ни отваженъ, однако смущаюсь, ее увидѣвъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Графиня и Ипполитъ.

Графиня. Кстати мы здѣсь сошлись. Мнѣ должно васъ увѣдомить, что батюшка вашъ точно къ намъ быть не уповаетъ. Слабое его здоровье противъ воли въ Москвѣ удержать его можетъ.

Ипполитъ. Итакъ мы сегодня обвѣнчаны не будемъ.

Графиня. А для чего бы? Онъ меня пристально проситъ, чтобы свадьба ваша неоткладывая была сыграна.

Ипполитъ. Безъ него?

Графиня. Я согласна съ его желаніемъ.

Ипполитъ. Оно и для меня лестно. Но пристойно ли будетъ, чтобъ тогда, когда даровавшій мнѣ жизнь страдаетъ отъ болѣзни, пировалъ я на моей свадьбѣ? Веселіи, забавы, пляски, скачки приличны ли въ этакое время? И не должно ли любви уступить мѣсто здравому разсудку?

Графиня. Что это? Вы говорите о здравомъ разсудкѣ и противъ вашего обыкновенія кажетесь осторожнымъ?

Ипполитъ. Я всегда таковъ, хотя и нерѣдко имѣю видъ сущаго вертопраха. Скажите вы сами, сударыня, не правъ ли я? Я на васъ полагаюсь, на васъ, чей поступокъ всегда исполненъ осторожности, на васъ, кому я съ охотою слѣдую и кого совершенно почитаю.

Графиня. Когда вы эту честь благоволите мнѣ дѣлать, такъ я сказываю вамъ, что вашъ отецъ не долженъ столько опасности вамъ наводить. Не преступая благопристойности, можете вы на Пульхеріи и безъ него обвѣнчаться. Болѣзнь, которая его удерживаетъ, болѣзнь его можетъ быть и чувствительная, но я къ утѣшенію нашему знаю, что она не опасна. А чтобы больше пощадить чрезмѣрную вашу разборчивость, то я постараюсь безъ пированья васъ обвѣнчать. Это деревенское мое жилище очень способно къ моему намѣренію. Сей же вечеръ я васъ обвѣнчаю, а завтра поѣдемъ въ Москву и прямо на дворъ моего свата; онъ и тебя, и ту, которую себѣ въ дочери избралъ, съ удовольствіемъ приметъ...

Ипполитъ. Но не лучше-ли бъ было, еслибы онъ самъ благословилъ меня?

Графиня. Откуда отговорки берутся! Когда мало любви къ отцу, такъ возьмемъ прибѣжище къ закону. Я, сударь, похваляю вашу предосторожность. Она, выходя изъ вашихъ устъ, меня удивляетъ и, говоря безъ закрышки, уже начинаетъ и огорчать. Я видѣла, что сердце ваше гораздо больше желало этого союза и о немъ воздыхало. Какая же причина прохладила въ немъ прежній жаръ? Вы охотно хотѣли быть въ родствѣ со мною.

Ипполитъ. Это желаніе во мнѣ не перемѣнилось.

Графиня. Это и видно!... Еслибъ моя племянница свѣдала, что вы такъ мало горячности къ ней показываете, то бы она правильнымъ негодованіемъ за то отплатила.

Ипполитъ. О! этой опасности я не имѣю. А чтобы отъ васъ ничего не скрыть, такъ знайте, что Пульхерія сама желаетъ отсрочить нашу свадьбу.

Графиня. Вы меня удивляете. Неужель и ея сердце перемѣнилось?

Ипполитъ. Мнѣ еще болѣе вамъ сказать должно. Она мнѣ поручила упросить васъ на эту отсрочку, какъ на самую главную для нея милость. Прежде, нежели наложить на себя вѣчныя оковы, проситъ она васъ, сударыня, чрезъ меня, и проситъ покорно, дать ей время мѣсяца на два или на три, на такое время, которое потребно ей утвердить разсудокъ...

Графиня. Два или три мѣсяца утвердить ея разсудокъ?

Ипполитъ. Они много сдѣлаютъ; я за то ручаюсь.

Графиня. Да! и я предвижу, что такая длинная отсрочка должна въ ней произвесть чудную перемѣну, и что ничего лучше этого примыслить не можно. Вижу я также и то, что вы, сударь, благосклонно съ намѣреніемъ ея согласились, а чтобы этотъ поступокъ совершеннѣе сдѣлать, такъ вы взяли на себя трудъ быть за нее ходатаемъ.

Ипполитъ. Я не могъ отречься отъ толь правильнаго требованія. Мы оба еще довольно молоды, слѣдовательно и ждать можемъ.

Графиня. Оба вы изволили поздненько мнѣ объявить это правильное требованіе. Когда я испытывала сердца ваши, для чего вы тогда не объявили страннаго этого признанія? Вы, сударь, во-первыхъ показали свое о томъ восхищеніе, а моя племянница, слѣдуя вамъ, не могла утаить ея о томъ

удовольствія. Что же должна я заключить теперь о такъ скорой перемѣнѣ. Скажите, что се произвесть могло?

Ипполитъ. Повѣрьте мнѣ, что она плодъ основательнаго разсужденія.

Графиня. Но удобны ли вы къ тому?

Ипполитъ. О! я часто важно и удивительно разсуждаю.

Графиня. Надобно, чтобъ вы вправду очень важныя имѣли причины. Скажите ихъ. Вы смущаетесь и не смѣете говорить.

Ипполитъ. Передъ вами я лгать не отважусь.

Графиня. Что-жъ бы этому причиною было, удостойте меня довѣренностью...

Ипполитъ. Когда вы приказываете, то я... я вамъ откроюсь...

ЯВЛЕНІЕ V.

Графиня, Ипполитъ, Дарья.

Дарья. Госпожа Частословова пріѣхала и въ гостиной комнатѣ васъ ожидаетъ.

Графиня *(Ипполиту)*. Я оставляю васъ для этой гостьи. А какъ посѣщеніе ея не что иное, какъ платежъ за мое, то оно сходно съ моимъ желаніемъ и не замедлится. Не уходите отсюда; я желаю какъ можно скоряе разговоръ нашъ окончить.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ипполитъ, Дарья.

Дарья. Итакъ она еще не обо всемъ увѣдомлена.

Ипполитъ. Дѣло лишь было началось, но ты помѣшала. Полно, оно на добромъ уже пути.

Дарья. Ласковыя ея слова невѣрная еще порука.

Ипполитъ. Ты обманываешься.

Дарья. А у васъ, сударь, надеждою всѣ карманы набиты.

Ипполитъ. Такъ и должно. Успѣхъ не что иное, какъ слѣдствіе надежды.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ипполитъ, Дарья, Андрей.

Ипполитъ. Зачѣмъ ты пришелъ сюда?

Андрей. Когда, сударь, къ этой тайнѣ вы любопытны, такъ извольте ее выслушать. Я пришелъ сюда узнать отъ Дарьюшки, которую я почитаю и которую, ежели бы я смѣлъ вымолвить, то бы сказалъ, что и люблю смертельно, я пришелъ узнать, не имѣетъ ли она чего приказать въ Москву. Мы съ бояриномъ ѣдемъ.

Ипполитъ. Онъ ѣдетъ?

Андрей. Да, сударь, и въ сію минуту.

Ипполитъ. Какъ! не сказавъ мнѣ ни слова. Не знаешь ли ты, что его спѣшить понуждаетъ?

Андрей. Хотя Аристархъ Васильевичъ совершенную довѣренность ко мнѣ и имѣетъ, только въ этотъ разъ не почтилъ меня ею.

Ипполитъ. Я долженъ остановить этотъ скоропостижный отъѣздъ. Теперь же пойду узнать тому причину. Не соглашусь я, чтобы онъ сегодня меня оставилъ, въ такое время, когда я больше всего нужду въ немъ имѣю.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Дарья, Андрей.

Дарья. Бояринъ твой ѣдетъ въ тотъ день, когда дружняя свадьба готовится, когда и онъ самъ на нее позванъ. Тьфу къ чорту! ничего невѣжливѣе этого быть не можетъ. Я не могу понять этакого поступка и хочу узнать, какія причины онъ къ тому имѣетъ.

Андрей. Онъ имѣетъ многія и великія.

Дарья. Кромѣ пустыхъ имѣть онъ не можетъ.

Андрей. Инъ сказать ли тебѣ матку правду? Мы свадебъ на смерть не любимъ; эти веселья кажутся намъ очень глупы, черезчуръ просты, чрезмѣрно скучны... безмѣрно... пребезмѣрно... ну... такъ противны, такъ несносны, что мы отъ нихъ хоть и подъ клобукъ идти готовы. За столомъ всѣ гости чинятся, всѣ пьютъ за здоровье молодаго князя

съ княгиней, которымъ отъ поклоновъ и куска съѣсть не удастся. На другой день вся дорогая роденька опять соберется, поздравлять того же молодаго князя съ молодою княгинею. Пусть бы ужъ эти пустяки и были... а то безпокойство въ день свадьбы... да какъ еще и не съ успѣхомъ... то на другой-отъ день надобно увидѣть и услышать... а что? вѣть ты знаешь. Изрядная забава!

Дарья. Мнѣ эта забава очень нравится.

Андрей. Я этого отъ тебя отнюдь не думаю...

Дарья. Думай какъ хочешь. Во мнѣ съ робячества всегда такая къ свадьбѣ была охота, что я перемочь ея великій трудъ имѣю. Ко всякому другому веселію сердце мое несклонно и никакой любовникъ инако, какъ на такомъ договорѣ, понравиться мнѣ не можетъ.

Андрей. Инъ я тебѣ покорный слуга! Пора въ Москву ѣхать.

конецъ перваго дайствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ипполитъ, Графиня.

Графиня. Я этотъ часъ нарочно назначила выслушать всѣ ваши оправданія, и уже время мнѣ ихъ узнать.

Ипполитъ. Вы непремѣнно того отъ меня требуете?

Графиня. Признанія вашего я нетерпѣливно ожидаю. Говорите-жъ, сударь! Вы хотѣли безъ свидѣтелей изъясниться, вотъ и никого нѣтъ.

Ипполитъ. Я стану говорить... Я, сударыня...

Графиня. Вы, сударь?

Ипполитъ. Извините меня. Сердце мое отъ страху смущается.

Графиня. Да отъ какого?

Ипполитъ. Самыя отважныя на моемъ мѣстѣ также бы, какъ и я, оробѣли.

Графиня. Оставя всякую опасность, скажите, что принуждаетъ васъ отлагать свадьбу? Не скрывайтесь отъ меня. Не огорчила-ли васъ моя племянница?

Ипполитъ. Нѣтъ, сударыня! Сердце мое передъ вами лукавить не можетъ, оно... оно тронуто другою.

Графиня. Какъ! вы влюблены въ другую и для открытія этой тайны ожидали почти того часа, въ который вамъ къ вѣнцу ѣхать? Предорогой поступокъ!

Ипполитъ. Что дѣлать! я всевозможно перемогалъ страсть мою, но всѣ мои стараніи были безплодны. Ничто не можетъ истребить изъ сердца этой новой любви. И мнѣ кажется, что она въ самую эту минуту усиливается.

Графиня. Но кто-жъ эта счастливица, которая такъ жестоко васъ плѣнила? Позвольте мнѣ, не прогнѣвляя васъ, спросить объ ней. Скажите ея имя, достоинствы и...

Ипполитъ. Одного ея имени къ похвалѣ ея довольно.

Графиня. Такъ скажите-жъ его, или увѣдомьте насъ, чѣмъ эта столь вами славимая любовница превосходитъ Пульхерію: красотою-ли? разумомъ-ли? добродѣтелью-ли?...

Ипполитъ. О! всѣмъ, и всѣмъ безпримѣрно!

Графиня *(въ сторону)*. Извиненіе чувствительнѣе обиды. *(Къ Ипполиту)* Да кто-жъ она такова?

Ипполитъ. Она...

Графиня. Ну, она! да кто-жъ?

Ипполитъ. Ея тетка.

Графиня. Я не вслушалась. Что вы сказали?

Ипполитъ. Что это вы сами, что я васъ люблю.

Графиня. Меня?

Ипполитъ. Конечно васъ.

Графиня. Умъ вашъ не помѣшался ли?

Ипполитъ. Должно-ли еще повторить яснѣе? Это вы, вы, сударыня. Я васъ однѣхъ люблю и обожаю.

Графиня. Умолкни, сударь! Если хотите вы разорвать союзъ съ нами, то не употребляйте столь гнуснаго вымысла, котораго вамъ стыдиться надлежитъ. Одно несдержаніе слова дѣлаетъ уже васъ довольно виноватымъ, не прикрывая его такимъ ненозволеннымъ оправданіемъ. Я этимъ чрезмѣрно обиженною себя считаю.

Ипполитъ. Можете-ли вы такую мысль обо мнѣ имѣть? Еслибы я не любилъ васъ, и не любилъ страстно, сдѣлалъ

ли бы я такое признаніе въ настоящемъ случаѣ? Въ неложной любви моей все васъ увѣряетъ.

Графиня. Безстыдное это открытіе ничѣмъ загладиться не можетъ.

Ипполитъ. Сердце мое не властно надъ собою, и когда уже оно открыло вамъ истинное свое состояніе, ненавидьте его сколько вамъ угодно; оно всегда предъ вами твердить будетъ, что его къ вамъ любовь основана на почтеніи, что разсудокъ ее произвелъ, и что добродѣтель ее оживляетъ, что оно чтитъ въ васъ истинныя достоинства, что оно вездѣ и вѣчно тѣмъ славиться будетъ, удаляяся другаго союза. Вы должны этому вѣрить. Вѣрьте мнѣ, сударыня, что сердце мое въ умягченіи гнѣва вашего все свое благополучіе считаетъ; оно на вѣки въ любви своей останется непремѣннымъ. *(Графиня смѣется)*. Конечно, еслибъ вы и прямо ненавидѣть его стали, чего я отнюдь не уповаю...

Графиня. Слушай, сударь!...

Ипполитъ. Слушайте вы страстную мою любовь. Я предузнаю строгій вашъ отвѣтъ. Вы его начнете, показывая желанію моему препятствіемъ наши лѣта. Но тутъ-то я и остановлю васъ, тѣмъ-то я васъ и подкущу. Вамъ только двадцать шесть лѣтъ. Это прямо цвѣтущее время жизни нашей, слѣдственно и время производить въ другихъ и самимъ чувствовать любовь постоянную. Теперь-то настоящее ваше время мыслить обо всемъ съ разсужденіемъ и съ осторожностію; чтобы совершенно умѣть любить, надлежитъ имѣть зрѣлый разумъ.

Графиня. Итакъ вы къ любви неспособны?

Ипполитъ. Напротивъ. Я уже довольно жилъ, чтобы получить здравый, разсудокъ, и лѣта наши гораздо сходнѣе нежели вы думаете. Знаете-ли вы, сударыня, что мнѣ двадцать лѣтъ вчера миновало? Сверхъ всего, не довольно ли къ доказанію того, что мой умъ созрѣлъ, теперешнего моего выбора? Любовь моя на самыхъ важныхъ основана разсужденіяхъ. Я желаю имѣть любовницу, которая бы помогала мнѣ идти путемъ полезнымъ, а не сходитъ съ него, которой бы попечительная дружба служила къ моему просвѣщенію, и съ пріятностію бы меня къ добродѣтели привлекала, а то-то любовь моя въ васъ и находитъ. Таковыя мысли бываютъ-ли въ вертопрахѣ? И когда я назвалъ себя разумнымъ... Э, э! скажите, не имѣлъ-ли я къ тому пра-

во? Отдайте мнѣ справедливость и признайтесь, что любовь моя столько разсудительна, сколько чрезмѣрна, что прямое благоразуміе утвердило мой выборъ и что вашъ строгій разсудокъ долженъ на нее согласиться. Неужли толь нѣжная и совершенная любовь ничего въ насъ не производитъ?

Графиня *(притворнымъ голосомъ)*. Она производитъ во мнѣ истинное объ васъ сожалѣніе.

Ипполитъ. Скажите лучше нѣжную дружбу, такую, какую моя любовь заслуживаетъ и уповаетъ.

Графиня. Ставъ моимъ племянникомъ, дружбу мою вы совершенно имѣть будете. Я съ этимъ именемъ ее сопрягаю.

Ипполитъ. Есть имена пріятнѣе этого, напримѣръ, любовничье, муж...

Графиня. Опомнитесь, сударь, вы уже слишкомъ забылись!

Ипполитъ. Повѣрьте, что вы противитесь напрасно. Я васъ очень скоро согласу со мною.

Графиня. Не въ правду ли?

Ипполитъ. По чести.

Графиня. Что?

Ипполитъ. Что вы меня любить будете. Я не шучу! Это дѣло важное.

Графиня. Я васъ любить буду, я? Вотъ еще какія угрозы!

Ипполитъ. Я васъ увѣряю, что вы меня полюбите. Конечно, и въ противность теперешнему упорству. Этому исполниться надлежитъ, я уже къ тому совсѣмъ расположился.

Графиня. По крайней мѣрѣ я еще подобно тебѣ ума не лишилась. Я не попущу, чтобы такая смѣшная любовь голову мою вскружила.

Ипполитъ. А я увѣряю, что она вскружится.

Графиня. Гордость твоя столько ослѣпляется?

Ипполитъ. Я на лучшемъ основаніи полагаю всю мою надежду. Любовь ее составляетъ, она и столь непорочна и столь чрезмѣрна, что должна непремѣнно васъ тронуть.

Графиня. Какъ! вы льститесь?...

Ипполитъ. Да; вы непремѣнно склониться должны.

Графиня. Признаюсь, что вы пригожи, любви достой-

ны, но притомъ увѣряю васъ, что все это и всѣ замысловатыя ваши рѣчи не получатъ отъ меня того, чего вы желаете.

Ипполитъ. Но это...

Графиня. Долго продолжается. Время пустой разговоръ оставить, и я его перерывая вамъ сказываю, что надлежитъ мнѣ участь племянницы моей основать; будущая ея жизнь составляетъ главное мое попеченіе.

Ипполитъ. Я предувидѣлъ это препятствіе.

Графиня. О! о! то-то предосторожный человѣкъ. Видя въ вашихъ поступкахъ столь много благоразумія, наконецъ надобно мнѣ будетъ просить васъ о призрѣніи родни моей. Не имѣете ли вы для Пульхеріи другаго жениха въ запасѣ?

Ипполитъ. Безсомнѣнія. Я сегодня поутру его приготовилъ. Вѣрьте, что на свое мѣсто даю ей достойнаго человѣка, который, имѣя зрѣлыя лѣта, будетъ ей служить примѣромъ.

Графиня. Можно ли узнать его?

Ипполитъ. Я Аристарха на свое мѣсто назначилъ.

Графиня. Женихъ хорошъ. Вы тѣмъ тонкость своего разсужденія доказываете, только племянницѣ моей, его ожидая, долго въ дѣвкахъ оставаться.

Ипполитъ. А почему? Онъ ее почитаетъ, и я хочу быть вертопрахомъ, если его не склоню къ женитьбѣ!

Графиня. О! вы этою клятвою не подвергаетесь опасности. Подите, сударь, немного по свѣжему воздуху прогуляться и постарайтесь скоряе найти потерянный разумъ; онъ вамъ черезъ часъ подъ вѣнцемъ будетъ потребенъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Ипполитъ *(одинъ)*. Чѣмъ бы она противъ меня ни защищалась, я постараюсь какъ можно скоряе вскружить ея голову. Главное уже сдѣлано. Я открылся, послѣ чего любовь моя на все отважиться можетъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Ипполитъ и Аристархъ.

Ипполитъ. Сказываютъ, что ты въ Москву ѣдешь.

Аристархъ. Ѣду.

Ипполитъ. На то-то я и не соглашусь. Развѣ ты забылъ, что сегодня къ женитьбѣ моей все готовятъ. Я надѣялся, что ты, какъ столомъ, такъ и всѣмъ распоряжать возмешься.

Аристархъ. Ты отъ этого меня уволишь. Я столько непроворенъ, какъ больше быть не можно, и я отнюдь не сдѣланъ увеселять свадьбишную бесѣду. Прощай! Я здѣсь разговаривая время трачу. Пожалуй за меня хозяйкамъ откланяйся и извини, что я не простясь съ ними уѣхалъ.

Ипполитъ. Поди самъ къ нимъ; учтивость тебя къ тому обязуетъ. Слыхано ли, чтобъ гостивъ у людей цѣлую недѣлю, этакимъ образомъ съ ними разставаться. Графиня непремѣнно станетъ осуждать тебя за эдакое невѣжество, а племянница ея никогда не проститъ тебѣ, что ты не увидясь съ нею уѣхалъ. Ты знаешь; сколько она тебя почитаетъ; ея къ тебѣ ласки...

Аристархъ. Отъ нея-то я и хочу удалиться.

Ипполитъ. Для чего?

Аристархъ. Для нѣкоторой причины.

Ипполитъ. Можно ли знать?

Аристархъ. Нѣтъ.

Ипполитъ. Ты отъ меня таишься?

Аристархъ. Да, и тебѣ не должно меня спрашивать.

Ипполитъ. Любопытство мое отъ скромности твоей умножается.

Аристархъ. Не удерживай меня, мнѣ пора ѣхать.

Ипполитъ. Нѣтъ, ты или вовсе не поѣдешь, или мнѣ откроешься.

Аристархъ. Я бы уже и открылся, еслибъ возможно было.

Ипполитъ. А! я проникаю, для чего ты ѣдешь отсюда. Надобно, чтобъ ты чрезмѣрно ее ненавидѣлъ, когда такъ поспѣшно отъ нея бѣжишь. Я принужденъ буду о томъ ей сказать, и...

Аристархъ. Остерегись, Ипполитъ, ты ей солжешь.

Ипполитъ. Такъ ты ее не ненавидишь?

Аристархъ. Нѣтъ, нѣтъ, когда уже ты принудилъ меня признаться. Я стараюсь отъ нея для того убраться, что она въ сердцѣ моемъ совсѣмъ противное чувствованіе влагаетъ.

Ипполитъ. Такъ ты ее любишь?

Аристархъ. Нѣтъ.

Ипполитъ. Нѣтъ?

Аристархъ. Нѣтъ, но если я здѣсь еще помедлю, такъ это сбудется. Я тебя о томъ предваряю.

Ипполитъ. Такъ останься же здѣсь, останься, я тебя о томъ прошу.

Аристархъ. Твое восхищеніе меня удивляетъ.

Ипполитъ. Послушай меня, останься, я о томъ тебя покорно прошу.

Аристархъ. Но я вѣдь тебѣ сказалъ, что я ее полюблю.

Ипполитъ. Ты меня одолжишь, и я за то тебѣ благодаренъ буду. Сдѣлай дружескую услугу.

Аристархъ. Я тебѣ угожду, волочась за твоею женою.

Ипполитъ. Я тому сердечно радъ буду. Вѣрь, что я тебѣ не лестно говорю.

Аристархъ. На эти ласковыя слова я и отвѣчать не умѣю.

Ипполитъ. Слушай, братъ, довольно я позабавился надъ тобою. Въ заплату за твою тайну скажу и я тебѣ, что другая, а не Пульхерія, совершенно владѣетъ моимъ сердцемъ. Я ничего такъ не желаю, какъ разорвать мою свадьбу.

Аристархъ. Ты ее болѣе не любишь?... и ты не стыдишься о томъ выговаривать? Такую красавицу, такую разумную, та...

Ипполитъ. Я люблю такую, которая ее превосходитъ и разумомъ и прелестями.

Аристархъ. Не льзя статься: она равной себѣ имѣть не можетъ.

Ипполитъ. Что мы любимъ, то всегда намъ превосходнѣе другихъ кажется, а чтобы обличить тебя, стоитъ мнѣ сказать ея имя.

Аристархъ. Кто-жъ эта чудная красавица?

Ипполитъ. Графиня.

Аристархъ. Ея тетка?

Ипполитъ. Да, я ее люблю.

Аристархъ. Э! ты шутишь?

Ипполитъ. Я говорю правду.

Аристархъ. Дивлюсь тебѣ и за тебя робѣю, подумавъ, къ каждой женщинѣ осмѣливаешься ты подступать съ своею любовью; въ какое время! Когда ты меня признаешь другомъ, то...

Ипполитъ. То надобно мнѣ оканчивать начатое. Я родился чудеса дѣлать.

Аристархъ. Твоя свадьба...

Ипполитъ. Ну! моя свадьба?

Аристархъ. Назначена въ этотъ вечеръ, а ты ее разорвать хочешь?

Ипполитъ. Да!

Аристархъ. Но какая къ тому надежда?

Ипполитъ. Ты! право ты! Твоя любовь всю мою надежду составляетъ. Я намѣренъ моимъ проворствомъ, которое теперь осторожностью подкрѣпляемо, женить тебя на этой, по твоему, несравненной красавицѣ; ты въ нее влюбленъ по уши. И тебѣ непремѣнно жениться на ней надлежитъ. Я такъ заблагоразсудилъ.

Аристархъ. Ипполитъ! разумъ твой совсѣмъ помѣшался.

Ипполитъ. Аристархъ! это намѣреніе твердое, а не шутка, и когда я тебѣ такъ говорю, то знать, что я увѣренъ въ успѣхѣ.

Аристархъ. Ты не разсуждаешь о слѣдствіяхъ своихъ предпріятій.

Ипполитъ. Я ихъ произвожу въ дѣйство, а тебѣ разсуждать оставляю.

Аристархъ. Но теперь дѣло твое отъ трехъ человѣкъ зависитъ: отъ тетки, отъ племянницы и отъ меня. Неужли все это кажется тебѣ малостью?

Ипполитъ. Конечно, я на все и всѣхъ склоню, а тебя въ томъ сейчасъ изустно обнадеживаю. Я увѣренъ въ Пульхеріи; мнѣ ея сердце извѣстно. Она, подобно мнѣ, желаетъ разорвать нашу свадьбу. Что-жъ до графини, то она гораздо умнѣе, чтобы не согласилась на столь разумное предложеніе. Вотъ два дѣла рѣшены; теперь твоя очередь; она легче прочихъ. Вѣдь ты уже увѣдомилъ меня о состояніи твердаго и непоколебимаго твоего сердца; оно уже и безъ моихъ увѣщаній здравый твой разсудокъ со всею твоею

мудростью преодолѣетъ. Ты хотя и мудрецъ, но не древній. Мы съ тобою въ Москвѣ родилися и оба по нынѣшнему воспитаны. Я думаю, что ты отъ счастія своего не откажешься. Не точно ли я увѣренъ, что, сватая за тебя богатую и пригожую невѣсту, не буду я съ носомъ?

Аристархъ. Ты на самолюбіе во всемъ полагаяся, какъ пророчеству словамъ своимъ вѣришь. Не предвидя опасностей и не удаляя препятствій, слѣдуешь ты одному вѣтреному воображенію. Прежде всего почтенія достойная, дому этого хозяйка, какъ скоро ты о томъ ей заикнешься, съ глазъ тебя сгонитъ.

Ипполитъ. Она это почти уже и сдѣлала, но прямо изъ притворства. Какъ женщина знающая свѣтъ, первый приступъ выдержала она, ни мало не поколебавшись. Между нами будь сказано, я ей сейчасъ открылся.

Аристархъ. Какая дерзость!

Ипполитъ. Я пустился еще далѣе; на мое мѣсто я тебя представилъ! тебя, жениться на ея племянницѣ и освободить меня отъ моего слова.

Аристархъ. Съ какимъ лицомъ, и съ какою надеждою говорилъ ты это?

Ипполитъ. Съ этимъ самымъ лицомъ, и полагаясь на твою дружбу.

Аристархъ. Этакъ уже слишкомъ вертопрашить.

Ипполитъ. Но ты долженъ...

Аристархъ. Я не долженъ и не желаю идти въ неволю.

Ипполитъ. А я прямо для твоей пользы хочу тебя женить. Честь твоя принуждаетъ тебя на то согласиться. Я предпріялъ въ досаду тебѣ достоинства твои прославить. Съ такою природою, въ такихъ лѣтахъ, имѣя способность и знаніе заступить и снесть съ успѣхомъ самыя важныя мѣста, скажи мнѣ, не стыдишься ли ты жить безполезнымъ обществу? Не краснѣешься ли ты, умножая толпу праздно-любцевъ и тунеядцевъ? Москва и безъ насъ полна ими. Неужли хочешь ты войти въ число этихъ мальчишекъ, которые смѣются всему тому, что должностью въ общемъ житіи называется, которые службу ненавидятъ, и служа поневолѣ, всякія подлости дѣлаютъ, чтобъ отбыть отъ нея; которые того, кто ревностенъ въ службѣ, называютъ педантомъ; того, кто начальнику при должности повинуется, трусомъ; а сами какъ шалуны и какъ подлые льстецы

жизнь свою провождаютъ. Я иногда по виду бывалъ вмѣшиванъ въ число этихъ повѣсъ, смертельно ихъ ненавидя и всегда исполняя на меня положенное, я, котораго всѣ вертопрахомъ называютъ. Но ты, строгій нынѣшнихъ нравовъ осуждатель, какъ не стыдишься ты утопать въ лѣности? Послушай однажды того, который часто тебя слушалъ.

Надлежитъ, любезной другъ, надлежитъ повиноваться участи, и ею тебѣ назначенное исполнить: надлежитъ жениться и вступить въ службу. Вотъ совѣтъ, которому ты непремѣнно слѣдовать долженъ. Кто для себя только живетъ, тотъ недостоинъ жить въ свѣтѣ. Ты долженъ временемъ, которое напрасно губишь, друзьямъ, роднѣ, самому себѣ, а больше всего отечеству; для его пользы и для его славы ты все употреблять обязанъ.

Аристархъ. Оставь пожалуй эту пышную проповѣдь. Я не имѣю тщеславія подумать, чтобы всѣмъ на свѣтѣ я столь нуженъ былъ; мнѣ можно мое время провождать въ позволенномъ спокойствіи. Что-же до женидьбы, слуга я вашъ покорный; за нею слѣдуетъ много скуки, попеченья и...

Ипполитъ. Скука не съ этою жизнію, а съ праздною соединенна. Сердце, ничѣмъ не занятое, томится. Надлежитъ, чтобы нѣчто производило въ немъ движеніи, трогало бы его и къ ощущенію сладости жизни нашей удобнымъ дѣлало. Для того довлѣетъ имѣть жену любимую и чинъ съ должностью, которые бы праздно остающееся намъ время занимали и, понуждая насъ къ добру, нами управляли. Для добрыхъ сердецъ есть еще путь къ прямому удовольствію: къ нему ведетъ ихъ долгъ истиннаго гражданина; прямая ихъ забава, главное ихъ благополучіе состоитъ въ томъ, чтобъ быть полезными обществу.

Аристархъ. Прямой видъ этой нравоучительной и пышной рѣчи клонится къ тому, чтобы я отдалъ спокойствіе моего сердца на жертву твоему удовольствію. Польза твоя больше моей голосомъ истиннаго гражданина говорить тебя заставляетъ, а чтобы мнѣ не попасться въ сѣти, я въ сію-жъ минуту уѣду.

Ипполитъ. Напрасно стараешься ты....

ЯВЛЕНІЕ IV.

Пульхерія, Ипполитъ и Аристархъ.

Ипполитъ. Вы очень кстати пришли ко мнѣ на помощь. Этотъ дерзновенный невольникъ противится остаться въ цѣпяхъ вашихъ. Онъ хочетъ убѣжать отсюда. Приведите его къ должному повиновенію. Вотъ онъ! Я его отдаю въ ваши руки. Отмстите ему за себя и по заслугѣ его накажите. Вы этимъ и его обяжете и услужите отечеству. Онъ много важнаго открыть вамъ имѣетъ. Принудьте его говорить чистосердечно. Если я останусь, то онъ при мнѣ можетъ смутиться; онъ весьма застѣнчивъ, и для того я васъ покидаю.

ЯВЛЕНІЕ V.

Пульхерія и Аристархъ.

Пульхерія. Этотъ скоропостижный отъѣздъ долженъ меня удивить; а чтобы вамъ въ томъ помѣшать, соединяюсь я съ вашимъ другомъ. Кто такимъ образомъ съ людьми разстается, тотъ прямой бѣглецъ, и такъ мы съ вами, какъ съ такимъ человѣкомъ, и поступать должны.

Аристархъ. Извините меня, сударыня. Я хотѣлъ укрыться въ надежное мѣсто. Я такъ робокъ, что всякая опасность меня ужасаетъ.

Пульхерія. Но какой же опасности вдаетесь вы, живучи съ нами?

Аристархъ. Такой, которая грозитъ напастью моему сердцу.

Пульхерія. Сердце ваше ничѣмъ тронуто быть не можетъ, и я дивлюсь, что вы понапрасну столь много страшитесь.

Аристархъ. Я правильно страшусь, и этотъ страхъ, говоря съ вами откровенно, причиною моего отъѣзда.

Пульхерія. Промолвьте объ немъ пояснѣе; я истинно васъ не понимаю.

Аристархъ. Инъ надобно васъ удовольствовать, да я и долженъ. Мое искреннее признаніе найдете вы сами осно-

вательнымъ, и понудите меня скоряе уѣхать. Я... я говорить опасаюсь...

Пульхерія. Опять-таки, я опасаюсь! Ничего не опасаясь, окончите начатую рѣчь.

Аристархъ. Я боюсь въ васъ влюбиться, когда уже о томъ сказать вамъ должно.

Пульхерія. Не могу я удержаться отъ смѣху, услышавъ это новаго роду открытіе. Опасность совсѣмъ неслыханная и безъ сумнѣнія выдуманная шутка...

Аристархъ. Нѣтъ, сударыня, это самая истина. Вы знаете по всему отъ меня слышанному, сколь драгоцѣнна для меня свобода. Я погублю ее, если еще съ вами останусь. Глаза ваши такую власть надъ сердцемъ моимъ имѣютъ, что я не могу взглянуть на нихъ, не почувствовавъ пріятнаго смущенія; чѣмъ больше я на нихъ смотрю, тѣмъ больше безпокойствія чувствую.

Пульхерія. Что это? Вы представляете страстнаго любовника, да еще и удачно.

Аристархъ. Оставьте шутку! Ничего нѣтъ истиннѣе моего открытія, открытія такого сердца, которое хитростей не знаетъ. Въ самомъ дѣлѣ заслуживаю я вашъ гнѣвъ и вы должны навсегда запретить мнѣ васъ видѣть. Я бы и самъ желалъ вырваться отсюда, но чувствую, что я бѣжать отъ вашихъ прелестей весьма безсиленъ.

Пульхерія. А я гораздо учтивѣя, нежели бы могла прогнать отъ себя толь искреннаго человѣка.

Аристархъ. Вы смѣетесь, видя, какъ я запутался въ сѣтяхъ.

Пульхерія. Вамъ такъ мнится.

Аристархъ. Это сущая правда.

Пульхерія. А я говорю, что нѣтъ и что никогда быть не можетъ.

Аристархъ. Мое сердце...

Пульхерія. Я имѣю честь знать его совершенно. Вы безъ всякаго опасенія при мнѣ остаться можете. А чтобы лучше васъ увѣрить и прогнать мнимый вашъ страхъ, знайте, что къ замужству и я, равно какъ и вы, имѣю отвращеніе. Я и слова этого страшуся.

Аристархъ. Но при всемъ томъ въ этотъ же вечеръ васъ обвѣнчаютъ. Вы позволите мнѣ не быть свидѣтелемъ...

Пульхерія. Останьтесь безъ робости. Это время еще очень далеко. Я, сударь, сдѣлаю вамъ довѣренность. Мы съ Ипполитомъ согласились просить отсрочки нашей свадьбѣ.

Аристархъ. Ваша тетушка...

Пульхерія. Безъ сумнѣнія дастъ намъ время. Я молода и могу еще ждать по крайней мѣрѣ два года. Послушайте, мнѣ пришла мысль предорогая. Я ею восхищаюсь и надѣюсь, что и вы на нее безотговорочно согласитесь. Въ эти два года постараюсь я для моей пользы пройти съ вами всю часть той науки, которая наставляетъ насъ жить въ свободѣ и ни отъ кого не зависѣть. А какъ она къ прямому благополучію отворяетъ дорогу, то я съ такою прилежностію въ нее вдамся, что всякій день буду отъ васъ принимать уроки, желая до основанія ее выучить.

Аристархъ. Это новыя сѣти вы мнѣ разставить намѣряетесь. Въ первый съ вами разговоръ сердце мое поколебалось и уже отдаться готово; а говоря ежедневно и всегда наединѣ, будетъ ли оно въ силахъ прелестямъ вашимъ противиться.

Пульхерія. Я клянусь не дѣлать надъ вашимъ сердцемъ никакого покушенія. Клянусь свободою, независимостію...

Аристархъ. Я самъ и того и другаго лишусь, взявшись дерзновенно утверждать въ васъ мои правила.

Пульхерія. Не страшись...

Аристархъ. Я и чувствую и вижу опасность.

Пульхерія. Эту мнимую опасность должна я раздѣлять съ вами. Когда вы, какъ разумомъ утвержденный мудрецъ, боитесь лишиться свободы, такъ я, какъ слабая женщина, должна ужасаться. Итакъ, чтобы спастись обоимъ, соединимъ наши силы.... Э! расправьте, сударь, морщины и будьте повеселяе. Ну, согласны ли вы на этомъ утвердить договоръ?

Аристархъ. Въ этомъ договорѣ вся опасность съ моей стороны. Вы съ вашимъ нравомъ ни чему не подвергаетесь.

Пульхерія. Вы, имѣя сердце, которое всякія обязательствы ненавидитъ, удалены отъ опасности. Не отрицайтесь сдѣлать мнѣ такого одолженія, котораго сердце мое очень

желаетъ. Удостойте меня быть своею ученицею; я конечно учителя не обезчещу.

Аристархъ. Противъ воли моей склоняюсь я на неотступную вашу просьбу. А чтобы успокоить мое боязливое сердце, включимъ въ договоръ, что вы, какъ можно, станете уменьшать прелести ваши, когда я вамъ уроки давать буду.

Пульхерія. Я васъ запросто, въ домашнемъ уборѣ принимать буду.

Аристархъ. Вольность моя въ этомъ случаѣ не пышнаго и богатаго убора страшится, но красоты вашей и вашихъ достоинствъ. Вы сами собою всѣ искусства украшаете. Итакъ старайтесь больше всего глядѣть на меня съ такимъ видомъ, которой бы меньше трогалъ мое сердце.

Пульхерія. Я это обѣщаю.

Аристархъ. Для весьма важныхъ причинъ будутъ мои уроки гораздо коротки и приходы рѣдки.

Пульхерія. Пусть такъ. Начнемъ теперь же первый урокъ. Въ чемъ состоитъ истинная должность сердца свободнаго?

Аристархъ. Въ убѣганіи всего, что его безпокоитъ и въ тоску привесть можетъ.

Пульхерія. Его правило?

Аристархъ. Помышлять о своемъ спокойствіи и послѣдовать своимъ мыслямъ.

Пульхерія. О! такъ на теперешній разъ сердце мое и не учася правилу этому слѣдуетъ.

Аристархъ. Не надлежитъ во всемъ слѣдовать своему вкусу, а почитать его только забавою; какъ же скоро онъ станетъ вкореняться, привязывать насъ къ себѣ и разставлять въ сердцѣ рану, то надобно его оставить, преодолѣть, надобно...

Пульхерія. Продолжайте, я съ удовольствіемъ слушаю.

Аристархъ. Вижу, но вижу и то, что вы очень пристально на меня смотрите.

Пульхерія. Вниманіе того требуетъ...

Аристархъ. Глаза ваши столь проницательны и взоръ ихъ столь нѣженъ, что когда они на меня устремятся, то-

гда мои столько ими обольщены бываютъ, что я и рѣчи позабываю. Вы уговоръ нашъ не точно наблюдаете.

Пульхерія. Итакъ, чтобъ вы на меня больше не жаловались, стану я съ стыдливостію потуплять ихъ, когда вы со мною говорите. Напримѣръ эдакъ; хорошо ли?

Аристархъ. И хитрая эта улыбка въ противность нашего условія меня очень трогаетъ.

Пульхерія. О! мой учитель сегодня строгъ чрезмѣрно. Не можно на него глядѣть, и не глядя улыбаться. Сдѣлайтесь для просьбы моей въ обхожденіи нѣсколько поласковѣе.

Аристархъ. Виноватъ, сударыня. Я не въ силахъ продолжать урока, клянусь, что не помню, о чемъ мы говорили.

Пульхерія. Я вспомню. Мнѣ кажется, что вы мнѣ говорили о вкусѣ, которой насъ привлекаетъ...

Аристархъ. Того-то я и страшусь и то-то меня отъ васъ и гонитъ.

Пульхерія. Останьтесь.

Аристархъ. Я не могу.

Пульхерія. Еще одно слово.

Аристархъ. Не удерживайте меня. Вы поступаете противно нашему правилу. Первая должность вольнаго житья, чтобы говорить когда хочется и переставать равномѣрно. Если вы меня удержите, то нарушите договоръ и крайнее принужденіе учителю сдѣлаете.

Пульхерія. Быть такъ! я васъ не удерживаю. Можетъ быть, вы и совсѣмъ отъ насъ уѣдете. Обѣщайтесь остаться и сдержите слово.

Аристархъ. По чести, сударыня, я ваше желаніе исполню и приду очень скоро начатый урокъ окончить.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Артемонъ и Ипполитъ.

Артемонъ. Да! я по строгому твоему письму чрезъ силу, не смотря на слабость моего здоровья, пріѣхалъ, только...

Ипполитъ. Такой великій знакъ родительской любви вашей для меня весьма лестенъ. Я вѣчно...

Артемонъ. Оставимъ лишнюю болтовню. Какая нужда требуетъ, чтобъ я здѣсь былъ? Говори, но говори правду; надобно быть чему нибудь важному, чтобы писать такъ, какъ ты писалъ. Такая сильная просьба, такія убѣдительныя выраженія...

Ипполитъ. Нужда въ самомъ дѣлѣ такова, когда должна она рѣшить благополучіе моей жизни.

Артемонъ. Этими словами еще прибавилъ ты мнѣ желанія узнать твою нужду.

Ипполитъ. Я безъ графини не могу ее сказать вамъ.

Артемонъ. Вотъ тебѣ на! мнѣ кажется, ты шутишь.

Ипполитъ. Никакъ, сударь, она необходимый къ тому свидѣтель.

Артемонъ. Сынокъ! не опять ли какая по твоему обыкновенію шалость?

Ипполитъ. Никакъ, сударь; я божусь, что это дѣйствіе здраваго разсудка.

Артемонъ. Въ тебѣ? въ тебѣ дѣйствіе здраваго разсудка?

Ипполитъ. Конечно! я скоро удивлю васъ. Войдите въ вашъ покой, и отдохнувъ, приготовьтесь увидѣть графиню. Я тотчасъ приду за вами.

Артемонъ. Изрядно! но не шути, шутка будетъ неудачна. Бойся заплатить дорого за напрасный мой трудъ и безпокойство.

ЯВЛЕНІЕ II.

Ипполитъ *(одинъ)*. Графиня напрасно отговаривается. Я съ помощію отца моего надѣюсь ее склонить. Прежде надобно увидѣться съ ея племянницею и провѣдать, какой успѣхъ имѣла она надъ Аристархомъ. Онъ или уже взятъ въ полонъ, или весьма къ тому близокъ. Мнѣ очень хочется увидѣть совершенную его неволю.

ЯВЛЕНІЕ III.

Ипполитъ и Андрей.

Ипполитъ. Ге! что твой бояринъ дѣлаетъ?

Андрей. Онъ и самъ того не знаетъ. А вы ему измѣняете. Вѣдь это, сударь, не похвально.

Ипполитъ. Врешь, повѣса! я изо всей силы ему служу.

Андрей. Нѣтъ, сударь! вы завидуете его вольности и хотите ее перемѣнить въ неволю.

Ипполитъ. Бездѣльникъ, ты конечно подкупленъ говорить такъ дерзко о самомъ лучшемъ въ жизни нашей дѣлѣ.

Андрей. Скорѣя меня повѣсятъ, нежели склонятъ за деньги на худое дѣло. Я прямой защитникъ дорогой и пріятной праздности.

Ипполитъ. Молчи, срамецъ! эта участь тебѣ подобныхъ тварей.

Андрей. Эта участь не противна бываетъ и знатнаго рода людямъ.

Ипполитъ. Равныхъ тебѣ скотинъ безъ достоинствъ и безъ разума можно, не дѣлая уваженія, оставить въ гнусномъ этомъ состояніи. Но твой господинъ, родившись со всѣмъ нужнымъ къ украшенію общества, грѣшитъ несказанно, живучи безполезнымъ человѣкомъ. Мнѣ, какъ его другу, должно его достоинствы съ свѣтомъ познакомить. За эго меня хвалить и благодарить должно. Кто къ надлежащему мѣсту возводитъ людей достойныхъ, тотъ конечно служитъ обществу.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Андрей *(одинъ)*. Эта деликатная рѣчь меня кольнула. О, господинъ прытко! увидимъ, кто изъ насъ хитряе.

ЯВЛЕНІЕ V.

Аристархъ и Андрей.

Андрей. Карета, сударь, близко часа васъ ожидаетъ.

Аристархъ. Я отмѣнилъ намѣреніе и здѣсь остаюся.

Андрей. Эй! берегитесь, сударь! я долженъ васъ остеречь, что отсюда для важной причины весьма полезно намъ убраться.

Аристархъ. А для чего?

Андрей. Весь здѣшній домъ, хозяева, гости, чады и домочадцы противъ спокойствія вашего заговоръ сдѣлали. Хотятъ, сударь, вѣчныя оковы на васъ взбрякать. Сама Пульхерія Ивановна желаетъ почтить васъ именемъ дорогаго супруга, и...

Аристархъ. Вздоръ... Она отъ свадьбы убѣгаетъ; я знаю ея мысли; она слѣдуетъ моему правилу; а чтобы къ вольному житію больше утвердить ея сердце, то требуетъ она отъ меня наставленія, и я въ томъ ея учитель.

Андрей. Развѣ ученикъ. Васъ мастерски здѣсь проводятъ, и я дивлюсь, что вы столько легковѣрны. Чтобы васъ женить, да еще и сегодня, всѣ ударили рука въ руку и другъ другу присягнули. А что всего хуже, такъ хотѣли, чтобы и я вошелъ въ заговоръ.

Аристархъ. Что? тебя подкупали?

Андрей. Да! меня, и я не басни сплетаю. Дарья, эта проворная плутовка, полный кошелекъ въ рукѣ державши, тою-же рукою взяла меня за горло, хотѣла или удавить, или сребромъ ослѣпить глаза мои и искусить непорочную мою совѣсть. Съ другимъ бы она и удачу имѣла; но я, какъ вы знаете, ничѣмъ подкупленъ быть не могу.

Аристархъ. Совѣсть твоя заупрямилась взять деньги? можно ли этому статься?

Андрей. Это и не сталось. Я, сударь, не могши инако отдѣлаться, деньги принялъ, положилъ въ карманъ, но при-

томъ клялся, крича во все горло, что буду васъ уговаривать къ скорому отъѣзду. Вы видите, что я, какъ честный дѣтина, держу свою клятву и прикапливаю помаленьку эту бездну *(показывая кошелекъ)*, не измѣняя своему господину.

Аристархъ. Пульхерія такъ скоро замужъ выдти не можетъ. Свадьба ея отложена.

Андрей. Сегодня-жъ ее сыграютъ. Я вамъ не ложныя сказываю вѣсти. О томъ всѣ изо всей мочи стараются. Для такой дѣвицы, какова она, на шутку къ свадьбѣ пріуготовленія не дѣлаютъ. Ей этимъ-же вечеромъ непремѣнно мужъ потребенъ. Другъ вашъ, боясь этихъ желѣзъ, хочетъ ими для васъ поступиться. Ежели вы не остережетесь, то онъ и сдѣлаетъ вамъ это одолженіе. Невѣста сама ему помогаетъ и уже радуется...

Аристархъ. Пульхерія?

Андрей. Да, сударь! я это навѣрное знаю. Не чудное ли это дѣло! Молодая и сколько пригожая, столько и богатая наслѣдница, хочетъ совсѣмъ тѣмъ скоропостижно, безъ сговора и дѣвишника, сегодня-жъ за васъ выдти. Это мнѣ мудрено кажется. Торопиться бы ей не къ чему, еслибы тутъ чего не было. Остерегитесь, сударь, не было бы вамъ причины каяться...

Аристархъ. Молчи! ты слишкомъ завраался. Чѣмъ опаснѣе эту мою бѣду ты мнѣ описываешь, тѣмъ больше даешь мнѣ желанія въ нее войти.

Андрей. Такъ знать, я въ разсказахъ очень неискусенъ. Мнѣ-было не того хотѣлось.

Аристархъ *(Подумавъ нѣсколько)*. И вподлинну надобно о будущемъ помыслить. Наложивъ на себя эти цѣпи, то меня устрашаетъ, что съ ними еще многимъ непріятнымъ дѣламъ долженъ я буду повиноваться. Безотвязные друзья, ежедневно меня посѣщая, будутъ умножать мою скуку. Захотятъ они имя мое украсить какимъ-нибудь чиномъ. Досаждая мнѣ, будутъ они думать, что мнѣ тѣмъ одолженіе дѣлаютъ. Станутъ они говорить, что чинъ и мѣсто единственный случай показать свои достоинства, и...

Андрей. Прибавьте еще къ тому домашнія хлопоты, тяжбу съ сосѣдями, протори, волокиты, невольное знакомство съ воеводою, секретарями, съ подъячими... о, этому и конца не будетъ!

Аристархъ. Я предпріялъ въ сей же часъ ѣхать. Надобно сберечь свободу, а она уже близка къ погибели.

Андрей. Такъ, сударь! то-то правильно сказано. Андрей, вѣрный вашъ слуга, также какъ и вы, защитникъ до послѣдняго дыханія холостой жизни. Кто способнѣе для благополучнаго житья? кто, коли не человѣкъ безъ мѣста, безъ службы, безъ жены, безъ дѣтей, безъ сватовъ, безъ сватей, безъ сосѣдей, безъ тяжбы, безъ любовницы, безъ хлопотъ, безъ должниковъ, безъ труда, безъ попеченія; человѣкъ, который поутру просыпается на то, чтобы въ вечеру опять спать лечь.

Аристархъ. О, я уѣду отсюда! Больше всего надлежитъ мнѣ Пульхеріи удалиться. Противъ нея разсудокъ мой очень слабая защита, и если я еще ее увижу, то ни за что не ручаюсь.

Андрей. А она-то и идетъ къ намъ. Уѣдемъ поскоряе.

Аристархъ. Я уже ее увидѣлъ и бѣжать поздно.

Андрей. А! я бѣшусь! труды мои пропали!

ЯВЛЕНІЕ VI.

Пульхерія и Аристархъ.

Пульхерія. Я тебя ищу!

Аристархъ. А я отъ васъ не бѣгу, какъ ни опасно мнѣ васъ видѣть.

Пульхерія. Дарья теперь лишь увѣдомила меня о такой тайнѣ, которою я восхищаюсь! Ипполитъ влюбленъ.

Аристархъ. Въ васъ?

Пульхерія. Нѣтъ, въ мою тетку. Онъ старается сердце ея тронуть; пусть онъ на ней женится. О, какъ же я довольна буду!

Аристархъ. Досада велика, и она это мнимое удовольствіе въ васъ производитъ.

Пульхерія. Радость моя непритворна; она и въ тебѣ такова-же быть должна. Мы оба гораздо больше будемъ имѣть вольности...

Аристархъ. А я гораздо меньше. Когда меня ничто удерживать не будетъ, то я непремѣнно въ васъ влюблюсь.

Пульхерія. Я уже вамъ сказала, что такія угрозы мнѣ отъ васъ не страшны. Сердце ваше не осмѣлится...

Аристархъ. Оно столь дерзновенно будетъ. Самая малая отъ васъ ласка придаетъ ему смѣлость. Я васъ предваряю. Не шутите надъ трусомъ.

Пульхерія. Я увѣрена, что почтеніе васъ будетъ удерживать.

Аристархъ. Конечно! но страсть его преодолѣетъ.

Пульхерія. Когда это истинныя ваши мысли, то я ихъ не страшуся, и вы можете, не сдѣлавъ проступка, быть посмѣляе. Теперь уже я не шутя говорю съ вами. Любовь, съ почтеніемъ связанная, больше намъ льститъ, нежели насъ раздражаетъ, и когда она подкрѣпляема прямымъ достоинствомъ, то всего надѣяться можешь.

Аристархъ. Еслибъ вы меня знали, то бы перемѣнили эти мысли, и вмѣсто оправданія моихъ желаній, ихъ бы презрѣли. Знайте, что любовь моя будетъ такова, что она ужаснетъ васъ. Я говорю чистосердечно. Страсть моя, противъ воли моей усилившись, приведетъ васъ въ отчаяніе; я въ безпрестанномъ восхищеніи... я... я обожать васъ буду...

Пульхерія. Обожайте. Въ любви чрезвычайность противна не бываетъ.

Аристархъ. Моя къ вамъ страсть доведетъ меня до дурачества.

Пульхерія. А! ты несказанно льстишь моему сердцу:..

Аристархъ. Вы должны будете ожидать очень странныхъ отъ любви моей поступокъ.

Пульхерія. То-то и прелестно. Я ту любовь, которая любовника до дурачества доводитъ, всѣму предпочитаю. Когда меня кто полюбитъ, то хочу я, чтобъ любилъ онъ меня ослѣпленно; я желаю, чтобъ онъ прямо для меня иногда дуракомъ былъ.

Аристархъ. И такъ въ этомъ случаѣ желанія ваши исполнены. Я уже дурачествы дѣлаю. Я буду даже до того вамъ постояненъ, что наконецъ тѣмъ наскучу.

Пульхерія. Какъ!.. ты будешъ вѣренъ въ досаду обычаю нашего вѣка? а!.. какъ ты тѣмъ мое къ себѣ почтеніе умножить.

Аристархъ. Къ совершенному вамъ безпокойству я... я ревнивъ буду.

Пульхерія. Ревнивъ?

Аристархъ. До бѣшенства.

Пульхерія. Радость моя невѣроятна и послѣднія твои слова мою къ тебѣ любовь умножили. Ревнивость любовь оживляетъ. Безъ нея она томна, холодна и всѣ ея поступки должностію производятся. Ревнивость самое вѣрное въ страстной любви свидѣтельство. Надобно къ тому, чтобы она была и несправедлива и безразсудна, а если въ ней слѣды здраваго разсудка примѣтятся, тогда она презрѣнія достойна. Чѣмъ меньше въ ней основанія, тѣмъ прелестнѣе она кажется.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Пульхерія, Аристархъ, Дарья и Андрей.

Дарья (*Пульхеріи*). Всѣ наши вымыслы, сударыня, пропали. Я прибѣжала безъ души сказать вамъ, что тетушка...

Пульхерія. Что-же тетушка?

Дарья. Въ сію минуту съ отцемъ Ипполита Артамоновича положила въ вечеру васъ обвѣнчать. Она все уже къ тому, распорядила и за попомъ въ село послала.

Аристархъ. Несносная вѣдомость! она меня привела въ отчаяніе.

Пульхерія. Вся моя радость отъ этихъ словъ исчезла. Какое противное замужство!

Аристархъ. А! какъ же этотъ вашъ страхъ для меня лестенъ! Когда васъ свадьба столько смущаетъ, такъ вы безъ сомнѣнія не чувствуете страсти къ Ипполиту. Вотъ что я сердечно желалъ услышать.

Пульхерія. И вотъ что было виною моего отъ свадьбы отвращенія!

Аристархъ. Чтобы ее разорвать, промолвите еще одно слово. Я на все отважусь, на все, какъ ли бы то тяжко для меня ни было.

Пульхерія. Вы избавите меня отъ несноснаго мученія.

Аристархъ. Какимъ средствомъ?

Дарья. Самымъ легкимъ. Вы по вашимъ словамъ къ моей барышнѣ имѣете превеликое почтеніе, а по нашему вы ее страстно любите. Подите къ ея тетушкѣ, сватайтесь на ней пристально, и надѣйтесь, что по неотступной вашей

просьбѣ конечно ее за васъ отдадутъ, особливо, ежели другъ вашъ помогать вамъ будетъ.

Андрей (*тихо Аристарху*). Лучше бѣгите отсюда. Направимъ, сударь, путь къ Москвѣ, а то безъ того попадемся мы...

Дарья. Какъ ни худо этотъ срамецъ замужство ни описываетъ, однако честные люди всякій день съ охотою идутъ въ эту неволю. Въ самомъ дѣлѣ она-то прямо вольная жизнь. Какъ нынѣ мужья съ женами живутъ, тутъ ни малаго нѣтъ принужденія. Коли пришли не по нраву, одинъ въ сторону, а другой въ другую. (*Глядя на Андрея*). Э, какъ онъ коверкается! Тебѣ ли, негодникъ, съ любовью спорить, и вамъ ли, сударь, его слушать?

Пульхерія. Замужство бы меня не опечалило, еслибы участь моя соединена была съ такимъ мужемъ, который бы всегда меня любилъ.

Аристархъ. Если страсть такого любовника, который кромѣ васъ никѣмъ не могъ быть тронутъ, это счастіе имѣть можетъ, то онъ его у ногъ вашихъ испрашиваетъ.

Дарья. Наконецъ привели мы его къ чему хотѣли. Андрей, чей верхъ?

Андрей (*Аристарху*). Куда, сударь, вашъ умъ дѣвался? что вы дѣлаете?

Аристасхъ. Что любовь велитъ!

Пульхерія. Развѣ уже женидьба васъ не устрашаетъ?

Аристархъ. Нѣтъ, я отъ нея одной всего благополучія ожидаю. Ваше къ ней отвращеніе...

Пульхерія. Совсѣмъ миновалось. Когда ея оковы раздѣлю я съ вами, то онѣ мнѣ ни мало тяжки не будутъ.

Аристархъ. Эти лестныя слова превосходятъ мою надежду.

Дарья. О, какъ я этому рада!

Андрей. О, какъ я отъ того бѣшусь!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ипполитъ, Пульхерія, Аристархъ, Андрей и Дарья.

Ипполитъ. Что это? то-та видъ прелестной!... какая предорогая картина! какъ же она для глазъ пріятна! (*Ари-*

старху) О, нѣтъ, нѣтъ! не вставай пожалуй. Ты меня восхищаешь! Дай глазамъ моимъ насытиться. (*Аристархъ цѣлуетъ Пульхеріину руку*). Прекрасно! еще! еще! пожарчѣе! Вотъ чего я хотѣлъ для моего и твоего благополучія, а особливо для твоей чести.

Аристархъ. Ежели тебѣ нужна была моя слабость, такъ ты ее въ совершенствѣ видишь.

Ипполитъ. Полно вправду ли? Господинъ мудрецъ, не раздумайся еще разъ.

Аристархъ. Нѣтъ!

Ипполитъ. Такъ ты и вподлинну въ этой пріятной неволѣ остаешься?

Аристархъ. Да! и тебя за то благодарю. Я долженъ тебѣ моимъ счастіемъ, жизнію и...

Ипполитъ. Неужли эти пышныя твои о вольности мысли тебѣ больше такимъ сокровищемъ не кажутся?

Аристархъ. Я былъ безразсуденъ. Какое дурачество полагать свое удовольствіе въ такихъ ложныхъ правилахъ! Можно ли быть счастливу, когда сердце нѣжности не ощущаетъ? Ни что, кромѣ любви, благополучія нашего составить не удобно. Она насъ сладостно трогаетъ, пріятно смущаетъ и увидѣнныя глазами прелести въ сердце наше на всегда вперяетъ. Любовь всего веселія источникъ! Итакъ, чтобы совершенно сладость нашей жизни почувствовать, то надобно прямо любовь узнать.

Ипполитъ. Я восхищенъ!...

Дарья. Вы забыли, что бѣда у васъ на носу и что графиня съ вашимъ батюшкой точно въ вечеру васъ обвѣнчать положили.

Аристархъ. Я весьма страшуся. Графиня и твой от...

Ипполитъ. Теперь я ихъ сильняе. Ты ни котораго изъ нихъ опасаться не долженъ.

Аристархъ. Твоя свадьба...

Ипполитъ. Назначена, но я ее разорву, чтобы твою сыграть. Не имѣйте, друзья мои, въ успѣхѣ ни малаго сумнѣнія... Графиня... она скоро сюда быть хотѣла. Вы мнѣ помѣшаете ее склонить, итакъ оставьте меня...

Аристархъ. Я теперь же къ ней...

Ипполитъ. Г. стоикъ, выдерживай характеръ. Мудрость должна быть кротка и всякое дѣло не инако начинать, какъ разъ сто объ немъ подумавъ. Не горячись и оставь

все на мое попеченіе; въ любви успѣвать такіе люди, какъ я, удобнѣе могутъ. Войдите на нѣсколько минутъ въ эту комнату; я васъ кликну, когда время будетъ. Дарья! бѣги и позови сюда батюшку, сказавъ, что я его не медля ожидаю.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Графиня и Ипполитъ.

Графиня. Батюшка вашъ сказалъ мнѣ, что вы имѣете какую-то преважную тайну при мнѣ ему открыть. Что-бы это, сударь, за тайна? Она меня удивляетъ и принуждаетъ отложить свадьбу, совсѣмъ готовую.

Ипполитъ. Я недавно эту тайну вамъ открылъ здѣсь и на самомъ этомъ мѣстѣ.

Графиня. Знать, я забыла. Потрудитесь мнѣ напомнить. Но шутки въ сторону.

Ипполитъ. Какая тутъ шутка, гдѣ сердце страждетъ! Съ охотою повторю я вамъ то, что я уже вамъ сказывалъ и что при отцѣ моемъ сказать намѣренъ. Та-же страстная любовь, которую ничто не можетъ...

Графиня. Вспомните, сударь, что вы меня этою шалостью чрезмѣрно раздражили и что я изъ великодушія только васъ простила. Такая тайна должна быть навѣки забыта.

Ипполитъ. А! можно-ли забыть то, о чемъ я безпрестанно мыслю и что все мнѣ напоминаетъ? Нѣтъ, сударыня, любовь моя столько уваженія достойна, что всякій, кто меня знаетъ и желаетъ моей пользы, мнѣ ее непрестанно напоминать долженъ. Она столько пламенна, сколько чистосердечна. Я ее сей-же часъ отцу моему открою...

Графиня. Я вамъ запрещаю...

Ипполитъ. Я не могу вамъ повиноваться. Я уже послалъ за нимъ, чтобы при васъ...

Графиня. Можешь-ли ты столько забыться... ты доказываешь свое вертопрашество...

Ипполитъ. Я умъ свой доказываю. Желаніе мое во всѣхъ его видахъ похвально, и отецъ мой на него склонится. А чтобы сдѣлать меня благополучнымъ, то и васъ къ тому упроситъ. Вотъ и онъ. Я бѣгу...

Графиня. Постой. Я прошу тебя... До чего вѣтренность его меня доводитъ!..

ЯВЛЕНІЕ X.

Артемонъ, Ипполитъ и Графиня.

Ипполитъ. Будьте, сударь, судьею между мной и...

Артемонъ. Въ чемъ дѣло? Надлежитъ напередъ мнѣ объяснить...

Ипполитъ. Я... я ее люблю... обожаю...

Графиня. Не вѣрьте ему! у него разумъ помѣшался.

Ипполитъ. Вы, сударь, должны мнѣ отдать справедливость. Разумъ мой никогда столь зрѣлъ не бывалъ. А чтобы въ томъ васъ увѣрить, такъ знайте, что я къ ней страстною любовію пылаю. Эта любовь столько сердцемъ моимъ владѣетъ, что ее иначе, какъ съ жизнію моею, прекратить не можно. Разсудокъ и добродѣтели произвели этотъ выборъ. Скажите, должно-ли ей отговариваться отъ толь совершенной любви?..

Артемонъ. Это меня удивляетъ! Такъ ты племянницу ея не любишь?

Ипполитъ. Другой желаетъ ею счастіе свое сдѣлать, который отъ нея любимъ взаимно; онъ для нея столько приличенъ и полезенъ, сколько для меня графиня.

Графиня. Слышите-ли, какія вертопрашныя мысли?

Артемонъ. Никакъ! Онѣ мнѣ не таковыми кажутся. Я ихъ съ удовольствіемъ слушалъ и даю мое на то соизволеніе. Никогда не думалъ я, чтобы мой сынъ столько былъ разуменъ.

Графиня. Какъ! вы его оправдаете?

Артемонъ. Конечно, сударыня. Онъ никогда бы не могъ лучшаго сдѣлать выбора и заслужить любовь мою. Въ васъ находитъ онъ красоту, разумъ и все то, что можетъ прельстить и привязать къ себѣ молодаго человѣка.

Ипполитъ. Слышите-ли, сударыня! То-то любезный отецъ! Я напередъ увѣренъ былъ, что онъ меня похвалитъ.

Графиня. Развѣ вы забыли, что Пульхерія за него помолвлена?

Ипполитъ. Не я, а Аристархъ можетъ ее счастливою сдѣлать.

Артемонъ. Аристархъ для нея женихъ достойный. Итакъ всѣ дѣла въ тишинѣ окончиться могутъ. Мы не разлажи-

ваемъ, а ладимъ. Вмѣсто того, чтобы я имѣлъ въ васъ дорогую сватью, буду имѣть любезную невѣстку. Мнѣ кажется, что сыновнимъ разумомъ и я самъ нахожу себѣ удовольствіе.

Ипполитъ. Аристархъ Пульхерію страстно любитъ...

Графиня. Быть не можно. Я его больше знаю, нежели бы могла повѣрить этому чуду.

Ипполитъ. Всякое чудо чудомъ и увѣряютъ. Аристархъ! Пульхерія! войдите и сами сдѣлайте конецъ вашему счастію, которое я началъ.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Графиня, Пульхерія, Артемонъ, Ипполитъ, Аристархъ, Дарья и Андрей.

Аристархъ. Вѣрьте, сударыня, этому чуду. Все мое счастіе отъ нея зависитъ. Вы можете судить о моей любви по этому признанію.

Графъ. Она меня въ истинну удивляетъ! Пусть моя племянница выговоритъ; я съ нею согласна буду.

Артемонъ. Она должна за него выдти съ тѣмъ только договоромъ, чтобы для лучшаго въ житьѣ успѣху принялъ онъ службу и не губилъ напрасно своихъ достоинствъ. Въ этомъ будетъ польза отечеству и о томъ всѣ его просятъ.

Аристархъ. Для нея я всему повинуюсь.

Ипполитъ *(Пульхеріи)*. Отечество вамъ всегда за то обязано будетъ.

Графиня *(Пульхеріи)*. Согласна-ли ты за него идти? Прерви наконецъ молчаніе и отвѣтствуй пожалуй.

Пульхерія. Тетушка, сударыня! я... я соглашаюсь для... для пользы отечества.

Ипполитъ *(графинѣ)*. Ну! не я ли совершилъ это чудо, и всѣ эти успѣхи не дѣйствіе ли глупой головы этого вертопраха, какъ вы меня честить изволите? За такіе труды ожидаю я достойнаго награжденія. Оно въ вашихъ устахъ. Сердце ваше еще колеблется! Но къ чему его напрасно мучить? Не можно уже болѣе продлить вамъ моего благополучія. Любовь моя, мой отецъ—все за меня проситъ.

Артемонъ *(графинѣ)*. Согласитесь на двойной союзъ и...

Графиня. Могу-ли я поступить на то съ благопристойностію? Разсудокъ...

Ипполитъ. Съ моей стороны...

Графиня. Никакого согласія въ лѣтахъ...

Артемонъ. Неровни въ лѣтахъ никакой нѣтъ.

Графиня. Промѣнять вдовью жизнь на второе замужство...

Ипполитъ. Вы очень суровы и уже наконецъ мелочами отговариваетесь. Промѣнять вдовью жизнь... промѣняйте я о томъ прошу васъ именемъ безсчетнаго числа вдовъ которыя вамъ примѣромъ служатъ.

Артемонъ. Если вы его не сдержите при этомъ разумномъ намѣреніи, то онъ опять вдастся въ вертопрахи.

Ипполитъ. Непремѣнно!

Артемонъ. Я васъ какъ отецъ прошу и какъ другъ принуждаю.

Ипполитъ. Соединитесь всѣ со мною.

Пульхерія. Чтобъ васъ не обвинялн въ его вертопрашествѣ, склонитесь для всѣхъ насъ...

Аристархъ, Дарья и Андрей. Склонитесь, сударыня!

Графиня. Вы всѣ наступаете на меня, но напрасно. Мое сердце...

Ипполитъ. Оно великодушно, итакъ хотя изъ великодушія за меня выдьте.

Аристархъ. Ничто его не спасетъ, кромѣ вашей руки.

Графиня. Я ему ее даю, но прямо изъ великодушія.

Ипполитъ. Наконецъ я таки довелъ васъ! Не напрасно ли вы упрямились? Вѣдь я вамъ навѣрное сказалъ, что голова ваша, какъ и моя, вскружится.

Артемонъ. Коли-бъ и у всѣхъ молодыхъ людей въ таковыхъ только случаяхъ она кружилась, счастливы бы всѣ отцы и матери были.

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

ТЕСТЬ И ЗЯТЬ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Вольный переводъ съ комедіи Н. Кольле, *называемой* «Depuis et Deronnais».

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Менандръ, отецъ Софіинъ.
Софія, любовница Изидорова.
Изидоръ.
Филатъ, дворецкій Менандровъ.
Ѳедоръ, комнатный его слуга.

Дѣйствіе въ Петербургѣ, въ домѣ Менандровомъ и въ его собственныхъ покояхъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Изидоръ и Ѳедоръ.

Изидоръ *(ведучи за руку Ѳедора)*. Надобно ему быть у себя. Мы сегодня въ приказъ не ѣдемъ. Онъ просилъ меня, чтобы я, не ѣздя со двора, зашелъ къ нему поговорить съ нимъ.

Ѳедоръ. Бояринъ мой близко четверти часа съѣхалъ. За нимъ изъ сената съ повѣсткой приходили. Но садясь въ карету, раза съ три сказалъ онъ мнѣ, если вы, сударь, согласитесь его подождать, то онъ, когда что нечаянное и важное его не удержитъ, болѣе получаса не промѣшкаетъ.

Изидоръ. Изрядно. Я его здѣсь же дождуся. Могу ли я теперь дочь его увидѣть?

Ѳедоръ. Софья Менандровна лишь теперь начала одѣваться.

Изидоръ. Итакъ надобно и ее ждать. По крайней мѣрѣ, дома ли дворецкій?

Ѳедоръ. Филатъ Ѳадѣичъ? Гдѣ-же ему быть такъ рано? Ежели вамъ угодно, я его сюда пришлю?

Изидоръ. Ты меня одолжишь.

ЯВЛЕНІЕ II.

Изидоръ *(сѣвши въ кресла)*. Что это значитъ? Менандръ хочетъ прежде полудня увидѣться со мною? Онъ, который никого къ себѣ до обѣда не допускаетъ. Изъ этого необычайнаго зову что я заключить долженъ?.. *(Скоро встаетъ съ креселъ)*. Еслибы это для моей съ его дочерью свадьбы... и еслибы онъ наконецъ, не откладывая моего благополучія, день къ тому назначилъ! *(Опять садится въ кресла)*. А, несчастный Изидоръ! напрасно ты льстишься. Разныя его отговорки, которыя онъ хитро и безъ всякой нужды вымышляетъ, близко трехъ лѣтъ лишаютъ тебя всей надежды. *(Встаетъ и прохаживается)*. Всякій день вижу я, что онъ сыскиваетъ способы къ удаленію этого союза. Отговорка его всегда одинакая. А въ чемъ бы она состояла? Будто я ужасный волокита, будто я ходокъ въ любовныхъ дѣлахъ. Часто онъ тѣмъ Софію противъ меня раздражаетъ, и мое счастіе удаляя, самъ оправдается. У него и въ обѣдъ и въ ужинъ готовы разныя на мой счетъ сказки. Хотя онѣ и всѣ неправильны, однако, уличая его, я мѣсяца по два виновнымъ бываю. Ну, еслибы онъ зналъ прямую мою вину, мою настоящую слабость... Она одна только и есть, и онато меня и безпокоитъ. Еслибы онъ зналъ безразсудное мое знакомство съ княгиней, съ этою вертопрашкой... Что-бъ тогда было со мною? Дай Богъ, чтобы это отъ него утаилось!

ЯВЛЕНІЕ III.

Изидоръ и Филатъ.

Изидоръ. А! здравствуй, Ѳадѣичъ; я позвалъ тебя, думая, что ты мнѣ скажешь, зачѣмъ столь рано Менандръ Васильевичъ меня къ себѣ звалъ.

Филатъ. Я, сударь, о томъ и не слыхалъ.

Изидоръ. Что дѣлать? Но какъ мнѣ его и его дочери здѣсь ждать надлежитъ, то могу ли я до приходу котораго нибудь изъ нихъ съ тобою поговорить, и не задержу ли я?..

Филатъ. Что это, сударь? вы здѣсь, какъ и самъ хозяинъ, во всемъ властны?

Изидоръ. Я также, какъ и онъ, съ тѣми, кого онъ любитъ, хочу ласково обходиться. *(Филатъ кланяется)*. Ты это заслуживаешь.

Филатъ. Много ко мнѣ милости; я такой чести...

Изидоръ. Прямо достоинъ. Я знаю, что ты всегда вѣрно служилъ моему благодѣтелю и что воспиталъ ему племянника, котораго онъ любилъ равно своей дочери. Знаю я, что онъ послѣ его смерти далъ тебѣ свободу, и что ты, оставшись въ его домѣ и принявъ на себя трудъ управлять имѣ, пріобрѣлъ тѣмъ его къ себѣ дружбу. Онъ тебя не какъ дворецкаго, но какъ искренняго друга всегда принимаетъ: эта ваша дружба очень долго заставляла мнѣ тебя страшиться. Я излишне отъ тебя таился, но твой похвальный третьяго дня поступокъ лишилъ меня всякаго подозрѣнія. Онъ заставилъ меня любить и почитать того, которому я теперь тайну сердца моего открыть хочу.

Филатъ. Вы меня, сударь, похвалами пристыдили; я васъ въ усердіи моемъ напередъ увѣряю.

Изидоръ. Ты увидишь, сколько я на доброе твое сердце надеженъ. Начнемъ искренность съ обѣихъ сторонъ. Признайся, что ничье въ свѣтѣ терпѣніе того перенесть не можетъ, что я близко пяти лѣтъ терплю отъ Менандра. Въ обманчивомъ моемъ состояніи ежедневно сношу я грусть тоску, печаль...

Филатъ. Да отчего-жъ, ежели я спросить васъ смѣю? По моей простотѣ, я того не примѣтилъ. Мой господинъ, любя васъ какъ сына, но не такого, котораго изъ дому выпускаютъ, но какого принимаютъ въ домъ, кажется мнѣ, не подаетъ вамъ ни малаго въ счастіи вашемъ сумнѣнія.

Изидоръ. А! Ты любя его, объ немъ пристрастно судишь.

Филатъ. Никакъ, сударь. Кто принуждалъ его, узнавши васъ, всячески стараться выпрашивать вамъ чинъ, первое подъ собою въ своемъ приказѣ мѣсто, навязываться съ своею дружбою, и наконецъ насильно уговорить васъ жить

въ его домѣ? Не самъ ли онъ далъ вамъ случай влюбиться въ Софію Менандровну? Не отказываетъ ли онъ всѣмъ знатнымъ и богатымъ женихамъ, и тѣмъ не дѣлаетъ ли вамъ предпочтенія? Все это можетъ, какъ я думаю, васъ увѣрить и успокоить.

Изидоръ. Онъ меня предпочитаетъ? Давно уже изволитъ онъ эту честь мнѣ дѣлать, но для чего, онъ дѣломъ ея не доказываетъ. Онъ слово въ слово комедію со мною играетъ. То польститъ моей надеждѣ, то ее разрушитъ; то покажется склоннымъ къ окончанію, то опять отложитъ. Обѣщаетъ мнѣ дочь свою, но дня къ свадьбѣ не назначиваетъ; приближаетъ часъ благополучія моего, и опять его удаляетъ; похищаетъ у меня всю утѣху, и опять ее возвращаетъ,— короче, онъ по часамъ и веселымъ и печальнымъ меня дѣлаетъ. Ну, скажи, не шутка ли это и не ребенкомъ ли онъ меня почитаетъ?

Филатъ. Никакъ, сударь. Неспорно, что это отчасти и бывало, но все миновалось и все васъ въ счастіи увѣряетъ. Вѣдь вы знаете, что онъ въ чести очень колокъ?

Изидоръ. Знаю.

Филатъ. Извѣстно ему, что, взявши васъ къ себѣ въ домъ, подаетъ онъ случай злымъ людямъ многое говорить о его дочери. Это слушать вѣдь непріятно. Но когда онъ все то сноситъ, знать, что у него ваша свадьба твердо придумана.

Изидоръ. Ну?

Филатъ. Примѣтилъ я, что ему не хотѣлось выдать своей дочери прежде двадцати пяти лѣтъ; а какъ она назадъ тому съ недѣлю на двадцать шестой годъ вступила, то и это препятствіе теперь къ сторонѣ.

Изидоръ *(съ горячностію)*. Нѣтъ! не ея лѣты мнѣ препятствовали; надобно, чтобы онъ, находя въ горести и въ мученіи моемъ себѣ удовольствіе, имѣлъ какую нибудь скрытную причину. Ты во всемъ его повѣренность имѣешь. Я на тебя наступить намѣренъ; ты, какъ честный человѣкъ, отъ меня не скроешься...

Филатъ *(прервавъ Изидора)*. Неужли вы забыли, что онъ человѣкъ непостижимый?

Изидоръ. Слышу; онъ меньше непостижимъ, нежели ты скроменъ.

Филатъ. Я! я, сударь?

Изидоръ. Да, сударь, ты! Еслибъ ты мнѣ открылся, то бы и ему сдѣлалъ тѣмъ услугу. Я готовъ клясться, что ты все знаешь.

Филатъ. А я клянусь, что ничего. Вотъ вы, сударь, каковы! тотчасъ и вспылили. Повѣрьте старику, котораго вы теперь же столько выхваляли, повѣрьте, что онъ ничего не знаетъ, или наконецъ и я начну горячиться. Позвольте мнѣ сказать, что если вы совсѣмъ неослѣплены, то бы вамъ примѣтить надлежало, что онъ ничего и никому не открываетъ. Надобно тайны его угадывать. Онъ всѣхъ подозрѣваетъ, и тѣмъ всѣ друзья его равно съ вами обижены. Вѣдь вы это знаете?

Изидоръ. Да, я знаю...

Филатъ *(съ жаромъ рѣчь Изидорову прервавши)*. Но прямо ли вы знаете? Никогда молодые бояра не хотятъ знать основательно. Хорошо ли вы за нимъ примѣчали? Онъ былъ мой бояринъ, теперь мой благодѣтель, и какъ вы говорите, онъ мнѣ и другъ. Я его точно вызналъ. Онъ показывается откровененъ и веселъ, а въ самомъ дѣлѣ онъ хитръ и надъ всѣми шутить любитъ. Онъ безъ шутки почти слова не скажетъ и подъ этимъ видомъ скрываетъ свое на всѣхъ людей подозрѣніе. Какъ ли онъ ни скрытенъ, но можно проникнуть, что онъ на сердца людскія не полагается. Нерѣдко я и отъ него слыхалъ, что онъ не вѣритъ, чтобы благодарные были люди...

Изидоръ. Какъ! онъ и тѣмъ не вѣритъ, кого самъ любитъ?

Филатъ. Конечно, лучшему своему другу онъ прямо не ввѣряется. Онъ такъ чувствителенъ и такъ разборчивъ въ дружбѣ, что не думаетъ сыскать искренняго друга и быть столько любимъ, сколько онъ любитъ.

Изидоръ *(очень горячо)*. Неужли онъ и во мнѣ, что я его какъ отца люблю и почитаю, сумнѣвается? Такому подозрѣнію быть не можно. Что-бы его произвесть могло?

Филатъ. Многія причины. Онъ въ томъ совершенно обвиненъ быть не можетъ, когда вы все узнаете. Вражда и злоба отъ сестеръ, чрезвычайная неблагодарность отъ тѣхъ, кому онъ добро дѣлалъ, гоненіе отъ злодѣевъ, забвеніе отъ друзей, измѣна отъ всѣхъ, кого онъ ни зналъ... *(тихо)* наконецъ почти и отъ самой его супруги—все это не довольно ли его ожесточить могло?

Изидоръ. Какъ! онъ и во мнѣ сумнѣвается? во мнѣ!

Филатъ. Въ васъ? Также, какъ и во всѣхъ.

Изидоръ. Но что-бы къ тому давало ему причину?

Филатъ. Что-бы такое? И, сударь! положимъ, что ваше волокитство.

Изидоръ *(смущенно)*. Но съ чего бы онъ заключилъ этакую небылицу? Я довольно знаю Менандра, а онъ житье свѣтское; итакъ я не думаю, чтобы онъ изъ бездѣлицъ сталъ ко мнѣ приязки дѣлать.

Филатъ. Вы это бездѣлицею, а онъ важнымъ дѣломъ почитаетъ. Въ другомъ человѣкѣ онъ тоже бы почелъ шуткою, что въ васъ опасностію находитъ. Подозрѣвая все, думаетъ онъ, что его зять, женившись на его дочери, эти же бездѣлицы продолжая, можетъ вредныя сдѣлать слѣдствіи. Кажется ему, что какъ скоро мужъ нѣсколько проступится, то тѣмъ несказанно огорчитъ жену свою. Тутъ начало несогласія, а отъ того все произойти можетъ. Мужъ станетъ расточать, а жена, платя ему, удаляться добродѣтели, оба же забывать о домѣ и о дѣтяхъ. Наконецъ заключаетъ онъ, что все это удобно можетъ привесть васъ въ совершенное разореніе и въ презрѣніе у всѣхъ людей. Все это, все, сударь, онъ себѣ вообразить можетъ. Къ несчастію его, многое онъ уже и опытами видѣлъ. Станется, что я васъ этимъ прогнѣвалъ. По крайней мѣрѣ, доказалъ я вамъ, что вы не ошиблись, почтя меня искреннимъ человѣкомъ. *(Отходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Изидоръ *(смущенно)*. Нѣтъ! ты это очень уважаешь. Менандръ не столько строгъ въ такихъ малостяхъ. *(Стоитъ неподвижно)*. Но описаніе его нрава меня ужаснуло... *(Помолчавши)*. Я чувствую, что какъ ли мысли его ни строги, но правильны. Смущаюсь, робѣю и стыжусь, напоминая мою слабость... Я могъ склониться не на прелести, а на жеманствы княгинины! Я гнусно измѣнилъ нѣжной и любви достойной Софіи, которою сердце мое и мысли полны и которую я ни на минуту не забываю. О вредный обычай! О наказанія достойное самолюбіе! Счастливъ я, что она мгновеннаго моего ослѣпленія не знаетъ. Близко мѣсяца это без-

умство продолжалось и меня терзало. А за тщеславную забаву неумолкныя раскаяніи довольно мнѣ отмстили.

ЯВЛЕНІЕ V.

Софія и Изидоръ.

Изидоръ *(увидѣвъ Софію)*. Можно ли измѣнить ей?..

Софія *(смущенно)*. Ты здѣсь, и такъ рано! Это почти необычайное дѣло.

Изидоръ. Оно по волѣ вашего родителя. Онъ приказалъ мнѣ до обѣда...

Софія. Что-бы это значило? Сегодня-жъ на ужинъ приказывалъ онъ звать всю ближнюю родню и друзей своихъ. Ѳедору о томъ такъ приказано, чтобы мы ничего не вѣдали. Тутъ есть какая-нибудь тайна.

Изидоръ. Еслибы эта тайна открылась согласно моему желанію... и еслибы онъ всѣхъ этихъ гостей для того созвалъ, чтобы при нихъ назначить день нашей свадьбы.

Софія *(прервавъ его)*. Этого еще долго ожидать.

Изидоръ *(весело и живо)*. А можетъ мы сегодня же обвѣнчаны будемъ. Мнѣ это сердце предвѣщаетъ. Отецъ вашъ любитъ во всемъ чрезвычайность.

Софія. Не дай Боже новаго препятствія!..

Изидоръ *(прервавъ ее съ восхищеніемъ)*. А! еслибы этотъ день былъ тотъ счастливый... *(Самъ себя прерывая)*. Позволь мнѣ безъ препятствія льститься, что онъ свершитъ мои желанія и наградитъ мою любовь... Софія! я тебя прямо обожаю. Страсть моя, ежедневно по степенямъ восходя, усилилась и совершенно мною владѣетъ. Вчера, разставшись съ тобою, бывъ полонъ нѣжныхъ чувствованій, думалъ я, что уже болѣе того любить тебя не можно, но въ эту минуту чувствую, что я еще сильняе тебя люблю.

Софія. Изъясняя свою любовь, изъясняешь ты мою къ тебѣ горячность, исключая только... что мое сердце никогда ничѣмъ инымъ занято не бываетъ. Всегда оно съ тобою. Все, что до тебя принадлежитъ, меня восхищаетъ, а безъ тебя ничто меня не веселитъ? Но ты? А, Изидоръ! Какъ? Возможно ли тому статься? На тебя имѣютъ подозрѣнія. На тебя, что ты мнѣ невѣренъ. Этими подозрѣніями отецъ мой счастіе наше удаляетъ.

Изидоръ *(голосомъ нѣсколько смущеннымъ)*. Однако, сударыня... однако, доказали ли вамъ когда-нибудь мое непостоянство хотя слабымъ свидѣтельствомъ?

Софія. Нѣтъ. Я тебя оправдаю. Можетъ быть, все это выдумываютъ на то, чтобы откладывая нашу свадьбу, лучше прикрыть свои намѣренія. Мнѣ этакъ думать пріятно.

Изидоръ *(отвѣтствуя съ жаромъ)*. Это самая правда... Но обратимся опять къ нашей свадьбѣ. Если этотъ день пройдетъ, не соверша нашихъ желаній, и если Менандръ вздумаетъ новыми вымыслами еще осудить насъ къ ожиданію, тогда, прервавъ терпѣніе, начните ему говорить. Вы уже теперь въ такихъ лѣтахъ, что и не преступая благопристойности, имѣете право говорить о себѣ.

Софія *(голосомъ нѣжнымъ и величественнымъ)*. Я имѣю право? Я? На это не полагай ты никакой надежды. Какъ? Мнѣ имѣть право противъ отца! Откуда дѣтямъ его получить, а особливо мнѣ, которая и виду къ тому не имѣетъ? Если-жъ бы я и имѣла, то вмѣсто того, чтобы имъ пользоваться, я бы еще болѣе стала повиноваться моей должности. Мнѣ несносны и гнусны тѣ дѣти, которыя, забывая ихъ къ родителямъ почтеніе, говорятъ,что я свое имѣю, отцовское или материнское, и что не смотрю на отца или мать. Какіе это нравы! Сущее варварство! Къ несчастію нашему, они у насъ уже и не рѣдки. Ихъ истреблять должно, а ты хочешь, чтобы я...

Изидоръ. Избави меня Боже! Не къ тому мое намѣреніе клонилось; вы очень строго слова мои судите; однако я могу сказать, что и вы чрезмѣрно уважаете почтеніе и благодарность. Я знаю вашу должность, я ее вижу, но отецъ вашъ также, какъ и вы, съ своей стороны ее не имѣетъ ли и не долженъ ли и онъ вамъ чѣмъ?

Софія *(съ ласкою)*. Ничѣмъ, ничѣмъ, сударь!

Изидоръ *(съ нѣкоторою досадою)*. Это уже слишкомъ ослѣпляться! А!.. это-ли любовь? такъ-ли я люблю?.. сердце твое отцу твоему, какъ робкій невольникъ повинуяся, не...

Софія. Изидоръ! ты не вѣдаешь, что дарованіе жизни есть самое малое изъ его ко мнѣ благодѣяній.

Изидоръ. Скажите-жъ, чего я не знаю?

Софія. Еслибы ты вѣдалъ, о Боже! какъ велика была и какова есть его ко мнѣ родительская любовь?.. Пріятное это напоминаніе нудитъ меня теперь разсказать тебѣ тяж-

кое для меня признаніе, признаніе такого дѣла... которое бы я навсегда въ сердцѣ моемъ хотѣла заключить. Но нѣтъ! я не могу отъ тебя скрываться. И когда ты поощряешь меня неизвѣстнымъ мнѣ правомъ, такъ знай... Я колеблюсь...

Изидоръ *(весьма нѣжно)*. Софія! я тебя обожаю, ты меня прямо знаешь, и не хочешь довѣр...

Софія *(съ прямою откровенностію)*. Я тебя довольно поя читаю, чтобы тебѣ открыться. Съ самаго рожденія, по предразсужденіямъ людскимъ, была я осуждена къ позору и къ лишенію всего счастія. Но этотъ мною почитаемый отецъ, противъ всѣхъ своихъ сродниковъ, чрезъ долгое уже время послѣ моего рожденія, для меня, единственно по его ко мнѣ горячности, любовь къ моей матери утвердилъ бракомъ.

Изидоръ *(съ самою чрезвычайною живностію)*. По этомъ признаніи я тебя еще болѣе почитаю.

Софія *(прервавъ съ жаромъ)*. Ты теперь знаешь, что ему всѣмъ должна. А чтобы еще болѣе узнать, выслушай до окончанія. Вѣдай, что онъ за то отъ суроваго отца своего лишенъ былъ наслѣдства. Вмѣсто всего богатства осталась ему одна только честь и твердость душевная. Все, что онъ нынѣ имѣетъ, пріобрѣлъ онъ своею добродѣтелью. И если онъ былъ когда въ бѣдности, то былъ прямо отъ великой его ко мнѣ любови. Суди по тому, сколько сердце мое должно быть благодарно!.. Отъ такого отца съ почтеніемъ и съ молчаніемъ надлежитъ мнѣ ожидать моей участи.

Изидоръ *(горячо и скоро)*. Я болѣе усиливаться не буду, и думаю, что этотъ добродѣтельный отецъ не долженъ имѣть иныхъ намѣреній, какъ только чтобы насъ благополучными сдѣлать. Я начинаю прямо надѣяться, что онъ сегодня это исполнитъ.

Софія *(съ видомъ довольнымъ)*. Онъ конечно печется о нашемъ счастіи. Съ нашей стороны должны и мы о его удовольствіи думать. Поговоримъ же о нашемъ давнишнемъ намѣреніи, какъ бы намъ утѣшать этого любезнаго отца послѣ нашей свадьбы...

Изидоръ *(перервавъ съ жаромъ)*. О! я моими стараніями надѣюсь его всякій день годомъ моложе дѣлать. Самыя малости, когда онѣ отъ искренняго происходятъ сердца, услаждаютъ нашу жизнь. Напримѣръ, по вечерамъ, если у него никого не будетъ, стану я всегда играть съ нимъ въ шашки; эта вѣдь его любимая забава...

Софія. Не забудь, что онъ и музыку очень любитъ.

Изидоръ. Очень помню. Всякую недѣлю будемъ мы раза по два дѣлать концерты; да и кромѣ того, ты, сидя у клависина, а я при тебѣ съ скрипкою, болѣе его развеселимъ, нежели двадцать человѣкъ.

Софія. Это правда. А какъ ты знаешь, что онъ давно уже не ужинаетъ и что я съ нимъ, покуда онъ не заснетъ, проговариваю, то я и послѣ свадьбы это продолжать буду, лишь бы тебѣ оно не прискучило...

Изидоръ. Мнѣ наскучить? Я самъ тогда буду сидѣть съ вами, и даю слово ни разу въ гостяхъ не ужинать.

Софія *(съ пріятностію)*. Итакъ его забавы будутъ нашими. Пуще всего надлежитъ намъ стараться угождать старымъ его друзьямъ.

Изидоръ *(перервавъ съ стремленіемъ)*. И лучше всего, кромѣ ихъ, ни съ кѣмъ не знаться. Когда я буду владѣть тобою, тогда мнѣ все при тебѣ будетъ пріятно.

Софія. А, Изидоръ! какъ ты меня восхи... но вотъ и онъ.

Изидоръ. Слышите-ли? онъ Филату о приготовленіи стола приказываетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Софія, Изидоръ, Менандръ и Филатъ *(послѣдніе два одаль)*.

Менандръ *(съ веселымъ видомъ)*. А! здравствуйте, дѣти. Я тотчасъ нѣчто вамъ скажу, чѣмъ вы оба будете равно довольны. *(Отведши Филата къ сторонѣ)*. Пожалуй ты самъ посмотри хорошенько, чтобы все было готово. Я послалъ уже Ѳедора другихъ сзывать, кромѣ тѣхъ, о коихъ я тебѣ сказывалъ. Они люди почтенные, итакъ приличнѣе, чтобы ты къ нимъ съѣздилъ.

Филатъ. Все по волѣ вашей исполнено будетъ. Но смѣю ли спросить, для какого веселія этотъ пиръ, и не свадь...

Менандръ. Во всѣхъ любопытство! Послѣ узнаешь.

Филатъ. Слышу, сударь. *(Идучи, дѣлаетъ разные знаки Изидору и Софіи съ видомъ веселымъ)*.

Изидоръ *(тихо Софіи)*. А! я вижу прямо наше счастіе.

Онъ его куда-то посылаетъ. Конечно, зачѣмъ-нибудь для свадьбы...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Менандръ, Софія и Изидоръ.

Менандръ *(видомъ веселымъ и откровеннымъ)*. Я тебя ранѣе обыкновенно поднялъ, но ты на меня не осердишься. Сегодня получилъ я ту радость, о которой слишкомъ годъ просилъ безотступно. Поздравьте меня. Я отставленъ. *(Оба ему кланяются, а онъ говоритъ дочери)*. Поздравимъ же и мы его. Онъ на мое мѣсто главнымъ судьею пожалованъ.

Софія. А, батюшка!..

Изидоръ. А, сударь! въ моемъ восхищеніи...

Менандръ *(прервавъ и говоря слѣдующее очень скоро)*. Перестаньте; этимъ я ничего больше не сдѣлалъ, какъ только получилъ себѣ покой, а тебѣ принесъ удовольствіе. Правда, что я долго о томъ старался, и только лишь въ воскресенье указъ подписанъ. Поѣзжай скоряе благодарить общаго нашего благодѣтеля; онъ помогъ намъ въ этой милости. Я уже мой долгъ исполнилъ, а для тебя онъ полдня назначилъ. Скоро двѣнадцать часовъ ударитъ; спѣши и пріѣзжай съ нами обѣдать. Поѣзжай-же.

Изидоръ *(внѣ себя)*. Я поскачу къ нему. Этимъ свадьба наша... Чрезмѣрная моя радость... крайнее смущеніе... сердце мое столь много чувствуетъ, что его неописанное восхищеніе препятствуетъ словамъ... Словъ мнѣ недостаетъ... Простите, уже я больше не сумнѣваюсь! *(Бѣжитъ, обнявъ Менандра)*.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Менандръ и Софія.

Менандръ *(по выходѣ Изидора съ притворнымъ удивленіемъ и съ видомъ и голосомъ насмѣшливымъ)*. Какое излишнее восхищеніе! Какъ-же онъ этимъ чиномъ обрадованъ! Радость его неумѣренна и мнѣ непріятна. Не желалъ бы я видѣть въ немъ столько много жара къ такой вещи, которая не что иное, какъ тщеславіе и корысть.

Софія. Онъ! онъ корыстію обрадованъ?.. А, сударь! можете ли вы его въ томъ подозрѣвать? Если онъ тѣмъ столько тронутъ, если онъ за то чрезмѣрно показался чувствителенъ, такъ это для того, что онъ отъ того уповаетъ нашей свадьбы, въ которой, повидимому, и сумнѣваться болѣе не надлежитъ. Этотъ вашъ поступокъ въ скоромъ нашего счастія совершеніи насъ увѣряетъ.

Менандръ *(улыбаясь съ хитростію)*. О! что оно вѣрно, то вѣрно, но не такъ скоро.

Софія. Что, сударь?

Менандръ. Любя Изидора и любить его причину имѣя, хотѣлъ я прежде смерти моей доставить ему мое мѣсто. Я его почти ему уступилъ. Вмѣстѣ съ чиномъ увѣряю я его и въ томъ, что онъ непремѣнно твоимъ мужемъ будетъ. Точно такъ! это мое намѣреніе, оно же и непремѣнно. *(Голосомъ шуточнымъ и улыбаясь)*. Но если вы льстились, что это будетъ завтра, такъ оба вы изволили жестоко обмануться.

Софія *(съ весьма примѣтнымъ смущеніемъ)*. Батюшка, сударь... если Изидоръ...

Менандръ *(перервавъ ея рѣчь)*. Я истинно его люблю и почитаю, онъ нашелъ путь къ моему сердцу и онъ меня также любитъ... По крайней мѣрѣ, съ его стороны много я видѣлъ такихъ наружностей, которыя меня въ чести его увѣряютъ. Я бы за него въ томъ поручился... *(окончивая видомъ шуточнымъ и смѣясь)* еслибы можно было ручаться за какого-бъ то ни было человѣка.

Софія. Что-жъ вамъ препятствуетъ?

Менандръ *(голосомъ нѣжнымъ)*. Ни что. Ты видишь, что я сегодня утвердилъ его участь. Мнѣ кажется, что это можетъ служить несумнѣннымъ знакомъ моей къ нему дружбы *(очень нѣжно)* и что мое сердце избрало его мнѣ вмѣсто сына. Если по несчастію я завтра умру, то тебѣ приказываю... слушай, любезная дочь, я приказываю тебѣ за него выдти... *(Голосомъ шуточнымъ)*. Но я еще живъ... я намѣренъ, слѣдуя осторожности, обождать, доколѣ разумъ его прямо не созрѣетъ, доколѣ нравъ его не утвердится. Теперь еще онъ очень прытокъ, щеголеватъ, и нельзя сказать, чтобъ не волокита...

Софія *(прервавъ его рѣчь)*. Э, сударь! я васъ увѣряю, что

всѣ на него подозрѣнiи напрасны... Есть-ли въ нихъ хотя видъ справедливости?

Менандръ. Если-жъ они основательны? Если я, какъ ли ты въ немъ ни надежна, могу нѣсколькими словами, которыя я вчера узналъ, встревожить твое сердце... но нѣтъ! я тебя пощажу. Довольно, если онъ исправится. Я желаю счастiе твое твердо основать. И хотя въ нашемъ преучтивомъ вѣкѣ, въ нашемъ народѣ, который, слѣдуя всему тому, что у чужестранцевъ есть осужденiя достойнаго, хотя я прослыву смѣшнымъ, хотя на меня пальцами указывать будутъ, хотя станутъ величать меня антикомъ, какъ нынѣ москвичи отцевъ и матерей своихъ называютъ, хотя все это сбудется со мною за то, что я хочу, чтобы мужъ никого не любилъ, кромѣ жены своей — я при своемъ мнѣнiи...

Софiя *(перервавъ его съ нетерпѣливостiю)*. Къ чему все это? къ чему, сударь? Я въ сердцѣ его увѣрена. Изидоръ никого кромѣ меня не любитъ, онъ мнѣ вѣренъ.

Менандръ *(самымъ насмѣшливымъ голосомъ)*. О, конечно и всеконечно! Мнѣ пришло теперь на память, что въ его лѣта, также какъ и онъ, бывалъ я вѣренъ, но многимъ вдругъ женщинамъ. Только не перестать-ли о томъ говорить?

Софiя *(удерживая его)*. Дозвольте еще минуту.

Менандръ. За минуту ни слова.

Софiя *(съ видомъ любопытнымъ)*. По крайней мѣрѣ, скажите мнѣ новыя ваши причины, для которыхъ вы его еще на испытанiе осуждаете? Неужли вините вы его по одному сумнѣнiю? Не должно ли на то имѣть доказательства?

Менандръ *(шутливо)*. Доказательства! Вотъ обыкновенная ваша защита. Можно-ли ихъ сыскать противъ того, кто самъ проворенъ? Знаю я только, что нашего волокиту какая то госпожа, и госпожа знатнаго роду... жестоко любитъ... А вотъ за то-то я болѣе всего и виню Изидора, и болѣе всего страшуся такого знакомства. Легче бы я простилъ все, нежели двудневное знакомство съ кокеткой знатнаго роду. Если кто прильнетъ къ этакой женщинѣ, которыхъ нынѣ непрямымъ ихъ именемъ называютъ, то онъ послѣ непремѣнно приключитъ домашнiя безпокойства.

Софiя. Однако, сударь...

Менандръ *(прервавъ ее)*. Однако, сударыня, надобно тебѣ о томъ хорошенько подумать. Я иду...

Софiя *(удерживая его)*. Еще одну минуту. Это конечно

на шутку выдуманная сказка, иначе-жъ бы имя и все дѣло вамъ пересказали.

Менандръ. По глупой разборчивости, этотъ пріятель отрекся сказать имя твоей соперницы.

Софія. О, это прямая сказка!

Менандръ *(голосомъ важнымъ)*. Можетъ быть, что все неправильно, но по крайней мѣрѣ на правду похоже. Итакъ надлежитъ мнѣ подождать, а отнюдь не спѣшить... *(Голосомъ нѣжнымъ и ласковымъ)*. Я не знаю, для чего, любезная дочь, сердцу моему съ удовольствіемъ хочется тебя въ томъ увѣрить. Отъ чего-жъ бы это происходило? Отъ того, что я тебя люблю столь много, что никакой отецъ болѣе того своей дочери любить не можетъ. *(Обнявъ ее съ лаской)*. А, Софія!.. Въ тебѣ полагаю я все мое благополучіе. Перестань своими слезами тревожить отцовское сердце. Еслибы ты знала, сколь много моя о тебѣ любовь попеченія имѣетъ, ты бы увидѣла, что я противъ моей воли сердце твое принуждаю... что противъ желанія моего употребляю...

Софія *(перервавъ его и плачучи отходитъ)*. Когда Изидоръ возвратясь это узнаетъ, тогда онъ болѣе опечалится, нежели былъ обрадованъ.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Менандръ *(имѣя видъ жалостный)*. А! не безъ малаго себѣ насилія отлагаю я счастіе этихъ мнѣ милыхъ дѣтей. *(Голосомъ твердымъ)* Но прямо разсудя, все доказываетъ мнѣ истину моего правила. Собственное мое испытаніе, къ моему несчастію, научило меня знать людей. *(Голосомъ больше прежняго твердымъ)*. Если-жъ я соглашусь на ихъ свадьбу, то въ старости моей осужденъ буду опять къ той-же участи, отъ которой я стенялъ неоднократно: я буду жить одинъ, или умру отъ печали, увидѣвъ вдругъ потерю и дочери и друга. Это мое подозрѣніе правильно; я его отъ нихъ скрываю: оно бы ихъ пуще опечалило. Его-то утаивая, выискиваю я разные способы къ прикрытію моихъ отсрочекъ. Для того-то я и нападаю на Изидора за его любовныя шалости. Надобно еще на нѣсколько времени отложить ихъ свадьбу. Какъ много они меня винить ни будутъ, но мнѣ не должно во вредъ себѣ поспѣшить ихъ счастіемъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Менандръ. Это предпріятіе не имѣетъ успѣха. Дочь моя не хочетъ вѣрить, что у Изидора есть тѣсная дружба съ знатною госпожею. Напрасно мучусь я, сыскивая на то вѣрное свидѣтельство, которое мнѣ необходимо нужно. Оно можетъ оправдать меня и ихъ обоихъ принудить къ ожиданію. Я Филату велѣлъ присматривать; онъ хотя и отрекался, только я отъ него этой услуги надѣюсь. Время бы ему и возвратиться...

ЯВЛЕНІЕ II.

Менандръ и Филатъ.

Менандръ. А! все ли ты сдѣлалъ?

Филатъ. У всѣхъ былъ, и всѣ пріѣхать обѣщались. Спрашивали при томъ, что-бы это за пиръ былъ, я имъ хотя не сказалъ, что это точно для сговора, но намекнулъ, такъ что...

Менандръ. Такъ что они безъ труда догадались, и кстати ли тебѣ на старости такъ шалить?

Филатъ. А, сударь! мнѣ очень хочется видѣть и воспитать вашего внука.

Менандръ. Какъ же еще долго этого ждать! Я тебя просилъ, чтобы ты мнѣ помогъ узнать проказы Изидоровы. Онъ очень искусно скрывается...

Филатъ. Хотя-бы онъ и не скрывался, я бы вывѣдывать этого не хотѣлъ; а коли-бъ узналъ противъ желанія, то бы конечно вамъ не сказалъ, а осмѣлился бы ему за то выговорить. Дивлюсь я, для чего вы такъ много этимъ безпокоитесь!

Менандръ. Для того, что это меня очень безпокоитъ. Итакъ ты ничего не знаешь?

Филатъ. Ничего, сударь! По честной...

Менандръ. Разумѣю я тебя, честный человѣкъ. Полно, я безъ тебя все узнаю, и я жду сегодня послѣдняго отвѣта.

Филатъ. А я думаю, что этотъ отвѣтъ совсѣмъ васъ успокоитъ. Да къ чему-же всѣ эти изслѣдованія? Лучше бы всего сегодня свадьбу...

Менандръ *(прервавъ его съ досадою)*. Оставь совѣты, оставь, господинъ скромникъ. *(Очень колко)*. Ты за него очень усердно стряпаешь. Вижу я сколь много можно въ нашемъ вѣку надѣяться на людей, и на самыхъ тѣхъ, которымъ мы прямо служили!

Филатъ *(голосомъ жалкимъ и съ чувствительностію)*. Упреки, сударь, не безчестятъ невиннаго человѣка. Я къ вамъ конечно должную благодарность имѣю. Неужли вы ни одного честнаго человѣка въ свѣтѣ не видали?

Менандръ *(прервавъ шуточно)*. По совѣсти нѣтъ, но надобно потерпѣть, можетъ быть со временемъ увижу. Мнѣ еще только шестьдесятъ пять лѣтъ. Поди и приготовляй...

ЯВЛЕНІЕ III.

Менандръ и Ѳедоръ.

Ѳедоръ. Вотъ, сударь, письмо, которое мнѣ незнакомый слуга отдалъ съ тѣмъ, что бы я вамъ его вручилъ, когда вы одни будете, и что вы знаете, отъ кого оно.

Менандръ. Подай!

Ѳедоръ. Онъ завтра будетъ за отвѣтомъ.

Менандръ. Хорошо.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Менандръ. Этотъ старикъ отъ меня скрывается изъ чести; такъ знать, я не найду ее иначе въ людяхъ, какъ только въ противность моимъ намѣреніямъ. Мой развѣдыватель не является. Знать, и онъ ничего не узналъ. *(Глядя на письмо)*. Но отъ кого бы это было? *(Глядя близко на подпись)*. О, къ чорту! какъ же оно душисто, будто-бъ отъ любовницы. «Г. Менандру». Прочитать его. *(Письмо читаетъ)*. Я право ничего не понимаю. *(Опять тихо читая, останавливается)*. Это прямая находка; только не на сокола птица налетѣла. У меня любовница! полно, не ошибся ли я? посмотрѣть-было еще надпись. Нѣтъ! *(Перечитывая надпись)*. «Господину Менандру... У господина Изидора.» *(Продолжаетъ съ восхи-*

щеніемъ). Вотъ и сумнѣніе рѣшилось! Оно къ моему пріятелю, къ этому постоянному любовнику. *(Прохаживаясь, говоритъ важно)*. Я бы раскаялся, еслибы и ошибкою распечаталъ эту бумажку, но вина ихъ, а не моя. Теперь глупо бы было не воспользоваться этимъ нечаяннымъ случаемъ. *(Читаетъ сквозь зубы и черезъ нѣсколько рѣчей выговариваетъ слѣдующія слова)*. Прочитавши со вниманіемъ, положимъ, что дѣлать. Гомъ, гомъ... гомъ... «къ твоей княгинѣ...» Гомъ, гомъ, гомъ, гомъ! Это въ четвергъ, и въ четвергъ непремѣнно. Гомъ, гомъ, гомъ, «любезный Изидоръ» и прочее... Это самое чистое свиданіе начначено нашему пріятелю какою-то княгиней, которая *(смотря, подписано ли письмо)* о себѣ знать не даетъ. Но по вольному и вѣтренному ея слогу надобно ей быть изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ всѣ знаютъ какъ называть надлежитъ. Въ самомъ дѣлѣ, это свиданье не что иное, какъ бездѣлка, оно меня ни мало не смущаетъ. Тутъ сердце не можетъ имѣть участія. Но какъ я свидѣтеля въ рукахъ имѣю, то и надѣлаю изъ того довольно шуму. Увѣрю Изидора, что я вподлинну за его поступокъ жестоко огорченъ и тѣмъ защищу отсрочку его свадьбы. *(Голосомъ самымъ лукавымъ и съ великою радостію)*. Въ теперешнихъ нашихъ обстоятельствахъ ты, другъ мой, имѣешь къ четвергу свиданіе. А, какъ же я доволенъ! Какая же удачная отъ ея сіятельства ошибка! *(Голосомъ важнымъ)*. Нечаянный случай всегда лучше людей мнѣ служилъ. *(Увидѣвъ дочь и Изидора)*. А! други-то мои уже и жалуютъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Менандръ, Софія и Изидоръ *(послѣдніе два при входѣ)*.

Изидоръ. Возможно-ли тому статься?

Софія *(Изидору)*. Это самая истина.

Изидоръ *(Софіи)*. Его поступокъ непонятный.

Менандръ *(стоя на своемъ мѣстѣ про себя)*. Надобно удержать видъ холодный.

Изидоръ *(Софіи приближаясь)*. Нѣтъ, сударыня! нѣтъ, не можно!..

Софія. Когда не вѣришь, спроси у самого...

Изидоръ *(съ досадою)*. Могу-ли я у него спрашивать... Я опасаюсь въ крайней моей досадѣ...

Софія *(прервавъ)*. Говори съ нимъ. но воздержись...

Изидоръ *(съ досадою, которую онъ скрыть старается, но она противъ его воли прорывается)*. Вѣрить-ли мнѣ, сударь, что вы, испытывая мое постоянство, что поражая мое сердце и неосновательными причинами терпѣніе мое прерывая, еще свадьбу мою откладываете?

Менандръ *(голосомъ притворнымъ и съ холодностію)*. Боже мой! Къ чему столько горячиться? Развѣ ты ненадеженъ на свою невинность? Постой! изъяснимся безсспорно. Не грѣша противъ истины, могъ я на тебя въ любовныхъ шалостяхъ имѣть нѣкоторыя подозрѣніи.

Софія *(прерывая скоро)*. Все это онъ теперь же рѣшитъ.

Менандръ *(тѣмъ же притворнымъ голосомъ)*. Я ихъ болѣе уже не имѣю; они уже всѣ доказаны и всѣ рѣшены. Съ тѣхъ поръ, какъ я съ тобою разстался, дѣла совсѣмъ перемѣнились.

Софія *(перервавъ еще съ большимъ жаромъ)*. Я въ томъ была надежна, и вамъ сказывала, что Изидоръ мнѣ вѣренъ.

Менандръ *(голосомъ еще того притворнѣе и съ насмѣшкою)*. Теперь это совсѣмъ безспорно. Но я, я, сударыня, могъ-ли я предузнать, что въ нашемъ вѣтренномъ вѣкѣ есть вѣрный любовникъ? Итакъ позволялось мнѣ, хотя онъ прямо тебя обожаетъ, подумать, что любитъ онъ еще и другую для запаху. *(Оборотясь къ Изидору съ колкою улыбкою)*. А это вѣдь легко сбыться можетъ.

Изидоръ *(не могши болѣе удержать своего огорченія)*. Оставьте, сударь, безпрестанныя шутки. Развѣ вы не имѣете инаго средства къ несдержанію своего слова.

Менандръ *(прервавъ его, первое слово выговариваетъ съ великимъ огорченіемъ, потомъ утишась, продолжаетъ съ самою колкою шуткою)*. Не сдержать обѣщанія... На твою вспыльчивость буду я отвѣчать ласкою, а чтобы устыдить тебя, съ сего-жъ часу зачну я дѣлать распоряженія къ вашей свадьбѣ. *(Очень скоро, къ дочери своей обращаясь)*. Увѣрясь теперь въ постоянномъ и нѣжномъ сердцѣ твоего любовника, чувствую я, что мнѣ надлежитъ согласиться къ награжденію столь непорочной любови.

Изидоръ *(въ сторону)*. Это еще какая нибудь хитрость.

Менандръ. Что ты ворчишь?.. Послушай меня, зятюшка; въ сію-жъ минуту назначимъ день къ свадьбѣ.

Изидоръ (*смущенно*). Хорошо, сударь...

Менандръ (*голосомъ притворнымъ*). Посмотримъ, въ который бы день. Ну, сегодня вторникъ. Надобно намъ на изготовленіе цѣлый день. Итакъ середа прочь...

Изидоръ (*прервавъ его съ жаромъ*). И такъ, сударь, четвергъ назначимъ.

Менандръ (*шутливо*). Ты очень вѣтренъ и безпамятенъ: въ четвергъ у тебя есть дѣло.

Изидоръ (*съ удивленіемъ*). Дѣло?

Софія. Дѣло?

Менандръ. Да, сударь, дѣло, и дѣло не шуточное. (*Оборотясь къ дочери*). Совсѣмъ противное свадьбѣ, о которомъ я знаю, которое ему пріятно и которое не допуститъ его четверга къ свадьбѣ выбрать.

Изидоръ (*видомъ смущеннымъ и безпокойнымъ*). Я никакого дѣла не имѣю... и можетъ ли такое быть, которое бы...

Софія (*прервавъ Изидора, говоритъ отцу*). Что это значитъ?

Изидоръ (*прервавъ съ великимъ жаромъ*). Я васъ ни мало не понимаю. Сегодня, завтра, четвергъ, для меня всѣ дни равны, и я...

Менандръ (*голосомъ насмѣшнымъ*). А то не всѣ. Я твои четверговыя дѣла лучше тебя знаю. (*Показывая ему письмо княгинино*). Посмотри, это письмо ко мнѣ надписано, хотя оно тебѣ принадлежитъ. (*Голосомъ нѣжнымъ и утвердительнымъ*). Ошибкой и безъ всякой хитрости, я его прочелъ; прямо нечаянно.

Софія (*съ жаромъ*). Да отъ кого это письмо?

Менандръ (*голосомъ шуточнымъ*). Оно отъ нѣкакой княгини, которой я не знаю, но которую несумнѣнно его милость знаетъ довольно и предовольно.

Изидоръ (*въ сторону*). Я погибъ!

Софія. Что я слышу!

Менандръ (*Софіи*). Смотри! смотри! какъ онъ смутился. Мнѣ его жаль: онъ тѣмъ доброе сердце показываетъ.

Изидоръ (*сквозь зубы*). Я... не... не смущаюсь...

Менандръ (*смѣючись*). Смущеніе его прибавляется. Голосъ, глаза, лицо, страхъ, все его уличаетъ.

Софія (*голосомъ недовѣреніе показующимъ*). Можетъ быть это нарочную шутку съ нами дѣлаютъ, чтобы я ревнуя...

Менандръ (*прервавъ ее*). Постой-же немножко. Прочтемъ письмо; пусть онъ отъ него отопрется или оправдается.

Софія *(Изидору)*. Что это? ты молчишь! А, Изидоръ!

Менандръ *(Софіи)*. Послушай, это любовное письмецо, которое къ твоему постоянному любовнику пишутъ. Ты увидишь, что я напрасно его подозрѣвалъ, будто онъ еще слишкомъ живъ и что тебѣ пора за него выдти... *(Хочетъ читать)*.

Изидоръ *(прервавъ и держа его за руку, скрываясь отъ Софіи и хотя ему препятствовать)*. Ради Бога, сударь!

Менандръ *(вертя головою)*. О нѣтъ! нѣтъ! еслибы ты не столь сурово поступилъ, еслибъ ты не укорялъ меня несдержаніемъ слова, то бы только мы двое это прочли. Но что бы мнѣ во всемъ, чѣмъ меня ни обвиняютъ, оправдаться, то принужденъ я противъ желанія при дочери моей... *(Оборотясь къ Софіи)*. Итакъ, станемъ читать. *(Читаетъ)*. «Что это? еще не болѣе мѣсяца, какъ ты кружишь голову своей княгинѣ, а уже болѣе недѣли, какъ она объ тебѣ не слышитъ. Это изрядное дурачество! и это по всему можно бы почесть прямымъ разрывомъ, еслибы я въ этомъ разумѣ приняла дѣло; а пуще съ послѣдняго твоего письма, которое я отъ тебя получила и которое столь глупо писано было. Но окончимъ, радость, эту шутку. Я ссоръ ненавижу, все это мнѣ скучитъ, и я тебя прощаю». Въ самомъ дѣлѣ она добрая женщина! Какое великодушіе! Я тебя прощаю. То-то доброе сердце! «Въ четвергъ маскарадъ у Локателлія въ Экатерингофѣ. Поѣдемъ со мною. Я нарочно съ загородной дачи послѣ обѣда пріѣду, чтобы съ тобою отъужинать; съѣдемся у графини, моего друга. Я тебя и свезу и назадъ привезу. Итакъ въ четвергъ; я того хочу непремѣнно; примѣть же, что я хочу. Постарайся отдѣлаться отъ своего брюзгливаго Менандра.» *(Прервавъ скоро)*. Отъ своего брюзгливаго Менандра! «Больше всего запрещаю я тебѣ говорить о его глупой дочери *(Кланяется Софіи)* и чудеса о ней проповѣдывать. Есть отъ чего получить мигрену, или еще что и того во сто разъ хуже, такъ надобно взревноваться, хотя это мнѣ и отнюдь неприлично. До четверга, Изидоръ, до четверга, не дѣлая однакожъ заочнаго миру». *(Онъ на нихъ смотритъ, а они оба нѣсколько стоятъ въ изумленіи)*. Что это?.. ну... вы оба равно какъ бы окаменѣли! Теперь ты, дочка, видишь, что я неправильно медлилъ. *(Изидору, отдавая ему письмо княгинино)*. Какъ человѣкъ знающій нынѣшнее обхожденіе, долженъ ты ей отвѣтомъ на

это ласковое и жаркое письмо, а я съ моей стороны даю тебѣ на то время много и очень много, словомъ—очень...

Софія *(голосомъ жалкимъ)*. Какъ! ты мнѣ измѣнялъ, а... ты обманывалъ меня, Изидоръ...

Менандръ *(голосомъ веселымъ)*. Безъ сомнѣнія и насъ обоихъ.

Изидоръ *(видомъ учтивымъ и печальнымъ)*. Э, сударь! вамъ ли должно меня винить? Я бы много нашелъ средствъ къ оправданію, еслибы не имѣлъ въ васъ судьи, который меня гонитъ и погубить хочетъ.

Софія *(съ нѣкоторымъ огорченіемъ)*. Вы бы, сударь, оправдались?

Менандръ *(видомъ довольнымъ)*. Я ему въ судъ противъ себя идти позволяю; ты рѣшишь дѣло.

Изидоръ *(съ жаромъ)*. Нѣтъ! противъ васъ, противъ васъ, сударыня, я прямо виновенъ. Я преступникъ, и я у ногъ вашихъ то доказываю. Я заслужилъ вашъ гнѣвъ, за что самъ себя презираю, ненавижу... Кто? я... я могъ измѣнить любви... любви, которую я къ вамъ имѣю!.. будьте и вы безжалостны и съ вашей стороны меня накажите. Дайте мнѣ почувствовать истинный вашъ гнѣвъ; я на то жаловаться не могу. Но вы, сударь, еслибъ вы не выискивали неприличныхъ видовъ къ прикрытію вашихъ отсрочекъ, то бы мой проступокъ не столь непростителенъ былъ.

Менандръ *(видомъ притворнымъ)*. Ты такъ думаешь?

Изидоръ *(перервавъ съ жаромъ)*. Конечно! безъ того было-ли бъ увеличено мое минутное ослѣпленіе, какъ вы теперь дѣлаете? Такое преступленіе для лѣтъ упускается; они и вы меня къ тому привели. Вы бы еще меня извинили и самымъ этимъ письмомъ, которое употребили мнѣ во вредъ. *(Менандръ показываетъ свое удивленіе)*. Ничего нѣтъ справедливѣе этого. Вы гораздо больше знаете свѣтъ и все въ немъ обхожденіе, чтобы эта ничего значущая бумага не могла, еслибъ вы хотѣли, обращена быть въ мое оправданіе... Разсмотримъ, чѣмъ меня уличаютъ. Вотъ что я во первыхъ нахожу... *(Читаетъ)* «Что это? еще не болѣе мѣсяца, какъ ты кружишь голову своей княгини...» Не болѣе мѣсяца. Это было у того-жъ Локательлія, гдѣ началось безумное мое съ нею знакомство... Но смотрите!.. но примѣчайте-жъ, сколь давно оно началось... и когда рушилось. *(Читаетъ)*. «А уже болѣе недѣли, какъ она о тебѣ ничего не

слышитъ... *(нѣсколько потише)* и это по всему можно бы было почесть разрывомъ...» Почесть разрывомъ? Я въ самомъ дѣлѣ все съ тобою прервалъ, все и на вѣки.

Софія *(вздыхая и не глядя на него)*. Но какъ тебѣ вѣрить?

Изидоръ *(прервавъ съ жаромъ)*. Сколь бы вы меня опечалили, еслибъ подумали, что была она хотя одну минуту вамъ солюбовницею! Не вообразите того... вы унизитесь.

Менандръ *(голосомъ шутливымъ)*. Какъ же хорошо знаетъ онъ женскія сердца! Языкъ у него подлинно какъ бритва, и я болѣе не дивлюсь, что онъ знатнымъ госпожамъ кружитъ головы.

Софія. Невѣрный! вотъ за мою любовь...

Менандръ *(прервавъ ее)*. Слово-слово такимъ же образомъ, сладкія свои слова прикрашивая, тронулъ онъ княгиню, которую онъ любилъ... и которую еще конечно любитъ.

Изидоръ *(съ стремленіемъ)*. Я! я ее люблю! напротивъ, одно только презрѣніе я къ ней чувствую. Вѣрь, любезная Софія; вѣрь, что она, кромѣ того, ничего не произвела въ моемъ сердцѣ, и это я ея письмомъ докажу. *(Читаетъ)*. «Болѣе всего запрещаю я тебѣ говорить о его дочери.»

Менандръ *(прервавъ его)*. А, постой! позволь себя остановить. Читай какъ написано; читай, какъ ее называютъ. О его глупой дочери.

Изидоръ *(съ жаромъ)*. Инъ пусть такъ, сударь, когда вамъ хочется. (*Читаетъ*). «Болѣе всего запрещаю я вамъ говорить о его глупой дочери (*онъ проглатываетъ середнее слово*) и объ ней чудеса провѣдывать.» Въ это короткое время, какъ я ослѣпился, сердце мое вами всегда занято было. Я ей ни о чемъ, кромѣ васъ, не говаривалъ: о вашемъ тихомъ нравѣ, о вашемъ добромъ сердцѣ, о моей къ вамъ безпримѣрной страсти и безпрестанномъ моемъ ожиданіи главнаго моего въ жизни счастія—обладать вами... Гордость ея—нѣтъ! самое ея сердце чувствовало ревность, когда я ей это твердилъ безпрестанно. Неумолкно сердце мое, полагая въ васъ свое благополучіе, о томъ ей напоминало, и хотя она внутренно тѣмъ огорчалась, но принуждена бывала со мною всегда объ васъ говорить. *(Когда онъ эту рѣчь оканчиваетъ, Софія приготовляетъ вздохъ, который долженъ вырваться съ послѣдними Изидоровыми словами)*.

Софія. А!

Менандръ (*съ досадою*). Какая странная слабость! ты смягчаешься!

Софія (*почти плача*). Я? я смягчаюся?

Менандръ. И всеконечно! я вѣдь не слѣпъ! (*Голосомъ самымъ насмѣшливымъ*). Бѣдная простота! неужли ты и теперь вѣришь, что онъ одну тебя любитъ?

Софія (*голосомъ нѣжнымъ и смущенно*). Я, сударь, ничему не вѣрю.

Изидоръ (*Софіи*). А! вѣрь, что ты одна всегда повелѣвала этимъ сердцемъ, которое на нѣсколько время къ стыду своему забылось. А вы, сударь, (*оборотясь къ Менандру*) что бы проникнуть въ истину, взгляните на нее... видите ли съ ея стороны: честь, благопристойность, сердце безпритворное, и какое сердце! его ко мнѣ нѣжность... которой я достоинъ лишиться, ставши виновнымъ; а съ другой стороны...

Менандръ (*прервавъ съ досадою*). Вздоръ!

Софія (*съ жаромъ и смущенно*). Никакъ, сударь, я сама, я очень удалена отъ того, чтобы его защищать, или просить васъ, чтобы вы примѣтили его искренность при признаніи его проступка. Нѣтъ, это непостоянство мнѣ несносно, и оно меня чувствительно трогаетъ. Но вы, сударь, для чего вы больше меня къ нему суровости показываете? Не отходя отъ моего къ вамъ должнаго почтенія, знаете ли вы, что я наконецъ изъ того заключить могу?..

Менандръ (*перервавъ ее съ огорченіемъ*). Что-бъ такое ты заключила? Ну! (*Въ сторону*) Я терпѣніе терять начинаю.

Софія (*съ нѣкоторою досадою*). Не удаляяся справедливости, могу я подумать, что этотъ его проступокъ служитъ вамъ въ вашихъ намѣреніяхъ.

Менандръ (*съ сердцемъ*). Какія намѣренія! поступокъ мой явенъ; теперь дѣло все доказываетъ, а я только наружу вывелъ, что онъ любитъ княгиню.

Софія (*плача съ досады*). Любитъ! Это сказать легко: любитъ! Какъ же вы довольны, могши утверждать это слово. Ему сердце мое противорѣчитъ.

Менандръ (*голосомъ насмѣшливымъ и колкимъ*). Инъ льстись себѣ, что эта госпожа надъ его сердцемъ никакой власти болѣе не имѣетъ и не станетъ ему приказывать, удаляться отъ Менандровой глупой дочери.

Изидоръ (*съ чувствительною досадою*). Я не могу болѣе снести этой чувствительной укоризны.

Софія (*въ сторону*). Я его намѣреніе очень вижу.

Изидоръ (*съ стремленіемъ*). Софія! вѣрь, что въ ту-жъ бы минуту поразилъ я это сердце, еслибы оно къ кому нибудь, кромѣ тебя, страсть почувствовало.

Менандръ. Обыкновенныя любовничьи сказки; онѣ всѣ одна на другую похожи.

Софія (*съ простотою и очень жарко*). Никакъ, сударь! эти слова отъ сердца выходятъ.

Изидоръ (*съ превеликимъ стремленіемъ*). Конечно, все, что я ни говорю, сердце мое мнѣ внушаетъ, и желаетъ оно предъ вами изобразить свое раскаяніе... уже грызеніе совѣсти его довольно терзало, и уже не съ теперешняго часа я себя укоряю и стыжуся. Еслибъ вы знали все то презрѣніе, которое я съ той минуты возымѣлъ къ себѣ за мою глупость, за крайнюю мою слабость... еслибъ вы видѣли внутреннее мое мученіе и страхъ, то бы, не взирая на всѣ причины меня ненавидѣть, не взирая на все ваше огорченіе, вы бы сами обо мнѣ пожалѣли.

Софія (*съ жалостію и важностію*). Изидоръ, я хочу твоего слова, что бы никогда болѣе не видѣться съ княгиней...

Изидоръ (*перервавъ ее съ жаромъ*). Честь и любовь даютъ вамъ въ томъ клятву! Когда-жъ я ее нарушу, то-бъ мнѣ сердца вашего съ жизнію моею лишиться.

Софія (*съ важностію*). Я на это надѣюсь и тебя прощаю.

Изидоръ (*желая упасть къ ногамъ Софіинымъ*). Великодушная любовница!

Менандръ (*съ досадою, хотѣвъ его не допустить*). Какъ! какъ! въ ту самую минуту, когда я даю тебѣ самое вѣрное свидѣтельство...

Софія (*перервавъ его съ жаромъ*). Такъ, сударь, въ самую ту минуту, въ которую я, по чистосердечномъ признаніи его слабости, вижу, что проступокъ его меньше, нежели раскаяніе и его ко мнѣ нѣжность... Если-жъ онъ и былъ виновенъ, то къ тому отсрочки ваши его довели.

Менандръ (*перервавъ ее съ досадою*). Вотъ еще что! это право не худо, и это самый истинный судъ! Послѣ тепе-

решняго изъясненія ты находишь меня всему виною... Итакъ...

Софія (*перервавъ*). Простите меня, сударь! Я вижу, что я забылась; но вы меня любите, вы желаете моего благополучія; итакъ дозвольте мнѣ попросить себя о немъ. Наше на вѣки соединеніе увѣритъ меня въ постоянной его любви. (*Съ важностію и живостію*). Изидоръ честь прямо знаетъ. Мое великодушное прощеніе должно въ его сердцѣ впечатлѣться, и я вамъ за него отвѣтствую.

Менандръ (*оставя всю умѣренность*). Въ чемъ ты ручаешься? Любовь тебя ослѣпляетъ. Это упрямство на гнѣвъ меня приводитъ... Нѣтъ, нѣтъ! еще долго мнѣ его испытывать. Я желаю, чтобы онъ былъ моимъ зятемъ, но въ добромъ его поведеніи надобны мнѣ лучшія свидѣтельства. Я не вертопрашески поступаю. (*Голосомъ настоящимъ, смѣшаннымъ съ огорченіемъ и досадою*). Нѣтъ, сударь, нѣтъ, свадьба ваша въ четвергъ конечно не будетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Софія и Изидоръ (*оба въ самомъ величайшемъ смущеніи*).

Изидоръ (*выходящему Менандру*). Удостойте меня выслушать... Онъ жалости не имѣетъ. А, Софія! позволь, упавъ къ ногамъ твоимъ съ благодарнымъ сердцемъ...

Софія (*голосомъ печальнымъ и тяжнымъ*). Встань и оставь меня въ моихъ печальныхъ мысляхъ.

Изидоръ (*въ себя и останавливая ее*). Я изъ этого вижу, что мой проступокъ еще не вышелъ изъ вашего сердца. Какъ! мое прощеніе! Э...

Софія (*съ великимъ смущеніемъ*). Оставьте, сударь, излишнія восклицанія. Я васъ простила, въ томъ не раскаяваюсь, и знаю, что ваше сердце благодарно... (*Голосомъ прерывающимся отъ слезъ, которыя она одерживаетъ*). Но мое собственное сердце еще не можетъ совсѣмъ успокоиться... Претерпѣнное смущеніе требуетъ нѣсколько-минутнаго покоя. Итакъ оставьте меня.

Изидоръ (*еще ее удерживая*). По крайней мѣрѣ дозволь мнѣ съ собою раздѣлять ту горесть, которой я виною.

Софія. Не принуждай меня, я не хочу видѣть тебя сви-

дѣтелемъ моего смущенія. *(Слезы у нея проливаются; она хочетъ выдти).*

Изидоръ *(не хотя ее оставить).* Нѣтъ! я долженъ идти за тобою, и въ моей винѣ... совершенное...

Софія *(голосомъ прерывчивымъ и плача).* Я хочу скрыть отъ тебя мои слезы, я того требую.

Изидоръ *(кланяясь).* Я повинуюсь. О, Боже! сколько горести себѣ и ей я приключилъ!

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Изидоръ *(держитъ письмо).* Наконецъ она успокоилась, и я тѣмъ обрадованъ. Но чтобъ сегодня совсѣмъ любовь удовольствовать и самому оправдаться, прочту я ей мое къ княгинѣ письмо. Я его теперь же къ ней пошлю въ загородный ея домъ. Одинъ слогъ удобенъ истребить всякое подозрѣніе.

ЯВЛЕНІЕ II.

Изидоръ и Софія.

Изидоръ. Я прошу васъ въ знакъ прямаго мнѣ прощенія, взглянуть на это письмо... оно совсѣмъ докажетъ мой разрывъ съ тою, которая была виновна...

Софія *(прервавъ его рѣчь, съ усмѣшкою беретъ письмо).* Подай; увидимъ, что въ немъ написано. *(Обозрѣвъ письмо).* Изрядно, письмо холодно, но я хочу, чтобы ты поумягчилъ это колкое выраженіе, оно очень жестоко.

Изидоръ *(съ великимъ жаромъ).* Какъ! великодушное твое сердце старается умягчить выговоры, которыми я хотѣлъ наказать эту несносную мнѣ женщину? Она привела меня въ эту вину. Выраженіе отнюдь не колко. *(Давъ ей прочесть тѣ слова въ письмѣ, которыя хотѣла она, чтобъ онъ умяг-*

чилъ). Этого еще не довольно. Неужли вы почитаете, что это для нея огорчительно, неужли не чувствуете вы, что надлежитъ...

Софія (*перервавъ его*). Что надлежитъ быть скромну и отнюдь обиднымъ образомъ не поступать въ этакомъ дѣлѣ. Еслибы женщина еще болѣе осужденія была достойна, то и тутъ честному мужчинѣ надлежитъ ее щадить. Надлежитъ какъ можно быть учтиву въ изъясненіи и ниже знаку презрѣнія не показывать... (*Начиная говорить и показывая письмо*). Итакъ, поправь это... или лучше совсѣмъ и письмо оставить. (*Раздирая его*). Я довольна, и все забыто.

Изидоръ (*съ самымъ величайшимъ жаромъ*). Я еще болѣе вину мою чувствую. О, какъ это все меня устыжаетъ! Скорое прощеніе, всѣ эти благородныя мысли—все, что я въ тебѣ вижу, все это на вѣки прерываетъ мои ослѣпленія. Я клянусь люб...

Софія (*не допуская упасть его къ ногамъ*). Все кончено, и я въ тебѣ надежна.

Изидоръ. Не могу я изъяснить всего, что теперь въ моемъ сердцѣ происходитъ... должно намъ сей же часъ общаго нашего отца склонить...

Софія (*вздыхая*). Я сію минуту съ нимъ разсталась. Онъ на всѣ мои просьбы ничѣмъ, кромѣ колкихъ шутокъ не отвѣтствовалъ, и тѣмъ въ отчаяніе меня привелъ.

Изидоръ. Такъ мнѣ должно, не откладывая минуты, принудить его къ нашей свадьбѣ... Напередъ буду я съ нимъ одинъ говорить, потому... что я въ этомъ дѣлѣ больше на него могу наступать. Безпримѣрное твое великодушіе придастъ мнѣ прямое краснорѣчіе, и я надѣюсь, что мои слова, страстнымъ сердцемъ подкрѣпляемыя, на все просимаго склонятъ. Я уже чувствую, что надъ нимъ верхъ имѣть буду.

Софія. Онъ жестоко задумавшись сюда идетъ и насъ еще не увидѣлъ.

Изидоръ (*скоро*). Я побѣгу сказать слугѣ, что ему не ѣхать къ княгинѣ, и въ минуту возвращуся. Но и вы не удаляйтесь и изъ этой боковой комнаты все слушайте, и когда мнѣ ваша помощь нужна будетъ, сами выдьте. (*Софія отходитъ въ одну сторону, а Изидоръ въ другую*).

ЯВЛЕНІЕ III.

Менандръ (*задумавшись*). Неужли ничто не можетъ сдѣлать у меня домашняго спокойствія? Сегодня обѣдалъ я за самымъ печальнымъ столомъ. Видѣть съ одной стороны дочь въ слезахъ, съ другой ея любовника печальнаго, отчаяннаго, готоваго, по его на меня досадѣ, разорвать вовсе наше знакомство, видѣть это—дѣло не утѣшное... Но пусть ихъ мнимая печаль умножается; я выдержу всѣ отъ нихъ докуки. Не отступлю я отъ моего правила. Нѣтъ! какъ ли они ни усиливаются, не быть имъ обвѣнчаннымъ прежде того, какъ я назначилъ. Здравый разсудокъ на моей сторонѣ. Ничто меня не поколеблетъ... Софія вывела меня изъ терпѣнія просьбою и слезами, и лишь теперь меня оставила. Надобно ожидать еще большей досады отъ сердечнаго ея друга... Если они еще наступать станутъ, я имъ прямо скажу мои мысли и то, чего я отъ нихъ въ слѣдствіи ожидаю. А! вотъ уже одинъ съ мрачнымъ лицомъ выступать изволитъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Менандръ и Изидоръ (*входитъ; они кланяются другъ другу и, поглядя одинъ на другаго, молчатъ съ минуту*).

Изидоръ (*начинаетъ видомъ тихимъ и ласковымъ*). Я васъ прошу, сударь, для имени дружбы и для моей страстной любви, имѣть нѣкоторую жалость къ моимъ мученіямъ. Если въ судьбѣ моей берете вы участіе, то можете-ли меня видѣть безпрестанно въ слезахъ и въ тоскѣ? можете ли тогда, когда мое благополучіе отъ васъ зависитъ, томить меня?

Менандръ (*видомъ шутливымъ и съ притворною веселостію*). Слушай, любезный другъ, я тебѣ признаюсь, что не могу вѣрить жалобамъ и печали такого любви достойнаго молодца. Пристало ли побѣдителю прекрасной княгини, которая его обожаетъ, какъ младенцу, распускать нюни? Что ея сіятельство и прочія о томъ скажутъ, прочія, о коихъ я и не знаю... Я вижу, что ты вездѣ дѣлаешь невольницъ, вездѣ, даже до кокетокъ. Теперь твое самое красное время; пользуйся имъ; женившись, оно должно перемѣниться.

Изидоръ. Какъ-ли шутка ни жестока и ни колка, но когда она учащается, то теряетъ свою силу; теперешняя меня уже болѣе не трогаетъ... Станемъ говорить о моей свадьбѣ, или я всѣ ваши слова и всѣ ваши отсрочки приму за отказъ.

Менандръ (*голосомъ важнымъ и съ нетерпѣливостію*). Не думаешь ли ты въ важныхъ-то отвѣтахъ верхъ имѣть?... Когда такъ, то ты жестоко обманываешься.

Изидоръ (*съ жаромъ*). Вы не устрашите меня вашимъ упорствомъ и угрозами... я уже твердо предпріялъ проникнуть въ эту непонятную тайну, которая препятствуетъ моему счастію. Я отъ васъ ожидаю, а честь васъ *обязуетъ* открыть мнѣ истинную причину. Оставимъ, сударь, всѣ хитрости; я теперь на праводушіе ваше наступаю...

Менандръ (*съ самымъ крайнимъ нетерпѣніемъ*). Изрядно. Тотчасъ все услышишь! и такъ скучило мнѣ всегдашнее безпокойство... Знай же вину моихъ отсрочекъ и правило, которое меня къ нимъ склонило. (*Колебляся и нѣсколько стыдливо*). Оное происходитъ отъ такого мнѣнія, которое вы почтете страннымъ, но которое очень справедливо. Виною, сударь, тому моя ко всѣмъ людямъ недовѣрчивость; она неоднократными въ жизни моей опытами въ мысли мои вперилась, а пуще всего житьемъ нынѣшняго нашего, какъ вы говорите, политичнаго вѣка. Итакъ, этому сильному и мнѣ самому ненавистному правилу слѣдуя, ожидаю я и хочу, чтобы ты, какъ-ли я отъ васъ обоихъ безпокоенъ ни буду, чтобы ты прежде смерти моей на Софіи не женился.

ЯВЛЕНІЕ V.

Софія, Менандръ и Изидоръ.

Софія (*съ нѣжностью*). Что я услышала? какое ужасное слово!.. не перенесу я этого удара... Какъ! вы, сударь, осуждаете меня на то, что-бы я смерти вашей какъ удовольствія себѣ желала! Но скажите, что васъ столь на меня прогнѣвало? скажите, что я сдѣлала, чтобы вдругъ любви вашей лишиться?..

Изидоръ (*перервавъ очень жарко*). Его любви! А! я вижу, что ты не знаешь еще чрезмѣрнаго его подозрѣнія, ко-

торымъ сердце его къ роду человѣческому наполнено. Самое это подозрѣніе виною, что онъ отлагаетъ наше счастіе. Онъ мнитъ, что я, ставъ его зятемъ, на другой же день буду противъ его неблагодаренъ, и что ты, ты сама, ты, дочь его, потеряешь къ нему ту любовь, которую кровь его въ тебя вліяла. Пріобрѣсть его любовь нѣтъ никакой для насъ дороги.

Менандръ (*съ великою нѣжностію*). Никакъ, любезныя дѣти! я васъ люблю и люблю равно обоихъ. (*Голосомъ важнымъ и твердымъ*). Но когда должно прямо вамъ открыться, такъ знайте, что я не хочу васъ допустить до такого случая, который принудитъ васъ потерять ко мнѣ любовь, а можетъ быть противъ меня и вовсе проступиться.

Изидоръ. Противъ васъ?

Софія. Мы противъ васъ! эта предосторожность...

Изидоръ. Это вредное сумнѣніе.

Менандръ (*перервавъ его съ жаромъ*). Отъ меня-ли зависитъ быть столь имовѣрнымъ, какъ вы желаете... Я родился откровененъ, но принужденъ былъ перемѣниться. Время открыло мнѣ глаза и противъ моего желанія научило меня знать сердца людскія. Я видѣлъ къ себѣ измѣны отъ людей всякаго состоянія. Всѣ, кому я ни служилъ, всѣ безъ изъятія, мнѣ зломъ или по крайней мѣрѣ неблагодарностью платили. Во всѣхъ видишь наружную и измѣнническую чесность; все кажется добродѣтелью, дружбою, довѣренностію, сожалѣніемъ, но это лишь лицо и языкъ, а сердце совсѣмъ тому не согласно.

Изидоръ (*съ нетерпѣливостью*). Если, сударь, вамъ вѣрить, такъ добродѣтель не что иное, какъ часто повторяемое слово.

Менандръ (*съ живностію*). Нѣтъ, сударь! Она есть въ самомъ дѣлѣ... и вмѣсто того, чтобы вливать въ ваши сердца это ядовитое ученіе, я вамъ говорю, что я съ робячества любилъ ее и ея повелѣнію, какъ скоро могъ умомъ постигать, всегда повиновался. Я вѣрю, что есть добродѣтельные люди, но какъ ихъ узнавать прикажешь? чѣмъ увѣриться? видны ли намъ сердца людскія, когда мы не можемъ притворнаго виду различать съ истиннымъ?

Изидоръ (*съ чувствомъ*). Наша искренность за насъ во всемъ свидѣтельствуетъ; наши мысли должны вамъ быть извѣстны.

Софія. Неужли не можете вы видѣть усердія двухъ сердецъ, прямо вамъ преданныхъ?

Менандръ (*нѣжно и съ самою жалостію къ дочери*). Я знаю сердца ваши и все ваше ко мнѣ усердіе. (*Изидору*). Я тому вѣрю, и я всегда дружбу вашу почиталъ истинною. Но будущее время все перемѣнить можетъ. Чѣмъ пріятнѣе мнѣ ваша любовь, тѣмъ меньше долженъ я вдаваться опасности лишиться этого послѣдняго сокровища, которое меня жить заставляетъ. Вами только я и благополученъ, и это благополучіе въ смертную мнѣ обратится муку, когда я увижу, что ваша столь милая мнѣ дружба станетъ хладѣть и уменьшаться... (*Бравъ руку то у той, то у другаго, и сжимая ихъ съ слезами*) Мои единственные, мои прямые друзья! А! если вы меня любите неложно, то обождите вашего союза, обождите и закройте мои глаза, я о томъ прошу васъ. Я опасаюсь, что бы вы не оставили отца при старыхъ его лѣтахъ. Неужли отречетесь вы для моего стѣсненнаго сердца, для слезъ моихъ, до конца жизни моей пробыть со мною?

Софія (*съ жаромъ и съ крайнею нѣжностію*). Мы всегда намѣрены вмѣстѣ жить съ вами.

Изидоръ (*съ самымъ величайшимъ жаромъ*). Союзъ нашъ утвердитъ нашу къ вамъ преданность. Никогда мы порознь жить не будемъ. Одинъ домъ, общіе друзья, общія знакомства.

Менандръ (*очень жарко*). Э! вы не вѣдаете, что говорите! Какое робячество! Какъ мало знаете вы еще человѣка! Какъ недостаетъ вамъ еще опытовъ! Видно, что вы дѣти и ни въ чемъ еще не искусились. (*Скоро*). Когда вы будете ежеминутно заняты вашею любовію; когда послѣ того придутъ суеты домашнія и попеченіе о дѣтяхъ; когда къ этимъ должностямъ присовокупятся перемѣнныя забавы; когда вы будете принимать у себя гостей и ихъ посѣщенія отплачивать; когда на все это станете вы вычитать часы и минуты; когда напослѣдокъ съ обѣихъ сторонъ съ умноженіемъ лѣтъ перемѣнныя страсти начнутъ производить несогласіе, тогда долженъ ли я много надѣяться на вашу любовь?.. Дѣтская любовь какъ сонъ минуется! Въ тѣхъ приманчивыхъ и шумныхъ веселостяхъ, въ которыя всѣ молодые люди нынѣ вдаются, въ томъ времени, гдѣ еще стра-

сти разсудокъ превозмогаютъ едвали дѣти вспоминаютъ о бѣдныхъ отцахъ, которые всегда сидятъ въ скукѣ.

Софія. А, сударь!

Менандръ. А, любезная дочь! очень часто видимъ мы въ свѣтѣ несчастныхъ отцевъ, оставленныхъ отъ дѣтей на всегдашнюю скуку... часто и отъ такихъ, которыя ихъ разорили... Но гдѣ увидишь столь добродѣтельныхъ, которыя бы осмѣлились, убѣгая веселій, дѣлать товарищество этимъ несчастнымъ старикамъ?.. Можетъ быть разъ, а много два въ мѣсяцъ они у нихъ иобываютъ, да и то только для обряду. Будутъ они сидѣть задумывавшись и неподвижно, смущенно и съ холодностію на все отвѣтствовать. Будутъ говорить со всѣми много, а съ ними очень мало, и прямо дружески ни одного слова не молвятъ. Наконецъ, послѣ получаса, позѣвавъ разъ съ двадцать, попрощаются какъ съ чужимъ и съ радостію поѣдутъ.

Изидоръ. Для Бога выслушайте меня, сударь, выслушайте сына своего: позвольте мнѣ всегда называть васъ моимъ отцомъ.

Менандръ *(обнявъ его съ нѣжностію)*. А! я прямо тебѣ отецъ. Дружба моя пріобрѣла мнѣ это имя. А, любезный сынъ! такъ! ты мой сынъ? Неужли ты слова мои истинными не почитаешь?

Изидоръ *(съ самою величайшею страстію)*. Какъ же я счастливъ, когда вы мнѣ отецъ! Я наполненъ къ вамъ прямою сыновнею любовію. Утвердите-жъ это достоинство. Я оставляю всѣ споры. Я сильнѣйшими доводами не разумъ вашъ убѣдить хочу, но хочу склонить и превозмочь ваше сердце въ самыхъ упорныхъ его правилахъ... Нѣтъ, вы не такъ суровы, чтобы упросить васъ не можно. Не противьтесь, сударь, не противьтесь нѣжнымъ сердца вашего движеніямъ: они произведены просьбою и слезами вашего сына, вашего вѣрнаго друга и вашей дочери, не преодолѣвайте себя. Не можно, чтобы вы теперь жалости не ощущали... Попустите отцовской любви, нашей взаимной страсти, вашей дочери, вашему зятю, двумъ любовникамъ, самой любви, дружеству, природѣ, всѣмъ имъ единодушно произвести въ вашемъ сердцѣ перемѣну, и склонить его на наше желаніе... Я только ваше сердце тщусь обезоружить... А! вы начинаете преклоняться... Обнимая ваши

ноги, вижу я на лицѣ вашемъ, что я получу ваше соизволеніе.

Софія. Онъ сердце ваше непремѣнно тронуть долженъ.

Менандръ *(жестоко смягчась и сжалясь)*. Да! ты меня въ жалость привелъ, мой сынъ. Но чѣмъ больше ты меня любишь, тѣмъ больше я чувствую, какую несносную скуку и какое несчастіе приключитъ мнѣ въ моей старости лишеніе твоего сердца или твоей любви... Итакъ съ досадою, съ огорченіемъ, съ слезами говорю я тебѣ, что твердость ли то разума, или слабость души *(голосомъ перерывающимся и почти плачучи)*, но я въ прежнихъ остаюсь мысляхъ. Нѣтъ, какъ ли вы усильно меня ни убѣждаете, не надѣйтесь быть обвѣнчаны при моей жизни.

Изидоръ *(со вспыльчивостію)*. Хорошо, сударь! Когда ни что васъ тронуть не можетъ, когда это жалостное позорище нашей несчастной любви... когда не можно убѣдить вашего разума, когда ваше ужасное подозрѣніе заставляетъ васъ почитать меня и дочь вашу неимѣющими ни добраго сердца, ни благодарности; наконецъ, когда вы меня презираете... это вѣдь прямое презрѣніе... то не думайте умягчить меня этими хитрыми словами... Нѣтъ, я теперь прежде всего отрицаюсь отъ этого чина, который вы мнѣ выходили. Неужли вы воображаете, что онъ меня утѣшить можетъ? Нѣтъ, сударь, завтра-жъ въ сенатѣ, какъ скоро мнѣ его объявятъ, подамъ челобитную въ отставку. Я не хочу...

Менандръ *(съ досадою, которую онъ удерживаетъ)*. Слушай, слушай, сударь, дружба моя въ этотъ разъ еще тебя прощаетъ...

Софія *(очень жалостно)*. А! Изидоръ, ради Бога, воздержись! выслушай!

Изидоръ *(прямо вспыльчиво и съ отчаяніемъ)*. Нѣтъ, сударыня, вы меня выслушайте. Я теперь ни отъ кого, кромѣ себя, совѣтовъ принимать не хочу, ни отъ кого, кромѣ моего отчаянія, кромѣ моей огорченной любви. *(Видомъ смятеннымъ и съ такимъ отчаяніемъ, какъ будто бы онъ себя болѣе не помнитъ)*. Слушай, сударь! она уже теперь въ такихъ лѣтахъ, что слѣдуя законамъ и обычаю можетъ сама по волѣ своей выдти замужъ... Если вы ни на что не склоняетесь, я ей при васъ даю мою руку и со всѣмъ моимъ богатствомъ.

Софія *(отступивъ нѣсколько съ удивленіемъ)*. Изидоръ!

Менандръ *(съ удивленіемъ и съ досадою)*. Что я услышалъ! какъ ты, сударь, предпримешь...

Изидоръ. *(прервавъ его съ крайнею вспыльчивостію)*. Да! намъ больше предпринять надлежитъ. Такимъ образомъ, противъ воли вашей женившись, мы принудимъ васъ возвратить намъ и вашу любовь и вашу дружбу. Мы получимъ ее нашими стараніями, нашею покорностію и нашею горячею любовью, которую вы, упорствуя, признать не хотите. Сердца наши дадутъ вашему знать, сколько они нѣжны, благодарны и чувствительны; мы искренностью, ласкою, всѣмъ... всѣмъ, что отъ сердца происходитъ, будемъ учреждать наши поступки, заставимъ васъ укорять себя за ваше непростительное отрицаніе и раскаяваться въ вашей несправедливости. Эта нѣжно васъ любящая дочь и я, мы, сударь, общими силами уличимъ васъ, давъ вамъ прямо наслаждаться вашею жизнію... которую мы продлимъ...

Менандръ *(въ самомъ крайнемъ смущеніи)*. Что со мною дѣлается?

Софія *(съ нѣжностію къ отцу своему)*. А, Боже! я не участница въ дерзновенномъ его намѣреніи. *(Оборотясь къ Изидору)*. Изидоръ! какъ, должно ли мнѣ за тебя краснѣться? неужли, сударь, льстились вы, что по любви къ вамъ могу я приключить несчастіе и мученье великодушному отцу, который нѣкогда для моего благополучія своимъ жертвовалъ?

Изидоръ *(вспыльчиво)*. Какъ! ты меня любишь и твоя жестокость...

Софія. Я тебя люблю, но я буду имѣть столько твердости, чтобы всегда покорною дочерью остаться... между отцемъ и любовникомъ сердце мое колеблется, но какъ ли бы ни велика была моя тоска... *(Оборотясь съ нѣжностію къ своему отцу)*. Я вамъ всѣмъ должна и моя чрезмѣрная нѣжность поступитъ на большее, нежели что мнѣ долгъ велитъ дѣлать... Для доказанія вамъ, сколько я васъ люблю, жертвую вамъ моею жизнію, и самою моею любовью... еслибы послѣднее усиліе было въ моей власти.

Менандръ *(весьма смягчась)*. Я не могу говорить, чувствую, что слезы катятся. Любезная дочь! *(Обнимаетъ ее)*.

Изидоръ. Ты противъ насъ сама подаешь оружіе! что ты дѣлаешь, Софія?

Софія. Мой долгъ. И если, сударь, мое повиновеніе заставляетъ васъ въ моей любви сумнѣваться, или если вы не можете столько имѣть терпѣнія и льститься надеждою когда нибудь склонить того, отъ кого я жизнь имѣю (*плачучи*), то я вамъ возвращаю ваши мнѣ данныя клятвы... горесть моя чрезмѣрна; можетъ быть я умру... но я васъ освобождаю отъ слова... (*Начавъ говорить съ твердостію*). Вы, сударь, не должны моему отцу никакою жертвою, а мнѣ, еслибы еще и большія были, мнѣ бы надлежало...

Изидоръ. А, жестокая!

Менандръ (*всхлипывая*). А, какъ это мнѣ пріятно!

Софія. Не опасайтесь, сударь, чтобы я это притворно говорила и чтобы потомъ ежедневно вамъ моей тоскою стала дѣлать безпокойствіи. Нѣтъ, нѣтъ! я запрещу сердцу моему выговаривать и жаловаться; довольна я буду наединѣ о несчастіи моемъ вздыхая... Вы увидите, что моя къ вамъ нѣжность повседневно станетъ умножаться. И теперь я не говорю, какъ многія дѣти, что въ уединеніи буду провождать жизнь мою; я вамъ ее посвящаю, отъ васъ ее имѣя. Коли-бъ могла она быть вамъ больше полезна, нежели я уповаю, коли-бъ горесть моя ее не прекратила, доколѣ она вамъ потребна, и доколѣ ежеминутно страданія, могу я вамъ къ чему нибудь служить...

Менандръ (*съ усиліемъ и жалостію*). А, сердце мое томится, разумъ начинаетъ колебаться (*плачучи*) отъ различныхъ движеній. Нѣтъ, я не буду столько жестокосердъ не буду, любезная дочь, чтобы не склониться на награжденіе этихъ благородныхъ и добродѣтельныхъ мыслей.

Софія. А, сударь!

Менандръ (*перервавъ ее съ стремленіемъ*). Софія! ты не опровергла во мнѣ тѣхъ о слабости человѣческой мыслей, которыя я имѣю и которыя жестокими называютъ, но я уступаю тебѣ побѣду. Не хочу я дать столько времени моему разсудку, чтобы могъ онъ проступить мою теперешнюю чувствительность. Пусть завтра совершится ваша свадьба, сегодня-жъ при всѣхъ моихъ друзьяхъ я въ томъ дамъ мое слово. Они скоро ко мнѣ будутъ. Когда сегодня того не сдѣлается, я завтра за себя не ручаюсь. Но въ эту минуту, которую я упустить страшуся, я бы почелъ себя отцемъ безчеловѣчнымъ, еслибы, бывъ столько тобою тронутъ, сталъ

упорствовать и преодолѣвать то, что твоя добродѣтель произвела въ моемъ сердцѣ.

Софія (*съ нѣжностію*). Я увѣрена, что скоро мы перемѣнимъ въ васъ это мнѣніе. Я бы не приняла вашего соизволенія, еслибы мое сердце не уповало вѣчной отъ васъ къ намъ довѣренности.

Изидоръ (*видомъ самымъ страстнымъ*). И отъ меня примите клятву, что я скоряе умру, нежели васъ оставлю... Простите мнѣ мою вспыльчивость...

Менандръ (*прервавъ его*). Забудемъ прошедшее. А чтобы прямо то доказать, такъ при моихъ друзьяхъ, которые сейчасъ пріѣдутъ, увѣрю я тебя, что ты зять мой; но не забывай же и ты сегоднишнихъ нашихъ разговоровъ, и когда можно не престань быть мнѣ всегдашнимъ другомъ, хотя ты моимъ зятемъ будешь.

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

ЗАДУМЧИВОЙ,

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Вновь исправленная и преложенная на россійскіе нравы съ комедіи Г. РЕНАРА, *называемой* «LE DISTRAIT».

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Викторъ.
Софія, любовница Викторова.
Госпожа Бранюкова.
Клеофида, дочь ея.
Орестъ, братъ Софіинъ, любовникъ Клеофидинъ.
Чистосердовъ, дядя Орестовъ и Софіинъ.
Марина, служанка Клеофидина.
Устинъ, слуга Викторовъ.
Слуга.

Дѣйствіе въ домѣ госпожи Бранюковой.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

БРАНЮКОВА, ЧИСТОСЕРДОВЪ.

ЧИСТОСЕРДОВЪ. Какъ! всегда и всей роднѣ будешь противиться?

БРАНЮКОВА. Конечно!

ЧИСТОСЕРДОВЪ. И замужъ дочери своей не выдашь?

БРАНЮКОВА. Нѣтъ?

ЧИСТОСЕРДОВЪ. И кто о томъ заговоритъ, на того станешь сердиться!

БРАНЮКОВА. Да!

ЧИСТОСЕРДОВЪ. И никогда мыслей своихъ не перемѣнишь?

БРАНЮКОВА. Нѣтъ!

ЧИСТОСЕРДОВЪ. Конечно, нѣтъ, да нѣтъ — самые короткіе отвѣты. Но поговоримъ хотя минуту порядочно. Ска-

жи мнѣ пожалуй истинную причину, для чего ты отгоняешь женихов, которые за дочь твою сватаются? Напримѣръ сынъ богатаго совѣтника Мурлыкаева, почему тебѣ...

Бранюкова. Потому что какъ ли онъ ни богатъ, но дурное имѣетъ прозвище.

Чистосердовъ. Причина совсѣмъ новая.

Бранюкова. Можно-ли мнѣ будетъ слушать безъ досады, какъ дочь мою станутъ величать г. Мурлыкаевой? Къ тому-жъ, я на смерть ненавижу этихъ богачей, которые прежде ходили въ лаптяхъ, нынѣ ѣздятъ въ каретахъ, а скоро могутъ и въ тюрьмѣ быть, если у нихъ отнять, что̀ они награбили.

Чистосердовъ. Это не совсѣмъ неправда. Итакъ его оставимъ. Но молодой-то придворный человѣкъ, котораго природою и прозвищемъ упрекнуть не можно. Онъ живъ, проворенъ, показывается знатнымъ бояриномъ, говоритъ громко, всѣхъ оспориваетъ, вмѣшивается въ ученые разговоры, и...

Бранюкова. Перестань о немъ говорить; онъ очень знатенъ, прытокъ и бѣденъ. Я не хочу за зятя платить долги, хотя бы онъ и генералъ былъ.

Чистосердовъ. Отговорки у тебя всегда въ запасѣ. Въ минуту двухъ женихов отпотчивала. Перваго для того, что прозвище дурно и очень богатъ; а другаго, что чрезчуръ знатенъ и бѣденъ. Я уже и не говорю о прочихъ. Но какого-жъ бы ты хотѣла зятя?

Бранюкова. Я хочу совсѣмъ совершеннаго человѣка: чтобъ онъ былъ богатъ, скроменъ, хорошъ, но не очень знатной природы; что-бы онъ былъ уменъ и меньше бы всего о себѣ говорилъ.

Чистосердовъ. Сыскавши такого, ты меня удивишь. И какъ мнѣ кажется, то его ожидая, твоя Клеофида, при всемъ богатствѣ, можетъ дѣвкою и жизнь кончить.

Бранюкова. Неправда. Вильницкій точно таковъ, и онъ будетъ ей мужъ.

Чистосердовъ. Который? Неужли Викторъ?

Бранюкова. А хотя бы и онъ. Мнѣ кажется, что ты этому дивишься. Но мнѣ, сударь, въ твоемъ удивленіи мало нужды. Онъ совсѣмъ по моимъ мыслямъ. Иные объ немъ говорятъ, будто бы онъ слишкомъ задумчивъ и будто рѣдко отвѣчаетъ на то, о чемъ его спросишь. Но я не всему

вѣрю. А хотя бы это и было такъ, я бы тому еще и порадовалась. Кто больше думаетъ, тотъ меньше пустаго мелетъ. Онъ же человѣкъ дѣловой, и хотя онъ еще не президентомъ, однако своею коллегіею одинъ ворочаетъ и знатные бояра его жалуютъ.

Чистосердовъ. Я его достоинствъ не порочу. Но конечно ты не вѣдаешь, что онъ мою племянницу Софью любитъ.

Бранюкова. Этому быть не можно. Я изъ давныхъ уже лѣтъ вожу хлѣбъ-соль съ его роднею. Его дядя, который съ тобою же служилъ въ флотѣ капитанъ-командоромъ и отъ котораго онъ своего счастія ожидаетъ, назначилъ его своимъ наслѣдникомъ не иначе, какъ если онъ женится на моей Клеошѣ. Для того-то и поѣхалъ онъ теперь къ этому старику, который почти при смерти. Какъ скоро онъ назадъ будетъ, такъ сыграемъ мы свадьбу. Ежелибъ это не столько было вѣрно, жилъ-ли бы онъ у меня въ домѣ? Ты самъ, съ племянницею своею мѣсяца съ три живучи у меня, видалъ, я чаю, какъ онъ дочь мою любитъ.

Чистосердовъ. Этого я не примѣтилъ, а завѣщаніе дядино невѣрная бы для меня въ любви молодаго человѣка была порука. Викторъ, а статься можетъ, что и сама Клеофида помѣшаетъ твоему намѣренію.

Бранюкова. Викторъ въ мою дочь влюбленъ по уши, а она, какъ дѣвка простая и покорная моей волѣ, по моему слову за всякаго выйдетъ, — за всякаго, хотябъ у него ни глаза во лбѣ, ни зуба во ртѣ не было. Желала бы я узнать, чтобъ она съ кѣмъ нибудь безъ моего вѣдома слюбилась.

Чистосердовъ. Надобно о томъ ее спросить. Когда она столь покорна, какъ ты сказываешь, то не потаится.

Бранюкова. Хорошо. Марина! Слышишь ли? Маришка? Никто во всей Москвѣ такихъ негодныхъ слугъ, какъ я, не имѣетъ. Маришка!

ЯВЛЕНІЕ II.

Марина, Бранюкова и Чистосердовъ.

Марина. Не кричите, сударыня, я здѣсь!

Бранюкова. Что дочь дѣлаетъ?

Марина. Такъ для этого только вопросу вы меня отозвали отъ дѣла? Подлинно, что у васъ здоровая грудь. Мы думали, что и невѣдь какая бѣда.

Бранюкова. Изволишь ли замолчать, нахалка, или...

Марина. Я вѣдь знаю, что вы всегда понапрасну бранитеся.

Бранюкова. А ты безъ ума болтаешь. Отвѣчай на то, о чемъ спрашиваютъ. Что дѣлаетъ дочь?

Марина. Наряжается.

Бранюкова. Всегда въ уборахъ; съ утра до вечера только и дѣла.

Марина. Вы очень легонько объ уборахъ разсуждаете, а мы почти цѣлое утро бились обѣ надъ шиньономъ, котораго порядочно приколоть не могли.

Бранюкова. Вотъ въ чемъ онѣ упражняются! Поди и скажи ей, чтобъ она въ минуту пришла сюда.

Марина. Слышу.

ЯВЛЕНІЕ III.

Чистосердовъ и Бранюкова.

Чистосердовъ. Пожалуй ее не брани и не испугай суровымъ этимъ лицомъ.

Бранюкова. Боже мой! будто я не знаю, какъ поступить, что сказать и что дѣлать! Да вотъ и она. Ты услышишь, какъ я ее на свой нравъ воспитала. Одно мое слово для нея законъ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Клеофида, Марина, Бранюкова и Чистосердовъ.

Бранюкова. Поди сюда, госпожа щеголиха. Поклонись добрымъ людямъ. *(Клеофида кланяется).* Пониже! Еще немножко нагнися! У тебя вѣдь въ спинѣ-то не колъ. Какая невѣжа! Учится танцовать близко трехъ лѣтъ, а не умѣетъ поклониться!

Марина. Однако учитель всякій день къ намъ ходитъ. Полно, въ три года чему выучиться можно.

Бранюкова. Молчать и не вступать въ господскіе разговоры!

Марина *(тихо)*. Она ужасно сердита. *(Громко)*. Мы ждемъ италіанскаго учителя; онъ черезъ часъ къ намъ будетъ.

Бранюкова. А я не хочу видѣть у себя этакихъ людей, которые часто разносятъ къ дѣвкамъ любовныя письмы и которые, если одинажды въ домъ вселятся, то возьмутъ большинство и надъ господиномъ. Многіе изъ этихъ гостей, насилу сюда притащившись, какъ скоро чистаго наѣлися хлѣба, такъ со всѣми начали обходиться за панибрата, всѣхъ почти стали презирать, съ благородными женщинами говорить вольно и на канапе растянувшись. Самъ хозяинъ напослѣдокъ долженъ будетъ за него краснѣться, и исторія кончится тѣмъ, что для этакого побродяги всѣхъ знакомыхъ надобно будетъ потерять, коли его не выгнать.

Чистосердовъ. Это правда и это во многихъ домахъ уже и сбылось; полно, теперь это не къ нашему разговору.

Бранюкова. Да утерпишь ли, когда насильно хотятъ этакого врага ко мнѣ въ домъ ввести? Чтобъ и у воротъ его не было. Слышишь-ли, дочка? Подними голову; еще повыше, стой прямѣя, подойди поближе. Должно-ли потуплять глаза? Выправь грудь и не складывай рукъ, какъ приговоренная къ смерти.

Марина *(въ сторону)*. Отъ утра до вечера безпрестанная школа.

Бранюкова. Отвѣтствуй мнѣ. Мило-ли тебѣ слушать о свадьбѣ?

Клеофида *(смѣется)*.

Чистосердовъ. Она смѣется. Это знакъ хорошій.

Марина. Какъ-же не смѣяться тому, что пріятно?

Бранюкова. Что? ты осмѣливаешься смѣяться! и ты не краснѣешься, когда говорятъ о замужствѣ?

Клеофида. Я не знала, сударыня, что услышавъ про замужство, должно краснѣться. Впредь буду я осторожнѣе, и какъ скоро о томъ услышу, въ мигъ закраснѣюсь.

Бранюкова. Всѣ мужья здорливы, своенравны и ужасть какъ ревнивы. Всѣ хотятъ надъ нами господствовать. Надобно нашей сестрѣ, у которой ума хотя есть на копѣйку, безъ нихъ обойтиться.

Клеофида. Вѣдь они, матушка, таковы жъ и въ ваше время были, но вы при всемъ томъ замужъ вышли.

Бранюкова. Мой покойникъ увезъ меня насильно.

Марина. Схожее на это можетъ и съ нами случиться.

Клеофида. Развѣ не дурно, когда увезть себя допустишь?

Бранюкова. Видалъ ли кто этакую несмысленную? и можно ли статься, чтобъ я родила безсчетную дуру, которая, выросши съ меня, трехъ счесть не умѣетъ?

Марина *(въ сторону)*. Но умѣетъ тебя обманывать.

Бранюкова. Что ты ворчишь?

Марина. Ни слова.

Бранюкова. Эй! ты выведешь меня изъ терпѣнія.

Чистосердовъ. Я ласкою у нея выспрошу. Клеофида Петровна, хочешь ли ты замужъ?

Клеофида. Я на то не напрашиваюсь, а когда мнѣ попадется человѣкъ по нраву, то могу я за него выдти такъ же, какъ и матушка изволила...

Бранюкова. Что? что?..

Чистосердовъ. Пожалуй, дай мнѣ волю. Но нѣтъ-ли уже такого, который бы тебѣ нравился болѣе прочихъ?

Клеофида. А!

Марина. Не робѣй, сударыня!

Чистосердовъ. Говори безъ боязни.

Клеофида. Когда видаю я одного молодаго офицера, то чувствую...

Чистосердовъ. Что такое?

Клеофида. Чувствую, не знаю, что-то такое, что мнѣ пріятно и чего пересказать я не умѣю.

Марина. Моего смыслу на столько станетъ: она чувствуетъ то, что любовію называютъ.

Бранюкова. Какъ, негодная! ты можешь?..

Чистосердовъ. Помолчи еще немножко. А какъ прозвище этого офицера?

Клеофида. Я не знаю. Хотя онъ мнѣ почти и всякій день говоритъ, что онъ меня любитъ. Марина, ты не знаешь ли?

Марина. Я только знаю, что онъ молодой офицеръ, а полковникъ ли, маіоръ ли, Богъ вѣдаетъ. Онъ намъ ни о прозвищѣ, ни о рангѣ своемъ не сказывалъ, да и имя и отчество его я забыла. Но онъ нерѣдко къ намъ ходитъ, и вы его и по примѣтамъ узнаете. Онъ росту малаго, всегда пыщится и вытягивается, чтобы больше казаться, всегда говоритъ о полку, объ офицерахъ, о солдатахъ, будто

никто, кромѣ его, офицеровъ въ рукахъ держать и солдатъ бить не умѣетъ. Онъ каждый день показываетъ намъ банты, флейты, образцы гранодерскимъ шапкамъ, и всякій эдакій вздоръ. Онъ неумолкно и умомъ своимъ и ученіемъ хвалится, словомъ, онъ столько самолюбивъ, что онъ похвалами о себѣ намъ уши прожужжалъ.

Чистосердовъ. Никакъ это Орестъ.

Марина. Орестъ Васильевичъ, точно такъ!

Бранюкова. Кто? Этотъ шалунъ...

Чистосердовъ. Если онъ тебѣ не нравится, то хотя для меня его пощади, онъ мнѣ родной племянникъ. Сколько онъ ни вѣтренъ, но всѣ говорятъ, что онъ маіоръ исправный.

Бранюкова. Хотя бъ онъ былъ полковникъ, что мнѣ до того. Пусть онъ вѣчно въ полку и останется: пусть тамъ онъ и бредитъ о шапкахъ и флейтахъ, а ко мнѣ на дворъ не подногу. Я не люблю драчуновъ и самохваловъ.

Чистосердовъ. Онъ довольно богатъ, а современемъ можетъ онъ быть, и степеннымъ человѣкомъ.

Клеофида. Онъ для меня такъ хорошъ, что я его лучше видѣть не желаю.

Бранюкова. Какъ! безъ моего соизволенія?

Чистосердовъ. Любовь моего племянника можетъ быть и такая...

Бранюкова. Какая бъ она ни была, но мнѣ совсѣмъ противна. Я ей другаго назначила мужа и моего слова не нарушу. Пусть твой маіоръ рыщетъ по Москвѣ за другою невѣстою, а этой не видать ему какъ ушей своихъ! Я довольно наслышалась, что онъ дуракъ и вертопрахъ, и я ей запрещаю его видѣть.

Клеофида. Вашу волю я исполню, и не пойду его искать, но когда онъ самъ ко мнѣ придетъ, такъ не выгонять же мнѣ...

Бранюкова. Кто бъ подумалъ, что эта глупенькая столько о замужствѣ помышляетъ; да полно въ тихой водѣ черти водятся.

Клеофида. Вы всегда меня браните, и я отъ того-то и дурою кажуся.

Бранюкова. Молчи, и ступай въ свою кануру.

Чистосердовъ. Когда бъ ты послушала моихъ совѣтовъ.

Бранюкова. Я ни кого не слушаю.

Чистосердовъ. Это я уже и знаю, однако...

Бранюкова. Прощай.

Чистосердовъ. Однако, сударыня, намъ можно поговорить порядочно.

Бранюкова. Однако, сударь, когда ты будешъ имѣть дочь или сына, тогда я не приду въ твой домъ ими распоряжать. Пошла скоряе; дѣлай, что тебѣ велятъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Чистосердовъ и Марина.

Марина. Теперь она прямо разсердилась, и мнѣ кажется, что никогда не согласится за вашего племянника отдать мою барышню.

Чистосердовъ. Я имѣлъ намѣреніе сыграть вдругъ двѣ свадьбы, но она меня смутила. Викторъ мою племянницу любитъ. Она мнѣ о томъ сама сказывала; а къ Клеофидѣ только въ угожденіе своему дядѣ нѣкоторую оказываетъ онъ ласку. Но будетъ ли онъ сегодня изъ дядиной подмосковной.

Марина. Конечно будетъ. Но я боюсь, чтобъ несговорчивая старуха нашимъ любовникамъ не помѣшала.

Чистосердовъ. Согласить ее можно, и мой племянникъ... да вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Орестъ, Чистосердовъ и Марина.

Орестъ *(смѣючись)*. Здравствуй, дядюшка. Ага! и ты здѣсь Марина? въ жизнь мою этого я не забуду. Ха! ха! ха!

Марина. Скажите, сударь, намъ, чему вы столько смѣетесь. Не пустому ли?...

Орестъ. Отнюдь не пустому. Вашъ господинъ судья, этотъ столь опасный мнѣ соперникъ, который на яву бредитъ, въ сію минуту на дворъ взъѣхалъ. Онъ съ ногъ до головы обрызганъ грязью. И чортъ знаетъ, какъ онъ могъ въ такую сухую погоду выпачкаться. Развѣ онъ нарочно ѣздилъ по болотамъ, исполняя пословицу: *люди дорогою, а чортъ цѣликомъ.*

Марина. И только-то...

Орестъ. Что еще вы слышали! Скакавши на лошади, потерялъ онъ съ себя шляпу, и не прежде ея схватился, какъ уже здѣсь на дворѣ, хотѣвъ вашему повару, принявъ его пришедшимъ къ вамъ гостемъ, поклониться; хорошую онъ на улицахъ изъ себя дѣлалъ комедію!

Марина. Это отъ него могло бы статься! да съ нимъ слуга былъ.

Орестъ. Онъ его напередъ услалъ съ радостною къ бѣшеной вашей старухѣ вѣдомостью. Не смѣшно ли это? Полно, еще то ли услышите. Слуга его, увидя, что я со смѣху надсѣдаюсь, сказывалъ мнѣ, что въ тотъ день, какъ поѣхали они отсюда къ дядѣ, этотъ вашъ умница на половинѣ первой почты началъ бранить ямщика, почетши его своимъ обыкновеннымъ извощикомъ, для чего онъ такъ долго везетъ его въ коллегію. Не распознать города съ большою дорогою! Эдакой чудакъ!

Чистосердовъ. Но смѣяться тутъ столько, право, нечему.

Орестъ. Хотя бы ты, дядюшка, происходилъ прямо отъ плаксиваго Ираклита, такъ, бы и тутъ, слыша это, долженъ ты былъ отъ смѣха надсѣсться. Ты дѣлаешься стоикомъ. Къ чему эдакъ надуваться? посмѣйся, сударь, лучше; посмѣйся. Нутка, дядинька, повеселись и не будь такъ угрюмъ. Эдакія лица мнѣ противны.

Чистосердовъ. А мнѣ несносны эдакіе шалуны. Неужли ты вѣчно своими дурачествами хочешь изъ себя посмѣшище дѣлать?

Орестъ. Кто надо мною смѣется, надъ тѣмъ смѣюсь я въ десять разъ больше. Вы хулите мои, а я ваши поступки, и что мнѣ въ нашемъ спорѣ нравится, такъ это то, что мы оба думаемъ быть правы, какъ то и есть въ самомъ дѣлѣ. И поистинѣ, сударь, не должно ли надъ людьми хорошенько посмѣяться? Можно ли оставить эту старую боярыню, которая на шестомъ десяткѣ часа по три сидитъ у туалета и сердится, что наша братья въ нее не влюбляются? Можно ли не промолвить словца на счетъ этой щеголихи, которая тѣмъ хочетъ прослыть французской дюшесою, что она любовниковъ поденно перемѣняетъ, или, яснѣе сказать, тогда имъ даетъ отставку, когда они въ долгъ деньги давать ей перестанутъ? Утерпишь ли не ска-

зать правду объ этихъ мнимыхъ умницахъ, которые, ничего никогда не знавъ, думаютъ вдругъ быть и воинами и приказными людьми? Можно ли спустить всѣмъ этимъ незнающимъ штапамъ и офицерамъ ихъ невѣжество; этимъ, которые кричатъ, будто полкъ, на наше мѣсто пришедшій, лучше нашего! Они лгутъ безстыдно. Нашъ полковникъ первый полковникъ въ свѣтѣ, а я первый маіоръ, какого никогда не бывало; нашъ полкъ безпримѣрный; у насъ ли не гранодеры, наши ль не мушкатеры! шпаги, шляпы, байты—все щегольское. Не такъ ли, Маринушка?

Чистосердовъ. Чтобъ тебѣ до этого вздору нужды, и къ чему ты болталъ все это? всегда стараешься ты женщинъ язвить напрасно, и всѣмъ ты людямъ какъ осва въ глаза лѣзешь. Время тебѣ исправиться.

Орестъ (*сдѣлавъ нѣсколько разъ тростью на караулъ и передъ себя*). Проповѣдуй, любезный дядюшка, проповѣдуй! Ну, приступимъ ко второй главѣ. Я право тронутъ твоимъ поученіемъ. Марина, каково я ружьемъ дѣлаю?

Марина. И, сударь, что я знаю!

Чистосердовъ. Ты ставишь себѣ въ честь быть шалуномъ. Славу свою въ томъ почитаешь, чтобъ похвастать и уязвить кого-нибудь и въ комедіяхъ или въ маскарадахъ повѣсничать. Ты въ этихъ мѣстахъ всѣмъ людямъ хочешь шутомъ казаться. Между равными себѣ коверкаешься ты тамъ и кружишься и, думая собою удивить, судишь ты и рядишь обо всемъ, ни аза въ глаза не зная. Кричишь ты въ комедіи, съ подобными себѣ повѣсами, кучею собравшись, столь громко, что заглушиваешь комедіантскія рѣчи и зрителей огорчаешь. Дивлюсь я, какъ васъ не гоняютъ.

Орестъ. Вотъ прекрасно сказано! Нутка! третья-то глава о чемъ пишетъ? Думаю, что она всѣхъ будетъ остряе. Но говорите короче. Марина засыпаетъ, а я зѣваю.

Чистосердовъ. Третья глава состоитъ въ томъ, что если ты изъ своей пустой башки всѣхъ дурачествъ не выкинешь, то принудишь меня все мое богатство отдать сестрѣ твоей. Отцовское то у тебя наслѣдство очень не велико. Владѣніе пространное: въ поле четверть, а въ дву по тому же.

Орестъ. Думай о этомъ вздорѣ кто хочетъ. Я дослужусь до генерала и коли война случится, то буду и фельдмаршаломъ и на вѣки прославлюсь. Итакъ у меня не только пропитаніе, да и богатство будетъ.

Чистосердовъ. Далеко еще кулику до Петрова дня. Не сдѣлай такъ же и ты, какъ тебѣ подобныя прыткуньки дѣлывали. Не запасись, братъ, борзымъ иноходцемъ, который по двадцати миль въ сутки бѣгаетъ, и не наведи стыда бѣдной своей роднѣ. Я скоро съ тобою совсѣмъ разлажу.

Орестъ. Но что-жъ вамъ столько во мнѣ не нравится? Не хотите ль вы изъ меня судью сдѣлать. Нѣтъ! я намѣренъ въ войскѣ показаться, и сказать по чести, я право ничего худаго въ себѣ не вижу. Я люблю женщинъ, да кто-жъ ихъ не любитъ. Я пью и играю, въ томъ есть у меня товарищей много и я за то эдакихъ выговоровъ не заслуживаю. Правда, что случается мнѣ говорить на счетъ *ближняго*, но чѣмъ же угодить людямъ. Просиживаю я иногда *за бутылками* до самой зори, въ компаніи съ пречестными женщинами, а притомъ просыпаю до полудня; да и тутъ, и здоровью и карману есть прибыль. Въ эдакіе дни ѣмъ я по однажды. И такъ, сударь, скажи мнѣ? больной, по предписанію лекарскому, можетъ ли быть столько воздержень? и эдакая жизнь достойна ли осужденія?

Марина. Видно, что вы воздержны.

Орестъ. Посмотри самъ на насъ хорошенько когда мы веселимся. Насъ собралось сегодня друзей человѣкъ десятокъ. Мы ѣдемъ смотрѣть какъ будетъ полкъ подъ Андроньевымъ учиться. Мы всѣ робята веселые, и всѣ хотимъ въ вечеру показать храбрость надъ англинскимъ пивомъ, которое только вчера привезли изъ Петербурга. Я могу вамъ доставить честь нашего товарищества; а чтобы получить вамъ первенство надъ всѣми, такъ заплатите за всю веселую братью. У насъ пятерыхъ дворянъ, говоря безъ закрышки, по сей еще часъ и трехъ рублей не набралося.

Марина. Счастливъ будетъ тотъ трактирщикъ, котораго вы посѣтите!

Чистосердовъ. Не стыдно ли тебѣ врать...

Орестъ. A propos! вы мнѣ напамятовали. Я скоро женюсь. (*Марин*ѣ). Э! я чаю красавица-то моя съ тоски по мнѣ умираетъ.

Марина. Этого я, сударь...

Орестъ. Она, я чаю, готовится меня разцѣловать. И правду сказать, эта дѣвочка изрядная находка. Хотя она и простенька, но ее на свой нравъ вышколю. Дядюшка, сударь,

будущая моя невѣста, которую я хочу осчастливить, молода, богата, и когда вы ее увидите, то...

Чистосердовъ. Я ее знаю: но знаешь ли ты ея мать? Она о тебѣ и слышать не хочетъ.

Орестъ. Кто? Старушка-то слышать не хочетъ? Увижу я это. Она не хочетъ. Куда какъ это кстати. Я усмирю эту несговорчивую бабу.

Марина. Ее усмирить? Напрасно вы потратите время.

Орестъ. Увидите. Подите за мною.

Чистосердовъ. Сдѣлай милость укроти воинскій гнѣвъ и помедли. Кто бы теперь тебя ни увидѣлъ, всякій бы подумалъ, что ты идешь на приступъ. Слыхано-ли въ свѣтѣ, чтобъ идучи первый разъ къ тещѣ бѣжать какъ сумасшедшему!

Орестъ. Она не хочетъ? Это несносно! Марина, скажи ей, что въ такихъ дѣлахъ умѣренности у меня нѣтъ. Какъ же она забавна. Она не хочетъ!

Чистосердовъ. Если ты дашь мнѣ слово быть умнѣя, то я ничего не упущу, чтобъ женить тебя на Клеофидѣ. Старайся же лучшими поступками быть ея достойнымъ. (*Уходитъ*).

Орестъ. Я ужъ постараюсь. Вотъ онъ какъ разсудить изволилъ. О сѣдыя головы! вамъ ли насъ учить. Ваше дѣло копить для насъ деньги и много для васъ чести быть нашими оброчными мужиками.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Орестъ и Марина.

Орестъ. Чему ты смѣешься, я говорю правду. Подойдитка сюда, плутовочка. Какъ же ты хороша! Скажи отъ меня своей госпожѣ, что я ее изряднехонько люблю. Хотѣлъ бы я съ нею просидѣть вечеръ, но жаль, что важное дѣло мнѣ препятствуетъ. Ты слышала, что въ вечеру намѣревался я отвѣдать съ друзьями новаго англинскаго пива; мнѣ надобно ихъ увидѣть и назначить мѣсто сраженію. Ежели пиво намъ понравится, то разшибемъ мы не одну дюжину бутылокъ. Прости! а до свиданія вотъ тебѣ поцѣлуй, который отнеси къ моей будущей супругѣ. (*Хочетъ поцѣловать ее*).

Марина. Перестаньте шалить! Такихъ посылокъ я не принимаю.

Орестъ. Хотя я Клеофиду и люблю, но чувствую, что въ нуждѣ и тебя...

Марина. Меня оставьте; я не люблю отъ нужды любиться.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Марина *(одна)*. Вотъ еще какой любовникъ! Для прекрайнія нужды откладываетъ свиданье съ любовницей. Хочетъ пива отвѣдать! Наши молодчики очень чудны. Но неужли будемъ мы имъ всегда въ обманъ даваться! Чортъ возьметъ перваго мужчину, который меня провесть вздумаетъ! Полно, нечему дивиться. Какъ кликнешь, такъ и откликнется! и мы нерѣдко платимъ имъ тою же монетою.

Конецъ пкрваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марина и Устинъ.

Марина. Повѣрь, Устинъ, что я очень рада твоему пріѣзду.

Устинъ. Мы сейчасъ лишь съ коней и я, спѣша къ тебѣ, не имѣлъ времени пыли съ кафтана счистить.

Марина. Ты въ пыли, а Викторъ Семеновичъ въ грязи. У него всегда что-нибудь отмѣнное. Да скажи мнѣ, нашелъ ли онъ шляпу-то?

Устинъ. Который сатана успѣлъ тебѣ надуть въ уши о нашихъ несчастіяхъ?

Марина. Я все ужъ знаю.

Устинъ. Съ нимъ каждый день хуже становится. Напримѣръ вчера, ха! ха! ха! ха! ха! ѣвши яйцо въ смятку, такъ онъ забылся, что вмѣстѣ съ кускомъ хлѣба, который онъ

въ яйцо обмакивалъ, сунулъ въ ротъ палецъ, и такъ его съ голоду типнулъ, что кровь полилась.

Марина. Ништо!

Устинъ. Послушай-ка то, чего я тебѣ никогда не открывалъ. Однажды, вышедши изъ гостей, вмѣсто своей, сѣлъ онъ въ чужую карету, которая поближе другихъ у крыльца стояла. Дернулъ извощика за снурокъ, а тотъ не примѣтивъ, какъ онъ туда влѣзъ, принялъ его своимъ хозяиномъ, и довезъ его прямо къ своему дому. Кудесъ мой вышелъ изъ кареты и, не останавливаясь, побрелъ изъ покоя въ покой до самой спальни. Госпожа дому, ожидая мужа, лежала уже въ постели, и хотя не спала, но занавѣсы у нея были закрыты. Незваный гость, думая, что онъ въ своей спальнѣ, сталъ было раздѣваться. Но вдругъ настоящій хозяинъ домой пріѣхалъ, и увидѣвъ эдакое чудо, такъ было разсердился, что хотѣль его выгнать, но не въ двери, а намѣрился приказать учтивымъ образомъ выбросить въ окошко. Тутъ-то мой философъ очнулся и отъ разсерженнаго мужа навострилъ лыжи. Подумай, могъ ли я удержаться отъ смѣха, увидѣвъ его, какъ онъ домой въ колпакѣ и въ чужомъ шлафоркѣ пожаловалъ! Ха! ха! ха!

Марина (*смѣется вмѣстѣ съ Устиномъ*). Ха! ха! ха! Счастливъ же хозяинъ, что онъ подоспѣлъ. Но оставя его проказы, скажи мнѣ, что получили вы отъ вашей поѣздки?

Устинъ. Мы привезли съ собою дядино чистое благословеніе.

Марина. Дядино благословенье?

Устинъ. Да, мой свѣтъ, этимъ онъ насъ наградилъ отъ всего сердца, а что до наслѣдства, о томъ всѣ наши труды были напрасны. Врагъ намъ поперечилъ.

Марина. Оставь пустошь и говори.

Устинъ. А, Маринушка! Я съ досады не знаю, что и дѣлать. Надежда насъ обманула и дуракъ тотъ, кто на нее совсѣмъ полагается. Мы чаяли получить отъ дяди коку съ сокомъ, но дѣло чаяніемъ и кончилось. Онъ самый Кащей безсмертный. Съ часу на часъ ждали мы, авось-либо онъ къ праотцамъ своимъ отправится и желали ему доброй дороги. Въ тотъ день, когда три раза параличъ его ударилъ, когда у него языкъ отнялся, пошелъ я съ двора и началъ было хвастать будущимъ боярина моего богатствомъ. Я уже было и гробъ заказалъ, уповая его въ живыхъ не

застать. Но чуть меня самого не ударило, когда я, возвратясь, нашелъ его, что онъ, сидя въ постели, трясущею рукою щи съ сухарями, какъ здоровый, убираетъ. И тутъ-то онъ прямо доказалъ намъ несчастіе наше.

Марина. Конечно, вы опоздали и онъ до васъ кого-нибудь...

Устинъ. Нѣтъ!

Марина. Знать, онъ за непочтеніе отрѣшилъ твоего господина...

Устинъ. Никакъ!

Марина. Такъ знать онъ, видя себя при смерти, объявилъ, что онъ имѣетъ сына отъ какой-нибудь домашней...

Устинъ. Нѣтъ! этотъ скряга изъ скупости *дѣтей имѣть* не хотѣлъ.

Марина. Итакъ я угадать не могу.

Устинъ. Онъ, не взирая на наши молитвы, на зло намъ умереть раздумалъ.

Марина. Это въ подлинну досадно.

Устинъ. Три раза изъ своихъ рукъ долженъ я его рвотнымъ, всегда тройною мѣрой, примѣшивая пріема по два проноснаго и показывая ему мое усердіе, чтобы безъ дальнаго мученія пособить ему съ жизнію разстаться; да полно, лихо споро, и немилостивая судьба не помогла моимъ добросердечнымъ желаніямъ. Словомъ, нашъ старикъ, не взирая на лихорадку, которая его бьетъ безотступно, на хирагру, подагру, одышку, кровохарканье, параличъ, колотье, каменную болѣзнь, не взирая и на то, что и гробъ для него уже былъ заказанъ, совсѣмъ оправился.

Марина. Итакъ, вы ѣздили ни пошто, привезли ничего?

Устинъ. Мы и на дорожные убытки не получили; однако Пантюшку бояринъ тамъ оставилъ, чтобы онъ обо всемъ писалъ къ намъ, и когда по старикову душу Богъ сошлетъ, то мы опять въ деревню поѣдемъ.

Марина. Старикъ васъ еще долго обманывать можетъ. Но каковъ теперь госиодинъ твой къ моей барышнѣ? Любитъ-ли онъ ее?

Устинъ. Онъ въ Софію Васильевну влюбленъ по уши. Но хотя онъ и задумчивъ, однако о томъ помнитъ, что дядя не дастъ ему наслѣдства, если онъ не женится на Клеофидѣ. И это дѣлитъ его философское сердце между ими и его безпокоитъ. Я знаю, что твоя госпожа пригожѣе и

богаче Софіи, но мой господинъ любитъ, какъ онъ говоритъ, прямыя достоинства, а не красоту.

Марина. Когда онъ любитъ Софію и мою боярышню, такъ развѣ онъ на обѣихъ жениться думаетъ?

Устинъ. А что-жъ бы? Задумавши, онъ это сшалить въ состояніи. Онъ прямо удивительный человѣкъ. Часто онъ чудеса дѣлаетъ. Говоря съ людьми, женщину называетъ господиномъ. Вмѣсто да, отвѣчаетъ нѣтъ. Часто меня бранитъ вмѣсто похвалы, а иногда какъ съ знатнымъ бояриномъ говоритъ со мною, называя меня высокороднымъ и превосходительнымъ. А впрочемъ онъ человѣкъ пречестный, судья самый справедливый и прилежный, другъ вѣрный и чистосердечный, любовникъ такой постоянный, какъ Калеандръ и Поленціонъ цесаревичи, о которыхъ я, еще у никольскаго дьячка грамотѣ учася, начитался.

Марина. Когда онъ влюбленъ въ Софію, такъ знай, что и Клеофида не его, а Ореста любитъ.

Устинъ. Этого офицерика, который теперь на дворѣ со смѣху надсѣдался. Тѣмъ для насъ лучше. Итакъ намъ обще стараться надлежитъ сдѣлать противное дядину желанію.

Марина. Отъ тебя будемъ мы ожидать хорошихъ успѣховъ.

Устинъ. Надѣйтесь на меня; но мнѣ пора идти. Теперь мой молодецъ одинъ сидитъ, и чаю, что меня ожидаетъ. Но все-ли ты была здорова?

Марина. И такъ и сякъ. А ты?

Устинъ. Кое-какъ. Меня отъ скорой ѣзды и отъ сѣдла поразломало.

Марина. О, это обыкновенная бѣда съ верховыми ѣздоками! Прости, Устинъ Максимычъ!

Устинъ. Прости, Марина Гавриловна! Прости, моя голубка. А! я было и забылъ тебѣ сказать еще объ одной моей болѣзни. Эта происходитъ отъ твоихъ воровскихъ глазенковъ. Колибъ я былъ имъ и тебѣ хозяинъ, то бы...

Марина. Этого прождешь ты долго.

ЯВЛЕНІЕ II.

Устинъ (*одинъ*). Добро, вертушка, отъ моихъ рукъ тебѣ не отвертѣться. Да вотъ и его милость идетъ, носъ повѣсивъ, что-то бормочетъ и меня не видитъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Викторъ и Устинъ.

Викторъ (*задумавшись входитъ*). Жестоко я опасаюсь! Ну, если разлука, которая любовникамъ всегда вредна бываетъ, лишила меня сердца Софіина? Какъ мнѣ это снесть будетъ? Трудно сыскиваются такія женщины, которыя и заочно сохраняютъ вѣрность. Одна минута въ нихъ любовь вспламеняетъ, одна же ее и гаситъ.

Устинъ. Столкнувшись рожа съ рожею, думаю, что онъ меня увидитъ.

Викторъ (*толкнулъ Устина, его не примѣтивъ*). Какъ же я буду несчастливъ, ежели кто у меня ту похитилъ, которую я болѣе себя люблю! Чѣмъ больше чувствую я къ ней страсти, тѣмъ больше безпокоюсь. Не могу я долѣе быть въ неизвѣстіи. Пойду къ ней, не теряя времени. Устинъ, подай мнѣ шпагу и перчатки.

Устинъ. Тотчасъ, сударь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Викторъ. Никогда не бывалъ я въ такомъ мучительномъ состояніи. Ежели бы дядя мой меня не связывалъ, то-бъ могъ я жениться на комъ бы я хотѣлъ, а теперь онъ мнѣ тысячу препятствій дѣлаетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Устинъ и Викторъ.

Устинъ. Я не нашелъ ни шпаги, ни перчатокъ.

Викторъ. Ты не нашелъ? Вотъ какъ ты мнѣ служишь! Зачѣмъ тебя ни пошли, ты никогда того не сдѣлаешь. Я тебѣ сказываю, что онѣ лежатъ на столѣ въ моей спальнѣ.

Устинъ. Чтобъ чортъ меня побралъ, если я вездѣ ихъ не искалъ и ужъ не онъ ли ихъ куда запряталъ. Ага! вотъ еще новенькая шутка! Я бы проискалъ ихъ и невѣсть сколько. Не опочиваете ли вы, сударь? (*Увидя у Виктора шпагу и перчатки*).

Викторъ.Что ты бредишь?

Устинъ. Перестаньте, сударь, забавляться; я право усталъ и мнѣ не до шутокъ. (*Въ сторону*). Онъ меня часто забавляетъ.

Викторъ. Что ты ворчишь?

Устинъ. Вы знать напоказъ хотите нарядиться? Знать вы намѣрены удивить весь городъ, а это и не трудно, взбрякавъ на обѣ стороны по шпагѣ, и имѣя на рукахъ перчатки, еще другую пару держать на прищеголье. Развѣ это не шпага? а это развѣ не перчатки?

Викторъ. Ага!

Устинъ. Ага!

Викторъ. Я задумался и печаль...

Устинъ. Это не въ послѣдній разъ сегодня.

Викторъ. Устинъ, я тебѣ тайну сердца моего открою. Я не думаю совсѣмъ о Клеофидѣ и Софію только обожаю. Дядино упорное желаніе принуждаетъ меня притворяться, но богатство не сдѣлаетъ меня счастливымъ. Какъ онъ себѣ изволитъ. Ничто не истребитъ изъ сердца моего моей страстной къ Софіи любви. Я нетерпѣливо желаю увидѣться съ нею... Который часъ?

Устинъ. Седьмой.

Викторъ. А кто тебѣ это сказалъ?...

Устинъ. Кто мнѣ сказалъ? стѣнные часы. (*Въ сторону*). Онъ право въ головѣ...

Викторъ. Не знаешь ли ты, какимъ бы образомъ потерялъ я шляпу? Садившись на послѣдней станціи на лошадь, была она еще у меня на головѣ (*хохочетъ*).

Устинъ. Смѣйтесь, сударь, смѣйтесь хорошенько. Куда какъ это забавно и какъ пріятно надъ собою смѣяться. Но оставимъ шляпу. Нечаянный случай ведетъ къ намъ Софію Васильевну. Сберитесь теперь съ памятью и прогоните задумчивость, чтобъ не сдѣлать вздору какого.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Софія, Викторъ и Устинъ.

Викторъ. Я спѣшилъ къ вамъ, льстясь по двумѣсячной разлукѣ получить отраду моей горести. Вы это однимъ пріятнымъ словомъ произвесть можете. Какъ же мнѣ пре-

лестны вы кажетесь! Красота ваша часъ отъ часу прибавляется, равно какъ и моя любовь. Подай скоряе кресльі.

Устинъ (*подаетъ кресльі*).

Софія. Всѣ любовники говорятъ очень ласково, но часто они возвратяся не привозятъ съ собою ничего, кромѣ однихъ ласковыхъ словъ. Любовь у нихъ съ отсутствіемъ исчезаетъ. Прежде винили насъ женщинъ, говоря, будто мы первыя выдумали въ любви непостоянство, но еслибъ это была и правда, такъ намъ въ выдумкѣ чести мало. Вы хотя и ученики въ томъ наши, но вамъ столько это полюбилось, что вы и самихъ мастерицъ прехитрили.

Устинъ (*увидя, что господинъ его сълъ въ кресльі, принесъ стулъ Софіи.*). Извольте, сударыня, сѣсть хотя на стулѣ. Здѣсь одни только кресла, на которыхъ бояринъ мой привыкъ садиться, что онъ и теперь забывшись сдѣлалъ. Но вы его извините.

Софія. Благодарствуй, Устинъ. Я не устала. (*Виктору*). Еслибъ я не столько тебя любила, то бы гораздо была спокойнѣе. Ежечасно любовь меня тревожитъ. Сколько я тебя люблю, столько и опасаюся твоей невѣрности. Не полагаюсь я на слабую красоту свою и страшусь соперницы.

Викторъ. Оставьте напрасную опасность. Могу ли я кого любить кромѣ тебя, любезная Клеофида.

Устинъ. Не Клеофида, а Софія.

Викторъ. Единственное мое желаніе есть то, чтобъ жить и умереть съ Клеофидой.

Устинъ. Съ Софіей.

Викторъ. А! я неисчетныя прелести въ тебѣ нахожу. Ты для меня всего на свѣтѣ прекраснѣй, всего милѣе; словомъ, Клеофида...

Устинъ. Ну! запѣлъ околесную.

Викторъ. Въ глазахъ моихъ такое сокровище, такая совершенная красота, каковой природа на свѣтъ еще не производила.

Софія (*Устину*). Что я слышу? Онъ мнѣ невѣренъ и его задумчивость открыла мнѣ мою соперницу. Я съ досады говорить не могу и моя обиженная любовь на вѣки его велитъ мнѣ презрить.

Викторъ (*опомнившись*). Что это, сударыня? Отчего вы столь прогнѣвались? Ужъ не этотъ ли шалунъ вамъ досадилъ?

Софія. Если кто теперь мнѣ досадилъ, такъ это вы, сударь!

Викторъ. Я?

Софія. Да, сударь, ты!

Викторъ. Какъ? Я могъ васъ огорчить?

Софія. Измѣнникъ! Ты еще и въ глаза мнѣ ругаешься. Поди и угождай Клеофидѣ.

Викторъ *(Устину)*. Что ты насказалъ?

Устинъ. Вотъ тебѣ на! Онъ спроказилъ, а я виноватъ. Обыкновенный судъ боярскій.

Викторъ. Софія, повѣрь мнѣ, что я тебя обожаю. Если я говорю не правду, такъ пусть сейчасъ предъ тобою судьба меня накажетъ.

Устинъ. Не клянитесь, сударь, эдакъ ужасно. Вы слишкомъ задумались.

Софія. Ты любишь Клеофиду и имѣешь дерзновеніе при мнѣ ее хвалить и вычитать всѣ ея достоинства.

Викторъ. Я? Я говорилъ о Клеофидѣ? Перестаньте, сударыня; никакъ хотите вы испытать мою любовь или надо мною шутить. Я говорилъ при васъ о другой, э! э! этому быть не можно. Я ни о комъ, кромѣ васъ, и не думалъ; вы всѣ мои мысли занимаете и вы владѣете моимъ сердцемъ.

Устинъ *(въ сторону)*. Онъ право рехнулся.

Викторъ. Эта привязка, какъ ли она ни неправильна, но чувствительно мою любовь огорчаетъ. Вы конечно издѣваетесь. Взгляните на себя, такъ и увидите, что не можно мнѣ ни въ кого, кромѣ васъ, влюбиться. *(Задумавшись стоитъ нѣсколько и пересыпаетъ у себя табакъ изъ табакерки на руку и съ руки въ табакерку)*. А, сударыня! хорошо, что я вспомнилъ. Проѣзжая мимо вашей деревни, не могъ я на вашъ домъ налюбоваться. Мнѣ такой же имѣть захотѣлось; итакъ одолжите меня, попроса вашего архитектора, чтобы онъ мнѣ планъ сдѣлалъ. Отпишите теперь же къ нему.

Софія. Съ охотою, сударь!

Устинъ. Куда, какъ теперь это кстати.

Софія. Но къ чему ты прерываешь нашъ разговоръ? Знать совѣсть тебя обличаетъ. *(Въ это время Викторъ, забывшись, перестанавливаетъ стулья, смѣтая съ нихъ пыль своею шляпою, а Устинъ, дергая его и видя, что онъ къ нему не оборачивается, говоритъ)*.

Устинъ *(къ Софіи)*. Онъ право вмѣсто вашего имя выговорилъ другое. Мы объ васъ лишь говорили.

Софія. Не ты, а страсть моя меня увѣряетъ (*дергаетъ Виктора, и онъ, опамятовавшись, ее слушаетъ*). Хотя ты меня увѣрить не стараешься, но я, чрезмѣрно тебя любивши, сама тебѣ вѣрю; однако вовсе быть не могу безопасна. Необычайная, но и непритворная твоя задумчивость нѣсколько меня успокоиваетъ. Я почитаю тебя невиннымъ и вѣрю, что это была ошибка отъ задумчивости твоей.

Викторъ. Ты мнѣ отдаешь справедливость.

Устинъ. Я за боярина ручаюсь. Право въ немъ нѣтъ лукавства. Но ваша любовь воли нашего старичка не отмѣнитъ, итакъ надобно...

Софія. Мой дядя намъ поможетъ. Онъ меня и моего брата очень любитъ и желаетъ видѣть насъ благополучными. А какъ мой братъ влюбленъ въ Клеофиду, и какъ ея мать за военнаго человѣка ее отдать не хочетъ, то дядюшка старается теперь брату выходить полковничій при статскихъ дѣлахъ чинъ.

Викторъ. Я въ томъ могу помочь и берусь съ охотою.

Устинъ. Да вотъ и онъ къ намъ пожаловать изволилъ

ЯВЛЕНІЕ VII.

Орестъ, Викторъ, Софія, Устинъ.

Орестъ (*бѣжитъ обнять Виктора*). Здравствуй, любезный другъ! Какъ же я радъ, что вижу тебя...

Викторъ. Государь мой, я съ удовольствіемъ... съ пріятностію... (*Устину*) Кто онъ таковъ?

Устинъ. Это братецъ Софьи Васильевны.

Викторъ. А!

Орестъ. Ба! и ты здѣсь сестрица? Никакъ пришла сюда за тѣмъ, чтобы на досугѣ подвесть подкопъ противъ этого молодца. Все бы наше! Не такъ ли?

Софія. Неужли ты всегда будешь дурачиться?

Орестъ. Всѣ наслѣдники бываютъ пріятны вашимъ сестрамъ щеголихамъ. Всякій нашъ братъ, похоронивъ богатаго дядю или тетку, если захочетъ влюбиться, будетъ наподхватъ растащенъ. Право такъ! Хотя-бъ кто и столь былъ безобразенъ, какъ Устинъ.

Устинъ. Что? что, сударь? Безобразенъ, какъ Устинъ? Оставьте меня, а то я осмѣлюсь сказать вамъ, что сравненіе ваше не у мѣста и не остро. Всякій человѣкъ чего нибудь стоитъ. И Устинъ въ иномъ случаѣ не промѣняется на десятерыхъ щелкоперовъ, которые лбомъ щепетятъ и у которыхъ затылокъ вши съѣли.

Викторъ. Ты уже и разсердился! Поди, поди сюда! Я обойму тебя. Итакъ дядя-то, наконецъ, какъ честный старикъ дѣло окончилъ? Онъ изволилъ на тотъ свѣтъ убраться! Полны ли сундуки-то вы нашли и не заплесневѣли ли деньги?

Устинъ. Даровому коню въ зубы не смотрятъ.

Орестъ *(тростью вертя)*. Итакъ этотъ добренькій старичонца міръ сей оставилъ. Мнѣ право его жаль *(насвистываетъ маршъ, поетъ русскую пѣсню)*.

Софія. Это и видно.

Устинъ. Куда какъ этотъ свистъ и пѣсня теперь кстати!

Орестъ. Послушай; я тебѣ ее спою.

Устинъ. Хорошъ и голосъ: какъ у задавленнаго барана.

Орестъ. Она почти моего сочиненія, а голосъ совсѣмъ мой. Когда я былъ капитаномъ, такъ у меня гранодеры щегольски ее пѣвали. Я ее нынѣ поправилъ и хочу къ лагерю велѣть робятамъ хорошенько спѣться. Мы подлинно этимъ другіе полки въ стыдъ приведемъ.

Устинъ. Я думалъ, право, что въ лагерѣ есть больше вамъ дѣла, а не только-что пѣснямъ учить солдатъ, и что не пѣснями же надъ другими можно верхъ взять.

Орестъ *(поетъ)*. О, ты ничего не знаешь. Не прекрасный ли это голосъ и не трогаетъ ли онъ тебя? *(Виктору)*. Какова вамъ кажется пѣсня и голосъ?

Викторъ *(опомнившись отъ задумчивости, въ которой былъ онъ все явленіе, беретъ Софію за руку, почти ее Орестомъ, и отводитъ ее въ уголъ)*. Во всемъ, что до васъ принадлежитъ, беру я прямое участіе. Вы, я думаю, уже знаете, сколь много я почитаю вашего дядюшку и какъ я страстно люблю вашу сестрицу, такъ думаю и не отречетесь принять отъ меня услугу, на которую вызываюсь я отъ всего сердца.

Софія. Я вамъ за то весьма обязанною себя почитаю.

Викторъ *(не хотя, чтобъ ихъ подслушали, отводитъ ее въ другой уголъ)*. Здѣсь мы лучше поговорить можемъ.

Орестъ (*ту жъ шутку дѣлаетъ съ Устиномъ*). Я также нѣчто хочу тебѣ сказать. Повеселимся мы на счетъ твоего чудака...

Устинъ. Изволь, сударь, одинъ веселиться.

Викторъ. Всѣ знаютъ, что я имѣю счастіе быть любимъ многими знатными людьми; итакъ постараюсь я выходить вамъ, сходно съ желаніемъ вашего дядюшки, мѣсто коллежскаго прокурора.

Софія. Мнѣ, сударь? Мнѣ? Мѣсто коллежскаго прокурора?

Викторъ. Конечно вамъ; вѣдь вы этого ищете.

Орестъ. Онъ право не въ полномъ умѣ.

Устинъ. Коли то правда, такъ онъ на васъ походитъ.

Викторъ. Служа въ арміи, пріобрѣли вы себѣ имя исправнаго офицера, а имѣвъ воспитаніе, имѣете вы, конечно, и знаніе въ дѣлахъ, итакъ надлежитъ за то васъ какимъ-нибудь чиномъ...

Софія. Помѣстите-жъ напередъ заслуженныхъ мужчинъ, и съ первой меня эдакой новости не начинайте... взгляни..

Викторъ. А! Извините, сударыня, мою ошибку. Я думалъ, что съ вашимъ братцемъ.

Орестъ. Сестру мою въ коллежскіе прокуроры?

Устинъ. Это бы очень было забавно.

Орестъ. Сестрица, онъ тебя до безумія любитъ.

Софія. Это мнѣ пріятно.

Орестъ (*Виктору*). Мнѣ кажется, что вы желаете почтить меня своимъ шуриномъ. Сестра моя, безъ лести сказать, этихъ трудовъ стоитъ. Она почти столь хороша, какъ я, и я постараюсь и умомъ съ нею подѣлиться. Она право хороша!

Викторъ. Никакъ, сударь, совсѣмъ нѣтъ.

Орестъ. Совсѣмъ нѣтъ? Она хороша. Сверхъ того, какой же голосъ...

Викторъ. Отнюдь не на мой вкусъ.

Орестъ. Однако вы любите...

Викторъ. Да, я люблю музыку. Но если сказать вамъ дружески, то голосъ вашей пѣсни не имѣетъ ни пріятности, ни нѣжности, онъ самый бурлацкій.

Орестъ. Да кто-жъ говоритъ съ тобою о пѣснѣ? Сестрица, ты предорогаго въ любовники выбрала шута.

Викторъ. Не теперь ли вы пѣли и не говорили ли вы о пѣсни, что вы на нее голосъ сами сдѣлали?

Орестъ. Говорилъ, но давно уже и пересталъ.

Викторъ. Такъ я ослышался.

Орестъ. Я говорилъ съ тобою о моей сестрѣ, и хваля ея достоинства, хотѣлъ узнать, любишь ли ты ее.

Викторъ. Люблю ли я ее! Не спрашивая меня, на нее взгляните.

Орестъ. Ты вкусъ имѣешь. Я скажу безъ закрышки, что еслибы я былъ ей не братъ, то бы самъ за нею поволочился. Но я очень теперь печаленъ. Мое сердце занято любовью. Я потихоньку очищаю себѣ дорожку къ одной невинной дѣвочкѣ, которая по мнѣ съ ума сходитъ. До этихъ поръ со всякою скромностію производилъ я мои дѣла, ненавидя вѣтренничества и хвастовства. Прощайте! я пойду обрадовать мою сударку.

Викторъ (*Софіи*). Когда вы спѣшите идти отсюда, такъ позвольте по крайней мѣрѣ себя проводить (*надѣваетъ перчатку и подаетъ голую руку Софіи*).

Устинъ. Вы не ту даете руку.

Викторъ (*отнявши руку*). А!

Софія. Останьтеся, сударь.

Викторъ. Я до вашихъ покоевъ непремѣнно васъ провожу (*давъ руку, провожаетъ до половины театра, а потомъ оставляетъ ее и говоритъ Устину*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Орестъ, Викторъ и Устинъ.

Викторъ. Устинъ, я тебѣ нѣчто тайное хочу на ухо сказать. Слушай. Я.... я.... что-то такое сказать хотѣлъ... Э! поди къ часовщику и въ минуту назадъ будь; возьми этого же табаку на показъ... Нѣтъ, послѣ сходишь.

Устинъ. Подлинно, что тайное и на ухо сказываетъ.

Викторъ. Позвольте, сударыня, проводить себя.

Орестъ. Вы весьма учтивы, но нѣтъ въ томъ нужды.

Викторъ (*увидѣвъ Ореста*). Я право не думалъ, что вы еще здѣсь. Я ищу вашей сестрицы и сожалѣю...

Орестъ (*смѣясь*). Нѣтъ, ничего, ошибка бездѣльная. Все равно, что братъ, что сестра. Ну подлинно, что она-то по милости своей наградитъ меня не зятемъ, а забавникомъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Викторъ и Устинъ.

Викторъ. Гдѣ же Софія? Я ея не вижу.

Устинъ. Когда ея нѣтъ, такъ и увидѣть не можно.

Викторъ. А! Устинъ. Въ какомъ же я теперь отчаяніи и какъ же я несчастливъ! Сколько нужнаго я ей сказать имѣю! Бѣги и попроси ее сюда; безъ нея я самъ себя не узнаю.

Устинъ. А при ней ее не узнаете.

ЯВЛЕНІЕ X.

Устинъ (*одинъ*). Никогда столько онъ не задумывался, какъ сегодня. Знать онъ право съ ума спятилъ. Болѣзнь его прибавляется и я съ нимъ вовсе испорчусь. Истинно говорятъ, что надлежитъ бѣгать отъ дурнаго знакомства. Только я его люблю; онъ добрый господинъ и я, къ нему привыкши, отойти отъ него не могу.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Клеофида и Марина.

Марина. Слава Богу! насилу вы нарядились. Ласковая ваша родительница должна сегодня быть вами довольна. Не можно было отъ насъ такой поспѣшности надѣяться. Лишь мы изъ уборной, такъ два часа ударило, и мы чуть чуть къ обѣду поспѣли.

Клеофида. Мнѣ кажется, что со всѣмъ этимъ уборомъ я не понравлюсь. Глаза мои сегодня очень томны. Матушка тому причиною. Брань ея меня изсушила и скоро съ ума сведетъ.

Марина. Она досадуетъ на васъ за то, что вы ея пригожѣе. Еслибъ я была властна, то бы выправила такой указъ, чтобъ устарѣлымъ щеголихамъ, которыя любовниками лѣтъ тридцать поторговали, совсѣмъ за этотъ, для нихъ заповѣдной товаръ, не приниматься, а уступать его дочерямъ, племянницамъ, внучкамъ...

Клеофида. Прекрасно бы было, еслибъ въ любви имѣть очередь.

Марина. Конечно. Но скажите правду. Неужли и въ подлинну вы этого офицерчика любите? Хотите ли выдти за него, или...

Клеофида. Я право не знаю.

Марина. Однакожъ.

Клеофида. Я не знаю, можно ли то, что мое сердце чувствуетъ, назвать любовью. Ты мнѣ растолкуй. Увидясь съ нимъ, я и блѣднѣю, и робѣю, и стыжусь поминутно. Разставшись съ нимъ, глазами его провожаю. Когда кто его хвалитъ, я тѣмъ довольна, а кто хулитъ, я на того сержусь. Но что я говорю! сердце мое вездѣ съ нимъ, и онъ не только изъ ума моего не выходитъ, но часто и во снѣ видится. Ну, что это такое?

Марина. Это то, что онъ вамъ вскружилъ голову, и отъ этой болѣзни, кромѣ замужства, ничѣмъ вылѣчить васъ не можно. Я вступлюсь въ это дѣло. Орестъ, какъ ни вѣтренъ, но для васъ пристойнѣе Виктора.

Клеофида. Ты знаешь нравъ матушкинъ. Она не согласится, когда уже и видѣться мнѣ съ нимъ запретила.

Марина. Не безпокойтесь; сыщется способъ, который насъ отъ нея избавитъ. Да вотъ Орестъ Васильевичъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Клеофида, Орестъ и Марина.

Орестъ (*бѣжитъ къ ней*). Насилу нашелъ я тебя, моя красавица. Сегодня ты совсѣмъ какъ ангелъ. Я тобою те-

перь тронутъ въ десять разъ болѣе, нежели бывалъ въ другіе дни. А вотъ тебѣ въ свидѣтельство (*хочетъ ее поцѣловать*).

Клеофида. Постой, сударь! не такъ скоро.

Марина. Будьте поучтивѣе. Какъ-же вы живы на поцѣлуи!

Орестъ. Мы, военные люди, умѣемъ въ любви коротать дорогу. Ты во мнѣ, конечно, не новичка увидишь, и я сюда пришелъ не за первымъ въ любви урокомъ. Кому? Мнѣ испускать глубокіе вздохи? Мнѣ сжимать руки? Мнѣ нѣжно взглядывать? О, нѣтъ, нѣтъ! Я не умѣю по дѣдовски любиться, а иду прямо къ сердцу, и безъ хвастовства тебѣ сказываю, что хотя мнѣ отъ роду только двадцать четвертый годъ, но уже близко десяти лѣтъ ищу я упорныхъ красавицъ; но такъ несчастливъ, что ихъ сыскать не могу. Всякая съ перваго вида льнетъ ко мнѣ, какъ муха къ меду.

Марина. Вы въ подлинну очень опасны.

Орестъ. Эту ночь щегольски я попилъ, и за твое здоровье опорожнилъ рюмокъ съ двадцать. Какъ-же хорошо было на насъ смотрѣть! Какая-же жаркая была у насъ попойка!

Клеофида. Сядьте, сударь. Марина, кресла.

Орестъ. О, избавьте меня отъ креселъ!

Клеофида. Пожалуйте...

Орестъ. Креслы меня свяжутъ. Въ нихъ всякій человѣкъ бываетъ какъ въ футлярѣ. Для меня нѣтъ ничего покойнѣе канапе. (*Маринѣ*). Э! подвинь-ка мнѣ эту софу. Я въ ней могу спокойно протянуться.

Марина. Такъ извольте постоять. Прилично-ли будетъ вамъ при женщинѣ, да еще и при любовницѣ вашей, развалиться на канапе, склавъ ножка на ножку? Вспомните о благопристойности. Въ старые годы отцы ваши довольны бывали и деревянными скамьями.

Клеофида. Перестань эдакъ досаждать.

Марина. Не должно ли его учить вѣжеству?

Орестъ. Марина разсердилась. Инъ перемѣнимъ разговоръ. Каковъ я въ твоемъ сердчишкѣ? Я думаю, ты, глядя на мою красоту, разрываешься. Смотри, какой у меня цвѣтъ; а честью клянусь, что я сегодня тѣни не наляшивалъ и пудрою не притирался. Я вижу, что ты глазами меня съѣсть

хочешь. Ты меня обожаешь? Но мать твоя право дуритъ. Неужли она все тотъ же вздоръ болтаетъ?

Клеофида. Она запретила мнѣ видѣться съ тобою.

Орестъ. Запретила видѣться со мною? Старая дура. Я ей честь приношу, намѣреваяся на тебѣ жениться.

Марина. Это не очень лестно любовницѣ слушать.

Орестъ. Она бы съ радости скакала! Я всякій день получаю свахъ, невѣстъ отъ двадцати изъ самыхъ лучшихъ и богатыхъ домовъ.

Марина (*увидѣвъ Бранюкову*). Ахъ! это она сюда идетъ.

Клеофида. Кто?

Марина. Барыня; она уже въ крестовой.

Клеофида. Бѣги скоряе. Нѣтъ, лучше останься.

Марина. Куда-жъ мы его дѣнемъ?

Орестъ. Не робѣйте, я съ нею справлюсь.

Марина. Теперь не кстати шутить. Мнѣ пришла въ голову выдумка, которая насъ отъ всѣхъ хлопотъ избавитъ. Вѣдь она васъ въ лицо не знаетъ... Колибъ она только теперь не прогнала итальянскаго учителя, то бы вы имъ могли сказаться. Не назвать ли васъ музыкантомъ? Нѣтъ! это ее еще пуще взбѣситъ. Надобно другое что-нибудь... Э! Скажитесь, будто вы изъ Переславля пріѣхали, будто видѣли въ этомъ городѣ ея дядю и сестру двоюродную. Первый тамъ при подушномъ сборѣ маіоромъ, а другая за воеводскимъ товарищемъ. Какъ бишь ихъ прозвище. (*Говоритъ боярышнѣ*).

Орестъ. Ты прекрасно вздумала! И я, по счастію, проѣзжалъ разъ шесть чрезъ Переславль и могу о тамошнихъ мѣстахъ нѣчто сказать.

Марина. Дядя прозывается Прямиковъ, а сестра Неводицкая.

ЯВЛЕНІЕ III.

Бранюкова, Клеофида, Орестъ и Марина.

Бранюкова. Всегда съ мужчинами! Что это за повѣса? Не еще ль какой учитель?

Марина. Нѣтъ, сударыня. Это... это, сударыня, г. капитанъ Осенскій, сынъ богатаго... секретаря, того города...

гдѣ вашъ дядюшка при дѣлахъ. Онъ оттуда сію минуту пріѣхалъ и къ вамъ пришелъ сказать...

Орестъ. Какого она мнѣ отца дала! Ваши сродники приказали вамъ кланяться.

Бранюкова. Благодарствую, сударь, благодарствую! Какъ они живутъ? Всѣ ли...

Орестъ. Дядюшка вашъ г. Неводицкій...

Бранюкова. Кто г. Неводицкій? У меня эдакого дяди нѣтъ.

Марина. Такъ сестру ея зовутъ.

Орестъ. Сестрица ваша, хотѣлъ я сказать. Я ихъ обоихъ такъ много почитаю, что всегда они у меня вдругъ бываютъ въ памяти. Ваша сестрица, хотя ей и пятый десятокъ, но еще она такова, что никто ей не почтетъ болѣе тридцати пяти лѣтъ. Она такъ весела, проворна...

Бранюкова. Ей и дѣйствительно только тридцать восемь лѣтъ, и я ее двумя годами старѣе. Не знаю, съ чего вы ей пятьдесятъ-то лѣтъ пожаловали. Что-жъ до ея нраву, такъ я ее, по вашимъ словамъ, и не узнаю. Она никогда весела не бывала. Разные припадки послѣ частыхъ родовъ, а особливо...

Орестъ. Эти припадки, благодаря Бога, миновались; она ихъ имѣла, особенно послѣ ея большаго сына...

Бранюкова. У нея сына и не бывало; ваши вѣсти что-то...

Орестъ. Я уже доносилъ вамъ, сударыня, что чрезвычайное мое почтеніе къ нимъ и радость, что я васъ нахожу въ добромъ здоровьѣ, причиною, что я въ рѣчахъ сбиваюсь. У меня всѣ вы теперь въ мысляхъ. Но это не вредитъ, я думаю, получить мнѣ честь вашего знакомства. (*Цѣлуетъ у ней руку и у дочери*).

Бранюкова. Я... я этому буду рада, когда эти желѣзы сживу съ рукъ.

Орестъ. Я думаю, что много сыщется людей, которые отъ этихъ желѣзъ возьмутся васъ избавить.

Бранюкова. А дядя мой каковъ?

Орестъ. Онъ скачетъ и пляшетъ.

Бранюкова. Давно-ли? Я дней съ шесть, какъ получила извѣстіе, что онъ очень боленъ...

Марина (*Клеофидѣ*). Эдакъ онъ заврался!

Орестъ. И это правда. Подагра нѣсколько его помучила.

Бранюкова. Что? подагра? Не взбѣсился ли ты, сударь? Развѣ ты насъ обругать хочешь. Эдакой болѣзни и въ фамиліи нашей никогда не бывало. Подагра! Навяжи ее себѣ на шею.

Орестъ. Эта болѣзнь, сударыня, не такъ безчестна: всѣ знатные нынѣ ее имѣютъ.

Бранюкова. А мы люди не знатные, а простые дворяне, итакъ упаси насъ отъ нея Боже. Мнѣ кажется, что вы съ моею роднею не очень давно знакомы.

Орестъ. Напротивъ, съ самаго робячества и я ихъ какъ себя знаю. Вашъ дядюшка теперь всею канцеляріею ворочаетъ. За нимъ никого не видно. На воеводу никто не смотритъ, прокурора и въ копѣйку не ставятъ. Короче, въ Переславлѣ только и людей, онъ, да мой отецъ.

Бранюкова. А какъ отца вашего прозываютъ?

Орестъ. Моего отца, сударыня? Миловицкій.

Бранюкова (*Маринѣ*). Ты давича, кажется, инако сказала.

Марина. Нѣтъ, сударыня.

Орестъ. Позвольте же, чтобъ я, имѣвъ счастіе васъ узнать, могъ тѣмъ пользоваться и васъ чаще видѣть.

Бранюкова. Милости прошу, милости прошу; только не безъ зову. Мы еще старины держимся и ко мнѣ въ домъ незваные не ходятъ. Благодарствую за вѣсти. Прости, сударь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Чистосердовъ, Орестъ, Бранюкова, Клеофида и Марина.

Чистосердовъ. Какъ-же я радъ, что тебя здѣсь нашелъ. Ба! уже и въ согласіи съ будущею тещею? Ну, не говорилъ ли я, что ты напрасно его бранила. Спасибо, братъ племянникъ; нечего, что спасибо! Какъ-же ты мастерски къ ней подъѣхалъ.

Бранюкова. Какъ! это твой племянникъ?

Марина (*въ сторону*). Чортъ бы тебя побралъ!

Клеофида. Что будетъ со мною?

Чистосердовъ. Тебѣ кажется и спрашивать не о чемъ. Онъ и безъ моей помощи умѣлъ въ тебѣ сыскать.

Бранюкова. Такъ ты такой-то сынъ секретаря Мило...

Чистосердовъ. Онъ? Онъ сынъ секретарскій? Напрасно! Онъ нашъ братъ, дворянскій сынъ.

Орестъ. Къ чему эти пустыя слова? Вы, сударь, вѣдь и того не знаете, что я лишь сегодня изъ Переславля...

Бранюкова. А, безстыдница!

Орестъ. Не сердись, матушка! Когда ты уже теперь меня узнала, такъ должно тебѣ и то знать, что такъ въ первый разъ зятя не принимаютъ.

Бранюкова. Ты мнѣ зять? ты? Я лучше ее съ камнемъ въ воду. Добро, плутовка!

Орестъ. Потише, сударыня. Не браните при мнѣ моей жены.

Бранюкова. Твоей жены? Экой еще неучъ! Я ее прежде удавлю своими руками. Поди вонъ, повѣса, поди вонъ! Я не могу смотрѣть на эдакихъ молокососовъ, которые только и знаютъ, что съ солдатами драться да хвастать.

Орестъ. Я васъ, матушка сударыня, поцѣлую, если вы успокоитесь.

Бранюкова. Поди прочь, дуракъ! Я не такая женщина, надъ которой бы насмѣхались. Экая трещетка! Ты мнѣ несноснѣе барабаннаго боя.

Орестъ (*беретъ ее за руку, поетъ и насильно принуждаетъ ходить съ собою*). Если вы не хотите со мною помириться, и если вы вправду не любите барабаннаго бою, то я всякій разводъ стану дѣлать подъ вашими окошками, а вы, за то сердясь, будете имѣть товарищемъ не послѣдняго сумасброда.

Бранюкова. Какъ! ты его не унимаешь?

Орестъ. Это въ истинну будетъ. Поцѣлуемся, дорогая тещинька. Ну, рука въ руку.

Чистосердовъ (*разведши ихъ и выгнавъ вонъ Ореста*). Эдакъ шутить черезчуръ грубо. Пошелъ отсюда! (*Бранюковой*). Да и вы, сударыня, чтобъ пуще не разсердиться, войдите къ себѣ въ покой.

Бранюкова (*отходя*). Я съ досады не могу промолвить. Завтра-жъ въ судный приказъ челобитную на этого озорника и на тебя...

ЯВЛЕНІЕ V.

Чистосердовъ, Клеофида и Марина.

Марина. Э! сударь! вы всему виноваты. Вѣдь я выдумала назвать его пріѣзжимъ изъ Переславля, чтобъ...

Чистосердовъ. И я это теперь вижу; но я въ минуту исправлю мой проступокъ. Пойду къ ней и все приложу, чтобы его укротить.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Клеофида и Марина.

Марина. Этотъ случай намъ много худаго сдѣлать можетъ.

Клеофида. Хорошо ли ты посмѣялась, какъ сердилась матушка-то?

Марина. Вы смѣетесь, а у меня право не шутка на умѣ; коли-бъ и меня лишь бранили, то бы и я, зная, что брань на вороту не виснетъ, смѣялась. Но у меня и щеки могутъ быть подрумянены.

Клеофида. Есть о чемъ думать! Ты вѣдь къ тому привыкла, но и я боюсь, она теперь еще въ самомъ жару.

Марина. Викторъ идетъ; очистимъ ему дорогу.

Клеофида. Нѣтъ, лучше послушаемъ, что онъ говорить будетъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Викторъ, Устинъ, Клеофида и Марина.

Викторъ *(въ конце театра)*. Э! откуда ты пришелъ? Отвѣчай мнѣ. Тебя никогда нѣтъ, если ты мнѣ надобенъ.

Устинъ. Я, исполняя вашъ приказъ, бѣгалъ какъ собака, языкъ высуня. Неужли вы позабыли, что назадъ тому съ четверть часа поручили мнѣ съ десять дѣлъ? Я былъ у портнаго, у часовщика, и вотъ ваши часы; они починены и вѣрно ходятъ.

Викторъ *(увидя часы)*. Онъ очень долго ихъ продержалъ.

Устинъ. Вотъ и табакъ; я, по вашему приказу, взялъ на показъ отъ того француза, который хорошую жену имѣетъ.

Викторъ. Что мнѣ до его жены? Каковъ табакъ?

Устинъ. Э, сударь, что до жены! Хорошая въ лавкѣ баба приманъ къ товару, лучше всѣхъ мудростей французскихъ. Но вотъ табакъ. Онъ сказалъ, что самый лучшій, да и дешевъ, намекнувъ мнѣ, что провезенъ безъ пошлинъ; только я не вѣрю, чтобъ онъ былъ дешевъ, а что пошлины украдены, въ томъ не сумнѣваюсь.

Викторъ *(бросилъ часы, думая, что онъ табакъ бросаетъ)*. Какой это табакъ! Это отрава.

Устинъ. А, сударь, вѣдь вы часы бросили! Это починка самая новая.

Викторъ. Задумавшись, принялъ я одно за другое.

Устинъ. Но эдакая задумчивость будетъ убыточна. Часы ваши пойдутъ теперь, по крайней мѣрѣ, на полгода къ часовщику гостить.

Викторъ. Бѣги къ Софіи и провѣдай, можно-ли сейчасъ увидѣться съ нею; скажи ей, что я ее люблю какъ душу и безъ нея съ ума схожу. Бѣги-жъ и скоряе будь съ отвѣтомъ.

Устинъ *(приложивъ часы къ уху)*. Онъ ихъ подлинно управилъ. Эдакъ они позвениваютъ. Часы-то, сударь, право никуда не годятся, какъ развѣ мнѣ въ карманъ.

Викторъ. Навяжи ихъ себѣ хотя на шею. Я эту дрянь для себя не оставлю. Пошелъ! я здѣсь дожидаться тебя буду.

Устинъ. Хорошо, сударь.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Викторъ, Клеофида и Марина.

Клеофида. Подойдемъ къ нему.

Викторъ *(услышавъ, что кто-то ходитъ, почтетъ Клеофиду Устиномъ и говоритъ ей)*. Устинъ! я всего отъ разума твоего надѣюсь. Ежели Софья Васильевна будетъ говорить о Клеофидѣ, то увѣрь ее, что мое сердце никогда этою дѣвочкою тронуто не было. Она правда, что приго-

жа, но гораздо простенька, и при всей своей простотѣ кокетствовать любитъ.

Марина. Ваше любопытство, кажется, не очень пріятно вамъ будетъ. Полно, не станете ли вы еще и жалѣть, что тратите такіе часы, которые...

Викторъ. Да перестанешь-ли ты твердить о часахъ? Ну, несчастіе уже случилось; что упало, то и пропало. Изобрази лишь ей хорошенько, что Клеофида никогда во мнѣ ни малѣйшаго чувствованія не производила, и что дядя мой напрасно старается меня женить на той, которая мнѣ противна.

Клеофида. Онъ не очень страстно меня любитъ. Не такъ ли Марина?

Викторъ. У тебя всегда на языкѣ твоя Марина; она, по твоимъ словамъ, ангелъ; но ты въ нее влюбленъ. Напротивъ же, всѣ сказываютъ, что эта дѣвка, какъ ни она ни молода, но уже самая проворная обманщица и очень боярышню свою портитъ.

Марина. Вотъ и всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Полно, не сказать-ли, что вы здѣсь?

Викторъ. А зачѣмъ же тебя и посылаютъ, коли не сказать, что я здѣсь? Да бѣги же! я не хочу болѣе твоихъ глупыхъ разговоровъ. О, какъ любовь нами играетъ! Мы сами себѣ наводимъ мученіе. Нечувствительно заразился я этимъ ядомъ, который мнѣ несказанно казался прелестенъ и который меня мучитъ и терзаетъ.

Марина. Долго мы ждемъ. Я на него наступлю. Пожалуйте, сударь, хоть на насъ взгляните.

Викторъ. Еслибъ дядя мнѣ не мѣшалъ, то бы жизнь моя была благополучна.

Марина. Позвольте, сударь, мнѣ поздравить себя съ благополучнымъ возвращеніемъ.

Викторъ. Напрасно сопротивляемся мы власти любовной.

Марина. Умилосердись, сударь, съ нами...

Викторъ. Богъ подастъ, голубки.

Марина. Тьфу къ чорту! Онъ насъ нищими почелъ. Будто нищія войти сюда могутъ. *(Дергая Виктора за рукавъ).* Обернитесь, сударь.

Викторъ. А! ты здѣсь, Марина.

Марина. И съ боярышней.

Викторъ. Какъ-же я тому радъ! Никогда и ничего не

видалъ я прекраснѣе васъ, и никогда столько не любивалъ. И можно-ли противиться этимъ пронзительнымъ глазамъ? Какъ будетъ тотъ счастливъ, кто вамъ болѣе всѣхъ понравится. *(Въ сторону).* И какъ же я лгу безсовѣстно.

Клеофида. Это не статочное дѣло! Къ чему лукавить!

Викторъ. Кто? Я лукавлю!

Клеофида. Конечно ты. Я вѣдь знаю, что твое сердце никогда мною тронуто не бывало, и что я, какъ глупая дѣвочка, не могу произвесть въ тебѣ никакого чувствованія.

Викторъ. Но кто бъ вамъ это сказалъ?

Клеофида. Никто; однако я и то знаю, что вы думаете, что какъ ли я ни проста, однако люблю кокетствовать.

Викторъ. Это прямая ложь, сударыня! Марина! Ты видишь, что она лучшихъ мыслей достойна.

Марина. Это правда; но и до моего дошло слуха, будто вы думаете, что Марина очень боярышню свою портитъ, и что какъ ли она ни мала и молода, но ужасная плутовка. Если вы насъ всегда такъ хвалите, то этимъ понравиться намъ не можете. Вы хотя живописецъ и по нѣскольку справедливый, но не для женщинъ.

Викторъ. Это Устинъ мнѣ измѣнилъ. Полно, скоро получитъ этотъ плутъ достойное...

Марина. Кто-то идетъ. Куда дѣваться! Это она, и она какъ змѣя шипитъ.

Клеофида. Кто? не матушка-ли?

Марина. Да, и къ самымъ дверямъ уже подходитъ.

Клеофида. Что намъ дѣлать? я упаду отъ страху. Избавьте меня.

Викторъ. Войдите въ мой кабинетъ. Это безопасное для васъ убѣжище.

Клеофида. Съ охотою, лишь бы кто въ немъ насъ не увидѣлъ (*входитъ въ кабинетъ Викторовъ*).

Викторъ. Не опасайтесь.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Бранюкова и Викторъ.

Бранюкова. Не могу я ея найти. Невидали-ль вы, куда она дѣвалась?

Викторъ. Кто?

Бранюкова. Моя дочь.

Викторъ. Кто, сударыня?

Бранюкова. Клеофида, которой бы я хотѣла пересчитать зубы во ртѣ. И жаль, что жаръ мой пропадаетъ. Но пусть ее бѣгаетъ, не уйдетъ отъ меня. Слушай, сударь; я хочу сегодня же сыграть свадьбу, хоть бы живъ былъ, хоть бы умеръ твой дядя; но только-бъ у тебя въ рукахъ была купчая и закладныя. Ты знаешь, что онъ дочь мою себѣ въ племянницу, а тебѣ въ жену выбралъ.

Викторъ. Въ жену? Въ настоящую жену?

Бранюкова. А какъ же? Что за вопросъ! Сегодня-жъ, чтобъ это кончилось. Я не могу больше терпѣть отсрочекъ. Сей же часъ пошлю я рядную къ крѣпостнымъ дѣламъ. Нѣтъ уже моей мочи, и я прямо испытала, каково имѣть на рукахъ взрослую дѣвку (*уходитъ*).

Викторъ. Упорное дяди моего желаніе ума меня лишаетъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Викторъ, Софія, Устинъ.

Устинъ. Я все исполнилъ. (*Дергая его за платье*). Развѣ вы не видите, что милая гостья пожаловала?

Викторъ. Какое счастіе васъ ко мнѣ привело?

Устинъ. Я, сударь, упросилъ; вѣдь вы меня посылали.

Викторъ. А! такъ...

Софія. Я могу тебѣ сказать вѣсть радостную. Мой дядя совсѣмъ почти успѣваетъ къ нашему счастію. Но не напрасно-ли тѣмъ я восхищаюсь и не измѣняешь ли ты мнѣ?

Викторъ. Вы меня обидите таковымъ сомнѣніемъ. Я никого на люблю, кромѣ васъ, и вѣчно любить не буду.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и слуга.

Слуга. Хозяинъ мой, господинъ ахтитехтуръ, прислалъ къ вамъ это письмецо.

Софія (*читаетъ*).

Устинъ. Подлинно, что архитектурской слуга! во всякой

чистотѣ и исправности! Сапоги безъ каблуковъ, воротъ на распашку...

Софія (*Виктору*). Видите-ль, какъ я и малыя ваши просьбы исполняю, и по тому судите о моей къ вамъ любви. Г. архитекторъ пишетъ, что вы завтра планъ получите. Но я сердечно жалѣю, что мнѣ должно на минуту васъ оставить и написать къ нему отвѣтъ.

Викторъ (*останавливаетъ ее*). Зачѣмъ къ себѣ идти? Вы можете у меня въ кабинетѣ написать.

Софія. Не наведу ли я вамъ безпокойства?

Викторъ. Ничего, кромѣ удовольствія.

Софія. Инъ я пойду. Письмо не болѣе двухъ строчекъ будетъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Викторъ и Устинъ.

Устинъ. Любовныя наши дѣлишки идутъ изряднехонько. Давай Богъ скорой конецъ и избави насъ всякихъ...

Марина (*въ кабинетѣ*). Выйдемъ, сударыня, и очистимъ мѣсто.

Устинъ. У васъ въ кабинетѣ кто-то кр читъ. Ужъ не домовой ли любовницу вашу пугаетъ?

Викторъ. Что я сдѣлалъ! все теперь испорчено. Вѣдь я, пустивъ въ кабинетъ Софію, забылъ, что Клеофида тамъ же.

Устинъ. Какъ! Клеофида тамъ же? Ну, подлинно вы хорошо спроказили! Въ минуту мы увидимъ здѣсь ужасную сумотоху. Что это? Какое изобиліе! вмѣсто одной, три выходятъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Клеофида, Софья, Марина, Викторъ и Устинъ.

Клеофида. Вы можете столь долго писать, сколько вамъ угодно. Я уступаю мѣсто...

Софія. Нѣтъ! я выйду, а вы останьтесь. Неужели вы меня почитаете столь глупою, что будто я не знаю, что не должно мѣшать въ такихъ дѣлахъ?

Викторъ. Нечаянный случай васъ въ одно свелъ мѣсто.

Повѣрьте чести, что моего намѣренія совсѣмъ не было. Ея мать...

Софія. Эдакъ мною ругаться!

Викторъ (*Софіи*). Вы узнаете...

Клеофида. Я ничего знать не хочу.

Викторъ. Я, не подумавъ, что...

Марина (*отходя*). Ты, сударь, прямо безсовѣстный человѣкъ.

Викторъ (*Софіи*). Вѣрьте, что я невиновенъ.

Софія (*отходя*). Не кажись мнѣ на глаза.

Марина (*Устину*). Я вижу, что и ты имѣлъ участіе въ этой шуткѣ, но я тебѣ за то всячески вымещу.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Викторъ и Устинъ.

Устинъ. Опустивъ и я крылья.

Викторъ. А я потерялъ разсудокъ. Пойду и у той и у другой оправдаться.

Устинъ. Побѣжать же за нимъ и помогать миръ между женщинъ дѣлать; а сколько, это легко, всякій знаетъ.

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Чистосердовъ и Софія.

Софія. Я благодарю васъ за ваше обо мнѣ попеченіе и прошу на меня не прогнѣваться за то, что васъ трудила напрасно. Я отмѣнила намѣреніе...

Чистосердовъ. Что?...

Софія. Я отдумала идти замужъ.

Чистосердовъ. Но отъ чего-жъ такъ скорая перемѣна?

Софія. Обстоятельно о замужствѣ размышляя, увидѣла я себя очень къ нему неспособною.

Чистосердовъ. Правда, что и эта жизнь имѣетъ свои безпокойствіи. Какое-жъ состояніе отъ нихъ исключено? Но сколько прошло часовъ, какъ ты просила отъ меня помощи?

Софія. Я въ томъ не отрицаюсь; но чѣмъ ближе бѣда, тѣмъ больше мы видимъ опасность. Викторъ любитъ другую, и ежелибъ вы похотѣли его съ нею разлучить, такъ можетъ быть ваши труды были-бъ напрасны.

Чистосердовъ. А! такъ ревность всему причиною. Полно, племянница! полно важничать. Я васъ въ минуту помирю. Поручи мнѣ все въ полную волю. Это какъ нибудь да не такъ; онъ тебя прямо любитъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Орестъ, Чистосердовъ, Софія.

Орестъ. Ага! и вы здѣсь. Кстати мы сошлись. Теперь моя очередь васъ пощунать. Можно-ли съ этими морщинами быть столь неосторожну? Сносно-ли...

Чистосердовъ. Начало изрядное!

Орестъ. Въ ваши-ли лѣты эдакъ быть вертопрашну, легкомысленну и не имѣть зерна здраваго разсудка? Ежели-бъ я это сдѣлалъ, то-бъ вы назвали меня и дуракомъ и скотиной. Ну, сударь, не такъ ли?

Чистосердовъ. Благодарствуй! благодарствуй! однако, хотя я и виноватъ...

Орестъ. Однако, однако! изъ вины вашей мнѣ что дѣлать?

Софія. Что за ссора?

Орестъ. Недавно пробрался я подъ чужимъ имянемъ къ моей невѣстѣ, а его милость, этотъ почтенный старичекъ, некстати пожаловавъ, все испортилъ. Онъ взбѣсилъ сумасбродную старуху, и надѣлалъ вздору, что и не расчерпаешь. Не правда ли?...

Чистосердовъ. Правда, господинъ умница. Но утишись для Бога, я вину свою самъ исправлю.

Орестъ. Какъ же этотъ случай досаденъ! Уже нынѣ мы молодые стариковъ учить должны. Не стыдно ли вамъ, сѣ-

дыя головы? Я совсѣмъ въ отчаяніи. Въ нашемъ вѣку жить не съ кѣмъ, а должно уйти въ лѣсъ. Нѣтъ ни одного скромнаго и постояннаго, кромѣ меня, человѣка.

Чистосердовъ. Я тебѣ тѣмъ быть желаю, и когда ты въ истину таковъ будешь, то я тебя вѣрно женю на этой дѣвицѣ, а сестру твою выдамъ за Виктора.

Орестъ. Ее выдать замужъ? Никакъ вы шутите?

Чистосердовъ. А почему-жъ бы?

Орестъ. Потому что это былъ бы прямой грабежъ. Какъ! меня раззорять. Какой это порядокъ! Вы должны меня обогатить, а она можетъ изъ любви ко мнѣ дѣвкою вѣкъ просидѣть.

Софія. Къ чему тебѣ моя любовь, ты самъ себя слишкомъ любишь и я, твоему примѣру слѣдуя, буду себя-же любить. Тебѣ конечно моего богатства хочется?

Орестъ. Какая-жъ ты угадчица!

Чистосердовъ. Я дамъ за нею двадцать тысячъ рублевъ, а достальное все тебѣ останется.

ЯВЛЕНІЕ III.

Орестъ и Софія.

Орестъ. Сестрица, я по братски съ тобою изъясняюся. Замужство право совсѣмъ не твое дѣло. Ты осуждена къ праздности, и тебѣ всякая работа тягостна. Подумай, легко ли для тебя будетъ, какъ первый робенокъ обезобразитъ у тебя лицо и станъ твой испортитъ. Складный станъ такое сокровище, которое потерявъ не поворотишь. Послушай искренняго совѣту.

Софія. А ты моего. Не женись, пожалуй, а мнѣ все уступи...

Орестъ. Это пустое. Послушай, всякая жена отъ утра до вечера въ хлопотахъ бываетъ, и мужъ не всегда кажется ангеломъ; много, ежели годъ, а то...

Софія. Но ты самъ при всемъ томъ женишься. Подумай-ка и ты, что мужу надлежитъ о всемъ домѣ имѣть попеченіе. Да вѣдь и жена не всегда бываетъ богиней... Много что мѣсяцъ, а то...

Орестъ. Тьфу, какая несговорчивая!

Софія. Тьфу, какой завистливый человѣкъ! Самъ хочетъ жениться...

Орестъ. Никакъ намѣрена ты надсѣсться, кричавши: однакожъ, братецъ, ты самъ хочешь жениться! Что это за вздоръ! можно бы его и оставить.

Софія. А тебѣ свои увѣщанія.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Орестъ, Софія, Марина.

Марина. Хорошо, сударь, вы надѣлали. Послѣ вашего дурачества наша старуха стала зляе змѣи подколодной. Она сегодня же хочетъ Клеофиду за Виктора выдать.

Орестъ. Я ее не допущу.

Марина. А! и вы здѣсь, сударыня. Не изъ кабинета-ли опять вышли и не еще-ли къ любовнику своему пожаловали?

Орестъ. Что ты за околесную мелешь? Остерегись. Это моя сестра.

Марина. Такъ что-жъ?

Софія. Я тебѣ весь этотъ вздоръ скажу. Для написанія отвѣту на одно ко мнѣ присланное письмо вошла я въ кабинетъ Викторовъ и тамъ застала Клеофиду запершись.

Орестъ. Клеофиду?

Софія. И съ Мариной.

Орестъ. О, плутовки! Вотъ какъ еще до свадьбы со мною поступаютъ! А тамъ чего я ожидать долженъ?

Марина. Напрасно вы этимъ столько тревожитесь. Дѣло крику не стоитъ. Вспомните о капитанѣ и о томъ, какъ вы госпожу мою въ круги завертѣли.

Орестъ. А къ чему это?

Марина. Отъ нея укрываясь, должны мы были въ кабинетъ Викторовъ войти. И когда пришла туда ваша сестрица только писать отвѣтъ, то нѣту вины ни съ той, ни съ другой стороны.

Орестъ. Одна писать письмо, другая отъ матери укрыться, а обѣ зашли въ комнату холостаго дѣтины. Убѣжище не дурно.

Софія. Постарайся его успокоить, а мое подозрѣніе уже миновалось.

Орестъ *(останавливаетъ ее)*. Послушай, сестрица.

Софія. Ну, братецъ.

Орестъ. Поди лучше въ монастырь; это твое дѣло.

Софія. Я бы послушала твоего совѣту, но онъ двадцати тысячъ рублевъ не стоитъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Орестъ, Марина.

Орестъ. Вотъ каково дорого мнѣ твое болтанье! Для чего ты ее вывела изъ сумнѣнія?

Марина. Чтобъ доказать невинность моей боярышни. Кто-то идетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Орестъ, Викторъ, Устинъ.

Орестъ. Это сестринъ философъ. Очень кстати. Мнѣ съ нимъ надобно поговорить. Я очень радъ, что вы пожаловали.

Викторъ *(Устину)*. Можетъ быть и она будетъ.

Орестъ. Я знаю, что вы хотите мнѣ быть зятемъ. Это похвально. Сестра моя можетъ кружить головы мужскія. Добродѣтелью и красотою она богата, а что до денегъ, то бѣдна, какъ церковная мышь. Отецъ нашъ оставилъ намъ въ наслѣдство одни только долги, и я, слѣдуя его примѣру, ихъ прибавляю. Итакъ вы видите, что приданое-то не гораздо завидно, и мой отецъ...

Викторъ. У васъ былъ только одинъ отецъ?

Орестъ. Неужли десять. Вопросъ самый учтивый.

Викторъ. Другой сестры не было, хотѣлъ я сказать.

Устинъ. Это не стоитъ такого смѣха. Конь и о четырехъ ногахъ спотыкается, а языкъ нашъ промолвиться можетъ.

Орестъ. Я знаю вашу природу, и я какъ ею, такъ и достоинствами вашими доволенъ; но въ васъ есть одинъ порокъ, который всѣмъ не нравится, хотя онъ въ самомъ дѣлѣ ничего значущій. Но радъ бы я былъ, еслибъ вы его не имѣли. Всѣ люди говорятъ, что вы очень задумчивы и что оттого многія дѣлаете дурачества.

Викторъ. Не всякому-жъ столько, какъ вы, быть разумну.

Всѣ люди, сударь, дураки, но дураки разнаго рода, и я очень доволенъ вами, что вы одинъ только порокъ во мнѣ находите.

Орестъ. Я сказалъ это прямо изъ дружбы. Никто не услышитъ, чтобы я льстилъ или переговаривалъ, и я только людскія рѣчи...

Викторъ. Рта никому не затворишь, но разумный человѣкъ рѣдко долженъ чужимъ словамъ вѣрить. На справедливость люди очень скупы, но чивы на хулу ближнихъ. Много есть злоязычниковъ, которые тѣмъ только и промышляютъ, ѣздя поденно къ знатнымъ господамъ. Они ихъ веселятъ, не щадя и самыхъ ближнихъ сродниковъ, друзей и благодѣтелей. А для чего? Для дневной пищи. Чтобы отобѣдать! Какъ же это гнусно! Послушайте меня и не вѣрьте впередъ ругателямъ. Будьте въ томъ равно мнѣ осторожны; я много и объ васъ слышалъ, но...

Орестъ. А что-бъ такое вы обо мнѣ слышали? Я не думаю, чтобъ укоряли меня природою.

Викторъ. Нѣтъ, сударь!

Орестъ. Я готовъ объ закладъ биться, что никто не назоветъ меня трусомъ.

Викторъ. Нѣтъ, сударь!

Орестъ. Ни обманщикомъ, ни лгуномъ, ни льстецомъ, ни дуракомъ, ни...

Викторъ *(взявъ табакерку, просыпаетъ, и вмѣсто платка утирается перчаткой)*. Нѣтъ, сударь, нѣтъ, нѣтъ! Этого я ни отъ кого не слышалъ. Однако не столько-жъ объ васъ говорятъ добраго, сколько бы я желалъ. Говорятъ, хотя я ни мало тому не вѣрю, будтобъ вы очень дерзновенны, будто любите говорить вредное на счетъ ближняго, будто вы всегда безъ помыслу болтаете, будто всѣ дѣла ваши состоятъ въ спорахъ о службѣ военной, которую вы меньше всего знаете...

Орестъ. Эдакъ уже...

Викторъ. Дайте мнѣ кончить. Я вѣдь васъ слушалъ... Говорятъ, будто вы тѣмъ только хотите знающимъ показаться штапомъ, что напрасно бьете и увѣчите солдатъ, что обижаете офицеровъ, что дѣлаете непозволенныя раболѣпствія генералитету; наконецъ многіе и ту молву распускаютъ, что какъ ли не хвастаетесь вы храбростью, но буд-

то тотчасъ пойдете въ отставку, какъ дѣло придетъ до походу.

Орестъ. Этого я не снесу...

Викторъ *(прервавъ его рѣчь)*. Многаго не могу я и вспомнить, столько людскими объ васъ вѣстьми голова моя набита. Всякій честный человѣкъ долженъ остерегаться и не вѣрить тому, что заочно про людей говорится...

Орестъ. Прости, Устинъ!

Устинъ. Ваше высокоблагородіе, повторите давишнюю низовую пѣсенку.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Викторъ, Устинъ.

Устинъ. Изрядно вы его отправили. Вотъ за это вамъ, сударь, спасибо; еще было получше...

Викторъ. У меня мысли другимъ заняты. Я воображаю, какъ теперь Софія на меня досадуетъ, какъ она меня винитъ, называя невѣрнымъ, неблагодарнымъ, и какъ, съ другой стороны, Клеофида...

Устинъ. Подлинно вы очень виноваты; неужли всякій день отъ своей задумчивости будете вы новыя себѣ дѣлать хлопоты? Въ васъ кажется есть разумъ. Иногда разсуждаете вы, какъ въ книгахъ пишутъ, а иногда такой вздоръ дѣлаете, что должно васъ почесть ушедшимъ изъ дома бѣшеныхъ.

Викторъ. Э!

Устинъ. Ничего, сударь.

Викторъ. Знаешь ли ты, что за эдакое нравоученіе переломаю я тебѣ ребра и съ двора сгоню.

Устинъ. Я прошу меня простить; впередъ я васъ поправлять не буду.

Викторъ. Поступки мои хороши и я перемѣнять ихъ не хочу. Хотя я и задумчивъ, только еще это не порокъ.

Устинъ. Это правда, и я самъ теперь вижу. Чтобъ совсѣмъ разумнымъ быть человѣкомъ, то надлежитъ всѣ слова людскія слушать безъ примѣчанія, дремать тогда, когда въ комнатѣ человѣкъ двадцать, отвѣчать вмѣсто да нѣтъ, и всѣхъ другихъ почитать скотами. Эти достоинства

есть въ иныхъ людяхъ, да и въ самомъ совершенствѣ, но жаль, что они того и сами не видятъ.

Викторъ *(когда Устинъ говоритъ, растегиваетъ ему галстухъ въ задумчивости)*. Но замолчишь ли ты, негодникъ? Люди недальняго ума, которые думаютъ о бездѣлицахъ, могутъ на все, о чемъ ихъ ни спроси, безъ размышленія отвѣтствовать; а тотъ, кто о важномъ мыслитъ, тотъ заслуживаетъ извиненіе, хотя онъ нѣсколько и задумывается.

Устинъ *(надъвая галстухъ)*. И я васъ не виню. Но позвольте мнѣ оправиться. Еще рано спать ложиться.

Викторъ *(отстегиваетъ пуговицы у Устинова кафтана)*. Это самый малый порокъ! Справедливо ли, чтобъ я столько унизился и всѣмъ дуракамъ на ихъ глупости отвѣтствовалъ? Мои мысли сто разъ лучше ихъ разговоровъ. Чтобъ я перервалъ ихъ теченіе, для отвѣту молодому врялю, кокоторый прожужжитъ мнѣ уши разсказами о своихъ любовныхъ побѣдахъ и обманахъ? Для мнимаго шута, который заглушаетъ меня своимъ крикомъ и вмѣсто смѣху дремать принуждаетъ? Для прескучнаго болтуна, который не имѣетъ дарованія ни разговаривать, ни молчать, и который дома читаетъ сказки, и острыя слова вытверживаетъ, чтобы потомъ ихъ пересказывать и скучать людямъ.

Устинъ *(застегнувъ кафтанъ)*. Что это, сударь, я право еще спать не хочу.

Викторъ. Опасаюсь я липиться сердца Софіина. Она теперь раздражена, и какъ ли я ни безвиненъ, но отчаяваюсь получить прощеніе.

Устинъ. Чтобъ вывесть васъ изъ этого страха, скажу я вамъ способъ, который въ такихъ случаяхъ самъ употребляю. Напишите къ ней письмо самымъ нѣжнымъ слогомъ и объявите ей, что все произошло отъ ея брата.

Викторъ. И въ подлинну это хорошо.

Устинъ. Письмы, сударь, много ссоръ прекращали и часто поссоренныхъ любовниковъ примиряли часа на два, а иногда и на день.

Викторъ. Подай чернилицу и бумаги.

Устинъ. Тотчасъ, сударь!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Викторъ. Увѣрю ее о моей невинности. Конечно, она увидитъ, что сердце мое чуждо всякаго лукавства и что горитъ къ ней... Давай скорѣя.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Викторъ и Устинъ.

Устинъ *(подаетъ книгу)*. Вотъ, сударь!

Викторъ. Никакъ ты пьянъ? Слыхано ли, чтобъ для письма принести печатную книгу?

Устинъ. Ага! я право не досмотрѣлъ. Съ кѣмъ поживешь, то и переймешь. Скоро и я на яву буду бредить.

Викторъ. Слуги великіе досадчики и все на выворотъ дѣлаютъ.

Устинъ *(принесши бумаги и чернилъ)*. Вотъ все, что потребно.

Викторъ *(садится писать)*. Инъ давай же.

Устинъ. Посмотримъ, какъ-то вы пишете любовныя письма. Это вѣдь не приказныя дѣла. Я слыхалъ, сударь, что женщины до стиховъ страстныя охотницы, и такъ...

Викторъ *(перемѣняетъ часто перья, обмакивая въ песочницу вмѣсто чернилицы)*. Какое ни возьму перо, ни однимъ писать не можно.

Устинъ. Это не удивительно, когда вы обмакиваете въ песочницу.

Викторъ. Если ты говоришь правду, такъ это противъ твоего обыкновенія.

Устинъ. Переписка полезное для любовниковъ дѣло. Все въ письмо внести можно: назначить сходьбище, о чемъ-нибудь увѣдомить, примириться, сдѣлать обѣщаніи, принесть жалобы, приголубить и поссориться, все чрезъ письмо исполняется. Еслибъ положить пошлину на ту бумагу, на которой любовныя пишутъ письма, то бы она въ одинъ годъ больше принесла прибыли, нежели гербовая въ десять лѣтъ принесть можетъ, хотя и ябедниковъ у насъ не занимать стало.

Викторъ *(выливъ чернилы вмѣсто песку на письмо)*. Письмо окончено.

Устинъ. Э! э! никакъ вы совсѣмъ вздурились. Эдакъ вы письмо-то чернилами окатили. Смѣю ли спросить васъ, давно ли эдакая живопись въ модѣ?

Викторъ *(улыбаясь)*. Молчи!

Устинъ *(показывая письмо)*. Вотъ то-то прекрасное письмо. Всякій подумаетъ, что сатана его навараксалъ.

Викторъ *(начинаетъ писать)*. Начну другое; бѣда не велика. Мнѣ трудовъ не жаль.

Устинъ. Куда какъ хорошо удалося; тѣшьтесь, и есть чему. Я очень много жалѣю о Клеофидѣ...

Викторъ. О Клеофидѣ?

Устинъ. Да, сударь, и она дѣвица хорошая; да у нея же и Марина-то...

Викторъ (*писавши*). А особливо твоя Марина. Есть о комъ и говорить.

Устинъ. Кому, сударь, она свинья, а мнѣ-бъ семья...

Викторъ. Да будетъ-ли конецъ?

Устинъ. Коли вамъ угодно, я объ нихъ ни слова... Но чтобъ тронуть сердце вашей любовницы, то надобно хорошенько въ письмѣ подлеститься, иное хотя взять и на душу, а пуще всего нужно выбрать умнаго и искуснаго посланника, всучивъ ему въ руки на путевые расходы рубли два, три; если вы такъ поступите, то...

Викторъ. Зажми ротъ!

Устинъ *(помолчавъ)*. А! я еще лучшее вспомнилъ средство. Еслибы въ письмо вложить маленькую бумажку, то бы она, развернувъ письмо, прежде всего ее прочла: для того, что при распечатаніи маленькая бумажка прежде въ руки попадется; а въ той бы бумажкѣ написать: «По объявленіи сего моего одинакаго векселя, повиненъ я заплатить десять тысячъ рублевъ имяреку такому-то чистою ходячею монетою, толикое число я отъ него получилъ сполна». Если это будетъ, то эдакой короткій и сильный слогъ больше успѣетъ, нежели всѣ стихотворцы.

Викторъ. Это можетъ дѣйствовать только въ тѣхъ, которыя сердцами торгуютъ.

Устинъ. Нынѣча, сударь, множество женщинъ вступаютъ въ эту торговлю.

Викторъ. Теперь мнѣ осталось надписать и запечатать.

Устинъ. Слава Богу! и у меня какъ гора съ плечь свалилась. Я дрожалъ, чтобъ еще чего не сдѣлалось.

Викторъ. На, отнеси теперь же и отдай самъ, но смотри-жъ хорошенько.

Устинъ. Э, сударь, будьте надежны!

ЯВЛЕНІЕ X.

Устинъ. Ну, пойду исполнять честную эту должность. Еслибъ она и мнѣ столько была прибыточна, какъ бываетъ многимъ, то бы я и жизнь въ ней окончилъ. Пора мирить любовниковъ *(читаетъ надпись)*. Къ Клеофидѣ. Ба! ужъ не бѣльмы ли у меня на глазахъ? Ужъ не темная ли вода къ нимъ подступила? Никакъ! Слава Богу, они столько же зорки. Постойте, сударь, постойте! Онъ уже и Казань промахалъ. По всему надлежало бы это письмо отослать къ Софіи, но оно къ Клеофидѣ подписано. Никакъ хочетъ онъ по своей привычкѣ сыграть со мною шутку?.. Но статься можетъ, что пишетъ онъ къ Клеофидѣ и все съ нею знакомство оставляетъ. Такъ и есть! о томъ-то онъ и пишетъ. Какъ же счастливъ тотъ господинъ, который имѣетъ такого проворнаго слугу! Не чудно-ли я скоръ на догадку? Можно моему кудесу дѣлать проказы безъ всякаго опасенія. Я все исправлю. Не всякій-ли скажетъ, что такіе слуги достойны быть господами?

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Клеофида, Марина, Устинъ.

Клеофида *(держучи письмо распечатанное)*. Неужли думаетъ онъ, чтобъ я его любила и чтобъ старалась и отъ него любовь снискать?

Устинъ. Я этого не знаю.

Марина. Не думаетъ ли этотъ дуракъ, чтобъ его харею она прельстилась? Да и ты о своей не такихъ же ли мыслей?

Устинъ. А что? Я таки не дуренъ?

Клеофида. Чтобъ пуще меня огорчить, вздумалъ онъ послать ко мнѣ письмо, написанное къ Софіи.

Устинъ *(въ сторону)*. Какъ я ни остерегался, но онъ-таки сшутилъ.

Клеофида. Скоро узнаетъ онъ, какъ я объ немъ думаю.

Устинъ. Выслушайте, сударыня.

Клеофида. Ничего не хочу я слушать.

Устинъ. Одно только слово.

Марина. Убирайся, мошенникъ!

Устинъ. Съ посланниками эдакъ не поступаютъ.

Марина. Убирайся же, или вотъ тебѣ... *(замахивается)*.

Устинъ. Эдакъ уже слишкомъ...

Марина. Я не шучу! пойдешь ли ты?

Устинъ. Вѣдь я посолъ; ты почтеніе ко мнѣ теряешь.

Марина. Э! Такъ я... Наконецъ ты ушелъ. А вотъ съ другой стороны Орестъ ва...

ЯВЛЕНІЕ II.

Орестъ, Клеофида, Марина.

Орестъ. Ну! неужели родительница твоя еще колобродитъ? Освободимся ли мы отъ нея?

Клеофида. Вѣдь вы ее уже знаете! Я боюсь, чтобъ она насъ здѣсь не застала.

Орестъ. Этимъ не безпокойся. Я беру тебя въ мое покровительство. Развѣ ты еще не почитаешь меня своею главою? Дядя мой скоро принесетъ запись, деньги ее склонятъ.

Клеофида. А я такъ не думаю быть...

Орестъ. Для моей любви сдѣлаю я послѣдній надъ нею опытъ: стану съ нею говорить ласково, стану кричать, вздыхать и плакать; я имѣю дарованіе заливаться слезами, когда захочу. Я ей столько льстить буду, что она наконецъ склонится. Еслижъ не такъ, то...

Марина. То вы пойдете къ другой подлипать; но вотъ и ваша сестрица.

ЯВЛЕНІЕ III.

Орестъ, Софія, Клеофида, Марина.

Орестъ. Сестрица, ужли ты намѣрилась идти въ монастырь?

Софія. Я надѣюсь сегодня же или завтра обвѣнчаться съ Викт...

Клеофида. Я васъ съ этимъ поздравляю. И когда вы за него выходите, то честь велитъ мнѣ отдать вамъ это письмецо, которое онъ ко мнѣ прислалъ.

Софія. Кто? Викторъ?

Клеофида. Конечно онъ.

Орестъ. Что же я здѣсь? Неужли меня нулемъ почитаютъ? Онъ къ тебѣ пишетъ и ты принимаешь?

Клеофида. Не горячитесь; я все въ минуту вамъ разскажу. Пойдемте со мною. А вы возьмите это и разсуждайте, сколь оно мнѣ нужно.

Орестъ. Прощай, сестрица! мнѣ должно сдѣлать послѣдній приступъ къ будущей моей тещѣ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Софія. Что я услышала... и вѣрить ли мнѣ? Но меня глаза не обманутъ! Тотчасъ узнаю. *(Читаетъ)*. Клеофидѣ. А! онъ мнѣ измѣнилъ. Вижу я, и въ рукахъ имѣю его невѣрность. Но вотъ и слуга его.

ЯВЛЕНІЕ V.

Устинъ и Софія.

Софія. Поди сюда, добрый слуга честнаго господина. Къ кому это письмо? Къ Клеофидѣ-ли?

Устинъ. Оно, сударыня, и къ ней и нѣтъ!

Софія. Ты меня вымыслами не обманешь! Останься. *(Читаетъ)*. «Я несказанно печалюсь, сударыня, что происшествіе въ кабинетѣ подало вамъ нѣкоторое о вѣрности моей подозрѣніе». Поди сюда, негодный, отвѣчай на это.

Устинъ. Но виноватъ-ли я, сударыня, въ томъ, что ми-

ровое письмо пущую дѣлаетъ ссору? Однако прочтите до конца.

Софія. Чтобъ я его читала! Чего мнѣ еще узнавать? Развѣ я не довольно уже увѣрена въ его гнусной душѣ?

ЯВЛЕНІЕ VI.

Викторъ, Софія и Устинъ.

Софія. Насилу я могу удержаться.

Устинъ. Не говорите громко; вы его испугать можете.

Софія. Никакъ, сударь, вы ищите Клеофиду...

Викторъ. Я васъ ищу, васъ, сударыня! Читали-ль вы мое письмо?

Софія. Читала; но какъ осмѣливаешься ты меня о томъ спрашивать? Моя соперница сама мнѣ его отдала, и ея къ тебѣ презрѣніе за меня отмщаетъ.

Викторъ. Какъ? Развѣ Устинъ не вамъ его отдалъ? А, негодникъ! я ему отплачу за эту ошибку. Всѣ кости его переломаю. Этотъ плутъ ругается моимъ терпѣніемъ. А! ты здѣсь. Поди сюда, мерзавецъ. Жизнію заплатишь, если ты не скажешь правды. Теперь же заколю тебя.

Устинъ. Помилуйте, сударь! не сказавъ вины и турки не карaютъ.

Викторъ. Что сдѣлалъ ты съ моимъ письмомъ? И кто тебя подкупилъ?

Устинъ. Я, сударь, никѣмъ не подкупленъ и со всею ревностію вамъ служилъ. Письмо ваше лишь теперь вручилъ я самой Клеофидѣ Петро...

Викторъ *(вынувши шпагу)*. Вотъ твоя смерть!

Устинъ. Да чѣмъ же я проступился?

Викторъ. Чѣмъ проступился?

Устинъ. Самъ сбѣдокурилъ, а на меня сваливаетъ.

Викторъ. Не ей-ли я приказалъ вручить?

Устинъ. Нѣтъ, сударь?

Викторъ. Какъ! ты еще и отпираешься. Но надписи къ уличенію твоему будетъ довольно. Чтобъ его бездѣльство увидѣть, сдѣлайте милость и на одну минуту пожалуйте письмо.

Устинъ *(когда Викторъ беретъ письмо, говоритъ въ сторону)*. Того-то я и ожидалъ.

Викторъ. Поди сюда, безмозглая голова. Читай со мною; читай же, плутъ!..

Устинъ. Уфъ!.. Ну! кто же виноватъ? Читай, сударь! читай же!

Викторъ. Простите, сударыня, мою ошибку. Сердце мое невинно, а только рука...

Софія. Напрасно стараешься ты меня увѣрить. Не буду я больше простосердечна и твоимъ лукавствамъ...

Викторъ. Ежели вы прочли все въ немъ писанное, то должно оно васъ успокоить.

Софія. Любопытство мое довольно заплачено было, и я уже слишкомъ награждена.

Устинъ. Перечитайте его съ начала; когда надпись перемѣнилась, такъ и писанное авось-либо перемѣнится.

Софія *(читаетъ)*. «Я несказано печалюсь, что происшествіе въ кабинетѣ подало вамъ нѣкоторое о вѣрности моей подозрѣніе. Соперница ваша ни къ чему не служитъ, какъ къ умноженію вашей побѣды. По объявленію сего моего одинакаго векселя повиненъ я заплатить имяреку такому-то десять тысячъ рублевъ чистою ходячею монетою, толикое число получилъ я отъ него сполна».

Устинъ. И! и! сударыня. Вы изволите шутить: этого въ письмѣ нѣтъ.

Софія. Посмотри себѣ.

Устинъ. Ахти мнѣ! Что это? Любовное ваше письмо векселемъ написано. За эдакую цѣну не трудно миръ сдѣлать.

Викторъ. Этотъ срамецъ мѣшалъ мнѣ, когда я писалъ, и я...

Устинъ. Какъ же я разуменъ: что скажу, то и пишутъ, а со временемъ можетъ быть и печатать станутъ.

Софія *(дочитываетъ письмо)*. «Вѣрь, прекрасная Софія, вѣрь, что кромѣ тебя никого я не люблю, и все благополучіе мое въ томъ считаю, чтобъ по смерть владѣть тобою».

Устинъ. Эти строчки и вамъ не противны...

Софія. Я опять жить начинаю! Какъ же мило найти невиннымъ любимаго человѣка!

Викторъ. Извините, сударыня, мою задумчивость; никто, кромѣ васъ, не владѣетъ моимъ сердцемъ.

Устинъ. Это правда. Онъ столько васъ любитъ, что и въ умѣ мѣшается, какъ вы и сами видите. Но вотъ и дядюшка.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Чистосердовъ, Викторъ, Софія, Устинъ.

Чистосердовъ. Я пришелъ вамъ сказать, что я совершенно бы радъ былъ, ежелибъ могъ сегодня-жъ счастіе ваше свершить.

Викторъ. И такъ вамъ не противно?..

Чистосердовъ. Я тому сердечно радъ; но намъ надобно согласить старуху, чтобы она отдала дочь за ея брата. Безъ этого мы ничего не сдѣлаемъ.

Устинъ. Мнѣ пришло нѣчто на мысль. Это небольшой обманъ, который я беру на свою совѣсть. Вѣдь г. Бранюкова съ тѣмъ только хочетъ за васъ дочь отдать, ежели вы получите отъ дяди наслѣдство.

Викторъ. Конечно!

Устинъ. Такъ я это дѣло поворочу на нашу сторону. Эта крикунья будетъ чисто обманута, лишь вы мнѣ не мѣшайте.

Чистосердовъ. Рядная у меня уже въ карманѣ.

Устинъ. Тѣмъ лучше, а остальное я смастерю. Какъ же я доволенъ собою! Кстати у меня и уборъ такой случился.

Чистосердовъ. Но какъ ты надѣешься?

Устинъ. Лишь не мѣшайте, дѣло ужъ въ шляпѣ.

Чистосердовъ. Это она идетъ.

Устинъ. Въ минуту я здѣсь буду; крѣпитесь и не смѣйтесь, а я ее обману.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Бранюкова, Чистосердовъ, Софія, Викторъ, Орестъ и Клеофида.

Орестъ *(за руку держитъ Бранюкову)*. Я васъ прежде не оставлю, покуда вы не склонитесь. Пріятно ли вамъ, досадно ли вамъ, я, на то не смотря, хочу быть вашимъ зятемъ. Вы крикомъ, шумомъ, бранью, ворчаньемъ ничего не сдѣлаете. Лучше всего рука въ руку...

Бранюкова. Не въ правду ли! Какъ же ты проворенъ! Развѣ не властна я въ моей дочери? Я отнюдь не хочу въ своей семьѣ имѣть такого повѣсу.

Орестъ. Объ этомъ бы хотя и умолчать...

Бранюкова. Ты молчи!

Клеофида. Матушка, сударыня...

Бранюкова. Прикуси языкъ, плутовка.

Орестъ. Смягчитесь хотя нѣсколько.

Бранюкова. Не хочу.

Чистосердовъ. Перестань эдакъ сердиться...

Бранюкова. Стисни зубами болтливый свой языкъ и ты враль прескучный. Дѣло уже слажено! Онъ будетъ сегодня моимъ зятемъ. Я уже и рядную писать послала.

Орестъ. До этого я не допущу.

Бранюкова. Да долголи-жъ мнѣ терпѣть будетъ? Э! слушай, господинъ молчанъ, пора тебѣ одуматься и хотя слово промолвить. Что ты какъ вкопаный стоишь и меня не защищаешь!

Чистосердовъ. Это доказываетъ, сколь охотно онъ роднею тебѣ быть желаетъ.

Бранюкова. Пожалуй ты отступися. Когда онъ не захочетъ на Клеофидѣ жениться, то не буду я бѣгать ни за нимъ, ни за твоимъ дуракомъ. Онъ прямой сорви-голова.

Чистосердовъ. Онъ тебѣ ничего болѣе не сдѣлалъ, какъ только давича разцѣловалъ тебя.

Орестъ. И то прямо изъ любви сыновней.

Бранюкова. Чтобъ я дочь свою отдала за повѣсу, за мота, который всему свѣту долженъ.

Орестъ. Оставь, любезная теща, эти похвалы. Для такихъ бездѣлицъ дѣлу не расходиться.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Чистосердовъ, Бранюкова, Софія, Клеофида, Викторъ, Орестъ и Марина.

Марина *(вбѣжавъ, дѣлаетъ всѣмъ знаки, кромѣ Бранюковой, и говоритъ)*. Какой-то отставной морской магазеинъ... вахтеръ проситъ, чтобы сейчасъ увидѣться съ вами. Онъ отъ дядюшки...

Викторъ. Гдѣ онъ? Я къ нему пойду.

Бранюкова. Я того не хочу. Пусть онъ при насъ все скажетъ. Знать твой дядя прислалъ духовную, чтобъ тебя скорѣе понудить. Какъ же я рада! Гдѣ онъ? Милости просимъ! *(Растворяетъ двери въ переднюю, Устинъ входитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Устинъ и тѣ же.

Устинъ *(въ старомъ морскомъ унтеръ-офицерскомъ кафтанѣ, одинъ глазъ у него завѣшенъ чернымъ, а на боку предлинная съ желѣзнымъ ефесомъ шпага).* Гдѣ здѣсь его высокородіе Викторъ Семеновичъ? Я къ нему имѣю...

Викторъ. Ко мнѣ? вотъ я...

Устинъ *(цѣлуя полу его кафтана).* А какъ же вы выросли. Я думаю вы забыли, что я васъ еще двулѣтнихъ носилъ на рукахъ тогда, какъ послѣ шведской войны былъ отставленъ, и какъ вашъ дядюшка, а мой милостивецъ, меня взялъ къ себѣ на пропитаніе.

Викторъ. Я право не только тебя не помню, но и не слыхалъ, чтобъ у дяди моего жилъ эдакой...

Устинъ. Вы не слыхали? Я лучшею его Переславскою деревнею правлю...

Викторъ. А у него кромѣ Ярославскаго уѣзда нигдѣ и деревень нѣтъ.

Устинъ. Я промолвился. *(Говоря Чистосердову).* Помогите мнѣ; онъ все испортитъ. *(Виктору).* Я, сударь, только двумя днями васъ не засталъ у дядюшки, и теперь привезъ радостную вамъ вѣдомость.

Орестъ. Конечно старичекъ-то умеръ...

Устинъ. Никакъ, сударь, онъ здравствуетъ и сочетался законнымъ бракомъ.

Орестъ. Какъ! онъ женился? Ха! ха! ха! Вѣдь ему семьдесятъ пять лѣтъ! Ха! ха! ха!

Устинъ. Нечему столько смѣяться. Госпожа Женилайова, на которой онъ обвѣнчался у себя въ селѣ, госпожа почтенная и по чину и по богатству. Она была его любовницею еще тогда, когда онъ на Сухаревой башнѣ грамотѣ

учился. Они бы и тогда совокупились, но бездѣлка имъ помѣшала. Его на двадцать первомъ году записали насильно во флотскую службу, а ее выдали насильно-жъ замужъ за пѣхотинца. Перваго мужа уморивши, уже по доброй волѣ была она еще за однимъ; а есть лихіе люди, которые молву распускаютъ, будто и за тремя, и всѣхъ въ землю спрятала; а нынѣ, проходя свои любовныя дѣла, вспомнила она и о первомъ своемъ любовникѣ, и выбрала меня къ нему сватомъ. Я же, зная, что у нея душъ съ шестьсотъ, это и сдѣлалъ. Короче, милостивые государи, дядюшка его чести десятый уже день какъ съ нею живетъ благополучно, и онъ прислалъ меня сказать вамъ, чтобъ вы не прогнѣвались, что васъ на свадьбу не звалъ.

Бранюкова. Какъ! Развѣ этотъ старый чортъ ума лишился?

Устинъ. Никакъ, сударыня! онъ тѣмъ умъ показалъ. По его счету остается ему жить года три, а молодой его княгинѣ много, много мѣсяцевъ пять, шесть; онъ ея смертью пуще разбогатѣетъ и любезному племяннику все оставитъ.

Бранюкова. Да прислалъ ли онъ ему на нѣкоторыя деревни купчія и наличныхъ на свадьбу денегъ?

Устинъ. Нѣтъ, сударыня, а проситъ его и васъ, также и вашу любезную дочь, о маленькомъ терпѣніи...

Бранюкова. Чтобъ его чортъ взялъ. Скоро ли эдакой дуракъ околѣетъ? Я теперь ни объ немъ, ни о тебѣ *(Виктору)* слышать не хочу. Съ двора долой. Я не люблю голыхъ умницъ.

Орестъ *(смѣючись дядѣ)*. Это Устинъ. *(Дядя ему ротъ зажимаетъ)*.

Устинъ. Благородный господинъ, смѣхъ вашъ совсѣмъ некстати; къ чему надъ бѣднымъ старикомъ ругаться! Лучше поплакать изволите, узнавши, какъ я потерялъ правый мой глазъ. Это было на галерѣ, гдѣ мы изъ всѣхъ пушекъ по непріятелямъ, а они по насъ жарили. Подлинно, что... но вы все-таки хохочете. Эй, сударь! Посмѣявшись, сами тому же не поработайте. И вы вѣдь, какъ я по кафтану вижу, на томъ-же конѣ ѣздите...

Бранюкова. Кто на моей дочери хочетъ жениться, тому надобно быть богату.

Чистосердовъ. Мой племянникъ богатъ довольно, и если ты Клеофиду за него выдашь, то сдѣлаю я его наслѣдникомъ всего моего имѣнія.

Бранюкова. Онъ очень бѣшенъ.

Орестъ. Чѣмъ же мнѣ и прославиться, коли не моимъ проворствомъ?

Бранюкова. Я еще и давишное не забыла.

Чистосердовъ. Подпиши это. Марина, дай перо.

Марина. Изволите.

Бранюкова *(подписывая)*. Я подпишу, коли ты поручишься, что онъ будетъ умнѣя.

Чистосердовъ. Изволь! *(Виктору)*. А въ награжденіе постоянной вашей любви отдаю я за васъ мою *племянницу*.

Бранюкова. Какъ! Неужли и ты ошалѣлъ? Отдать дѣвку съ приданымъ за того, у кого, кромѣ разуму, нѣтъ ни полушки вѣрнаго дохода!

Чистосердовъ. Теперь отъ тебя не для чего таиться. Все это было вымышлено, чтобъ тебя склонить.

Бранюкова. Какъ!

Устинъ. А вотъ какъ, сударыня. *(Отнявъ отъ глазу лоскутъ черный и сбросивъ парикъ съ прусскою косою)*. Я вашъ покорнѣйшій слуга; все мною сказанное только во снѣ я видѣлъ, а чтобъ васъ повеселить, выдалъ за былицу.

Бранюкова. А! это ты плутъ! воръ! разбойникъ! я тебя велю распытать. Они меня погубили.

Марина. Къ чему столько кричать? Вы сами научили насъ выходить замужъ.

Бранюкова. Молчи плутовка!

Клеофида. Выслушайте меня...

Бранюкова. Я жалѣю, что я тебя родила.

Орестъ. Перестаньте ее бранить, или по давишнему...

Чистосердовъ. Полно, сватья, сердиться. Дѣло совсѣмъ окончено и къ записи руки приложены. Я кажется дѣлаю порядокъ. Племянницѣ даю нѣсколько, а племяннику все мое имѣніе.

Бранюкова. Пришло съ досады объ уголъ головою убиться. Какъ! надо мною ругаться, да еще и холопу! Я его исцарапаю *(бѣжитъ къ Устину)*. Чтобъ васъ всѣхъ чортъ побралъ. Я за нее въ приданое не даю ни полушки,

пусть кто хочетъ навязываетъ ее себѣ на шею. *(Уходитъ, а Викторъ садится и вынимаетъ книжку записную и въ ней бумажки перебирая.)*

Чистосердовъ. Пойдемъ же ее усмирять.

Оркстъ. Ну, обоймитесь! вы будете теперь ближнею роднею; но впередъ надобно вамъ стеречись, чтобы въ подобныхъ давнишнему случаю въ одно мѣсто не сходиться.

Клеофида. Мы конечно будемъ осторожнѣе.

Викторъ *(опомнясь)*. Устинъ, приготовь поскорѣя все, чтобы съ свѣтомъ вдругъ ѣхать намъ на охоту; пуще всего ружья...

Устинъ. Вотъ самый умный приказъ! Время ли завтра стрѣлять ѣхать! Неужли вы забыли, что въ эту ночь вамъ дѣла довольно будетъ. Вѣдь вы женитесь, и...

Викторъ. А! я право было забылъ.

Устинъ. Готовясь идти къ вѣнцу съ любовницею, и о томъ забыть! эдакъ уже слишкомъ чудесить. Еслибъ то было дней черезъ нѣсколько, то бы и дивиться нечему, потому что я и сегодня много такихъ мужей видѣлъ, которые бы охотно женъ своихъ вовсе забыть желали.

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

ВТОРИЧНО

ВКРАВШАЯСЯ ЛЮБОВЬ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Изъ театра господина Мариво; *переведена съ французскаго.*

ИЗВѢСТІЕ.

Сію комедію перевелъ я назадъ тому нѣсколько лѣтъ въ угодность одного изъ моихъ друзей; но нынѣ предпріявъ оную напечатать, подумалъ я, что можетъ быть нѣкогда придетъ желаніе какой ни есть труппѣ оную представить, и для того сократилъ ее сколько возможно. Читавшіе оную въ подлинникѣ, и видавшіе въ представленіи, тотчасъ примѣтятъ сокращеніе оныя, каковому незнающіе французскаго языка съ трудомъ повѣрить могутъ, потому что оная комедія и теперь еще довольно длинна осталась. Сокращая ее и переводъ мой вышелъ уже не словесный, а вольный, о чемъ я почелъ за надобное увѣдомить общество, оставляя на разсужденіе онаго, удаченъ ли былъ трудъ мой.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Маркиза.
Д'Орвиль.
Графъ.
Лизета, служанка маркизина.
Любимъ, слуга Д'Орвилевъ.
Г. Гортензіусъ, мнимо-ученый.

Дѣйствіе въ домѣ маркизиномъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Маркиза, Лизета.

Маркиза *(входитъ печально на театръ. Лизета идетъ за нею. Маркиза остановяся вздыхаетъ).* Ахъ!

Лизета. Ахъ!

Маркиза. Что мнѣ слышится? А! это ты?

Лизета. Я, сударыня.

Маркиза. О чемъ ты вздыхаешь?

Лизета. Ни о чемъ. Вы вздохнули, а я вашъ вздохъ принявъ за слово, такимъ же вздохомъ вамъ отвѣтствую.

Маркиза. Но кто тебѣ велѣлъ идти за мною?

Лизета. Кто мнѣ велѣлъ, сударыня? Вы меня кликнули, я пришла; вы пошли, я за вами, и жду теперь, что мнѣ прикажете.

Маркиза. Я тебя кликнула?

Лизета. Вы, сударыня.

Маркиза. Ты бредишь; мнѣ никакой въ тебѣ нѣтъ нужды.

Лизета. Печальныхъ людей оставлять не надобно.

Маркиза. Поди! это не твое дѣло.

Лизета. Тѣмъ лишь печаль ихъ умножается.

Маркиза. Моя печаль мнѣ пріятна.

Лизета. Но тѣмъ, кто васъ любитъ, она не утѣшна. Я не хочу допустить, чтобъ вы съ печали умерли.

Маркиза. Увидимъ, какой конецъ будетъ.

Лизета. Надобно въ жизни нашей иногда повиноваться и разуму и не гнѣваться на людей усердныхъ.

Маркиза. Твое усердіе предорогое; оно, препятствуя мѣн грустить, велитъ сердиться.

Лизета. Бѣда не велика! лучше сердиться, нежели вздыхать.

Маркиза. Оставь же меня; я по смерть мою вздыхать должна.

Лизета. Бывши очень молоды, долгонько вы этого должку не заплатите.

Маркиза. Нѣтъ болѣе для меня утѣхъ на свѣтѣ. Два года страстною пылавъ любовію, выдти за милаго человѣка, получить достойнѣйшаго въ свѣтѣ мужа, и чрезъ мѣсяцъ его лишиться!

Лизета. Чрезъ мѣсяцъ! это ѣще чего нибудь стоитъ. Я знаю такую госпожу, которая только два дня пользовалась мужемъ, да и тутъ долго не плакала.

Маркиза. Я всего лишилась!

Лизета. Развѣ всѣ мужчины померли?

Маркиза. Что мнѣ въ тѣхъ, которые остались?

Лизета. А я говорю, дай Богъ имъ здоровья! Не надоб-

но плевать въ колодезь, случится отъ жажды пить изъ него воду.

Маркиза. Никто меня утѣшить не можетъ, и я только разуму повинуясь живу на свѣтѣ.

Лизета. Но сколько вы ни крушитесь, однако на видъ очень здоровы.

Маркиза. Прошу тебя, Лизета, перестань шутить; иногда ты забавляешь меня, но теперь я не въ состояніи вздору твоего слушать.

Лизета. Я правду говорю, сударыня. Вы мнѣ несказанно пригожи кажетесь, и можетъ быть, чтобъ вы таковы и не были, еслибъ вы жизнь любили. Ваша къ жизни ненависть даетъ вамъ видъ пріятный и глаза ваши пронзительными дѣлаетъ. Я совѣтую вамъ всегда желать смерти.

Маркиза. Ты вздурилась; я всю ночь глазъ не закрывала.

Лизета. Полно, не во снѣ ли вы видѣли, что вы не опочивали? Лице ваше показываетъ, что вы изряднехонько покоились. Но вы не въ приборѣ и мнѣ хочется немножко голову вашу привесть въ порядокъ. Лабри! принеси сюда уборный столикъ.

Маркиза. Я не хочу.

Лизета. Вы не хотите? Вы не хотите зеркала? зеркала, сударыня? Вы этимъ меня ужасать начинаете. Это уже право не шутка. *(Приносятъ уборный столикъ; Лизета беретъ кресла).* Изволь, изволь, сударыня, сѣсть; я васъ одѣвать хочу; вы увидите, что вашъ философъ, котораго вы къ себѣ приняли, никакой вамъ столь утѣшительной не прочтетъ книги, какъ эта, которую я наизусть читать стану.

Маркиза. Къ чему мнѣ лучше этого одѣваться? Я никого видѣть не желаю.

Лизета. Пожалуйте взгляните только въ зеркало; хотя ненарочно взоръ на него вскиньте, хотя малехонько глазомъ къ нему коснитесь.

Маркиза. Оставишь ли ты меня въ покоѣ?

Лизета. Неужли и самолюбіе васъ болѣе не щекочетъ? Э! вы лукавите, сударыня. Я вамъ сказала, что вы прекраснѣе обыкновеннаго, но я вамъ польстила; а вы въ лицѣ весьма перемѣнились и я хочу васъ привесть къ тому, чтобъ вы сжалились съ лицомъ вашимъ, которое вы столь немилосердо покидаете.

Маркиза. Я теперь не въ такомъ состояніи, чтобы о лицѣ думать.

Лизета. Итакъ остается унести уборный столикъ? Изрядно! Лабри, поставь его опять въ уборную.

Маркиза. Я о пригожествѣ болѣе не стараюсь.

Лизета. Столикъ уже понесли, сударыня.

Маркиза. Но въ подлинну ли я очень страшна кажуся?

Лизета. Дѣйствительно.

Маркиза. Посмотрѣться-было и тѣмъ развязаться съ тобою.

Лизета. Я отдохнула: вы живы будете. Ну-тка, сударыня. *(Приносятъ зеркало).*

Маркиза. Подай сюды зеркало. Ты права: я дѣйствительно похудѣла.

Лизета *(давая ей зеркало)*. Не безбожно ли губить такую красоту, которая при маломъ объ ней попеченіи равную бы себѣ не скоро увидѣла? Поправьте эти попущенные волосы, они глаза ваши закрываютъ. А, варварскіе глазенки! какіе заразительные взоры они кидаютъ! они бы уже сожгли меня, еслибы я была мужчина.

Маркиза *(отдавая зеркало)*. Они очень томны.

Лизета. Томны? Они сущіе лицемѣры; пусть прійдетъ кто нибудь изъ мужчинъ, такъ онъ увидитъ, что они сдѣлать могутъ. Да вотъ и слуга господина Д'Орвиля, тотъ самый деревенщина, который шутками своими недавно васъ позабавилъ.

Маркиза. Я никого видѣть не желаю.

Лизета. Однако выслушать его надобно.

ЯВЛЕНІЕ II.

Маркиза, Лизета, Любимъ.

Любимъ. Простите, сударыня, что я обезпокою...

Лизета. Говори, говори попросту; не кстати тебѣ начинать эдакъ церемонно.

Любимъ. А тебѣ, миленькая, развѣ кстати перебивать мою рѣчь? мнѣ вѣдь не запрещено быть учтивымъ.

Маркиза. Зачѣмъ ты пришелъ?

Любимъ. За тѣмъ, сударыня, за чѣмъ господинъ мой послалъ меня... и что эта умница забыть меня заставила.

Лизета. Какой простякъ!

Любимъ. Я обыкновенно забываю, когда разсержуся.

Маркиза. Но скажи, чего ты отъ меня хочешь?

Любимъ. Я тотчасъ вспомню. А! дѣло вотъ въ чемъ: мы оба вчера сюда пріѣхали, то есть, баринъ мой и я, и оба завтра ѣдемъ отсюда, чтобъ не бывать здѣсь никогда; и для этой-то причины, господинъ мой послалъ меня сказать вамъ, чтобы вы не погнѣвались, что онъ васъ сегодня послѣ обѣда не увидитъ и не отдастъ вамъ инако своего поклона, какъ около полудня, чтобы-де съ вами, если вамъ не противно, проститься; а все это ради нѣкоторыхъ безпокойствъ, ради великой грусти...

Маркиза. Не знаешь ли ты, о чемъ онъ говорить со мною хочетъ? Я очень въ печальномъ состояніи.

Любимъ *(лицемъ печальнымъ, а наконецъ плачучи)*. Онъ хочетъ говорить съ вами, чтобы вы пожаловали дозволили ему четверть часа съ собою поговорить; а отъ печали онъ васъ не развеселитъ, развѣ плакать заставитъ. Онъ самъ еще и васъ печальнѣе; да и я также чрезчуръ печаленъ и мы всѣмъ людямъ жалки.

Лизета. Онъ плачетъ.

Любимъ. О! вы еще ничего теперь не видите; не такъ я наединѣ плачу; я изъ учтивства крѣплюся.

Маркиза. Скажи своему господину, что я его ожидаю. А ты, Лизета, вели Гортензіусу тотчасъ принесть ко мнѣ тѣ книги, которыя онъ для меня купилъ. *(Отходитъ вздыхая)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Лизета, Любимъ.

Лизета. Она вздыхаетъ, а причиною тому ты, негодный! будто великая намъ нужда въ твоихъ слезахъ!

Любимъ. Кому нѣтъ въ нихъ нужды, тотъ-себѣ не плачь а госпожѣ твоей онѣ видно не противны; но ей печаль моего барина лучше покажется; онъ вздыхать превеликій мастеръ.

Лизета. Скажи ему, чтобы онъ мастерства своего не показывалъ; я для того только тебя и удержала. Госпожа моя и такъ уже довольно крушится. Слышишь ли?

Любимъ. Какъ не слышать; ты изъ всей мочи кричишь.

Лизета. Да о чемъ же оба вы плачете?

Любимъ. Я плачу для того, что хочу плакать; а еслибъ я хотѣлъ быть веселъ, я бы хохоталъ во все горло.

Лизета. Ты изрядный забавникъ!

Любимъ. Баринъ мой вздыхаетъ о любовницѣ; я же по доброму моему сердцу, въ утѣху ему, дѣлаю то-же.

Лизета *(смѣется)*. Ха, ха, ха!

Любимъ *(смѣется)*. Ха, ха! Ты видно охотница хохотать; но мнѣ это не понутру. Знаешь ли ты то, что и я лишился любовницы, но вотъ я каковъ. Когда уже больше мнѣ ее не видать, такъ я ее и забывать началъ. *(Смѣется)*. Ха, ха, ха!

Лизета. Онъ проказникъ; но пошелъ, пошелъ! твой баринъ тебя ожидаетъ; не забудь ему сказать, чтобъ онъ вздохи дома оставилъ.

Любимъ. Что-же ты меня гонишь?

Лизета. Убирайся; мнѣ нечего дѣлать съ такимъ человѣкомъ, который завтра уѣзжаетъ.

Любимъ. И то правда. Нечего о томъ и калякать. Прости же, голубка моя!

Лизета. Прости, филинъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лизета *(одна)*. Вотъ и господинъ Гортензіусъ тащитъ такое множество на себѣ книгъ, какъ бы цѣлую перевозитъ библіотеку. Этотъ человѣкъ скучаетъ мнѣ своимъ мнимоученіемъ. Съ чего взбрѣло госпожѣ моей на умъ взять къ себѣ такого шалуна для чтенія книгъ, или лучше сказать для умноженія ея печали? Знатныя барыни много страннаго имѣютъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

Гортензіусъ, Лизета.

Лизета. Преученѣйшій учитель! моя госпожа приказала тебѣ сказать, чтобы ты принесъ къ ней купленныя книги.

Гортензіусъ. Неукоснительно я сіе исполню, госпожа Лизета, и твоя боярыня не могла бы избрати ко объявленію своей воли ни кого, кто бы мнѣ оную достойнѣе и явственнѣе умѣлъ внушити и понудити меня къ мгновенному повиновенію.

Лизета. Вотъ то-то прекрасный отвѣтъ! въ немъ господинъ Гортензіусъ со всею своею премудростію цѣликомъ виденъ. Полно чему и дивиться? Кто его сочинилъ, тотъ краснорѣчіе какъ азбуку знаетъ.

Гортензіусъ. Сему краснорѣчію, сударыня, прелестныя ваши очи благоволили меня научити.

Лизета. Мои очи? Я доселева не знала, что они краснорѣчію учатъ.

Гортензіусъ. Они научили мое сердце быти неудобнымъ къ выдержанію противу васъ, сударыня, ипотезы; но я желаю однакожде пріобрѣтенною отъ нихъ наукою, ежели убо вамъ не противно будетъ, задати вамъ малый аргументикъ.

Лизета. Аргументикъ! я не знаю, что это за лѣкарство и бывъ здорова, не хочу его отвѣдывать. Прости, господинъ книгочій.

Гортензіусъ. Постойте и посмотрите на мой маленькій силлогизмецъ; я васъ увѣряю, что онъ утвердителенъ, и по гречески потщуся вамъ его истолковати.

Лизета. Ха, ха! да что мнѣ съ этимъ товаромъ дѣлать?

Гортензіусъ. Познайте сильныя рѣченія высокой философіи, токмо однимъ намъ, которые убо по гречески говорити умѣютъ извѣстные; напримѣръ, вотъ что силлогизмецъ. Мы должны своимъ сердцемъ тому, кто намъ свое вручаетъ; я вамъ мое отдаю, и тако вы мнѣ свое вручити долженствуете.

Лизета. Такъ это-то силлогизмецъ? Поэтому и я краснорѣчіе знаю! Послужай-же, господинъ философъ! Мы своимъ сердцемъ никому не должны, кромѣ того, кто его взять

умѣлъ; но какъ ты моего не взялъ, и тако ты его никогда и имѣть не будешь. Счастливо оставаться.

Гортензіусъ *(остановя Лизету)*. Разсудокъ бо увѣряетъ...

Лизета. Оставимъ разсудокъ; я наслышалась, что онъ въ школахъ не продается. Прости, господинъ Гортензіусъ. Желаю вамъ, вашему аргументику и вашему силлогизму лучшихъ успѣховъ.

Гортензіусъ. Но я потщился сочинити нѣсколько греческихъ стишковъ на лѣпоту вашу...

Лизета. И, господинъ Гортензіусъ! моя лѣпота нелѣпостей не любитъ и кромѣ русскаго никакого языка не разумѣетъ.

Гортензіусъ. Я могу ихъ явственно перевести для васъ, моя благодѣйка.

Лизета. Мнѣ недосужно.

Гортензіусъ. Я ихъ вложилъ въ эту книгу. *(Между тѣмъ, какъ онъ ищетъ, Маркиза приходитъ).*

Лизета. Вотъ-и барыня! пусть онъ вздоръ свой ищетъ. *(Уходитъ).*

Гортензіусъ *(листы перебирая)*. Я убо въ оныхъ нарекъ васъ Еленою и сіе имя украсилъ самымъ лучшимъ древности искусствомъ; а себя взялъ я смѣлость именовати Парисомъ; се наше въ стихахъ похожденіе и я могу похвастати...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Маркиза, Гортензіусъ, Лакей.

Маркиза. Съ кѣмъ ты разговариваешь и что это за похожденіе, въ которомъ ты себя называешь Парисомъ?

Гортензіусъ. Сіе бо есть краткое описаніе, сударыня, и взято изъ исторіи греческой, на которую госпожа Лизета просила у меня истолкованія.

Маркиза. Она очень любопытна, а вы чрезчуръ учтивы. Гдѣ-же книги-то?

Гортензіусъ. Се убо онѣ, сударыня, самыя лучшія и за весьма сходную цѣну куплены. Не изволите-ли посмотрѣти?

Маркиза. Покажи?

Лакей. Господинъ д'Орвиль пришелъ, сударыня.

Маркиза. Попроси его сюда. *(Къ Гортензіусу).* Отнеси ихъ въ мою уборную, мы послѣ пересмотримъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Маркиза и Д'Орвиль.

Д'Орвиль. Я прошу васъ, сударыня, извинить меня за такое посѣщеніе, которое безъ сумнѣнія вамъ въ теперешнемъ состояніи въ тягость будетъ.

Маркиза. Напротивъ того, я его съ удовольствіемъ пріемлю. Вы мнѣ весьма печальны кажетесь.

Д'Орвиль. Вы видите, сударыня, прямо отчаяннаго человѣка, который спѣшитъ скрыться съ самый дальній городъ, чтобы тамъ несносную жизнь окончить.

Маркиза. Вы меня смущаете! Что сдѣлалось съ вами?

Д'Орвиль. Самое жестокое и невозвратимое изо всѣхъ несчастій. Я лишился Ангелики.

Маркиза. Какъ! она умерла?

Д'Орвиль. Для меня уже не живетъ она болѣе. Вы знаете, куда она удалилась, чтобъ избѣжать отъ того замужства, къ которому отцемъ своимъ была принуждаема. Мы съ нею надѣялись, что время отца ея умилостивитъ; но онъ остался неукротимъ въ его гнѣвѣ; а она, повидимому, того перенесть не могши, отрекласъ отъ свѣта и обязалась такими клятвами, которыхъ прервать ей никогда не можно. Два уже мѣсяца тому миновало, какъ она со мною и съ собою это бѣдствіе совершила. Я отъ грусти умереть желаю и дивлюся, какъ могу еще переносить мои печали.

Маркиза. Мнѣ кажется, что горесть на свѣтѣ для честныхъ только людей и сдѣлана.

Д'Орвиль. Мнѣ надлежало бы скрывать мою, знавши, въ какихъ вы сами обстоятельствахъ.

Маркиза. Не дѣлайте, сударь, себѣ принужденія. Ваша печаль похвалу вамъ приноситъ; я чту ее добродѣтелью и мнѣ пріятно видѣть почтенія достойныя сердца. Жаль, что они весьма рѣдки! Мнѣ, мнѣ дивятся, что я цѣлые полгода покойника моего оплакиваю; подобно тому будете и вы сочтены человѣкомъ страннымъ и никто кромѣ меня съ чистосердечіемъ жалѣть о васъ не станетъ; равно какъ и вы только одни моимъ слезамъ справедливость отдадите.

Д'Орвиль. Будьте, сударыня, увѣрены, что моя горесть не воспрепятствуетъ мнѣ брать участіе въ вашей.

Маркиза. Я въ томъ надежна; но скажите мнѣ, не могу-ли я чего въ пользу вашу сдѣлать?

Д'Орвиль. Можете, сударыня. Ангелика возбранила мнѣ видѣться съ нею, и я волѣ ея навсегда буду послушенъ.

Маркиза. Вотъ мысли честнаго человѣка!

Д'Орвиль. Я имѣю письмо, которое, если пошлю къ ней, она принять отречется. Вы часто ѣздите въ вашу деревню, которая близъ ея монастыря; сдѣлайте мнѣ милость, я васъ слезно о томъ убѣждаю, вручите его сами Ангеликѣ. Я только прочтенія испрашиваю, и ежели съ моей стороны когда ни есть могу вамъ доказать...

Маркиза *(прервавши рѣчь его)*. Кто въ томъ усумнится, когда вы къ таковой нѣжности удобны? Я теперь нравъ вашъ подобно моему знаю. Добрыя сердца, сударь, сходны бываютъ. Но письмо ваше не запечатано.

Д'Орвиль. Въ смущеніи моемъ я не знаю, что дѣлаю. Но когда уже оно не запечатано, такъ прочтите его; вы лучше познаете, сколько я жалости достоинъ.

Маркиза. Я то сдѣлаю въ вашу угодность. (*Читаетъ*). «Я имѣлъ намѣреніе, любезная Ангелика, еще увидѣться съ тобою, но подумавъ, что тѣмъ прогнѣвлю тебя, отъ того воздержался. Чего же бы я искать пошелъ? не знаю; но знаю то, что я тебя на вѣки лишился, что желаю говорить съ тобою для усугубленія только моей горести и для напитанія моего сердца толикимъ отчаяніемъ, чтобы отъ того съ жизнію разстаться». (*Повторяя послѣднія слова и останавлялсь*). Чтобы отъ того съ жизнію разстаться? Не удивительно ли это, что все вами написанное я слово въ слово въ печали моей думала; возможно ли въ мысляхъ такъ повстрѣчаться? По истинѣ вы заставляете меня имѣть къ вамъ великое почтеніе. (*Читаетъ*). «Но то уже и свершилось, и я для того только пишу къ тебѣ, чтобы испросить прощенія въ томъ, что мною въ послѣднее наше свиданіе въ огорченіе тебѣ было изрѣченно. Ты меня на вѣки оставляла; я былъ въ отчаяніи и въ этотъ часъ страсть моя, затмѣвая мой умъ, не позволяла мнѣ отдавать тебѣ должную справедливость. Мои выговоры тебѣ слезъ стоили; я не хотѣлъ ихъ видѣть, а желалъ только, чтобы ты была виновата и сама

себя таковою почитала. Признаюся, что я тогда огорчилъ тебя несказанно. Прости, Ангелика; я до конца моей жизни любить тебя не престану и, отрицаясь всякаго союза, единственно только того желаю, чтобы ты, чтя сердце мое своего достойнымъ, оправдала тѣмъ себя за взаимную ко мнѣ нѣжность.» *(Прочитавъ письмо, отдаетъ Д'Орвилю и говоритъ)*. Нѣтъ сударь, когда вы питаете такія чувствованіи, то вы не сожалѣнія, но похвалы достойны. Какое письмо! Нѣкогда и маркизъ писалъ ко мнѣ такое-же и я мнила, что кромѣ его никто къ тому не удобенъ; но вы были его другомъ и я тому не удивляюсь.

Д'Орвиль. Вы знаете, столь драгоцѣнна была мнѣ его дружба.

Маркиза. Онъ удостоивалъ этого имени только тѣхъ, кто того былъ достоинъ.

Д'Орвиль. Какою бы помощію былъ онъ мнѣ теперь!

Маркиза *(плачучи)*. Въ разсужденіи того, мы оба въ немъ многаго лишились.

Д'Орвиль. Я чувствую, что недолго его переживу.

Маркиза. Живите, сударь, и не лишайте меня удовольствія оплакивать его купно съ вами; вмѣсто его дружбы, я вамъ свою предлагаю.

Д'Орвиль. Я за нее отъ всего сердца благодарю васъ; она будетъ моимъ утѣшеніемъ. Иногда возьму я смѣлость писать къ вамъ; а вы изъ благосклонности будете мнѣ отвѣтствовать и я отъѣзжая, получаю весьма лестную надежду.

Маркиза. Но я бы желала, чтобъ вы здѣсь остались; мнѣ бы съ вами, какъ съ другомъ моимъ, откровенно въ печали моей говорить можно было.

Д'Орвиль. Еслибъ я и остался, то бы прервалъ знакомство со всѣми и никого бы кромѣ васъ не желалъ видѣть.

Маркиза. Я бы объ васъ, а вы бы обо мнѣ жалѣли, а это всякую горесть сноснѣе дѣлаетъ.

Д'Орвиль. Безспорно.

Маркиза. Мы сосѣди...

Д'Орвиль. И живемъ какъ въ одномъ домѣ и только сады наши заборомъ отдѣляются.

Маркиза. Мы оба несчастливы и оба равныя имѣемъ мысли.

Д'Орвиль. Дружба наша много намъ поможетъ.

Маркиза. Въ такомъ состояніи она только истиннымъ бываетъ утѣшеніемъ. Любите-ли вы читать книги?

Д'Орвиль. Очень, сударыня.

Маркиза. И это кстати. Я недавно приняла къ себѣ человѣка знающаго и ему библіотеку свою поручила. Я не имѣю тщеславія прослыть ученою, но я люблю чтеніемъ занимать время. Хотите-ли быть моимъ товарищемъ?

Д'Орвиль. Этимъ вы меня вовсе заставили остаться; я почитаю счастіемъ, что увидѣлся съ вами, и уже спокойнѣе прежняго себя чувствую. И у меня есть довольное число книгъ, такъ этотъ же человѣкъ и мои совокупитъ съ вашими. Я тотчасъ позову моего слугу и отмѣню приготовленіе къ дорогѣ. Сколь много я вами обязанъ! Отчаяніе мое уменьшается, а можетъ быть вы мнѣ и совсѣмъ разсудокъ возвратите. Я нахожу въ васъ такую ласку, которая мнѣ потребна и которая меня плѣняетъ. Вы отъ любви, подобно мнѣ, навсегда отреклися; итакъ въ дружбѣ вашей найду я все, чего любовію лишился.

Маркиза. Я почитаю себя обязанною заступить мѣсто покойнаго маркиза. Подите отмѣнить прежнее намѣреніе и возвратитесь немедля. *(Въ сторону)*. Этотъ человѣкъ честностію его и разумомъ меня восхищаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Д'Орвиль *(одинъ)*. Вотъ прямой нравъ къ утѣшенію людей несчастныхъ. Какія рѣдкія качества въ этой женщинѣ! По сей часъ не зналъ я ее совершено. Какой здравый разсудокъ! Какое доброе сердце! Она очень сходна съ Ангеликой, а эдакія женщины прямое сокровище на свѣтѣ. *(Кличетъ Любима)*. Любимъ! Мнѣ кажется, что онъ въ саду ходитъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Д'Орвиль и Любимъ.

Любимъ *(отвѣчаетъ за театромъ)*. Ась, сударь! *(а потомъ приходитъ съ весьма печальнымъ видомъ)*. Чего изволите?

Д'Орвиль. Что это унылое лице значитъ?

Любимъ. Я грущу оттого, что мы ѣдемъ.

Д'Орвиль. Мы не ѣдемъ, итакъ не готовься болѣе къ дорогѣ.

Любимъ. Мы не ѣдемъ?

Д'Орвиль. Нѣтъ!

Любимъ. Да лихъ я уже совсѣмъ на возы убрался.

Д'Орвиль. Опять разберися.

Любимъ. Я уже и со всѣми знакомыми попрощался, итакъ...

Д'Орвиль. Итакъ молчи и поди дѣлать, что приказано.

Любимъ. Но скажите мнѣ, баринъ, кто васъ уговорилъ не ѣхать; ужъ не госпожа-ли маркиза?

Д'Орвиль. Да.

Любимъ. И мы на нашемъ дворѣ останемся?

Д'Орвиль. А гдѣ же?

Любимъ. Такъ я человѣкъ пропащій!

Д'Орвиль. Что за вздоръ!

Любимъ. Дворы ваши смежны, изъ одного въ другой входить можно. У меня нѣтъ милой моей Марѳы, а у этой госпожи маркизы есть красивая горничная дѣвка. Изъ нашего дому пойду я къ ней и заразъ измѣню Марѳухѣ.

Д'Орвиль. Ты покажешь въ себѣ очень худое сердце.

Любимъ. Правда, что это не очень честно, но сбудется. Да хоша бы ужъ по барской своей милости, вы мнѣ къ тому дорогу показали, такъ бы не столько мнѣ совѣстно было. А! да вотъ и праховая Лизета идетъ къ намъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

Д'Орвиль, Графъ, Лизета, Любимъ.

Графъ. Я шелъ-было къ тебѣ, любезный другъ; но узнавъ, что ты здѣсь, спѣшилъ тебя увѣрить, что я пріемлю въ печали твоей всевозможное участіе. Станемъ стараться преодолѣвать ее, и...

Д'Орвиль. Благодарствую за усердіе, но совѣтъ твой трудно исполнить.

Лизета. Оставьте привѣтствіи и позвольте мнѣ начать о томъ дѣлѣ, для котораго мы пришли сюда съ графомъ. Я знаю, что отъѣздъ вашъ отмѣненъ и что вы часто съ госпожею моей видѣться будете. По моему къ ней усердію, крушусь я, видя ее въ слезахъ безпрестанно. Мнѣ кажется,

что наконецъ она тоски своей перенесть будетъ не въ силахъ. Постарайтесь ее отъ того избавить. Его сіятельство вамъ другъ, онъ госпожу мою любитъ, а она видается съ нимъ безъ отвращенія. Приличнѣе его для нея мужа имѣть не можно; я въ этомъ дѣлѣ всѣми силами помогаю; услужите и вы, сударь, съ своей стороны и другу вашему и моей барынѣ.

Д'Орвиль. Ты уже сказала, что маркиза съ удовольствіемъ графа принимаетъ.

Графъ. Но это не болѣе значитъ, какъ то, что она терпитъ мои посѣщенія.

Д'Орвиль. Но узнала-ли она, что вы ее любите?

Графъ. Я такъ думаю.

Лизета. Иногда и я помаленьку ей о томъ намекаю.

Д'Орвиль. Вы хорошаго ходатая имѣете. Что же говоритъ съ вами маркиза и ея поступки подаютъ ли вамъ надежду?

Графъ. По сей часъ она довольно ласково со мною обходится.

Г'Орвиль. Ласково?

Графъ. Да!

Д'Орвиль *(холодно)*. Поэтому во мнѣ никакой нужды вы не имѣете?

Графъ. Почему такъ?

Д'Орвиль. Потому, когда понимаютъ твою любовь, когда ее терпятъ, тогда заключить можно, что она не противна.

Лизета. Это разсужденіе очень странно.

Графъ. И мнѣ оно таковымъ же кажется.

Д'Орвиль. Я сказалъ это въ твою пользу; но когда ты непремѣнно хочешь, такъ я съ нею говорить буду.

Графъ. Нѣтъ, сударь, я васъ прошу стараніи ваши оставить. Я пойду своею дорогою. Прости, Лизета!

ЯВЛЕНІЕ XI.

Д'Орвиль, Лизета, Любимъ.

Д'Орвиль. Начни только людямъ говорить дѣло, такъ вотъ что выйдетъ. Онъ меня столь холодно оставилъ, какъ будто-бъ я ему солюбовникъ.

Любимъ. А что же, баринъ! безъ притчи вѣку не переживешь.

Д'Орвиль. Молчи!

Лизета. Позволите ли мнѣ, сударь, сказать откровенно?

Д'Орвиль. Говори.

Лизета. Ангелики вы безповоротно лишились.

Д'Орвиль. Это я къ несчастію очень помню.

Лизета. Моя госпожа богата, хороша, молода.

Любимъ. Приманчивый кусочекъ.

Д'Орвиль. Ну!

Лизета. Вы сейчасъ видѣли, какъ она отъ печали вздыхаетъ; не показалось ли вамъ, что вздохи ея пріятны?

Д'Орвиль. Не воображаешь ли ты, что я къ ней почувствовалъ?..

Лизета. А что же? я бы отъ всего сердца желала, чтобы мою барыню кто нибудь изъ этого состоянія избавилъ.

Д'Орвиль *(съ холодностію)*. Лизета! я о любви болѣе не помышляю.

Лизета. Такъ для чего-жъ вы, сударь, не бѣжите въ какое нибудь пустое мѣсто, гдѣ бы васъ никто не видѣлъ? Ежели-бъ вы знали, сколь прилично лицо ваше къ житью степному, то бы вы минуты не помедлили туда убраться. Я увѣряю васъ, что взглянувъ на ваше лицо, всякому занемочь можно. Усовѣститесь и не показываяся съ нимъ въ люди, спѣшите въ путь вашъ, на который я вамъ счастія желаю.

Д'Орвиль. Эти грубости прощаю я тебѣ для твоего къ маркизѣ усердія, но при томъ сказываю, что какъ я сейчасъ отмѣнилъ мой отъѣздъ, то всякую минуту перемѣнять мысли неприлично и потому я здѣсь останусь. Что же до графа, то я въ его пользу все говорить буду, и если она склонность къ нему имѣетъ, то вы ничего не опасайтесь. Я не часто къ вамъ ходить буду и мое мрачное лицо вреда вамъ не сдѣлаетъ.

Лизета. И только-то, сударь?

Д'Орвиль. А чего же больше...

Лизета. Простите-жъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Д'Орвиль, Любимъ.

Д'Орвиль *(стоя нѣсколько время съ важнымъ видомъ)*. Все слышанное потерю Ангеликину еще чувствительнѣе мнѣ дѣлаетъ. Я ласкался въ дружбѣ маркизиной найти утѣшеніе; твердое ея предпріятіе, чтобы не любить никого болѣе, обязывало меня имѣть къ ней почтеніе; но она уже и замужъ выходитъ. Видно, что и она такова-жъ, какъ и другія женщины.

Любимъ. Коли-бъ вы знали, сколь легко вдовушкѣ жить безъ милаго друга!

Д'Орвиль. Ангелика! любезная Ангелика! Ни что на свѣтѣ утѣшать меня неудобно, какъ только воспоминаніе о томъ, сколь много ты подобныхъ себѣ превосходишь.

Любимъ. Марѳа! милая Марѳа! я бы тебя при всей печали забылъ по богатырски, но баринъ мнѣ не приказываетъ. Итакъ, начну я по прежнему о тебѣ кручиниться.

Д'Орвиль. Буду безвыходно сидѣть дома и маркизу теперь въ послѣднее увижу. Что мнѣ здѣсь дѣлать, когда она замужъ выходитъ? И какъ могла она столь скоро забыть маркиза?

Любимъ. Э, сударь! на что ей столь долго мертваго помнить?

Д'Орвиль. Но когда уже я обѣщалъ перенесть сюда мои книги, то должно мнѣ сдержать слово. Поди сыщи того человѣка, кто у маркизы книги въ смотрѣніи имѣетъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Д'Орвиль, Гортензіусъ, Любимъ.

Гортензіусъ. Я не имѣю чести вами, государь мой, быти знаемъ, но во покорности объявляю, что меня именуютъ Гортензіусомъ. Сіятельная маркиза, у которой имѣю я честь быти во чтецахъ и во книгохранителяхъ и которую я наставляю во словесныхъ наукахъ, во нравоученіи и во любомудріи, благоволила мнѣ дати свѣдѣніе о вашемъ намѣреніи, въ томъ состоящемъ, дабы соединити ваше умовъ

греческихъ и латинскихъ хранилище купно съ нашимъ. Я несомнѣнно уповаю, что книги ваши засвидѣтельствуютъ превосходность и важность вашего ученія. Итакъ, милостивый государь, что вы мнѣ дѣлати повелите?

Д'Орвиль. Любимъ, поди съ нимъ въ мою библіотеку и перенесите сюда мои книги.

Гортензіусъ. Да будетъ по словесамъ вашимъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Любимъ, Гортензіусъ.

Гортензіусъ. Ну, мой другъ, я тебя ожидаю.

Любимъ. Пожалуй немножко меня послушай, преумный учитель г. Гортусъ.

Гортензіусъ. Гортензіусъ; произреки ясно и не сокращай моего имяни.

Любимъ. Пусть оно останется такъ длинно, какъ оно есть; я не желаю испортить его стану.

Гортензіусъ. Не глуми, друже! *(Въ сторону).* При всей наукѣ, не имѣя хлѣба, надлежитъ снискивать ласку и отъ холопей.

Любимъ. Ты учишь здѣшную барыню нравному ученію?

Гортензіусъ. Да, и любомудрію.

Любимъ. А къ чему это потребно?

Гортензіусъ. Это душевная пища ко очищенію насъ отъ всѣхъ суетъ и печалей міра сего.

Любимъ. Это, парень, не дурно. Такъ дай же мнѣ щепоточку своего лекарства отъ моей печали.

Гортензіусъ. И ты печаль знаешь?

Любимъ. Столько, чтобы отъ нея я умеръ, ежелибъ всякимъ съѣстнымъ хорошенько не набивалъ желудка.

Гортензіусъ. Печаль токмо умъ помрачаетъ и въ этомъ случаѣ здравый разсудокъ долженъ быти нашимъ врачеваніемъ.

Любимъ. Итакъ дай мнѣ его ложки двѣ, три!

Гортензіусъ. Я теперь тебя имъ врачую.

Любимъ. Такъ поэтому это зелье мнѣ не по недугу; услужи-тка мнѣ лучше любою мудростью.

Гортензіусъ. Она основывается на здравомъ разсудкѣ. Отъ него любомудріе, нравоученіе и словесныя науки проистекаютъ.

Любимъ. Первыя мнѣ никакой не сдѣлали пользы; итакъ посмотримъ-ка, каковы твои слова да науки.

Гортензіусъ. Словесныя науки не для тебя сдѣланы. Но отъ чего же печаль твоя происходитъ?

Любимъ. Отъ любви, господинъ мудрецъ!

Гортензіусъ. О! любомудріе возбраняетъ любови касатися.

Любимъ. Хорошо! а ежели она къ намъ коснется, что велитъ намъ твое любомудріе дѣлать?

Гортензіусъ. Отъ нея отвязаться.

Любимъ. Но ежели она не отвязывается, ежели гоняется за нами?

Гортензіусъ. Надлежитъ убѣгать отъ нея всѣми силами.

Любимъ. Да развѣ когда любую мудрость получишь, такъ получишь и скорость въ ногахъ? и развѣ любомудріе и этимъ надѣляетъ?

Гортензіусъ. Оно даетъ намъ полезные совѣты.

Любимъ. Совѣты прескучные, братень, пожитки; съ ними по міру натаскаешься.

Гортензіусъ. Послушай; если ты хочешь прямаго лѣкарства, то наживи себѣ другую любовницу.

Любимъ. Вотъ то-то, господинъ ученый, сказалъ ты правду. Я о закладъ бьюсь, что ты этимъ же нравнымъ ученіемъ пользуешь свою хозяйку, которая скоро за графа выйдетъ.

Гортензіусъ *(удивяся)*. Она замужъ выйдетъ?

Любимъ. Да, братъ! и ежелибъ мы ее хотѣли, то бы съ носу у графа сорвали, потому что Лизета за барина ее сватала.

Гортензіусъ. Правду ли ты вѣщаеши, друже?

Любимъ. Коли не вѣришь, я побожуся. Послѣ сватанья Лизета совѣтовала намъ отсюда удалиться, потому что мы невеселы; а тебя величала она невѣжею и говорила, что надобно ей согнать тебя со двора, потому что ты госпожу ея пуще въ грусть приводишь.

Гортензіусъ *(въ сторону)*. Благодарю тебя, фортуна, убо ты во часъ меня увѣдомила! Я постараюсь всему тому умоначертательную преграду учинити.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Любимъ и Гортензіусъ.

Любимъ *(несетъ ящикъ книгъ и, поставивши, на него садится)*. Уфъ! никогда я, царень, не думалъ, чтобы разумъ столь тяжелъ былъ.

Гортензіусъ. Это бездѣлица, я втрое больше этого книгъ въ головѣ моей имѣю.

Любимъ. Ты?

Гортензіусъ. Конечно я!

Любимъ. Да на что же ты столько вздору набилъ въ свою голову?

Гортензіусъ. Для напитанія разума.

Любимъ. Но знать, что эта пища не очень его насыщаетъ: онъ не больно дюжъ кажется.

Гортензіусъ. Друже, о томъ не тебѣ разсуждати! Пріиди ко мнѣ отдохнувши, такъ я тебѣ покажу, колико во власти моей я славныхъ мудрецовъ имѣю.

Любимъ. Провались ты и съ премудростію своею.

ЯВЛЕНІЕ II.

Любимъ, Лизета.

Любимъ *(одинъ сидючи)*. Бѣдный Любимъ! много хлопотъ твоему сердцу! Оно теперь не знаетъ, Марѳу ли, или Лизету любить!

Лизета *(приходитъ съ служителями, которые носятъ кресла)*. Принесите еще двои и тутъ поставьте.

Любимъ *(сидючи)*. Здравствуй, голубушка!

Лизета. Что ты здѣсь дѣлаешь?

Любимъ. Отдыхаю на коробкѣ, которая набита учеными ѣствами и которую я принесъ сюда, чтобы подчивать разумъ госпожи твоей.

Лизета. Когда увижу я конецъ этимъ дурачествамъ? Пошелъ, пошелъ съ глупою твоею коробкой!

Любимъ. Перестань глумить. Въ ней нравное ученіе и любая мудрость; этимъ, сказываютъ, душу нашу отъ вашихъ сестеръ спасаютъ. Вашъ мудрецъ и мнѣ небольшой пріемецъ задалъ, только такой слабый, что я съ него не чихнулъ ни разу.

Лизета. Пошелъ вонъ, повѣса!

Любимъ. Развѣ ты не для меня еще стулъ сюда принесть велѣла?

Лизета. Убирайся же, простофиля! барыня въ минуту сюда будетъ.

Любимъ. Да не можешь-ли ты, великородная госпожа Лизета, хотя на минуту присѣсть возлѣ Любима?

Лизета. Слушать твоихъ дурачествъ?

Любимъ. Нѣтъ, я тебѣ скажу то, что дѣлается теперь въ моемъ сердцѣ. Мнѣ кажется, будто Марѳа совсѣмъ изъ него убирается, а ты въ него переѣзжаешь. Хочешь ли ты, чтобы я тебѣ въ немъ уголокъ далъ?

Лизета. А на какой бы конецъ намъ съ тобою любиться?

Любимъ. Вѣдь ты, какъ дѣвка городская, угадать можешь.

Лизета. Твой баринъ не хочетъ жениться на маркизѣ, а мое счастіе отъ нея, такъ, какъ и твое, отъ него зависитъ.

Любимъ. Правда! и мнѣ жаль тебя, что ты по охотѣ своей любить меня не можешь; эдакіе молодцы, каковъ я, не всегда попадаются. Однако посмотримъ, что будетъ. Барыня твоя захотѣла дружиться съ моимъ господиномъ, а онъ съ нею; а вѣдь врагъ силенъ, онъ можетъ ихъ такъ подружить, что они и женятся.

Лизета. Полно врать; видишь ли, кто идетъ?

Любимъ. Не замай меня. Я дѣломъ спроворю.

ЯВЛЕНІЕ III.

Маркиза, Гортензіусъ, Любимъ, Лизета.

Маркиза. Прикажи, чтобъ всѣмъ отказывали. Время чтенія нашего наступило. Надобно о томъ увѣдомить Д'Орвиля; да вотъ и Любимъ. Скажи своему барину, что я его жду.

Любимъ. Выслушайте отъ меня сударыя, о маленькомъ дѣльцѣ, о которомъ я побью челомъ вашей милости; я осмѣливаюсь...

Маркиза. Чего ты хочешь?

Любимъ. Нѣтъ разуму теперь сказать того, а приказъ вашъ исправя, думаю быть поумнѣе.

Маркиза. Я тебѣ помогать обѣщаюсь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гортензіусъ, Маркиза.

Маркиза. Итакъ книги Д'Орвилевы тебѣ не кажутся?

Гортензіусъ. Нѣтъ, сударыня. Выборъ его не служитъ поборникомъ по его разумѣ. Въ цѣлыхъ десяти томахъ ни въ одной строчкѣ, ни однимъ словомъ не сослатися ни на одного изъ нашихъ греческихъ и латинскихъ авторовъ, которые всякому сочиненію должны подавать силу и разумъ. Всѣ его книги новыя, наполненныя замысловатымъ слогомъ, во которомъ кромѣ остроты ничего нѣтъ.

Маркиза. Да развѣ древніе писцы остроты не имѣли?

Гортензіусъ. Э, сударыня! отличити рѣченіе простое отъ рѣченія логическаго. Они имѣли остроту, но такимъ образомъ... О! такимъ образомъ, который я нахожу удивительнымъ.

Маркиза. Изъяснись-же.

Гортензіусъ. Я не знаю, какое выраженіе или предметъ на то избрати, ибо древніе всякую вещь предметомъ изображали. Вотъ како говоритъ одинъ писатель, коего слова я наизусть помню. Представь себѣ, глаголетъ онъ, женщину вертопрашную; во-первыхъ, одежда ея вся распещрена; во-вторыхъ, вмѣсто важнозрачныхъ чертъ, она мастію улѣпленна; во-третьихъ, вмѣсто пріятныхъ взоровъ, притворныя она токмо мечетъ взгляды; во-четвертыхъ, она не дѣйствуетъ, но дѣлаетъ тѣлодвиженіи; во-пятыхъ, она не смотритъ, но глаза устремляетъ; во-шестыхъ...

Маркиза. Полно и пяти дурачествъ, далѣе я слушать не хочу.

Гортензіусъ. Онъ продолжаетъ, сударыня, что напротивъ того, разумъ древнихъ, толико красенъ, толико си-

ленъ, что тому, кто прелести онаго познати захощетъ, надлежитъ сумнѣватися, что онъ прелестенъ и...

Маркиза. Довольно, довольно! я изъ того уже поняла, что мы стали притворны, а древніе были грубы.

Гортензіусъ. Избави меня Боже отъ таковыхъ заключеній, не на то я стократно слушалъ логику.

Маркиза. Оставимъ и логику. Что ты сегодня прочтешь намъ?

Гортензіусъ. Я было предпріялъ читать вамъ разсужденіе о терпѣніи. Глава первая, о житьѣ вдовьемъ.

Маркиза. Это отмѣнимъ.

Гортензіусъ. Буди по повелѣнію вашему.

Маркиза. Мнѣ нравится хвала дружбѣ. Почитаемъ нѣсколько...

Гортензіусъ. Но не лучше ли меня съ этого часа совсѣмъ отъ сея должности уволити, ибо и труда не стоитъ держати меня то малое время, которое мнѣ при васъ жити осталось. Вы выходите за графа.

Маркиза. Я?

Гортензіусъ. Вы, сударыня; а я послѣ свадьбы учинюсь для васъ слугою излишнимъ и подобенъ буду тѣмъ войскамъ, которыхъ во время войны содержатъ, а по сдѣланіи мира распускаютъ. Я ополчался противу вашихъ страстей, вы съ ними примиряетесь, и я удалюсь прежде, нежели мнѣ дверь указати повелѣніе дадите.

Маркиза. Ты не очень забавно о страстяхъ шутить изволилъ, да отъ кого же ты свѣдалъ о этой свадьбѣ?

Гортензіусъ. Отъ Лизеты. Она сказала Любиму, а онъ объявилъ мнѣ съ прибавленіемъ, что эта свадьба меня отсюда выжити довлѣетъ.

Маркиза *(удивленно)*. Что этотъ вздоръ значитъ? Д'Орвиль почтетъ меня вертопрашной и я хочу знать, что онъ помыслилъ, о томъ услышавъ. Говори все, ничего отъ меня не скрывая.

Гортензіусъ. Я, сударыня, только и слышалъ.

Маркиза. Такъ лучше бы тебѣ совсѣмъ молчать.

Гортензіусъ. Я думаю, что Лизета о этой свадьбѣ и вышерѣченному Д'Орвилю объявила.

Маркиза. Д'Орвилю! А къ чему бы?

Гортензіусъ. Дабы узнати, не пожелаетъ ли сей часто-

реченный господинъ самъ на васъ посвататися и заступити мѣсто графа.

Маркиза. Слыхалъ ли кто такую досаду! Это значитъ, взявши женщину, водить ее за руку и всѣхъ людей спрашивать, не хочетъ ли кто на ней жениться. Я воображаю, что Д'Орвиль на это предложеніе отъ удивленія не зналъ, что и отвѣтствовать. Не такъ ли?

Гортензіусъ. Это всеконечно вамъ досадно быти довлѣетъ.

Маркиза. Но не знаешь ли ты, что онъ сказалъ Лизетѣ?

Гортензіусъ. Повѣсть глаголетъ, яко-бы онъ мгновенно и съ восторгомъ отъ того отрещися почелъ за аксіомъ непреложный.

Маркиза. Могъ бы онъ это и оставить; его восторгъ очень неучтивъ и безразсуденъ. Какъ! раскричаться *при* служителяхъ и выдать меня имъ на шутки, этого уже много!

Гортензіусъ. Примѣчаніе ваше самое логическое.

Маркиза. Я все прекращу; это почти до презрѣнія клонится. Господинъ Д'Орвиль, люби свою Ангелику, сколько тебѣ угодно, но не обижай меня пожалуй! Я не хочу замужъ выдти, но не хочу и того, чтобы мнѣ отказывали.

Гортензіусъ *(про себя)*. Изрядно для меня начинается. *(Маркизѣ)*. Но что-жъ, сударыня, со мною будетъ? Могу ли я здѣсь остаться и не долженъ ли я опасенія имѣти?

Маркиза. Нѣтъ, сударь, нѣтъ; я тебя по смерть мою удерживаю, и ты ни графа, ни Д'Орвиля страшиться не долженъ. Они еще здѣсь не хозяева и никогда ими не будутъ. Я тебя въ томъ увѣряю. Станемъ читать. Я думаю, что никто ко мнѣ не будетъ, да я никого и ждать не намѣрена.

(Гортензіусъ *беретъ книгу*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Маркиза, Гортензіусъ и Любимъ.

Любимъ. Баринъ мой тотчасъ будетъ.

Маркиза. Онъ можетъ придти, если ему угодно; а и не придетъ, право жалѣть не буду.

Любимъ. Коли теперь дозволите промолвить мнѣ о моей просьбѣ...

Маркиза. Говори.

Любимъ. Я боюся. Вы мнѣ сердиты кажетесь.

Маркиза. Я сердита? *(Гортензіусу)*. Неужли я такой видъ имѣю?

Гортензіусъ. Тишина владычествуетъ на ланитахъ вашихъ.

Маркиза. Говори же.

Любимъ. Лизета меня довольно пригожимъ находитъ, да и она мнѣ недурна кажется; итакъ, между нами торгъ бы сошелся, ежелибъ вы такою милостію, которой намъ хочется отъ вашей милости, соизволили вы полюбить немножко моего барина. Онъ молодецъ пречестный и авось-либо на волю божію пустится.

Маркиза. *(Гортензіусу)*. Это сходно съ тѣмъ, что я отъ тебя слышала.

Любимъ. Говорятъ также и о графѣ, что и его сіятельство дѣтина не промахъ. Но коли-бъ я былъ женщина, то бы ни за кого кромѣ моего барина не вышла; онъ такъ тихъ, что и водой не замутитъ.

Маркиза. Но мнѣ сказывали, будто-бы твой господинъ обо мнѣ вовсе не думаетъ.

Любимъ. Правда, онъ васъ столько не любитъ, какъ я Лизету, и мы съ нею за то хорошохонько его пожурили; да коли вы начнете, такъ дѣло можетъ быть и сладится.

Маркиза *(Гортензіусу)*. Я все вижу! Вотъ какъ меня рабы мои прославляютъ! Д'Орвиль очень хорошія можетъ потому обо мнѣ имѣть мысли.

Гортензіусъ. Сіе вы весьма умоначертательно предвидѣти соизволили.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Маркиза, Лизета, Гортензіусъ, Любимъ.

Лизета. Я велѣла, чтобы всѣмъ отказывали.

Маркиза. Хорошо. Теперь есть другое дѣло. Подойди немножко поближе. *(Любиму)*. И ты, Любимъ, на часъ здѣсь останься. Когда ты, предорогая сваха, кончишь мою съ графомъ свадьбу?

Любимъ. Слушай, слушай. Дѣло наладъ идетъ.

Маркиза. Отвѣтствуй-же, когда ты ее сыграешь?

Гортензіусъ *(смѣется)*.

Лизета *(передразниваетъ его)*. Съ чего вы о томъ меня спрашиваете, сударыня?

Маркиза. Съ того, что ты выдаешь меня за графа, въ досаду господину Д'Орвилю, за котораго ты меня сватала и который въ томъ мнѣ отказъ благоволилъ сдѣлать, не принявъ въ уваженіе всего того, что ты съ его слугою, ходатайствуя за меня, ему ни говорила.

Лизета. Я дивлюсь тому, какъ самыя похвальныя дѣла могутъ портиться, если они эдакимъ дуракомъ пересказаны бываютъ.

Любимъ. До вѣнца изволь эдакъ потчивать.

Маркиза. Ты молчишь?

Лизета. Не начинайте, сударыня, гнѣваться за то, въ чемъ я не виновата.

Маркиза. Какъ? ты еще и столь безстыдна, что и выправляешься! Упрашивать Д'Орвиля, чтобы онъ изъ милости полюбилъ меня; а для чего-же? Для того, чтобы за этого шалуна выдти.

Любимъ. Благодарствую, милостивая государыня!

Маркиза. И что это за любовь, которую графъ ко мнѣ имѣетъ? Конечно, ты повѣренная и въ томъ, о чемъ мнѣ и на мысли не приходило. Я утопаю въ слезахъ, а служанка моя выставливаетъ на торгъ мое сердце, да и такимъ же еще людямъ, которые объ немъ не хотятъ и слышать! Я получаю отказы, терплю безчестіе, имѣю любовниковъ, и обо всемъ томъ ничего не знаю! Не досадно-ль для меня это?

Любимъ. Не на нашу сторону вѣтеръ повѣялъ.

Маркиза *(Лизетѣ)*. Поди съ глазъ моихъ. Я отъ тебя уповала болѣе къ себѣ усердія.

Лизета. Я вижу, что за него я дурное получаю награжденіе.

Гортензіусъ *(Лизетѣ)*. Лучше бы было, еслибы ты къ госпожѣ своей такого усердія не показывала.

Маркиза. Оставьте ее. Я вѣчно буду вдовою и нѣтъ на свѣтѣ ни одной женщины, которая бы подобно мнѣ отъ замужства была удаленна. Но при всемъ томъ непріятно себя презрѣнною видѣть. Д'Орвиль отказалъ мнѣ по милости этой госпожи свахи, и хотя тѣмъ самолюбіе мое не страждетъ, но мнѣ скороватый его отвѣтъ обидѣнъ. Онъ имъ тщеславиться можетъ; станется, что онъ это уже и дѣластъ, а изъ того вотъ что произойдетъ для женщины: она бу-

детъ отъ всѣхъ оставляема, умалится къ ней почтеніе, прохладятся къ ней мысли всѣхъ людей. Мысли, сударь! я не говорю о сердцахъ: въ ихъ жару я нужды не имѣю. Но живучи въ свѣтѣ, надлежитъ стараться о пріобрѣтеніи отъ людей уваженія, которое снискивается по тому мнѣнію, какое объ нихъ дѣлаютъ.

Лизета. А я утверждаю, сударыня, что Д'Орвиль притворщикъ. Ежели-бы онъ въ истину объ васъ не думалъ, къ чему-жъ бы ему отрицаться помогать графу, когда мы его о томъ просили? Къ чему бы ему отказать въ томъ съ досаднымъ и огорченнымъ видомъ?

Маркиза. Съ огорченнымъ видомъ? Что же ты изъ того разумѣешь? Неужли онъ ко мнѣ ревнуетъ? Это бы еще былъ вздоръ новаго роду.

Лизета. Конечно ревнуетъ; лице его то доказывало. Онъ съ нетерпѣливостію выспрашивалъ у меня, какъ вы съ графомъ обходитесь, и услыша, что вы графа не дурно принимаете: «не дурно принимаетъ», прервалъ онъ съ досадою, «итакъ не стоитъ труда, чтобы мнѣ въ это дѣло мѣшаться». Кто-же бы по этимъ словамъ не заключилъ, что онъ васъ себѣ прочитъ? И вотъ съ чего и я предприняла объ васъ ему слово промолвить. Вѣдь я въ сердцѣ его не вижу, а по словамъ и поступку заключаю, что онъ васъ любитъ.

Любимъ *(про себя)*. Это отъ него сбыться можетъ.

Маркиза. Я теперь совсѣмъ разстроена и не знаю, что дѣлать.

Гортензіусъ. Если вы мнѣ позволите, то скажу я вамъ легонькій аксіомецъ, который въ этомъ дѣлѣ преудивительное подастъ вамъ наставленіе, сирѣчь: ревнивый желаетъ получить то, что онъ любитъ; но понеже то явно открылось, что Д'Орвиль вамъ отказалъ...

Маркиза. Мнѣ отказалъ! Ты очень грубъ, это еще не очень вѣрно.

Лизета. Отнюдь не отказалъ... Спросите графа...

Маркиза. Развѣ это при графѣ было?

Лизета. Нѣтъ, сударыня, но онъ Д'Орвиля соперникомъ почитаетъ.

Маркиза. Не довольно, что онъ его почитаетъ, не довольно, а надлежитъ, чтобы это въ самомъ дѣлѣ было, и это только можетъ отмстить мою обиду. Честь моя требуетъ, чтобы всѣ его слова почтены были любовнымъ огорченіемъ.

Я того желаю не изъ обыкновеннаго нашихъ сестеръ самолюбія, чтобы славиться тѣмъ, что многіе въ нихъ влюбляются; такая слава глупа, смѣшна, но при всемъ томъ, когда уже она общественно принята, то и ее удержать довлѣетъ. И если эта обычаемъ введенная слава отъ него обижена, такъ и не можно ее безъ мщенія оставить. Скажи, г. Гортензіусъ, не надлежитъ-ли мнѣ о этомъ дѣлѣ обстоятельно свѣдать?

Гортензіусъ. Лучше всего совсѣмъ презрить.

Маркиза. Совѣтъ твой не изъ лучшихъ.

Лизета. Вы, сударыня, напрасно столько безпокоитесь. Никто къ госпожѣ своей не бываетъ меня усерднѣе. Я обо всемъ стараюсь, а вы все то противнымъ находите. Лучше меня отпустите. Когда я грусти вашей видѣть не *буду*, тогда и освобождать васъ отъ нея не получу желанія.

Маркиза. Теперь не до твоихъ слезъ. Я уже введена въ исторію, и ты не знаешь, какъ эдакія дѣла колки. Вотъ и онъ жаловать изволитъ. Останься; мнѣ свидѣтели потребны.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-жъ и Д'Орвиль.

Д'Орвиль. Извините меня, сударыня, что я задержалъ васъ.

Маркиза. Бѣда, сударь, не велика.

Д'Орвиль. Я думалъ, что графъ здѣсь и что вамъ не скучно.

Маркиза *(смотря прилежно)*. Я слышала, что вы съ нимъ довольно знакомы и здѣсь видѣлись.

Д'Орвиль. Такъ, сударыня.

Маркиза. Онъ нерѣдко ко мнѣ жалуетъ и онъ почти одинъ изъ друзей моего мужа, съ кѣмъ я видаюсь. Мнѣ онъ весьма достойнымъ показался человѣкомъ.

Д'Орвиль. Вы правильно объ немъ заключаете.

Маркиза *(Лизетѣ тихо)*. Еще-ли ты его ревнивымъ почитаешь?

Д'Орвиль *(въ сторону)*. Эти похвалы мнѣ скучны. *(Маркизѣ)*. Если я, сударыня, вашему чтенію мѣшаю, такъ я васъ оставлю.

Маркиза. Когда вамъ скучно разговаривать, станемъ читать.

Д'Орвиль. Вы мнѣ странный отвѣтъ сдѣлали.

Маркиза. Я въ ваше удовольствіе такъ сказала. *(Лизетѣ)*. Поди отсюда. *(Гортензіусу)*. А вы не уходите, я васъ скоро кликну. *(Д'Орвилю)*. Съ вами же, сударь, имѣю я нѣсколько словъ до читанія промолвить. Намъ потребно изъясниться о такомъ дѣлѣ, которое единственно до меня принадлежитъ, и я васъ прошу чистосердечно отвѣтствовать.

Д'Орвиль. Извольте.

Маркиза. Дошло до моего слуха, будто графъ въ меня влюбленъ, но я о томъ по сей часъ не вѣдала.

Д'Орвиль *(холодно)*. Вы не вѣдали?

Маркиза. Нѣтъ.

Д'Орвиль. Это для меня очень странно.

Маркиза. Что-жъ мнѣ дѣлать, когда то страннымъ людямъ такъ кажется!

Д'Орвиль. Извините меня за то, что я отвѣчалъ искренно.

Маркиза. Не такъ-ли вы и съ Ангеликою обходились?

Д'Орвиль. Точно такъ, и она меня за то отнюдь страннымъ не называла.

Маркиза. По крайней мѣрѣ, думаю я, что вы ея слова выслушивали, выслушайте-жъ и мои. Лизета просила васъ стараться за графа, а вы отъ того отказались.

Д'Орвиль. Графъ просилъ моей помощи, какъ любовникъ, а вы мнѣ сказали, что объ нихъ и слышать не хотите; но я вижу, что вы его любите.

Маркиза. Вы ничего не видите. Развѣ по вашему правилу можно любить такого человѣка, который не нравится?

Д'Орвиль *(смѣючись)*. Я удивляюсь тому, сколь искусно вы чувствованіи ваши отъ меня скрываете. Пожалуйте столько себя не принуждайте.

Маркиза *(съ досадою)*. Въ жизнь мою не видала я такого охотника къ спору. Прости!

Д'Орвиль *(удерживая ее)*. Все мною сказанное отнюдь не къ досадѣ вамъ клонилось, и если я васъ огорчилъ, мнѣ это весьма прискорбно. Окончите ваше объясненіе.

Маркиза. Изрядно! Вы когда захотите, тогда вы бываете самымъ пріятнымъ человѣкомъ, и я не знаю, съ чего вы сегодня отъ своего похвальнаго нрава отступаете... А о чемъ-же мы говорили?

Д'Орвиль. О графѣ, который вамъ ненравится.

Маркиза Да! да! Вы за него говорить со мною не со-

гласились. А Лизетѣ возмечталось, будто-бы вы притомъ и огорченный видъ имѣли.

Д'Орвиль. Станется.

Маркиза. По этому огорченному виду дѣвка моя заключила, будто-бы я имѣю счастіе вамъ нравиться.

Д'Орвиль *(кланяется улыбаясь)*. Эдакое заключеніе сдѣлать не трудно.

Маркиза. Почему? Я цѣлому свѣту нравиться не стараюсь, но Лизета, подумавъ, что я вамъ сходная невѣста, стала меня сватать, какъ будто-бы я отъ нея завишу, а вы пренебрегли ея предложеніе.

Д'Орвиль. Я пренебрегъ? это уже самая ложь и ложь непростительная.

Маркиза. Но предложенія Лизетина вы не приняли, оттого ли, что любовь графова васъ огорчила, или оттого, что я вамъ недостойною показалась; дѣйствіе ли то ревности, или подлинное презрѣніе было? Отвѣтствуйте.

Д'Орвиль. Исключимъ послѣднее совсѣмъ изъ нашего разговора. Что-же до ревности...

Маркиза. Ну!

Д'Орвиль *(смущеннымъ видомъ)*. Что-бы вы сказали, еслибы я въ самомъ дѣлѣ ревновать вздумалъ?

Маркиза. Я? Я бы не знала, что сказать на то.

Д'Орвиль. Но былъ-ли бы я хотя прощенъ въ томъ, за что вы гнѣваетесь?

Маркиза. А! такъ вы не ревнуете? *(Смотритъ на него)*. Я васъ понимаю. Теперь обида, мнѣ сдѣланная, совсѣмъ открылась.

Д'Орвиль. Но за что вы на меня сердитесь?

Маркиза. На васъ? Отнюдь нѣтъ; да и не за что; я досадую на дерзновенную Лизету. Я въ глупомъ ея поступкѣ участія не имѣла и мнѣ хотѣлось о томъ васъ увѣдомить. Итакъ, хотя любите меня, хотя ненавидьте, мнѣ все-равно или лучше сказать, мнѣ нечувствительность ваша еще пріятнѣе любви. Но вы не обманываетесь-ли въ чувствованіи вашего сердца?

Д'Орвиль. Я, сударыня! чтобъ я обманулся? Я только по вашему къ любви отвращенію и дружбу къ вамъ имѣть намѣрился. Лишась Ангелики, я почти-было и о томъ забылъ, что любятъ на свѣтѣ, но вы мнѣ теперь напомянули.

Маркиза. И я теперь говорила о любви, о ней не помышляя. *(Гортензіусу)*. Э! изволь сѣсть и прочти намъ что-нибудь повеселѣе.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Маркиза, Д'Орвиль, Гортензіусъ.

Маркиза. Если вамъ слушать не противно, такъ вы остаться можете. Но вы очень печальны и я думаю, что не понравится вамъ забава наша.

Д'Орвиль *(важно)*. Я еще не привыкъ къ нимъ, сударыня. *(Уходитъ)*.

Маркиза *(Гортензіусу)*. Какая это книга?

Гортензіусъ. Наполненная важныхъ разсужденій.

Маркиза. Для чего-жъ ты прежде не сказалъ? Ты очень досаденъ. Для чего далъ ты уйти Д'Орвилю, когда ты намѣрился читать согласное съ его состояніемъ?

Гортензіусъ *(кличетъ Д'Орвиля)*. Постойте, сударь. Воротитесь.

Д'Орвиль *(выходитъ)*. Зачѣмъ?

Гортензіусъ. Маркиза проситъ васъ, чтобы вы воротились; мы веселаго читать не будемъ.

Маркиза. Какъ? я его прошу! Отнюдь нѣтъ. Ты самъ вздумалъ...

Д'Орвиль. Я вижу, сударыня, что оставляя васъ, дѣлалъ я неучтивость, и если вамъ не противно, я ее исправлю.

Маркиза. Какъ изволите. *(Садятся)*.

Гортензіусъ *(покашлявъ читаетъ)*. «Ученіе древнихъ философовъ есть такая драгоцѣнность, которому все уступаетъ; оно составляетъ наше величество; имъ всѣ добродѣтели пріобрѣтаются. И тако самопочтенный въ свѣтѣ человѣкъ есть не тотъ, кто всѣхъ сильнѣе, но тотъ, кто всѣхъ болѣе во академіяхъ проводилъ время.»

Д'Орвиль *(повернувшись въ креслахъ)*. Поэтому почтеннѣйшій изъ всѣхъ людей не что иное, какъ педантъ.

Маркиза. Къ чему столь сурово человѣку отвѣтствовать?

Д'Орвиль. Я отвѣтствую, какъ ему отвѣтствовать надлежитъ.

Маркиза. Пожалуйте, сударь, хотя на меня не гнѣвайтесь...

Д'Орвиль. На васъ, сударыня? Я причины не имѣю.

Маркиза. И я такъ думаю. Читай, г. Гортензіусъ.

Гортензіусъ *(читаетъ)*. «Понеже ученіе есть толь знаменитое благо, такъ не упустимъ ничего къ сохраненію онаго; будемъ удаляться страстей, кои насъ отъ него отвлекаютъ. Любовь изъ всѣхъ сѣтей опаснѣе прочихъ и она разсудка лишаетъ...»

Д'Орвиль. Любовь! любовь разсудка лишаетъ? Это не правда. Я никогда разсудительнѣе не бывалъ, какъ въ то время, когда любилъ Ангелику, а я любилъ ее чрезмѣрно.

Маркиза. Любите ее сколько вамъ угодно, въ этомъ отчету никто у васъ не спрашиваетъ. Но и сочинитель не столько-же виноватъ. Я знаю и такихъ людей, которыхъ любовь угрюмыми и сварливыми дѣлаетъ, а *таковые пороки*, по моему мнѣнію, никого не украшаютъ.

Гортензіусъ. Еслибъ онъ благоволилъ мнѣ позволити окончить главу сію, такъ можетъ быть...

Д'Орвиль. Этотъ писатель самый бѣдный! Самый школьный и сухой человѣкъ!

Гортензіусъ *(вставши)*. Бѣдный писатель! писатель школьный! Онъ такой человѣкъ, который въ истинѣ сочиненія на Сенеку ссылается, какъ то я вамъ сего-же часа показать могу. Сенека, изданіе въ цѣлый листъ, страница 246, глава V.

Д'Орвиль. Еслибъ и на тысячномъ листу и въ двусотой главѣ было, и тогда бы твой писатель, упоминая Сенеку, вздоръ бредилъ.

Гортензіусъ. Онъ бы бредилъ? Сей безсмертной славы достойный мужъ!

Маркиза *(смѣючись)*. Это меня въ истину веселитъ больше чтенія. Но когда эта книга тебѣ не нравится, такъ ее оставимъ.

Д'Орвиль. Я, сударыня, вашъ вкусъ избираю судіею.

Маркиза. А мой вкусъ изъ учтивости вашему уступаетъ.

Гортензіусъ *(идучи вонъ)*. Бѣдный сочинитель! Клянусь моимъ ученіемъ, что еслибы я сіе выговорилъ, то почелъ бы себя достойнымъ громоваго удара. Простите, сударь!

Д'Орвиль. Прости!

ЯВЛЕНІЕ IX.

Маркиза, Д'Орвиль.

Маркиза. Вы и съ Гортензіусомъ поссорились. Какая вамъ нужда была хулить его автора, который на Сенеку ссылается?

Д'Орвиль. Чтецъ и его авторъ для меня не важны, если только вы ихъ сторону не примете.

Маркиза. Я останусь посредницею, когда ссора продолжится; но я думаю, что вы ее не возобновите. Нашн упражненіи вамъ неравны, какъ мнѣ кажется?

Д'Орвиль. Надлежитъ быть гораздо спокойнѣе, чтобы ихъ чувствовать.

Маркиза. Начнемъ жить по дружески, не дѣлая себѣ принужденія; станется, что вы одни быть желаете. Итакъ я васъ оставлю.

Д'Орвиль. Пѣтъ ничего на свѣтѣ, чѣмъ бы грусть моя умалилась.

Маркиза. Я бы сердечно желала васъ отъ нея избавить. *(Идетъ потихоньку).*

Д'Орвиль *(между тѣмъ какъ она идетъ).* Отложивши мой отъѣздъ, больше спокойствія я найти чаялъ, но теперь вижу, что всѣмъ людямъ я тягость дѣлаю.

Маркиза *(остановясь посреди театра).* Его слова въ жалость меня приводятъ и безчеловѣчно покинуть его въ такомъ состояніи. *(Возвращается).* Нѣтъ, сударь, вы мнѣ отнюдь не въ тягость. Не давайте печали своей власти надъ собою. Давно-ли вы въ моей меня утѣшали, и отчего-жъ бы такъ скоро вы перемѣнились? Истинная дружба требуетъ, чтобы для нея нѣчто дѣлали; она услаждать долженствуетъ.

Д'Орвиль. Еслибы я такую дружбу обрѣсти могъ, то бы всякаго человѣка былъ къ ней благодарнѣе и мое сердце для нея создано. Но гдѣ искать ея? Я мнилъ, что уже ее и нашелъ, но въ томъ обманулся.

Маркиза. Могутъ-ли быть выговоры неправильнѣе вашихъ! За что-жъ вы ропщете? не за такое ли дѣло, къ которому вы сами меня принудили. Вѣтренная дѣвка, прибѣжавши, за васъ меня сватала; вы отъ того отреклися, за что

я нимало не досадую. Человѣкъ, любившій Ангелику, можетъ другихъ женщинъ почитать не столь достойными.

Д'Орвиль. Правда, сударыня, что я о Ангеликѣ сожалѣю, но вы бы могли уменьшить мою печаль, еслибъ желали.

Маркиза. Къ чему же вы столь явно показали ко мнѣ отвращеніе. Представьте себѣ безпристрастно этотъ поступокъ и какъ честный человѣкъ скажите, видна-ли изъ него та дружба, о которой вы твердите? Еще я повторяю, что я любви не ищу и что вы сами то знаете, но развѣ дружба вовсе нѣжности и снисхожденія не имѣетъ? Дружба, по моему мнѣнію, еще разборчивѣе любви должна помышлять о состояніи своего друга. Вотъ мое всегдашнее о ней мнѣніе, вотъ какъ я ее чувствую и какъ вамъ чувствовать надлежало. Пусть бы пришли отъ васъ съ такимъ ко мнѣ предложеніемъ, о чемъ я напримѣръ только говорю, я бы вамъ показала, какъ въ такомъ случаѣ отвѣчать надлежитъ.

Д'Орвиль. Я увѣренъ, что бы вы еще болѣе меня разстроились; словомъ, вы бы отъ такого предложенія конечно отказались.

Маркиза. Не такъ горячо, не такъ! Никто еще съ тѣмъ не приходилъ и я къ тому только говорю, чтобы показать, сколь много я къ вамъ уваженія имѣю; но вы при всемъ томъ еще жалуетесь.

Д'Орвиль. Э, сударыня! вы неумолкно твердите о пренебреженіи и я наконецъ не могу болѣе слушать отъ васъ такое о себѣ мнѣніе. Я все однимъ словомъ кончу. Еслибы я не любилъ Ангелики, которую однакожъ мнѣ забыть надлежитъ, то бы вы ничего отъ меня страшиться не долженствовали, кромѣ того, что бы дружба моя въ любовь не превратилась.

Маркиза. О! этого бы много было, и этого-то, сударь, не надобно.

Д'Орвиль. Тѣмъ бы я отдалъ вамъ справедливость. И притомъ съ чего-бы произойти этому отказу, за который вы на меня негодуете? Есть-ли къ тому иная причина, кромѣ той, которую я вамъ скажу? Я слышалъ, что графъ васъ любитъ, что вы его ласково принимаете; этимъ былъ я огорченъ, видя, что его любовію рушится такое знакомство, въ которомъ я уповалъ найти утѣшеніе. Моя дружба не можетъ терпѣть раздѣлу.

Маркиза. Ну! теперь я все узнала и болѣе на васъ не

жалуюсь! и моя дружба столь-же ревнива. Для чего-же вы мнѣ о томъ прежде не сказали? Для чего не спросили меня, какъ я съ графомъ знакома? Я бы васъ избавила отъ безпокойства и этого бы вздору не случилось.

Д'Орвиль. Вы не увидите, чтобы я вздумалъ влюбиться; видаясь съ вами, мнѣ о томъ и на мысль приходить не будетъ.

Маркиза. И я вамъ это запрещаю; я бы также ревновать стала и такимъ-же образомъ, какъ вы теперь объ себѣ сказывали.

Д'Орвиль. Въ истину?

Маркиза. Развѣ я сейчасъ не была таковою? и вашъ служанкѣ тоей отвѣтъ не имѣлъ-ли случая меня тронуть?

Д'Орвиль. Вы мнѣ очень много суровостей насказали.

Маркиза. Кому-же ихъ и говорить, ежели не тѣмъ людямъ, кого любимъ.

Д'Орвиль. Вы мнѣ спокойствіе возвращаете.

Маркиза. Мнѣ не меньше вашего это изъясненіе было нужно.

Д'Орвиль. Вы меня прельщаете, и какую я чувствую радость! *(цѣлуетъ ея руку).*

Маркиза *(смѣючись).* По такой жаркой благодарности могутъ васъ почесть моимъ любовникомъ.

Д'Орвиль. Божусь вамъ, что чуть-ли можете вы имѣть любовника, который бы подобно мнѣ любилъ васъ. Никогда я не думалъ, чтобы дружба столь нѣжна быть могла.

Маркиза. Но я лишняго ничего не вижу.

Д'Орвиль. Позвольте мнѣ попросить васъ объ одной милости. Намѣрены-ли вы держать Гортензіуса? Я примѣтилъ, что онъ съ досадою меня здѣсь видитъ, а я и самъ не хуже его читать умѣю.

Маркиза. Въ вашу угодность, я отпущу его сегодня же.

Д'Орвиль. А съ графомъ что намъ дѣлать? И онъ меня нѣсколько безпокоитъ.

Маркиза. И ему также дадимъ отпускную. Я во всемъ вамъ желаю угодить и вовсе васъ успокоить. Дайте мнѣ руку и пойдемъ въ садъ проходиться.

Д'Орвиль. Съ охотою, сударыня.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гортензіусъ *(одинъ)*. Не дивно-ли, что таковый человѣкъ, каковъ я, несчастливъ? Знати ученые языки, по-гречески и по-латински, а не имѣти десяти рублевъ въ карманѣ! О божественный Омиръ, Маронъ и прочіе веліе мужи! проповѣдователи вашего ума съ нуждою кормитися могутъ. Скоро не буду я имѣти пристанища. Недавно маркиза сердилась на Д'Орвиля, а теперь ходитъ съ нимъ въ саду своемъ и ласково говорить старается. Какой силлогизмъ во поступкѣ! не любовь-ли убо меня выгоняти отсюда начинаетъ? О фортуна! О, во обычаяхъ превратность!

ЯВЛЕНІЕ II.

Гортензіусъ, Лизета, Любимъ.

Любимъ *(смѣючись)*. Вотъ онъ, Лизета, и очень кстати, чтобы съ нами проститься.

Гортензіусъ. Что изъ этого смѣха заключити?

Лизета. Ну, повеселимся, господинъ ученый! каково твои слова да науки поживаютъ?

Гортензіусъ. Къ чему ты о томъ меня вопрошаешь, друже?

Любимъ. Самъ не знаю.

Лизета. Приступимъ къ дѣлу.

Любимъ. Еще одно словцо, господинъ учитель. Не случалось-ли тебѣ живать на улицѣ?

Гортензіусъ. Что глаголеши?

Любимъ. То, что эту ночь будешь ты за свою любую мудрость на улицѣ опочивати.

Лизета. Возьми, господинъ книгочей, эти деньги, которыя маркиза тебѣ отдать приказала. Она ими съ тобою прощается и хочетъ, чтобъ ты отъ своихъ ученыхъ привѣтствій ее избавилъ, при чемъ и я кланяюсь униженно вашему остроумію и остаюсь навсегда покорною услужницею.

Любимъ. И я, братъ, также.

Гортензіусъ. Какъ! она меня ссылаетъ?

Лизета. Она проситъ, чтобъ ты сошелъ отсюда.

Гортензіусъ. Знаетели вы, сударыня, тому причину?

Лизета. Нѣтъ, а думаю по моей простотѣ, что ты ей наскучилъ.

Любимъ. Короче сказать, она любитъ безъ помѣхи любиться, не смотря на твое нравное ученіе, которымъ у тебя голова вмѣсто мозгу набита.

Гортензіусъ. Разумѣю. Госпожа маркиза хочетъ во бракъ вступити съ его господиномъ.

Лизета. Того я не знаю, а объявляю тебѣ, чтобы ты теперь-же отъ насъ перебирался.

Любимъ. Ступай въ дорогу, учитель Гортусъ! возьми посошокъ въ руки; да не хуже, ежели и шагу, со двора идучи, немножко прибавишь.

Гортензіусъ. Скажи госпожѣ своей, что я волѣ ея повиноватися имѣю. *(Отходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Любимъ, Лизета.

Лизета. Я и въ немъ любовника лишилась.

Любимъ. Что? этотъ старый враль тебя любилъ?

Лизета. Безъ сумнѣнія, онъ хотѣлъ меня чему-то выучить...

Любимъ. Съ эдакую науку и меня станетъ...

Лизета. Графъ идетъ. Барыня приказала и ему сказать не очень ласковое привѣтствіе.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Графъ, Лизета, Любимъ.

Графъ *(смущеннымъ видомъ)*. Здравствуй, Лизета. Я повстрѣчался съ Гортензіусомъ и онъ сказалъ мнѣ дѣла преудивительныя, будто-бы маркиза для того его сослала, что выходитъ за Д'Орвиля. Правда-ли это?

Лизета. Тому я быть не уповаю; Гортензіусъ ей досадилъ и она его за то сослала.

Графъ. *(Любиму).* И ты болѣе не знаешь?

Любимъ. Ничего кромѣ того, что я люблю Лизету; вотъ всѣ мои вѣсти.

Лизета. Маркиза столь мало къ замужству склонности имѣетъ, что и съ тѣми, кто ее любить вздумаетъ видѣться не желаетъ; она мнѣ приказала просить васъ, что-бы вы перестали любить ее.

Графъ. И ходить къ ней?

Лизета. Это уже разумѣется.

Графъ. О, какъ женщины странны! Конечно, Д'Орвиль здѣсь?

Лизета. Я думаю.

Любимъ. Они по дружбѣ ихъ ни на часъ другъ безъ друга быть не могутъ, какъ египетскіе голуби.

Графъ. Скажи пожалуй Д'Орвилю, что словъ съ десять хочу я съ нимъ промолвить.

Лизета. Тотчасъ, сударь. *(Любимъ выходитъ съ Лизетой, кланяясь графу).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Графъ *(одинъ)*. Что-бы это значило? Неужли они другъ друга любятъ? Д'Орвиль сюда будетъ и я, сердце его испытая, узнаю истину. Я употреблю къ тому такую хитрость, которая какъ ни проста, но нерѣдко въ такихъ случаяхъ помогаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Д'Орвиль, Графъ.

Д'Орвиль. Мнѣ сказали, что вы меня спрашиваете.

Графъ. Вы прямо дружески одолжить меня можете.

Д'Орвиль. Я все сдѣлаю, что сдѣлать въ силахъ.

Графъ. Вы мнѣ сказали, что не любите маркизу.

Д'Орвиль. Напротивъ, я ее очень люблю.

Графъ. Я разумѣю, что вы страсти къ ней не ощущаете.

Д'Орвиль. Это другое дѣло, и о томъ вы уже отъ меня слышали.

Графъ. Но въ тѣхъ же ли и теперь вы мысляхъ и не не настояща-ли любовь мѣсто дружбы заступила?

Д'Орвиль *(улыбаясь)*. Отчего такія странныя заключеніи?

Графъ. Я не заключаю, но спрашиваю.

Д'Орвиль. Съ такимъ однакоже видомъ, который показываетъ, будто-бъ вы въ подлинну такъ думаете.

Графъ. Выведите-жъ меня изъ сумнѣнія...

Д'Орвиль *(смѣючись)*. Послушай, графъ! человѣкъ съ такимъ разумомъ, какъ вы, не долженъ столь много тревожиться. Кажется, что я довольно сказалъ вамъ, и еще подтверждаю, что я истинную дружбу къ маркизѣ, а она ко мнѣ имѣетъ; ужели вы тѣмъ довольны?

Графъ *(притворно)*. Доволенъ и вижу, что я виноватъ, но любовникамъ прощать должно, они на всѣхъ имѣютъ подозрѣніи.

Д'Орвиль. Я во всемъ, что до васъ принадлежитъ, беру участіе; но не обратите опять въ худую сторону того, что отъ меня услышите. Неужли хотите вы продолжать любовь къ маркизѣ?

Графъ. По смерть мою.

Д'Орвиль. Я дивлюсь, какъ вы не скучите ея нечувствительностью. Мнѣ кажется, что надобно видѣть какія нибудь ласки отъ женщины, чтобы къ ней привязываться. Но съ такою, которая ничѣмъ не отвѣтствуетъ, какимъ поступать образомъ, съ которой стороны трогать ея сердце, и такое еще сердце, которое ни къ любви, ни къ презрѣнію подвинуто быть не можетъ. Тутъ упованіе истребляется; но вы еще упорствуете?

Графъ *(лукаво)*. За вашу искренность искренностію же я вамъ заплачу въ сію минуту. Мои исканіи не совсѣмъ тщетны и сердце маркизино не таково нечувствительно, какъ вы думаете. Разумѣете-ли вы меня?... Вы задумались.

Д'Орвиль. Я внятно слушаю.

Графъ. Она вѣдала о любви моей; я ей говорилъ о томъ и она меня выслушивала.

Д'Орвиль. Выслушивала?

Графъ. Да; я испрашивалъ у нея взаимности...

Д'Орвиль. А она?

Графъ. Она давала мнѣ знать, чтобъ я ожидалъ того...

Д'Орвиль. Изрядно!

Графъ *(въ сторону)*. Онъ ее любитъ. *(Д'Орвилю)*. Сегодня запретила она мнѣ видѣться съ собою, и я думаю, не за что болѣе, какъ за то, что я въ нѣсколько дней не часто бывалъ здѣсь. Маркиза въ такихъ случаяхъ самая гордая женщина.

Д'Орвиль. Я нахожу, что она за эту гордость довольно наказана.

Графъ. Я прошу тебя, чтобы ты помирилъ меня съ нею.

Д'Орвиль. Ты шутишь надо мною; она по твоимъ словамъ до безумія тебя любитъ.

Графъ. Того я не говорю.

Д'Орвиль. А я, который объ ней мало думаетъ, *это* за васъ сказываю.

Графъ. Всего пріятнѣе мнѣ то, что вы безъ ревности это говорите.

Д'Орвиль. Я васъ увѣряю, что я тому радъ и что въ знакъ того подружески васъ поздравляю.

Графъ. Обойми-жъ меня, любезный другъ.

Д'Орвиль. Съ охотою. Я сердечно тѣмъ восхищаюсь и покажу вамъ въ томъ несумнѣнныя доказательствы.

Графъ. Желалъ-бы и я вамъ доказать мою благодарность; еслибъ вы удобны были къ принятію того, что я для васъ промыслилъ, тогда-то бы я отъ васъ совершенно былъ безопасенъ. Что-жъ до маркизы...

Д'Орвиль. Оставимъ ее; вы любовники кромѣ своей любви ни о чемъ не мыслите, а это не всѣмъ людямъ утѣшно слушать. Что-жъ ты примыслилъ?

Графъ. Скажи мнѣ, на всегда-ли ты положилъ не жениться?

Д'Орвиль. Этого бы много было. Неужели мнѣ для твоего спокойствія вѣчно отъ человѣчества отречься? Нѣтъ, сударь, нѣтъ! я прошу снисхожденія къ моимъ потомкамъ. Я не пойду по вашимъ слѣдамъ; но если мнѣ сыщутъ пристойную невѣсту, такъ я завтра-же женюся, и будьте увѣрены, что и госпожу маркизу, которая у васъ изъ мыслей не выходитъ, позову на свадьбу.

Графъ. Ты меня восхищаешь и я вижу, что имѣю дѣло съ чистосердечнымъ человѣкомъ. Ты знаешь мою сестру; какова она тебѣ кажется?

Д'Орвиль. Вопросъ твой привелъ мнѣ ее на память и тебѣ должно меня свезти къ ней.

Графъ. Ты мнѣ часто говаривалъ, что она достойна любви честнаго человѣка. Многіе ее почитаютъ и стараются ей понравиться. Ты знаешь ея достатокъ и ты въ ней, какъ я увѣренъ, счастливѣе всѣхъ будешь.

Д'Орвиль. Ты говоришь дѣло... Она-же другъ твоей любовницы; не такъ-ли?

Графъ. Правда.

Д'Орвиль. И это очень хорошо. Я самъ скажу о томъ маркизѣ. Мнѣ кажется, что она сюда идетъ. Побудь нѣсколько минутъ въ этомъ кабинетцѣ. Ты узнаешь, сколько такой соперникъ, какъ я, въ состояніи сдѣлать, и ты выйдешь тогда, когда я тебя позову. Поди, не дѣлая благодареній; ревнивый человѣкъ ихъ не достоинъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Д'Орвиль *(одинъ)*. Итакъ я у тебя единственный другъ, который долженъ составлять все твое утѣшеніе! Ты меня обманула, женщина, лукавства наполненная! но ты увидишь, сколько это меня трогаетъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Маркиза, Д'Орвиль.

Маркиза. Мнѣ сказали, что вы съ графомъ очень долго здѣсь разговаривали; о чемъ бы это?

Д'Орвиль *(важнымъ видомъ)*. Съ его стороны, сударыня, было говорено о самыхъ мечтаніяхъ, но о такихъ однакожъ, которыя меня опечалили, потому что они до васъ принадлежатъ; а первое изъ нихъ въ этомъ вопросѣ состояло: люблю-ли я васъ?

Маркиза. Я думаю, что въ томъ и сумнѣнія нѣтъ.

Д'Орвиль. Всеконечно. Но остерегитесь; онъ говорилъ о любви, а не о дружбѣ.

Маркиза. А! графъ говорилъ о любви, а не о дружбѣ? Онъ очень любопытенъ. Коли-бы я была на вашемъ мѣстѣ,

то бы не захотѣла сама ихъ различить, пусть бы онъ угадывалъ.

Д'Орвиль. Нѣтъ, сударыня, тутъ шутить способу не было; онъ васъ подозрѣвалъ, почитая, будто вы меня столько любите, сколько я самъ и не примѣтилъ. А какъ рѣчь была важная, то и надлежало на то заключительно отвѣтствовать. Я не преминулъ его увѣрить, что онъ обманывается и что между нами отнюдь до любви не доходило.

Маркиза. Но такъ-ли вы его увѣрили и съ такимъ-ли убѣдительнымъ произношеніемъ, чтобы онъ вовсе сумнѣніе оставилъ?

Д'Орвиль. Не опасайтесь; я такъ говорилъ, какъ говорятъ истину; да иначе я и не могъ. Мнѣ бы чувствительно было, еслибы наше дружеское обхожденіе привело васъ у людей въ подозрѣніе. Мое къ вамъ усердіе столь нѣжно, что оно не похочетъ воспользоваться такою славою, какую отъ людскаго заключенія получить можно и какою бы многіе мужчины на моемъ мѣстѣ восхищалися. Но я всему конецъ сдѣлалъ. Знаете-ли вы сестру графову? Она богата, любви достойна и притомъ другъ вамъ.

Маркиза. Да; она мнѣ изрядно знакома.

Д'Орвиль. Графъ, обрадовавшись, что подозрѣніи его были ложны, предложилъ мнѣ, не хочу-ли я на ней жениться; а какъ иногда бываемъ мы въ такомъ положеніи, въ которомъ на все соглашаемся, то я и далъ ему слово. Но это еще не все. Я обѣщался графу поговорить съ вами въ его пользу и теперь за него ходатайствую. Вы не совсѣмъ безжалостное имѣете сердце и я не думаю, чтобы исканіе его было вамъ противно.

Маркиза *(со холодностію)*. Нѣтъ, сударь; я вамъ признаюся, что графъ никогда мнѣ противенъ не былъ.

Д'Орвиль. Никогда не былъ вамъ противенъ? Для чего же вы мнѣ противное тому говорили?

Маркиза. Для того, что я отъ самой себя таиться хотѣла и онъ о томъ до сей поры не вѣдаетъ.

Д'Орвиль. Не правда, сударыня, онъ и эти ваши слова слышитъ.

Маркиза. Онъ?..

ЯВЛЕНІЕ IX.

Маркиза, Д'Орвиль, Графъ.

Графъ. Я слѣдовалъ совѣту моего друга, сударыня. Позвольте, чтобы мое восхищеніе доказало вамъ состояніе моего сердца. *(Падаетъ къ ногамъ маркизы).*

Маркиза. Встань, графъ, и не отчаявайся.

Графъ. Сколько я счастливъ, и сколько тебѣ, любезный другъ, обязанъ! Поспѣшите, сударыня, сдѣлать меня благополучнѣйшимъ изъ всѣхъ людей. Присовокупите и вы свою просьбу.

Д'Орвиль *(смущеннымъ видомъ)*. Въ ней нужды нѣтъ. Я сдержалъ мое слово и теперь оставляю васъ однихъ. *(Въ сторону)*. Мнѣ умереть должно.

Графъ. Я тотчасъ къ тебѣ буду.

ЯВЛЕНІЕ X.

Маркиза, Графъ.

Графъ. Уже давно, сударыня, сердце мое вамъ подвластно; учините его спокойнымъ, къ чему и теперешнее приключеніе васъ убѣждаетъ. Сегодня-же все свершиться можетъ и мы отужинаемъ здѣсь вмѣстѣ съ моею сестрою и съ Д'Орвилемъ. Я васъ прошу о томъ...

Маркиза. Я не въ силахъ теперь на это отвѣтствовать; я вдругъ ослабѣла. Оставь меня на нѣсколько минутъ въ покоѣ.

Графъ. Я всегда по волѣ вашей поступать буду.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Маркиза *(одна)*. Что сталося со мною? Надлежитъ нѣсколько подумать. Но отъ чего-жъ я вздыхаю? Слезы изъ глазъ моихъ катятся; я чувствую въ сердцѣ печаль необычайную. Что мнѣ въ дружбѣ Д'Орвилевой? Неблагодарный! ты женишься! Невѣрность любовникова не могла бы меня

тронуть, а дружеская въ отчаяніе приводитъ. Графъ ко мнѣ страстію пылаетъ и я ему надеждою польстила.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Маркиза, Лизета.

Лизета. Я теперь отказала графинѣ, но она хотѣла вечеромъ заѣхать. Прикажите-ли дома сказаться?

Маркиза. Нѣтъ; я не могу гостей видѣть.

Лизета. Здоровы ли вы, сударыня? Вы очень невеселы кажетесь; что вамъ сдѣлалось?

Маркиза. А! Лизета, меня мучатъ и хотятъ, чтобы *я* замужъ вышла.

Лизета. Чтобъ вы замужъ вышли! за кого же?

Маркиза. За человѣка, котораго я больше всѣхъ ненавижу, который враждебнымъ рокомъ назначенъ къ моему злополучію и къ извлеченію противъ моей воли такихъ отъ меня словъ, которыя мнѣ жизни будутъ стоить.

Лизета. Здѣсь кромѣ графа никого не было.

Маркиза. Онъ-то и есть.

Лизета. И вы за него выходите?

Маркиза. Я ничего не знаю, но сказываю тебѣ, что онъ того требуетъ.

Лизета. Онъ требуетъ? что за странный случай!

Маркиза. Я его тебѣ лучше изъяснить не умѣю. Всему Д'Орвиль, всему этотъ нелюдимъ виновенъ. Онъ меня разсердилъ, а графъ нечаянно тѣмъ воспользовался. Они хотятъ въ вечеру свадьбы дѣлать, и я ихъ ко всему безпрепятственно допустила. Д'Орвиль также женится; графъ отдаетъ за него свою сестру и этотъ несносный человѣкъ, къ тому только ее и имѣетъ, чтобы мнѣ тѣмъ досаду сдѣлать.

Лизета. Что-же вамъ до женитьбы Д'Орвилевой?

Маркиза. Могу-ли я быть невѣсткою такого человѣка, который совсѣмъ сталъ мнѣ несносенъ?

Лизета. Инъ прахъ ихъ побери, не будьте ему невѣсткою и откажите графу.

Маркиза. А гдѣ взять причину? Хотя онъ мнѣ и противенъ, но я ничѣмъ укорить его не могу?

Лизета. Не понимаю...

Маркиза. Ниже я, и не знаю, къ чему прибѣгнуть.

Лизета. Я все-таки думаю, что Д'Орвиль васъ любитъ.

Маркиза. Ты обманываешься.

Лизета. Послушайте меня, сударыня, и не пущайте его болѣе на глаза.

Маркиза. Поди прочь! и ты меня мучишь!

Лизета. Я васъ развеселить стараюся.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Маркиза, Лизета и Любимъ.

Любимъ. Милостивая государыня! мой господинъ, на котораго смотрѣть жалко...

Маркиза. Чего онъ хочетъ? спроси, Лизета.

Любимъ. Охъ-ти мнѣ! я думаю, что разумъ моего барина ускакалъ отъ него на почтѣ; онъ вдругъ то пойдетъ, то остановится, то утаращитъ глаза на небо такъ пристально, будто-бъ никогда его не видывалъ, то опять въ землю потупитъ; то слово скажетъ, то другое промямлитъ, и онъ послалъ меня провѣдать, не прогнѣваетесь ли вы, коли онъ васъ увидитъ?

Маркиза. Видѣться-ли мнѣ съ нимъ, какъ ты думаешь?

Лизета. Какъ изволите.

Любимъ. У него было письмецо къ вамъ, которое онъ мнѣ отдалъ.

Маркиза. Подай его!

Любимъ. Тотчасъ, сударыня; лишь я это письмо взялъ, то онъ побѣжалъ за мною, кричучи изъ всей мочи: отдай мнѣ письмо назадъ; я его и отдалъ; возьми и отнеси его; я его опять принялъ; возврати мнѣ его; я въ минуту возвратилъ; но онъ ходя по горницѣ его уронилъ, а я потихоньку поднялъ, чтобы принесть къ вамъ и узнать, нѣтъ-ли отъ тоски его у васъ лекарствица.

Маркиза. Покажи.

Любимъ. Изволите; да вотъ и самъ писецъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Маркиза, Д'Орвиль, Лизета.

Маркиза *(Лизетѣ)*. Можетъ быть, онъ наединѣ говорить со мною хочетъ.

ЯВЛЕНІЕ XV.

Д'Орвиль, Маркиза.

Д'Орвиль. Я пришелъ съ вами проститься, *сударыня*.

Маркиза. Со мною проститься! да куда вы ѣдете?

Д'Орвиль. Туда, куда я тогда ѣхалъ, когда вы меня удержали.

Маркиза. Мое намѣреніе было не на столь короткое время удержать васъ.

Д'Орвиль. Ниже мое, такъ скоро разстаться съ вами.

Маркиза. Для чего-же вы меня оставляете?

Д'Орвиль. Для чего я васъ оставляю? Э! сударыня, вамъ нимало не жалко меня лишиться тогда, когда вы за графа выходите.

Маркиза. Выслушай, сударь, такъ и увидишь, что и въ этой ссорѣ есть съ вашей стороны ошибка; но не спѣши пожалуй; я не хочу, чтобы ты уѣхалъ и лучше винною быть желаю.

Д'Орвиль. Нѣтъ, сударыня, я ужъ твердо предпріялъ и и мнѣ не можно остаться. Сердце мое въ вашемъ не находитъ того утѣшенія, которымъ оно ласкалось.

Маркиза *(печально)*. Вы обманываетесь.

Д'Орвиль. Жаль, что мысли наши весьма несогласны!

Маркиза. Почему-же? надлежитъ прежде изъясниться.

Д'Орвиль. Меня одно только слово удерживаетъ.

Маркиза *(нѣсколько смутяся)*. Я его узнать не могу, ежели вы не скажете.

Д'Орвиль. Недавно-было открылся я въ моемъ письмѣ, которое къ вамъ писалъ.

Маркиза. Кстати ты о письмѣ вспомнилъ. Я чуть не за-

была, что ко мнѣ принесли одно передъ твоимъ приходомъ.

Д'Орвиль *(смущенно)*. Отъ кого, сударыня?

Маркиза. Я вамъ скажу. *(Читаетъ)* «Я долженствовалъ во всю мою жизнь жалѣть о Ангеликѣ; но при всемъ томъ, чему вы я чаю и не повѣрите, я отъѣзжаю отсюда, чувствуя къ вамъ столько же любви, сколько я къ ней чувствовалъ.»

Д'Орвиль. Что это?

Маркиза. Не то ли, что вы сказать опасались?

Д'Орвиль. Что будетъ со мною? Удостойте хотя прощеніемъ...

Маркиза. Я краснѣю и краска лица моего служитъ вамъ прощеніемъ и отвѣтомъ.

Д'Орвиль *(цѣлуя ея руку)*. Любовь моя къ вамъ столько же, какъ и жизнь моя продолжится.

Маркиза. Я тебя за нее на этомъ лишь договорѣ и прощаю.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Графъ, Маркиза, Д'Орвиль.

Графъ. Что я вижу? Какое чрезмѣрное восхищеніе...

Д'Орвиль. Правда, графъ, что оно чрезмѣрно. Когда ты мнѣ говорилъ, что я люблю маркизу, тогда ты сердце мое лучше меня зналъ. Я слишкомъ былъ простъ, и потому отъ тебя прощенія уповаю.

Графъ. А вы, сударыня?

Маркиза. Я не думала, что дружба столь опасна.

Графъ. О случай! о люди!

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Маркиза, Д'Орвиль, Лизета, Любимъ.

Любимъ. Въ передней комнатѣ, сударыня, какой-то человѣкъ въ длинномъ платьѣ съ бумагами и котораго графъ привелъ будто-бы по вашему приказанію, подписать что-то...

Д'Орвиль. Не надобенъ-ли онъ и намъ?

Маркиза. Дѣлай что хочешь; я все тебѣ поручаю.

Лизета. А я начинаю догадываться. Графъ, сѣвши въ карету, какъ бѣшеный поскакалъ со двора, писецъ рядныхъ остается; итакъ сегодня бояра наши женятся.

Любимъ. И мы то же сдѣлать можемъ, но надобно, чтобъ бояра-то насъ осеребрили. Не такъ ли, Лизета? Пойдемъ и будемъ жить всегда тихо да гладко, не перенимая у нынѣшнихъ мужей и женъ того, что всякій домъ разорить можетъ.

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

Б. Е. ЕЛЬЧАНИНОВЪ.

НАКАЗАННАЯ ВЕРТОПРАШКА.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

L'esprit ne se sent point plus vivement frappé,
Que lorsqu'en un sujet d'intrigue enveloppé,
D'un secret tout à coup la verité connue,
Change tout, donne à tout une face imprevue.
Boileau, l'Art Poetique, chant III.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Еслибы друзья мои не увѣрили и не ободрили меня, то бы можетъ быть я не осмѣлился отдать комедію свою на ѳеатръ; они думали, что она можетъ быть представлена съ успѣхомъ, и благоволеніе зрителей оправдало предсказаніе ихъ; но я симъ не ослѣпляюсь, и довольно знаю, коликаго исправленія сочиненіе мое требуетъ. Нѣкоторыя черты совершенства мною въ дали видимы были; я старался приближиться къ нимъ; но онѣ почти всегда сокрывался отъ меня. Тутъ-то я примѣтилъ, какъ легко видѣть погрѣшности и какъ трудно убѣгать отъ нихъ. Я исправлялъ ихъ по возможности; но колико еще увидятъ тѣ, коимъ я теперь на судъ предаюся! Велико дерзновеніе думать, быть въ состояніи привлечь сочиненіемъ своимъ зрителей ко вниманію; но еще вящее выдать оное въ свѣтъ на осужденіе симъ строгимъ и просвѣщеннымъ судіямъ, взирающимъ на него, лишеннаго лучшаго своего украшенія и не прельщающаго уже искусствомъ дѣйствованія. Читатель ясно можетъ видѣть всѣ слабости сочинителя; искусный актеръ въ представленіи и вещественныя погрѣшности его сокроетъ, а передъ глазами разумнаго читателя оныя обнажатся. Но я надѣюсь, что судіи мои будутъ снисходительны и меня строго судить не будутъ, потому что сей есть первый опытъ склонности моей къ словеснымъ наукамъ, а при томъ я напередъ скажу, что я всякое разумное осужденіе употреблю въ свою пользу, что я признаваться стану въ погрѣшностяхъ своихъ и покажу тѣмъ, что я еще исправиться могу.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Пульхерія, молодая вдова. *Г. Троепольская.*
Зеновія, тетка ея. *Г. Кусова.*
Лукерья, горничная служанка Пульхеріна. *Г. Дмитревская.*
Графъ Новосвѣтовъ. *Г. Дмитревской.*
Молодой графъ, сынъ его. *Г. Бахтуринъ.*
Никандръ. } Придворные. { *Г. Поповъ.*
Ерастъ. } { *Г. Ланинъ.*
Низкомысловъ, судья. *Г. Соколовъ.*
Андрей, служитель малаго графа. *Г. Шумской.*

Дѣйствіе въ домѣ Пульхеріиномъ.

Представлена въ первый разъ на Россійскомъ Императорскомъ театрѣ 17 февраля 1767 года.

ЯВЛЕНІЕ I.

Графъ Новосвѣтовъ *(одинъ, выходитъ изъ покоевъ Пульхеріиныхъ и говоритъ оборотившися къ кулисамъ).* Я конечно буду, сударыня, если только возможно мнѣ будетъ окончить дѣла свои. *(Идетъ задумавшись и помолчавъ немного говоритъ).* Что думать мнѣ о ней?.. Меня увѣряютъ, что она вѣтрена, непостоянна, что она въ состояніи казаться влюбленною во всѣхъ мужчинъ на свѣтѣ для того токмо, чтобы ихъ любить себя заставить и тѣмъ тщеславиться; сказываютъ мнѣ, что она обольщеваетъ сына моего... и я, преисполненъ будучи досады и терзаяся ревностію, прихожу къ ней, намѣряюсь примѣчать за всѣми поступками ея... но голосъ сей сирены и ласки ея разсѣваютъ всѣ подозрѣніи мои и я выхожу отъ нея, ее извиняя... Колико слабъ я еще! Не довольно-ли свидѣтельствъ противу ея я имѣю? Общая молва... А всего болѣе признаніе слуги сына моего... Бездѣльникъ этотъ, устрашившись, можетъ быть, побой, налгалъ на него... Къ насчастію моему, этому быть невозможно! Однако сегодня я хочу о всемъ узнать подробно. Андрей въ намѣреніи моемъ способствовать мнѣ можетъ... Но вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

Графъ, Андрей.

Графъ. Что, Андрей? Сказалъ-ли ты сыну, что я въ маскарадъ не поѣду?

Андрей *(тихо)*. Сказалъ, сударь. *(Оглядываясь)*. Но если меня съ вами увидятъ, то все дѣло испорчено будетъ.

Графъ. Не бойся. Пульхерія въ уборной своей и скоро выдти не можетъ. Говори, что ты дѣлаешь здѣсь?

Андрей. Меня баринъ сюда прислалъ.

Графъ. Зачѣмъ?

Андрей. Провѣдать, нѣтъ ли здѣсь лишняго гостя.

Графъ. Кого?

Андрей. О, сударь! какое это малое дитя! Онъ примѣтилъ, что вамъ не очень пріятно его здѣсь видѣть; съ самаго того времени онъ старается здѣсь съ вами не встрѣчаться и всегда посылаетъ провѣдать, изволили-ль вы уѣхать или еще нѣтъ. Токово-то имѣть покорнаго сына! Лишь только завидимъ карету вашу у крыльца, то въ тотъ же часъ поворачиваемъ оглобли.

Графъ. Меня обманываютъ конечно!.. Неблагодарный сынъ!.. И ты, измѣнница... Вы скоро меня узнаете! *(Андрею)*. Поди, бѣги, скажи ему, что меня здѣсь нѣтъ, и послѣ увѣдомь о всемъ, что происходить ни будетъ. Я буду близко здѣсь... Ты вѣдь знаешь гдѣ. Но если ты утаишь отъ меня, то уже не пощечинами я подчивать буду... Слышишь-ли?

Андрей. Слышу, сударь. Я на это очень чутокъ.

Графъ *(вынимаетъ и даетъ ему кошелекъ)*. Вотъ за то, что ты мнѣ разсказалъ о шалостяхъ сына моего, и это только начало моей къ тебѣ милости; но умѣй сохранить ее. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

Андрей *(одинъ)*. Прежде пощечины, теперь деньги, а кончится можетъ быть опять пощечинами... Посмотримъ однако, почему даютъ здѣсь за оплеуху. *(Развязываетъ кошелекъ и считаетъ деньги)*. Одинъ, три, шесть, двѣнадцать, пятнадцать, осмнадцать, двадцать одинъ, двадцать три... Двад-

цать три червонныхъ!.. Столько можетъ быть разъ баринъ мой приниматься будетъ бить меня, если узнаетъ, какую я сыгралъ съ нимъ шутку... Что дѣлать? Терпѣть пришло. Я долго крѣпился и хотѣлъ быть вѣрнымъ господина своего слугой, но дюжинъ пять, шесть пощечинъ поссорили меня съ совѣстью. Я отрекся отъ нея и разсказалъ все, что за душею ни было. Отъ одной бѣды спасаясь, я попался въ другую... Но будь воля Божья, что будетъ, то будетъ, а я ужъ съ кошелькомъ. Но кто-то идетъ. Спрячемъ поскорѣй.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Андрей, Лукерья.

Лукерья. А! здравствуй, Андрей! Что это ты тутъ дѣлаешь? Не увидѣлъ ли тебя графъ? Онъ недавно отсюда вышелъ.

Андрей. Нѣтъ, онъ не видалъ меня; а я развѣ его видѣлъ.

Лукерья. Тебя конечно твой баринъ прислалъ?

Андрей. Да, онъ прислалъ провѣдать, не здѣсь ли его отецъ.

Лукерья. Ты вѣдь видѣлъ, что онъ уѣхалъ. Что-же ты здѣсь мѣшкаешь?

Андрей. Куды какая ты угрюмая дѣвка! Дай хотя немного на себя наглядѣться.

Лукерья. Ну, гляди... и пошелъ.

Андрей. Какъ же скоро отправлять изволитъ!

Лукерья. Я скажу барину твоему, что ты здѣсь мѣшкалъ безъ всякой нужды.

Андрей. Развѣ онъ вамъ такъ скоро надобенъ?

Лукерья. Пошелъ, пошелъ скорѣй, барыня моя идетъ.

Андрей. Я право не зналъ, что насъ такъ горячо любятъ. *(Уходитъ).*

Лукерья. Васъ!.. Правда, мы никого не ненавидимъ, но однако и не любимъ никого.

ЯВЛЕНІЕ V.

Пульхерія, Лукерья.

Пульхерія *(выходитъ изъ уборной своей горницы; голова у ней убрана. Она, увидя выходящаго вонъ Андрея, спрашиваетъ)*. Зачѣмъ онъ приходилъ?

Лукерья. Провѣдать, уѣхалъ ли графъ, отецъ его господина.

Пульхерія *(улыбаясь)*. Сказала-ль ты, что онъ уѣхалъ?

Лукерья. Сказала, сударыня.

Пульхерія *(идетъ прямо къ зеркалу, смотрится, кладетъ мушки и говоритъ)* Это платье...

Лукерья. Очень къ вамъ пристало.

Пульхерія. Не правда-ли, что я къ лицу убрана?

Лукерья. Вы ужасно сегодня хороши... Прекрасны. Надобно не имѣть сердца тому человѣку, кто-бы, увидя васъ, не прельстился!.. И какъ не имѣть вамъ любовниковъ!

Пульхерія. Однако многіе меня осуждаютъ за то только, что... что въ меня влюбляются.

Лукерья. Вотъ хорошо! будто это худо, что люди кого любятъ! Да можно-ли укрыться отъ злоязычныхъ людей... Однако пусть они калякаютъ, какъ хотятъ; не смотрите на нихъ, сударыня, и повѣрьте, что большою частью изъ зависти только говорятъ о васъ такъ худо. Какое еще тутъ преступленіе, что у молодой пригожей женщины любовниковъ много? Право не смотрите на нихъ, живите такъ, какъ прежде жили, забавляйтесь, веселитесь и пользуйтесь вольностію своею. О, какъ хорошо быть молодою вдовою! Онѣ только и живутъ на свѣтѣ.

Пульхерія *(садится въ кресла, и говоритъ)*. Это правда, Лукерьюшка. Я испытала, что и съ самымъ безпечнымъ мужемъ скучно жить.

Лукерья. Мужъ, каковъ бы онъ ни былъ, несносенъ уже для того, что онъ мужъ.

Пульхерія. Покойникъ мой былъ очень терпѣливъ, но онъ былъ влюбленъ въ меня и выговорами своими иногда такъ досаждалъ мнѣ...

Лукерья. Да дай ему Богъ царство небесное, онъ уже умеръ, и ничего право во всю жизнь свою разумнѣе этого

не дѣлывалъ. Правда, что вы его довольно за носъ водили, однако все скучно имѣть съ ними дѣло.

Пульхерія. Но и они иногда надобны...

Лукерья. Кто? мужья!..

Пульхерія. Да, Лукерья. Мы ими только и вольность свою получаемъ. Въ дѣвкахъ мы имѣемъ столько безотвязныхъ бабушекъ и тетушекъ, что ни одного шага не смѣемъ безъ нихъ сдѣлать, одни мужья отъ нихъ насъ избавляютъ, и за это ихъ право благодарить должно.

Лукерья. А особливо, когда они оженившись умереть вздумаютъ.

Пульхерія. Осталась еще у меня тетушка, отъ *которой* я отвязаться не могу. Она непрестанно проповѣдуетъ цѣломудріе, говоритъ, что я вѣтрена, что всѣ обо мнѣ говорятъ, что... Я и сама право не знаю, какой она иногда вздоръ мелитъ, для того что я всегда дремлю, когда она ни пожалуетъ ко мнѣ, и этимъ только съ рукъ ее сживаю.

Лукерья. Я дивлюсь право терпѣнію вашему. Съ вами какъ съ младенцемъ поступаютъ и благоразумная тетушка ваша непрестанно журитъ васъ. Вѣдь вы уже не въ дѣвкахъ, а до вдовы ни бабушкамъ, ни тетушкамъ никакого дѣла нѣтъ.

Пульхерія. Чуть не правда ли.

Лукерья. О! еслибы я вздумала навязать себѣ на шею мужа, и еслибы Богъ по душу его послалъ, и послѣ этого, еслибъ какая нибудь тетушка осмѣлилась жужжать мнѣ въ уши, то бы я ей дала себя знать.

Пульхерія. Полно вздоръ этотъ молоть. Скучно, радость! Станемъ говорить о дѣлѣ. Приготовила-ли ты мнѣ маскарадное платье?

Лукерья. Нѣтъ, сударыня... Да какое вы надѣнете?

Пульхерія. Домину.

Лукерья. Которую?

Пульхерія. А! кто-то пріѣхалъ. Посмотри.

Лукерья. Вотъ нелегкая ее тогда принеси, когда мы о дѣлѣ говоримъ.

Пульхерія. Кто?.. Кого?

Лукерья. Степенная тетушка ваша приплыть изволила.

Пульхерія *(вскочивъ)*. Ахъ, голубушка! скажи, что меня дома нѣтъ.

Лукерья. Да вотъ и она. Скажите сами ей.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Пульхерія, Зеновія, Лукерья.

Зеновія. Приходъ мой тебя встревожилъ.

Лукерья *(въ сторону)*. Начало уже есть. Посмотримъ.

Пульхерія. Меня, сударыня!

Зеновія. Да. Я не помню, чтобы когда присутствіе мое тебѣ было пріятно... Но я, можетъ быть, въ послѣдній разъ тебѣ скучаю.

Пульхерія. Ахъ, сударыня, какъ вы несправедливы! Я только и весела тогда...

Лукерья *(въ сторону)*. Когда тебя здѣсь нѣтъ.

Зеновія. Не притворяйся, сударыня. Я довольно и отъ постороннихъ людей наслышалась, какихъ ты обо мнѣ мыслей...

Лукерья. И вы вѣрите, сударыня, всему, что о насъ ни говорятъ?

Зеновія. Я говорю съ госпожею твоею.

Лукерья *(въ сторону)*. Какая кротость!... Водой не замутитъ.

Зеновія *(Пульхеріи)*. Но говори о мнѣ, что хочешь. Я чиста въ совѣсти своей. Ругательствы твои я презирать умѣю, но не могу безъ огорченія видѣть, что ты сама ихъ отъ всего свѣта заслуживаешь.

Пульхерія. Что же я дѣлаю, сударыня?

Зеновія. Что тебѣ дѣлать непристойно. Я тысячу разъ уже тебѣ повторяла, что ты изъ суетнаго тщеславія безславишь себя. Я хочу вѣрить словамъ твоимъ, и думаю, что ты не столь порочна, какъ противъ тебя свидѣтельствуютъ твои поступки; но честная женщина должна всякую укоризну отвращать отъ себя, и она виновата уже, если только винною кажется. Сколько разъ выговаривала я тебѣ, когда еще покойный мужъ твой живъ былъ, но наконецъ и я устала. Онъ былъ господинъ въ домѣ. Онъ видѣлъ и терпѣлъ; мнѣ уже тутъ не оставалось ничего дѣлать. А теперь, а теперь, сударыня, я не могу молчать; ты сдѣлалась посмѣшищемъ цѣлаго города...

Пульхерія. Этого уже много, сударыня. Несправедливые выговоры ваши...

Лукерья *(тихо госпожѣ своей)*. Не робѣй, сударыня, не робѣй.

Пульхерія. Я знаю, сударыня, что никто другой не осмѣлится и подумать о мнѣ такъ худо, какъ вы въ глаза мнѣ говорите.

Зеновія. А я знаю, что никто не осмѣлится жить такъ, какъ ты въ глазахъ цѣлаго свѣта живешь. Вообрази себѣ, что у тебя сборище всѣхъ молодыхъ людей, у убраного столика, въ комедіи, въ маскарадахъ, тьма обожателей окружаетъ тебя. Скажи, какое имя дать поведенію твоему?

Пульхерія. Что же, сударыня! Развѣ мнѣ ихъ гонять отъ себя?

Зеновія. О! я знаю, что ты ихъ отъ себя не отгоняешь.

Лукерья *(въ сторону)*. Надобно будетъ мнѣ вступиться.

Пульхерія *(съ сердцемъ)*. Я почитаю васъ, сударыня, какъ тетку свою...

Зеновія. Да, къ несчастію моему, я этого еще забыть не могу! Я не могу забыть дружбы покойной матери твоей и я ей послѣдній отдаю теперь долгъ: если ты, сударыня...

Лукерья. Вы вмѣсто ее съ нами говорите! И правда, сударыня, я всегда глядя на васъ думаю, что я на покойницу гляжу: она также говаривала...

Зеновія *(Пульхеріи)*. Пожалуй прикажи ей молчать.

Пульхерія *(въ сторону)*. Не ее бы желала молчать заставить.

Лукерья *(подвигая кресла къ Зеновіи)*. Не изволите-ли сѣсть, сударыня? Вамъ покойнѣе будетъ говорить. *(Въ сторону)*. А мы сядемъ также, да подремлемъ.

Зеновія *(съ гнѣвомъ)*. Что это значитъ? Пульхерія! Я предвижу намѣреніе твое. Эта дѣвка научена... Ты хочешь меня съ рукъ сжить, и желаніе твое исполнится. Я больше всѣхъ имѣла терпѣнія... Ты это довольно знаешь, но теперь дѣлай, что хочешь, сударыня, и я тебя оставляю, дѣлай, что хочешь. Я ужъ болѣе не тетка твоя... Но ты узнаешь скоро, каково тѣмъ бываетъ, которыя и ближнихъ своихъ отъ себя отгоняютъ. Несчастная! ты ищешь веселія, но оно уже готово удалиться отъ тебя. Молодость твоя не долго будетъ длиться; съ красотой твоей исчезнутъ и льстецы твои, и отъ тебя будутъ какъ отъ чудовища бѣгать въ то время, когда добродѣтельная женщина, множа

лѣты свои, умножаетъ къ себѣ почтеніе. Ты раскаешься, но поздо. *(Уходитъ).*

Пульхерія *(улыбаясь).* Прости, тетушка!

Лукерья. Прости, тетушка, прости!

ЯВЛЕНІЕ VII.

Пульхерія и Лукерья.

Лукерья. Уфъ! насилу ушла. Какая это щекотунья! Однако я думаю, что она не будетъ вамъ болѣе скучать.

Пульхерія Я право этому рада.

Лукерья. Давно бы должно ее такъ отправить.

Пульхерія. Однако я не скоро осмѣлилась. Не знаю, отъ чего... Я противъ воли своей ее почитаю и боюсь... И еслибы ты не помогала мнѣ...

Лукерья. О! я умѣю съ тетками обходиться, и когда бы вы дюжину подобныхъ ей имѣли, то бы я всѣмъ имъ головы повскрутила.

Пульхерія *(въ это время садится, вынимаетъ изъ кармана ящикъ съ румянами и зеркаломъ, смотрится, румянится и говоритъ).* Что это значитъ, радость, что теперь никого у меня нѣтъ?

Лукерья. Да, это рѣдко бываетъ?

Пульхерія. Но я думаю, что молодой графъ скоро будетъ.

Лукерья. Онъ конечно поѣдетъ съ вами въ маскарадъ.

Пульхерія. Кто случится.

Лукерья. А отецъ его?

Пульхерія. Онъ не можетъ ѣхать, у него какія-то есть дѣла.

Лукерья. Куды какъ эти дѣла кстати случились! Признайтесь, сударыня, что онъ вамъ тягостенъ становится.

Пульхерія. Что-жъ дѣлать, Лукерья? Я его щадить должна.

Лукерья. Да, а то не будетъ у насъ позлащенныхъ этихъ ризъ и каретъ, если мы не станемъ приголубливать его. Хорошо знаться съ знатными и богатыми людьми: любовь ихъ стоитъ кладу. Ни одинъ взглядъ даромъ не пройдетъ. Они всѣ нужды наши предвидѣть умѣютъ, и догадливѣе этихъ людей нѣтъ на свѣтѣ.

Пульхерія. Но какъ ты уже сказала, онъ мнѣ слишкомъ несносенъ становится.

Лукерья. Однако прежде онъ былъ въ милости.

Пульхерія. Я и теперь не хочу, чтобъ онъ пересталъ меня любить; я угождать ему стараюсь, и для этого-то не всегда пріятно быть съ нимъ вмѣстѣ. Онъ возмечталъ уже, что никто взглянуть на меня не осмѣлится, зная, что онъ въ меня влюбленъ.

Лукерья. А вы стараетесь увѣрять всѣхъ, что онъ обманывается; однако, сударыня, если онъ узнаетъ, что сынъ его также...

Пульхерія. А мнѣ что за нужда! Я никого изъ нихъ не люблю, и не виновата, если они этимъ льстятся.

Лукерья. Вы ихъ иногда увѣряете...

Пульхерія. Правда, иногда имъ знать даю... И увѣряю иногда... Но всегда-ли то сдерживаемъ мы, что обѣщаемъ?

Лукерья. Я удивляюсь вамъ. Можно-ли разумнѣе вашего жить? Увѣрять каждаго въ любви, и не любить никого! Другихъ заставлять сокрушаться, а самой веселиться, на нихъ глядя!

Пульхерія. Я бы желала всегда слѣдовать этому правилу; но иногда и я имѣю слабости.

Лукерья. Да вѣдь это не надолго, сударыня; напримѣръ, Никандръ... когда онъ изъ Франціи пріѣхалъ... вы тогда о немъ лучше говорили.

Пульхерія. Можно-ли любить этого вертопраха? Онъ такой же пустозвякъ, какъ и молодой графъ; однако они меня забавляютъ: Никандръ самъ собою, а молодой графъ тѣмъ, что онъ ему во всемъ подражаетъ; онъ сдѣлался истинною обезьяною его.

Лукерья. Прекрасно, сударыня! Вы съ любовниками вашими такъ поступаете, какъ въ большихъ домахъ съ лакеями: тамъ изъ лакеевъ часто жалуютъ въ конюхи, а у васъ изъ любовниковъ въ шуты. Изрядное произвожденіе!

Пульхерія. Я не обнадеживаю никого точно, и любить никого не обязываюсь. Мужчины очень властолюбны и только тогда покорны намъ, когда они въ насъ ищутъ... Да притомъ иной понравится съ перваго взгляда, а послѣ, ежели его разсмотришь... и увидишь другаго... Нѣтъ, они сначала только сносны и хороши бываютъ.

Лукерья. Да на что же намъ иное и глаза даны?

Пульхерія. Ерастъ, напримѣръ, когда я его спознала, безпредѣльно былъ услужливъ, а теперь несносенъ становится. Онъ началъ дѣлать мнѣ законы и вздумалъ, что я въ истину люблю.

Лукерья. Какой простакъ!

Пульхерія. Ревностію своею онъ иногда досаждаетъ... а иногда очень смѣшонъ бываетъ.

Лукерья. А совѣтникъ Низкомысловъ?

Пульхерія. Можешь-ли ты подумать, чтобы я когда нибудь взяткобрателя этого любила?

Лукерья. Мудрено бы это было, однако я эдакія дѣла медленно рѣшу. Иногда вѣдь мы любимъ не любя, для одной только рѣдкости. Я тысячу такихъ примѣровъ знаю... Да и такіе, сударыня, каковъ онъ, иногда надобны бываютъ.

Пульхерія. А на что бы? Развѣ въ дураки?

Лукерья. Да, въ дураки, да только не въ простые, а въ чиновные. Если у меня вскружится когда голова и я вздумаю идти замужъ, то я такого мужа намѣрена себѣ выбрать, такого-же глупаго, а притомъ приказнаго человѣка. Подумайте, сударыня, что нѣсколько часовъ въ день по силѣ уложенья осуждены они не скучать женамъ своимъ.

Пульхерія *(улыбаясь)*. И въ истину это очень порядочно. Да кто-то идетъ... А! это Ерастъ, и съ нимъ никого нѣтъ. Какія страстныя выраженіи, какіе вздохи мы услышимъ! Готова плакать.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ерастъ, Пульхерія, Лукерья.

Ерастъ. Наконецъ дождался я давно желаннаго часа. Вы однѣ:..

Лукерья. Да, это хотя и не чудо, однако близко отъ него.

Пульхерія *(улыбается)*.

Ерастъ. Уже болѣе недѣли я ищу случая съ вами изъясниться, но съ самаго утра до полночи, или лучше сказать, безвыходно бывающихъ здѣсь... Но вы смѣетеся?.. Чему-бы, сударыня?

Пульхерія. Дурачеству твоему!.. Ты право рехнулся. Съ чего взялъ ты этотъ повелительный видъ? Какую ты власть

имѣешь надо мною?.. Что ко мнѣ многіе ходятъ, развѣ я въ этомъ отвѣтъ тебѣ должна давать... Опомнись, Ерастъ.

Ерастъ. Жестокая! Не все-ли прежде меня увѣряла, что я любимъ тобой?

Пульхерія *(улыбаясь)*. Когда я сказывала, что я тебя люблю?

Ерастъ. Когда!.. Не ты ли стократъ меня увѣряла, что ты никого не любишь?

Пульхерія. Но я не сказывала однако, что я тебя люблю.

Ерастъ. Но что же сказывали глаза твои? Ты съ такою нѣжностію ихъ прежде на меня обращала... Увы! куда дѣвалось это время?

Пульхерія. Глаза мои солгали, если они это все сказали тебѣ.

Лукерья. Они у насъ частенько лгутъ.

Ерастъ. Ты приводишь меня въ отчаяніе!.. Я былъ любимъ, или самымъ непростительнымъ образомъ обманутъ.

Пульхерія *(съ важностію)*. Ерастъ!

Ерастъ. Если я отлучался, за мной посылали; если я задумывался, о мнѣ крушились; наконецъ, если я изъяснялъ страсть свою... на меня не злобились... А кто любить дозволяетъ, тотъ тѣмъ увѣряетъ о взаимности своей.

Пульхерія *(смѣется)*. Ха, ха, ха, ха! куды какъ ты забавенъ съ печальными своими выраженіями! Какой бы ты былъ хорошій актеръ!

Ерастъ. Такъ я имѣю счастіе забавлять васъ, сударыня?

Пульхерія. Кто-то идетъ!.. Это Никандръ, и кто-то съ нимъ... Ерастъ, уймись. Я разсержусь, если при людяхъ такъ дурачиться станешь. Повѣрь, что я ни отъ кого бы другаго не снесла, что отъ тебя сношу.

Ерастъ. Докончай, сударыня. Скажи, что ты не любишь никого и что я могу льститься...

Пульхерія. Молчи. Они идутъ. *(Встаетъ)*.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Пульхерія, Ерастъ, Никандръ, Молодой графъ, Низкомысловъ, Лукерья.

Никандръ *(ведя обѣими руками Низкомыслова)*. Коль счастливы вы, сударыня! всякаго рода люди васъ ансанзируютъ *. Мы застали степеннаго сего человѣка въ передней вашей передъ зеркаломъ. Ха, ха, ха, ха! *(Ерасту)*. Здравствуй, Ерастъ; посмотри на урода этого. Ха, ха, ха, ха! *(Смѣется, обнимая одной рукой Низкомыслова)*.

Низкомысловъ. Пожалуй, сударь, пожалуй.

Пульхерія *(улыбаясь)*. Да для чего бы ему въ зеркало не смотрѣться?

Молодой графъ. Да, да, сударыня. Онъ неопасенъ для васъ. Посмотрите на его милость... Какая выступка, какой goût въ уборахъ его! *(Низкомыслову)*. Хотя я и не имѣю чести васъ знать, но вы съ перваго взгляду естимировать себя заставляете... Позвольте мнѣ обнять васъ. *(Низкомысловъ отталкиваетъ сю)*.

Никандръ. О! и мнѣ дай себя обнять...

Низкомысловъ. Уфъ! провалъ бы тебя побралъ... Что развѣ вы думаете, что я дуракъ вашъ?

Никандръ. Да кто-же, къ чорту, сказалъ тебѣ, что ты уменъ?

М. графъ. Ахъ, сударь! посмотрите сами на себя, и вы увидите, можемъ-ли мы такъ дерзко о васъ думать.

Никандръ. Но кто надулъ тебѣ въ уши, что ты еще прельщать можешь?.. Бѣдняжка!.. Приголубьте его, сударыня.

Низкомысловъ. Молчи, повѣса. Я зналъ еще покойнаго отца твоего... Еслибъ онъ былъ живъ...

Никандръ. Да, и онъ подъ старость, также какъ и ты, за краснымъ сукномъ сидя бредилъ.

Низкомысловъ. Перестанешь-ли ты... или я...

Никандръ. Неужли ты разсердился? *(Обнявъ сю одной рукой)* О! фи-донъ, какъ же къ тебѣ это непристало?

---

* Извѣстно всѣмъ, что такъ называемые петиметры и кокетки, или яснѣе сказать всѣ тѣ, кои отъ здраваго разсудка отреклися, имѣютъ особливый для себя языкъ: они не говорятъ уже по-русски. Никандръ, молодой графъ, а иногда и Пульхерія говорятъ этимъ языкомъ.

Низкомысловъ. Отвяжешься-ли ты отъ меня?

М. графъ. Напротивъ, напротивъ, его милости это очень пристало. Онъ лѣтъ двадцать теперь моложе быть кажется... Не правда ли, сударыня? *(Низкомыслову)*. Поворотитесь немного. *(Поворачиваетъ къ Пульхеріи и голову поднимаетъ)*.

Нискомысловъ. А тебѣ я туза дамъ, мальчишка.

Лукерья *(тихо Низкомыслову)*. Что это вы говорите? Знаете-ли вы, что это сынъ графа Новосвѣтова?

Низкомысловъ. Онъ!.. О, куда это меня чортъ занесъ!

М. графъ. Слушай, господинъ крючкотворецъ!

Никандръ *(Ерасту)*. Посмотри, посмотри, какъ онъ струсилъ! *(Смѣется)*.

Низкомысловъ *(робко)*. Ваше сіятельство... *я не зналъ* о чести вашей... *(Тихо Лукерьи)* Да онъ ли это, Лукерьюшка!

М. графъ. Parbleu! Еслибы это не въ здѣшнемъ домѣ было...

Никандръ. Господинъ взяткобратель, знаешь-ли, что ты радоваться долженъ, когда наши братья пошутить надъ тобою вздумаютъ?

Низкомысловъ *(въ сторону)*. Теперь лишь я увидѣлъ, что я здѣсь былъ въ дуракахъ.

Пульхерія *(графу)*. Пожалуйте, сударь, извините его для меня.

Низкомысловъ. Милостивый государь...

Пульхерія. Въ другой разъ...

Низкомысловъ *(въ сторону)*. И самъ сатана меня сюда не занесетъ!

М. графъ. Для васъ только, сударыня.

Низкомысловъ. Покорно прошу, батюшки... не упоминать... Я, милостивый государь...

Лукерья. Ну, договаривай, сударь... Кланяюсь вашему сіятельству...

М. графъ. Хорошо, мой другъ... Но въ другой разъ помни, съ кѣмъ говоришь. *(Низкомысловъ низко кланяется и идти хочетъ)*.

Пульхерія. И вы насъ такъ скоро покидаете?

Низкомысловъ *(торопливо)*. Нѣтъ, сударыня...

Пульхерія. Куда-же вы идете?

Низкомысловъ. Домой... О, куда это меня нелегкая занесла! *(Уходитъ, а оставшіе смѣются)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

Пульхерія, м. графъ, Никандръ, Ерастъ, Лукерья.

Никандръ. Ха, ха, ха! какой это подлецъ! Какъ же онъ струсилъ? Но это всего смѣшнѣе, что онъ вздумалъ прельщать собою. *(Пульхеріи)*. Еслибы вы видѣли, какъ онъ передъ зеркаломъ кривлялся! Онъ не видалъ насъ. Мы тихонько подошли. Онъ смотрѣлся, хорошился, поправлялъ свой парикъ, щипалъ себѣ щеки... Я отъ смѣха удержаться не могъ, подхватилъ его и ввелъ къ вамъ.

Пульхерія *(смѣясь)*. Только ты ему уже очень досадилъ; его скоро не заманимъ сюда.

М. графъ. Онъ право очень забавенъ, и жаль будетъ, если перестанетъ сюда ходить; я бы съ нимъ не разстался.

Никандръ. О этомъ-то не думайте. Однако ласковое слово... умильный взглядъ, которымъ если вы бѣдняка сего почтите, приведетъ его сюда противу воли. Parbleu, madame, коль многихъ людей лишаете вы покоя! Я напримѣръ вездѣ какъ камень твердъ, а здѣсь отъ двухъ сіяющихъ глазенокъ какъ воскъ таю.

Пульхерія. Ахъ! уморишь, радость, если и въ правду растаешь... Зажмурься скорѣя... Лукерья, вели намъ стулья дать. *(Лукерья уходитъ и высылаетъ двухъ лакеевъ, которые ставятъ стулья, и всѣ садятся)*.

М. графъ. Коль онъ счастливъ, сударыня! Вы жалѣете о немъ. Я за это бы десять разъ въ день растаялъ.

Ерастъ *(угрюмо)*. Полно и одного.

Никандръ. Наконецъ выговорилъ слово. Parbleu, Ерастъ, что сдѣлалось съ тобой? Ты безмолствуешь. Мы хохочемъ, а ты только морщишься... Vous êtes distrait, mon ami?

Ерастъ. Не всегда можно быть веселу.

Пульхерія *(улыбаясь)*. Сегодня не его день.

М. графъ. Я развеселю его. Ecoute, mon ami. Мы обѣдали сегодня...

Никандръ. Постой, постой, я разскажу ему. Послушайте... послушайте, сударыня. Мы обѣдали...

М. графъ. Oh! parbleu! я и самъ умѣю говорить. Tais-toi.

(Никандръ и молодой графъ говорятъ вдругъ, первый оборотясь къ Пульхеріи, а другой къ Ерасту).

Никандръ. Не слушайте его, я лучше разскажу; мы обѣдали сегодня chez le petit comte; у него былъ одинъ умница... Не перебивай-же мнѣ, графъ... У него былъ умница, сударыня, un impertinant, который вздумалъ утверждать... Перестань, графъ, ты только мнѣ въ ушахъ жужжишь.

М. графъ. Мы обѣдали сегодня у графа, общаго нашего пріятеля. И за обѣдомъ зашла рѣчь... *(Никандру)* самъ не перебивай мнѣ, parbleu! ты какъ шальной кричишь... Обѣдалъ у него также... какой-то педантъ... *(Никандру)* О, провалъ бы тебя побралъ! какое это горло!.. *(Ерасту)* И за обѣдомъ...

Пульхерія (*затыкая уши*). Оглушите, оглушите! развѣ не можно одному изъ васъ говорить?

Ерастъ. Обѣдали, въ обѣдъ, за обѣдомъ... Я право ничего не разумѣю.

Никандръ. И я, сударыня, сказалъ... Что бишь я сказалъ?.. Перестань, графъ, ты только меня сбиваешь.

М. графъ. Послушай, послушай только...

М. графъ. Ну, говори-же, или молчи, да дай мнѣ говорить.

Никандръ *(вскочивъ)*. Oh! parbleu! болтай, болтай, если тебѣ такъ хочется. *(Ходитъ по горницѣ, хорошится и поетъ тихонько французскую пѣсню).*

М. графъ. *(Пульхеріи)*. Я вамъ лучше разскажу, сударыня. За обѣдомъ сегодня у графа Глупозвякова не знаю какой-то педантъ сутенировалъ, что будто русскій языкъ... что этотъ варварскій языкъ болѣе пріятности французскаго имѣетъ... Мы съ Никандромъ помирали со смѣху, однако не могли игноранта этого заставить молчать... И какой онъ вздоръ мололъ! У насъ-де начинаютъ писать, называлъ великими людьми Ломоносова и... Ѳеофана какого-то. Великими людьми двухъ русаковъ! Вообразите себѣ только эту глупость!.. Слушай, мой дружище, сказалъ я ему, что тебѣ кажется велико, то еще не велико для другихъ.

Пульхерія. Остро сказано.

Ерастъ. Но читалъ-ли ты Ѳеофана или Ломоносова?

М. графъ. Я! Чтобы я читалъ вздоръ этотъ?

Никандръ. Чтобы мы русскія книги стали читать? Vous radotés, mon ami.

Ерастъ. Вотъ такъ-то эти господчики всегда судятъ! Однако хула ваша столько-же мало можетъ вредить великимъ этимъ людямъ, сколь мало ваша похвала можетъ принести кому чести.

Никандръ. Tais toi. Я вѣдь давно зналъ, что ты прямой русскій человѣкъ.

Ерастъ. Послушайте право совѣта моего; поучитесь прежде грамотѣ и послѣ осуждайте сочинителей. Повѣрьте, друзья мои, что очень легко можно узнать, для чего вы языкъ свой ненавидите.

Никандръ *(смѣясь)*. А для чего-бы, сударь?

Ерастъ. Для того, что вы въ молодости его не доучили. Вы показываете теперь, что будто-бы противенъ вамъ выговоръ природнаго вашего языка. Вы называете его варварскимъ... Но такъ какъ въ извѣстной баснѣ и львиная кожа не можетъ сокрыть нескладнаго звѣря уши, такъ и сіе притворство ваше не сокрываетъ вашего невѣжества.

Никандръ. Ха, ха, ха, ха! Графъ, посмотри на него! и тотъ такъ же говорилъ сегодня. Какая прекрасная пара! Я бы ихъ свелъ вмѣстѣ. *(Смѣются)*.

Ерастъ *(вставая)*. Смѣйтесь, смѣйтесь, только я не знаю, кто изъ насъ смѣшнѣе другаго. *(Графъ и Пульхерія также съ креселъ встаютъ)*.

М. графъ. Ну, Ерастъ, что-же ты оробѣлъ? Претируй... Говори казанье свое.

Ерастъ. Я знаю, что связавшися съ вами, легко сдѣлаться можно дуракомъ.

Никандръ. Ты хотѣлъ сказать: связавшись съ дураками... Договаривай, mon ami, договаривай, не глотай слова. *(Обнявъ его одной рукой)* Ну!.. Мы имѣемъ счастіе дураками тебѣ казаться. Да кто тебѣ сказалъ, дружище мой?

Ерастъ. Тѣ, кои всѣ вещи именами ихъ называютъ и кои думаютъ, что болѣзнь ваша неизлечима; для того и я о этомъ говорить съ вами не люблю. *(Вынимаетъ часы, смотритъ и хочетъ идти)*.

Никандръ. Куда-же ты идти хочешь?

Ерастъ. Проводить сестръ своихъ въ маскарадъ.

Никандръ. Par dieu! я было забылъ, что я долженъ заѣхать... Пойдемъ вмѣстѣ, намъ ѣхать по дорогѣ. Madame,

я черезъ четверть часа буду здѣсь, и надѣюсь, что никто, кромѣ меня, не будетъ имѣть счастія провождать васъ въ маскерадъ.

Пульхерія. Ты очень много на себя надѣешься, Никандръ.

Никандръ. А ты, графъ, здѣсь остаешься?

М. графъ. Да.

Никандръ. Tete-â-tete. Ecoute mon petit garçon... *Я въ минуту назадъ буду. (Идутъ къ дверямъ. Ерастъ хочетъ выдти, но Никандръ удерживаетъ и дѣлаетъ знакъ, что онъ подслушивать хочетъ. Пульхерія, думая, что они вышли, говоритъ графу).*

Пульхерія. Сядемъ, графъ. *(Садятся).*

М. графъ *(подвигая къ Пульхеріи кресла свои).* Не bien, прекрасная вдовушка! *(Взявши руку ея).* Могу-ль я флатироваться, что я нетщетно вздыхаю?

Пульхерія. Слушай, графъ... Съ тобой наединѣ быть опасно.

М. графъ *(цѣлуя ея руку).* Ахъ! скажи, красавица моя, что ты въ своемъ сердчишкѣ... чувствуешь нѣчто... что можетъ сдѣлать меня немного посмѣлѣе.

Пульхерія. Я уже увѣряла тебя, графъ, что я никого не люблю... И если кто опасенъ для меня... Ахъ! что я говорю? я стыжусь право слабости своей...

М. графъ. Договаривай, договаривай, прекрасная вдовушка... Коль прельщаешь ты меня! Такъ ты позволяешь флатироваться мнѣ?.. И можетъ быть, что наконецъ тандресъ мой... награжденъ будетъ... Но не имѣю-ли я ривалей? Извини меня, сударыня, за вопросъ этотъ... Да и можно-ли, любя такъ, какъ я люблю, не быть немножко jaloux?

Пульхерія. Ахъ! не принуждай меня, графъ, изъясняться болѣе, я и такъ много говорила. Молодой человѣкъ съ достоинствами твоими всегда можетъ быть sur...

М. графъ. Но Ерастъ показывалъ иногда... И когда мы пришли сюда, онъ съ такою пассіею говорилъ... *(Ерастъ и Никандръ подходятъ ближе).*

Пульхерія. Ахъ, графъ! какъ можешь думать ты, чтобы я не рехнувшись полюбила этого грубіяна?.. этого умницу, который въ двадцать пять лѣтъ Катономъ казаться хочетъ! Онъ влюбленъ въ меня до дурачества, но что мнѣ съ нимъ дѣлать? Я сержусь, а иногда хохочу, на него глядя... Нѣтъ,

нѣтъ, mon cher comte, ты мало justice себѣ отдаешь, если думаешь, чтобы онъ гдѣ-нибудь могъ быть ривалемъ твоимъ. Могу-ли я его любить?.. Вообрази только себѣ это, что онъ такой русакъ... Ему прежде надобно у васъ поучиться...

М. графъ. А Никандръ, сударыня, имѣетъ свои мериты. Не правда-ли?

Пульхерія (*улыбаясь*). Никандръ!.. Ахъ, радость!.. Если говорить безъ закрышки, такъ онъ ни мало на тебя не походитъ. Никандръ кромѣ самого себя никого любить не хочетъ и кромѣ сущаго вздора не можетъ ни о чемъ говорить. Онъ только собою окюпированъ, гордится мнимымъ пригожствомъ и кудрями своими, и кромѣ того не думаетъ ни о чемъ. Совсѣмъ глупымъ назвать его не можно: у него есть нѣкоторый родъ остроты... Mais pour le bon sens... этого-то у него нѣтъ. Нѣтъ, любовникомъ онъ быть не можетъ, а можетъ представлять очень хорошаго шута... Онъ изъ самыхъ забавныхъ дураковъ...

Никандръ. Parbleu! этого уже много. (*Графъ и Пульхерія вскакиваютъ въ изумленіи съ креселъ своихъ*) Ищите себѣ другихъ дураковъ. Я не гожусь, сударыня, въ шуты ваши и забавлять васъ не намѣренъ. Я радъ право, что теперь узналъ, какихъ вы обо мнѣ *сентиментовъ*... Но не думай, ma belle, чтобы я отъ этого съ ума сходилъ. Нѣтъ, madame, есть много и другихъ, которыя *мериты* мои знаютъ... parbleu! конечно много!.. И я любой изъ двадцати могу офферовать свое сердце. (*Графу*). А ты, мой другъ, раскаешься, что похитилъ у меня сердце безстыдной кокетки. Я было разсердился за это, но ты скоро меня утѣшишь. Parbleu! Я былъ уже дуракомъ, теперь очередь твоя... А чтобъ больше развеселить меня, женись на ней, женись, мой другъ. Какая прелестная будетъ чета!

Пульхерія (*торопливо*). Это дерзость... Никандръ...

Никандръ. Не сердись, ma belle, не сердись. Я ретируюсь; но не думай, чтобы я par depie утопился или бы повѣсился... Эту честь сдѣлаетъ вамъ можетъ быть Ерастъ, а я пойду и осчастливлю какую нибудь вздыхающую о мнѣ красотку. Adieu, madame. (*Съ досадою уходитъ*).

Ерастъ. Я молчалъ, сударыня, неожидаемымъ пораженъ бывъ ударомъ; но онъ излѣчилъ меня, и васъ узнавъ, узналъ и то... что ты выговоровъ моихъ недостойна. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

М. ГРАФЪ, ПУЛЬХЕРІЯ. (*Пульхерія тщетно старается сокрыть досаду свою, а графъ, вышедъ изъ изумленія своего, говоритъ*).

М. ГРАФЪ. Что это значитъ, сударыня? съ чего они столь дерзко съ вами говорили?.. Развѣ...

ПУЛЬХЕРІЯ. Ахъ, графъ! и ты мнѣ досаждаешь; какъ не видишь ты, что дураки эти сами не зная съ чего вздумали, что будто я ихъ любила! Теперь они услышали, что *я* думаю о нихъ, и взбѣсились. Для тебя только *я всѣ* импертинанствы эти сносила, а ты еще...

М. ГРАФЪ. Ah! madame, чрезвычайно любя тебя, я страшился; но ты отворяешь мнѣ глаза, и я вижу теперь, что ты этотъ sacrifice дѣлала для меня. Но мепризируй ихъ, сударыня. Поѣдемъ въ маскерадъ, и тамъ танцуя со мною и показывая всегда веселый видъ, вы еще болѣе ихъ взбѣсите.

ПУЛЬХЕРІЯ. Хорошо, mon cher comte. Я, вмѣстѣ съ тобой бы желала ѣхать... Но вѣдь ты знаешь что отецъ твой влюбленъ въ меня... И если онъ супсонировать только станетъ... онъ разлучитъ насъ... и я сокрушусь... Ахъ! что это я сказала?

М. ГРАФЪ (*цѣлуя ея руки*). Ахъ, красавица моя!.. que je suis heureux! Ты меня любишь?..

ПУЛЬХЕРІЯ. Я не сказала... Ахъ, какъ опасно говорить съ вами!.. Одно слово иногда... графъ... Я боюсь, если твой отецъ пріѣдетъ и тебя застанетъ здѣсь одного.

М. ГРАФЪ (*держа все руку ея*). Я побѣгу. Провѣдаю, дома-ли онъ и поѣдетъ-ли въ маскерадъ. Я въ минуту назадъ буду. Мнѣ сегодня сказывали, что онъ во весь день выѣзжать не будетъ. О, еслибы это сдѣлалось! Adieu, ma réne. Я въ минуту возвращусь, adieu.

ЯВЛЕНІЕ XII.

ПУЛЬХЕРІЯ (*одна*). Рада, что онъ ушелъ... Я съ нуждою скрывала досаду свою. Измѣнники подслушивали! Они те-

перь поносить меня станутъ... (*Кличетъ громко*) Лукерья!.. Разславятъ по всему городу. Но пусть они говорятъ... Лукерья!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Пульхерія, Лукерья.

Пульхерія (*вспыльчиво*). Готово-ли маскарадное платье?

Лукерья. Готово... Но что это, сударыня? Кто это васъ такъ разсердилъ? Конечно, шуты ваши сегодня худо шутили, или... (*Пульхерія ходитъ со всѣми знаками чрезвычайной досады. Вдругъ останавливается и вынимаетъ изъ кармана письмы...*).

Лукерья. Но это Ерастовы письмы... И ихъ дерутъ?.. Ага! Теперь я нѣсколько поумняе... Но чтобы онъ сдѣлалъ?

Пульхерія (*отдергиваетъ отъ грудей связку цвѣтовъ*). Букетъ этотъ прикалывалъ Никандръ... Брось такъ ему въ глаза, если его увидишь. (*Бросаетъ*).

Лукерья. И Никандръ!.. Конечно, самъ сатана здѣсь колобродилъ; я ничего не понимаю.

Пульхерія. Пойти. Не выдти. Подслушивать... Я сидѣла съ графомъ, Лукерья... А они...

Лукерья. Теперь я понимаю. Они пошли, воротились... Вы не видѣли ихъ и по обыкновенію конечно маленькую похвалу сплетали, а они подслушали... Такъ ли, сударыня?

Пульхерія. Бездѣльники!.. Но я отплачу это имъ.

Лукерья (*въ сторону*). Каково кликнется, таково и откликнется.

Пульхерія. Какая дерзость!.. Подслушивать!

Лукерья. Да еще то, что женщина говоритъ; ни что этого глупяе быть не можетъ. Я ни одному мужу, а еще меньше любовнику, не совѣтовала бы столько много быть любопытну; они должны глухи, слѣпы... а иногда для спокойствія своего и глупы быть.

Пульхерія. Я пойду одѣваться... Пойдемъ.

Лукерья. Вы ничего разумнѣе этого теперь не можете сдѣлать. Поѣзжайте; вы не долго будете однѣ ходить. Наберите еще себѣ новую роту шутовъ и отмстите тѣмъ измѣнникамъ вашимъ... А! да вотъ одинъ изъ старыхъ пріѣхалъ.

Пульхерія. Кого это нелегкая принесла?

Лукерья. Самъ пріѣхалъ, сударыня... Сокрывайте отъ него досаду вашу, а я пойду и туалетъ вамъ приготовлю. (*Уходитъ*).

Пульхерія. Хорошо, что сынъ его уѣхалъ; но теперь я бы лучше поѣхала одна: мнѣ всѣ они несносны.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Графъ Новосвѣтовъ, Пульхерія.

Пульхерія. Наконецъ я дождалась васъ. Какъ же скучно мнѣ было. Всѣ часы безъ васъ казались мнѣ годами; однако я за скуку эту довольно буду награждена, если весь вечеръ этотъ провожу съ вами.

Графъ. Я не могу, сударыня, толико счастливъ быть. Самое важное дѣло воспрещаетъ мнѣ ѣхать сегодня въ маскарадъ... (*Въ сторону*). Коль тяжко мнѣ притворяться! (*Пульхеріи*). Я на минуту только заѣхалъ...

Пульхерія. Боже мой! на минуту!

Графъ. Я принужденъ къ завтрешнему дню приготовить дѣла, и сегодня во весь вечеръ писать стану; я много сожалѣю, что не могу его съ вами проводить.

Пульхерія. Ахъ, какъ же это досадно!.. А я съ вами хотѣла въ маскарадъ ѣхать.

Графъ (*въ сторону*). Какое лукавство! Но я скоро обличу тебя.

Пульхерія. Однако, если вы не можете ѣхать со мной, то и я въ маскарадъ не поѣду.

Графъ (*въ сторону*). Увидимъ... Какая обманщица!

Пульхерія. Но что это тебѣ сдѣлалось, графъ? Ты такъ смутенъ и задумчивъ.

Графъ (*въ смущеніи*). Ничего... Я, сударыня... досадую, что должность моя лишаетъ меня удовольствія быть съ вами... Однако вамъ нѣтъ нужды для меня пробыть сегоднишный день въ скукѣ. Поѣзжайте въ маскарадъ, сударыня, поѣзжайте.

Пульхерія. Нѣтъ... я для тебя только и ѣзжу въ вольный маскарадъ.

Графъ (*въ сторону*). Для меня!.. (*Пульхеріи*). Почто веселья этого вамъ лишаться.

Пульхерія. Могу-ли я безъ тебя веселиться? Нѣтъ, я безъ тебя со двора не поѣду.

Графъ. Прощайте, сударыня. Я противу желанія моего разстаюся съ вами.

Пульхерія. Ахъ, помедли хотя на минуту! Почто такъ спѣшить?

Графъ. Еслибы было возможно... Прощай, сударыня, до завтрея. (*Цѣлуетъ руку ея*).

Пульхерія. Ахъ, прощай графъ! Какъ скучно мнѣ будетъ безъ тебя! Я пойду теперь, и вмѣсто того, чтобы убираться въ маскарадъ, стану сбираться спать. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XV.

Графъ (*одинъ. Дѣлаетъ нѣсколько шаговъ назадъ, провожая Пульхерію глазами, и помолчавъ немного говоритъ*). Почивать ушла!.. Безстыдная обманщица! «Я безъ тебя со двора не поѣду»... А съ сыномъ моимъ, можетъ быть, ѣхать обѣщалась... Но если это такъ, то я уловлю ее... увидимъ, кто кого обманетъ. Пойду дожидаться Андрея; онъ долженъ увѣдомить меня... Да вотъ и онъ.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Графъ, Андрей.

Графъ. Что, Андрей? Зачѣмъ ты?

Андрей (*оглядываяся*). Чтобы насъ не увидѣли...

Графъ. Говори.

Андрей. Я пришелъ сюда.

Графъ. Отъ сына?.. Ну!

Андрей. Да, сударь, сказать, что вы на часъ съѣхали со двора, что вы въ маскарадъ не поѣдете... Что вамъ здѣсь ненадобно быть... Нѣтъ, этого онъ мнѣ не велѣлъ сказать.

Графъ. И онъ сюда будетъ? И поѣдетъ съ нею?

Андрей. Конечно, какъ скоро вы домой пріѣдете, то онъ сюда заѣдетъ... Берегитесь-же, сударь, не ѣздите домой.

Графъ. И онъ прислалъ тебя къ ней?

Андрей. Да, сударь, сказать что онъ сюда заѣдетъ со-

всѣмъ въ маскарадномъ платьѣ... Да не пора-ли вамъ домой ѣхать?

Графъ. Они ругаются мной!.. Но я накажу ихъ обоихъ... Теперь обличу безстыдную эту вертопрашку... А негоднаго сына своего на сихъ же дняхъ пошлю въ чужіе краи... Измѣнники! Вся кровь во мнѣ кипитъ...

Андрей. Въ чужіе краи!.. Конечно, для исправленія, сударь?.. Лишняго гостя съ двора долой; эта выдумка прекрасна! И еслибы всѣ вамъ подражать стали, сколько бы путешествующихъ было! Отцы дѣтей, мужья женъ, жены мужей... Тфу къ чорту! Парижъ бы вдвое многолюднѣе сдѣлался... (*Помолчавъ*). Надобно мнѣ также и свою супругу въ чужіе краи прослать.

Графъ (*вышедъ изъ задумчивости*). Поди скажи ей, зачѣмъ тебя прислали, а я вмѣсто его въ маскѣ сюда пріѣду. (*Уходитъ*).

Андрей. Поспѣшайте-же, чтобы онъ не упредилъ васъ.

ЯВЛЕНІЕ XVII.

Андрей (*одинъ*). Чѣмъ-то это все кончится?.. Заварилъ я кашу, да и самъ не радъ... Ребрамъ моимъ быть считаннымъ, мнѣ это такъ сдается. Графъ хотѣлъ защитить меня... Да онъ вѣдь знатный человѣкъ, а люди знатные обѣщать умѣютъ, да только жаль, что имъ времени нѣтъ обѣщаемое исполнить, для того, что они безпрестанно обѣщаютъ. Совсѣмъ тѣмъ я уже за побои напередъ заплаченъ. Пусть такъ быть биту... Отъ побой бы я такъ не ушелъ, съ тою только разницею, чтобы я не имѣлъ кошелька этого, еслибы остался честнымъ человѣкомъ. Я зналъ, что за плутовство большою частію чистыми деньгами платятъ, а за добрыя дѣла... только добрыми словами! Это такъ водится... Однако я еще все трушу... Что за сатана сказалъ ему, что и мы сюда также подбѣгаемъ? Для чего онъ привязался ко мнѣ? Но быть тому такъ; мнѣ было нечего дѣлать... Еслибы я упрямился и не сказалъ, то бы побои-то скушалъ, а деньги бы и въ глаза не видалъ: одно другаго стоитъ... Да вотъ и Лукерья; надобно мнѣ скорѣе посольство свое исправить.

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

Андрей, Лукерья.

Лукерья. Ты опять здѣсь. Что? Зачѣмъ тебя прислали? Что ты здѣсь одинъ дѣлаешь?

Андрей. Размышляю...

Лукерья. Ты, Андрей, размышляешь! Боже мой! всякая скотина хочетъ мыслить! Но о чемъ бы ты думалъ?

Андрей. О томъ, какъ бы лучше посольство свое исправить, и чтобы за него... не было мнѣ пощечинъ.

Лукерья. Пощечинъ! За что?

Андрей. За что? Здорово живешь.

Лукерья. Не рехнулся ли ты, Андрей?

Андрей. Ого! До этого еще далеко. Мнѣ такъ кажется, что я очень уменъ. Вотъ видишь, есть два рода пощечинъ: за однѣ платятъ, а другія даромъ даютъ. Которыя лучше? Скажи, да не думавши.

Лукерья. Если ты не перестанешь этотъ вздоръ молоть, то я и въ истину пощечиной тебя поподчую.

Андрей. О! нѣтъ, голубушка, и безъ твоего жалованья съ меня будетъ. У меня еще и въ запасѣ довольно; не изволишь ли, я подѣлюсь?..

Лукерья. Сказывай же, зачѣмъ тебя прислали, или вонъ пошелъ.

Андрей. Какой ретивой нравъ!

Лукерья. Ну!

Андрей. Я присланъ сказать барынѣ твоей, что дѣло идетъ на ладъ. Отецъ его въ маскарадъ не поѣдетъ и только на часъ съѣхалъ со двора.

Лукерья. Это мы знаемъ.

Андрей. А какъ скоро онъ домой будетъ, то мы поѣдемъ въ маскарадъ.

Лукерья. Мы! Про кого ты это говоришь?

Андрей. Про барина да про себя.

Лукерья. Да, ты на запяткахъ за нимъ поѣдешь?

Андрей. О, нѣтъ! Въ этихъ маскарадахъ и наши братья нерѣдко бываютъ. Платье да рубль, такъ всякъ пройдетъ. Хочешь-ли, я и тебя свожу?

Лукерья. Я безъ тебя дорогу найду. Да скоро-ли будетъ баринъ твой?

Андрей. Не спѣши, красавица моя, дай порядочно все досказать. Что бишь я говорилъ? Да... Какъ скоро пріѣдетъ старый нашъ баринъ, то мы поѣдемъ въ маскарадъ. Баринъ мой въ каретѣ, а моя особа въ другой. Пріѣхавъ туда, ушлемъ кареты и людей, чтобъ они старому графу о нашихъ промыслахъ не разсказали. Войдемъ, повернемся и опять выйдемъ. Наймемъ чужія кареты и пріѣдемъ сюда, баринъ за барыней твоей, а я за тобой, моя радость.

Лукерья. Тебя никто не проситъ, ты можешь и тамъ остаться. (*Хочетъ идти*).

Андрей. Какая это несговорчивая дѣвка! Да *куда* же ты бѣжишь?

Лукерья. Къ барынѣ. Вѣдь ты все досказалъ?

Андрей. Нѣтъ, мой свѣтъ, еще не все, я забылъ самую главную вещь.

Лукерья. Что?

Андрей. Поцѣловать тебя.

Лукерья (*отталкивая его*). Пощечину. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Андрей (*одинъ*). Чего другаго, а на это всѣ досужи: вездѣ пощечинами подчуютъ. Но еслибы за нихъ всегда такъ хорошо платили, какъ заплатили мнѣ за вчерашнія, то бы ихъ отвѣдывать было можно. (*Помолчавъ немного, говоритъ улыбаясь*). Поймаютъ же ее, если графъ придетъ въ личинѣ и она его почтетъ бариномъ моимъ... Да вотъ конечно онъ и пріѣхалъ... Ну, если это не онъ, и если нелегкая принесла прежде барина моего, то я... Что же я? Я навострю лыжи. (*Маска входитъ и идетъ тихо*). Провалъ ихъ знаетъ! Узнать нельзя: какъ одинъ, такъ и другой. Но сердце мое не предвѣщаетъ мнѣ добра. Убраться бы поскорѣй. Я знаю, что въ таковыхъ случаяхъ сыновья проворнѣе отцевъ бываютъ... Однако останусь здѣсь немного; я уйтить еще успѣю. (*Двери изъ спальни Пульхеріиной отворяются. Она выходитъ, а Андрей стоитъ въ отдаленіи со всѣми знаками боязни*).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Маска, Пульхерія, Лукерья.

Пульхерія *(въ маскарадномъ платьѣ)*. Такъ это онъ пріѣхалъ? (*Бѣжитъ къ маскѣ*). Я уже готова. Поѣдемъ... Какъ рада я, голубчикъ, что отецъ твой сегодня остался дома. Онъ право мнѣ несносенъ. Но что мнѣ дѣлать съ нимъ? Глупость его неизлечима. Ну, поѣдемъ. Да это что за дурачество? Стоять въ маскѣ и молчать... Ну полно... (*Срываетъ маску, узнаетъ и изумляется. Маска упадаетъ изъ рукъ ея*).

Графъ (*взглянувъ на нее съ презрѣніемъ и досадою, говоритъ*). Безстыдная вертопрашка! осмѣлишься-ли ты взглянуть на меня?..

Андрей (*узнавъ графа*). Сердце мое на мѣстѣ. (*Подбѣгая ближе*). Ага! поймали вора въ горохѣ.

Графъ (*продолжаетъ*). Теперь я больше тебя презираю, нежели я любилъ когда. Я бы могъ мстить тебѣ... но ты мщенія моего недостойна. (*Уходитъ. Андрей уходитъ за нимъ, показывая презрѣніе Лукерьѣ*).

Лукерья (*помолчавъ*). Я изъ изумленія выдти не могу. Какой сатана насъ такъ перепуталъ?.. Но ты плачешь, сударыня?..

Пульхерія. Съ досады. Готова-ли карета?

Лукерья. Готова. Да куды вы хотите ѣхать?

Пульхерія. Туда, гдѣ я ихъ всѣхъ взбѣшу.

Лукерья. Куды?

Пульхерія. Въ маскарадъ. (*Уходитъ*).

Лукерья. Гдѣ васъ ругательства ожидаютъ?... Но она уже ушла!.. Теперь я вижу, что легче построить на воздухѣ палаты, нежели къ вертопрашеству привыкшую женщину сдѣлать постоянною.

КОНЕЦЪ КОМЕДІИ.

Поправки:

По неосмотрительности корректора, остались не выправленными ошибки въ *Письмѣ къ Ельчанинову:*

стр.	184,	с. 9	ночнаго	вм. *точнаю*
—	185,	— 25	одинаковую	— *одинакую*
—	—	— —	кафранъ	— *кафтанъ*
—	186,	— 29	старался	— *стараясь*
—	187,	— 2	иначе	— *инако*
—	—	— 25	папашу	— *Цапату*
—	—	— 26	рукою	— *рукою, продолжалъ*
—	—	— 34	Артемидіи	— *Артемедіи*
—	188,	— 23	слѣдуетъ: но	не *комедію; а наборщиковъ, играющихъ комедіи.*
—	189,	— 3	и есмь	— *я есмь*
—	—	— 18	читать для	— *читаютъ не для*

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ПРИМѢЧАНІЯ.

I. ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ И ПЕРЕВОДОВЪ ЛУКИНА.

1763.

1. *Менехмы или близнецы.* Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе господина Реньяра. Переведена съ французскаго языка. Представлена въ первой разъ на придворномъ театрѣ въ 1763 году декабря въ 9 день.—Въ 12 д. л., 192 стр. и 1 ненум. (типографскія погрѣшности). У Сопикова № 5450, у Смирдина № 7169, въ обоихъ случаяхъ безъ указанія имени переводчика (см. «Матеріалы для ист. р. лит., изд. П. Ефремова, 1867, стр. 169). Въ *Драматическомъ Словарѣ* (1787, стр. 79) выписано только заглавіе пьесы.

Этотъ переводъ, не представляющій особаго интереса, не внесенъ въ наше изданіе. Приводимъ только названія дѣйствующихъ лицъ и отрывокъ изъ 1-го дѣйствія, для обращика языка:

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Менехмъ. } братья близнецы. { *Г. Дмитревскій.*
Кавалеръ Менехмъ. } братья близнецы. { *Г. А. Поповъ.*

Демофонъ. Отецъ Изабеллинъ. *Г. Гаврила Волковъ.*

Изабелла, дочь его и любовница кавалерова. *Госпожа Троепольская.*

Арамінта, устарѣлая тетка Изабеллина, влюбленная въ кавалера. *Дѣвица Госпожа Тиханова.*

Финета. Служанка Арамінтина. *Дѣвица Госпожа Михайлова.*

Валентинъ. Слуга кавалеровъ. *Г. Шумской.*

Робертъ. Нотаріусъ. *Г. Михайловъ.*

Отставной капитанъ, игрокъ и забіяка. *Г. Сичкаревъ.*

Господинъ Прицепинъ, купецъ. *Г. Кожевниковъ.*

Дѣйствіе на улицѣ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ВСТУПЛЕНІЕ I.

Кавалеръ *(одинъ)*. Я съ досады внѣ себя: проклятой мой слуга на то кажется и созданъ, чтобъ досаждать мнѣ. Не могу больше сносить его небреженія; всякой день этотъ бездѣльникъ ругается моимъ терпѣньемъ. Вить знаетъ, что жду его... да вотъ и онъ. Откуда ты пришелъ, негодница, говори, сказывай, отвѣчай...

ВСТУПЛЕНІЕ II.

Кавалеръ и Валентинъ.

Валентинъ (*принесши чемоданъ, кладетъ его на полъ и самъ на него садится*). Воля ваша, сударь, теперь не могу ни слова промолвить; изволите потерпѣть и хотя минуту дайте отдохнуть мнѣ; я совсѣмъ задохся.

Кавалеръ. Неужли всякой день намѣрился ты сердить меня и дѣлать такія проказы? Не знаю, что меня удерживаетъ отвѣсить ему ударовъ двадцать... Можетъ ли статься, плутъ, чтобъ сходить лишь въ таможню за чемоданомъ могъ ты столько промѣшкать?

Валентинъ. Ахъ, сударь, надсмотрщики-то самые ужасные люди. Турки, при всемъ ихъ варварствѣ, не столько жестокосерды. *Они* на все короткими словами съ отрывкою отвѣчаютъ. «Да, нѣтъ, тише, что... подождите, государь мой... мнѣ недосугъ, постой... приди завтра... дай мнѣ покой... ты мнѣ уши прожужжалъ, поди прочь.» Словомъ, эти бездѣльники, когда въ нихъ нужда, дѣлаются гордѣе откупщиковъ своихъ.

Кавалеръ. Какъ, ты до сихъ поръ пробылъ въ таможнѣ?

Валентинъ. Никакъ, сударь, извольте меня выслушать: увидѣвъ, что надсмотрщикъ, у котораго былъ нашъ чемоданъ, отдачею его больше часу медлилъ, скучился я наконецъ, глядя на грубую его харю, и разсудилъ, что въ трактирѣ дожидаться будетъ веселяе.

Кавалеръ. Перестанешь-ли ты когда нибудь пьянствовать, бездѣльникъ...

Валентинъ. Вы, сударь, знаете, что всякой имѣетъ свои слабости; да худой примѣръ еще пуще вина удерживаетъ меня противъ воли на пагубной дорогѣ. Вить и я также какъ и другіе добрые люди люблю поѣсть и попить хорошенько.

Кавалеръ. Да для чего-жъ прилипаешь ты больше къ дурнымъ, а не къ добрымъ людямъ?

Валентинъ. Понапрасну, сударь, стараюсь отъ нихъ удалиться; любя васъ много, не могу съ ними разстаться.

Кавалеръ. Что ты говоришь, повѣса?

Валентинъ. Весьма долгая привычка позволяетъ мнѣ вольно и откровенно говорить съ вами. Вить и вы въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ я, часто бывали, и я принужденъ бывалъ неоднократно давать вамъ руку и помогать дотащиться на постелю, когда вы, напившись хорошаго вина, больше обыкновеннаго обременяли свою голову и не могли ступить съ мѣста, тогда вить я о этихъ маленькихъ проступкахъ выговоровъ вамъ не дѣлалъ. Мы, сударь, должны, входя въ слабости ближнихъ, прощать ихъ пороки, такъ какъ они наши прощаютъ.

Кавалеръ. Я бъ тебѣ простилъ любовь къ вину, ежели-бъ зналъ, что ты одинъ этотъ порокъ въ себѣ имѣешь, да твоя проклятая невоздержность влечетъ тебя въ тысячи другихъ непотребствъ; вѣдь ты и къ игрѣ не меньше страстенъ.

Валентинъ. О! что я нѣсколько играю, такъ это только лишь отъ скуки. Когда вы просиживаете ночи въ извѣстныхъ вамъ трактирахъ, и гдѣ я сквозь двери слышу, какъ вы бранитесь, бранюсь и я также, если игра меня огорчаетъ, и разность между нами состоитъ тогда только въ томъ, что вы бранитесь въ горницѣ, а я въ сѣняхъ. Я во всемъ вамъ послѣдую. Вы съ чрезвычайною горячностію любитесь, пьете и играете; я люблю, пью и играю, и если я болтливъ и вертопрашенъ, такъ и этому ремеслу вы-же, какъ совершенной въ немъ мастеръ, меня научили. Всякой день съ притворнымъ жаромъ волокиты, дѣлая вездѣ обманы, перебѣгаете вы отъ смуглянки къ бѣлянкѣ, а отъ бѣлянки къ смуглянкѣ. А теперь Изабелла держитъ васъ въ оковахъ; вы часто говорите, что ее любите, да я не знаю, за что бы...

Кавалеръ. Ты не знаешь за что? Возможно-ли противъ красоты и прелестныхъ ея очей кому нибудь уберечься? Увидѣвшись съ нею у ея тетки, ею плѣнился, и взоръ, поразившій мое сердце, на вѣкъ его похитилъ.

Валентинъ. Да мнѣ помнится, что прежде того къ теткѣ ея Арамантѣ, сколько она ни глупа, имѣли вы не совсѣмъ нечувствительную душу. Я похвалялъ этотъ выборъ для многихъ причинъ: сверхъ того, что ея червонцы часто насъ отъ худыхъ слѣдствій избавляли, пользовался я и тѣмъ, когда вы подольщались къ глупой боярынѣ, тогда подлипалъ я къ проворной ея служанкѣ; и такъ видите-ли вы...

Кавалеръ. Да, я вижу, что ты хочешь показаться умнымъ, будучи преглупая скотина. А чтобъ тебя не допустить наговорить еще больше дурачествъ, окончимъ разговоръ, и понеси домой чемоданъ.

Валентинъ (*поднимая на плечо чемоданъ*). Я вамъ повинуюсь, однакожъ, коли-бъ хотѣлъ говорить, то-бъ при такомъ хорошемъ разговорѣ могъ показать мой разумъ.

Кавалеръ. Ну, молчи!

Валентинъ. Когда хочу, то говорю не хуже другаго.

Кавалеръ. Да чей-же это чемоданъ?

Валентинъ. Что за вопросъ? вѣдь ни чей, сударь, какъ не вашъ.

Кавалеръ. На мой онъ ни мало не походитъ.

Валентинъ. Я также было, какъ вы, усумнился, да ваша печать и исправная надпись совсѣмъ страхъ мой опровергли. Прочтите лишь эти написанныя слова; эти, сударь: «Чемоданъ господина Менехма.»

Кавалеръ. Вижу; однако что ты ни говори, это не мой чемоданъ.

Валентинъ. Въ этомъ я не спорю, да спорю въ томъ, что онъ очень схожъ съ вашимъ.

Кавалеръ. Ты и тутъ сыгралъ мнѣ опять какую нибудь дурацкую шутку.

Валентинъ. Развѣ вы, сударь, меня скотомъ почитаете. Я еще не забылъ того, что возвращаясь съ зимовыхъ квартиръ, гдѣ вы съ ужасною скоростію отъ полку отлучились, проѣзжали мы чрезъ многіе города, и въ этомъ бѣдненькомъ городишкѣ, которой вы своею родиною называете, взяли почтовыхъ лошадей, и чтобъ поспѣшнѣе ѣхать, велѣли вы мнѣ отнести къ отъѣзжающему почтарю тяжелой вашъ чемоданъ, которой остановлялъ насъ. Я исполнилъ вашъ приказъ съ усердіемъ и надсмотрщикамъ при себѣ велѣлъ на немъ сдѣлать надпись. И такъ, въ этомъ дѣлѣ я ничего кромѣ хорошаго не сдѣлалъ.

Кавалеръ. Теперь-же о томъ узнаю. Открой скоряе, я увижу, что въ томъ за тайна.

Валентинъ (*вынувъ связку ключей*). Въ мигъ, сударь, васъ удовольствую, Эге! да ключъ-атъ не входитъ.

Кавалеръ. Сбей замокъ, или цѣпь сорви.

Валентинъ. Когда вы такъ хотите, я противиться не буду. Ну, Валентинъ! приступай къ работѣ!

Кавалеръ. Что тамъ такое? ты нѣчто на меня посматриваешь?

Валентинъ. Я въ немъ ничего изъ вашихъ пожитковъ не вижу.

Кавалеръ. Да какъ-же, негодной?

Валентинъ. Пожалуйте, не сердитесь. Можетъ быть, что размѣною-то мы какой нибудь и барышъ получимъ! Вѣдь въ вашемъ чемоданѣ, между нами сказано, и на пять рублей годнаго товару не было.

Кавалеръ. А письма-то, бездѣльникъ, которыя составляли все мое благополучіе и въ которыхъ любезная Изабелла изъясняетъ свою горячность, кто возвратитъ мнѣ? Ну, говори скоряе!

Валентинъ (*вынувъ изъ чемодана свертокъ писемъ*). Вотъ, другія вмѣсто тѣхъ, которыя наградятъ потерю вашихъ.

Кавалеръ (*взявши письма*). Ты знаешь, что шуты и такіе врали, какъ ты, обыкновенно худо время со мною провождаютъ?

(*Кавалеръ читаетъ письма, а Валентинъ разсматриваетъ вещи*).

Валентинъ. Я отнюдь намѣренъ не былъ васъ прогнѣвать; однако не теряя времени, сдѣлаю всѣму осмотръ и переборку. (*Вытаскиваетъ мѣшекъ тяжебныхъ дѣлъ*). Эта связка ябеды, безъ сумнѣнія, принадлежитъ какому нибудь стряпчему или подъячему крючкотворцу. (*Вытаскиваетъ дорожный кафтанъ*). Кафтанъ, по правдѣ сказать, довольно легокъ и самой новой моды; для охотничьяго сюртука онъ мнѣ пригодится.

Кавалеръ. О Боже!

Валентинъ. Чему-жъ вы удивляетесь?

Кавалеръ. Этого приключенія легко понять не можно.

Валентинъ. Что вамъ, сударь, сдѣлалось? Никакъ у васъ въ головѣ помѣшалось?

Кавалеръ. Тутъ есть такое чудо, которому ты, когда тебѣ и скажу, не скоро повѣришь.

Валентинъ. Если не солжете, такъ я вамъ повѣрю.

Кавалеръ. Ты знаешь, гдѣ я родился, знаешь и то, что я пропшелъ отъ крови, храбростью никому не уступающей, и съ самыхъ младенческихъ лѣтъ, лишившись отца, матери и сродниковъ, остался безъ всякаго богатства, и напослѣдокъ, скуча жизнію деревенскою, на пятнадцатомъ году записался въ военную службу. Мнѣ сказывали, что изъ всей нашей родни остались только братъ мой и весьма скупой дядя. Послѣ того странствуя по разнымъ мѣстамъ для пріобрѣтенія счастія, не давалъ я имъ знать о себѣ, и отъ вѣрныхъ людей слышалъ, что братъ мой давно меня мертвымъ считаетъ.

Валентинъ. Я это знаю, да еще и больше, то-есть, что мать ваша умерла, родивши васъ съ братомъ, что вы близнецы и другъ на друга лицомъ до послѣдней черты похожи, и короче сказать, столько сходственны, какъ двѣ капли воды.

Кавалеръ. Мы столь совершенно сходствуемъ, что самые проницательные глаза легко обманываться могли. Самъ нашъ родитель, при нашемъ возрастѣ, дѣлалъ у насъ на одеждѣ знаки, чтобъ не такъ трудно распознавать было.

Валентинъ. Вы мнѣ это больше ста разъ сказывали, да къ чему при теперешнемъ смущеніи напоминаете эту повѣсть?

Кавалеръ. Не безъ причины, Валентинъ! Я встревоженъ, и ее напоминаю. Этотъ чемоданъ принадлежитъ самому тому брату, о которомъ говорю съ тобою, и по этому письму узналъ я, что нашъ дядя умеръ и оставилъ богатое наслѣдство моему близнецу, который скоро сюда пріѣхать долженъ.

Валентинъ. Эта вѣдомость и въ подлинну удивительна.

Кавалеръ. Пожалуй послушай ее съ прилежаніемъ, она довольнаго стоитъ примѣчанія. (*Читаетъ*:) «Я васъ ожидаю, государь мой, для врученія вамъ шестидесяти тысячъ рублевъ, назначенныхъ по духовной покойнаго вашего дяди и, для сочетанія васъ бракомъ на дѣвицѣ Изабеллѣ, о которой много разъ упоминалъ вамъ въ письмахъ; эта невѣста очень для васъ прилична, а отецъ ея, господинъ Демофонъ, нетерпѣливо желаетъ это дѣло окончить. Не преминуйте какъ возможно поскорѣе къ намъ пріѣхать, а мнѣ сдѣлайте милость довѣренностью своею, почитая меня на всегда вашимъ всепокорнымъ слугою. Робертъ». Робертъ! это имя того нотаріуса, которой при жизни нашего родителя часто за насъ стряпалъ. Число, надпись и имя, исправно написанныя, въ мнѣніи моемъ меня утверждаютъ. Я заключаю, что мой братъ, спѣша исполнить писанное въ письмѣ, велѣлъ при отъѣздѣ свой чемоданъ, также какъ и я, отнести къ почтарю, а ты, здѣсь величиною его и моею печатью обнадѣясь, сдѣ-

лалъ ошибку и я наконецъ твердо думаю, что братъ мой уже здѣсь.

Валентинъ. Это легко статься можетъ, и я весьма этимъ чуднымъ случаямъ удивляюсь! Вы угадали, и я вижу, что сдѣлалъ ошибку и что отъ моего дурачества будемъ мы счастливы. Не дивно-ли, сударь, это: въ одинъ день услышать о смерти стараго дяди, который, оставя по себѣ великое богатсгво, васъ несправедливо его лишаетъ; узнать о братѣ, который получаетъ все наслѣдство, и при томъ еще и невѣсту вашу отнимаетъ! Это такія дѣла, которыя въ состояніи встревожить людей самыхъ проворныхъ.

Кавалеръ. Мы все это по своему поворотимъ, и я оттого благополучіе свое заключаю.

Валентинъ. Шестьдесятъ тысячъ рублевъ весьма для насъ нужны.

Кавалеръ. Надлежитъ для полученія ихъ приложить наше стараніе. Они мнѣ столько-жъ, какъ и брату моему, принадлежатъ. Должно прежде всего, не мѣшкая ни мало, сыскать брата и нотаріуса. Что сталъ! Бѣги и обо всемъ провѣдай, не теряя ни одной минуты.

Валентинъ. Вы извѣстны о моемъ усердіи и проворствѣ, и коли братъ вашъ здѣсь, то я столько вѣрныхъ друзей имѣю, что въ полчаса о немъ узнаю.

Кавалеръ. А я пойду къ Арамитѣ; она вѣдаетъ о моемъ возвращеніи; надлежитъ еще нѣсколько притворяться въ любви къ ней. Она о страсти моей къ Изабеллѣ ничего не знаетъ; а тебѣ нравъ и разумъ этой боярыни знакомъ довольно. Эта глупая старуха весьма тщательна людей безпокоить. Поступки, взоръ, разговоры, все въ ней грубо; словомъ, она такая дура, которая хочетъ, чтобъ ей льстили, и за то изрядно платитъ. Хотя я нѣсколько надежды въ новой любви имѣю, однакожъ, не будучи увѣренъ о полезномъ окончаніи, хочу щадить ее! Бѣги въ таможню, къ почтарю, и куда должно. Да вотъ и Арамита выходитъ; пошелъ скорѣе.

1764.

2. *Ревнивой, изъ заблужденія выведенной*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Сочиненіе господина Кампистрона, переведена съ французскаго вольнымъ переводомъ. Представлена въ первой разъ на придворномъ театрѣ, 1764 года, августа въ 21 день. Печатано при Имп-мъ Моск. Унив-тѣ, 1764 года.—Въ 12 д. л., 108 стр. У Сопик. № 5591; у Смирд. № 7328.

Въ *Драмат. Сл.* (стр. 117) послѣ заглавія пьесы и означенія времени ея перваго представленія, прибавлено: и много разъ еще и нынѣ представляется въ Санктпетербургѣ и въ Москвѣ. Имени автора нигдѣ не означено.

1764—1765.

3. *Приключенія Маркиза Г**** или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ, переведена на Россійскій языкъ Иваномъ Елагинымъ. *Часть I.* Въ Спбгѣ при Имп. Ак. Наукъ, 1756 года.—Въ 8 д. л., 12 нен. стр. и 164 стр. (кн. 1—3). *Часть II.* id., загл. л. и 144 стр. (кн. 4—5). *Часть III.* id., 1757 г., загл. л. и 192 стр. (кн. 6—8). *Часть IV.* id. 1758 г., загл. л. и 178 стр. (кн. 9—10).

Приключенія.... свѣтъ, переведена съ Французскаго языка. *Часть V.* Въ Спбгѣ при Имп. Ак. Наукъ 1764 года. Въ 8 д. л., 6 нен. стр. (Посвященіе И. П. Елагину N. N. и отъ переводчика) и 228 (кн. 1—3). *Часть VI.* id. 1765 г., загл. л. и 212 стр. (кн. 4—6).

Переводъ 5 и 6 части принадлежитъ *В. И. Лукину.*

Второе изданіе вышло въ 1780—1781 г., безъ означенія счета изданій:

*Приключенія Маркиза Г**** или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ, переведена на Россійскій языкъ *Иваномъ Елагинымъ. Часть I.* Въ Спб., при Имп. Ак. Наукъ, 1780 г.—Въ 8 д. л., 12 нен. стр. (1 загл. л., 3—7 посвященіе гр. Алексѣю Григ. Разумовскому и 8—12 къ читателю) и 164 (книга 1—3); *часть II*—144 стр. (кн. 4 и 5); *часть III*—192 стр. (кн. 6—8); *часть IV*—1781 г., 178 стр. (кн. 9—10).

Приключенія..... свѣтъ, переведена съ Француз. языка. *Часть V.* Въ Спб., при Имп. Ак. Наукъ 1781 года. Въ 8 д. л., 8 нен. стр. (1 загл. л., 3—6 посвященіе И. П. Елагину отъ N. N., 7—8 отъ переводчика) и 228 (кн. 1—3); *часть VI*—212 стр. (кн. 4—6), съ означеніемъ: конецъ шестой и послѣдней части.

Продолженіе вышло впослѣдствіи въ Москвѣ:

Приключенія и пр. *Томъ седьмый*, содержащій *первую часть* Исторіи кавалера де-Гріе и Маноны Леско. М. Въ Унив. т., у В. Окорокова, 1790.—Въ 8 д. л., 157 стр.—*Томъ осьмый*, содержащій вторую часть Исторіи Кавалера де-Гріе и Маноны Леско, id., 131 стр.

Изданіе второе сдѣлано также въ Москвѣ: *Томъ седьмый.* М. Въ унив. тип. у В. Окорокова, 1793 г. Въ 8 д. л., 182 стр. (изданіе 2-е посвящено переводчикомъ Аѳанасію Ѳедосѣевичу Волжину). *Томъ осьмый* Id., 150 стр.

Въ третій разъ переводъ *Елагина* и *Лукина* былъ напечатанъ съ обозначеніемъ цифры *втораго изданія*, именно:

Приключенія и пр. *Часть I.* Вторымъ тисненіемъ. Въ Спб., при Имп. Ак. Наукъ, 1793 года.—Въ 8 д. л., 183 стр. *Часть II.* id. 139 стр. *Часть III.* id. 187 стр. *Часть IV.* id. 170 стр. *Часть V.* (имени Елагина на загл. л. нѣтъ) id. 223 стр. и *Часть VI.* id. 209 стр.

Въ этомъ изд. нѣтъ ни посвященій, ни предисловій, какъ самого Елагина (при 1-й части), такъ и Лукина (при 5-й).

У Сопикова изд. обозначены подъ № 8981 — 8984, а у Смирдина подъ № 9275, но у обонхъ съ нѣкоторыми неточностями.

Изъ этого романа И. А. Крыловъ извлекъ сцены для своей комедіи Урокъ дочкамъ (1807).

Приводимъ: посвященіе и предисловіе Лукина и небольшой отрывокъ изъ V части:

Его Превосходительству при Кабинетѣ Ея Императорскаго Величества Дѣйствительному Статскому Совѣтнику и Главной Дворцовой канцеляріи Члену Ивану Перфильевичу Елагину всепокорное приношеніе.

Милостивый государь!

Получа позволеніемъ Вашего Превосходительства, о окончаніи переводомъ начатой Вами книги, новое безперерывнымъ ко мнѣ благодѣяніямъ свидѣтельство, по справедливости нахожу себя обязаннымъ чрезъ сіе приношеніе изъявить мою къ вамъ искреннюю благодарность, и препоруча трудѣ мой въ Ваше покровительство, просить, чтобы благоволили его прочесть въ свободные отъ государственныхъ дѣлъ часы, хотя для того, дабы увидѣть, достоинъ ли я Вашихъ наставленій, съ самаго того времени мнѣ подаваемыхъ, какъ получилъ я счастіе узнать Васъ и пріобрѣсть столь милостиваго благодѣтеля.

Я не только не стыжусь, но еще и за честь себѣ ставлю объявить цѣлому свѣту, что и малымъ въ словесныхъ наукахъ знаніемъ единственно вашему превосходительству долженъ, и хотя всегдашнюю имѣлъ я къ нимъ склонность, но оной бы не довольно было, ежелибъ вы не вразумили меня къ познанію прямой въ нихъ красоты и не побудили къ упражненію. Я уповаю, что сего безпристрастнаго признанія, не только Вы, милостивый государь, но и всѣ честные люди не почтутъ ласкательствомъ; а если и такіе злоязычники сыщутся, которые мое чистосердечіе лестью называть станутъ, то я презрю ихъ развратные толки, и ни мало тѣмъ тронутъ не буду, ежели вѣчно сохраню ваше обо мнѣ мнѣніе, и буду достоинъ по смерть мою называться

Вашего превосходительства милостиваго государя моего всепокорнымъ и одолженнымъ слугою N. N.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА КЪ БЛАГОСКЛОННЫМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Пятая и давно ожидаемая часть *Маркизовыхъ приключеній* къ удовольствію вашему на свѣтъ выходитъ; но вы не должны въ ней ожидать толь краснорѣчиваго и плавнаго слогу, каковъ въ первыхъ четырехъ частяхъ видѣли; ибо она не тѣмъ уже переводчикомъ издается, которой пріобрѣлъ вашу похвалу и благоволеніе, но такимъ, которой, учася у него, подражать ему старается, или лучше сказать, весьма слабымъ и въ писмена вступающимъ человѣкомъ.

По сдѣланіи истиннаго о себѣ предваренія, предлагаю вамъ, благосклонные читатели, начальной опытъ трудовъ моихъ, и потому не столь строгаго осужденія ожидаю, но надѣюся по добронравію вашему снисходительнаго въ погрѣшностяхъ моихъ извиненія, за которое ничѣмъ другимъ отблагодарить буду не въ состояніи, кромѣ того, что всѣ мои силы употреблю на доставленіе полезныхъ вамъ книгъ, а притомъ и правильную вашу на переводъ мой хулу какъ скоро услышу, то употреблю себѣ въ пользу, приложу всевозможное къ поправленію моему стараніе, и вездѣ не стыдяся буду говорить, что успѣхами моими разумнымъ и великодушнымъ вашимъ наставленіямъ долженъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПЕРЕВОДА.

(Часть V, кн. III, стр. 159—164).

Будучи довольны видѣннымъ какъ въ Лондонѣ, такъ и въ другихъ частяхъ Англіи, не помышляли мы ни о чемъ, кромѣ возвращенія во Францію, и при отъѣздѣ со всѣми знакомыми порядочно прощались. А какъ ласка друзей нашихъ до самаго выѣзду не перемѣнилась, то многіе изъ нихъ сѣли съ нами въ судно, желая проводить насъ до Гравезанда, откуда мы на почтѣ ѣхать намѣрились. Съ собою взяли они нѣсколько музыкантовъ, и говорили, что сіе дѣлаютъ для услажденія той печали, которую отъ разлученія съ нами чувствуютъ. Въ Гравезандѣ нашли мы великолѣпный ужинъ, друзьями нашими заказанной. Большая часть ночи прошла въ забавахъ, а остальная въ снѣ препровождена. Проснувшись, разстались мы съ ними, обнимавши многократно другъ друга, и сѣли въ почтовую коляску, въ которой чрезъ нѣсколько часовъ прибыли въ Кантобери, гдѣ обѣдали и откуда въ Дуврь еще до вечера поспѣли. Вѣтръ былъ намъ столь противный, что мы цѣлую ночь принуждены были пробыть тутъ, хотя Скотій, прежде насъ изъ Лондона отправленный, судно заблаговременно приготовилъ. Какъ скоро погода перемѣнилась, то пустились мы въ море, и въ мигъ отъ берегу удалены стали, однакожь очи наши на оной устремлены были. Блаженный островъ!

говорилъ я съ восторгомъ: преблагополучные обитатели, наслаждающіеся благоразствореннымъ и здравымъ климатомъ! вы прямо пользуетесь здѣшнею жизнію. Чего не достаетъ вамъ къ сдѣланію житія вашего пріятнымъ и спокойнымъ? Посмотримъ на нихъ, дорогой маркизъ, съ стороны естественной: у нихъ ни лѣтніе жары, ни зимнія стужи не бываютъ чрезмѣрны. Земля ихъ изобильно все то произращаетъ, что къ употребленію потребно. Можно бы имъ легко обойтиться безъ всякаго заимства отъ сосѣдовъ своихъ; но они неусыпными трудами присовокупляютъ къ своимъ сокровищамъ все то, что вещами рѣдкими и драгоцѣнными въ другихъ частяхъ свѣта называется. Кажется, будто-бъ весь міръ обложенъ отъ нихъ данью. Лондонъ въ нынѣшнемъ вѣку такое мѣсто, въ которое изъ всѣхъ земель богатство стекается, посредствомъ благоразумной ихъ торговли, а изъ него во всѣ уже части опаго государства раздѣляется. Сіе разумное учрежденіе исполняется ни силою, ни властію, ни знатностію природы. Всякой берется за то, съ чѣмъ силы ждивопія его равняться могутъ, и всякой старается привлечь къ себѣ торговлю своимъ добросердечіемъ и разбогатѣть трудами и попеченіемъ. Не столько жъ ли они счастливы и въ порядкѣ правленія своего? Вольность свою умѣли они сохранить противу коварныхъ тиранскихъ умысловъ, и такъ твердо ее основали, что она никогда поколебаться не можетъ. Законы ихъ мудры и весьма внятны, и ни одного не найдешь, которой бы не согласовался съ общенароднымъ благомъ; а у нихъ благое общее не въ такомъ пустомъ названіи заключается, которое служитъ личиною неправдѣ и насилію людей, власть въ рукахъ имѣющихъ. Всякъ помнитъ тамъ, сколь далеко доля его простирается: народъ знаетъ свою должность, и старается наблюдать ее; равно тому и знатные вельможи имѣютъ свои рубежи, изъ коихъ выступить никогда не осмѣливаются. Вѣра подобною вольностію пользуется. Англичане познали, что всякое принужденіе противно истинному смыслу Евангелія; они знаютъ, что сердце людское есть обиталище Всевышняго; что насиліе ничего кромѣ наружнаго вида произвесть не можетъ, и что жертва невольная есть жертва оскверненная, погубляющая какъ того, кто ее приноситъ, такъ и того, кто принестъ оную принудилъ. На семъ основаніи отворены храмы ихъ для всѣхъ, кто въ нихъ войтить желаетъ, и они не огорчаются на тѣхъ, кѣмъ опые оставляются. Подобно сему и добродѣтель не въ одномъ словесномъ выраженіи, въ ужимкахъ тѣлесныхъ и коверканьѣ лицъ у нихъ составляется; все у нихъ степенно и важно исполняемо бываетъ и соотвѣтствуетъ съ нравомъ и характиромъ сего добронравнаго народа. Хотя католики съ сей стороны не отдаютъ имъ должной справедливости, ибо они неправильно воображаютъ, будто бы законъ у Англичанъ въ небреженіи находится. Но ежели-бъ сіи святоши узнали, что нѣтъ такого имъ сосѣдственнаго государства, въ которомъ бы служба божія благочиннѣе и

усерднѣе отправлялась, гдѣ бы дѣти тверже въ христіанствѣ воспитывались, гдѣ-бъ вредные пороки меньше всего были терпимы, и гдѣ бы истина святаго Евангелія цѣломудреннѣе проповѣдывана была, то безъ сумнѣнія бы вышли изъ своего заблужденія. Неспорно, что въ Англіи уничтожено великое множество монастырей; почему всѣ почти католики говорятъ, что сіе сдѣлано для обогащенія мирскаго грабежемъ церковнымъ; но они не вѣдаютъ, что Англичане вмѣсто того соорудили весьма полезнѣйшія зданія. Во всякомъ городѣ и почти въ каждой деревнѣ сего государства увидишь построенныя больницы для дряхлыхъ, богадѣльни для убѣжища неимущимъ пропитанія, пристанища для устарѣлыхъ обоего пола, школы для воспитанія сиротъ; словомъ, тысячу достохвальностей, изъявляющихъ усердіе къ вѣрѣ и любовь къ отечеству. Скажи мнѣ, сыщется ли хотя одинъ разумной человѣкъ, которой бы не предпочтилъ спхъ мудрыхъ и богоугодныхъ устроеній монастырямъ нашимъ, гдѣ, какъ то всякому извѣстно, что праздность не только безполезная, но и вредная сожитію народному, тщеславится презрѣніемъ свѣтской суетѣ и стяжаніемъ познанія истины небесной?

Маркизъ перебилъ чистосердечное мое къ Англичанамъ почтеніе. «Готовъ я о закладъ биться, сказалъ онъ смѣючись, что разговоры господина епископа Шишестерскаго сдѣлали тебя протестантомъ, ибо все тобою сказанное похоже на то, будто бъ ты перемѣнить вѣру намѣрился.»—Учитель твой въ наблюденіи закона, отвѣчалъ я маркизу, пребудетъ вѣчно таковъ, каковымъ былъ прежде. Не званіе католика или протестанта принуждаетъ меня такъ изъясняться, но знаніе истины, которое получилъ я благосклонностью небесною и моими изслѣдованіями. Хотя бы я былъ епископомъ италіанскимъ, то-есть, человѣкомъ зараженнымъ своимъ саномъ и пустосвятствомъ, то и тутъ не могъ бы я не открыть глазъ моихъ, смотря на различные истиннаго цѣломудрія и христіанства въ путешествіи нашемъ попадавшіеся примѣры, и потому бы нельзя мнѣ было не познать теперь мною сказаннаго, что я всегда повторить не отрекуся.

1765.

4. *Сочиненіи и переводы* Владимера Лукина. *Часть первая.* Въ С.-бургѣ 1765 года. Продается въ Милліонной улицѣ, близь стараго Зимняго двора (sic) у переплетчика Г. Миллера; цѣна 60 копѣекъ.—Въ 12 д. л., стр. 13 нен. (Загл. л., посвящ. И. П. Елагину, извѣстіе, погрѣшности и оглавленіе), XXIX (предисл. къ Моту) и 215 (1—150 Мотъ, любовію исправленной; 151—156 предисл. къ Пустомелѣ; 157—215 Пустомеля).

— *Часть вторая.* Въ С.-бургѣ 1765 года. Продается въ Милліонной улицѣ, близь стараго Зимняго дворца, у переплетчика Г. Мил-

лера; цѣна 70 коп.—Въ 12 д. л., стр. 2 нен. (Загл. л. и оглавленіе), XXVII (предисл. къ Нагр. Пост.) и 245 (1—144 Награжденное Постоянство; 145—151 Письмо къ Г. Ельчаninову; 162—167 предисл. къ Щепетильнику; 169—245 Щепетильникъ).

У Сопик. № 11164; у Смирд. № 6844; причемъ у перваго неправильно означено, что изданіе это напечатано въ Москвѣ въ 1765—1766 г.

Ни одна изъ пьесъ, вошедшихъ въ это изданіе, не была до того времени напечатана. Впослѣдствіи же перепечатаны были *въ Россійскомъ Театрѣ*, безъ измѣненія, но съ пропускомъ предисловій и имени автора, пьесы: *Мотъ, любовію исправленный* (Р. Ѳ., ч. XIX, стр. 5—154, 1788 г.), *Щепетильникъ* (Р. Ѳ., ч. XXXV, стр. 273—348, 1790 г.) и *Награжденное Постоянство* (Р. Ѳ., ч. XXXVI, стр. 5—146, 1790 г.).

Въ *Драмат. Сл.* замѣчено: 1) о *Мотѣ*: Сія піеса часто была представляема на Россійскихъ театрахъ (с. 83); 2) о *Пустомелѣ*, послѣ указанія времени перваго представленія: и послѣ довольно часто представляемая на Россійскихъ театрахъ (с. 115); 3) *Награжденнаго Постоянства* и *Щепетильника* выписаны только заглавія (с. 86 и 163).

1768.

5. *Разумной вертопрахъ*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Вольной переводъ съ Комедіи Г. Боасіи, называемой *le Sage Etourdi*. Въ Спб. при Имп. Акад. Наукъ 1768 года.—Въ 12 д. л., 87 стр. У Сопик. № 5590; у Смирд. № 7325; причемъ у перваго фамиліи переводчика не означено. Въ *Драмат. Сл.* выписано заглавіе, съ добавкою указанія, котораго нѣтъ при изданіи пьесы: представлена была на С.-Петербургскомъ театрѣ (стр. 117).

6. *Тесть и зять*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Вольной переводъ съ Комедіи Г. Кольлѣ, называемой *Depuis et Deronnais*. Въ Спб. при Имп. Акад. Наукъ 1768 года.—Въ 12 д. л., 82 стр. У Сопик. № 5646; у Смирд. № 7380, причемъ у перваго авторъ означенъ *Колле*, а у втораго *Кольіе*; имени же переводчика у Сопикова нѣтъ. Въ *Др. Сл.* выписано только заглавіе (с. 136—137).

1769.

7. *Задумчивой*, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, вновь исправленная и преложенная на Россійскіе нравы съ комедіи Господина Ренара, называемой *Le Distrait*. Въ Спб. при Имп. Акад. Наукъ 1769 года.—

Въ 12 д. л., 143 стр. У Сопик. № 5384; у Смирд. № 7107. Имя переводчика указываетъ только послѣдній. Въ *Др. Сл.* послѣ выпис. заглавія прибавлено: Много разъ представляемая на Россійскихъ театрахъ и всегда уважаема отъ зрителей (с. 59).

1773.

8. *Вторично вкравшаяся любовь*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ изъ театра Г. Мариво. Переведена съ Французскаго. Въ Спб. 1773 г.— Въ 12 д. л., 108 стр. У Сопик. № 5325; у Смирд. № 7042 *). Имени переводчика у обоихъ не означено и у Сопик. только добавлено: съ сокращеніемъ подлинника. Въ *Др. Сл.* выписано заглавіе съ такою же добавкой (с. 33—34).

Новиковъ въ своемъ Опытѣ Историч. Словаря (Матеріалы для ист. р. л., изд. П. А. Ефремова, 1867, с. 67) указываетъ оригинальную драму Лукина: *Благодѣяніе пріобрѣтаетъ сердца*, прибавляя, что она *напечатана*. Мы не могли отыскать эту пьесу ни по каталогамъ, ни въ библіотекахъ. Есть, правда, пьеса съ подобнымъ названіемъ: *Благодѣяніи пріобрѣтаютъ сердца* (Въ Спб.; безъ означенія года и тип., въ 12 д. л., 51 стр.), но мы ее не можемъ приписать Лукину ни по содержанію, ни по слогу. Напечатана она, судя по шрифту, въ академической тип. и никакъ не ранѣе 1770 г., въ которомъ появился въ этой типографіи особенный, не бывшій до того шрифтъ (имъ напечатанъ и *Трутень* 1770 г.). Сопиковъ и Смирдинъ (№ 3312 и 7456) называютъ эту пьесу переводомъ съ французскаго, замѣчая, что переводъ этотъ сдѣланъ *А. С. Шишковымъ* и напечатанъ около 1770 г. М. Н. Макаровъ, чтобъ согласить эти указанія съ указаніемъ Новикова, сочиняетъ, будто Шишковъ «во вниманіе къ бѣдности семейства Лукина согласился дать свое имя для перевода.» Имени Шишкова на книгѣ вовсе не выставлено, и притомъ самое имя Шишкова въ 1770 г. было совсѣмъ неизвѣстно; слѣдовательно, не могло доставить особеннаго успѣха изданію. Другой *переводъ* этой же самой пьесы почти черезъ двадцать лѣтъ былъ изданъ въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: *Возвращенное благодѣяніе*, комедія въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ Французскаго. (М. въ унив. тип. 1789 г., въ 12 д. л., 54 стр. У Смирд. № 7033; у Сопик. № 5319).

*) Всѣ переводы, указанные по печатнымъ экз. 1768—1773 г. сдѣланы были гораздо ранѣе, ибо упоминаются въ «Извѣстіи» *Дмитревскаго* напечатанномъ въ 1768 г.

II. СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ О ЛУКИНѢ.

1. Въ Извѣстіи о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ *И. А. Дмитревскаго*, 1768 г. (Матеріалы для ист. рус. лит., изд. П. А. Ефремова, 1867, стр. 139—140):

Владиміръ Лукинъ, секретарь въ императорскомъ кабинетѣ, написалъ первую оригинальную комедію въ пяти дѣйствіяхъ: *Мотъ, любовію исправленный*. Авторъ держался въ ней близко нравовъ своего отечества, и, сколько возможно, соблюлъ правила театра. Можетъ быть, это и было причиной, отчего пьеса пользовалась особеннымъ и постояннымъ успѣхомъ. Кромѣ того, мы имѣемъ отъ него еще *двѣ* комедіи: *Пустомеля* и *Щепетильникъ*, которыя впрочемъ обѣ суть подражанія. Онъ перевелъ также нѣсколько комедій, очень часто являющихся на сценѣ; а именно: *Les jaloux désabusés* Кампистрона, *le Distrait* и *les Menechmes* Реньяра. Кромѣ того, у него есть теперь нѣсколько готовыхъ пьесъ, которыя будутъ въ скоромъ времени представлены. Это частію подражанія, частію вольные переводы; напримѣръ *l'Amante et l'Amant*, Кампистрона; *la Seconde surprise de l'amour* Маривò; *Depuis et Deronnais* Коллэ, и *le Sage Etourdi* Буасси. (Перев. *М. Л. Михайлова*. Нѣмецкій подлинникъ: Nachricht von einigen russischen Schriftstellern etc. см. въ Матеріалахъ, стр. 155—156).

2. Въ Опытѣ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ *Н. И. Новикова*, 1772 г. (Матеріалы 1867, стр. 67):

Лукинъ, *Владиміръ*, Надворный Совѣтникъ. Сочинилъ комедію въ пяти дѣйствіяхъ, *Мотъ, любовію исправленный*, которая напечатана и представлена была въ Санктпетербургѣ, на придворномъ Россійскомъ театрѣ 1765 года. Она принята была изрядно, но сочинитель сей комедіи весьма много одолженъ Актерамъ, ее представлявшимъ, какъ о томъ и самъ онъ въ предисловіи на сію комедію изъясняется. Сочинитель ввелъ въ свою комедію два смѣшные подлинника, которыхъ представлявшіе актеры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, выговоромъ, ужимками и тѣлодвиженіемъ, также и сходственнымъ къ тому платьемъ, зрителей весьма много смѣшили. Онъ сочинилъ еще Драмму: *Благодѣяніе пріобрѣтаетъ сердца*, которая также напечатана; но не была представлена. Также перевелъ онъ и преложилъ на русскіе нравы нѣсколько комедій, кои всѣ напечатаны; иныя изъ нихъ играны и приняты довольно изрядно.

3. Въ Драматическомъ словарѣ 1787 г. Помѣщенныя въ немъ

замѣтки о пьесахъ Лукина, указаны выше, при исчисленіи ихъ изданій. Въ Д. Сл. время представленія пьесы Мнимыхъ ошибочно отнесено къ 1783 вм. 1763 г.

4. Въ Трутнѣ, сатирическомъ журналѣ *Н. И. Новикова* на 1769 г. (См. изд. 3-е, П. А. Ефремова, 1865 г.) и въ сатирическихъ журналахъ: Смѣсь (1769) и Пустомеля (1770).

5. Въ Письмахъ *Д. И. Фонъ-Визина* и его Чистосердечномъ Признаніи (Соч. Фонъ-Визина, изд. И. И. Глазунова, 1866 года, стр. 357, 383, 386—388, 542 и 666).

6. Въ Запискахъ *С. П. Порошина* (Спб. 1844) упоминается подъ 19 января 1765 г.: «Въ шестомъ часу изволилъ (в. кн. Павелъ Петровичъ) пойтить въ театръ; комедія была русская Мотъ, балетъ съ саботами; маленькая пьеса Болтунъ. Обѣ сіи пьесы оригинальныя, сочиненія г. Лукина, секретаря при Иванѣ Перфильичѣ Елагинѣ. Аплодированы были обѣ очень много. Ея Величество присутствовать не изволила. По окончаніи большой піесы, изволилъ Его Высочество автора призывать къ себѣ въ ложу; пожаловалъ его къ рукѣ и хвалилъ за трудъ.... Пришедъ къ себѣ, послали мы за кушаньемъ. Сѣвши за столъ, разговаривали по большой части о севоднишной комедіи» (стр. 264).—Подъ 13 февраля того-же года говорится между прочимъ: «Была трагедія русская Синавъ и Трувор. Играли благородные: *Синавъ* Иванъ Иван. Кропотовъ; *Труворъ* Петръ Иван. Мелиссино; *Гостомыслъ* г-нъ Титовъ, *Ильмена*, жена господина Титова: очень хорошо играла. *Вѣстникъ* Василій Ильичъ Бибиковъ. *Пажъ* артиллерійскій кадетъ. Балетъ былъ прежній же Ацисъ и Галатея. Маленькая пьеса была Пустомеля, сочиненія господина Лукина. Роль Пустомели игралъ Василій Ильичъ Бибиковъ. Играть было графу Григорью Григорьичу Орлову; но отмѣнилось, не знаю зачѣмъ» (стр. 277). Подъ 24 августа: «Часу въ двѣнадцатомъ поднесъ Великому Князю Ивана Перфильича Елагина секретарь г. Лукинъ книгу, сочиненія свои и переводы» (стр. 385). Подъ 13 сентября: «Г. Лукинъ поднесъ Государю Цесаревичу вторую часть своихъ сочиненій» (стр. 408). Ср. также стр. 416.

7. Въ Адресъ-календаряхъ 1765—1794, въ Статскомъ календарѣ 1765 и въ Спискахъ находящихся въ статской службѣ чиновъ 1767—1794 г. находятся свѣдѣнія о службѣ Лукина, изъ которыхъ почти послѣдовательно можно прослѣдить ее, начиная съ 1764 г.

Въ А. К. на 1765 г. означенъ *при кабинетѣ у принятія челобитенъ Иванъ Перф. Елагинъ* и при немъ: секретарь *Воло-*

димеръ Лукинъ и тит. сов. Денисъ Фонъ-Визинъ. Въ А. К. на 1766 г. сказано: Секретарь маіорскаго ранга Володимеръ Игнатьевъ, сынъ Лукинъ. Въ Спискѣ на 1769 г. означено, что Лукинъ: въ настоящемъ чинѣ съ 13 декабря 1764 г., а въ Спискѣ на 1773 г. онъ означенъ въ той же должности уже съ чиномъ надв. сов. (съ 18 декабря 1769 г.). За тѣмъ Лукинъ въ чинѣ коллеж. совѣтника, который получилъ съ 10 декабря 1774 года, былъ членомъ Главной Дворцовой Канцеляріи, которою управлялъ Елагинъ (Кал. на 1776 и Спис. на 1779 г.). Въ Кал. на 1783 г. Л. означенъ въ той же должности съ чиномъ стат. сов.; а въ спискѣ на 1791 г. показанъ членомъ Придворной Конторы, и въ чинѣ д. с. с., который получилъ съ 12 февраля 1786 г. Въ Календ. на 1793 г. онъ означенъ въ той же должности и чинѣ и имѣющимъ орденъ св. Владиміра 3 ст. Въ кал. на 1795 г. имени его уже не встрѣчается. Онъ умеръ 9 іюля 1794 г., какъ видно изъ слѣд. документа, сообщеннаго намъ *П. Н. Петровымъ*.

1794 года іюля 9 дня, по указу Ея Им. Велич. Придворная Контора по словесному объявленію исправляющаго въ оной Конторѣ протоколистскую должность регистратора Василья Лукина, что по бытности его въ домѣ члена сей Конторы Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и кавалера Владиміра Игнатьевича Лукина, извѣстился, что оный господинъ Лукинъ, бывъ немалое время въ тяжкой болѣзни, сего 9-го числа умеръ. Опредѣлили: для вѣдома о смерти онаго бывшаго во оной Конторѣ члена Дѣйств. Стат. Совѣтника и кавалера Владиміра Игнатьевича Лукина, подать въ Правительствующій Сенатъ рапортъ, и въ Конторѣ изъ служебнаго списка выключить, о чемъ для ведома и всемъ оной Конторы экспедиторамъ объявить. Григорій Орловъ. Князь Федоръ Барятенскій. Петръ Неклюдовъ. Василей Головцынъ. Иванъ Алексѣевъ. Скрепилъ секретарь Андрей Набитовъ. За протоколиста регистраторъ Василій Лукинъ. Съ подлиннымъ читалъ канцелярист Василій Зыковъ.

Рапортъ въ Сенатъ посланъ іюля 18 дня 1794 года.

Похороненъ Лукинъ въ Невской Лаврѣ, на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ, гдѣ за полтора года былъ положенъ сослуживецъ его и врагъ Д. И. Фонъ-Визинъ, а еще ранѣе жена Лукина и двѣ его дочери.

Надгробные памятники сохранились донынѣ, хотя много пострадали отъ времени, и намъ едва удалось отыскать ихъ, по указанію могилы *Лукиной* въ книгѣ *Рубана* (1779). Шагахъ въ 70 отъ церковной двери, влѣво отъ мостиковъ, рядомъ съ новыми памятниками семейства *Бекъ*, находится могила Лукина съ мраморнымъ бѣлымъ камнемъ, около сажени длины и около аршина ширины и вышины, и съ надписью: «Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Придворной

Канторы членъ, орде(на) св. Влад. 3 степ. кавалеръ Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ. Родился 1737 году, іюля 8 дня. Скончался въ 1794 году, іюля 9 дня.—Умеръ. Здѣсь мой сокрытъ во гробѣ прахъ, Духомъ живъ и буду жить у искреннихъ друзей въ сердцахъ». Въ ногахъ у Лукина, ближе къ мосткамъ (4-й рядъ отъ нихъ), находится памятникъ его дочерей, съ надписью: «Здѣсь погребены тѣла дѣвицъ Надежды и Александры. Перьвая родилась апреля 2-го 1771, скончалась марта 18 дня 1787 года. Вторая родилась марта 3-го 1773, скончалась іюля 30-го дня 1786 года. Ихъ отецъ Статскій Дѣйствительный Совѣтникъ Владиміръ Лукинъ поставилъ имъ сей памятникъ въ знакъ родительской любви и вѣчныя объ нихъ памяти». Вправо отъ этого памятника лежитъ красная гранитная плита, изъ которой уже выбита находившаяся вверху ея мраморная доска. Вѣроятно это могила Лукиной, на которую указываетъ *В. Г. Рубанъ* въ «Историческомъ, и географ. топогр. описаніи Спб.» (1779 г., стр. 439). На этой доскѣ было вырѣзано: «На семъ мѣстѣ погребено тѣло, отшедшее отъ суеты сего міра въ покой вѣчный, Коллежской Совѣтницы Пелагеи Лукиной. Родилась она 1754 году Маія въ 14 день, скончалась 1775 году Генваря 24, бывъ невступно 21 года, въ супружествѣ жила 5 лѣтъ, своею добродѣтелью, кроткимъ и снисходительнымъ нравомъ составляла щастіе своего мужа, утѣшеніе всѣхъ родственниковъ, а смертію своею приключила, какъ имъ, такъ и всѣмъ своимъ друзьямъ и знакомымъ, печаль и горесть».

Кстати замѣтимъ, что въ 3-мъ рядѣ отъ мостковъ крайній памятникъ направо поставленъ надъ *Фонъ Визинымъ*. Это гранитъ, въ сажень длины и около аршина высоты и ширины, съ мраморною доской вверху, на которой написано: «Подъ симъ камнемъ погребено тѣло Статскаго Совѣтника Дениса Ивановича Фонъ Визина. Родился въ 1743 году Апреля 3 дня, преставился въ 1792 году декабря 1 дня. Житія его было 48 лѣтъ, 7 мѣсяцовъ и 28 дней.» Влѣво, рядомъ съ этимъ памятникомъ, стоитъ камень надъ могилой малолѣтняго племянника Ф. В-на: Петра Александровича (р. 7 іюля 1791 г., ум. 25 апр. 1802 г.), а еще лѣвѣе, рядомъ съ нимъ и прямо противъ памятниковъ Лукиныхъ, поставлены два огромныхъ гранита съ надписями: 1) «Подъ симъ камнемъ погребенъ Тайный Совѣтникъ и Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра второй степени кавалеръ Степанъ Ивановичъ Шешковской. Житія его было 74 года, 4 мѣсяца и 22 дня. Служилъ отечеству 56 лѣтъ. Скончался 1794 года Маія 12 дня». 2) «Здѣсь лежитъ въ Бозѣ почивающая Тайнаго Совѣтника Степана Ивановича Шишковскаго супруга Аліона Петровна, представившаяся 1805 года, Августа 7 числа. Сей памятникъ сооруженъ дочерью ея Тайнаго Совѣтника Сенатора и Кавалера Митусова супругою Марьею Степановной». Влѣво идутъ памятники *Митусовыхъ*.

Есть указаніе, что у Лукина была сестра и братъ Ѳедоръ, котораго вдова впослѣдствіи жила у Влад. Игнат. Около 1776 г. В. И. Лукинъ съ этою вдовой и своей сестрою поселился на постоянное жительство въ домѣ, принадлежавшемъ Ѳедору, близъ Калинкина моста, въ приходѣ св. Екатерины, гдѣ и умеръ. Сынъ брата Л—на полковникъ Павелъ Ѳедоровичъ Лукинъ похороненъ на томъ-же кладбищѣ въ декабрѣ 1782 г.

Не знаемъ, въ какомъ родствѣ состоялъ съ В. И. (и состоялъ-ли) *Игнатій Лукинъ*, упоминаемый въ книгѣ г. Лонгинова: «Новиковъ и Московскіе мартинисты» (М. 1867), котораго г. Лонгиновъ считаетъ братомъ В. И., и имѣетъ-ли онъ, что нибудь общее съ полковникомъ *Игнатьемъ Игнатьевичемъ Лукинымъ*, похороненнымъ въ Донскомъ монастырѣ, въ Москвѣ, 8 марта 1775 г. (См. Путеводитель къ древностямъ и достопамятностямъ московскимъ. М. 1792. III, 118).

8. Въ «Словарѣ рус. свѣтскихъ писателей» М. Евгенія (М. 1845, II, 36) сказано только:

Лукинъ Владиміръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ. Его *собраніе сочиненій и переводовъ*, драматическихъ и другихъ, напечатано въ двухъ частяхъ, 1767 г. (sic), въ Спб.

9. Въ «Словарѣ дост. людей» *Бантыша-Каменскаго* (1847, III. 451) говорится, что Фонъ-Визинъ «испыталъ (1764) много непріятностей по службѣ, не отъ новаго начальника (Елагина), добраго, снисходительнаго, который ласкалъ Ф. В—на, отдавалъ ему полную справедливость, но отъ любимца его, секретаря Лукина, человѣка надменнаго, тяжелаго: послѣдній ненавидѣлъ Ф. В—на за нескромный отзывъ о его перѣ, и старался вредить ему».

10. «Владиміръ Лукинъ, драматическій писатель 1765 года», ст. *М. Н. Макарова*, напеч. въ Репертуарѣ и Пантеонѣ 1844 г. (VI, 459—481), до того интересна по нецеремонному извращенію фактовъ, что въ этомъ отношеніи она превзошла всѣ *изслѣдованія* г. Макарова. Онъ не только извращаетъ факты, но самъ присочиняетъ ихъ, *сочиняетъ* даже выписки изъ Лукина, приводя нѣкоторыя мѣста въ такомъ видѣ, что они не имѣютъ никакого сходства съ оригиналомъ. Замѣчательно, что М. называетъ Л—на Владиміромъ *Александровичемъ* или *Алексѣевичемъ* и при этомъ увѣряетъ, будто имѣлъ у себя копію съ его формуляра.

11. «Владиміръ Лукинъ» 2 статьи *А. Н. Пыпина*, помѣщенныя въ Отеч. Запискахъ 1853 г. (№ 8 и 9), *передѣланы* и пополнены для настоящаго изданія.

12. О Лукинѣ см. еще въ «Исторіи рус. словесности» *А. Д. Галахова* (Спб. 1863, I, 463—467) и въ *его-же* «Исторической Христоматіи (1863, I, 394).

13. Въ книгѣ: «Новиковъ и Московскіе Мартинисты», *М. Н. Лонгинова*, упоминается о Лукинѣ на стр. 28, 94, 96, 100, 221.

14. Въ книгѣ *Кн. П. А. Вяземскаго:* «Фонъ-Визинъ» (Спб. 1848).

15. Въ статьѣ г. *Стоюнина* о «Княжнинѣ», въ Библ. д. Чт. 1850 г. № 6.

16. Въ статьѣ г. *Шевырева* въ Москвитянинѣ 1851 г. № 3.

17. Въ «Сборникѣ русскаго историческаго общества». Т. 2-й. (Спб. 1868): Новые документы по дѣлу Новикова, сообщ. *А. Н. Поповымъ* (ср. стр. 145, гдѣ однако по типогр. погрѣшности Вл. Игн. Лукинъ названъ Вл. Ив. Луниным).

18. Въ «Allgemeines Handbuch der Freimaurerei.» *Leipzig*, Brockhaus. 1865—67. III, 613.

III. О Б. Е. ЕЛЬЧАНИНОВѢ.

Изъ сочиненій и переводовъ его дошли до насъ въ печати только слѣдующіе:

1. *Наказанная Вертопрашка*, комедія, въ одномъ дѣйствіи. (Эпигр. изъ Буало; мѣста и времени печ. не означено).—Въ 12 д. л., 90 стр. У Сопик. № 5466, у Смирд. № 7198, при чемъ у обоихъ имени автора не означено, но указано, будто пьеса напечатана въ Спб. въ 1767 г.

2. *Письмы отъ мистрисъ Фанни Буртледъ къ милорду Карлу Алфреду-де-Кайтомбриждъ*. Съ Французскаго языка переведенныя. Въ Спб. 1765 года.—Въ 12 д. л., 209 стр. У Сопик. № 8164, у Смирд. № 9180.

Для образца перевода приводимъ предисловіе:

Мис: Фаннія къ одному только читателю.

Естьли простой и нехитросплетенный слогъ, все достоинство писемъ сихъ составляющій, пріобрѣтетъ благоволеніе общества; естьли внезапный приведетъ тебя случай ихъ читать; естьли ты узнаешь выраженій того сердца, которое было тебѣ преданно; ежели нѣкоторыя черты приведутъ тебѣ на память чувствіе, тобой толикою неблагодарностію заплаченное; и когда ты вспомнишь, что ты былъ виднмъ столь нѣжной и страстной любови, то да не принудитъ тебя тщеславіе наименовать ту, которая столь суетно надѣялась на тебя. Храня тайну, докажи по крайней мѣрѣ, что ты не недостоинъ той искренной склонности, которую она къ тебѣ ощущала. *Не желаніе* явить свой разумъ побуждаетъ ее выдавать сіи письмы; но желаніе сохранить естьли возможно память страсти, которая составляла блаженство ея, которой начальныя пріятности еще въ умъ ея воображаются, и которой напоминовеніе ей всегда будетъ драгоцѣнно... Нѣтъ не страсть сія виною слезъ ея была, не она печаль съ горестію вліяла въ душу ея... Она тебя только винитъ за претерпѣнныя ею скорби; она только тебя творцомъ страданія своего почитаетъ... Любовь въ ней была источникомъ всѣхъ благъ; ты немилосердый! превратилъ ее въ ядъ!.. Она не любовь, но только тебя ненавидитъ.— Читателямъ мнѣ нѣчева сказать. Ежели я увеселю ихъ, то превзойду тѣмъ чаяніе свое; естьли же наведу скуку, то здѣлаю то, что ежедневно тысяща дѣлаетъ».

О Ельчаниновѣ мы имѣемъ слѣдующія указанія:

1. Въ «Извѣстіи» *Дмитревскаго* («Матеріалы» 1867, 139 и 155).

Богданъ Ельчаниновъ, капитанъ при шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, написалъ комедію: *Награжденная добродѣтель*, которая есть подражаніе «Шотландкѣ» Вольтера. Она очень хороша, и авторъ навѣрное всегда пользовался бы одобрѣніемъ публики, еслибъ въ пьесѣ его не было излишней изысканности. Героиня его какъ и у Вольтера, сирота, благородная, очень добродѣтельная, но нѣжность ея слишкомъ искусственна и часто впадаетъ въ слезливость. Остальные характеры хорошо схвачены и тщательно обработаны, такъ что Ельчаниновъ могъ бы поспорить съ подлинникомъ Вольтера. Еще лучше удалась ему другая пьеса, въ одномъ дѣйствіи, подъ заглавіемъ *Наказанная Вертопрашка*. Переводы его довольно хороши. Особенно понравились публикѣ переводы двухъ комедій Дидро: *le Fils naturel* и *le Père de famille*, и рѣчи его о драматическомъ искусствѣ.

2. Въ «Опытѣ словаря» Новикова («Матеріалы» 1867, 36—37): *Ельчаниновъ, Богданъ Егоровичъ*, Полковникъ и святаго Георгія Кавалеръ 4 класса. Сей сочинилъ двѣ комедіи; первая: *Награжденное Постоянство* *), а другая: *Наказанная Вертопрашка*, въ 1 дѣйст. Обѣ комедіи представлены были съ успѣхомъ на придворномъ Россійскомъ театрѣ, а послѣдняя и напечатана въ Спб. 1767 года, которыя знающими и безпристрастными людьми довольно похваляются. Онъ перевелъ съ великимъ успѣхомъ Дидеротовы комедіи *Чадолюбивый отецъ* и *Побочный сынъ*, также *письма Мистрисъ Фанни Бурт-ледъ къ милорду Карлу Алфреду*. По его склонности къ театру, превеликая была надежда видѣть и еще много сочиненныхъ имъ комедій; но къ великому сожалѣнію онъ убитъ при Браиловѣ во время непріятельской вылазки, 1769 года, сентября 20 дня; оказавъ прежде многіе опыты неустрашимости своей и храбрости. Смерть его, какъ искреннимъ друзьямъ, такъ и тѣмъ, которые только его знали, приключила печаль и сожалѣніе. Должно въ честь его сказать, что имѣлъ онъ довольно острый разумъ, немалое просвѣщеніе и пріятный нравъ; въ дружбѣ былъ вѣренъ, скроменъ и постояненъ; любилъ честь, добродѣтель и словесныя науки. Естьли-жъ можно было въ немъ что похулить, такъ ето было чрезмѣрное его чистосердечіе и излишняя довѣренность къ тѣмъ его друзьямъ, которые оказалися сего недостойными.

3. Въ «Драматическомъ Словарѣ» (1787), на стр. 86, указана пьеса: *Наказанная Вертопрашка*, съ означеніемъ, что она представлена 17 февраля 1767 года и напечатана въ томъ-же году въ Спб., но имени автора не означено. На стр. 159 указана и другая пьеса: «*Шотландка или вольной домъ*. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе извѣстнаго повсюду гремящаго автора г. Волтера, переведена на Россійскій языкъ... Представляется на Россійскихъ театрахъ многократно. Оная комедія много имѣетъ въ себѣ вкуса и расположенія театра».

4. Сохранился гравированный портретъ Ельчанинова, съ слѣд. подписями:

«Богданъ Егоровичь Ельчаниновъ. Полковникъ и Ордена святаго Георгія побѣдоносца Кавалеръ, родился 1744 Ноября 20, убитъ подъ городомъ Брайловымъ 1770 Года Октября 20 дня».

«Изданъ Ево другомъ Кабинета Секретаремъ Владимеромъ Лукинымъ».

«Писалъ Ф. Рокотовъ».

«Гравировалъ Д. Герасимовъ 1771 Года».

Съ этого оригинала сдѣлана гравюра, приложенная къ нынѣшнему изданію.

*) NB. Это заглавіе комедіи Лукина.

5. Въ «Словарѣ» *М. Евгенія* (1845, I, 226) сказано: *Ельчаниновъ Богданъ Егоровичъ*, Полковникъ и Кавалеръ. Онъ сочинилъ двѣ комедіи: 1) *Награжденное Постоянство;* 2) *Наказанная Вертопрашка*, въ 1 дѣйствіи, напеч. въ Спб., 1767 г. Обѣ онѣ представлены были на Россійскомъ придворномъ театрѣ съ успѣхомъ. Изъ переводовъ его извѣстны двѣ Дидеротовы комедіи: 1) *Чадолюбивый отецъ*, и 2) *Побочный сынъ*, обѣ напеч. въ Москвѣ 1758 г. (sic); а притомъ 3) *Письма Мистрисъ Фанни Буртледъ къ Милорду Карлу Алфреду*. Сей писатель убитъ 1769 г., сентября 20 дня, при Браиловѣ, во время непріятельской вылазки.

Мы не знаемъ напечатанныхъ въ 1758 г. переводовъ Ельчанинова и даже не нашли указаній въ каталогахъ. Вѣроятно м. Евгеній ошибочно указываетъ другіе переводы, вм. Ельчаниновскихъ; именно: *Побочный сынъ* переведенъ былъ *И. Яковлевымъ* и напеч. въ Москвѣ 1788 г., а *Чадолюбивый отецъ* перев. *Сергѣемъ Глѣбовымъ* и напеч. въ Спб. 1765. Есть также и напечатанный переводъ пьесы «Вольной домъ или Шотландка» (М. 1763), сдѣланный *Александромъ Протасовымъ*.

Уже по отпечатаніи тома, мы получили отъ *М. Д. Хмырова* свѣдѣнія о первоначальной службѣ Лукина, отысканныя г. Хмыровымъ въ артиллерійскомъ архивѣ, въ дѣлахъ генералъ-фельдцейхмейстера Вильбоа (№ 593, списки и репорты). Именно въ спискѣ аттестатномъ «фурштацкимъ штапъ (и) оберъ офицерамъ и сержантом о службе ихъ і достоинстве, за 1761 годъ,» въ числѣ подпоручиковъ, показанъ *Владимеръ Лукинъ*, о которомъ въ графахъ списка отмѣчено, что онъ отъ роду 20 лѣтъ (неточность, п. ч. Лукину тогда было 24 г.); изъ дворянъ; крестьянъ за отцомъ его 60 душъ; въ службу вступилъ въ 1752 г. въ Сенатъ *копеистомъ*, а потомъ (23 мая 1756 г.) Лейбъ-Компаніи копеистомъ же съ рангомъ полеваго сержанта; подпоручикомъ съ 1 января 1759 г. Въ графѣ о бытности въ походахъ и сраженіяхъ отмѣчено, что въ 1760 прибылъ въ Пруссію и въ 761 годахъ въ походѣ былъ. Въ слѣдующей графѣ, что грамотѣ, читать и писать по «росиски», нѣмецкому, французскому и «латынскому» языкамъ, такожъ ариѳметикѣ и геометріи знаетъ. Въ графахъ подсудности и отпусковъ отмѣчено «не бывалъ», и далѣе, что онъ состоитъ въ комплектѣ на настоящемъ окладѣ, при походномъ корпусѣ. Аттестація ближайшимъ начальствомъ дана общая (одобрительная) обо всѣхъ подпоручикахъ и съ нею «согласился» генералъ-поручикъ Голмеръ, командовавшій артиллеріею при арміи въ Пруссіи. Въ подобномъ же «спискѣ» за 1762 г. о Лукинѣ отмѣчено, что онъ «взятъ въ секретари къ Гетману», т. е. къ гр. К. Г. Разумовскому.

П. Е.

2519 042

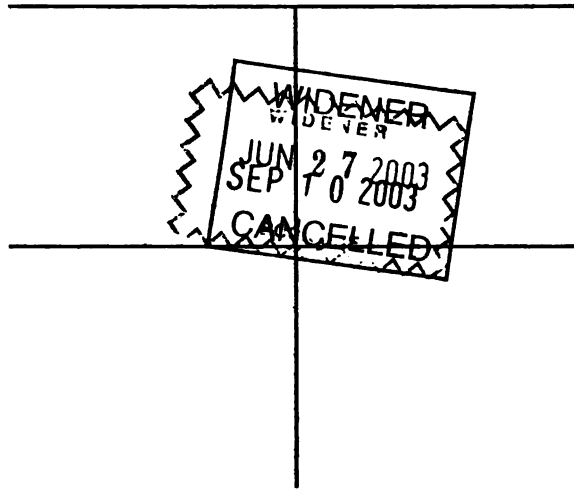
Из книг
А.В. Кокорева

3 2044 009 602 996

The borrower must return this item on or before the last date stamped below. If another user places a recall for this item, the borrower will be notified of the need for an earlier return.

Non-receipt of overdue notices does not exempt the borrower from overdue fines.

Harvard College Widener Library
Cambridge, MA 02138 617-495-2413



Please handle with care.
Thank you for helping to preserve library collections at Harvard.